

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ И ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Лемке

Томъ VII

1852—1854 гг.

(№№ 547—722)

Издание наследниковъ автора

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ И ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Лемке

ТОМЪ VІІ
1852—1854 гг.
(№№ 547 — 722)

Издание наследниковъ автора

Петроградъ.— 1917.

Оглавленіе.

1852.

№№	СТР.
*547. Письмо къ М. К. Рейхель	3
*548. Письмо къ Ж. Мишле.	4
*549. Письмо къ М. К. Рейхель	6
*550. То же	8
*551. То же	—
*552. То же	9
*553. То же	10
*554. То же	11
*555. Письмо къ Н. И. Сазонову	13
*556. Письмо къ М. К. Рейхель	15
*557. То же	17
*558. То же	18
*559. То же	—
*560. То же	19
*561. То же	20
*562. То же	21
*563. То же	23
*564. Письмо къ Эрнсту Гаугу.	24
*565. Письмо къ М. К. Рейхель	44
*566. То же	46
*567. То же	47
*568. То же	48
*569. То же	49
*570. То же	—
*571. То же	50
*572. То же	51
*573. Письмо къ Н. А. Герценъ	52
*574. То же	—

№№		СТР.
*575.	Письмо къ Н. А. Герценъ	52
**576.	Письмо къ ниццскому интенданту	53
*577.	Письмо къ М. К. Рейхель	54
*578.	Письмо къ Н. А. Герценъ	61
*579.	Письмо къ М. К. Рейхель	—
*580.	То же	62
*581.	Письмо къ Н. П. Огареву и Н. А. Тучковой	63
*582.	Письмо къ М. К. Рейхель	64
*583.	Письмо къ Н. А. Герценъ	—
*584.	То же	—
*585.	[Un appel aux frères de la démocratie].	65
	[Призывъ къ братьямъ-демократамъ]	66
*586.	Письмо къ М. К. Рейхель	84
*587.	Приписка къ Н. А. Герценъ	89
*588.	Письмо къ Рихарду Вагнеру	89
*589.	Письмо къ М. К. Рейхель	94
*590.	Письмо къ Гофштеттеру	100
*591.	Письмо къ Ж. Мишле	101
**592.	An die Redaktion „der Neuen Züricher Zeitung“	110
	Въ редакцію „Новой Цюрихской Газеты“	111
*593.	Письмо къ Н. А. Герценъ	119
*594.	Письмо къ А. А. Герцену	—
*595.	Надпись для Е. К. Станкевичъ	124
*596.	Письмо къ Ж. Мишле	—
*597.	Письмо къ М. К. Рейхель	125
*598.	Письмо къ Н. А. Герценъ	127
*599.	Письмо къ П.-Ж. Прудону	—
*600.	Письмо къ Н. А. Герценъ	140
*601.	Письмо къ М. К. Рейхель	141
**602.	Письмо къ Арнольду Руге	142
*603.	Письмо къ Н. А. Герценъ	145
*604.	Письмо къ Г. Мюллеру-Стрюбингу	—
*605.	Письмо къ Н. А. Герценъ	150
*606.	Письмо къ М. К. Рейхель	151
*607.	То же	152
*608.	То же	153
*609.	Письмо къ Н. А. Герценъ	154
*610.	Былое и думы. Братьямъ на Руси	154
*611.	Письмо къ М. К. Рейхель	156
*612.	То же	160
*613.	Письмо къ Н. А. Герценъ	163
*614.	То же	—
*615.	То же	164
*616.	То же	—

№№	СТР.
*617.	То же 164
*618.	Письмо къ Н. И. и Т. А. Астраковымъ 529
*618 bis.	Письмо къ Н. А. Герценъ

1853.

*619.	Письмо къ М. К. Рейхель	169
*620.	То же	—
*621.	Письмо къ А. и М. К. Рейхель.	171
*622.	То же	173
**623.	Письмо къ М. К. Рейхель	175
*624.	То же	176
*625.	То же	177
*626.	То же	—
**627.	То же	178
*628.	То же	179
*629.	Письмо къ Н. А. Герценъ	180
**630.	Письмо къ М. К. Рейхель	180
**631.	То же	182
*632.	То же	184
633.	Вольное русское книгопечатаніе въ Лондонѣ. Братьямъ на Руси.	186
*634.	Письмо къ М. К. Рейхель	189
*635.	То же	191
*636.	То же	193
*637.	То же	194
*638.	То же	195
*639.	То же	196
*640.	То же	199
*641.	То же	200
**642.	Письмо къ Карлу Фогту.	202
**643.	Письмо къ М. К. Рейхель	204
*644.	Письмо къ Н. А. Герценъ	207
*645.	Письмо къ М. К. Рейхель	—
**646.	То же	208
*647.	То же	210
*648.	То же	211
*649.	То же	212
*650.	Письмо къ Н. А. Герценъ	213
*651.	Письмо къ М. К. Рейхель	214
*652.	То же	215
**653.	То же	—
*654.	То же	216
*655.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	—

№№	СТР.
*656.	Письмо къ М. К. Рейхель 222
**657.	То же 224
*658.	То же 225
**659.	Въ редакцію „Польскаго Демократа“ 228
**660.	Письмо къ М. К. Рейхель 234
**661.	То же 236
**662.	То же —
**663.	То же 237
*664.	То же 239
*665.	То же 240
*666.	То же 241
**667.	То же 242
*668.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 244
**669.	Письмо къ М. К. Рейхель 245
*670.	То же 246
*671.	То же 247
672.	Юрьевъ день! Юрьевъ день! Русскому дворянству 248
673.	Поляки прощаютъ насъ! 255
*674.	Письмо къ М. К. Рейхель 261
*674bis.	Письмо къ М. К. Рейхель 529
675.	Крещеная собственность 263
*676.	Письмо къ А. Рейхелю 289
*677.	Письмо къ М. К. Рейхель 290
**678.	Предисловіе къ „Du développement des idées révolutionnaires en Russie“ 291
*679.	Письмо къ М. К. Рейхель —
*680.	То же 293
*681.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 294
**682.	Письмо къ Карлу Фогту 296
*683.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 299
*684.	Письмо къ М. К. Рейхель 300
**685.	То же 302
**686.	The Russian agent Bakunin. 303
	Русскій агентъ Бакунинъ 304
**687.	Письмо къ М. К. Рейхель 306
*688.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 308
*689.	Письмо къ М. К. Рейхель 311
**690.	Who is „F. M.“? 314
	Кто „F. M.“? 315
*691.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 317
**692.	Письмо къ М. К. Рейхель 320
*693.	Письмо къ М. Мейзенбургъ 321
**694.	Письмо къ М. К. Рейхель 322

№№	СТР.
*695. То же	323
*696. Письмо къ М. Мейзенбургъ	324
**697. Письмо къ М. К. Рейхель	325
*698. То же	326
**699. То же	—
*700. То же	327
*701. Приписка къ М. К. Рейхель	328
**702. Письмо къ Ж. Мишле	329
*703. Письмо къ М. К. Рейхель	332
**704. То же	336
*705. То же	337
**706. Russian Serfdom	339
Русское крѣпостничество	361
*707. Письмо къ М. К. Рейхель	388
**708. Письмо къ Ж. Мишле	392
*709. Письмо къ М. К. Рейхель	394
*710. То же	395
**711. XXIII годовщина польскаго возстанія въ Лондонѣ	395
*712. Письмо къ М. К. Рейхель	401
*713. Письмо къ М. К. Рейхель	402
*714. То же	—
*715. То же	403
*716. Письмо къ М. Мейзенбургъ	404
*717. Письмо къ М. К. Рейхель	—
*718. То же	405

1854.

719. Маріи Р...	409
720. Долгъ прежде всего. Повѣсть.	—
721. Мимоѣздомъ. Отрывокъ.	465
722. Поврежденный. Повѣсть.	468
Библиографическій комментарий.	489
Опечатки и дополненія	527

1852

547. Письмо къ М. К. Рейхель.

1 января 1852.

Я вчера уже думалъ, думалъ, что бы вамъ написать, и съ какимъ новымъ счастиемъ поздравить; началъ, было, да глупо.

Не хочу даже проклинать прошедшій годъ: я проклиналъ 49, я проклиналъ 50, для 51 это мало. Да, вотъ каковъ былъ годъ, что я, по совѣсти, нисколько не желаю видѣть 1 янв. 1853 года: все равно,—живъ, не живъ, и еще болѣе все равно—въ Америкѣ, въ Ниццѣ, въ Шлиссельбургѣ.

Fuimus ¹⁾ — были! Давайте-ка руку вы, послѣдняя могиканка нашего кружка, который свелся головъ на пять. Какъ вы встрѣтили новый годъ? а мы недурно. Наташа четвертый день въ постели, колотье и общее нервное разстройство, доходящее до *tic douloureux* ²⁾, грудь, глаза,—все болитъ. Это отданіе 16 ноября.

Объ Америкѣ мысль Рейхеля, можетъ, и дѣльная, но торопиться не надобно, погодите—и соберемтесь куда-нибудь вмѣстѣ. Здѣсь все еще тихо, но я думаю весною перебираться въ Швейцарію, а если война будетъ, то въ Брайтонъ.

Франкъ никакихъ книгъ мнѣ не посылалъ, что же это значить? да ужъ и брошюрку Мишле-то бы *sous bande* ³⁾. А я за ваше неоставленіе вамъ приготовилъ подарочекъ, только пришлю не ближе, какъ къ 1 февраля,—отгадайте.

Ну, и довольно. Я все не писалъ къ вамъ на траурной бумагѣ, но вы уже слишкомъ знаете, и черный ободокъ не прибавить.

¹⁾ Мы были.

²⁾ Сильная нервная боль мускуловъ лица.

³⁾ «Pologne et Russie»—подъ бандеролью.

Прощайте. Узнайте отъ Мел. ¹⁾, что сдѣлалось съ Вольфсономъ ²⁾; я ему послалъ рукопись въ октябрѣ ³⁾, письмо въ ноябрѣ,—ни слуха, ни духа. Пусть онъ требуетъ въ почтамтѣ.

Рейхеля и китаецъ ⁴⁾ поздравляю, особенно китаецъ, да не съ новымъ годомъ, а съ тѣмъ, что въ память... ⁵⁾ Прасковьи Андреевны ⁶⁾ къ Сянъ-лину и Маюкопу, онъ отростилъ хохоль. Это показываетъ, что у него семейныя чувства и уваженіе къ старшимъ развиты.

Ну что же ваши С. ⁷⁾ не ѣдутъ? Все еще боятся? А я жду изъ Россіи вѣстей; вотъ ужъ годъ прошелъ, а еще тамъ никого не сослали, не посадили на колъ, не повѣсили за мою брошюру ⁸⁾. Эдакъ, пожалуй, *страхъ-то не былъ основательный*. И врядъ не опаснѣ ли здѣсь писать, нежели тамъ даже не читать.

Нат. кланяется много.

Полковникъ ⁹⁾ поздравляетъ.

548. Письмо къ Ж. Мишле.

5 Janvier 1852.
Nice.

Monsieur, il y a une semaine que j'ai eu le plaisir de recevoir votre lettre du 25 décembre. Ne m'en voulez pas pour mon silence. Je n'avais rien à dire, digne d'être entendu par vous. Ma tête est vide, mon cœur commence à s'endurcir.

J'ai apporté assez de courage pour braver la vie, mais enfin mes épaules fléchissent, une lassitude indissoluble s'empare de moi. A peine je me sentais un peu soulagé des deux terribles catastrophes, desquelles l'une m'enleva ma mère et mon fils, et l'autre jeta le linceul d'un monde entier, pour couvrir les cercueils des miens qui s'effaçaient devant l'énormité du malheur universel—qu'un nouveau coup de foudre tombe sur ma tête.

¹⁾ Н. А. Мельгуновъ.

²⁾ Вильгельмъ, нѣмецкій драматургъ и журналистъ, родился въ Одессѣ.

³⁾ «Долгъ прежде всего».

⁴⁾ ?

⁵⁾ Слово не разобрано.

⁶⁾ Мать М. К. Рейхель (Эрнъ).

⁷⁾ Александръ Владиміровичъ и Елена Константиновна Станкевичъ.

⁸⁾ № 513.

⁹⁾ В. А. Энгельсонъ.

Ma femme indisposée depuis l'évènement du 16 novembre, est gravement malade d'une pleurésie. Je n'ai ni la force d'espérer, ni la force du désespoir. J'ai un seul devoir au monde—envers mes enfants, je me dévoue, tête baissée et maudissant la vie.

Pardonnez-moi de vous entretenir de mes souffrances. Vous en avez assez autour de vous.

Je vous remercie beaucoup pour les renseignements concernant le monument; je tiens fortement à cette idée, mais je ne puis rien dire pour le moment. Mes pensées sont incohérentes, je vous prierai la permission d'écrire sur ce sujet une autre fois.

J'ai déjà écrit, il y a deux ou trois semaines, pour avoir votre dernier ouvrage «Pologne et Russie», j'attendais l'exemplaire que vous avez eu l'amitié de me promettre, et je n'ai rien reçu encore...

Je vous serre bien affectueusement la main.

A. H.

Переводъ.

5 января 1852.

Ницца.

Недѣлю назадъ я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо отъ 25 декабря ¹⁾. Не будьте въ претензіи на меня за молчаніе. Мнѣ нечего было сказать, достойнаго вашего вниманія. Въ головѣ моей пустота, а сердце начинаетъ черствѣть.

Я нашелъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы бороться съ жизнью, но плечи мои, наконецъ, подаются, и мною овладѣваетъ невыразимое утомленіе. Едва я сталъ приходить въ себя послѣ двухъ ужасныхъ катастрофъ, изъ которыхъ одна отняла у меня мать и сына, а другая покрыла саваномъ цѣлаго міра гробницы близкихъ мнѣ людей, которыя также затмевались въ огромности мірового несчастія ²⁾, какъ меня поразилъ, точно молнія, новый ударъ.

Моя жена, захворавшая послѣ событія 16 ноября, теперь тяжело заболѣла—у нея плевритъ. Я не чувствую въ себѣ ни силы надѣяться, ни силы отчаянія. У меня остался одинъ лишь долгъ въ жизни — по отношенію къ моимъ дѣтямъ, и я, склонивъ голову, жертвую себя ему, проклиная жизнь.

Простите, что занимаю васъ своими страданіями, и вокругъ васъ ихъ довольно.

¹⁾ Не сохранилось.

²⁾ Рѣчь идетъ о государственномъ переворотѣ во Франціи 2 декабря 1851 г.

Очень благодаренъ вамъ за свѣдѣнія относительно памятника ¹⁾; я крѣпко держусь за эту мысль, но сейчасъ не могу ничего сказать. Мои мысли безсвязны, и я прошу у васъ позволенія написать объ этомъ въ другой разъ.

Двѣ или три недѣли уже я назадъ писалъ относительно вашей послѣдней работы «Россія и Польша», и ждалъ экземпляра, который вы дружески обѣщали, но до сихъ поръ ничего не получилъ...

Съ большою любовью жму вамъ руку.

А. Г.¹

◆◆ 1. 10 января Мишле отвѣчалъ Герцену: «Держите меня, если можете, въ курсѣ состоянія здоровья вашего и вашей жены: мое сердце съ вами. Я раненъ, но не мертвъ. Какъ бы я хотѣлъ, чтобы вы были здѣсь: я передалъ бы вамъ всю мою мысль. Болѣзнь вовсе не безнадежна. Не придавайте кризису слишкомъ большого значенія. Эту микстуру надо было проглотить. Онъ принялъ ее потому, что хотѣлъ выздороветь. Безъ этого сильнаго рвотнаго онъ навсегда остался бы прикованнымъ къ кровати, — это методъ доктора Разори, 500 гранъ рвотнаго... Лишь только оно подѣйствуетъ, а этого недолго ждать, онъ совершенно оправится». Боясь писать прямо о переворотѣ 2 декабря 1851 г., Мишле даже не подписалъ полностью своего имени, ограничившись начальною буквою (съ подлинника, хранящагося въ архивѣ семьи Герцена; переводъ заимствую у г. Гершензона изъ IV кн. «Былого» 1907 г., съ незначительными поправками).

549. Письмо къ М. К. Рейхель.

5 января (1852). Утро.

Я думаю или, лучше, спрашиваю: что же, будетъ всему этому конецъ или нѣтъ? И что судьба опрокинулась на меня? Неужели нѣтъ хуже людей на свѣтѣ? Поди, ищи тутъ справедливость. Rouge ou noir ²⁾, rouge — выигралъ, noir — проигралъ. Наконецъ, я хвастался силой, но не хочу больше имѣть ее.

¹⁾ Въ Герѣ.

²⁾ Красное или черное (рулетка).

Болѣзнь Наташи развилась въ злую плѣрези ¹⁾); вчера ставили пѣявки, сегодня пѣявки, даютъ опиумъ, чтобъ унять боль, хоть наружно. Между тѣмъ силы уходятъ, и что изъ всего этого будетъ, не знаю. Къ тому же оказывается, что 16 ноября пришло въ началѣ беременности. Все это вмѣстѣ, въ лучшемъ случаѣ, предполагаетъ нѣсколько мѣсяцевъ страданій, а тутъ еще, пожалуй, ѣхать отсюда. Ну, словомъ, чаша полна. Какъ Байронъ-то былъ правъ, говоря, что порядочный человѣкъ не живетъ больше 38 лѣтъ. Смолоду, сгоряча еще идетъ, а потомъ меньше да меньше сучьевъ, вѣтвей, листа—и къ зимѣ готовъ. Прощайте. Письмо это пойдетъ завтра, я еще припишу.

4 часа. Хуже, хуже, хуже.

6-е, вечеръ. Ну, еще два дня жизни. Довольно вамъ сказать, что полтора сутокъ не было никакой надежды. Бонфись и Фогтъ ²⁾ были безотлучно, послѣдній ночевалъ. Плѣрези развилась, — силъ нѣтъ. Лихорадка, какъ разумѣтся. Пѣявки и каломель побѣдили на первый случай, съ сегодняшняго вечера лучше.—Если эта чаша пройдетъ мимо, то послѣднее спасибо жизни. Я изнашиваюсь.

До какой степени слаба и измѣнилась Наташа, вы не можете представить: она не можетъ одна перевернуться.

Письмо мое идетъ завтра утромъ. Если не будетъ лучше, я его не пошлю. Стало, лучше, если вы получите.

Ваше письмо получилъ сегодня. Берите пиемонтскіе фонды или бельгійскіе $2\frac{1}{2}\%$, они довольно выгодны; впрочемъ, Шомбургъ знаетъ.

Прощайте.

Рейхелю и М. ³⁾ жму руку. Усталъ, усталъ, подамъ въ отставку изъ людей.

¹⁾ Плевритъ.

²⁾ Карлъ, извѣстный зоологъ и замѣчательный популяризаторъ естествознанія. Его попул. сочиненія имѣли громадный успѣхъ и въ Россіи, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Его отецъ—выдававшійся бернскій докторъ и профессоръ. Карлъ, также медикъ по образованію, былъ приглашенъ профессоромъ въ Гиссенскій университетъ въ бытность тамъ знаменитаго химика Либиха, съ которымъ онъ, между прочимъ, потомъ разошелся. Въ 1848 г. К. Фогтъ бросился на политическое поприще, какъ убѣжденный республиканецъ, и послѣ торжества реакціи эмигрировалъ въ Ниццу, гдѣ снова отдался наукѣ; тамъ, между прочимъ, онъ производилъ свои прекрасныя изслѣдованія морской фауны. Остроумный, обаятельный К. Фогтъ выдѣлялся еще, какъ серьезный, убѣжденный матеріалистъ.

³⁾ Мельгуновъ.

550. Письмо къ М. К. Рейхель.

9 января (1852). Утро.

Второй день безъ пароксизма, но лихорадка продолжается. Пота не было. Вообще все вмѣстѣ къ лучшему, если только слабость потомъ не одолѣеть. Можно надѣяться на жизнь столько же, сколько отъ 4 до 7 не было надежды. Замѣтите, что плѣрези въ лѣвомъ боку и легкою, т. е. возлѣ сердца.

Третьяго дня былъ день страшный. Теперь жизни мышья бѣготня и суета начинаетъ поднимать голову изъ-подъ савана. Вчера получилъ письмо отъ Шпильм. ¹⁾ друга: никакихъ вѣстей нѣтъ; стало, безъ сомнѣнiя, и онъ погибъ; я отправилъ матери 4.000 фр. Больше ничего. И усталъ, и скука, и какъ-то все становится пуще, пуще около... все уходитъ и, удаляясь, киваетъ головою, говоря:

Погоди немного,
Отдохнешь и ты. ²⁾

И это обманъ,—развѣ гнить значитъ отдыхать? рѣшительно человѣкъ не удался природѣ. Прощайте.

Что же à la fin des fins ³⁾, брошюрка Мишле существуетъ или нѣтъ? Франкъ-то мнѣ посылаетъ или нѣтъ?

9 часовъ вечера.

День прошелъ спокойно, и опасность очень уменьшилась. Остается ожидать транспираціи и быть осторожнымъ.

Послѣ завтра буду писать опять...

551. Письмо къ М. К. Рейхель.

11 января (1852). Вечеръ.

Хотя прямого кризиса не было, но болѣзнь, очевидно, уменьшается, и если ничего не помѣшаетъ снова, можно положительно надѣяться, но какая бережь надобна, и прошла ли такая болѣзнь безслѣдно!? Сколько силъ унесено!—Ну, словомъ, годъ этотъ удался...

¹⁾ Шпильмановскаго. т. е. друга погибшаго Шпильмана.

²⁾ Извѣстные сти: ете, въ переводѣ Лермонтова.

³⁾ Въ концѣ концовъ.

Письмо ваше получилъ, но портрета ¹⁾ еще нѣтъ. Сегодня рожденье бѣднаго Коли. Больше писать нечего, прощайте. Погода скверная, и на сердцѣ темь и усталъ.

Рейхелю жму руку.

10 часовъ вечера. Все идетъ хорошо. Нат. благодаритъ васъ очень за портретъ, который еще не получилъ.

552. Письмо къ М. К. Рейхель.

16 января 1852.

Ницца.

Портретъ Коли и письмо потомъ получили. Портретомъ, признаюсь, я не совсѣмъ доволенъ: присланный изъ Штутгардта лучше, но все же и Нат., и я благодаримъ очень.

Болѣзнь прошла опасный періодъ, но выздоровленіе медленно и тягостно; еще Нат. не можетъ ни приподняться, ни лечь на правый бокъ, лихорадка все продолжается, и поту еще не было. Слабость чрезвычайная. Сегодня три недѣли съ начала болѣзни и 12 дней съ воспаленія. Кромѣ нѣсколькихъ ложекъ бульона, она ничего не брала въ ротъ.

И я что-то старѣю, голова болитъ чаще и чаще ²⁾. Скука, такая тоска, что, наконецъ, еслибъ не дѣти, то и все равно, впереди ничего, кромѣ скитаній, болтовни и гибели за ничто. Еслибъ въ Москвѣ не было такъ безконечно глупо, проситься бы домой. Да, вѣдь, и туда свезешь же себя самого.

Finita la comedia ³⁾, матушка Марья Каспаровна. Укаталъ меня этотъ 1851 годъ. *Fuimus*—были.

Пришло письмо Тат. Ал. ⁴⁾; да что же, Егоръ-то Ивановичъ хочетъ отмолчаться? О, люди, люди! — А въ «Прессѣ» только и пишутъ, что объ Рейхелевыхъ обѣдняхъ; вы эдакъ не мѣтите ли въ питер. капеллу? вотъ протекція-то тогда ⁵⁾. Что *Мельун.*?

¹⁾ Коли.

²⁾ Я уже говорилъ, что Герценъ постоянно страдалъ очень сильными головными болями.

³⁾ Кончена комедія!

⁴⁾ Астракова.

⁵⁾ Рейхель писалъ духовную музыку. Герценъ мѣтитъ, что потомъ черезъ него переберется въ Россію.

Вечеръ.

Хоец. ¹⁾ просить васъ или Рейхеля побывать у М-me Lemoine насчетъ его малютки. Дѣло въ томъ, что онъ хочетъ знать, получила ли она большое письмо и можетъ ли она благонадежно послать деньги г. Беше ²⁾ въ Нантерръ, да, сверхъ того, онъ желаетъ знать, что маленькая, какъ тамъ содержится. Не гнѣвайтесь за комиссію: у всѣхъ, какъ видите, своя зазноба.

Прощайте.

553. Письмо къ М. К. Рейхель.

20 января (1852).

Все шло, было, довольно хорошо, но пластырь до того сталъ мучителенъ, что стали дѣлаться спазмы и нервные припадки. Не думаю, чтобъ это было очень опасно, но страданія страшныя. Сегодня всю ночь Н. не спала, къ утру сдѣлалась страшная слабость. И все еще нельзя ни повернуться, ни привстать,—три недѣли. Письмо Ваше и Татьяны Ал. получилъ. Вы пресмѣшныя: между прочимъ, толкуете о томъ, что я не забываю вамъ писать. Да сколько же насъ остается, старомосковцевъ, да и много ли новоприбывшихъ? Пустота около меня дѣлается со всякимъ днемъ страшнѣе. Есть добрые люди,—Богъ съ ними; есть умные—чортъ съ ними: тѣ недопечены, эти пережжены, и всѣ, почти всѣ готовы любить до тѣхъ поръ, пока не выйднѣ ненавидѣть. Я за васъ держусь не только изъ дружбы къ вамъ, а изъ трусости: ну, какъ и послѣдніе могикане,—Огар., Астр., вы—канете въ воду, а тутъ еще семья поуменьшится,—такъ эдакъ и останешься самъ-большой.

На запискѣ Луизы Ивановны находится 1.500 фр. Вѣрѣ Артамоновнѣ, о которыхъ я Егору Ивановичу писалъ. Но онъ не отвѣчаетъ; пожалуй, я ихъ черезъ васъ и Рот. ³⁾ пошлю на его имя. Даже предварительно вы можете ему написать, что я беру на себя всѣ потраченныя имъ для Луизы Ивановны деньги и что прошу особенно продолжать жалованье Вѣрѣ Арт.

¹⁾ Хоецкій.

²⁾ Въ семьѣ Беше воспитывалась дочь Хоецкаго.

³⁾ Ротшильдъ.

Я вамъ очень не совѣтую деньги брать ни у Бѣл. ¹⁾, ни у Ог. ²⁾, лишь бы знать, что онѣ у нихъ: по 8 проц. вы здѣсь не найдете помѣщене, и если года два и задержать, я ручаюсь за уплату.

21-е. Сегодня ночь прошла хорошо, и можно надѣяться значительнаго улучшенія. Прощайте. Завтра или послѣзавтра пошлю обѣщанный подарокъ, который пригодится снаружи для васъ и снутри для Саши ³⁾. Рейхелю поклонъ.

554. Письмо къ М. К. Рейхель.

2 февраля 1852.
Ницца.

Пожалуйста, вы не укладываете Вашихъ чемодановъ и не ѣздите ни въ Гогенъ-Кукерлингъ, ни въ Унтеръ-Лаубъ-Цагель ⁴⁾ безъ моего позволенія. Вотъ: посади-ка свинью за столъ, а она и ноги на столъ. Я вамъ не даю позволенія уѣзжать изъ Парижа (безъ моей визы) надолго. А именно, я сперва хочу знать, поѣду ли я въ Пекинъ или Каиръ, буду ли сидѣть на креслахъ отца (это намекъ на *père la chaise*) ⁵⁾ или на скамейкѣ матери (это дальнія апроши къ намеку на *M-me Galère*) ⁶⁾ и еще болѣе хочу знать, что Вы и Рейхель можете по первому свисту ѣхать, если не коннѣ, то къ дѣтямъ? Дѣло въ томъ, что послѣ 16 ноября и начала января я убѣдился, что въ прописяхъ очень дѣльно замѣчено, что «всѣ люди смертны», при чемъ прибавлено: «но Кай человѣкъ; слѣдственно, Кай смертный». Вы можете сомнѣваться, что я Кай; но что я человѣкъ,—трудно, ибо звѣри не курятъ и не пьютъ водку. Чередъ, кажется, за мной; это не мѣшаетъ мнѣ прожить лѣтъ полтора, но я русскаго «авось» начинаю не любить. Во всей Европѣ (и Австрали) у меня нѣтъ человѣка, къ которому бы

¹⁾ Бѣляевъ, вятскій купецъ.

²⁾ Огаревъ.

³⁾ Сынъ Рейхелей.

⁴⁾ Вѣроятно, пародія на сложныя и вычурныя нѣмецкія названія деревень и дачъ. Здѣсь выходитъ нѣчто въ родѣ: «Верхнее Кукушечкино» и «Нижнее Листоверхушкино».

⁵⁾ Игра словъ: *père la chaise* (отецъ-стулъ) звучитъ, какъ *Père-Lachaise*—извѣстное кладбище въ Парижѣ.

⁶⁾ Также игра словъ, но болѣе сложная, связывающая «скамейку матери» со «скамьею на морѣ» или «галерами», т. е. съ возможностью каторги.

я имѣлъ болѣе довѣрія, какъ вы (оттого, собственно, я вамъ ничего и не довѣрялъ). Огаревъ въ Россіи, и Вы здѣсь. Но вы, въ качествѣ женщины, мало можете сдѣлать; въ дружбѣ и высокой чести Рейхеля я отроду не сомнѣвался, и потому, *considérant cela et autre chose* ¹⁾,

Читайте вмѣстѣ:

Cher Reichel. Vous êtes un des hommes les plus purs que je connaisse; vous m'aimez comme un homme, lié depuis l'enfance avec Marie, et vous ne me refuserez pas un service que je vous demanderai.

Vous avez une preuve de l'état maladif de ma femme.

Moi, je peux mourir d'un coup d'apoplexie—ou d'un coup d'état. Que feront les enfants? On gaspillera le bien, on négligera les soins. J'ai des amis excellents—mais ils ne peuvent pas rester près de mes enfants. Prenant tout cela en considération, je veux vous nommer un de mes exécuteurs testamentaires et membre de la tutelle sur mes enfants. (Tout à fait comme le président).

Je vous enverrai des instructions détaillées. Je désire que Marie ait une influence très grande sur l'éducation, et vous—sur la gestion des biens.

Comme tout cela ensemble peut vous prendre beaucoup de temps, vous n'aurez rien contre une rémunération de ma part.

Pour le coup, vous aurez pour collègues:

tuteurs	{	Sasonoff
		Engelson
Seul exécuteur	{	J. Schaller de Fribourg
		Bonifils D-r.

et vous direz que j'ai agi en bon père.

*Je finis le testament par un calembour—Muth der Consequenz. Mais ne partez pas, ou allez seul, de Paris *avant l'automne* ²⁾.*

A. Herzen.

¹⁾ Принявъ во вниманіе это и еще другое.

²⁾ Дорогой Рейхель. Вы—одинъ изъ самыхъ чистыхъ людей, которыхъ я только знаю; вы меня любите, какъ человѣка, который былъ близокъ къ Маріи съ ея дѣтства, и не откажете въ одолженіи, которое я у васъ прошу.

Вамъ достовѣрно извѣстно болѣзненное состояніе моей жены.

Что же касается меня, то и я могу умереть отъ апоплексическаго удара или отъ государственнаго переворота ³⁾. Что будутъ дѣлать дѣти?

³⁾ Буквально: отъ удара апоплексическаго или государственнаго.

555. Письмо къ Н. И. Сазонову.¹

15 февраля 1852.

Переписываю тебѣ письмо самъ, потому что моя жена не можетъ долго писать: она не покидаетъ еще постели.

Письмо это было переписано, когда я получилъ твой отвѣтъ. Я, было, призадумался, посылать или нѣтъ. Если ты не вѣришь мнѣ, если тебѣ хочется защититъ этого негодяя, дѣлай, какъ знаешь, и не бери моей стороны. Но такъ какъ я не хотѣлъ бы лишиться твоей помощи, то въ послѣдній разъ скажу тебѣ, въ чемъ дѣло. Ни истинной высокой страсти, ни безумья я не вижу, а вижу зависть, досаду и дерзость. До страсти мнѣ нѣтъ дѣла. Вопросъ проще: держу ли я *насилъно, интимидациями* ¹⁾, натягиваніями, угониваніями женщину или нѣтъ? Гдѣ доказательства, гдѣ ея обѣщанія, желаніе уйти? Совсѣмъ напротивъ: женщина, по несчастью, увлекшаяся, хочетъ остановиться,—ей не позволяютъ и, потерявъ всякую надежду, лѣзутъ на дуэль и позорятъ ее направо и налево. Если ты сомнѣваешься, что человѣкъ, дѣлающій циническій доносъ

Растратятъ ихъ имущество, будутъ пренебрегать заботами о нихъ. У меня есть отличные друзья, но они не могутъ оставаться при моихъ дѣтяхъ. Принимая все это во вниманіе, я хочу назначить васъ однимъ изъ моихъ душеприказчиковъ и членомъ опеки надъ моими дѣтьми (совсѣмъ, какъ президентъ!) ⁰⁾.

Я вамъ пришлю подробныя инструкціи. Я желаю, чтобы Марія имѣла большое вліяніе на воспитаніе дѣтей, а вы—на управленіе имуществомъ.

Такъ какъ все это вмѣстѣ можетъ занять у васъ много времени, то вы ничего не будете имѣть противъ вознагражденія, которое я назначу.

На этотъ разъ вы будете имѣть сотоварищами:

Опекуны	{	Сазоновъ
		Энгельсонъ

Единственный душеприказчикъ—Шалеръ изъ Фрейбурга, вмѣстѣ съ докторомъ Бонфисомъ.

И вы должны будете сказать, что я поступаю, какъ *хорошій отецъ*.

Я кончаю свое завѣщаніе каламбуромъ ⁰⁰⁾,—мужество послѣдствія.

Но не уѣзжайте изъ Парижа *до осени*, или поѣзжайте одинъ.

А. Герценъ.

¹⁾ Intimidation—запугиваніе.

⁰⁾ Намекъ на Людовика-Наполеона, какъ президента второй республики.

⁰⁰⁾ Нужно сопоставить фамилію Бонфисъ (звучитъ, какъ bon fils—«хорошій сынъ») съ концомъ слѣдующей фразы: «какъ добрый отецъ».

и хвастающійся такимъ дѣломъ, — мерзавецъ, считай меня мерзавцемъ. Онъ хочеть отравить всю мою семейную жизнь, но я предостерегся; онъ одного не предполагалъ, именно, что я готовъ не стрѣляться съ подлецомъ, а дать публичность всему дѣлу. Я слишкомъ чистъ, чтобъ мнѣ бояться всякаго суда; жена моя, разъ раскаявшись, готова на всякія покаянія.

16-го вечера. Отвѣчай скорѣе.

◆◆ 1. Передъ этимъ Герценъ получилъ слѣдующее письмо Н. И. Сазонова отъ 3 февраля:

«Отвѣчаю немедленно: я въ твоёмъ распоряженіи. Дратъся съ Гервегомъ тебѣ не слѣдуетъ, и я не позволю. Онъ поступаетъ, какъ безумный, а ты правъ во всемъ, кромѣ одного. Извини, я долженъ говорить тебѣ то, что считаю правдой; разумѣется, это я говорю *тебѣ*, а никогда никому не повторю. Мнѣ кажется, ты жену держишь съ собой насильно, то есть, насильно, разумѣется, не матеріальными средствами, а убѣждениями, угрозами, однимъ словомъ, нравственнымъ принужденіемъ. Быть можетъ, я ошибаюсь, но если я правъ, то умоляю тебя переменить свой планъ. Принужденіе, матеріальное или нравственное, въ этомъ случаѣ ничѣмъ не оправдывается, — ни дѣтскими, ни собственнымъ достоинствомъ.

«Ты и дѣтямъ и самому себѣ повредишь больше упрямствомъ, нежели великодушной уступкой. Напрасно ты не оставилъ пока письмо Гервега подъ спудомъ, но такъ какъ оно сдѣлалось извѣстнымъ, то, разумѣется, надо, чтобы право и правда остались на твоей сторонѣ. Прилагаю записку, которую ты можешь показать, кому слѣдуетъ. Зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ, гдѣ Гер.? Но, несмотря на это, я напишу къ нему въ Zürich, обругаю на чемъ свѣтъ стоитъ и, если возможно, то образумлю. Ты мнѣ пиши безъ отсрочки; если нужно, я приѣду, а пока позабочусь достать пассъ. Полагайся на меня, какъ на брата, и откровенность мою прими, какъ доказательство истинной дружбы. Правъ ты или неправъ въ своемъ одурѣніи, я, все-таки, съ тобой до конца. У Рейхеля нѣтъ денегъ. Онъ мнѣ далъ 150 fr.; не знаю, какъ быть; пришли поскорѣе триста пятьдесятъ, — это долгъ, который отъ меня требуютъ».

Герценъ показалъ это письмо Н. А — нѣ, и она, несмотря на болѣзнь, рѣшила сама написать другу мужа.

Послѣ приводимаго ниже ея письма отъ 15 февраля, Герценъ приписалъ на немъ первыя двѣ строки, потомъ своей рукой переписалъ французское письмо Н. А — ны къ Гервегу, которое помѣщено мною при V части «Былого и думъ», и послѣ этого написалъ все остальное свое письмо.

«Я желаю, Николай Ивановичъ, васъ, какъ и всѣхъ, принимающихъ живое участіе въ моемъ мужѣ, вывести изъ заблужденія насчетъ нашего отношенія съ нимъ.

«Александръ спишетъ для васъ копію съ письма, которое я написала и отправлю завтра. Вы увидите изъ него, что я не имѣю нужды въ великодушій моего мужа въ томъ смыслѣ, какъ вы его понимаете.

«Хоть я для васъ остаюсь и останусь, вѣроятно, навсегда такою же незнакомой, какъ и прежде, но, какъ женщина, пришедшая въ себя послѣ безумнаго увлеченія, и какъ жена вашего друга, я прошу васъ соединиться съ нимъ и защитить меня отъ моего врага. *Н. Герценъ*».

556. Письмо къ М. К. Рейхель.

18 февраля 52.

ОТВѢЧАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО.

Вмѣсто длиннаго письма отъ меня, любезная Марья Каспаровна, вотъ Вамъ письмо, которое объяснитъ все. Да, эта женщина встала съ двойнымъ ореоломъ: я больше, нежели прежде, гордъ ею и собою. Но поймите, отчего я молчалъ. Такіе процессы продѣляются не легко. Я мечталъ, что *тайна* останется между нами. Я ошибался. Зачѣмъ мнѣ тайна? я смѣло иду рука въ руку съ моей женой и смѣло говорю: виновата ли она, что нашелся чловѣкъ, который ничего не нашель въ груди своей, что бы остановило его употребить дружбу средствомъ? Да, она была не *infaillible* ¹⁾, но вотъ ровъ, раздѣляющій высокія натуры отъ пошлыхъ. Она встала выше *Раскаяніемъ*. Мы, какъ говоритъ Энгелъ,—саламандры, прошедшія огнемъ. Кстати, Энгелъ. страшно много сдѣлалъ для меня.

Итакъ, Вашу руку. Я могъ имѣть минуты слабости, но я живучъ. Вы, кажется, начали меня оплакивать, а я, видите, возсталъ изъ гроба. Буду писать потомъ больше. Прочтите все это Мельгунъ, пожалуй, Саз. Энгелъ. переписалъ вамъ свой отвѣтъ и письмо ²⁾. Какъ бы въ Россію не дошелъ вздоръ.¹

◆◆ 1. Вотъ приложенное письмо Н. А—ны, написанное частью рукою Герцена, частью ею самою:

¹⁾ Непогрѣшила.

²⁾ Отвѣтъ Энгельсона Гервегу см. при V части «Былого и думъ».

«Ницца, 18 февраля 1852. Машенька, вотъ уже нѣсколько дней меня мучаетъ то, что я не могу собрать довольно силъ написать тебѣ письмо-исповѣдь. Я не хочу ни съ кѣмъ быть въ ложномъ отношеніи, не только съ тобою, — по многому однимъ изъ самыхъ близкихъ существъ мнѣ и всей семьѣ моей. Прежде это не мучило меня и въ голову не приходило, потому что оно для меня было совершенно прошедшее, выстраданное, выболѣвшее и отболѣвшее, потому что я готова была, желала выйти передъ всѣмъ свѣтомъ и сказать съ гордостью: «Да, увлеченье мое было безумно (кто знаетъ меня, тотъ знаетъ, что мнѣ увлечься не легко), испытаніе велико, но я вышла изъ него закаленная, съ большею силой, съ большею вѣрой въ себя и во все святое, истинное, завѣтное. Тотъ, кто велъ меня съ дѣтства, кто далъ мнѣ жизнь, кѣмъ я жила, — я достойнѣе его теперь, чѣмъ когда-либо». Но сказать этого всему свѣту я не могла и была увѣрена, что оно останется въ тайнѣ навѣки. Вышло не такъ; тутъ мнѣ надобно рассказать нѣсколько фактовъ для объясненія. Послѣ того, какъ я открыла все Алекс., Г. необходимо было немедленно оставить нашъ домъ. Я не могла оттолкнуть человѣка безчеловѣчно, я хотѣла объясниться и разстаться достойнымъ образомъ. А. былъ согласенъ со мною. Но тамъ оскорбленное самолюбіе поглотило все человѣческое. Послѣ отъѣзда, начались требованія примирить ихъ, устроить непременно возвращеніе въ домъ; не успѣвая въ этомъ, — требованія оставить А., хоть черезъ долгое время, хоть дать тѣнь надежды на это, обѣщая тогда замолчать, исчезнуть. Я не говорю о томъ, было ли для меня когда въ возможности хоть подумать дать кому-нибудь это обо мнѣ, не только обѣщать исполнить, — видящіе да видятъ. Мщеніе возросло неистовымъ образомъ; ни малѣйшаго слѣда никакого другого чувства; пошли страшныя угрозы: публичность, смертоубійство, наконецъ, клятвы вынудить во что бы ни стало Ал. убить его, клятвы не остановиться ни передъ какимъ преступленіемъ для того, чтобъ меня, «обманутую, потерянную, спасти противъ моей воли». Никакія просьбы съ моей стороны не могли остановить эту бесплодную, безумную, страшную переписку (въ которой я увидѣла такую черноту, грязь, что не вѣрила своимъ глазамъ). Самое обѣщаніе, данное съ согласія Ал., увидѣться черезъ годъ, ничего *не сдѣлало*. Въ сентяб. или октяб. я сказала, наконецъ, что не пишу болѣе, что не приму больше писемъ; но отосланныя письма возвращались по десяти разъ, я жгла ихъ потомъ, не читая, и думала (опять безуміе), что все кончено; начала успокаиваться, жить обновленною жизнью, стала сама свѣжѣе, — до ноября мѣс. Несчастіе наше сплавило насъ съ Ал. еще болѣе, мы

терялись другъ въ другѣ, помогая нести другъ другу невыносимое, но сила моя сломилась, я была полуживая, потомъ болѣзнь. «Скажите по совѣсти, есть ли 24 часа жизни?»—спр. А. доктора.—«Я отвѣчаю за четыре дня», — отвѣч. тотъ. Вслѣдъ за этимъ письмо къ Ал. съ оскорбленіями ему, съ доносами на меня, съ страшнѣйшими клеветами. Онъ Александра оклев. передъ тѣмъ такъ, что онъ насильно меня держитъ и тиранитъ. Я узнала это едва воскресающая... Гигантская сила явилась во мнѣ для защиты его, его — моего Александра, — и вотъ я передъ всѣмъ свѣтомъ, какъ желала.

«Мнѣ больно только, что до тебя дойдетъ мой голосъ послѣ многихъ чужихъ. Прощай. Устала. Твоя душа—мѣра въ судѣ; что до меня касается, несмотря, каковъ онъ, до гроба та же, твоя...
Н. Герценъ».

557. Письмо къ М. К. Рейхель.

20 февраля (1852).
Ницца.

У меня точно большой, тяжелый камень свалился съ груди тѣмъ, что вы теперь черезъ насъ знаете страшную исторію, которая чуть не сгубила насъ. Я переболѣлъ эту эпоху и, разумѣется, по самому этому закалился. Что теперь можетъ быть, — это не внутреннее, это *физическое* окончаніе; оно можетъ быть губительно, но только физически. Впрочемъ, все *humainement possible* ¹⁾ я сдѣлаю, чтобъ и этого не было. Мое положеніе такъ безусловно чисто, что нѣтъ въ мірѣ *jury d'honneur* ²⁾, которое не было бы съ моей стороны.

Словомъ, я началъ дѣйствовать—*c'est le réveil du lion* ³⁾—такой злодѣйской безнравственности я не ждалъ; на нѣсколько времени это пришибло меня.

Прилагаю записочку въ Россію, отошлите ее съ Сабур. ⁴⁾ вмѣсто той, которую я далъ. А не съ Саб., такъ съ кѣмъ-нибудь. Писалъ ли Мельгун., и кому прежде, или вы?—мнѣ все это надобно знать.

Мантилья сегодня пріѣхала. Благодаримъ.
Прощайте. Жму руку Рейхелю.

¹⁾ Человѣчески возможное.

²⁾ Судъ чести.

³⁾ Это—пробужденіе льва.

⁴⁾ Сабуровъ.

558. Письмо къ М. К. Рейхель.

26 февраля (1852).

Ожидая отъ васъ письма, начинаю грамотку—и опять, и опять порученія. Первое,—вотъ Вамъ два письма: одно къ Натальѣ Алекс. ¹⁾, другое къ Татьянѣ Алекс. ²⁾; если была бы возможность ихъ послать съ оказіей, было бы лучше, но можно и по почтѣ. Только я бы совѣтовалъ послать къ Нат. Алекс. черезъ Юлію Богдановну ³⁾, потому что черезъ Астракову слишкомъ часто посылали. Письмо же къ Тат. Алекс. можно послать позже. 2-е. При случаѣ отошлите прилагаемое письмо къ Ник. Ив. ⁴⁾),—я потерялъ его адресъ; что онъ не дасть еще разъ, а то Рейхелю не весело ѣздить съ моими писульками. 3-е. Скажите Мельгунову, чтобы непременно прислалъ въ письмѣ шведскую мелодію, которую онъ пѣлъ, — я по ней боленъ. 4-го нѣтъ,

а и письма нѣтъ. Что же вы замолкли?

559. Письмо къ М. К. Рейхель.

1 марта (1852).

Насчетъ маленькой Хоецкой надобно что-нибудь сдѣлать; я напишу объ этомъ на особомъ листѣ у него. Онъ идетъ сегодня къ Кошуту ⁵⁾ потолковать. А вотъ у меня какая явилась мысль: хочу попробовать поѣхать въ Бельгію, но для этого надобно бы проѣздъ имѣть черезъ Францію и Парижъ. Рейхель, кабы, будучи на улицѣ Лафитъ, зашелъ къ Шомб. ⁶⁾ и спросилъ бы его, какъ это сдѣлать.

¹⁾ Тучкова.

²⁾ Астракова.

³⁾ Мюльгаузенъ.

⁴⁾ Сазоновъ.

⁵⁾ Людвигъ, знаменитый предводитель венгерскаго возстанія 1848 г.

⁶⁾ Шомбургъ.

560. Письмо къ М. К. Рейхель.

6 марта (1852).

Ну, что концертъ? И что всѣ дѣла по части маленькой Х. ¹⁾? Вотъ бы Стан. ²⁾ ее сюда привезти; онъ бы и самъ съѣздилъ за нею, да здѣшняя трагикомедія остановила. Негодяй этотъ ³⁾ написалъ Эн. ⁴⁾ отвѣтъ, — трудно себѣ представить такое совершенное отсутствіе всякаго подозрѣнія нравственнаго чувства или совѣсти. Во-первыхъ, онъ ему говоритъ, что письмо его слишкомъ длинно (вы помните, оно въ нѣсколько строкъ), ничего не говоритъ насчетъ обвиненія въ безуміи и насчетъ презрѣнія съ моей стороны. Отводитъ всѣхъ свидѣтелей (какъ будто бываютъ дуэли безъ свидѣтелей) и требуетъ встрѣчу со мной à huis clos ⁵⁾. Мы ничего не будемъ отвѣчать. Онъ говоритъ, что приложенное письмо ⁶⁾ онъ не читалъ, и заключаетъ, что въ мірѣ нѣтъ человѣка, достойнаго его понять. Пусть пріѣдетъ, тутъ увидимъ, что и какъ. Его супруга вздумала мнѣ прислать по городской почтѣ какой-то пакетъ съ тремя печатами, но я подписалъ своей рукой: «refusé» ⁷⁾ и не взялъ изъ почтоваго бюро. Это холодное презрѣніе и молчаніе сводитъ мѣщанъ съ ума. А proros, онъ пишетъ, что я разглашалъ всю эту исторію, а что онъ скорѣе умретъ, нежели кому-либо скажетъ слово. Was sagen Sie dazu? ⁸⁾ На первый случай бояться нечего; впрочемъ, у меня въ столѣ лежитъ пистолетъ на случай визита, и я не выхожу безъ оружія на улицу. Думаю, впрочемъ, что далѣе руки не пойдетъ, но клеветъ и гнусностей будетъ много. Что вы глухо пишете о вашихъ слухахъ? Колач. ⁹⁾, что ли ими снабжаетъ? Мельг. могъ бы ему раскрыть глаза; а proros, отчего же онъ не пишетъ?

Вечеръ. Хоец. получилъ письмо: Беше не отдастъ маленькую. Нельзя ли милостиво дать знать M-me Lemoine, что Хоец. готовъ вести процессъ и что въ его распоряженіи будетъ хоть 5.000 франк.,

1) Хоецкая.

2) Станкевичи.

3) Г. Гервегъ.

4) В. Энгельсонъ.

5) При закрытыхъ дверяхъ.

6) Н. А—ны.

7) Отказано (въ принятіи).

8) Что скажете вы на это?

9) Колачекъ.

если понадобится; à la longue дитя все же отдадутъ; это не мѣшало бы до свѣдѣнія Mat., rue Mazarine 40 ou 42, chez M-me Aligre. ¹⁾ Вы не сердитесь за всѣ сии докуки.

За ваше послѣднее письмо благодарю; письмами Саз. я доволенъ (это между нами): онъ трактуетъ совершенно поверхностно и хочетъ отстранить дуэль, которой, вѣроятно, и не будетъ, ибо тотъ господинъ только этимъ и хочетъ реабилитироваться, а я не боюсь торжественно отказать; если моя честь зависитъ послѣ 25-лѣтней публичной жизни отъ такого мерзавца, я хочу быть обезпеченъ. Н. хотѣла вамъ писать завтра, но я посылаю письмо для дѣла X. сегодня. Вексель Вѣрѣ Ар. пришлю, да нельзя ли Вамъ черезъ кого намекнуть Сатину, чтобы онъ отдалъ Егор. Ив. 5.000 фр., изъ коихъ 4 Петрушѣ ²⁾ и 1 Аксин. Иван. ³⁾. Они мнѣ должны бездну процентовъ,—могутъ же съ Павловымъ заплатить разъ. Хочу оставить въ концѣ апрѣля Ниццу и испытать передъ Англіей Бельгію. Для этого здѣшній новый консуль, Аладенись, послалъ третьяго дня представленіе; нѣтъ ли у Бернацкаго знакомыхъ (т. е., чтобы дали пропускъ по Франціи) или у Шомшильда ⁴⁾?

Засимъ прощайте. Буду скоро опять писать.

561. Приписка къ М. К. Рейхель.

14 марта 1852.

Вы видите, что дѣло не такъ, какъ вы думаете. Будьте же такъ добры написать и, если что можно, сдѣлайте.

Всѣ въ восхищеніи отъ успѣха концерта. Мельг. мнѣ писалъ объ немъ. Жму руку Рейхелю.

Согро ді Вассо ⁵⁾, когда же сойдетъ покой на главы наши или ужъ съ землей...

¹⁾ Хорошо, еслибъ прудонецъ ⁰⁾ повидался съ какимъ-нибудь министромъ и представилъ бы ему дѣло, какъ оно есть.—А. И. Г.

²⁾ П. А. Захарьинъ.

³⁾ К. И. Захарьина.

⁴⁾ Шутка, повторяющаяся нѣсколько разъ и дальше: взяты начало фамилии *Шомбургъ* и конецъ отъ *Ротшильдъ*.

⁵⁾ Итальянское восклицаніе—буквально «Тѣло Вакха!»,—аналогичное по смыслу русскому: «Чортъ побери!»

Тяжела шапка Мономаха!—Скажите Мельг., чтобъ онъ хорошенько потолковалъ съ Кол. ¹⁾, если считаетъ нужнымъ.

Не послать ли вамъ къ M-me Lemoine, чтобъ она узнала, Мат. въ Парижѣ ли?

Пишите отвѣтъ, не лѣнясь.

562. Письмо къ М. К. Рейхель.

17 марта (1852).

Сегодня 4 мѣсяца послѣ 16 ноября.

Неутомимѣйшій изъ корреспондентовъ, я опять за перомъ.

Вчера X. ²⁾ получилъ письмо отъ M-me Lemoine; она пишетъ, что Беше, услышавъ о томъ, что у X. есть деньги, между прочимъ, сказалъ: «пусть сдѣлаетъ соммацію (une sommation légale) ³⁾, то я и отдамъ». Изъ этого мнѣ кажется, что если ему предложить фр. 500—1.000, то онъ устроить хорошо; я охотно дамъ на это, но только надобно сдѣлать осторожно и сначала болѣе 500 не давать, т. е. не предлагать, потому, во-первыхъ, что онъ вдвое запросить, потому еще, что въ такомъ случаѣ процессъ не можетъ стоить дороже.

Вчера получилъ я изъ Парижа проектъ надгробнаго памятника, заказаннаго Мишле; вы можете проектъ этотъ видѣть, сходявши отъ меня въ улицу Rue Madame, № 26, chez m. Auguste Préault, statuaire.

Я ему пишу сегодня отвѣтъ: фигура и колонна хороши. Но вотъ мое замѣчаніе: «Votre idée est pleine de cette beauté triste et lugubre qui fait tant souffrir l'homme dans l'ancienne tragédie par la fatalité—car, au fond, la douleur n'est que la conscience d'une lutte terminée de l'homme vaincu, de la démence cosmique triomphante. Mais il y a encore un fait que je voudrais y ajouter: un enfant qui tend ses petites mains, demandant du secours — et la douleur n'ayant que des larmes et couverte, comme elle est chez vous, ne s'apercevant même pas de l'enfant. Cela serait *l'individualisation*, la spécification du monument ⁴⁾. Вы ему можете рассказать всю исторію и о Шпильманѣ;

¹⁾ Колачекъ.

²⁾ Хоецкій.

³⁾ Юридически-формальное требованіе.

⁴⁾ «Ваша идея полна той печальной и мрачной красоты, которая въ классической трагедіи заставляетъ человѣка такъ сильно страдать отъ вѣлній рока, ибо, въ сущности, скорбь—не что иное, какъ сознание побѣжден-

нельзя ли барельефъ прибавить, или медальонъ сзади? Памятникъ я еще не закажу тотчасъ: мѣсто не выбралъ; можетъ, поставлю его въ будущемъ саду нашемъ, гдѣ? Но проектъ надобно отдѣлать въ головѣ и на бумагѣ à tête reposée ¹⁾. Можетъ и Мел. съѣздить. А можетъ, кстати, и насъ подѣ этотъ памятникъ велѣтъ положить?..¹

Я получилъ превосходное письмо отъ Гауга ²⁾ по этому дѣлу, т. е. по дуэльному. Онъ, Мельг. и Энгельс. показали себя самыми близкими людьми и самыми глубоко понимающими. Объ васъ я забываю въ этихъ случаяхъ: вы всегда были часть семьи, а послѣ 16 ноября еще сроднились больше. Письмо Гауга—отвѣтъ на писанное мною къ Мац. — Если такіе люди за насъ, то еще можно жить и опозоренному. Мнѣ надобно одинъ *юдѣ времени*,—тогда я восторжествую вполнѣ, но, признаюсь, мои силы истощаются на борьбу, а главное, на перенесеніе дерзостей и сплетенъ; первая минута слабости — и я оправдаюсь передъ дураками, и я дамъ волю чувству мести и *испорчу* великую позицію ³⁾, а потому лишь бы силъ, лишь бы силъ...

◆◆ 1. Проектъ-рисунокъ памятника въ Герѣ прислалъ Герцену Мишле, о чемъ послѣдній и писалъ 16 марта изъ Парижа, рассказывая, что среди его друзей, которымъ онъ повѣдалъ о несчастіяхъ Герцена, былъ скульпторъ А. Gréault (Прео), набросавшій рисунокъ «скорбь, владѣющая міромъ, терзающая его и приводящая его въ движеніе»; она попираетъ земной шаръ, который вертится, не двигаясь впередъ; даль — это либо море, либо Сибирь, вообще бесплодная безконечность. Этотъ рисунокъ и былъ посланъ Герцену до отправки письма. Мишле совѣтовалъ Герцену воспользоваться проектомъ, который ему очень понравился. «Примите этотъ рисунокъ, какъ свидѣтельство горячей симпатіи, которую питаетъ къ вамъ здѣсь все, что мыслить, какъ залогъ глубокой связи между великими художниками и славными патріотами всѣхъ странъ». Въ

наго человѣка объ оконченной борьбѣ, о торжествующемъ стихійномъ безуміи. Но есть еще фактъ—черта, которую я хотѣлъ бы прибавить—ребенка, простирающаго ручонки съ мольбою помощи — и Скорбь, у которой лишь слезы, покрытую, какъ у васъ изображено, покрываломъ, не замѣчающую даже ребенка. Это была бы *индивидуализація* памятника, его специфическое отличіе».

¹⁾ Когда отдохнетъ голова.

²⁾ Эрнстъ, австрійскій офицеръ, уроженецъ Штиріи; послѣ 1848 г. эмигрировалъ и принялъ участіе въ римской революціи; получилъ тогда отъ революціоннаго правительства чинъ генерала.

³⁾ Намекъ на заносчивое поведеніе Гервега.

заклученіе Мишле просилъ не показывать этого проекта художникамъ,—они такъ завистливы» (подлинникъ въ архивѣ семьи Герцена, переводъ частью напечатанъ г. Гершензономъ въ IV кн. «Былого» 1907 г.).

563. Письмо къ М. К. Рейхель.

26 марта (1852).

Пишу вамъ мало, оттого что нечего писать. Но вы уже такъ избаловались моими частыми рапортами, что думаю, какъ бы вы не начали «горячку пороть», какъ говорилъ Лаврентій Журавлевъ ¹⁾.

Все идетъ по старому. У Н. вмѣсто плёрези сдѣлался гриппъ; съ ней вмѣстѣ Нат. № 2 и Оленька въ гриппѣ. Та же Юлія—(bis), то есть *и я*, разнемогаюсь.¹ Это и скучно, и глупо, и сопливо, особливо, когда есть другого дѣла по уши (это въ память дочери Пьясковој Матвѣевны и Вайваи Петіовны и ее доски).

Стан. были и очень, очень освѣжили меня; мнѣ русскій духъ необходимъ, и русскіе люди глубже возбуждаютъ во мнѣ и ненависть, и любовь. Опять вышли изъ дали и снѣга эти фігуры, близкія и родныя: Кетч., бранящагося за бокаломъ, и Гран., плачущаго мирясь, Корша, безсмертно заикающагося, и Бот., съ эстетическимъ желудкомъ. Ахъ, еслибъ эдакъ на недѣлку дернуть! «Николай, молъ, Палычъ, ей Богу, молъ, тамъ московскимъ чудотворцамъ поклониться, можно, молъ, позволить бродячему человѣку, а т. е. замысла, какъ противъ здоровья или чего иного, имѣтъ бродячему человѣку не приходится. Мы, молъ, всѣ порядки сами знаемъ. Въ питейной, конечно, съ Листафорочемъ посидимъ, наказанье отъ него примемъ и опять къ поганымъ морямъ поѣдемъ». Дѣло идетъ, идетъ къ развязкѣ; мое положеніе становится лучше: хоръ за меня, особенно послѣ письма Мац., но тяжело, очень тяжело,—профанація etc. Роль я на себя страшную, назадъ итти нельзя; итакъ, впередъ! друзей, кажется, не посрамлю, ну, а свою шею, можетъ, и сломаю, но не такъ просто, какъ вы думаете. Гаугъ ѣдетъ за тѣмъ сюда, чтобъ подумать.

Въ Ниццѣ новаго одно: здѣсь пріѣхалъ удивительный актеръ Модена ²⁾ — трагикъ, по-моему, чуть ли не выше Леметра. Онъ

¹⁾ Прежній слуга Герцена.

²⁾ Густаво, итальянскій трагикъ.

игралъ на-дняхъ роль Cittadino di Gent ¹⁾, которая сильно дѣйствовала на меня. Тамъ человѣкъ такъ же позорится, имѣя свою великую цѣль, и (такъ же или нѣтъ) умираетъ подозрѣваемымъ. А про-рос, откуда взяли Стан. подозрѣніе насчетъ Саз.?

◆◆ 1. Къ этому письму Н. А.—на приписала:

«Ну, вотъ Ал. все и разсказалъ. Я въ постели, Тата возлѣ на другой и т. д.,—а надо выздороветь: я настою на томъ, чтобъ возвращенное письмо прочли ему при мнѣ и при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, послѣ чего сдѣлаю словесное дополненіе. Приѣздъ Стан. очень порадовалъ, да гриппъ проклятый не далъ и наспроситься досыта. — О концертъ Ел. Кон. ²⁾ ужъ читала прежде въ вагонѣ, говорить. Такъ до слѣдующаго разу».

564. Письмо къ Эрнсту Гаугу. ¹

(Мартъ 1852).

Cher Haug,

Votre lettre du 10 mars m'a fait un bien immense. J'ai tant souffert ce dernier temps, je suis tellement brisé, froissé dans tout ce qu'il y avait de plus cher, de plus saint pour moi, qu'il y a des moments où les forces m'abandonnent, un désespoir complet s'empare de moi, je me sens déchu, avili... Votre lettre m'a trouvé dans un de ces moments, elle m'a remis,—grâce vous en soit rendue! Oui, j'accepte la solidarité fraternelle, j'accepte votre main—non pour combattre pour moi, mais pour me soutenir dans une lutte difficile à terminer comme je le désire.

Pourtant avant de vous engager plus loin dans cette affaire triste, noire, il vous faut connaître les faits. Je veux vous les raconter; cela me coûte beaucoup, mais il le faut. Après le récit, je vous dirai: «jugez et agissez maintenant d'après votre coeur».

Vous m'avez rappelé dans votre lettre une conversation que nous avons eue, en nous promenant une nuit près de la Madeleine. Oh, que je vous remercie de vous en être rappelé. Cette conversation non seulement abrège ma tâche pénible, mais elle me sert de preuve, de base, de document—au moins par rapport à vous. Oui, j'ai ouvert alors mon âme, je vous ai dévoilé mon coeur. Cela m'arrive rarement, je ne parle

¹⁾ Гражданинъ изъ Гента.

²⁾ Елена Константиновна Станкевичъ.

jamais de mes sentiments, il y a je ne sais quelle pudeur qui m'en empêche,—mes sentiments sont pour moi seul.—Je vous disais donc alors qu'une seule femme a joué un rôle dans ma vie, et que ce rôle était immense, que je n'ai aimé qu'une seule femme et que cet amour était vivant dans mon cœur, comme le premier jour. Une sympathie profonde nous a lié, lorsque nous étions encore enfants, et cette sympathie a survécu à toutes les vicissitudes d'une existence orageuse. J'ajouterai maintenant que ce même amour me donne la force de supporter le supplice de ma position actuelle. Oui, notre union a fait un miracle bien plus grand que la durée de quatorze années: elle a survécu à une secousse qui devait amener sa perte. Jamais nous n'étions plus étroitement liés qu'après le malheur qui nous a frappés; il nous a soudé encore plus l'un à l'autre; les offenses que je supporte pour elle, la moitié du crime que je prends sur moi—ont découvert un nouveau terrain pour notre sympathie.

Nous ne sommes pas les mêmes—et c'est à cause de cela que rien n'est changé entre nous.

Nous entrâmes fiers dans la vie, nous tenant par la main; nous pensions que nous passerions la tête haute devant la foule étonnée. Qu'y avait il à craindre après douze années d'amour, d'union?.. Une rencontre impure, un souffle délétin auquel on n'a pas su résister, nous rappela à l'humilité.

Nous sortons maintenant de la vie plus humbles, accablés d'une réminiscence terrible, nous allons vers la tombe, la tête baissée, flétris, mais nous tenant par la main comme autrefois. Il n'y a pas de coupable ou d'innocent entre nous: celui qui a trouvé la force d'absoudre a pris sur lui la solidarité du passé. Que celui qui nous méprise, s'éloigne, qu'il nous oublie; notre lien, si humainement saint, est traité de prostitution—par l'homme qui l'a prostitué. Mais vous qui nous aimiez tant, vous devez vous arrêter, vous devez approfondir ce que je vous dis, et savoir reconnaître le caractère de cette union impérissable sous la boue et l'ignominie dont on l'a couverte.

Je passe aux faits.—Lorsque nous nous rencontrâmes pour la seconde fois avec l'individu en question, il était bien malheureux. Conspué par les hommes de son parti, accusé de lâcheté et même d'improbité pour l'expédition de Bade,—sa position n'était pas meilleure à l'intérieur. Attaché par des liens d'argent à une femme qu'il n'aimait pas et qui lui faisait bien sentir ses bienfaits, il ne pouvait rien entreprendre, corrompu et efféminé qu'il est par la soif la plus ardente de petites jouissances. Il était seul; il y avait des hommes qui respectaient ses talents, il n'y avait pas un seul qui eût estimé son caractère. Je lui tendis ma main. Je voyais au fond de cette âme énervée un talent

poétique, une pensée grave qui m'éblouissait. Il s'attacha à moi avec passion; il ne me quittait pas; jamais de ma vie un homme ne m'a tant parlé de son amitié,—il était jaloux de moi, il éloignait mes amis, il m'appelait frère, besson, unique ami et soutien; il m'écrivait que si je voulais l'abandonner, il se cramponnerait à moi, car pour lui il n'y avait pas d'existence sans moi; il me reprochait ma froideur et versait des larmes au souvenir de notre rencontre. Je vous montrerai ses épîtres qu'heureusement j'ai conservées. Cette amitié enthousiaste, ardente pour moi et un amour sans bornes pour mes enfants, firent le premier rapprochement entre N. et lui. Elle s'abandonnait sans scrupule à une telle sympathie—il avait tout le temps pour entraîner de plus en plus une femme qui tomba plus naïvement que ne l'aurait fait une autre, en se défendant. Rien n'a arrêté cet homme profondément dépravé, il n'a rien trouvé dans son cœur qui lui eût dit, ce qu'il y avait de lâche, d'ignoble dans un attentat pareil. Ni respect pour les enfants, ni respect de l'hospitalité, ni respect de soi-même—car il continuait ses interminables déclarations d'amour pour moi.

Savez-vous ce que c'est qu'un doute qu'on n'ose pas prononcer, un soupçon qu'on n'a pas le courage d'avouer? Je ne veux pas vous faire l'histoire lyrique de ce temps affreux—nous en parlerons un jour,—aujourd'hui je vous dirai seulement que j'ai vieilli dans cette lutte, que j'ai dépensé pour elle tout ce qui me restait de forces et n'énergie.—Non, me disais-je, c'est impossible, comment aurait on caché de moi la vérité, de moi, l'ami dévoué, sincère—on m'aurait abaissé au rôle d'un spectateur—par quoi ai-je pu mériter tant de mépris?—D'un autre côté, je voyais clairement qu'on évitait toute explication.—C'est de Paris au mois de décembre 49 que j'ai commencé à montrer plus clairement mes soupçons. J'étais seul à Paris, N. restait à Zurich où l'individu demeurait dans la maison de ma mère. N. protestait dans ses lettres, me parlait de ce lien indissoluble qui nous unissait, et finit par venir à Paris.

Pendant mon séjour à Paris j'ai eu la possibilité de mieux étudier le caractère de l'individu. Il y avait toujours quelque chose qui me révoltait en lui,—une injustice égoïstique, une grossièreté cruelle envers les autres, et plus encore envers sa femme qu'il exploitait pécuniairement d'une manière indigne. Mes lettres de Paris étaient pleines d'indignation contre ses procédés, je l'accusais avec toute ma sincérité et sans ménagement. Ses réponses devenaient de plus en plus tendres, il ne parlait que d'une existence commune «pure et sérieuse—loin des hommes, existence qui devait servir d'exemple et être le commencement de la vie de l'avenir pleine d'harmonie»... Je lui répondis: «Vous importerez dans cette vie un élément dissolvant, égoïstique qui l'empoi-

sonnera», et je lui citai les vers de Pouchkine qui fait dire à un homme «fuyant la vieille civilisation» par un vieux Bohémien qui le chasse de son tabor: «Va-t-en, homme fier,—tu ne veux être libre que pour toi— nous sommes simples et ne pouvons pas rester avec toi».

Expulsé de Paris, j'allais en juin 1850 à Nice.—C'était une faute énorme, il aurait fallu aller à Londres.—L'individu demeurait pendant tout ce temps chez ma mère à Zurich; vers la fin du mois d'août elle l'emmena à Nice. Deux jours avant son arrivée, Mme H. prévoyant la collision, emprunta chez moi 10.000 frs. pour deux années.—Ils étaient sans moyens, je leur proposai un étage dans la maison que je louais; par délicatesse je prenais une bagatelle pour quote-part des dépenses. Et voilà que toute la famille, femme et enfants, s'installe à mes frais. L'individu le savait, il laissait faire Mme, et elle ose maintenant m'accuser de ce que je le lui ai dit avant son départ.

C'est à Nice que j'ai pu mesurer tout le mal. N. luttait entre deux sentiments, elle cherchait à s'étourdir, elle craignait la vérité. J'étais outragé, stupéfait, profondément malheureux. Et regardant ce caractère mesquin, lâche qui fuyait toute explication, qui opprimait sa femme, qui commençait à être envieux de ma richesse, je répétais souvent les paroles qu'adressait Hamlet à sa mère: «Et tu as pu préférer à ton ami si dévoué, si aimant,—le petit juif qui te rendra malheureuse, car son âme est vulgaire!» Et une voix intérieure me disait qu'il n'en était pas ainsi. Je voyais de mes yeux—et je ne croyais pas. Cette foi m'a sauvé, a sauvé N., a sauvé les enfants.

Il fallait en finir—au moins avec le mensonge. L'idée de me poser en mari et juge ne m'est jamais entrée dans la tête. Je n'ai en rien dans toute ma vie introduit le lâche dualisme entre les convictions et la conduite. J'exigeai la vérité, j'en avais le droit.—Après deux, trois conversations fiévreuses N. m'avoua *tout* (vous verrez ensuite quel usage infâme a fait l'individu de ce mot de «tout»). Ce que j'ai souffert en écoutant,—il faut en effet avoir un organisme de fer, comme le mien, pour avoir pu supporter les quatre, cinq nuits blanches qui suivirent la première conversation. Une de ces nuits nous étions assis sur un sofa, j'avais la mort dans le cœur, des idées de suicide se présentèrent pour la première fois à moi; je voulais boire le calice jusqu'à la dernière goutte. Je fis quelques questions. Elle me répondit. Et nous nous tûmes. J'étais anéanti; une exaltation de rage, de douleur et de honte s'empara de moi, et—je vous l'avoue franchement,—la pensée me vint de tuer H.; je m'arrêtais à cette pensée avec un sentiment de jouissance... Le silence dura... Enfin je levai les yeux sur elle; son visage était affreux, blême, livide, bleuâtre,—les lèvres blanches, les traits altérés, crispés—elle ne parlait rien et fixait sur moi avec une

expression interrogative un regard trouble. Elle me faisait tant de peine, qu'oubliant tout, je pris sa main, j'appuyai ma tête sur son épaule et d'une voix douce qui me sortait du cœur, je la consolai. Pendant quelques minutes, elle ne répondait rien. C'est alors qu'une véritable crise s'opéra en N. Elle se jeta à mon cou en sanglotant; je la déposai demi-évanouie sur le canapé; elle n'eut que la force de me dire: «Ne t'effraye pas; ce sont de *bonnes* larmes, des larmes d'admiration pour toi, des larmes d'attendrissement (le mot russe est beaucoup plus expressif—умилениа). Non, non,—disait-elle,—je ne t'abandonnerai jamais, si toi, tu peux me supporter, oublier le passé»... Son âme, sous l'influence d'une passion malade, se réveilla; elle était, comme auparavant, énergique, forte, elle se relevait. Elle rentrait, comme elle l'a dit dans une de ces lettres, «comme un vaisseau rentre dans un port après l'orage,—à demi-anéanti, mais enchanté de son salut».

Dans son entraînement elle ne savait pas où elle allait. Elle allait à la mort. Lui, il convoitait encore «un avenir brillant» comme le dit Mme H. qui faisait déjà—je le jure sur mon honneur—un projet de partage de mes revenus.

Après cette scène, je voyais que N. restait, mais qu'elle était encore subjuguée par les intimidations de l'individu et par le passé. Il fallait agir. Je proposai le lendemain de partir de Nice et de laisser tout le monde s'arranger comme on le voudrait. N. ne voulait pas entendre parler de mon départ,—alors j'exigeai que l'individu quittât la maison. Comme N. craignait fortement un duel ou une rencontre sanglante, elle me dit que pour témoignage de ma réconciliation, de mon pardon, elle me demandait ma parole de ne pas le provoquer. Je donnai ma parole, mais à la condition qu'il quitte la maison.—Voilà ce que l'individu nomme ma «pression» et «l'abus de ma position». Certainement j'influçais—par mon dévouement, par mon amour; aussi, n'ai-je pas dit que j'étais indifférent, j'ai dit et je le répète—j'ai donné pleine liberté à tout le monde. Mettre des obstacles et convaincre—ce sont des choses très-différentes. En ce moment-ci je vous influence...

Il faut vous dire que pendant tout ce temps l'individu se tenait caché dans sa chambre au deuxième et ne descendait plus ni au salon, ni à la salle à manger. Mais il m'expédia sa femme qui vint me faire la proposition la plus monstrueuse, avec cette dépravation naïve qu'on ne trouve que chez les Berlinoises. Elle me proposa de laisser partir N. avec l'individu et de rester avec moi. J'ai répété pour la dernière fois que j'étais prêt à partir, si N. le désirait; aussitôt elle courut chez N.—Elle connaît la réponse et peut vous la communiquer; moi, je connais le résultat.—D'abord l'individu se refusa, joua encore une fois au suicide, me fit dire par sa femme qu'il était prêt à un duel à mort,

mais qu'il ne tirerait jamais «contre un ami devant lequel il se sent coupable». Bientôt pourtant sa nature lymphatique et méticuleuse prit le dessus, et il s'en alla très bourgeoisement avec bagage, femme, bonne et enfants à Mentone, de là—à Gênes.

Il y avait quelque chose de tellement humiliant et ridicule dans cet Agar mâle avec son Ismaël de Berlin, piteusement chassés d'une maison qui leur avait donné l'hospitalité, que je ne fis aucune démarche ultérieure. Une toute autre question me préoccupait: je voulais approfondir le véritable état de l'âme de N. L'acte qu'elle venait de faire, était une compensation nécessaire à l'outrage qu'on m'avait fait subir. La passion pouvait prendre le dessus... quel était le moteur qui la faisait agir maintenant,—était-ce de l'abnégation, un sacrifice, un dévouement sans amour? et dans ce cas trouvera-t-elle assez de force, ne succombera-t-elle pas dans la lutte, et dois-je enfin moi-même accepter un pareil sacrifice? Après les premières semaines, où les conversations prenaient souvent un caractère fiévreux et sombre, je vis bientôt que ce n'était chez elle qu'un retour tout naturel vers l'amour qui l'avait guidé toute sa vie; elle rentrait dans son état normal, la passion passagère était une exception,—elle se sentait plus libre, elle rajeunit de cœur, après avoir secoué le joug d'un être exigeant, capricieux et qui n'agissait que par intimidation.

La conduite ignoble de l'individu éteignit bientôt les dernières traces de cette affection malheureuse. Dans toute la *première* lettre qu'il adressa à N., il l'implorait de ne pas se justifier à ses dépens, de prendre tout sur elle; dans les suivantes recommencèrent les menaces de scandale, d'assassinat, et des propositions étonnantes, comme celle de le réhabiliter à mes yeux et de le prendre, comme instituteur, auprès de mes enfants.—N. pensa qu'il ne fallait pas le pousser au désespoir et demanda mon autorisation à lui écrire quelquefois. Je dis que mon opinion était complètement contraire, mais qu'elle n'avait qu'à faire comme elle le désirait.—Cette correspondance qui passait par mes mains, a amené toutes les horreurs subséquentes. N. lui fit la promesse d'un rendez-vous dans une année à condition qu'il n'abuse pas du droit de correspondance; cela ne fit qu'augmenter son intempérance épistolaire. N. retira sa promesse et rompit enfin au mois d'août ou de septembre toute correspondance avec lui. Elle le méprisait, elle en était honteuse.

Il ne manquait qu'une chose pour couronner cette ignoble apparition,—il ébruita toute l'affaire, lui de son côté, et sa femme de l'autre. Et non seulement ils l'ébruitèrent, mais ils ajoutèrent des calomnies.—Jamais personne n'osa prononcer le nom de cet homme en ma présence, je me taisais avec cette religion du silence, qui n'a jamais eu

place dans les âmes des bourgeois. Et voilà que tout à-coup j'entends au mois de juillet à Genève de Mr Sasonoff que l'individu lui a tout conté. Cette bassesse inattendue m'attrista, je retournai à Turin triste et sombre. N. qui vit par mes lettres l'état de souffrance dans lequel je me trouvais, accourut de Nice à ma rencontre et arriva le même jour que moi à Turin.—Cette marque d'attention me toucha. C'est là que nous parlâmes pour la dernière fois de cette affaire. Nous nous reconnûmes encore plus. Oui, nous étions les mêmes, plus un souvenir terrible, une cicatrice profonde. Ces journées à Turin me rappelèrent notre brillante jeunesse; elles me rappelèrent notre vie à Wladimir. Oui, c'était un second mariage, un mariage plus profond, peut-être, que le premier: il se concluait avec plus de conscience, avec une parfaite connaissance de toute la responsabilité que nous contractions de nouveau l'un envers l'autre, en vue d'un passé qui a failli nous perdre et nous flétrir. Je laisse à N. elle-même le soin de vous raconter le côté lyrique de cette réconciliation et de la complète harmonie dans notre vie de famille, qui dura jusqu'à ce qu'un malheur affreux vint nous frapper. Le 16 novembre ma mère, mon second fils et un de mes amis, son instituteur, périrent dans la Méditerranée. Ce coup abattit la santé de N.; la débilité et la faiblesse finirent par une maladie aigüe. Elle gagna une pleurésie; le 2 et le 3 Janvier le mal empira de manière que les médecins commencèrent à douter de la possibilité de la sauver.

C'est le temps que choisit ce misérable pour m'envoyer une ignoble provocation. Il savait tout ce qui se passait chez nous par sa femme, qu'il avait forcée à vivre à Nice. Je n'aurais pas ouvert sa lettre s'il n'avait pas écrit sur l'enveloppe: «provocation honorable».—Eh bien, au lieu d'un cartel, j'ai trouvé une lettre sale, dégoûtante de cynisme, pleine de dénonciations contre N. et de révélations inqualifiables. Il couvrait la sordidité de sa démarche en disant: «on vous a dit tout»,—comme si jamais j'eusse voulu m'abaisser, moi, et abaisser N. jusqu'à un récit révoltant des détails.—Je parlai de cette lettre à un de mes amis, Mr Engelson (la seconde personne, après Sasonoff, avec laquelle j'ai parlé de l'affaire). Quel fut mon étonnement lorsque je vis qu'il était bien instruit de tout ce qui s'était passé. M^r et Mme H. ont initié toutes leurs connaissances à la triste histoire de notre rupture, oubliant que le titre de traître revenait de droit à l'un, comme celui d'entre-metteuse à l'autre. J'en étais ébahi et scandalisé. Quel duel pouvait arrêter les on-dit?—Et N. avec moi gardant le plus profond secret, nous leur avons laissé tout le temps pour répandre les calomnies les plus infâmes.—Le lendemain on savait déjà qu'une provocation m'était adressée; l'individu en avertit sa dame. Peu de jours après Mme Rei-

chel communiqua de Paris à N. qu'une provocation m'était envoyée, comme elle venait de l'apprendre de M. Kolatchek.

Faire un duel de parade avec l'intervention de la héroïne de Bade, c'était trop ridicule pour une si triste histoire. Le duel ne réparait rien, il était stupide, c'était un guet-apens; le seul homme qui pouvait se réhabiliter par le duel—c'était lui. Quant à mon honneur—je n'y pensais pas trop; je voulais punir ce scélérat, me venger, mais défendre mon honneur contre lui, cela ne me préoccupait que médiocrement. Je le dirai franchement; mes antécédents,—à commencer par la prison et l'exil de 5 années aux frontières de la Sibérie et à finir par mon expulsion de Paris,—m'ont donné si non des droits, au moins quelque confiance en moi-même. Si mon honneur pouvait dépendre d'un traître, dont les antécédents ne sont pas moins connus que les miens, je voudrais être déshonoré.

Refuser un duel n'est pas chose légère. N'oubliez pas que je vous écris deux mois après la provocation. J'ai fait pendant ce temps une véritable maladie psychologique—avant d'engager mon honneur à moi-même par une décision immuable, forte, de tenir tête à cet homme dénué de tout sentiment de noblesse, de dignité, et aux préjugés invétérés—en persistant dans mon refus d'élever ce misérable à l'honneur d'un duel. Je connaissais très bien, à quel monstre puissant et implacable j'allais m'attaquer. La divinité altière, inhumaine et injuste du point d'honneur, est omnipotente; elle fascine les hommes les plus indépendants, et ils s'arrêtent devant ses décrets et renient leurs convictions pour montrer qu'ils ont assez de courage pour soutenir la vue d'un pistolet. Je m'insurge contre le despotisme, car moi, je me sens pur et innocent, car je me sens la force de faire appel à mes amis et de leur tout dire.—Mon refus avait encore une autre signification plus étendue: j'ai voulu par ce fait définitivement, solennellement reconnaître en réalité la liberté de la femme. J'ai voulu donner toute la plénitude de l'indépendance à la femme pour se réhabiliter elle-même. Ce ne sont que les imbéciles, les mineurs et les faibles qui doivent être défendus par les autres—mais cette femme est forte, et elle est plus forte seule. Cet homme, pour se venger de ce qu'une femme n'est pas restée fidèle au crime, qu'elle ne voulut pas subir son esclavage, veut l'écraser par son cynisme.—Eh bien, elle l'écrasera par la grandeur de son repentir... A peine depuis un mois cette femme a commencé à parler, et déjà l'opinion étonnée se tourne vers elle. Naguère encore on me plaignait seul et on répétait les accusations calomnieuses répandues pendant une année par dame H., et maintenant déjà on trouve N. sublime d'énergie, de volonté.

Voilà le commencement de mon triomphe!

Je m'arrête, cher Haug.—Les détails, les lettres écrites par mes amis, les démarches insolentes et stupides de l'individu, son refus p. ex. de recevoir la réponse de mon témoin, la demande d'un duel à huis clos, le renvoi d'une lettre—tout cela vous sera raconté par mes amis, qui se pressèrent autour de moi avec cette bienveillance et ce dévouement qui me donnèrent les forces pour supporter le chagrin de l'humiliation. Ces récits ne peuvent en rien changer les faits principaux; vous y verrez seulement jusqu'où peut aller la corruption dans une âme vile, vulgaire, bourgeoise et lâche. Car, au fond, à quoi bon cette parade de rhétorique, tant de lettres, tant de mots?—pourquoi n'est-il pas venu à l'improviste, le pistolet à la main; pourquoi s'est-il enfui de la maison, pourquoi n'a-t-il pas essayé (comme il l'a écrit une vingtaine de fois) d'assassiner N. ou moi, pourquoi enfin ne s'est-il pas suicidé?—Il n'en a ni l'énergie, ni le courage.—Calomnier, diffamer, faire des intimidations à sa femme, c'est plus facile et il le fait. Il faut enfin y mettre un terme et châtier le scélérat. Il me faut, pour cela, le secours de mes amis, leur conseil; il me faut surtout la foi que si, pour comble d'ironie, je succombais dans cette lutte, mes amis donneront un exemple terrible de justice et de solidarité.

Votre ami A. H.

Переводъ.

Дорогой Гаугъ,

Ваше письмо отъ 10 марта оказало мнѣ громадную поддержку. Я столько страдалъ послѣднее время, я такъ разбитъ, оскорбленъ во всемъ, что было самаго дорогого, самаго святого для меня, что иногда меня покидаютъ силы, мною овладѣваетъ полное отчаяніе, я чувствую себя павшимъ, униженнымъ... Ваше письмо застало меня въ одну изъ такихъ минутъ, и оно вернуло мнѣ силы,—спасибо вамъ за это! Да, я принимаю братскую солидарность, принимаю вашу руку,—не для того, чтобы сражаться за меня, но чтобы поддержать меня въ борьбѣ, которую трудно закончить такъ, какъ я этого желаю.

Однако, прежде, чѣмъ дальше заводите васъ въ это печальное, темное дѣло, вамъ надо знать факты. Я хочу ихъ рассказать вамъ; это многого мнѣ стоитъ, но такъ надо. Послѣ этого я скажу: «судите и поступайте теперь, какъ велитъ вамъ совѣсть».

Въ письмѣ вы напомнили мнѣ одну бесѣду, которую мы вели, прогуливаясь какъ-то ночью около церкви Св. Магдалины ¹⁾. О,

¹⁾ Въ Парижѣ.

какъ я благодаренъ, что вы вспомнили объ этомъ! Эта бесѣда не только сокращаетъ мою трудную задачу, но послужить доказательствомъ, основаніемъ, документомъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ вамъ. Да, я раскрылъ тогда свою душу, я обнажилъ передъ вами свое сердце. Это рѣдко со мной бываетъ, я никогда не говорю о своихъ чувствахъ,—не знаю, какая-то стыдливость тому мѣшаетъ,—мои чувства принадлежатъ мнѣ одному.—Итакъ, я говорилъ вамъ тогда, что только одна женщина сыграла роль въ моей жизни, что эта роль была огромна, что я любилъ только одну женщину, и что любовь эта жива въ моемъ сердцѣ такъ же, какъ и въ первый день. Насъ связала глубокая симпатія, когда мы были еще дѣтьми, и симпатія эта пережила всѣ испытанія бурной жизни. Прибавлю теперь, что та же любовь даетъ мнѣ силу переносить пытку моего настоящаго положенія. Да, нашъ союзъ совершилъ чудо, гораздо болѣе великое, чѣмъ четырнадцатилѣтнюю длительность своего существованія,—онъ пережилъ и потрясеніе, которое могла бы погубить его. Никогда мы не были тѣснѣе связаны другъ съ другомъ, какъ послѣ поразившаго насъ горя; оно еще крѣпче спаяло наши души; оскорбленія, которыя я терплю ради нея, и та половина преступленія, которую я взялъ на себя,—все это раскрыло еще новую почву для нашей взаимной симпатіи.

Мы уже не тѣ, что прежде, и по этой именно причинѣ ничто между нами не измѣнилось.

Мы гордо вступили въ жизнь рука объ руку; мы думали, что пройдемъ жизненный путь съ высоко поднятой головой передъ изумленной толпой. Чего было бояться послѣ двѣнадцати лѣтъ любви и союза?... Грязная встрѣча, гнусное вѣянiе, которому не знали, какъ воспротивиться, призвало насъ къ смиренію.

Мы выходимъ теперь изъ жизни болѣе смиренными; мы идемъ къ могилѣ подъ гнетомъ ужаснаго воспоминанія, съ опущенной головой, запятнанные, но рука объ руку, какъ и прежде. Межъ нами нѣтъ ни праваго, ни виноватаго: тотъ, кто нашелъ въ себѣ силу простить, взялъ на себя солидарность во всемъ прошломъ; кто презираетъ насъ, пусть отойдетъ, пусть забудетъ насъ; нашъ союзъ, столь человѣчно-святой, былъ обозванъ позорнымъ тѣмъ человекомъ, который его опозорилъ¹⁾. Но вы, который такъ насъ любили, вы должны остановиться, вы должны углубиться въ то, что я вамъ расскажу; вы должны узнать истинный характеръ этого союза, не поддавашагося разрушенію даже въ той грязи и томъ позорѣ, которыми его покрыли.

¹⁾ Г. Гервегъ

Перехожу къ фактамъ.—Когда мы во второй разъ встрѣтились съ человѣкомъ, о которомъ я веду рѣчь, онъ былъ очень несчастенъ. Члены партіи выказывали къ нему явное презрѣніе, обвиняя въ подлой трусости и даже въ нечестности во время Баденской экспедиціи; не лучше было и его домашнее положеніе: привязанный денежными узами къ женщинѣ, которую онъ не любилъ и которая постоянно давала ему чувствовать свои благодѣянія, онъ не могъ ничего предпринять, до того онъ былъ испорченъ и избалованъ самою пламенною жаждою мелкихъ наслажденій. Онъ былъ одинокъ. Встрѣчались люди, уважавшіе его таланты, но не было ни одного, который уважалъ бы его характеръ. Я протянулъ ему руку. Въ глубинѣ этой слабой души я видѣлъ поэтическій талантъ и серьезную мысль, которые меня ослѣпляли. Онъ страстно ко мнѣ привязался, не покидалъ меня; никто никогда не говорилъ мнѣ такъ много о своей дружбѣ: онъ ревновалъ меня, отдалялъ моихъ друзей, называлъ меня братомъ-близнецомъ, единственнымъ другомъ и единственною поддержкою; онъ писалъ мнѣ, что если бы я вздумалъ бросить его, онъ уцѣпится за меня, потому что безъ меня ему и жизнь — не жизнь; онъ упрекалъ меня въ холодности и проливалъ слезы при воспоминаніи о нашей встрѣчѣ. Я покажу вамъ его посланія, которыя, къ счастью, сохранилъ. Такая восторженная, пылкая дружба ко мнѣ и безграничная любовь къ моимъ дѣтямъ были причиною перваго сближенія между Н. и имъ. Она безъ всякаго подозрѣнія и безпокойства отдавалась симпатіи; у него же была полная возможность постепенно увлечь женщину, которая пала болѣе наивно, чѣмъ сдѣлала бы это другая, защищаясь. Ничто не остановило глубоко испорченнаго человѣка, въ сердцѣ его не нашлось ничего, что подсказало бы ему, сколько низости и подлости въ подобномъ покушеніи. Не нашлось ни уваженія къ дѣтямъ, ни уваженія къ гостепріимству, ни уваженія къ самому себѣ, ибо онъ продолжалъ свои безконечныя признанія въ любви ко мнѣ.

Знаете ли вы, что такое сомнѣніе или подозрѣніе, котораго не смѣешь высказать, въ которомъ не рѣшаешься признаться? Я не хочу излагать лирически исторію этого ужаснаго времени,—мы когда-нибудь объ этомъ поговоримъ,—сейчасъ я только скажу, что я въ этой борьбѣ состарѣлся, растратилъ въ ней весь остатокъ силъ и энергіи. Нѣтъ,—говорилъ я себѣ,—это невозможно; какъ скрыли бы отъ меня правду — отъ меня, преданнаго, искренняго друга? Какъ свели бы меня къ низкой роли зрителя? Чѣмъ же могъ я заслужить такое презрѣніе?—Съ другой стороны, я видѣлъ ясно, что избѣгали всякаго объясненія. Лишь съ того времени, когда я жилъ въ Парижѣ, въ декабрѣ 49 г., я началъ яснѣе обна-

руживать свои подозрѣнія. Въ Парижѣ я былъ одинъ. Н. осталась въ Цюрихѣ; тамъ же, въ домѣ моей матери жилъ этотъ субъектъ. Н. протестовала въ своихъ письмахъ, говорила все о нерушимой связи, соединявшей насъ, и, наконецъ, пріѣхала въ Парижъ.

Во время пребыванія въ Парижѣ я имѣлъ возможность лучше изучить характеръ этого человѣка. Въ немъ всегда было что-то, возмущавшее меня: эгоистическая несправедливость, жестокая грубость съ другими и особенно съ женой, которую онъ эксплуатировалъ въ денежныхъ дѣлахъ самымъ недостойнымъ образомъ. Мои парижскія письма были полны негодованія противъ его поступковъ; я обвинялъ его со всею своею искренностью и безъ малѣйшей пощады. Его отвѣты становились все болѣе нѣжными, онъ только и говорилъ, что объ общей жизни «чистой и серьезной, вдали отъ людей,—жизни, которая должна послужить примѣромъ, осуществляя начало будущей жизни, полной гармоніи»... Я отвѣчалъ ему: «Вы внесете въ эту жизнь элементъ разрушительный, эгоистическій, который отравитъ ее», и привелъ стихи Пушкина, которые вложены въ уста стараго цыгана, когда тотъ изгоняетъ изъ своего табора человѣка, «бѣжавшаго отъ старой цивилизаціи»:

Оставь насъ, гордый человѣкъ!

.....

Ты для себя лишь хочешь воли;

.....

Мы робки и добры душою,

Ты золъ и смѣлъ,—оставь же насъ.

Изгнанный изъ Парижа, я въ іюнѣ 1850 поѣхалъ въ Ниццу. Это была огромная ошибка: надо было ѣхать въ Лондонъ. Субъектъ все это время жилъ въ Цюрихѣ, у моей матери; въ концѣ августа она привезла его въ Ниццу. За два дня до его пріѣзда г-жа Г., предвидя столкновеніе, заняла у меня 10.000 фр. на два года. У нихъ не было средствъ,—я предложилъ имъ этажъ въ нанятомъ мною домѣ и изъ вѣжливости бралъ потомъ какіе-то пустяки за ихъ долю. И вотъ вся семья, жена и дѣти, устроилась на мой счетъ. Субъектъ это зналъ и позволялъ ей дѣлать, а теперь она смѣетъ обвинять меня за то, что я высказалъ ей это передъ отъѣздомъ.

Въ Ниццѣ я могъ измѣрить всю величину бѣдствія. Н. боролась между двумя чувствами; она старалась забытья, боялась правды. Я былъ оскорбленъ, ошеломленъ, глубоко несчастенъ. И глядя на жалкую, трусливую натуру человѣка, который избѣгалъ всякихъ объясненій, угнеталъ свою жену, начиналъ

завидовать моему богатству, я часто повторялъ слова Гамлета своей матери:

«И ты могла предпочесть твоему другу, столь преданному, столь любящему, маленькаго жидя, который сдѣлаетъ тебя несчастной, ибо у него низкая душа!»

Но внутренній голосъ говорилъ, что здѣсь не то. Я видѣлъ собственными глазами и не вѣрилъ. Эта вѣра спасла меня, спасла Н., спасла дѣтей.

Надо было покончить со всѣмъ этимъ, по крайней мѣрѣ, съ ложью. Мнѣ никогда не приходила въ голову мысль о возможности для меня выступить въ роли мужа и судьи. Ни въ чемъ во всю свою жизнь я не допускалъ трусливо-подлой двойственности между убѣжденіями и поступками.—Я потребовалъ выясненія истины,—на это я имѣлъ право.—Послѣ двухъ-трехъ лихорадочныхъ разговоровъ Н. празналась мнѣ *во всемъ* (вы потомъ увидите, какъ подло воспользовался тотъ субъектъ словомъ «все»). Чтò я пережилъ, слушая,—надо, дѣйствительно, имѣть такой желѣзный организмъ, какъ у меня, чтобы пережить тѣ четыре-пять безсонныхъ ночей, которыя послѣдовали за первымъ разговоромъ. Въ одну изъ этихъ ночей мы сидѣли на диванѣ; въ сердцѣ у меня была смерть, мысли о самоубійствѣ впервые предстали передо мной,—я хотѣлъ испить чашу до послѣдней капли. Я предложилъ нѣсколько вопросовъ, она отвѣтила, и мы замолчали. Я былъ уничтоженъ; мною овладѣлъ порывъ бѣшенства, скорби, стыда,—и, признаюсь вамъ искренно, пришла мысль убить Г.; я съ наслажденіемъ задерживался на этой мысли... Молчаніе все длилось... Наконецъ, я поднялъ глаза на нее. Ея лицо было ужасно: смертельно-блѣдное, съ синеватымъ оттѣнкомъ, губы побѣлѣли, черты исказились—она ничего не говорила и не сводила съ меня мутнаго взгляда съ вопросительнымъ выраженіемъ. Видъ ея производилъ такую боль, что, забывъ все, я взялъ ея руку, положилъ свою голову ей на плечо и тихимъ, нѣжнымъ голосомъ, исходившимъ отъ сердца, сталъ утѣшать ее. Нѣсколько минутъ она ничего не отвѣчала. Но вдругъ у Н. произошелъ настоящій кризисъ. Она бросилась ко мнѣ на шею съ рыданіями; я опустилъ ее на диванъ въ полуобморочномъ состояніи; у нея хватило силъ лишь сказать мнѣ: «Не пугайся, это—*хорошія* слезы, слезы удивленія тобою, слезы растроганности (русское слово здѣсь гораздо выразительнѣе—«умиленіе»). Нѣтъ, нѣтъ»,—говорила она,—«я никогда не покину тебя, если ты, ты въ состояніи выносить меня, забыть прошлое»... Ея душа, бывшая подъ гнетомъ болѣзненной страсти, пробудилась; она стала прежней—энергичной, сильной; она снова поднималась. Она возвращалась, какъ (ея же

слова въ одномъ письмѣ) «корабль возвращается въ гавань послѣ бури—полуразрушенный, но въ восторгѣ отъ своего спасенія».

Въ своемъ увлеченіи она не знала, куда идетъ. Она шла къ смерти. Онъ же предвкушалъ еще «блестящее будущее», какъ сказала г-жа Г., которая составляла уже—клянусь своей честью—проектъ раздѣла моихъ доходовъ.

Послѣ этой сцены я видѣлъ, что Н. останется, но она была еще подъ гнетомъ запугиваній субъекта и всего прошлаго. Надо было дѣйствовать. На другой день я предложилъ, что уѣду изъ Ниццы и предоставлю всѣмъ устраиваться, какъ имъ угодно. Н. не хотѣла и слышать о моемъ отъѣздѣ,—тогда я потребовалъ, чтобы тотъ субъектъ оставилъ домъ. Сильно опасаясь дуэли или кровавой встрѣчи, Н. просила меня, въ видѣ доказательства моего примиренія и прощенія, не вызывать его. Я далъ ей слово, но подъ тѣмъ условіемъ, что онъ оставитъ мой домъ. — Вотъ чтò субъектъ называетъ моимъ «давленіемъ» на него, «злоупотребленіемъ моимъ положеніемъ». Конечно, я повліялъ, оказалъ давленіе своей преданностью, своей любовью; я и не говорилъ, что мнѣ безразлично, какъ кончится все, но я говорилъ и повторяю, что далъ полную свободу всѣмъ. Препятствовать и убѣждать—вещи весьма различныя. Сейчасъ, вѣдь, я влію на васъ...

Надо вамъ сказать, что въ теченіе всего этого времени тотъ субъектъ прятался въ своей комнатѣ, во второмъ этажѣ и не сходилъ ни въ гостиную, ни въ столовую. Но онъ подослалъ свою жену, которая пришла съ чудовищнымъ предложеніемъ... только у берлинокъ можно встрѣтить такую наивную развращенность. Она предложила отпустить Н. съ субъектомъ, а самой остаться со мной! Я повторилъ въ послѣдній разъ, что готовъ уѣхать, если Н. того захочетъ,—она тотчасъ же побѣжала къ Н. ...Она знаетъ отвѣтъ и можетъ его сообщить вамъ, я же знаю результатъ. — Сначала субъектъ отказался, еще разъ разыгралъ роль будущего самоубійцы, велѣлъ мнѣ передать черезъ жену, что готовъ на дуэль до смерти одного изъ противниковъ, но что самъ никогда не выстрѣлитъ «въ друга, передъ которымъ чувствуетъ себя виноватымъ». Скоро, однако, его лимфатическая и боязливая натура взяла верхъ, и онъ удалился совсѣмъ по-мѣщански — съ багажомъ, женой, няней и дѣтьми,—въ Ментону, а оттуда въ Геную.

Было что-то до такой степени унижительное и нелѣпое въ этой Агари мужескаго пола со своимъ берлинскимъ Измаиломъ, жалко-изгнанныхъ изъ пріютившаго ихъ дома, что я вслѣдъ затѣмъ ничего не предпринялъ противъ него. Меня занималъ совсѣмъ другой вопросъ: я хотѣлъ проникнуть въ состояніе души Н. Посту-

покъ, на который она только-что рѣшилась, являлся необходимою наградою за оскорбленіе, которому меня подвергли. Все же страсть могла потомъ одолѣть...

Что теперь побудило ее рѣшиться такимъ, именно, образомъ? было ли то самоотверженіе, жертва съ ея стороны, преданность безъ любви? И въ послѣднемъ случаѣ, найдетъ ли она въ себѣ достаточно силы, не погибнетъ ли въ борьбѣ, и, наконецъ, долженъ ли я принять подобную жертву? — Черезъ нѣсколько недѣль, въ теченіе которыхъ разговоры принимали часто лихорадочно-безпокойный и мрачный характеръ, я скоро увидѣлъ, что со стороны Н. это было просто естественное возвращеніе къ любви, которая вела ее всю жизнь; она возвращалась къ своему нормальному состоянію, мимолетная страсть явилась случайностью, исключеніемъ, — она почувствовала себя болѣе свободной и помолодѣла душой, когда сбросила съ себя иго этого требовательнаго и капризнаго человѣка, который дѣйствовалъ только запугиваніемъ.

Подлое поведеніе этого субъекта скоро заглушило послѣдніе слѣды злосчастнаго увлеченія. Въ самомъ *первомъ* письмѣ къ Н. онъ умолялъ ее не оправдывать себя въ ущербъ ему, взять все на себя; въ слѣдующихъ начались угрозы скандалами, убійствами и удивительныя предложенія, въ родѣ того, чтобы реабилитировать его въ моихъ глазахъ, взявъ его наставникомъ къ моимъ дѣтямъ. Н. подумала, что не слѣдуетъ доводить его до отчаянія, и просила у меня разрѣшенія ему иногда писать. Я сказалъ, что держусь совершенно противоположнаго мнѣнія, но пусть она дѣлаетъ, какъ хочетъ. — Эта переписка, которая проходила черезъ мои руки, привела ко всѣмъ слѣдующимъ ужаснымъ послѣдствіямъ. Н. обѣщала ему свиданіе черезъ годъ подъ тѣмъ условіемъ, что онъ не будетъ злоупотреблять правомъ переписки; это только увеличило его эпистолярную невоздержанность. Н. взяла обратно свое обѣщаніе и, наконецъ, въ августѣ или сентябрѣ прервала всякую переписку съ нимъ. Она презирала его, ей стало стыдно за него.

Не хватало лишь одного, чтобы увѣнчать всю эту гнусную картину: онъ разгласилъ все дѣло; онъ съ своей стороны и его жена — со своей. И не только разгласила, но прибавила еще клевету. — Никогда никто не смѣлъ въ моемъ присутствіи произносить имя этого человѣка, я же молчалъ, храня ту религію молчанія, которая не находитъ мѣста въ мѣщанскихъ душахъ. И вотъ вдругъ въ іюлѣ я узнаю въ Женевѣ отъ Сазонова, что тотъ субъектъ все ему, Сазонову, рассказалъ. Эта неожиданная низость опечалила меня, я вернулся въ Туринъ грустнымъ и мрачнымъ. Видя по моимъ письмамъ, какъ я страдаю, Н. поспѣшила изъ Ниццы на встрѣчу

ко мнѣ и прїѣхала въ тотъ же день въ Туринъ. — Этотъ знакъ вниманія тронулъ меня. Тамъ-то мы и поговорили въ послѣдній разъ объ этомъ дѣлѣ. Мы еще сильнѣе познали себя. Да, мы остались тѣ же, прибавилось только ужасное воспоминаніе, глубокій рубецъ. Туринскіе дни напомнили мнѣ нашу блестящую юность, напомнили нашу жизнь во Владимірѣ. Да, это былъ новый бракъ— бракъ, можетъ, болѣе глубокій, чѣмъ первый: онъ былъ заключенъ съ ббльшимъ сознаніемъ, съ самымъ совершеннымъ представленіемъ о той отвѣтственности, которою мы опять обязывались другъ передъ другомъ, въ виду прошлаго, едва не погубившаго и не опозорившаго насъ. Предоставляю самой Н. описать вамъ лирическую сторону этого примиренія и ту полную гармонію, которая установилась въ нашей семейной жизни и продолжалась до тѣхъ поръ, пока насъ не поразило ужасное несчастье. 16 ноября моя мать, мой второй сынъ и его учитель, одинъ изъ моихъ друзей, утонули въ Средиземномъ морѣ. Этотъ ударъ подорвалъ здоровье Н.—слабость и упадокъ силъ привели къ острой болѣзни. У нея сдѣлался плевритъ. 2 и 3 января болѣзнь настолько усилилась, что доктора начали сомнѣваться въ возможности спасенія.

Это-то именно время презрѣнный человѣкъ избралъ, чтобы послать мнѣ наглый вызовъ. Онъ зналъ обо всемъ, что происходитъ у насъ, черезъ свою жену, которую нарочно заставлялъ жить въ Ниццѣ. Я не вскрылъ бы его письма, если бы онъ не написалъ на конвертѣ: «почетный вызовъ». — И вотъ, вмѣсто официальнаго вызова, я нашелъ письмо грязное, отвратительное своимъ цинизмомъ, полное доносовъ на Н. и разоблаченій, которымъ даже названія нельзя найти. Гнусность такого поступка онъ покрывалъ словами: «вамъ все рассказали», будто я когда-либо хотѣлъ унижить себя и Н. до такой степени, чтобы выслушивать возмутительный разговоръ о подробностяхъ. Я сказалъ объ этомъ письмѣ одному изъ своихъ друзей, Энгельсону (второй человѣкъ послѣ Сазонова, съ которымъ я говорилъ объ этомъ дѣлѣ). Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что и онъ былъ прекрасно освѣдомленъ обо всемъ происшедшемъ. Г. и его жена посвятили всѣхъ своихъ знакомыхъ въ печальную исторію нашего разрыва, забывъ, что ему тутъ выпадаетъ названіе предателя, а ей, его женѣ, — сводни. Я былъ изумленъ и негодовалъ. Какая же дуэль можетъ остановить слухи?! Такъ какъ мы съ Н. хранили все въ полной тайнѣ отъ всѣхъ, то дали имъ полную возможность распространить самую подлая клеветы. На другой день уже стало извѣстно, что мнѣ посланъ вызовъ: субъектъ увѣдомилъ свою супругу. Черезъ нѣсколько дней г-жа Рейхель сообщила Н. изъ

Парижа, что, какъ она узнала отъ г. Колачека, мнѣ посланъ вызовъ.

Устраивать показную дуэль съ участіемъ баденской героини,— это выходило слишкомъ нелѣпымъ для такой печальной исторіи. Дуэль ничего не поправила бы, она была бы нелѣпостью, ловушкой; этой дуэлью могъ бы реабилитировать себя только онъ. Что касается мой чести,—я не очень о ней думалъ, я хотѣлъ наказать этого злодѣя, хотѣлъ отмстить; защищать же свою честь отъ его нападеній,—это очень мало заботило меня. Скажу откровенно: моя прежняя жизнь, начиная съ тюрьмы и съ пятилѣтней ссылки у границъ Сибири и кончая моимъ изгнаніемъ изъ Парижа, давала мнѣ если не права, то нѣкоторое довѣріе къ самому себѣ. Если бы моя честь могла зависѣть отъ предателя, прежняя жизнь котораго не менѣе извѣстна, чѣмъ моя,—я готовъ былъ бы признать себя обезчещеннымъ.

Отказаться отъ дуэли—вещь не легкая. Не забудьте, что вамъ я пишу черезъ два мѣсяца послѣ вызова. За это время я положительно перенесъ психологическую болѣзнь, прежде чѣмъ прійти къ твердому, неизмѣнному рѣшенію—устоять противъ этого разнузданнаго чловѣка, лишеннаго чувствъ благородства и достоинства, и пробивъ закоренѣлыхъ предрасудковъ, твердо отказавшись поднять этого гнуснаго чловѣка до такой чести, какъ дуэль.—Я очень хорошо зналъ, съ какимъ могучимъ и неумолимымъ чудовищемъ я вступаю въ бой. Гордая, безчеловѣчная и несправедливая богиня «чувства чести» всемогуща; она заколдовываетъ самыхъ независимыхъ людей; они останавливаются передъ ея приговорами и отрекаются отъ своихъ убѣжденій, чтобы доказать, что они въ силахъ выдержать видъ пистолета. Я встаю противъ этого деспотизма, потому что чувствую себя чистымъ и невиннымъ, потому что чувствую въ себѣ силу воззвать къ своимъ друзьямъ и все имъ рассказать. Мой отказъ имѣлъ еще другой смыслъ, болѣе широкій: этимъ поступкомъ я хотѣлъ опредѣленно и торжественно признать на дѣлѣ свободу женщины. Я рѣшилъ дать ей полную независимость, чтобы она сама могла реабилитировать себя. Только глупые, несовершеннолѣтніе и слабые нуждаются въ защитѣ другихъ, эта же женщина сильна, и въ одиночествѣ она будетъ еще сильнѣе. Тотъ господинъ, чтобы отмстить женщинѣ, не оставшейся вѣрною преступленію, не захотѣвшей быть его рабою, хочетъ погубить ее своимъ цинизмомъ. Но она его погубить, уничтожить величіемъ своего раскаянія.... Не прошло еще мѣсяца, какъ эта женщина стала говорить,—и удивленное общественное мнѣніе обращается на ея сторону. Еще недавно посторонніе жалѣли меня одного и повто-

ряли клеветы, которыя распространялись въ теченіе цѣлаго года г-жей Г., а теперь въ Н. они находятъ уже высшую степень силы воли.

Вотъ начало моего торжества!

Довольно, дорогой Гаугъ. Подробности—письма моихъ друзей, наглыя и нелѣпыя выходки этого субъекта, его отказъ, напри- мѣръ, получить отвѣтъ отъ моего свидѣтеля, требованіе дуэли при закрытыхъ дверяхъ, возвращеніе одного письма, — все это расскажутъ вамъ мои друзья, которые собрались около меня; ихъ отзывчивость и преданность дали мнѣ силу перенести горе униженія. Эти рассказы ни въ чемъ не могутъ измѣнить основные факты; вы только увидите изъ нихъ, до какихъ предѣловъ способна итти испорченность низменной, вульгарной, мѣщанской и трусливо-подлой души. Вѣдь, въ сущности, къ чему была вся эта реторика, столько писемъ, столько словъ? Почему онъ внезапно самъ не явился съ пистолетомъ въ рукѣ? Почему онъ убѣждалъ изъ дома, почему не попробовалъ (какъ писалъ разъ двадцать) убить Н. или меня; почему, наконецъ, онъ не покончилъ съ собой?.. На это у него не хватило ни энергіи, ни мужества. Клеветать, диф- фамировать, запугивать свою жену легче, — онъ такъ и дѣлаетъ. Надо, наконецъ, положить этому конецъ и покарать негодяя. Для этого мнѣ нужна помощь друзей, нуженъ ихъ совѣтъ; особенно же мнѣ нужна вѣра, что, если въ завершеніе всей ироніи, я паду въ этой борьбѣ, то друзья мои дадутъ потрясающій примѣръ возмездія и солидарности.

Вашъ другъ А. Г.

◆◆ 1. Передъ этимъ Герценъ получилъ слѣдующее письмо отъ Гауга отъ 10 марта:

«Mein unglücklicher Alexander, beginnen Sie nichts, um Ihrer beleidigten Ehre Genugthuung zu verschaffen, bevor ich Sie gesehen— ich komme nach Nizza in wenig Tagen—Ihr Brief vom 6-ten Februar an Mazzini ist mir erst diesen Augenblick zu Gesicht gekommen, und verhängnisvoll genug scheint es mir, dass Sie meinen letzten Brief vom Monat Dezember nicht erhalten haben.

Meine Brust ist wüst und öde wie ein Friedhof. Nichts als Grabkreuze — die Leichen der besten, meisten Seelen faulen vor meinem Angesichte und mein Auge ist verflucht still zu zusehen, meine Glückseligkeit verflucht, die heiligen Ahnungen einer höheren Menschenliebe mit der in formen Karrikatur gemeiner Schuffte zusammen zu kuppeln.

Mein armer, unglücklicher Iskander, ich leide, wie Sie, und bitterer, denn ich achte M-me Herzen—hoch.

Sie wissen nicht, dass Mazzini mir eines Abends die trockene Zeile schrieb: «on vous aura écrit que Herzen a perdu sa femme».—Es war gerade damals, als Frankreich starb. Das passte zusammen—ein Engel zum Todtenbette einer Nation. Später erst erfuhr ich, dass Ihre Mutter—die arme Frau—verunglückt sei.

Nach einem Jahre erst löst sich das grausame stillschweigen Ihrerseits, welches sie mit der lakonischen Rücksendung meines Briefes an M-me Herzen zu einem fortdauerenden hässlichen Zweifel gestempelt hatten. — Das war fressendes Gift; denn Sie wussten nicht, wie sehr mein vielleicht zu enthusiastisches Gemüth sich in Ihr Leben hinein verwachsen hatte — Als Sie mir in einer späten Nachtstunde vor der Madelenekirche einst sagten, dass Natalie ihre Seligkeit, ihr Himmel sei—liebte ich diesen Himmel in welchen ich früher vielleicht verliebt gewesen bin. Natalie wurde die Persönlichkeit des Geistes von Osten, dessen Vertreter Sie sind—ich liebte ein Ideal und bin ihm treu geblieben. Sie selbst—Alexander—sagten mir einst: «H., Sie sind ein reiner Mensch» — Ja, ich bin es und treu meinen Gefühlen, Sie sind meine Religion—ich habe Sie wissentlich nie profanirt.—

Ihr Leiden schneidet schmerzlich in mein Leben—ich will es kuriren. Der Traum der Zeit—Solidarität der Völker würde. . . .¹⁾ sein, wenn er nicht von seinen Träumern statt erzählt, auch erfüllt würde. Sie haben Recht, sich nicht zu schlagen—schon einer der grössten Ostländer fiel durch eine gemeine Kugel und wo war die Sühne—die Haltung eines gerechten Schicksals? — Die Solidarität muss noch eine andere Seite haben.

Die Dunkelheit ist jetzt gebrochen, aber das Licht ist entsetzlich grell — doch ein treuer Strahl soll es fürder durchblitzen, der die Blinden sehend macht.—Die Wahrheit einer bessern Zukunft ist keine²⁾ Grüssen sie den Engel Ihres Lebens, Natalie — sie ist eine menschliche Heilige—sie muss es sein—denn alle lieben sie, und Mazzini sagt: la femme, c'est l'ange perdu. *Auf Wiedersehen.*

Переводъ.

Мой несчастный Александръ, не начинайте ничего для удовлетворенія вашей оскорбленной чести раньше, чѣмъ я васъ увижу—я прїѣду въ Ниццу черезъ нѣсколько дней. Ваше письмо къ Мац-

¹⁾ Слово не разобрано.

²⁾ Слово не разобрано.

дини отъ 6 февраля я увидѣлъ лишь сейчасъ, и мнѣ кажется несчастьемъ, что вы не получили послѣднее мое письмо въ декабрѣ.

Грудь моя пустынна, безжизненна, точно кладбище, ничего, кромѣ могильныхъ крестовъ. Передъ моимъ глазомъ истлѣваютъ многія лучшія души; взоръ мой осужденъ смотрѣть на это, оставаясь въ бездѣйствіи; на мое счастье легло проклятіе быть свидѣтелемъ святыхъ предчувствованій высшей человѣческой любви съ безобразными карриатурами пошлыхъ тварей ¹⁾.

Знаете ли вы, что какъ-то вечеромъ Маццини прислалъ мнѣ сухую строчку: «Вѣроятно, вамъ уже писали, что Герценъ лишился жены?» — Это было какъ разъ тогда, когда и Франція умирала ²⁾. Это и подошло другъ къ другу—ангелъ у смертнаго одра націи. Лишь позже я узналъ, что ваша мать,—несчастливая женщина!—погибла.

Только черезъ годъ прекратилось ваше суровое молчаніе, начало котораго вы запечатлѣли возвращеніемъ моего письма къ г-жѣ Герценъ, возбудивъ этимъ долго длившіяся гадкія сомнѣнія.

Это было пожирающимъ ядомъ, ибо вы не знали, до какой степени моя душа,—быть, можетъ слишкомъ восторженная,—вросла въ вашу жизнь. Съ тѣхъ поръ, какъ однажды, въ поздній часъ ночи передъ церковью Св. Магдалины вы мнѣ сказали, что Натали—ваше блаженство, ваше небо,—я полюбилъ это небо, въ которое раньше, быть можетъ, я былъ влюбленъ. Натали сдѣлалась олицетвореніемъ Духа Востока, предстателемъ котораго являетесь вы. Я полюбилъ идеалъ и остался ему вѣренъ. Вы сами, Александръ, сказали мнѣ однажды: «Г., вы—человѣкъ чистый». — Да, я таковъ; чувства мои искренни, это—моя религія, и я ни разу сознательно ее не осквернилъ.

Ваши страданія болѣзненно врѣзались въ мою жизнь—я хочу ихъ исцѣлить. Мечта нашего времени—солидарность народовъ — стала бы. . . . ³⁾, если бы вмѣсто того, чтобы о ней только говорить, осуществляли бы ее на дѣлѣ. Вы имѣете право не драться на дуэли: уже одинъ изъ величайшихъ сыновъ Востока погибъ отъ пошлой пули, и гдѣ же было искупленіе—десница справедливой судьбы?—Солидарность должна имѣть еще и другую сторону.

Мракъ теперь разсѣялся, но свѣтъ страшно ярокъ—долженъ же блеснуть вѣрный лучъ, который слѣпыхъ сдѣлаетъ зрячими! Истина лучшаго будущаго не. . . . ⁴⁾.

¹⁾ Въ смыслѣ презрѣнныхъ плутовъ и негодяевъ.

²⁾ Намекъ на государственный переворотъ 2 декабря 1851.

³⁾ Слово не разобрано.

⁴⁾ Слово не разобрано.

Передайте мой привѣтъ ангелу вашей жизни, Натали: она земная святая, она должна ею быть, потому что всѣ ее любятъ, и Маццини сказалъ: «Женщина, это—утерянный ангель. *До свиданія.*

565. Письмо къ М. К. Рейхель.

5 апрѣля (1852).

Я ничего не могу себѣ вообразить скучнѣе моихъ писемъ. Они должны поневолѣ повторять теперешнюю жизнь мою. Я почти начинаю хохотать надъ тупымъ ожесточеніемъ судьбы, съ которымъ она меня мучить и толкаетъ въ пропасть. Можетъ, пора? Завтра мнѣ сорокъ лѣтъ.

Представьте себѣ: второе представленіе первыхъ чиселъ января; Бонфись по два раза въ день, припарки, опіумъ; вмѣсто плѣрези отъ гриппа сдѣлалось мускульное воспаленіе брюшного муск., мученья страшныя при кашлѣ. Слабость отъ четырехмѣсячной болѣзни такова, что лѣкарства боятся давать—и au bout ¹⁾ всего этого: или изнурительная лихорадка, или даже тифоидная; если же сойdetъ съ рукъ, то черезъ три мѣсяца роды, а силъ нѣтъ...

А съ другой стороны, мерзавецъ тотъ не унимается.

Одни дѣти цвѣтутъ, — новое поколѣнье, молодая жизнь, свѣжая смѣна. Я, какъ Карлъ V, откажусь отъ жизни прежде смерти.

Какъ богаты были религіозные люди, на все у нихъ были средства—и монастырь и пилигримство; право, кажется, пошелъ бы пѣшкомъ на Авонскую гору, да со скуки пропадешь. И все-то мы сердимся на несправедливость судьбы, почему она избираетъ невиннаго и надъ нимъ тѣшится. Это насъ ужасно оскорбляетъ и все отъ того, что въ насъ еще бездна религіи.

Судьба—дура съ завязанными глазами; она и не тѣшится, и не наказываетъ, а ломится впередъ, нанося направо и налево удары и толчки.

Сорокъ лѣтъ! — Шутка! и все хорошее сзади, и все скверное впереди; впрочемъ, сквернѣе настоящаго не можетъ быть. А, впрочемъ, пожилъ: года два наберется хорошихъ.

Недавно какой-то англичанинъ считалъ свою жизнь передъ смертью и свелъ ее на нѣсколько дней. Напримѣръ, такъ: мнѣ сорокъ лѣтъ, изъ нихъ десять безсмысленнаго дѣтства, 10 проведены

¹⁾ Въ концѣ.

во снѣ, 10 лѣтъ мылся, надѣвалъ сапоги, . . . остается 10 лѣтъ. Исключите изъ нихъ тюрьму, ссылку, болѣзни близкихъ и послѣдніе полтора года, то увидите, что больше 5% не даютъ, а то и $4\frac{1}{2}\%$, какъ у васъ фонды. А тутъ еще прибавить — сколько времени я искалъ часовой ключикъ, терялъ перо, платокъ, сердился, такъ и останется два-три дня до свадьбы да годъ послѣ, свиданья съ Огаревъ, пиры съ друзьями, февраль 1848, двѣ-три бесѣды.

Ну, стоитъ растить послѣ этого вашего Сашку—на четверть часа счастья и полстолѣтія пищеваренья. Я и Н. для него и для Маврикія нашили коробъ платьевъ; я, было, его и послалъ, но сказали въ таможенѣ, что готовыя платья очень дороги и что съ васъ въ Парижѣ за это слупятъ,—я и жду оказіи. Я совѣтовалъ для Сашки сдѣлать платье сзади такъ: съ подвижнымъ на застежкахъ задомъ; тогда можно бы было пристегивать второй экземпляръ въ случаѣ сырости. Мысль умная, но ее не приняла Н. ¹⁾

Прощайте. Цѣлую Рейхеля. Сегодня страстной понедѣльникъ и, вѣдь, мнѣ жаль, что я не слышу великопостнаго звона, что не нужно итти къ заутрени, слушать XII Еванг. и отмѣчать воскомъ на свѣчѣ... а хлопоты исповѣди и причастья... усталъ, грибы, правила, дьячокъ охрипый, дьяконъ заспанный... Чѣмъ все это замѣнить? Нечего будетъ нашимъ дѣтямъ поминать, свели мы ихъ жизнь на прозу пищеваренія да на скуку разсудка. Ваши именины тоже скоро. Поздравляю,—къ нимъ-то, собственно, и велѣно отправить куртки, да не знаю, успѣю ли. А, вѣдь, Рейхель ни слова не написалъ, хочеть ли въ опекуны, или онъ думаетъ: я застраховалъ себя. Да поклонитесь много Мел., прочтите ему письмо. Что, онъ ѣдетъ когда-нибудь домой или остается? Коли мостъ не снялъ, пусть ѣдетъ. Ник. Сем. сталъ на ноги припадать, пухнетъ; видно, готовится потонуть самъ въ себѣ — *nauffrage à l'intérieur* ²⁾, знаете, какъ *Montalambert* ³⁾ говорилъ Ришелье ⁴⁾: походъ внутрь—признакъ водяной. Прощайте. Скучно, грустно и какая-то злоба жгучая и безсильная буравить. — А, впрочемъ, ничего. Письмо завтра утромъ.

Итакъ, сорокъ лѣтъ безъ сорока минутъ, а черезъ девять лѣтъ я буду подписывать *Pie IX* лѣтъ ⁵⁾.

¹⁾ Дальше слѣдуетъ рисунокъ герценовскаго изобрѣтенія.

²⁾ Буквально: кораблекрушеніе внутри.

³⁾ Маркизь, славившійся французскій военный инженеръ († 1800).

⁴⁾ Герцогъ, внукъ знаменитаго кардинала, правителя Франціи († 1788).

⁵⁾ *Pie IX*—Пій IX (римскій папа), но слово *Pie* по-французски значитъ также: «Сорока».

566. Письмо къ М. К. Рейхель.

7-е апрѣля (1852).

Ницца.

Глупый праздникъ рожденья тѣмъ глупѣе прошелъ, что Н. хуже и хуже, силы не возвращаются, лихорадка сильнѣе и сильнѣе. Словомъ, мы быстро подходимъ къ тому, что было въ началѣ января. — Но я спокойнѣе, не оттого, чтобы надѣялся, но оттого, что въ два послѣдніе мѣсяца я сжился со всѣми ужасами и, ежели не окрѣпъ, то притупился, одеревенѣлъ.

Итакъ, этотъ мерзавецъ, этотъ злодѣй достигъ своей цѣли. Онъ не мнѣ мститъ, онъ мститъ Н. и убилъ ее. Еслибъ я продолжалъ молчать послѣ картеля, тогда клевета и грязь, расточаемая его женой, были бы подтверждены. Мнѣ было необходимо дать Н. оправдаться самой. На это оправданіе, сдѣланное торжественно, пошли всѣ силы, оставшіяся отъ 16 ноября. Обиды росли, наглость его *издали* не знала предѣловъ. Все это падало ядомъ на больную грудь и тѣмъ сильнѣе, что она непрерывно говорила, что все это заслужено. И вдругъ ничтожная болѣзнь переполнила чашу: совершенная протрація дѣлаетъ невозможнымъ всякое лѣченіе. Фогтъ опять ночевалъ. Утромъ опять получше, но пароксизмъ дѣлается въ 5 часовъ.

8. Полдень.

Кажется, будто лихорадка меньше, и боли поутихли. Но зато готовятся *fausses couches*¹⁾), хотя еще опредѣленно сказать нельзя. Во всякомъ случаѣ скоро должно итти къ лучшему или худшему.

9. Полдень.

Лихорадка все такъ же; кажется, надежда за надеждой уносится... Я собралъ всѣ силы и готовъ, насколько силъ есть, выносить бремя. Послѣ всего испытаннаго жизнь—только бремя; одно любопытство можетъ заставитьъ жить, остальное увяло. Получилъ я письмо отъ Ник. Ал.²⁾ Напрасно онъ думаетъ, что я осержусь на его письмо. Я такъ увѣренъ въ его любви, что и тогда, когда бы его мнѣніе было иное съ моимъ, я бы не сердился.—Его мнѣніе умнѣ моего, но справедливо ли отъ человѣка, который далъ залогъ своей силы, какъ я, требовать еще и еще? — Ассизы въ устахъ этого подлеца

1) Преждевременные роды.

2) Мельгуновъ.

страшнѣе угрозъ огнемъ и водой, потому на это надобно только подлость; Мел. говоритъ объ оправданіи,—да развѣ вы не понимаете, что цѣль не въ *обвиненіи*, а въ томъ, чтобъ публично въ судѣ дошла рѣчь до разрыва и переписки, т. е., чтобъ женщина была потеряна? Какъ же мнѣ молчать? я и то молчу, — другіе не будутъ молчать. Фатумъ, оставившій что-нибудь случаю и инстинкту. Отъ васъ письма нѣтъ, хоть Мел. и пишетъ, что есть. Какія?

567. Письмо къ М. К. Рейхель.

10 апрѣля (1852).

Не хуже,—это очень много. Будто есть надежда; дня въ два можно сказать болѣе. Вы поймите сложность болѣзни: середь долгаго выздоровленія, обыкновенно слѣдующаго за плѣрезіей, явился эпидемическій гриппъ; спазматическій кашель тотчасъ произвелъ начало воспаленія въ боку (но ниже того мѣста, гдѣ была плѣрези) съ страшнымъ колотьемъ; оно спустилось и захватило абдоминальные мускулы. Отсюда боль въ животѣ. Ждали родовъ, вышло воспаленіе въ животѣ; болѣзнь сама по себѣ чрезвычайно опасная, Вотъ вамъ одна сторона. Другая — непрерывная лихорадка, смѣняющаяся потомъ, лихорадка, стремящаяся сдѣлаться перемежающейся, но со всѣми признаками воспалительной. Дать хинину значить еще болѣе раздражить воспаленіе; не давать, значить позволить усиленіе лихорадки.

Ждемъ. День за днемъ идетъ, унося силы, которыя и не возобновлялись послѣ плѣрези.

11 апрѣля.

Вотъ вамъ и «Христось Воскресе!»—революціоннѣе праздника быть не можетъ. Послѣ штатскаго удара я написалъ небольшой дифирамбикъ съ эпиграфомъ:

«Совершилось» и Христось испустиль духъ.
— «Чего ты плачешь?»—сказаль онъ Магдалинѣ,—
Иди и скажи ученикамъ: «Христось воскресъ».

Между этой фактической гибелью и этой поэтической вѣрой именно та полоска людей, которая собою обновляетъ вялую массу живого мяса и отдаетъ себя въ *ненужную* жертву и которая на краю гибели кричитъ «что ты плачешь? Христось воскресъ!». Вотъ вамъ и слово по святой Пасхѣ.

Болѣзнь ни шагу назадъ, ни шагу впередъ.

Писали ли вы ко мнѣ письмо вмѣстѣ съ Мел., т. е. въ тотъ же день, какъ онъ? а его пришло 9-го, стало, писано 6-го. Oui ou поп? ¹⁾ У Хоец. на-дняхъ украли письмо, будьте осторожны, какъ пріятель Ботк. ²⁾, который не смѣлъ ко мнѣ зайти. Мнѣ по многому кажется, что я мою карьеру кончилъ, спокойно смотрю назадъ; было много хорошаго, кое-что сдѣлано. Если я переживу болѣзнь эту и здоровье того негодяя, мнѣ бы хотѣлось покоя... покоя. Я, въ сущности, старѣе, нежели кажусь; у меня манера молодая... а сердце старо. Помните вы фореитора у Льва Ал. ³⁾—Панкрата? ему было лѣтъ 60, съ наружностью мальчика издали, но вблизи весь въ морщинахъ.

У меня юности осталось больше въ отрицательномъ... негодование даже—«недаромъ близъ Корсики живу», недаромъ «на святомъ берегу Италіи обрѣтаюсь»,—чувство ненависти и вендетты молодое и то на минуту, да старческое чувство любви къ тѣмъ, кого люблю, а въ томъ числѣ и къ вамъ. Учтивѣе кончить нельзя.

Прощайте.

Рейхелю посылаю мысленно крѣпкое яйцо, выкрашенное сандаломъ. Мел. не посылаю—онъ изувѣръ: Фейербаха читалъ, вольтеріанецъ, противъ Греча писалъ и безмѣрно справедливо и нравственно разсуждаетъ; во-1-хъ, говоритъ такъ, и, во-2-хъ, такъ, стало, такъ, etc. А будто не знаетъ пословицы «si la rasion domipait dans ce monde, rien ne s'y passerait» ⁴⁾. Можно прибавить: on se passerait même de la création ⁵⁾.

568. Письмо къ М. К. Рейхель.

13 апрѣля (1852).

Посылаю вамъ вексель на 3.500 фр.; возьмите эти деньги на всякій случай. Можетъ, я попрошу пріѣхать сюда васъ,—вы не отказывайтесь; можетъ, еще гроза и пройдетъ. Главное теперь должно быть устремлено на дѣтей. Вѣрьте въ то, что сдѣлается все, что

¹⁾ Да или нѣтъ?

²⁾ В. П. Боткинъ.

³⁾ Л. А. Яковлевъ.

⁴⁾ Если бы въ этомъ мірѣ преобладалъ разумъ, то въ немъ не совершалось бы ничего.

⁵⁾ Даже можно было бы обойтись безъ сотворенія.

можно. Въ Россію стоить написать, что я удивляюсь отвѣту Сат. ¹⁾. Разумѣется, объ вещахъ пишите Кетчеру.

Пока вотъ и все.

569. Письмо къ М. К. Рейхель.

15 апрѣля (1852).

Не хуже, даже далеко лучше. Лихорадка, т. е. жаръ, меньше. Есть надежда.—Впрочемъ, вы будьте *reisefertig* ²⁾, и Рейхель пусть васъ отпуститъ на два мѣсяца. Друзья вы мои, я на васъ, вѣдь, считаю, какъ на себя. Да скажите Мел., что я благодарю его за письмо; только какъ можно писать такими терминами? Сургучъ—дѣло тающее ³⁾.

Завтра больше.

Прощайте.

570. Письмо къ М. К. Рейхель.

17 апрѣля (1852). Суббота.

Болѣзнь какъ-будто идетъ тише, но лихорадка не прервана, и слабость еще больше. Надеждъ мало, но есть. Я до того при-смотрѣлся ко всему ужасному, что повторяю всѣ эти страшныя вещи, какъ будто ихъ смыслъ легокъ. Если пойдетъ хуже, я тотчасъ напишу; пріѣзжайте сюда съ вашимъ Сашкой и возьмите дѣтей въ Парижъ.—Я хочу непременно, чтобъ вы стояли во главѣ воспитанія женскаго. За Сашу я возьмусь, если я останусь цѣль послѣ всѣхъ этихъ ударовъ.

Cher Reichel, ne craignez aucune responsabilité, je vous donnerai des collègues et des aides. Mais je veux que Marie et vous restiez près des enfants jusqu'à leur majorité, en cas de ma mort. Vous aurez, comme conseil, Engelson et Haug, et encoe deux, trois personnes. Maintenant dites-moi avec franchise, était-ce une plaisanterie ou votre

¹⁾ Н. М. Сатинъ сообщилъ, что не можетъ уплатить процентовъ по займу.

²⁾ Готовы въ путь.

³⁾ Герценъ предостерегалъ отъ непріятныхъ для Мельгунова послѣдствій перлюстраціи.

sérieux, d'aller en Amérique?—Peut-être nous pourrions faire ce voyage ensemble; ne pensez jamais aux frais, il y va seulement de votre désir ¹⁾.

При случаѣ отдайте Саз. записку. Мел. пусть радуется: новая болѣзнь снова спустила мои руки. Но, право, я не вижу причины радоваться друзьямъ. Всякое несчастье вынесъ бы я легче, нежели эту страдательность; я, было, воскресъ, но судьба и дружескія предубежденности снова оставили меня съ оскорбленіемъ и безъ всякаго конца. Я слабѣю, я хочу удаленья, я хочу разорвать со всѣмъ прошлымъ (кромѣ двухъ-трехъ связей, сплетенныхъ давно и которыхъ не выдернешь изъ сердца безъ сердца).

Помните, что я писалъ насчетъ осторожности въ письмахъ, и прощайте.

Иногда мной овладѣваетъ животное равнодушіе, и иногда болятъ всѣ поры, всѣ нервы. Я страшно несчастенъ и стыжусь этихъ жалобъ: онѣ мнѣ не къ лицу, и чѣмъ, чортъ возьми, чѣмъ я созвалъ ихъ на голову свою?

571. Письмо къ М. К. Рейхель.

18 апрѣля 1852. Воскресенье.

Силы видимо исчезаютъ... Я не знаю, есть ли два дня впередъ. Молчу, крѣплюсь, но по многому не могу всего взять на одного себя. Гаугъ — мнѣ большое утѣшеніе, но его пребываніе не упрощено здѣсь. Можете ли вы пріѣхать? къ 1 мая вы были бы здѣсь. Если до тѣхъ поръ все перемѣнилось бы къ лучшему,—несчастье не велико, что проѣдетесь. Во всякомъ случаѣ, я въ Ниццѣ не остаюсь; можетъ, уѣду очень скоро — одна полная надежда на васъ; думаю, что Гаугъ и Эн. вамъ помогутъ. А потому, если вы здоровы, пошлите-ка за мѣстомъ въ дилижансъ и съ Сашей, а еще лучше, возьмите при немъ няню (пожалуйста, не ду-

¹⁾ Дорогой Рейхель, не опасайтесь никакой отвѣтственности: я вамъ дамъ товарищей и помощниковъ. Но я хочу, чтобы вы и Марія оставались при дѣтяхъ до ихъ совершеннолѣтія, въ случаѣ моей смерти. Для совѣта у васъ будутъ Энгельсонъ, Гаугъ и еще два-три лица. Теперь скажите мнѣ откровенно: серьезно было ваше желаніе ѣхать въ Америку или шутка? Быть можетъ, мы вмѣстѣ бы совершили это путешествіе? Что касается расходовъ, то разъ навсегда оставьте заботу о нихъ, — дѣло лишь въ вашемъ желаніи.

майте о расходахъ и тратѣ изъ 3.500, сколько хотите). Возьмите цѣлое купѣ до Ліона. Тамъ отдохните. Потомъ до Марсея; на пароходъ не садитесь.

Если бы вы и меня не застали, застанете инструкціи; все приготовите, уложите и поѣдете въ Парижъ. Все это, разумѣется, на случай страшнаго окончанія болѣзни... Я тороплюсь писать, боясь, что послѣ не будетъ ни головы, ни силъ, а между тѣмъ, дѣтей нельзя оставить безъ положительнаго руководства.

Вечеръ.

Не хуже и не лучше. Если вы рѣшились, то думаю, что во всякомъ случаѣ лучше рѣшиться—да и въ дорогу. И совѣстно мнѣ, да вы, вѣдь,—моя сестра.

Прощайте.

Письмо придетъ 22 или 23. Напишите, ѣдете ли. А, впрочемъ, я теперь буду писать всякій день.

572. Письмо къ М. К. Рейхель.

20 апрѣля (1852). Утро.

Вчера не писалъ я вамъ и не умѣю объяснить отчего: цѣлый день собирался, да голова идетъ кругомъ.

Крутой и горячечный характеръ болѣзни какъ будто пріостановился съ 18-го (вечера), но кашель и воспаленіе въ легкихъ очень сильны. Мы съ утра до утра стоимъ, какъ на лезвіи ножа: малѣйшее движеніе въ сторону, — и все погубило. Ни Бонфись, ни Фогтъ не имѣютъ, кажется, надежды, но я знаю неимовѣрную силу этого организма, духовную и физическую...

Это отчаянная борьба; можетъ, изъ нея и выйдетъ она такъ же торжественно, какъ изъ нравственной.

Я жду, останавливаю сужденіе и готовлюсь...

Васъ тоже ожидаю. Что бы ни было, вы очень необходимы. Можетъ, я уѣду изъ Ниццы, и намъ надобно хорошенько согласиться насчетъ всѣхъ дѣлъ.

Отъ Мельг. письмо. Его письма всегда служатъ мнѣ отрадой и отдыхомъ. Я ничего не знаю противоположнѣе его теплomu, полному любви вниманію, какъ *таковоза* Ник. Иван. ¹⁾, который, наконецъ, вывелъ меня изъ терпѣнія: фраза, холодъ и гранитъ.

¹⁾ Н. И. Сазоновъ, выслушивая кого-нибудь, всегда приговаривалъ: «такъ... такъ».

Пожмите руку Мельгунову много и скажите Рейхелю, чтобъ онъ на меня не сердился за небольшую разлуку.

Остальныя деньги отъ 3.500 привезите съ собой француз. банковыми билетами.

Скажите Мельгун., чтобъ онъ опять писалъ; я его прошу: письма его утѣшительны, а, право, теперь мнѣ всякая капля отрады— Богу свѣчка.

Кстати, скажите, чтобъ онъ прибиралъ мои письма, въ которыхъ есть завиральныя мысли...

12 вечера.

День тяжелый, т. е. если не совсѣмъ хуже, то въ томъ же положеніи. Письмо ваше получилъ. Вы добры, какъ я ждалъ, и потому писать буду на имя Рейхеля, а васъ жду.

573. Письмо къ Н. А. Герценъ. ¹

Мая 24 (1852).
Ницца.

Другъ мой, Таточка,

Скучно мнѣ безъ тебя, пиши мнѣ скорѣе письмо, а я скоро начну писать сказочку, о которой, помнишь, какъ ты меня просила. Будь здорова. Поцѣлуй много, много Оленьку. Думай часто о мамѣ, какая она была добрая и какъ любила Тату.

Твой папа.

◆◆ 1. Между предыдущимъ и этимъ письмомъ въ жизни Герцена произошла громадная перемѣна: 2 мая скончалась Н. А.—на, въ присутствіи пріѣхавшей въ Ниццу М. К. Рейхель. Послѣ 21 мая послѣдняя взяла обѣихъ дочерей Герцена и уѣхала съ ними домой, въ Парижъ. Герценъ былъ съ Сашей сначала въ Ниццѣ, потомъ ѣздилъ по Италіи, чтобы отдохнуть отъ всего происшедшаго. Подробности въ V части «Былого и думъ».

574. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(Май 1852).

Сказочку, Тата, не такъ легко написать,—вотъ когда я уѣду отсюда и буду совсѣмъ покойно жить, тогда напишу и сказочку, а Саша нарисуетъ картинки.—Будь здорова и помни всегда мамашу, какая она была добрая, какъ тебя любила и ласкала, и разсказывай объ ней Олѣ. Ей кланяется Мари ¹).—Прощай.

¹) Горничная Н. А.—ны.

575. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(Июнь 1852).

Тата, вчера живописецъ принесъ два портрета мамы: одинъ повеселѣе, а другой такой печальный; я его оставилъ себѣ, а тебѣ и Олѣ посылаю тотъ, который веселѣе. Повѣсь его надъ своей кроваткой и всякій день здоровайся и прощайся съ нимъ и Олю приучай.

Твой папа.

Рейхелю кланяйся.

576. Письмо ниццскому интенданту ¹⁾.

(Май, 1852).

Frappé de nouveau par un malheur terrible, ma pensée se tourne vers d'autres infortunés. Permettez-moi de vous remettre la somme de cinq cents francs pour qu'elle soit distribuée, par votre entremise, aux indigents de la ville de Nice. ¹

Agréez, etc.

A. Herzen.

Переводъ.

Снова пораженный страшнымъ несчастіемъ, я обращаюсь мыслью къ другимъ несчастливцамъ. Позвольте передать вамъ сумму въ пятьсотъ франковъ для раздачи, черезъ ваше посредство, нуждающимся жителямъ города Ниццы.

Примите и пр.

A. Герценъ.

◆◆ 1. Одновременно ниццская газета «L'Avenir de Nice» сообщила, что, сверхъ того, Герценъ пожертвовалъ 250 франковъ въ пользу итальянскихъ эмигрантовъ и 250 — для французскихъ.

¹⁾ «Городничій» — гражданскій правитель города. Вообще, въ прежнее время — завѣдующій вѣдомствомъ, канцеляріей, хозяйствомъ. Въ русскій языкъ перешло лишь понятіе объ управляющемъ войсковымъ хозяйствомъ.

577. Письмо къ М. К. Рейхель.

10 іюня 1852.
Генуя.

Ну, вотъ мы и переѣхали и сидимъ въ Генуѣ. Передъ самымъ отъѣздомъ, т. е. сидя въ malleposte ¹⁾, получили Ваше письмо. Вы дѣлаетесь въ моей жизни представителемъ мягкой и теплой стороны ея, стороны женственной, той женственной стороны, которая выражается дружбой, чувствомъ братства. Вообще, я женщинъ глубоко ненавижу, онѣ—звѣри да и притомъ злые: довели эгоизмъ до бѣшенства и все скрываютъ подъ личиной любви. Зато, если выщется исключеніе,—ну, такъ женщина головой выше мужчины, который даже не звѣрь, а животное.

Вотъ вамъ и философія съ дороги. Получилъ я еще письмо отъ Фогта. Цюрихскій мерзавецъ ²⁾ побѣждаетъ, подробности о его жизни до того возмутительны, что онъ, кажется, превзошелъ самого себя. Онъ живетъ на содержаніи у отставной обогатившейся лоретки 45 лѣтъ, подличаетъ передъ ней, облупливаетъ ее и все это съ октября мѣсяца. Стало, убійство Н. сдѣлано, просто на просто, по расчету холодной злобы и чтобъ чѣмъ-нибудь отмстить мнѣ. Его въ Швейцаріи презираютъ, какъ негодяя. Какая страшная судьба постигла такое высоко и широко развитое существо за одурѣнье, за чадъ, за круженіе сердца...¹ Рядъ подвиговъ раскаянія, новая высота, сила,—ничто не помогло.

Презрѣнный, грязный палачъ добилъ, добилъ грязный палачъ и виноватый вмѣстѣ. То, что схоронено, не исправишь, но справедливость, т. е. тотъ же фанатизмъ, со своей безпощадной послѣдовательностью, требуетъ примѣра. Онъ будетъ, онъ долженъ быть, ибо только на этомъ основаніи я могу жить.

Здѣсь меня приняли съ распростертыми объятіями. Часъ послѣ пріѣзда друзья Осипа Ивановича ³⁾ были уже у меня.² Я расту моими несчастіями,—это называютъ, вѣроятно, вытягивать жилы. Почетно, да вдвое того больно.

И съ Ниццой разстались хорошо. А тяжело было, когда я въ послѣдній разъ взошелъ въ ту комнату и снова чувствовалъ холодный потъ, и слышалъ стоны... И еще тяжелѣе на горѣ; мы тамъ были за полчаса до отъѣзда... будто, дѣйствительно, разлука... И

¹⁾ Дилижансъ.

²⁾ Гервегъ.

³⁾ Шутливое имя Маццини.

это были похороны такъ, какъ вашъ отъѣздъ съ дѣтьми, такъ, какъ моя поѣздка въ Нуѳес ¹⁾. Дайте Вашу руку, умнѣйшую изъ мнѣ знакомыхъ рукъ такъ, какъ у m-me Eng. ²⁾ рука дура; замѣтили вы эти глупые пальцы изъ дерева, кривые, обломанные и жесткіе, какъ коровій языкъ? Кланяйтесь m-me Тесье ³⁾. Мужа ея въ Геную доставилъ благополучно. Писалъ ли я вамъ или нѣтъ, что Адельгейдинъ мужъ ⁴⁾ присталъ ко мнѣ: плати ему да и только еще нѣсколько сотъ за потерянные въ морѣ вещи. Да что еще: я, говорить, въ судъ подамъ и счета представляю. Слыхали ли о такой неблагодарности? Получили ли вы мое послѣднее письмо? Я его послалъ 8, но не знаю, второпяхъ не забылъ ли Rokka отправить. Пишите просто: à Gênes (Etat Sarde), Poste restante.

До 25, вѣроятно, пробуду здѣсь. Считаю дни и часы; жду не отрадной вѣсти (для меня отрадныхъ вѣстей не будетъ), но жду обновленной, серьезной жизни, жду свободу отъ заражающаго мои легкія дыханія.

Обнимите Рейхеля и Морица, и Сашку, который меня любилъ даже въ поносѣ. Прошелъ ли оный?

◆◆ 1. Письмо К. Фогта изъ Берна отъ 4 іюня:

«Mon cher ami! Mille et mille remerciements pour votre lettre et le bienfait que vous venez d'accomplir. J'en suis ravi pour ce pauvre Régis, dont la position malheureuse m'avait frappé.

Ne sachant pas si vous étiez déjà parti, et quelle direction vous aviez prise, j'ai adressé en attendant quelques lettres à Edmond, pour le tenir au courant de mes observations. Je pense qu'il vous les aura communiquées ou en entier, ou par extrait. Je ne puis donc que vous répéter qu'il n'était pas besoin de ma part d'éclairer tout le monde, et mes amis en particulier, sur la malheureuse affaire qui vous (et nous tous) préoccupe tant. Si l'on ne connaissait pas les faits, on savait au moins à quoi s'en tenir sur les individus. Les seuls endroits du reste où l'on ait parlé et cancané sur tout ce qui est arrivé, sont Zurich et Paris—le reste de la Suisse n'en sait presque rien ou rien. A Genève il n'y avait que Fazy et Raisin qui fussent un peu instruits de ce qui se passait et ce qui s'était passé—le passage du misérable à Genève lors de sa déconfiture n'avait frappé personne, puisque tout le monde le détestait déjà avant.

1) Геръ—мѣсто гибели матери, сына и Шпильмана.

2) А. Х. Энгельсонъ.

3) Жена Тесье дю-Моте.

4) Адельгейда, горничная, спасшаяся при кораблекрушеніи.

Fazy que j'ai interrogé, m'a encore et encore répété qu'il n'en avait été question nulle part à Genève, et que les cancans étaient nuls. Tous m'ont prié d'insister auprès de vous pour que vous vous fixassiez pour l'hiver à Genève—tous vous attendent avec de vrais sentiments d'amis, et Fazy surtout est revenu cent fois là-dessus, en me priant de vous influencer sous ce rapport.

Quant à Zurich, vous pouvez être sûr que l'individu est tombé à tel point dans le mépris général, que les chiens même auraient honte de prendre sa jambe pour une borne. Cela m'a été assuré de tous côtés—amis, comme ennemis, sont unanimes dans ce sentiment. On l'a naturellement pressé de questions lorsqu'il est arrivé à Zurich—la manière dont il expliquait la rupture et justifiait sa conduite, a suffi pour lui attirer ce mépris. Il a cherché à se gagner quelques officiers et spadassins d'abord (Hofmeister, Küstow etc.) ils se sont détournés de lui avec dégoût. Kolatchek l'a abandonné—plein de dégoût et de mépris d'après ce que m'assurent les amis, qui l'ont vu à Paris. Il est tombé plus bas—de deux soûlards qui buvaient à ses frais de la piquette, la confédération l'a délivré. Maintenant il vit, conspué de tous, évité silencieusement, comme l'âne qui porte du fumier, avec une vieille putain de Louis-Napoléon, appelée «die Grossmutter», coquette de 45 ans, jaunie par le dépit d'avoir vu échouer ses spéculations.

Je vous prie, mon cher ami, laissez mûrir cela encore un peu et ne vous décaissez pas, pour tout au monde, de cette lettre de change *et de la lettre qui reconnaît cette dette de la part du mari*. M-me sent très bien que cela sera la massue qui les écrasera et les fera pourrir, dévorés par les poux. Laissez un peu de temps (je comprends combien cela vous coûte) il se pourrait que le temps vint où je vous demanderai ces lettres. Voyagez maintenant un peu—regardez la Rivière du levant de Gênes à la Spezzia, Turin, le lac Majeur et celui de Garde, le Tessin, l'Engadine et tous ces pays; courez à pied avec Sache et les autres compagnons.

Enfoncez-vous pour l'été dans les fatigues et dans les vaux et monts au milieu d'une nature âpre et sauvage. Cela vous fera du bien. Peut-être que je pourrai vous joindre en laisse dans un mois ou deux quelque part et que nous pourrons faire alors quelques excursions ensemble. Nous verrons alors pour l'hiver. Je crois que Genève vous conviendra. A vous ainsi qu'à Sache. Vous ne pouvez pas attacher à la longue ce pauvre garçon à une vie entièrement isolée, ni à une éducation privée dans une maison déserte où il serait seul en face de différents maîtres. Vous lui devrez maintenant une éducation plus publique,—le frottement, non seulement avec des compagnons de jeux, mais aussi avec des émules de travail. J'ai déjà pris des informations à

ce sujet à Genève et j'ai vu par l'état des connaissances, exigées pour l'entrée à l'Académie, que les études au gymnase là sont poussées assez loin. Vous lui feriez suivre les cours de ce gymnase, tout en l'ayant chez vous pour les repas et les nuits. Ma soeur n'est pas encore arrivée ici, mais je suis, malgré cela, cloué à la maison pour un mois ou six semaines—mon libraire me demandant une seconde édition revue, corrigée et augmentée de ma géologie et paléontologie. Adieu, mon cher ami—un baiser pour Sache.

Tout à vous

C. Vogt.

Переводъ.

«Милый другъ, тысяча и тысяча благодарностей за ваше письмо и за доброе дѣло, которое вы совершили. Я радъ за бѣднаго Режиса,—его несчастное положеніе поразило меня.

Не зная, уѣхали ли вы уже и въ какомъ направленіи, я написалъ нѣсколько писемъ Эдмонду, чтобъ держать его въ курсѣ своихъ наблюдений. Я думаю, что, вѣроятно, онъ уже сообщилъ ихъ вамъ, въ цѣломъ или частями. Могу повторить только, что мнѣ не пришлось разъяснять всѣмъ, и особенно моимъ друзьямъ, несчастное дѣло, которое такъ занимаетъ васъ (и всѣхъ насъ). Если и неизвѣстны были факты, то всѣ знали, по крайней мѣрѣ, чтѣ думать о лицахъ. Впрочемъ, единственными мѣстами, гдѣ шумѣли и сплетничали по поводу происшедшаго, оказались Цюрихъ и Парижъ, остальная Швейцарія не знаетъ почти ничего или всѣмъ ничего. Въ Женевѣ только Фази и Резэнъ были знакомы съ тѣмъ, чтѣ происходило и произошло; проѣздъ мерзавца черезъ Женеву никого не поразилъ, потому что всѣ его ненавидѣли уже раньше.

Фази, котораго я спрашивалъ, мнѣ еще и еще повторилъ, что объ этомъ нигдѣ въ Женевѣ вопроса не поднималось, и не было никакихъ сплетенъ. Всѣ просили меня настаивать, чтобы вы на зиму поселились въ Женевѣ; всѣ ждутъ васъ съ истинно-дружескими чувствами, а Фази сто разъ возвращался къ этому вопросу, прося повліять на васъ.

Что касается Цюриха, то можете быть увѣрены, что субъектъ до того палъ въ общемъ мнѣніи — или общемъ презрѣніи,—что даже собаки посовѣстились бы принять его ногу за тумбу. Въ этомъ меня увѣряли со всѣхъ сторонъ,—друзья и недруги единодушны въ этомъ чувствѣ. Его, конечно, забросали вопросами, когда онъ пріѣхалъ въ Цюрихъ; но достаточно было способа, которымъ онъ объяснялъ разрывъ и оправдывалъ свое поведеніе, чтобы вызвать къ нему презрѣніе. Онъ пробовалъ привлечь къ себѣ нѣ-

сколькихъ офицеровъ и забіякъ (Гофмейстера, Рюстова и др.), но они съ отвращеніемъ отвернулись отъ него. Бросилъ его и Колачекъ, полный отвращенія и презрѣнія, — какъ увѣряютъ меня друзья, видѣвшіе его въ Парижѣ. Онъ палъ еще ниже: конфедерація освободила его отъ двухъ пьянчужекъ, которые пили дрянное вино на его счетъ. Теперь онъ живетъ, явно презираемый всѣми; его избѣгаютъ молча, точно осла, навьюченного навозомъ, и вмѣстѣ съ нимъ—старую блудницу Луи-Наполеона, которую прозвали здѣсь «бабушкой»,—кокетка 45 лѣтъ, пожелтѣвшая съ досады при крушеніи надеждъ на выгодную спекуляцію.

Дорогой мой другъ, прошу васъ—дайте всему этому еще немного созрѣть и, ни за что на свѣтѣ, не выпускайте изъ рукъ тотъ вексель и *письмо, въ которомъ денежный долгъ признается и ея мужемъ*. Жена прекрасно понимаетъ, что это будетъ ударомъ, который раздавитъ ихъ, отъ котораго они сгніютъ, заѣденные вшами. Подождите немного (я понимаю, чего это вамъ стоитъ),—настанетъ, можетъ быть, время, когда я попрошу у васъ эти письма. А теперь попутешествуйте, посмотрите восточную Ривьеру отъ Генуи до Спеціи, Туринъ, Лаго-Маджіоре и Гардское озеро, Тичино, Энгадинъ и всѣ такія мѣста; пройдите ихъ пѣшкомъ съ Сашей и другими спутниками. А на лѣто заберитесь въ трудныя мѣста, по горамъ и доламъ среди дикой и суровой природы. Это поможетъ вамъ. Быть можетъ, и я присоединюсь къ вамъ слѣдомъ, если получу отпускъ на мѣсяцъ или на два; тогда будемъ дѣлать экскурсіи вмѣстѣ. Мы подумаемъ тогда и о зимѣ. Мнѣ кажется, что Женева подошла бы и вамъ, и Сашѣ. Нельзя же надолго обречь бѣднаго мальчика на жизнь, совершенно одинокую, и на домашнее воспитаніе въ опустѣломъ домѣ, гдѣ онъ будетъ встрѣчаться съ разными учителями одинъ на одинъ. Вы должны ему давать теперь болѣе общественное воспитаніе; ему необходима среда, треніе—не только товарищей по играмъ, но и соревнователей по работѣ. Въ этомъ отношеніи я уже навелъ справки въ Женевѣ и, судя по требованіямъ, которыя предъявляются для вступленія въ академію, въ гимназіи проходятъ довольно много. Вы могли бы опредѣлить его въ гимназію приходящимъ, а за обѣдомъ и по вечерамъ имѣли бы его при себѣ. Сестра еще не пріѣхала, но, несмотря на это, я прикрѣпленъ къ дому на цѣлый мѣсяцъ или полтора: мой издатель хочетъ выпустить второе изданіе моей геологіи и палеонтологіи, просмотрѣнное, исправленное и дополненное.

Прощайте, мой дорогой другъ, цѣлую Сашу.

Весь вашъ

К. Фортъ.

2. 27 мая Маццини писалъ Герцену: «Братъ мой, я только изъ газетъ узналъ о случившемся. Гаугъ не писалъ больше со смерти вашей Наталіи. Все это время я оставался въ неизвѣстности; теперь роковая вѣсть дошла до меня. Я не собираюсь утѣшать васъ: васъ могутъ утѣшить только Богъ да ваши дѣти. Я хочу только сказать вамъ, что страдаю за васъ и съ вами. Я понимаю всѣ ваши страданія; больше того—я чувствую не заполняемую пустоту, чувствую ту черную тѣнь, которая ложится на всю жизнь и обрекаетъ на изгнаніе душу, какъ царь обрекъ на изгнаніе ваше тѣло. И когда насъ поражаетъ не рука судьбы, а рука человѣка, рука негодяя, что-нибудь, чего можно было избѣгнуть и что ускорило катастрофу, — тогда горечь во сто разъ горше, и безвѣріе отчаянія грозить человѣку. Я чувствую все это и, все-таки, хочу сказать вамъ: мужайтесь! страдайте, но стойко! каковы бы ни были ваши вѣрованія, страдайте такъ, какъ этого хотѣла бы она. Мнѣ всегда казалось, что смерть любимыхъ нами должна въ особенности дѣлать насъ лучшими. Мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы мы могли впадать въ грѣхъ, въ косность, въ себялюбіе, когда между нами и будущимъ міромъ стоитъ ангелъ. Живетъ ли этотъ ангелъ только въ воспоминаніи, какъ вы думаете, или онъ живетъ и бодрствуетъ болѣе реально, какъ вѣрю я,—вашъ долгъ тотъ же: дѣлать все, что могло бы вызвать улыбку на ея лицѣ, и не дѣлать ничего, что она при жизни осудила бы. Вотъ все, что я хотѣлъ напомнить вамъ, мой другъ, и прибавить рукопожатіе, которое лучше понравилось бы вамъ, если бы вы могли ощутить его на самомъ дѣлѣ. Я высказываю вамъ свое уваженіе и привязанность. Это—рукопожатіе человѣка, который хорошо знаетъ жизнь и ея скорби, который жаждалъ привязанностей и неизмѣнно видѣлъ ихъ крушеніе, который страдалъ и чувствуетъ чужое страданіе. Что вы думаете теперь предпринять? Гаугъ писалъ, что если предвидѣвшееся несчастіе случится, вы уѣдете въ Америку. Не уѣзжайте туда! Оставайтесь въ Европѣ съ нами, старыми борцами. Что вы найдете въ Америкѣ? Свободу? Но развѣ она не съ вами? Задача въ томъ, чтобы создавать свободу тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Помогайте мнѣ въ этомъ. Вамъ, какъ и мнѣ, осталось одно — культъ великой идеи, культъ не созерцательный по-восточному, но по-европейски дѣйственный и стойкій безъ конца, до побѣды. Помогайте мнѣ и пріѣзжайте ко мнѣ или поселитесь въ Швейцаріи; вы будете тамъ полезны и будете видѣть меня. Простите, мой другъ. Любите меня, какъ я люблю васъ» (переводъ заимствую у г. Гершензона — «Былое» 1907, V, 214—215—съ нѣсколькими поправками и дополненіями по подлиннику, хранящемуся въ архивѣ семьи Герцена).

6 ноября Д. Медичи ¹⁾ писалъ Герцену изъ Генуи: «Милый другъ, первое письмо, которое вы написали мнѣ изъ Лондона, дало мнѣ почти увѣренность, что я буду имѣть радость опять видѣть васъ въ Генуѣ. Теперь все измѣнилось — вы пишете объ Америкѣ! Не ѣздите туда, милый Герцень, вернитесь сюда, у васъ здѣсь истинные друзья. Подумайте и о томъ, что наше поле брани—Европа; если атака начнется въ Италиі, мы братски подадимъ другъ другу руки, мы вмѣстѣ будемъ жить боевой, бурной жизнью; это будетъ новая жизнь для насъ, полная поэзіи и чувства, которая каждый мигъ будетъ напоминать намъ: ты сильный. Тогда кончится эта нерѣшительность, гдѣ одни толкаютъ насъ направо, другіе—налѣво, и гдѣ наша воля, имѣющая цѣль, гибнетъ въ бездѣйствіи. Другъ С. ²⁾ говорилъ мнѣ о васъ; я знаю, какую помощь вы оказали нашей кассѣ, и отъ всего сердца благодарю васъ. Имѣете ли вы извѣстія объ Энгельсонѣ? Я довольно давно писалъ ему въ Женеву и удивляюсь, что нѣтъ отвѣта. Козенцо, Пизакане, Меццокапо и др. ³⁾ поручили мнѣ передать вамъ ихъ привѣтъ; мы всѣ любимъ васъ, какъ брата» (переводъ заимствую у г. Гершензона изъ V кн. «Былого» 1907, съ двумя незначительными поправками по подлиннику, хранящемуся въ архивѣ семьи Герцена).

¹⁾ Джакомо, одинъ изъ героевъ итальянскаго освобожденія и сподвижниковъ Гарибальди. Сражался добровольцемъ въ Испаніи и въ рядахъ гарибальдійцевъ въ Монтевидео; особенно выдѣлился во время римской республики, и тогда Гарибальди произвелъ его въ полковники. Послѣ побѣды реакціи эмигрировалъ въ Сардинское королевство (Геную). При объединеніи Италиі въ войну 1859 года получилъ чинъ генерала. Вспослѣдствіи Викторъ-Эммануилъ II сдѣлалъ его сенаторомъ и далъ титулъ маркиза Вашелло (Vascello) въ память всѣхъ передовыхъ людей Италиі. Впослѣдствіи правительство Викторъ-Эммануила II очень искусно воспользовалось талантами, авторитетомъ и связями (въ остальной Италиі) этихъ эмигрантовъ, огромное большинство которыхъ послѣ войны 1859 г. вернулось къ легальной дѣятельности; тогда многіе изъ этихъ друзей Герцена быстро выдѣлились на военномъ и административномъ поприщѣ, въ области научной, культурной и общественной дѣятельности.

²⁾ Саффи.

³⁾ Эмигранты (съ 1849 г.) изъ Неаполитанскаго королевства, Папскихъ владѣній и другихъ итальянскихъ государствъ съ реакціонными правительствами. Напротивъ, Піемонтъ и вообще Сардинское королевство придерживалось либеральной политики и охотно допускало эмигрантовъ, что ему обезпечивало сочувствіе всѣхъ передовыхъ людей Италиі. Впослѣдствіи правительство Викторъ-Эммануила II очень искусно воспользовалось талантами, авторитетомъ и связями (въ остальной Италиі) этихъ эмигрантовъ, огромное большинство которыхъ послѣ войны 1859 г. вернулось къ легальной дѣятельности; тогда многіе изъ этихъ друзей Герцена быстро выдѣлились на военномъ и административномъ поприщѣ, въ области научной, культурной и общественной дѣятельности.

578. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(10 іюня 1852).

Тата, дружокъ маленькій, мы прїѣхали въ Геную, и Франсуа съ нами. А Рокка и Жюль остались въ Ниццѣ. Здѣсь городъ большой, дома все мраморные и кафе богаче вашихъ. Получила ли портретъ ты, а Маша памятникъ?

Прощай. Можетъ, скоро, то есть черезъ мѣсяцъ, мы увидимся. Оленьку цѣлуй.

Саша ушелъ смотрѣть ходъ и будетъ писать слѣдующій разъ, а Энгельсонъ тебя дразнить отсюда.

579. Письмо къ М. К. Рейхель.¹

12 іюня (1852), 5 часовъ пополудни.

Письма нѣтъ отъ васъ, давно что-то нѣтъ,—вотъ и вы стали забывать скучнаго и вѣчно хныкающаго старика; я послѣднее посланіе получилъ въ Ниццѣ 8-го. Новаго ничего. Черное воспоминаніе тутъ, какъ тутъ; въ настоящемъ ничего и ожиданіе *последней* хорошей вѣсти,—она, все-таки, придетъ скоро.

А вотъ важный совѣтъ Рейхелю и прошу тотчасъ отвѣчать на него.

Cher Reichel. Les journaux anglais parlent beaucoup d'une crise financière en Amérique et prétendent que les fonds baisseront terriblement, comme en 1836. Moi, j'ai, comme vous le savez, la grande partie de mon bien aux Etats-Unis, vous en avez aussi, or donc, c'est une chose trop grave pour ne pas nous en occuper. J'ai des 6% de l'*United States* et ensuite de l'Ohio et de Virginie. De grâce demandez M-r Schaumburg ce qu'il en est de ces bruits et priez le de prendre des mesures pour la vente des papiers dangereux. Adieu, tout à vous ¹).

A. H.

¹) Дорогой Рейхель, англійскія газеты много пишутъ о финансовомъ кризисѣ въ Америкѣ и утверждаютъ, что послѣдуетъ страшное паденіе фондовъ, какъ въ 1836 г. Вы знаете, что преобладающая часть моего состоянія помѣщена въ Соединенныхъ Штатахъ, у васъ также есть тамъ; слѣдовательно, это обстоятельство слишкомъ для насъ важно, и необходимо позаботиться. У меня есть шестипроцентныя «United States», затѣмъ Огайо и Виргинія. Сдѣлайте милость, развѣдайте у Шомбурга относительно этихъ слуховъ и просите его принять мѣры для продажи бумагъ, внушающихъ опасеніе. Прощайте, весь вашъ. А. И. Г.

Что у васъ есть Лермонтова или Пушкина? Тесье переводить отлично со мной,—я вамъ пришлю.

12 июня. Саша тебѣ все описалъ, какъ мы живемъ, моя милая Таточка, мнѣ остается тебя поцѣловать. Напиши мнѣ, какія новыя слова Оленька говоритъ, и учишь ли ты ее по-русски.

580. Письмо къ М. К. Рейхель.

15 июня (1852).

Генуя.

Вчера было шесть недѣль ¹⁾).

Можетъ, друзья отслужили панихиду.

Бѣдная, бѣдная мученица! Послѣдняя свѣтлая минута былъ вашъ прїѣздъ; помните, какъ она бросилась къ вамъ... Вы—дружба *тѣхъ* юныхъ, свѣтлыхъ годовъ, вы должны были представиться ей прошедшимъ, идущимъ на примиреніе съ недавними страданіями.

Письмо Тат. Алекс. глубоко тронуло меня. Вотъ вамъ и женщины и мужчины. Никто не побѣдилъ мудрой осторожности, одна женщина нашла силы... а, впрочемъ, можетъ, мое желчевое расположеніе все такъ видитъ. Напишите ей слова два отъ меня. Я письмо ея разъ прочелъ и боюсь перечитывать. Пусть она знаетъ, что я нравственно *не пошибъ*, совсѣмъ напротивъ: выше я никогда не стоялъ, я гордо несу вѣнокъ съ терніями на головѣ; я его несу, какъ корону. Впрочемъ, я думаю, и безъ васъ скоро узнаютъ многое: мы хотимъ дать торжественную гласность. Здѣсь я окруженъ величайшей симпатіей, но эта-то симпатія, сверхъ собственной воли, обязываетъ ко многому. Друзья не покраснѣютъ за меня.

Вотъ что еще: пришлите мнѣ письмо Тат. Ал. къ вамъ; я знаю, что мнѣ будетъ больно его читать, но прошу васъ: въ моемъ письмѣ она берегла меня, дайте взглянуть на всю скорбь.

Трудно будетъ Огареву вырваться и гдѣ онъ сыщетъ меня? Фази и Швейц. зовутъ очень въ Женеву; здѣшніе имѣютъ иные виды, но все же все зависитъ отъ Петер. А страшно хотѣлось бы видѣть его ²⁾).

Не рвите моихъ писемъ къ вамъ этой эпохи; когда Ог. прїѣдетъ, а меня не будетъ или я буду далеко (въ Нью-Йоркѣ), почитайте ихъ съ нимъ или съ Nat. ³⁾).

Прощайте.

¹⁾ Со дня смерти Н. А—ны.

²⁾ Огаревъ хлопоталъ въ это время о разрѣшеніи заграничнаго отпуска.

³⁾ Наталія А. Тучкова.

Мельгун. совсѣмъ не пишеть.

Саша начинаетъ заниматься. Тесье его тормошитъ съ авторитетомъ. Ему прививали оспу—здѣсь зараза, и m-me Engel. привили *коровью* оспу,—должно быть, примется по сочувствію. Жизнь наша идетъ такъ: я встаю рано, часовъ въ шесть, въ 12 завтракъ—Тесье, Саша и я; отъ 12 до 5 комната полна Италией, въ пять уходятъ. Тесье работаетъ, я не могу ничего дѣлать и таскаюсь по улицамъ; *въ половинѣ девятаю* я отправляюсь съ Тесье обѣдать въ Stabilimento ¹⁾, пью много вина, въ 12-ть—спать. Вотъ вамъ полный отчетъ.

А, вѣдь, страшно пусто!..

581. Письмо къ Н. П. Огареву и Н. А. Тучковой.

18 іюня (1852).

Записочка сестры получена. Надежды, надежды... Да Бога ради скажите, надежды эти представляютъ ли только желаніе сердца или основаны на чемъ-нибудь?

Ждать тяжело и, особенно, ждать неопредѣленнаго... Напишите положительнѣе, когда можно предполагать, что придетъ ваша посылка. Дѣтямъ она нужна, мнѣ нужна. Въ тревогѣ ожиданія жизнь идетъ какой-то пустой потерей.

Зачѣмъ же дагеротипы? не лучше ли самой снять очерки, если достанетъ искусства?

Прошлое письмо ваше подняло снова все... и, впрочемъ, я плакалъ радостно, отъ него дышало тепло, и я надѣялся. Но въ послѣднемъ—любовь та же, но увѣренности меньше.

Пишите больше: какой праздникъ—получить строчку или двѣ отъ васъ.

Нѣтъ, съ ней не схоронена ни одна тайна, я слишкомъ близокъ былъ, ближе, нежели когда-нибудь, послѣдній годъ. Все схоронено во мнѣ, и все безсмертно во мнѣ и должно воскреснуть. Когда же, когда могу передать все, чѣмъ полна душа?!

Такъ много непонятнаго, я думаю, для всѣхъ, даже для васъ. Ты говоришь: «трусъ», но всякій трусъ—злодѣй. Да этого мало: все гнусное въ «Орасѣ» ²⁾ Ж. Санда, все гнусное нѣмца и жида,

¹⁾ Заведеніе (въ данномъ случаѣ—трактирное).

²⁾ Перечитай его со вниманіемъ.—А. И. Г.

все безнравственное лица, освободившагося отъ всякаго чувства, къ тому же клевета, ложь и чувство подлой мести виноватаго.

Прислали мнѣ изъ Италіи оставленные портреты и картину похоронъ. Мой кабинетъ, какъ часовня надгробная, и мнѣ лучше съ этими памятниками. Мое несчастіе—фактъ жизни, и чувство мое, противостоявшее горькому искушенію, пережило смерть.

Прощайте.

582. Письмо къ М. К. Рейхель.

20 іюня 1852.

Генуя.

Ну, вотъ, наконецъ, отчаливаемъ отъ берега. Слава Богу... Конецъ томительному ожиданію, хотя и не конецъ,—по крайней мѣрѣ, дѣятельность, а потомъ будетъ и берегъ. Вчера вечеромъ я еще думалъ, что проживу здѣсь мѣсяцъ, но получилъ любезное приглашеніе отъ Петерс. и сегодня отправляюсь съ Сашей и Тесье къ берегамъ Лаго-Маджіоре. Куда писать вамъ, я не знаю; напишу послѣ завтра. Впрочемъ, Энгельсонъ можетъ всегда переслать изъ Генуи.

Насчетъ доктора Тесье говоритъ, что и этотъ очень хорошъ, а потому, если т-те Тесье думаетъ предпочесть, то и хорошо.

Прощайте, старый другъ! куда я ѣду? когда увидимся? увидимся ли? За одно ручаюсь,—дѣло идетъ торжественно и грозно, мерзавецъ обличенъ и нравственно уничтоженъ совершенно.

Можетъ, очень скоро увидимся.

583. Письмо къ Н. А. Герценъ.

20 іюня (1852).

Таточка милая, Саша купилъ тебѣ сегодня браслетъ, но не знаетъ, какъ послать. Мы съ нимъ ѣдемъ изъ Генуи погулять, и будемъ писать съ дороги. А ты поцѣлуй Олю.

584. Письмо къ Н. А. Герценъ.

25 іюня (1852).

Тата, зачѣмъ же ты все падаешь? вѣдь, и мнѣ больно, когда ты ушибаешься.

Я тебѣ купилъ такую игру, что можно изъ кусочковъ дѣлать всякіе портреты и рожицы.

Прощай, маленькая душака,

твой папа.

585. [Un appel aux frères de la démocratie].

Je vous prends pour juges.

J'ai refusé un duel.

Un duel avec le sieur Herwegh.

Pourquoi?

Je le dirai hautement. La trahison, l'hypocrisie, la lâcheté, l'exploitation sont des crimes. Les crimes doivent être punis ou expiés.

Le duel n'est ni une expiation, ni un châtement;

Le duel est une réparation.

Pour condamner et flétrir des crimes qui, par leur hauteur même, échappent à la procédure de nos ennemis officiels, jè me suis adressé au seul tribunal que je reconnaisse, à un jury de coréligionnaires, attendant de sa justice contre l'infâme que je lui dénonçai, une sentence, d'autant plus solennelle et plus terrible, qu'elle aurait pour exécutrice la conscience de tous les hommes de bien.

Nos frères de la démocratie européenne, répondant spontanément à mon appel, unanimes dans leur réprobation, se sont déclarés prêts à flétrir publiquement un homme qui a forfait à l'honneur.

Les choses en étaient là.

Cependant, quelques uns de mes amis, exécuteurs fidèles des volontés dernières d'une soeur respectée, allaient confondre le misérable jusque dans son domicile.

Après l'avoir moralement contraint au silence, ils lui lisaient la lettre que lui avait écrite sur son lit de douleur, la femme dont il a creusé la tombe.

Cette lettre qu'il avait renvoyée à son auteur, en l'accompagnant d'un commentaire odieux, qu'il disait n'avoir pas voulu lire, et qu'il avait ouvert ¹⁾ lu; elle contenait sa suprême condamnation.

Le coupable, frappé de stupeur, en écoutant l'arrêt authentique qui le condamnait sans appel, n'a retrouvé quelque semblant de courage que pour fuir et invoquer à grands cris le secours de la police.

Ernst Haug, alors, transporté d'une juste indignation, a puni la lâche, en lui imprimant sur le visage le cachet de son mépris.

Le sieur Herwegh n'a protesté contre la flétrissure dont il garde l'empreinte, qu'en m'envoyant un second cartel.

Cette protestation était facile à prévoir.

¹⁾ Надъ словомъ «*lu*» рукой Герцена надписано слово «*ouvert*».

Quant à moi, loin qu'elle me fasse dévier de ma route, elle m'y maintient plus ferme que jamais.

Que le verdict soit donc prononcé, et que pour la première fois justice soit faite, sans procureur ni gendarmes, au nom de la solidarité des peuples et de l'autonomie des individus.

Переводъ.

[Призывъ къ братьямъ-демократамъ].

Я беру васъ судьями.

Я отказался отъ дуэли.

Отъ дуэли съ г. Гервегомъ.

Почему?

Я скажу это во всеуслышаніе. Предательство, лицемѣріе, трусость, эксплуатація—преступленія. Преступленія должны быть или караемы или искупаемы.

Дуэль—не искупленіе и не кара.

Дуэль—удовлетвореніе.

Чтобы осудить и заклеить преступленія, которыя, по самой своей значительности, выходятъ изъ судебной процедуры нашихъ официальныхъ враговъ, я обратился къ единственному суду, мною признаваемому, къ суду чести изъ политическихъ единовѣрцевъ. Я жду отъ него приговора противъ подлеца, котораго я изобразилъ, и этотъ приговоръ долженъ стать тѣмъ болѣе торжественнымъ и страшнымъ, что исполнительною властью явится совѣсть каждого порядочнаго человѣка.

Наши братья изъ европейской демократіи, тотчасъ добровольно откликнушіеся на мой призывъ и единодушные въ своемъ осужденіи, объявили о своей готовности публично заклеить человѣка, измѣнившаго долгу чести.

Таково было положеніе дѣлъ.

Между тѣмъ, нѣсколько моихъ друзей, вѣрные исполнители послѣдней воли уважаемой ими сестры, отправились изобразить презрѣннаго негодяя въ его домъ. Нравственно принудивъ его къ молчанію, они прочли ему письмо, написанное на смертномъ одрѣ тою женщиною, которой онъ вырылъ могилу.

Это письмо, которое онъ, сопроводивъ гнуснымъ комментариемъ, отослалъ обратно автору, утверждая, что не читалъ его,—и которое, однако, онъ вскрылъ и прочелъ,—заключало высшее для него осужденіе.

Слушая этотъ подлинный и безапелляціонный приговоръ, виновный сначала остолбенѣлъ, а потомъ набрался подобія храбрости, но лишь для того, чтобы бѣжать и громко звать на помощь цюрихскую полицію.

Тогда Эрнстъ Гаугъ, внѣ себя отъ справедливаго негодованія, покаралъ подлаго труса, оставивъ на его щекѣ печать своего презрѣнія.

Противъ этого позора, клеймо котораго онъ сохраняетъ на лицѣ, г. Гервегъ протестовалъ лишь тѣмъ, что послалъ мнѣ второй вызовъ.

Такой именно протестъ легко было предвидѣть.

Что же касается меня, вторичный вызовъ не только не заставитъ меня сойти съ прежняго пути, но еще сильнѣе утвердитъ на немъ.

Пусть будетъ вынесенъ приговоръ, пусть впервые свершится правосудіе безъ прокурора и жандармовъ, во имя солидарности народовъ и автономіи личности.¹

◆◆ 1. Въ связи съ приведеннымъ «Призывомъ» и многимъ предыдущимъ, а также и съ рассказаннымъ въ V ч. «Былого и думъ» приведу слѣдующіе документы, хранящіеся въ подлинникахъ въ архивѣ семьи Герцена.

а) Письмо Ф. Орсини къ Герцену.

Cher monsieur, j'ai su que vous êtes arrivé heureusement à Gênes. Engelson me l'a écrit: j'ai su aussi ce qui se passe par rapport à Monsieur Herwegh: *cela va sans dire*. Lorsque cette lettre vous parvient, vous aurez déjà vu Medici: lui-même fera ce que je me proposai de faire en personne, c'est-à-dire de vous présenter à tous nos meilleurs amis italiens.—Connaissez vous le petit professeur d'italien d'Engelson? C'est celui qui m'a accompagné pour la première fois chez vous, c'est un brave et bon garçon.—Quant à moi, demain je change de maison, et je recommence avec toute l'activité possible mes études militaires, car j'ai la conviction qu'il y aura bientôt la guerre, et pour moi il n'y a rien de plus satisfaisant. Ma femme se porte très bien et me charge de vous faire mille compliments. *Il mio rampollo femminile* se porte aussi bien.—Excusez-moi pour mon mauvais français et mon laid caractère. Saluez et embrassez Tessier et croyez-moi avec sincérité tout à vous

Felice Orsini.

Nice, le 12 juin 1852.

Écrivez-moi et embrassez de ma part votre joli enfant.

Переводъ.

Дорогой Герценъ, я узналъ, что вы благополучно прибыли въ Геную. Энгельсонъ написалъ мнѣ объ этомъ. Узналъ я также и о томъ, что происходитъ по дѣлу Гервега: *это само собой разумѣется*. Это письмо дойдетъ до васъ послѣ того, какъ вы увидите съ Медичи; онъ самъ сдѣлаетъ то, что я хотѣлъ сдѣлать лично, т. е. представить васъ всѣмъ нашимъ лучшимъ друзьямъ-итальянцамъ. Знаете ли вы маленькаго ростомъ учителя, который обучаетъ Энгельсона итальянскому языку? Онъ былъ со мною, когда я первый разъ шелъ къ вамъ, это—славный и добрый малый. Что касается меня, то завтра я переѣзжаю на другую квартиру и возобновляю со всей возможной энергіей свои занятія военными науками, ибо убѣжденъ, что скоро будетъ война, а для меня ничего нѣтъ болѣе удовлетворяющаго. Жена моя чувствуетъ себя прекрасно и проситъ передать вамъ тысячу привѣтствій. *Мой отпрыскъ женскаго рода* чувствуетъ себя тоже хорошо. Простите меня за мой плохой французскій языкъ и отвратительный почеркъ. Передайте привѣтъ и обнимите Тесье.

Преданный вамъ

Феличе Орсини ¹⁾.

Ницца, 12 іюня 1852.

Напишите мнѣ и поцѣлуйте отъ меня своего хорошенькаго ребенка.

б) Письмо Медичи къ Герцену.

29 juin 1852. Gênes.

Cher Herzen, La lecture de votre lettre a ajouté beaucoup à ma tristesse—c'est toujours l'homme juste qui est le plus persécuté, mais nous qui nous sommes dévoués à la plus sainte des causes, nous devons grandir dans le malheur, nous devons rester debout—même quand

¹⁾ Феличе, графъ, изъ очень знатной римской фамиліи, давшей католическому міру трехъ папъ. По образованію былъ юристъ и занимался адвокатурой; пламенный борецъ за освобожденіе Італіи, онъ смолоду участвовалъ во множествѣ заговоровъ. Послѣ побѣды реакціи въ 1849 г., эмигрировалъ изъ Рима и жилъ въ Сардиніи, Швейцаріи и Лондонѣ. Считаая Наполеона III главною помѣхою объединенію Італіи, онъ въ 1858 г. покушался на его жизнь, за что и былъ гильотинированъ.

la terre tombe sous nos pieds.—Faire voir à nos ennemis que nous sommes malheureux, c'est leur donner courage à crier victoire. Ne donnons pas ce plaisir infernal à ceux qui tôt ou tard doivent tomber sous nos coups. Cher ami, tout ce qui paraît impossible, ne l'est pas toujours, quand on veut avec une volonté de fer, et dans votre cas je crois entrevoir un moyen sûr d'arriver au but, et Engelson doit vous en avoir écrit. Vous ferez bien d'abord de vous émanciper des jurés, et leur intervention dans une affaire, telle que la vôtre, me semble de trop absorbante. La solidarité entre peuples, comme entre amis, ne doit jamais aller au delà de se prêter secours, mais tendre d'un côté la main et de l'autre—l'acte d'abdication à celui qui doit vouloir agir lui-même, c'est du despotisme.

Je ne sais pas ce que vous allez maintenant entreprendre. Je serai à vous de tout mon coeur quand vous le jugerez nécessaire. Etes-vous décidé à agir immédiatement? Si vous ne l'êtes pas, il me semble que vous devriez quitter la Suisse, car rester longtemps sur le même terrain de son adversaire sans engager le combat, c'est lui donner prise sur vous, et dans ce cas il vaut mieux changer la base et le plan d'attaque.—La vengeance n'est vengeance que lorsqu'elle va frapper à coup sûr sa victime. Pourquoi vouloir subordonner son action inexorable à des époques déterminées? Venez, venez avec Tessier ici, à Albaro, nous causerons, nous boirons du champagne avec les Engelson, nous organiserons ensemble la vengeance de la démocratie et aussi la vôtre . . . ¹⁾ rendre à toute son activité un de ses chefs.

Ne sachant la vraie situation de l'affaire, j'écris au hasard, veuillez excuser la liberté que je me suis prise.

Je vous embrasse avec Tessier et Haug. Donnez des vos nouvelles et comptez sur l'amitié de votre dévoué

Medici.

Переводъ.

29 июня 1852. Генуя.

Дорогой Герцень, чтение вашего письма еще болѣе усилило мою грусть—праваго всегда больше преслѣдуютъ,—но мы, преданные самому святому дѣлу, должны крѣпнуть въ несчастьи, мы должны удержаться на ногахъ даже тогда, когда почва уходитъ подъ нами. Обнаруживать передъ врагами свое несчастье значитъ придавать имъ храбрости кричать о побѣдѣ. Не дадимъ же этого адскаго удовольствія тѣмъ, кто рано или поздно долженъ пасть подъ нашими ударами. Дорогой другъ, когда желаніе соединяется

¹⁾ Слова не разобраны.

съ желѣзной волей, не всегда невозможно то, что кажется такимъ, и въ вашемъ случаѣ я, кажется, провижу вѣрное средство прійти къ цѣли,—Энгельсонъ, вѣроятно, уже написалъ вамъ объ этомъ. Вы хорошо сдѣлаете, если прежде всего освободитесь отъ судей чести—ихъ вмѣшательство въ такое дѣло, какъ ваше, кажется мнѣ слишкомъ поглощающимъ. Солидарность между народами, какъ и между друзьями, не должна итти далѣе оказанія помощи, но протягивать съ одной стороны руку, а съ другой— актъ отреченія тому, кто долженъ самъ стремиться къ дѣйствию, это—деспотизмъ.

Я не знаю, что вы теперь предпримете. Я буду весь къ вашимъ услугамъ, когда сочтете это необходимымъ. Рѣшили ли вы дѣйствовать немедленно? Если нѣтъ, то мнѣ кажется, что вамъ слѣдовало бы уѣхать изъ Швейцаріи, потому что оставаться долго тамъ же, гдѣ живетъ противникъ, не вступая съ нимъ въ борьбу, значитъ давать ему шансы противъ васъ; въ этомъ случаѣ лучше измѣнить основную линію и планъ атаки. Местъ—только тогда местъ, когда она поражаетъ свою жертву навѣрняка. Зачѣмъ вы хотите приурочить ея неумолимое дѣйствіе къ опредѣленнымъ срокамъ? Приѣзжайте, приѣзжайте лучше съ Тесье сюда, въ Альбаро, мы поговоримъ, поьемъ шампанскаго съ Энгельсонами, вмѣстѣ организуемъ местъ демократіи и также вашу . . . ¹⁾ вернуть къ полной дѣятельности одного изъ вождей.

Не зная истиннаго положенія дѣла, я пишу на всякій случай; простите мнѣ эту вольность.

Обнимаю васъ вмѣстѣ съ Тесье и Гаугомъ. Пишите о своихъ дѣлахъ и рассчитывайте на дружбу преданнаго вамъ

Медичи.

в) Письмо А. Мордини къ Герцену.

Caro Herzen—Engelson e Medici mi hanno comunicato le vostre lettere. La vostra situazione costa mi fa pena, per che è falsa. Poi chè il giuri ha preso una decisione che non è quella reclamata rigorosamente dal caso vostro, a voi non resta che un partito, zbarazarvi civè dalla pastosi in cui involontariamente siete stato cacciato e venire quà in mezzo a noi, che in fatto di vendetta potremo darvi dei consigli più autorevoli che non possono fare i tedeschi—ma prima di partire dalla Svizzera, protestando contro la risoluzione del giurè, dichiarata che non vi disonorerete mai battandovi in duello con un'individuo della fatta di Herwegh, pronto per altro essendo a misurarsi

¹⁾ Слова не разобраны.

con qualunque uomo d'onore, che si senta il coraggio di prendere le parti di quell'infame. E lasciate il vostro indirizzo.—Per carità, ritornate. Voi solo siete il vero giudice di quello che vi conviene fare. Le idee de' Medici e mie credo che consono saranno colle vostre. Voi dovete certo vendicare e voi stesso e la democrazia, ma a voi pure appartiene la scelta del quando e del come. Vi aspettiamo con impazienza. Tranquillizzatevi intanto e preparatevi a dedicare oramai alla causa dei popoli il vostro ingegno, così potente e il vostro cuore così caldo. Un abbraccio fraterno a Tessier che spero rivedere presto, e a Alessandro, e a Edmond. Tutto vostro

Antonio Mordini.

Gênes, 29 juni 1852.

Переводъ.

Дорогой Герценъ, Энгельсонъ и Медичи сообщили мнѣ ваши письма. Ваше теперешнее положеніе огорчаетъ меня, потому что оно фальшиво. Такъ какъ комиссія приняла рѣшеніе, не соответствующее тому, что неотложно требовалось вашимъ дѣломъ, вамъ остается только одинъ выходъ—выбраться изъ сѣтей, въ которыя вы невольно попали, и ѣхать къ намъ; мы сможемъ дать вамъ по вопросу о мести болѣе цѣнные совѣты, чѣмъ нѣмцы. Но прежде, чѣмъ уѣхать изъ Швейцаріи, протестуя противъ рѣшенія судей, объявите, что вы никогда не опозорите себя дуэлью съ такой личностью, какъ Гервегъ, будучи, съ другой стороны, готовымъ драться со всякимъ честнымъ человѣкомъ, который осмѣлится взять сторону этого подлеца,—и оставьте вашъ адресъ. Ради Бога, вернитесь. Вы—единственный дѣйствительный судья того, что вамъ слѣдуетъ дѣлать. Я думаю, что мысли Медичи и мои сходятся съ вашими. Вы, конечно, должны отмстить,—и за себя, и за демократію, но лишь вамъ принадлежитъ инициатива, когда и какъ это сдѣлать. Ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ. А пока успокойтесь и отнынѣ готовьтесь посвятить дѣлу народовъ свой столь могучій умъ и свое столь горячее сердце. Шлю братскій поцѣлуй Тессье, котораго надѣюсь скоро увидѣть, а также Александру и Эдмонду.

Весь вашъ

Антоніо Мордини ¹⁾.

¹⁾ Революціонеръ-маццинистъ; въ 1860 г. былъ сподвижникомъ Гарибальди въ Сициліи, гдѣ проявилъ себя энергичнымъ продиктаторомъ; умеръ сенаторомъ.

1) *Письмо В. А. Эниельсона къ Герцену.*

Hôtel de ville. 8-й часъ.

Я только что получилъ вѣсть, что Эмма отложила свою поѣздку и 9-го числа была еще въ Ниццѣ.

11 іюля, воскресенье, 6 час. пополудни. Альбаро.

Вѣсть о происшествіи 1-го іюля прибыла въ Ниццу 7-го числа, и 8-го красноносая барыня (Эмма Г.—*М. Л.*) вечеромъ отправилась съ сыномъ въ Цюрихъ. Объ этомъ вчера меня извѣстили подъ условіемъ держать въ тайнѣ, т. е., какъ я смѣю думать, съ тѣмъ, чтобы я это вамъ передалъ, и въ надеждѣ, что вы проговоритесь объ этомъ извѣстіи,—тогда будутъ имѣть предлогъ завязать дѣло со мною, и, когда меня не будетъ, у красноносой барыни будетъ однимъ противникомъ меньше. Можетъ быть, и неприлично съ моей стороны дѣлать такія догадки, но—«мысли отъ Бога», и такъ мнѣ *сдается*.

Поэтому я васъ прошу про себя держать извѣстіе объ ея поѣздкѣ, которая будетъ имѣть, вѣроятно, и дурную и хорошую сторону. Дурная сторона можетъ быть въ томъ, что она накричитъ, а, наконецъ, чего добраго, пожалуй, еще разъ захочетъ свою прыть показать и преданность мужу, пырнувъ васъ или Сашу ножомъ. Вотъ почему, несмотря на предписаніе держать ея поѣздку въ тайнѣ, я спѣшу васъ объ ней предупредить.—Хорошая же сторона въ томъ, что она нежданно пріѣдетъ къ своему супругу, который врядъ ли ей обрадуется.

Какъ уже вчера я вамъ писалъ, я сообщилъ вчера же подстрочный переводъ разсказа вашего о происшествіи 1-го іюля Орсини и послалъ списокъ вашей записки къ Дамету.

Сегодня я Дамету описалъ подробно все дѣло и просилъ его мой разсказъ сообщить Пачелли.

Завтра опишу такъ же подробно все дѣло Бонфису и послѣдній эпизодъ—Мордини, который въ Спеціи.

Сегодня у меня нѣтъ времени, и потому только я вамъ не посылаю копію съ моего разсказа *всею* дѣла; но я не премину доставить вамъ копію съ него. Посылаю вамъ приложенное запечатанное письмо и прошу васъ и Эдмонда, которому я при семъ, на случай нужды, написалъ форменное письмо, напечатать къ сему приложенный мой *avertissement*,—буде онъ вамъ не очень не понравится. Теперь прочтите его.—Я, было, хотѣлъ прибавить подъ конецъ еще слѣдующее:

«Quant au sieur—lui-même, je l'avertis que je ne chercherai pas à le rencontrer, mais que, d'un autre côté, je ne l'éviterai non plus. C'est à lui de prendre ses mesures pour ne pas se trouver sur mon chemin, car le fait de sa rencontre me porterait à supposer que la leçon qui lui a été infligée, n'a pas été suffisante.—Il est évident que je n'accepterai pas de duel avec le sieur Herwegh, tout comme j'ai insisté à ce que mon ami, M. H., auquel il avait adressé une dénonciation sous le nom de cartel, refusât nettement de se mesurer avec un individu semblable. Mais, s'il plaisait à quelqu'homme loyal et honorable de se faire le champion du sieur H., à celui-là je me ferais un devoir de prouver que j'ai le courage de soutenir mon opinion par les moyens, usités entre gens honorables. On peut s'informer de mon adresse à Gênes, au bureau de M. M. Capril, Frasezini et Cie, rue Luigi, № 576» ¹⁾).

Но Медичи отсовѣтовалъ прибавлять послѣднія слова, говоря, что они: 1) къ дѣлу не идутъ, 2) съ моей стороны, такъ какъ я не получалъ картеля отъ сукина сына, похожи на браваду; оттого я ихъ выпускаю.

Завтра мы справимся у законовѣдцевъ, нельзя ли и въ здѣшнихъ журналахъ напечатать мое предувѣдомленіе.

Не посылаю нѣмецкаго перевода, ибо, ей Богу, сегодня некогда: записался я. Попросите, пожалуйста, кого-нибудь это перевести на нѣмецкій.—Одною изъ послѣднихъ фразъ: «sans toutefois oser prétendre qu'ils l'eussent fait etc.» ²⁾ вы, я думаю, будете довольны.

Сегодня вышелъ номеръ «Italia e Popolo».

Мужайтесь еще, другъ мой! Оплеуху-то онъ, все-таки, съѣлъ, и за то слава Богу, а чернильные дѣла легче. Ну, до свиданья же.

Писали вы Головину? Напишите.

¹⁾ «Что касается самого господина, я напередъ увѣдомляю его, что не буду искать встрѣчи съ нимъ, но, съ другой стороны, не буду и избѣгать ея. Его дѣло — принять мѣры, чтобы не попасться мнѣ на пути, потому что фактъ встрѣчи съ нимъ приведетъ меня къ заключенію, что данный ему урокъ былъ недостаточенъ. Очевидно, что я не приму дуэли съ г. Гервегомъ, подобно тому, какъ я настаивалъ, чтобы другъ мой, г. Г., которому онъ прислалъ доносъ подъ видомъ вызова, совершенно отказался мѣриться съ подобнымъ субъектомъ. Но если какому-нибудь порядочному и честному человѣку было бы угодно выступить въ роли защитника г. Гервега, то я счелъ бы своимъ долгомъ доказать, что имѣю храбрость поддержать свое мнѣніе средствами, принятыми между честными людьми. О моемъ адресѣ можно справиться въ Генуѣ, въ бюро М. Каприльдъ, Фразерини и К^о, улица Луиджи, № 576».

²⁾ Не осмѣливаясь, однако, утверждать, что они сдѣлали бы это и т. д.

Куда вы изъ Лугано? Теперь, кажется, незачѣмъ въ Ц.

Какъ скоро мое письмо будетъ напечатано, пошлите экземпляръ сукину сыну и мнѣ.

Я посылаю номеръ «Italia e Popolo».

д) Письмо Ф. Орсини къ В. А. Эниельсону.

(11 или 12 іюля 1852).

Chez Monsieur, J'ai reçu votre lettre datée de Gênes le 10 courant. Moi, je suis arrivé à Nice hier matin à quatre heures et demi, lors même que Mr Marcato était au bureau des diligences pour se rendre à Gênes. J'ai su par lui que Herzen lui a demandé de moi au Café royal.—J'ai lu votre lettre et ce que vous me dites de Herwegh. Tout celà est inutile pour moi, et je vous prie de ne m'en parler plus.—Vous connaissez mon opinion. En toutes choses je tranche net: Georges Herwegh depuis qu'il a trahi *l'amitié, depuis qu'il a dénoncé la femme qu'il disait aimer, après l'avoir en toutes manières déshonorée, après avoir faussé des cachets, c'est un homme qui mérite d'être—cancellato moralmente e fisicamente dalla lista degli uomini*. Voilà tout: il est par conséquent capable de tout, et rien ne me merveille.—Je dis celà à Vous, je le dis à haute voix sans craindre personne. Ne m'en parlez donc plus. Madame Herwegh même ne m'en parle, et moi je lui ai donné ma parole de n'en lui parler plus, parce que le sang me monte à la tête.—C'est assez, vous me connaissez.—Mais, quant à Madame Herwegh, elle a été faible; plus de cela—non; moi, je l'estime, à présent elle est toute seule, elle est convaincue que son mari ne reviendra près d'elle; et elle certainement ne se rend chez lui pour l'appeler. D'ailleurs, elle connaît que son mari a commis des *indignités*; cela, elle me l'a souvent répété.—Ayez la complaisance de donner la ci-inclue à M. Herzen, auquel je professe toute l'amitié: vous le savez.

J'ai quelques chagrins de la faute de l'un de deux frères etc.—c'est le plus petit: le plus grand sot que j'aie connu; mais j'espère de m'en tirer d'embrarras.

Je vous assure, mon cher Engelson, che sono stanco, stanco e poi stanco; sembra che l'avi un qual che demonio che non mi voglia lasciar vivere—j'espère que vous entendrez ces mots, quoique en italien.—Saluez de ma part le *professeur Sormann*, donnez lui un verre d'eau de Seltz — mille compliments à M^e votre épouse, de la parte aussi de ma femme. Demain je change de maison et vous, recevez démocratiquement, mais de cœur, un embrassement de votre ami

Felice Orsini.

Переводъ.

Дорогой Энгельсонъ, я получилъ ваше письмо изъ Генуи отъ 10 числа. — Я приѣхалъ въ Ниццу вчера, въ 4^{1/2} ч. утра, какъ разъ, когда г. Маркато былъ въ бюро дилижансовъ, собираясь ѣхать въ Геную. Я узналъ отъ него, что Герценъ спрашивалъ его обо мнѣ въ «Café royal». Я прочиталъ ваше письмо и все, что говорите о Гервегѣ. Все это бесполезно, и я прошу васъ не говорить больше объ этомъ.—Вы знаете мое мнѣніе; во всякихъ дѣлахъ я говорю на-чистоту! ¹⁾ Георгъ Гервегъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ *измѣнилъ дружбу*, послѣ того, какъ *оклеветалъ женщину*, — *про которую говорилъ, что любилъ, опозоривъ ее всевозможными средствами*, послѣ того, какъ *поддѣлывалъ печати*, это—человѣкъ, который долженъ быть и морально, и физически вычеркнутъ изъ списка людей. Вотъ и все: онъ, слѣдовательно, способенъ на все, и ничто меня не удивляетъ.—Говорю это вамъ, говорю громко, не боясь никого. Не говорите же мнѣ больше объ этомъ. Даже госпожа Гервегъ не говоритъ со мной объ этомъ, и я далъ ей слово не говорить объ этомъ, потому что кровь бросается мнѣ въ голову.—Довольно, вы меня знаете.—Что касается госпожи Гервегъ, то она выказала слабость, но не болѣе; я уважаю ее,—она теперь совсѣмъ одна и убѣждена, что мужъ не вернется къ ней, а сама она, конечно, не поѣдетъ за нимъ. Впрочемъ, она знаетъ, что мужъ ея совершилъ *недостойныя вещи*,—это она мнѣ часто повторяла.—Будьте добры передать прилагаемое Герцену, къ которому, какъ вы знаете, я питаю полную дружбу.

У меня были огорченія, вызванныя поведеніемъ одного изъ моихъ двухъ братьевъ и т. д. самаго маленькаго; это—величайшій дуракъ, какихъ только знаю, но я надѣюсь выпутаться изъ затрудненій.

Увѣряю васъ, дорогой Энгельсонъ, я усталъ, усталъ и еще усталъ; во мнѣ точно сидитъ какой-то злой духъ, который не даетъ мнѣ жить. Я надѣюсь, что вы поймете это и по-итальянски. Привѣтъ *профессору Сорманъ*, дайте ему стаканъ зельтерской воды. Тысячу комплиментовъ вашей супругѣ, также и отъ моей жены. Завтра я переѣзжаю въ другой домъ, а вы получайте демократическій, но отъ сердца, поцѣлуй вашего друга,

Феличе Орсини.

¹⁾ Въ текстѣ буквально: «я отрѣзаю чисто».

е) Письмо В. А. Эниельсона къ Герцену.

24 юля. Альбаро.

Вѣсти изъ Ниццы:

выписка изъ письма *Дамета* ко мнѣ отъ 19 числа:

—«...je dois vous dire que la publicité donnée à ces actes de vie privée a été diversement appréciée ici. Quelques émigrés italiens d'un caractère honorable sont venus m'exprimer une désapprobation assez vive à cet égard. Mme H. a surtout été très-affectée, et elle vient de nous adresser une lettre en requérant son insertion. Les droits inaliénables de la défense ne nous permettront pas, je crois, de refuser cette insertion, car Mme H., portant le nom du coupable, pourrait invoquer la loi en faveur de sa demande.

«Vous devez comprendre que je regrette beaucoup d'être placé dans cette nécessité; mais, à vrai dire, je ne suis pas convaincu intérieurement que nos amis aient eu raison de faire intervenir l'office de la publicité en pareille matière. La lettre de Mme H. provoquera probablement une réponse de leur part. Cette réponse expliquera les faits; mais n'est il pas à craindre que la boue qu'on sera obligé de fouiller pour mettre à nu l'infâmie du misérable H. ne finira par porter une atteinte odieuse à une mémoire pure et vénérée? Voici ce que je vous propose. Je vais aller voir Mme H.; je l'engagerai à ne pas exiger la publication de sa lettre et je l'y engagerai surtout, en lui déclarant que j'ai dans les mains des documents, auxquels je serai obligé d'avoir recours, pour justifier la conduite de nos amis envers l'homme dont elle porte le nom.—Voyez ce que vous pensez de mon idée. Ecrivez en Suisse, si vous le jugez à propos. Bien entendu, je ne publierai rien venant de ce côté là sans autorisation et recommandation formelle» ¹⁾.

¹⁾ «...я долженъ вамъ сказать, что огласка этихъ фактовъ изъ частной жизни получила здѣсь различныя оцѣнки. Нѣкоторые итальянскіе эмигранты, пользующіеся благородной репутаціей, приходили ко мнѣ съ цѣлью выразить свое довольно живое неодобрение по этому поводу. Въ особенности сильно повліяло оглашение на г-жу Гервегъ, и она только что обратилась къ намъ съ письмомъ, которое просить напечатать. Неотъемлемыя права защиты не позволяютъ, по моему убѣжденію, отказать въ помѣщеніи этого письма, тѣмъ болѣе, что она носитъ фамилію обличаемаго лица и потому могла бы обратиться къ закону для удовлетворенія своей просьбы.

«Вы должны понять, что я чрезвычайно сожалѣю, что обстоятельства ставятъ меня въ такое положеніе; но, по правдѣ говоря, я самъ въ душѣ не вполне убѣжденъ, что наши друзья были правы, обратившись въ такомъ дѣлѣ къ гласности. Письмо г-жи Г., вѣроятно, вызоветъ и съ ихъ стороны

23-го я писалъ отвѣтъ Дамету, когда мнѣ принесли № 392 «L'Avenir de Nice» (отъ 20-го), въ которомъ уже напечатано письмо Эммы ¹⁾).

Посылаю вамъ въ одно время съ этимъ письмомъ sous bande № 385 отъ 13 іюля, въ которомъ напечатанъ рассказъ о пощечинѣ; № 387 отъ 15-го, въ которомъ на 3-ьей стр. erratum касательно статьи предыдущаго нумера, и два экземпляра № 392, отъ 20-го числа, въ которомъ письмо ея.

Убѣдительно прошу отвѣтить на письмо ея. По-моему, надобно бы, чтобъ Гаугъ и Тесеъ назвались и чтобъ авторъ статьи, посланной въ журналы, также публиковалъ свое имя.

Гзель ²⁾ пишетъ: «Mon dernier élève m'a quitté depuis le 1^r du courant, et je ne sais trop ce que je vais devenir d'ici au commencement d'octobre.—Un seul enfant m'a été offert, il y a 10 jours (его письмо отъ 19-го) — le petit H.! — J'allais l'accepter, car je ne connaissais pas cette famille, lorsque M. Bonfils me rencontra par hasard et me donna à lire votre lettre—vous concevez bien, que je serais plutôt mort de faim que d'entrer en relation avec cette dame; j'aimais trop Alexandre pour fréquenter le fils et la femme du bourreau de Mme H.» ³⁾).

Mme Pacelli ушиблась во время прогулки на ослѣ, повредила

отвѣтъ. Такой отвѣтъ способенъ выяснитъ разные факты, но не слѣдуетъ ли бояться, что грязь, въ которой неизбежно придется копаться, чтобы обнажить подлость презрѣннаго Г., сама окажется равносильною гнусному прикосновенію къ чистой и глубоко чтимой памяти? Вотъ, что я вамъ предлагаю. Я отправлюсь къ г-жѣ Гервегъ и посоветую ей отказаться отъ требованія напечатать ея письмо; надѣюсь убѣдить ее заявленіемъ, что у меня въ рукахъ имѣются документы, которые придется пустить въ ходъ, чтобы оправдать поведеніе нашихъ друзей по отношенію къ человѣку, чье имя она носитъ... Подумайте о моей идеѣ. Напишите въ Швейцарію, если сочтете это кстати. Само собою разумѣется, я ничего не напечатаю изъ того, что доставятъ съ той стороны, безъ разрѣшенія и формальной рекомендаціи».

¹⁾ См. при V части «Былого и думъ».

²⁾ Вѣроятно, тотъ преподаватель итал. языка, о которомъ упоминалъ Орсини въ письмѣ 12 іюня.

³⁾ «Съ перваго числа текущаго мѣсяца меня оставилъ послѣдній мой ученикъ, и я еще не могу хорошо себя представить, что со мною будетъ до начала октября.—Одного только ученика мнѣ предложили дней десять тому назадъ (его письмо отъ 19-го),—это былъ маленькій Гервегъ!—Я уже, было, согласился его принять, какъ вдругъ случайно встрѣтился съ г. Бонфисомъ, который далъ мнѣ прочесть ваше письмо. Вы мнѣ повѣрите, что послѣ этого я скорѣе согласился бы умереть съ голоду, чѣмъ вступать въ какія-либо отношенія съ этою дамою; я слишкомъ любилъ Александра, чтобы потомъ посѣщать сына и жену палача г-жи Герценъ».

себѣ спинной хребетъ и послѣ 15-дневныхъ страшныхъ мученій умерла.

Вѣсти изъ Генуи:

Получивъ вечеромъ 22-го числа письмо ваше отъ 18-го, я тотчасъ же сообщилъ его содержаніе Медичи. Итальянцы (и онъ первый) отказались подписать декларацію, подписанную Гаугомъ, Тесье и др., говоря, что они не хотятъ называть себя судьями, ибо только одна изъ тяжущихся сторонъ къ нимъ обращается, и что они не выслушали того, чтò мерзавецъ могъ бы сказать въ свое оправданіе. Поэтому Козенць ¹⁾ написалъ приложенную къ сему декларацію, которую пять прочихъ (послѣдній—Больдони ²⁾) вслѣдъ за нимъ подписали. Козенць изъявилъ, что, по его мнѣнію, вы сдѣлали бы лучше не печатать эти деклараціи, а имѣть ихъ только у себя документами для предъявленія въ случаѣ нужды.

Медичи велитъ сказать, что этихъ именъ достаточно, ибо это—главные люди здѣсь.

Онъ торопитъ меня отослать вамъ ихъ декларацію. Вчера я не могъ это сдѣлать, оттого что я послѣ бѣготни къ этимъ господамъ сильно занемогъ; сегодня мнѣ лучше. Я послалъ списки вашего аппеля къ демократамъ ³⁾, деклараціи Гауга, Тесье, деклараціи итальянцевъ и моей—къ Орсини и Мордини, предлагая имъ, не угодно ли и имъ отвѣтить деклараціями отъ себя, и извиняясь передъ ними въ томъ, что я не посылаю имъ въ подлинникъ деклараціи здѣшнихъ итальянцевъ. Сообщу списки съ вашего аппеля и отвѣта Гауга Дамету, доброму Гзелю и Бонфису.—Дамета я извѣщу, что я вамъ выписку сообщилъ изъ его письма ко мнѣ и препроводилъ отвѣтъ Эммы.

Если моя декларація вамъ не нравится, вы можете ее бросить.

Café de la poste.

Я получилъ письмо ваше отъ 22-го и препровождаю вамъ сейчасъ же полученное мною письмо отъ Орсини.

¹⁾ Энрико, выдающійся общественный и военный дѣятель итал. освобожденія. До 1848 г. былъ офицеромъ неаполитанской арміи Бурбоновъ, съ 1848 примкнулъ къ революціоннымъ рядамъ и къ Гарибальди. Въ войну 1859 г. съ Австріей его вызвалъ Гарибальди и далъ ему командованіе первымъ полкомъ альпійскихъ стрѣлковъ. Съ этихъ поръ онъ выдѣлился въ арміи Виктора-Эммануила, былъ его адъютантомъ и начальникомъ штаба.

²⁾ Камилло—былъ добровольцемъ въ венеціанскомъ отрядѣ Дж. Пепе (1848 г.), потомъ велъ жизнь эмигранта, а въ 1859 г. присоединился къ Гарибальди, затѣмъ остался въ итальянской арміи, гдѣ выдвинулся въ генералы.

³⁾ № 585.

30-го іюля, утрона.

Не поздно ли все это придетъ? ужъ не подчинились ли вы приговору того вселенскаго собора, который, несмотря на демократическій составъ свой, предлагаетъ поединокъ, «судъ божій», какъ единственное средство покончить дѣло, чтобы потомъ разнесся слухъ, что вы сперва не хотѣли поединка, искали другое средство, созвали судилище, но были *принуждены* судомъ принять поединокъ!?. Это изъ рукъ вонъ скверно. Лишь 28-го Медичи получилъ и принесъ мнѣ вечеромъ ваше письмо къ нему отъ 24-го числа, изъ котораго впервые я пояснѣе узналъ дѣло! Это письмо они вчера вечеромъ у меня написали. Медичи намекнулъ мнѣ, что ему неловко сказать вамъ еще слѣдующую мысль: еслибъ многіе изъ васъ, т. е. не одни вы съ Тесье, сюда пріѣхали, то пошелъ бы говоръ, что вотъ, де, всѣ вы съѣхались снова совѣщаться и новое затѣвать. Я позволилъ себѣ выскабливать собственныя имена въ ихъ письмахъ, и началъ дѣлать это теперь, безъ ихъ спроса, думая, что это лучше. Но вотъ опять раздумалъ и оставляю имена.— Иду въ городъ, спрошу письма, запечатаю это, потомъ и отправлю.

Цѣлую васъ всѣхъ крѣпко, если мои поцѣлуи вамъ не неприятны.

Суда, въ полномъ смыслѣ слова, не состоялось; наиболѣе видныя дѣятели эмиграціи, и при томъ изъ социалистовъ, прислали Герцену свои письменныя заключенія лишь въ одной части всего дѣла, а именно въ обсужденіи отказа Герцена отъ дуэли, повторно предложенной ему Гервегомъ черезъ Вилле 7 іюля 1852 г. Вотъ эти заключенія:

ж) Коллективное письмо къ д-ру Вилле.

Geehrter Herr, Herr Alexandre Herzen hat uns ersucht, dass durch dieselben an ihn übermittelte Kartel des Herrn Georg Herweghs zu erledigen.

Wir erklären im Namen des Geforderten, dass Herr Herzen diese Herausforderung nicht annehmen kann, weil man mit einem moralischen... ¹⁾ nichts—also auch eine Ehrensache nicht gemein haben kann.

Indem wir sie höflichts bitten, diese Erklärung auf ihr geehrtes und uns überantwortetes Schreiben vom 7ten Juli d. J., welches uns erst gestern zukam, entgegenzunehmen, fühlen wir uns Ihnen gegenüber zu der Bemerkung verpflichtet, dass nur die Hochachtung welche

¹⁾ Слово не разобрано.

wir für Sie, Herr Doktor, ...uns vermochte, des Ansinnen des Georg Herweghs an Herrn Herzen, zu beantworten.

Mit dieser Versicherung haben wir die Ehre uns zu zeichnen
Ihre ergebenen

Luzern, 18 Juli 1852.

P. S. Briefe bitten wir uns unter des Adresse unseres bekannten Herrn Charles Edmond zu schreiben.

Переводъ.

Многоуважаемый Господинъ, г-нъ Александръ Герценъ просилъ насъ высказаться по поводу вызова на поединокъ, посланнаго ему г. Георгомъ Гервегомъ.

Именемъ вызваннаго мы объявляемъ, что господинъ Герценъ этого вызова принять не можетъ, потому что съ человѣкомъ, преступившимъ противъ нравственности, нельзя имѣть ничего общаго, стало быть, — и дѣла чести.

Прося принять настоящее наше заявленіе въ отвѣтъ на ваше уважаемое письмо отъ 7 іюля, доставленное намъ лишь вчера, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаемъ своимъ долгомъ замѣтить, что лишь глубокое уваженіе, которое, господинъ докторъ, мы къ вамъ . . .¹⁾, побуждаетъ насъ отозваться отвѣтомъ по поводу вызова г. Герцена г. Георгомъ Гервегомъ.

Съ этимъ увѣреніемъ имѣемъ честь подписаться

Преданные вамъ²⁾

Люцернъ, 18 іюля 1852.

P. S. Просимъ писать намъ на адресъ нашего знакомаго, г. Шарля Эдмонда.

з) Коллективное письмо къ Герцену.

Frère, vous nous avez choisi pour juges.

Ce choix nous honore, et nous acceptons le mandat dont vous nous avez volontairement investis.

Le duel cesse d'être possible là où cesse l'égalité.

L'égalité n'existe qu'entre les hommes d'honneur.

Le sieur Herwegh a forfait à l'honneur.

¹⁾ Слово не разобрано.

²⁾ Имена выскоблены.

Entre cet homme et vous tout duel était donc impossible.

Comme jurés, comme coréligionnaires, nous le déclarons à la face de tous, pour que la présente déclaration vous serve de témoignage.

Переводъ.

Братъ, вы выбрали насъ судьями.

Этотъ выборъ дѣлаетъ намъ честь, и мы принимаемъ полномочіе, которое вы добровольно возложили на насъ.

Дуэль перестаетъ быть возможною тамъ, гдѣ нѣтъ равенства.

Равенство существуетъ только между честными людьми.

Господинъ Гервегъ преступилъ противъ чести.

Между этимъ человѣкомъ и вами невозможна была никакая дуэль.

Мы объявляемъ это, какъ избранные судьи, какъ единовѣрцы, предъ лицомъ всѣхъ людей, чтобы это заявленіе могло вамъ служить свидѣтельствомъ ¹⁾).

и) Коллективное письмо.

«Noi qui sottoscritti, invitati a dire la nostra opinione dal signor Herzen, (della cui amicitia molto ci onoriamo per le sue distinte qualità), intorno una controversia tra lui ed il signor Hervegh, si facciamo a dichiarare che l'Herzen agisce secondo la nostra convinzione ricusando il duello, nelle circostanze occorse, col sig. Herwegh.

Genova, il 23 luglio 1852.

Enrico Cosenz.

Carlo Pisacane.

G. Medici.

Luigi Mezzocapo.

Agostino Bertani.

Camillo Boldoni.

Переводъ.

Мы, нижеподписавшіеся, будучи приглашены г. Герценомъ (дружбою котораго мы гордимся, вслѣдствіе его выдающихся достоинствъ) высказать свое мнѣніе относительно столкновенія его съ г. Герве-

¹⁾ Подписи выскоблены.

гомъ, симъ заявляемъ, что, отвергнувъ при данныхъ обстоятельствахъ дуэль съ г. Гервегомъ, Герценъ поступилъ согласно нашимъ убѣжденіямъ.

Генуя, 23 іюля 1852.

Энрико Козенцъ.

Карло Пизакане ¹⁾.

Дж. Медичи.

Луиджи Меццокаппо ²⁾.

Аюстино Бертани ³⁾.

Камилло Больдони.

i) Заявленіе Ф. Орсини.

Nizza, il 26 luglio 1852.

Valga la presente dichiarazione, tutta scritta di mia propria mano, per attestare che io convengo pienamente nella opinione espressa dai S. Enrico Cosenz, Carlo Pisacane, Giacomo Medici, Luigi Mezzocappo, Agostino Bertani, e Camillo Boldoni intorno alla questione vertente tra il signor Alessandro Herzen ed il sig. Giorgio Hervegh, e che professo ed ho la stessa loro convinzione. Ed a tale effetto faccio qui copia della loro dichiarazione, che io sottoscrivo.

¹⁾ Фигурируетъ теперь въ энциклопедическихъ словаряхъ, какъ одинъ изъ знаменитыхъ «неаполитанскихъ патриотовъ» эпохи итальянскаго возрожденія XIX вѣка. Эмигрировавъ въ Піемонтъ послѣ 1849 г., онъ не дождался войны 1859 г., послѣ которой почти всѣ итал. революціонеры вернулись къ легальной дѣятельности. Онъ непрерывно агитировалъ и искалъ случая поднять возстаніе. Два раза онъ терпѣлъ неудачи въ Ломбардіи, принадлежавшей тогда Австріи. Въ 1857 г. онъ съ 20 отважными товарищами сѣлъ на «Кальярн», шедшій въ Тунисъ, и, захвативъ въ открытомъ морѣ управление кораблемъ, высадилъ прежній экипажъ на о-въ Понца. Тамъ онъ освободилъ 300 заключенныхъ изъ тюрьмы, вооружилъ ихъ и съ ними сдѣлалъ высадку недалеко отъ Салерно, чтобы поднять возстаніе противъ бурбонскаго владычества; населеніе же, дѣятельно возбужденное духовенствомъ, отнеслось враждебно; тамъ же П. былъ убитъ.

²⁾ Младшій братъ генерала Карла Меццокаппо, также очень виднаго дѣятеля итал. освобожденія. Луиджи былъ солдатомъ-добровольцемъ въ венеціанской экспедиціи 1848 г., въ 1859 г. поступилъ въ итал. армію и дослужился до генерала.

³⁾ По профессіи хирургъ и литераторъ, былъ республиканцемъ и однимъ изъ ближайшихъ друзей Маццини; завѣдывалъ санитарною частью въ отрядахъ Гарибальди. Съ 1860 г.—депутатъ отъ Милана и лидеръ крайней лѣвой. Умеръ въ 1886 г.; въ 1888 г. ему поставленъ памятникъ въ Миланѣ, а въ 1912 г. его прахъ перенесенъ въ миланскій храмъ «Славы» (Фамедіо), въ которомъ покоятся останки итальянскихъ дѣятелей, признанныхъ знаменитыми.

«Noi qui sottoscritti invitati a dire la nostra opinione dal Sig. Herzen (della cui amicizia molto si onoriamo per le sue distinte qualità) intorno una controversia tra lui ed il sig. Hervegh, ci facciamo a dichiarare che l'Herzen agisce secondo la nostra convinzione malgrado ¹⁾ il duello, nelle circostanze occorse col Sig. Hervegh. Genova il 23 luglio 1852.—(firmato) Enrico Cosenz, Carlo Pisacane, G. Medici, Luigi Mezzocappo, Agostino Bertani, Camillo Boldoni».

Felice Orsini.

Переводъ.

Ницца, 26 іюля 1852.

Настоящимъ заявленіемъ, написаннымъ всецѣло моею рукою, свидѣтельствую, что вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію, выраженному гг. Энрико Козенць, Карло Пизакане, Джіакомо Медичи, Луиджи Меццокаппо, Агостино Бертани и Камилло Больдони, относительно столкновения между г. Александромъ Герценомъ и г. Герогомъ Гервегомъ, раздѣляю это ихъ мнѣніе и самъ считаю его своимъ, а въ подкрѣпленіе сего дѣлаю здѣсь копію съ ихъ заявленія, которую и подписываю.

«Мы, нижеподписавшіеся, будучи приглашены г. Герценомъ (дружбою котораго мы гордимся, вслѣдствіе его выдающихся достоинствъ) высказать свое мнѣніе относительно столкновения его съ г. Гервегомъ, симъ заявляемъ, что, отвергнувъ при данныхъ обстоятельствахъ дуэль съ г. Гервегомъ, Герценъ поступилъ согласно нашимъ убѣжденіямъ. Генуя, 23 іюля 1852.—[Подписано]. Энрико Козенць, Карло Пизакане, Дж. Медичи, Луиджи Меццокаппо, Агостино Бертани, Камилло Больдони».

Феличе Орсини.

к) Заявленіе А. Мордини.

Io, sottoscritto, dopo aver presa cognizione della dichiarazione scritta, emessa in Genova il 23 luglio corrente dai cittadini Enrico Cosenz, Carlo Pisacane, Giacomo Medici, Luigi Mezzocappo, Agostino Bertani e Camillo Boldoni, soddisfaccio a un debito rigoroso di coscienza approvandola pienamente come se l'avessi scritta io stesso dalla prima all'ultima parola.

Antonio Mordini.

Spezia, 26 Luglio 1852.

¹⁾ Въ коллективномъ письмѣ подъ литерой *и* вмѣсто «malgrado» стоить «ricusando».

Переводъ.

Я, нижеподписавшійся, ознакомившись съ заявленіемъ, написаннымъ въ Генуѣ 23 текущаго іюля, гражданами Энрико Козенцъ, Карло Пизакане, Джіакомо Медичи, Луиджи Меццокаппо, Агостино Бертани и Камилло Больдони, считаю строгимъ долгомъ моей совѣсти всецѣло присоединиться къ тому заявленію и одобрить его съ перваго до послѣдняго слова.

Антоніо Мордини.

Спеція, 26 іюля 1852.

586. Письмо къ М. К. Рейхель.

8 іюля (1852).

Лугано.

Вѣроятно, вы съ большимъ нетерпѣніемъ ждете подробностей казни извѣстнаго вамъ мерзавца. Казнь была отличная, но потомъ опять все изгадилъ милый и добрѣйшій генераль ¹⁾. — Но сперва хорошее.

1-го іюля явился генер., Тесье и швейцарскій офицеръ штаба ²⁾ къ мерзавцу. Онъ ихъ встрѣтилъ блѣдный и дрожащій. «Мы пришли исполнить желаніе покойницы и прочитатъ ея письмо». Тесье сталъ читать; по окончаніи Г. сказалъ, что «это письмо вынужденное» и что онъ «имѣетъ свидѣтелей». Каковъ? Генер. сказалъ, чтобъ онъ далъ двухъ честныхъ свидѣтелей, потомъ показалъ ему письмо, отосланное имъ не распечатаннымъ и подъ печатью Энгел. имъ вложенное письмо. «Вы шулеръ и подлець», сказалъ ему генер., бросая ему въ лицо письмо. Тогда Гер. растерянный бросился къ двери и сталъ звонить на лѣстницѣ. Весь hôtel выбѣжалъ,—гарсоны, дѣвки, постояльцы. Гер. кричалъ: «жандармовъ! жандармовъ!» Тогда подошелъ къ нему ген.,—толпа все росла—и, сказавъ ему: «ну, видишь ли ты, какой ты негодяй?!», ударилъ его въ рожу. Гер. закачался, и ген. съ Тесье величественно прошли, написавъ ему свой адресъ. Тутъ ген. обратился къ содержателю отеля и сказалъ: «я повиненъ извиниться передъ вами и объяснить дѣло, чтобъ вы могли сказать вашимъ гостямъ, что меня побудило такъ поступить»...

¹⁾ Гаугъ.

²⁾ Гофштеттеръ.

Послѣ объясненія трактирщикъ, тронутый, сказалъ: «вы—благородный человѣкъ и поступили съ подлецомъ такъ, какъ съ подлецомъ слѣдуетъ поступить». Это было 1 іюля до 5-ти. Ген. и Тесье ждали въ Люцернѣ его вызова, но онъ съ разбитой рожой молчитъ. Это не токмо не секретъ, но, сдѣлайте одолженіе, рассказывайте всѣмъ: и г-жѣ Дивовой ¹⁾, и Марихенъ ²⁾, и, словомъ, кому-угодно.

Между тѣмъ, наши итальянцы такъ горячо приняли новое предложеніе о моей дуэли, что хотятъ протестовать съ подписями неапольскихъ генераловъ и полков. и другихъ, равно и здѣсь полковникъ Фрапполли ³⁾ (о которомъ, вѣроятно, слыхали).

Теперь придумайте, какъ можно было изгадить такое превосходное положеніе? Ген. сыскалъ средство. Онъ напечаталъ огромное письмо, въ которомъ компрометировалъ всѣхъ, разумѣется, съ желаніемъ добра. Я послалъ къ нему два письма, умоляя остановить раздачу, и жду теперь на иголкахъ, поспѣетъ ли моя просьба.

Мое положеніе хуже всякой тюрьмы въ Лугано. Однако, берегъ виденъ. Долго это продолжаться не можетъ. Хотѣлось бы мнѣ смертельно гдѣ-нибудь отдохнуть и опять съ дѣтьми. Всего лучше, можетъ, было бы у васъ, но надежды мало; можетъ, поѣду въ Брюссель.

Но это не вѣрно,—надо итальянцевъ поблагодарить. А rporos, Фогтъ, съ своей стороны, удавилъ цюрих. Г. инымъ средствомъ: онъ имъ отрѣзалъ всѣ деньги изъ Берлина; къ тому же, скоро подходит срокъ моего векселя; словомъ, положеніе незавидное. ¹ Чтò дальше, не знаемъ. Рихардъ Вагнеръ, музыкантъ и литераторъ, писалъ мнѣ письмо, *извиняясь*, что онъ не хочетъ участвовать въ побіеніи Г., и говоря, что онъ,—конечно, мерзавецъ, но можетъ исправиться. Это—единственный защитникъ, и хорошо защитилъ,—нечего сказать. Вотъ вамъ полная реляція. Вложу записочку къ Огар., постарайтесь ее доставить черезъ Тат. Ал. Вѣроятно, я уѣду отсюда въ концѣ недѣли, но посылайте письма сюда: это вѣрнѣе,—ихъ перешлютъ. Я думаю, что вы берете всѣ мѣры насчетъ записокъ въ Россію,—будьте осторожны, какъ змій. Что Ог., когда писалъ вамъ насчетъ вашихъ денегъ? предложите ему ихъ взять на дорогу, а я вамъ уплачу ихъ.

Рейхелю дружескій поклонъ.

¹⁾ ?

²⁾ Марія Фоммъ, бонна, приглашенная къ дочерямъ Герцена.

³⁾ Луи, полит. дѣятель.

◆◆ 1. Письмо К. Фогта къ Герцену отъ 2 юля:

Je ne puis pas démêler entièrement, mon cher ami, ni vos projets, ni les actions passées, et il faudrait pourtant en savoir quelque chose pour ne pas se contrecarrer mutuellement. Je vous dirai donc d'abord à quoi j'en suis. J'ai reçu des lettres de Fanny, ainsi que du beau-frère—toutes les deux dans le même sens—on veut finir l'exploitation à tout prix; on me demande quel moyen employer. J'ai donc proposé trois mesures simultanées: Publication beau-périelle, que l'on ne paiera les dettes de Mr; Mise en pension du garçon—pension payable depuis Berlin; Mise en pension de M-me et sa fille—sous la même condition—soustraction complète de toute source de métal monnayé. Je voulais avoir un rendez-vous avec mes deux correspondants pour ranger tout cela définitivement, mais tous les deux n'ont pas le sou maintenant et ne peuvent voyager. J'attends donc maintenant les réponses pour savoir à quoi on veut s'en tenir. Vous comprendrez fort bien que j'ai proposé tout cela, comme ami de M-me, qui veut encore sauver, si non elle, au moins les enfants.

Cela dit, venons à nos affaires. Je ne crois pas qu'une publication de votre part, puisse avoir l'effet que vous vous imaginez. On s'arme de son dédain pour l'opinion du monde—dédain qui grandit à mesure que le dégoût se répand parmi les gens. Edmond doit avoir vu assez lors de son échappée à Zurich pour savoir à quoi s'en tenir à ce sujet. On restera dans sa chambre avec la Grossmutter, et voilà. Je voudrai discuter avec vous et les autres cette question à fond.

Le second point est ma participation à la lettre des amis. Il va sans dire que je m'associe de coeur à toutes les démarches que l'on fera et que je signerai au moment où la première question sera résolue. Je vous engage pourtant à réfléchir sur un point—c'est l'entreprise particulière que je me suis crée et qui m'amuse beaucoup—parce que je crois que c'est là le véritable défaut dans la cuirasse de ce reptile. Il y a de la jouissance à tailloter ¹⁾ là-dedans avec son scalpel! Ne croyez-vous pas que le succès de cette entreprise serait compromis au moment où mon nom paraîtrait au bas de cette lettre? Je vous avais prié pour le même motif de ne pas venir ici, croyant qu'un rendez-vous avec les Berlinoises serait possible et que je ne voulais pas le voir dérangé—il faut maintenant au moins attendre les réponses à mes lettres, parties seulement avant-hier.

Je vous propose donc l'expédient suivant. Trouvons-nous le 12 de ce mois à Lucerne, à l'hôtel du Schweizerhof ou, si vous voulez, à

¹⁾ Нужно: taillader—рѣзать тонкими пластинками.

Altorf, ou à Fluelen sur le lac des 4 cantons. Vous arrivez facilement avec votre suite par la route de St. Gothard, moi je viendrais facilement d'ici. Vous pourriez aussi venir à Interlaken où je vous rencontrerai. Si vous préférez l'Oberland—je vous proposerais la pension Schumacher à Bönigen, près d'Interlaken sur le lac de Brienz, où vous pourriez arriver en faisant le trajet par le Gothard, la Fourche le glacier du Rhône, le Grimsel et la vallée de Hasli. J'aurai, jusqu'au 12, des lettres nouvelles de Berlin et de Wurzburg, et nous saurons alors quoi faire. L'affaire du beau-père etc. une fois emmanchée, on ne pourra plus reculer, quoique je fasse.

Je suis écrasé dans ce moment par la famille. Des tantes, cousines, beaux-frères, neveux et nièces pleuvent de tous côtés, et chacun veut avoir un plan de voyage ou un tableau, ou Dieu sait quoi. Au diable les talents, je commence à les détester. Avec cela des pluies diluviennes qui me font connaître la campagne par le côté aqueux. Nous attendons les Nationalrätthe pour lundi.

Ecrivez-moi donc par retour du courrier et déterminez l'endroit pour le 12. Je crois que Lucerne serait le mieux choisi. Bien des choses à tous les amis.

Tout à vous.

C. Vogt.

Переводъ.

Не могу вполне разобраться, другъ мой, ни въ вашихъ проектахъ, ни въ прошлыхъ поступкахъ, а слѣдовало бы мнѣ знать немного, чтобы намъ не противорѣчить другъ другу. Сначала расскажу, въ какомъ положеніи у меня дѣло. Я получилъ письма и отъ Фанни ¹⁾ и отъ beau-frère ²⁾—оба въ одинаковомъ духѣ: хотятъ во что бы то ни стало покончить эксплуатацію ³⁾ и спрашиваютъ, какія для этого нужны средства. Я предложилъ три одновременныя мѣры: объявить отъ имени тестя, что за долги не будутъ платить; помѣстить мальчика на полный пансіонъ, но за который платить будутъ только послѣ Берлина; помѣстить въ пансіонъ и мадамъ ⁴⁾ съ дочкою—съ тѣмъ же условіемъ и при полномъ изыятіи всякихъ источниковъ монетнаго металла. Хотѣлъ повидаться съ обоими моими корреспондентами, но у нихъ сейчасъ ни гроша и, слѣдовательно, имъ не до путешествій. Жду теперь ихъ отвѣтовъ, чтобы

¹⁾ Сестра Эммы Гервегъ.

²⁾ Шуринъ ея (или зять).

³⁾ Гервегами ихъ родни.

⁴⁾ Эмма Гервегъ.

знать, на чемъ они остановились. Вы понимаете, конечно, что все это я предложилъ, въ качествѣ друга жены, которая хочетъ спасти, если не себя, то, по крайней мѣрѣ, дѣтей.

Затѣмъ вернемся къ нашимъ съ вами дѣламъ. Я не думаю, чтобы печатное обращеніе, исходящее отъ васъ, могло возымѣть дѣйствіе, которое вы соображаете. Всякій, вѣдь, можетъ вооружиться презрѣніемъ къ общественному мнѣнію и раздувать это презрѣніе по мѣрѣ того, какъ въ обществѣ будетъ распространяться и усиливаться отвращеніе ¹⁾). Эдмондъ долженъ былъ довольно этого насмотрѣться во время своей цюрихской выходки и оцѣнить по достоинству. Будетъ сидѣть въ своей комнатѣ съ бабушкой ²⁾)—вотъ и все. Хотѣлось бы основательно поговорить на эту тему съ вами и остальными.

Второй пунктъ — мое участіе въ дружескомъ письмѣ. Само собой разумѣется, что я отъ всей души присоединяюсь ко всѣмъ рѣшеніямъ и подпишусь сейчасъ же, какъ только будетъ рѣшенъ первый вопросъ. Совѣтую вамъ, однако, подумать объ одномъ пунктѣ, это — о томъ особенномъ планѣ предпріятія, что я придумалъ для себя и который очень меня забавляетъ, потому что думаю, что нашелъ единственное не защищенное мѣсто въ бронѣ этого гада. Положительное наслажденіе покопаться тамъ внутри со скальпелемъ! Подумайте, не подвергнется ли серьезному риску это дѣло, если подъ тѣмъ письмомъ появится моя подпись. По той же причинѣ я просилъ васъ не пріѣзжать сюда, думая, что возможно свиданіе съ берлинцами ³⁾), и я не хотѣлъ, чтобы оно разстроилось—надо, по крайней мѣрѣ, дожидаться отвѣтовъ на мои письма, отправленные только третьяго дня.

Поэтому, предлагаю слѣдующее. Встрѣтимся 12-го числа этого мѣсяца въ Люцернѣ, въ «Hôtel du Schweizerhof» или, если хотите, въ Альтдорфѣ или Флюэлейнѣ на Фирвальдштетерскомъ озерѣ. Вы со своею свитою легко можете туда пріѣхать по Сень-Готардской дорогѣ, а мнѣ удобно добраться отсюда. Вы могли бы также пріѣхать въ Интерлакенъ, гдѣ я васъ встрѣчу. Если вы предпочитаете Оберландъ, могу предложить вамъ пансіонъ Шумахера въ Бенигенѣ, близъ Интерлакена, на Бріенцкомъ озерѣ, куда вы можете проѣхать,—переѣздъ черезъ Сень-Готардъ, Фурку, Ронскій ледникъ, Гримзель и долину Гасли. Къ 12-му у меня будутъ новыя письма изъ Берлина и Вюрцбурга, и мы будемъ тогда знать, чтó дѣлать. Если наладится

¹⁾ Къ Георгу Гервегу.

²⁾ Пассія Гервега, на счетъ которой онъ жилъ.

³⁾ Родственники Эммы Гервегъ.

дѣло съ тестемъ, то отступить будетъ невозможно, что бы я ни сдѣлалъ.

Сейчасъ задавленъ родственниками. Тетки, кузины, зятя, племянники и племянницы сыпятся со всѣхъ сторонъ, и каждый хочетъ получить маршрутъ для путешествія или картину, или, Богъ его знаетъ, что. Къ чорту таланты, — я начинаю ихъ ненавидѣть! И вдобавокъ—дожди, точно времена потопа, заставляющія познать деревенскую жизнь съ водяной стороны. На понедѣльникъ ждемъ открытія національныхъ совѣтовъ.

Напишите мнѣ съ обратною почтою и назначьте мѣсто для 12-го. Думаю, лучше всего было бы въ Люцернѣ. Привѣтъ друзьямъ.

Весь вашъ

К. Фортъ.

587. Приписка къ Н. А. Герценъ.

8 іюля (1852).

Лугано.

Это неправда: Эдмондъ тебя зоветъ «монстръ маринъ» ¹⁾ и говорить, что въ Марселѣ тебя за деньги показывали.

Цѣлую тебя и Оленьку. А ты читай письмо отъ Саши.

588. Письмо къ Рихарду Вагнеру.

Monsieur Richard Wagner à Zurich.

Juillet 1852.

Lugano.

Monsieur, Permettez - moi de vous remercier pour votre lettre du 30 Juin. Elle est une nouvelle preuve pour moi de cette réprobation générale qui commence à entourer de tous côtés l'homme en question—et qui finira par l'engloutir.

J'apprécie de tout mon coeur le besoin que vous avez eu, de m'expliquer votre protection généreuse pour cet individu. Je ne puis vous donner un meilleur témoignage de mon profond estime qu'en vous parlant dans toute la franchise de mon âme.

Je ne partage nullement vos espérances — il y a des degrés de dépravation dont on ne se relève plus, car pour y tomber, il a déjà fallu détruire en soi tous les éléments humains.

¹⁾ Морское чудище; Нат. Ал. очень искусно плавала и ныряла.

Soyez persuadé, Monsieur que je comprends très-bien et l'automie des passions, et les collisions tragiques avec leurs suites irresponsables, fatales. Malheureusement les crimes de cet *individu* portent un tout autre caractère. Un caractère vil, profondément bourgeois, vulgaire, cynique et peureux. La passion, pour s'imposer, doit être combinée avec une puissance, avec une force irrésistible — alors, et alors seulement, elle est amnistiée. Elle doit être ce qu'elle est, c'est-à-dire, foudroyante, fougueuse; elle entraîne, elle brûle, elle assassine... mais elle n'empoisonne pas goutte à goutte, mais elle ne médite pas une année entière pour trahir un ami, une autre année pour se venger d'une femme par une dénonciation; la passion se fait tuer, mais ne se laisse pas chasser d'une maison par un coup de pied.

J'ai fait votre connaissance, en lisant votre bel ouvrage sur le chef-d'oeuvre de l'Avenir. Vous avez admirablement compris la solidarité de tous les arts qui doivent concourir par une production harmonieuse et concrète. Je fais appel à votre sens esthétique. Comment pouvez-vous absoudre une existence dénuée de toute religion et rêver pour elle un avenir de silence, de retenue, une existence qui manque de virilité, de tout élément chevaleresque, généreux, de toute trace de la conscience humaine. Un homme, non—une hétaïre mâle qui pour quelques francs a vendu sa jeunesse, à cet hermaphrodite de femme, digne complice de ses turpitudes; un homme qui pour son confort, a trahi ses convictions et n'a pris part à la révolution germaine qu'en prenant la fuite d'un champ de bataille, et en oubliant de rendre compte des deniers publics confiés entre ses mains,—cet homme n'a pas d'avenir. Un homme qui pressait tous les jours la main de son ami avec effusion, qui l'appelait dans ses lettres son unique soutien, sa seule défense, son frère, qui cherchait à surprendre les moments d'épanchement et d'abandon, qui parlait avec enthousiasme de son amitié—et trahissait en même temps son ami... Cet homme n'a pas fait de la tragédie, il a fait le métier de scélérat.

Un homme qui introduit sa propre femme pour souiller la maison d'un ami, qui l'introduit dans le seul but de faire entretenir sa famille, payer ses dettes aux frais de l'ami, cet ami n'est pas un Werter, mais un *Robert Macaire*.

Toutefois la seconde partie surpasse de beaucoup la première. Je ne parle pas ici des calomnies, qui se répandaient sous main, mais si bien qu'on les connaissait en Russie; ni de la férocité dénuée de toute délicatesse, d'avoir planté son ex-femme à Nice—pour m'espionner, pour m'offenser, pour me faire quitter la ville. *Une année* après s'être laissé expulser de ma maison, il m'envoie une ignoble provocation. Peu versé dans les affaires d'honneur, il me l'envoie par la poste,

sans même nommer ses témoins; puis il renvoie les lettres des miens après avoir *faussé les cachets*. Le cartel dégoûtant, où, entre autres, il se moque de la mort malheureuse de mon fils,—le cartel ne mentionne offense de ma part; impossible de comprendre qu'elle est l'injure, dont on poursuit la réparation. Ce n'était pas un cartel, mais un bon pour des soufflets. Malheureusement, j'étais alors auprès du lit d'une mourante, d'une femme sublime, d'une femme, dont le repentir a été saint, qui comprit bien avec qui elle avait à faire—et que cet être dégradé a achevé par ses attaques boueuses.

Un duel entre moi et lui—jamais! Que prouvera-t-il?—Nous ne sommes pas pairs. Moi, je suis son juge, je peux être son bourreau, mais non son adversaire. Le duel n'est ni une expiation, ni une punition, car le duel restaure l'honneur, et moi, je tiens à constater son déshonneur.

Socialiste et révolutionnaire, je me suis adressé à la seule puissance que je reconnaisse. J'ai eu l'audace, le courage de porter cette affaire à la connaissance de nos amis de la démocratie. J'ai montré les lettres, j'ai raconté les faits.

Mon appel réveille de tous les côtés un seul cri de réprobation unanime.

La mort morale du sieur Herwegh est prononcée. Conspué de tous les hommes de bien, mis au ban de la démocratie, il sera forcé de cacher son existence flétrie dans quelque coin éloigné du monde. Car en Suisse, en France, en Italie il n'aura pas de repos.

Je le jure, et avec moi mes amis, — chaque jour m'apporte des preuves que nous sommes soutenus par tous les hommes de la révolution militante.

Recevez

A. Herzen.

Переводъ.

Г. Рихарду Вагнеру, въ Цюрихъ.

Юль 1852.
Лугано.

Милостивый Государь, позвольте поблагодарить васъ за ваше письмо отъ 30 юня ¹⁾. Оно для меня—новое доказательство общаго осужденія, начинающаго окружать со всѣхъ сторонъ человѣка, о которомъ идетъ рѣчь, и, въ концѣ концовъ, оно поглотитъ его.

Я прекрасно понимаю, что вы чувствовали потребность объяснить мнѣ свою великодушную защиту этого человѣка. Я не могу

¹⁾ См. при V части «Былого и думъ».

дать вамъ лучшее доказательство глубокаго уваженія, чѣмъ свою полную откровенность.

Я нисколько не раздѣляю вашихъ надеждъ: есть такія степени испорченности, отъ которыхъ уже нельзя подняться, потому что, чтобы дойти до нихъ, надо было убить въ себѣ всѣ гуманныя свойства.

Будьте увѣрены, что я прекрасно понимаю и свободу страстей, и трагическія коллизіи съ ихъ послѣдствіями, безотвѣтственными, роковыми. Къ несчастью, преступленія этого господина носятъ совсѣмъ иной характеръ—подлый, глубоко-мѣщанскій, вульгарный, циничный и трусливый. Чтобы страсть могла импонировать, необходимо, чтобы она сочеталась съ мощью, съ непреодолимой силой—тогда, и только тогда, ее можно простить. Она должна быть тѣмъ, что она есть, т. е. стремительной, неистовой; она увлекаетъ, сжигаетъ, убиваетъ... но не отравляетъ другихъ людей капля по каплѣ, не размышляетъ цѣлый годъ, чтобы обмануть друга, и еще другой годъ, чтобы отмстить женщинѣ при посредствѣ клеветы. Страсть даетъ себя убить, но ее нельзя выгнать изъ дома пинкомъ ноги.

Я узналъ васъ, читая вашу прекрасную книгу о шедеврѣ будущаго. Вы удивительно вѣрно поняли солидарность всѣхъ видовъ искусства и необходимость ихъ сочетанія въ гармоническомъ и конкретномъ творествѣ. Взываю къ вашему эстетическому чувству: какъ можете вы прощать человѣку его жизнь, лишенную какой-бы то ни было религіи, святыни,—человѣку, лишенному всякой мужественности, какихъ бы то ни было рыцарскихъ чертъ, всякаго слѣда человѣчной совѣсти? Мужчина,—нѣтъ, гетера мужского пола!—который за нѣсколько франковъ продалъ свою юность этому гермафродиту—его женѣ, достойной соучастницѣ всѣхъ его мерзостей; мужчина, который ради сохраненія своего комфорта измѣнилъ прежнимъ убѣжденіямъ и выразилъ свое участіе въ германской революціи лишь бѣгствомъ съ поля битвы да еще забывъ дать отчетъ во ввѣренныхъ ему общественныхъ деньгахъ,—для такого мужчины нѣтъ будущаго! Человѣкъ, который при всякой встрѣчѣ каждый день горячо пожималъ руку своему другу, и въ его отсутствіе, въ письмахъ, называлъ его единственно своею опорой въ жизни, единственною защитою, братомъ, который ловилъ всякую минуту откровенности, непринужденнаго сердечнаго настроенія, который всегда съ восторгомъ говорилъ объ этой дружбѣ, а въ то же время обманывалъ этого друга...,—этотъ человѣкъ не переживалъ самъ никакой трагедіи, онъ просто исполнялъ свое ремесло мерзавца.

Человѣкъ, который вводитъ свою жену въ домъ друга, чтобы заклеить этотъ домъ, и на счетъ друга содержать всю свою семью, чтобы на его же счетъ расплатиться со своими долгами, — развѣ это дружба Вертера, а не Робера Макэра ¹⁾.

Но, все же, вторая часть превосходитъ первую. Не говорю ужъ ни о клеветахъ, распространявшихся скрытно, но настолько искусно, что о нихъ знали даже въ Россіи, ни о жестокости и объ отсутствіи всякой деликатности, — поселить въ Ниццѣ свою бывшую жену, чтобы шпіонить за мною, оскорблять, заставить меня покинуть городъ. *Черезъ годъ* послѣ того, какъ онъ допустилъ, чтобы его изгнали изъ моего дома, онъ присылаетъ мнѣ гнусный вызовъ. Мало знакомый съ дѣлами чести, онъ отправляетъ этотъ вызовъ по почтѣ, даже не называя въ немъ своихъ секундантовъ; затѣмъ онъ отсылаетъ обратно письма моихъ близкихъ (какъ будто онъ не прочиталъ ихъ), но съ *фальшивыми* печатями. Въ этомъ гнусномъ вызовѣ, гдѣ онъ, между прочимъ, смѣется надъ несчастной смертью моего сына, не упоминается о какомъ-либо оскорбленіи съ моей стороны, такъ что невозможно понять, въ чемъ же заключается обида, за которую требуется удовлетвореніе. Это былъ не вызовъ, а записка на полученіе пощечинъ. Къ несчастью, я не могъ тогда отлучиться отъ постели умиравшей женщины, — женщины въ высшей степени благородной, раскаяніе которой было свято, которая сама уже хорошо поняла, съ кѣмъ имѣла дѣло, — и этотъ низкій человѣкъ окончательно погубилъ ее своими грозными нападками.

Дуэль между мной и имъ — никогда! Что докажетъ дуэль? Мы — не равны. Я — его судья, я могу быть его палачемъ, но не противникомъ. Дуэль — не искупленіе и не наказаніе, ибо дуэль возстановляетъ честь, а я стремлюсь установить его безчестность.

Какъ социалистъ и революціонеръ, я обратился къ единственной власти, которую признаю. Я имѣлъ мужество, я дерзнулъ довести это дѣло до свѣдѣнія нашихъ друзей по демократіи. Я показалъ письма и рассказалъ факты.

Мой призывъ поднимаетъ со всѣхъ сторонъ одинъ и тотъ же крикъ единодушнаго осужденія.

Нравственная смерть г. Гервега провозглашена. Явно презираемый всѣми порядочными людьми, выгнанный изъ круговъ демократіи, онъ долженъ будетъ скрывать свое заклеименное существованіе въ какомъ-нибудь удаленномъ отъ людей углу, ибо въ Швейцаріи, во Франціи, въ Италіи ему не дадутъ покоя.

¹⁾ Типъ ловкаго и смѣлаго мошенника, бывшій очень популярнымъ во Франціи, благодаря мастерской игрѣ знаменитаго Фредерика Леметра.

Клянусь въ этомъ, и со мной мои друзья,—каждый день приносить мнѣ новыя доказательства, что насъ поддерживаютъ всѣ представители активной, воинствующей революціи.

Примите и пр.

А. Герценъ.

589. Письмо къ М. К. Рейхель.

11 іюля 1852.

Лугано.

Все еще сижу у озера и жду, когда меня отпустятъ. Haben sie warten gelernt? ¹⁾—говорятъ нѣмцы; не одному терпѣнію, а многому надобно еще учиться въ сорокъ лѣтъ. Генераль ²⁾ удивляетъ меня: ни малѣйшаго такта и упорность, а причина всему—самолюбіе. Самолюбіе почти всегда въ пропорціи ограниченности. И смотрите, всѣ прекрасныя качества его погублены черезъ это; онъ на меня дуется. Я ему писалъ пять писемъ, чтобъ онъ не начиналъ полемики въ печати,—не могу добиться отвѣта. Жду его, т. е. отвѣта, для того, чтобъ ѣхать, если онъ не послушается, въ Брюссель, гдѣ думаю увидѣться съ вами; если послушается—въ Цюрихъ.

Какъ же вы, милая Марія Каспаровна, не понимаете, что я не могу и не хочу закрывать воспоминаній; если гробовая доска можетъ закрывать, то въ самомъ дѣлѣ нѣтъ никакого безсмертія души. Сверхъ того, бывлыя событія никогда не могутъ быть прошедшими для самихъ актеровъ; напротивъ, они тутъ, неизмѣнныя, неисправимыя. Что касается до мучительнаго истощенія силъ въ настоящемъ импассѣ,—это правда, я просто глупѣю и уничтожаюсь. Пуще всего меня донимаетъ грубая неделикатность, съ которой люди и судьба меня бьютъ, точно будто на мнѣ шкура носорога. Ну, да вынесетъ, — а много ли останется? А вотъ кстати, Алекс. Христ. ³⁾ прислала мнѣ филиппику, въ которой говоритъ, что Н. намекала ей, что дѣтей оставляетъ ей, что вы говорили Татѣ, что «теперь пупинька будетъ все указывать тебѣ» (хороши доказательства), и что я скрылъ отъ нея, по интригамъ Гауга (котораго ругаетъ, на чемъ свѣтъ стоитъ), что отдаю дѣтей къ вамъ, и проч., и проч. Я ей писалъ съ полусмѣхомъ отвѣтъ, но не могъ пройти

¹⁾ Учились ли вы ждать?

²⁾ Гаугъ.

³⁾ Энгельсонъ.

молчаніемъ главнаго: Н. никогда не думала объ ней, она со мной сто разъ говорила и всякій разъ останавливалась на двухъ лицахъ— на васъ и на Тучковой ¹⁾). И умоляла меня, послѣ плёрези, не отдавать дѣтей никуда при моей жизни, а пригласить жить къ намъ Натали или васъ съ Рейх. Я бы и не отдалъ такъ скоро, но мнѣ надобно было перервать суетную надежду женщины, которой врядъ можно ли повѣрить Фаяла ²⁾); съ другой стороны, я не могъ до окончанія исторіи съ подлымъ и битымъ поэтомъ ³⁾ ничего сдѣлать самъ для воспитанія. Я сдѣлаю усиліе пріѣхать пожить въ Ch. Elysés; если же не удастся, я начинаю думать о перемѣщеніи всѣхъ въ Брюссель. Если вамъ, т. е. Рейх., нельзя, то мнѣ придется со временемъ взять гувернантку; этого я боюсь больше укуса бѣшеной собаки, но что же дѣлать? Вы видѣли изъ приписки Ог., что надежда плоха ⁴⁾ (пожалуйста, когда будете писать, повторите, что ихъ пріѣздъ—единственное желаніе и что объ матеріал. средствахъ очень нечего печься). Я даже думалъ о Тат. Ал. ⁵⁾, но при всей ея дружбѣ, я не думаю, чтобъ она была способна,—къ тому же курить трубку. Для Саши пока Тесье можетъ быть очень полезенъ: у него большой даръ серьезнаго преподаванія. Я говорю: пока, потому что Тесье долго не станеть терять время.

12 іюля.

Отъ васъ письмо между Татиныхъ строкъ отъ 9-го, и ни слова о важной новости, сообщенной вами отъ 4-го.

Мы сидимъ третьи сутки безъ всякихъ вѣстей. Кажется, генер. насъ наказуетъ. О, Мар. Касп., какъ тяжела дружба одолжающая; неужели и вы когда-нибудь приметесь меня тѣснить за то, что вы теперъ дѣлаете для дѣтей. Благодарность—начало рабства такъ, какъ страхъ божій—начало премудрости. Какъ грубо люди даютъ чувствовать, что они дѣлаютъ для друзей: и дадутъ займы денегъ, да прежде ихъ размѣняютъ нарочно на пятаки,—тащи на спинѣ... Я исхожу отъ желанія покоя, и вся живость моя, наконецъ, недостаточна, чтобъ спасти отъ скуки и тоски.

Прощайте.

¹⁾ Наталія Алексѣевна.

²⁾ Собака Герценовъ.

³⁾ Г. Гервегъ.

⁴⁾ Огаревъ сообщилъ, что скоро не можетъ пріѣхать къ Герцену.

⁵⁾ Астракова.

13 юля.

Сейчасъ получилъ письмо ¹⁾. Печать остановлена; я скачу въ Люцернъ сегодня вечеромъ. Оттуда напишу, куда писать. Прощайте.

Впрочемъ, если вы еще пришлете письмо сюда, оно дойдетъ.

Мы ѣдемъ, Тата, въ Люцернъ и будемъ переѣзжать по горамъ высокимъ, покрытымъ снѣгомъ.

Оттуда буду опять тебѣ писать. А сегодня я тебя видѣлъ во снѣ, а Оленьку не видалъ. Прощай, мой дружокъ милый, поцѣлуй Оленьку, Сашку ²⁾ и Маврушку ³⁾, а Рейхелю скажи, что я ему новыя туфли привезу съ Гримзеля, если Ольгушка износить. ¹

◆◆ 1. Вскорѣ Герценъ получилъ слѣдующее письмо отъ Ор-сини, кстати сказать, написанное, какъ и остальные его письма, очень неправильнымъ языкомъ:

Nice, 13 Juillet 1852.

«Hier soir j'ai reçu votre lettre du 9 courant: le même jour j'avais reçu les nouvelles que vous me donnez dans la vôtre par M. Engel, auquel je répondis tout de suite par la voie de mer: il recevra ma lettre ce matin.—Tout ce qui était arrivé à Zurich, je l'avais su depuis le 6 du courant, mais d'une manière tres-infidèle: Engel, auquel j'écrivais tout, pourra vous le dire: mais tout cela était naturel. Aujourd'hui je paie les 10 francs à Cyrille; et j'apporte la lettre incluse dans la mienne, à Mathieu: hier soir je ne l'ai pu voir, mais j'ai laissé dire à ses maîtres de maison que ce matin de bonne heure je serai chez lui.—Quant à la lettre d'échange, vous êtes maître de faire ce qu'il vous plait, et je ne pense pas vous en vouloir vis-à-vis des circonstances. Vous avez commencé la *vendetta*, c'est bien; vous l'avez juré sur le cadavre, c'est un serment sacré: si vous ne l'aviez commencé, si vous ne l'accomplissiez pas,—pardonnez-moi, mais je perdrai l'estime de vous.

Quant aux démarches auprès de M-me Emma, je ne sais rien vous dire dans cette lettre; aujourd'hui je parlerai avec elle, et par la poste de demain je vous annoncerai les résultats. — Je ne pense pas cependant parler, comme vous pensez; ce serait très impolitique: le seul suspect qu'on ait de sa part, qu'on craigne, ou qu'on ne veuille pas

¹⁾ Гаугъ согласился, было, обождать съ опубликованіемъ о поступкахъ Гервега (подробности см. въ V части «Былого и думъ».

²⁾ и ³⁾ Сыновья Рейхелей: Александръ и Морицъ.

une publication, ou qu'on désire d'avoir toutes les lettres, et serait la cause de n'obtenir rien du tout, mais cela causerait, au contraire, tout l'opposé: d'ailleurs assurez-vous, qu'elle se laisserait plutôt faire les actes judiciaels, que de vous donner ou les lettres, ou de vous faire aucune autre concession, pour elle . . . ¹⁾

Pensez-y-bien et vous me donnerez raison: le seul moyen efficace selon moi, c'est de l'assurer que la *vendetta* s'arrêtra, où elle est à présent si etc.

Je pense d'entamer avec elle une correspondance par écrit, et alors je garderai ses lettres, et je verrai ce que je peux faire de bon: demain je vous écrirai les premiers résultats: hier, comme j'ai écrit à Engel., je communiquai la nouvelle à Madame Emma: elle est restée, elle m'a grondé, parce que je me rends toujours à lui donner des nouvelles affligeantes; enfin Engel... vous pourra dire la conversation, sans la répéter ici.-- Vous dites que je protège Mad-e. — oui, elle a commis de très-grandes faiblesses, mais je crois que si je peux réussir à lui faire oublier du tout ce brigand de Georges, elle pourra être encore utile: voilà tout, et jusqu'à présent elle a maintenu la parole d'honneur qu'elle m'avait donnée: peut-être dès aujourd'hui-même je ne parlerai plus d'elle, moi-même je ne la . . . ²⁾ plus rien, je perdrai peut-être l'estime: cela dépendra de votre conversation d'aujourd'hui: son mari était tout-à-fait perdu, avant le 1-e Juillet, avant ce jour je disais souvent à Mad.—ses actions me le font jger pour le plus grand vil. du monde, et vous verrez que dans quelque circonstance que ce soit, il ne se battra jamais; il appellera vous, pour que vous-même, vous vous battiez pour lui: cela je l'ai répété maintes fois à haute voix, et en présence aussi de témoins p. e. Morcato; ce que je disais, aujourd'hui est vérifié, il n'y a plus de doute; Mad. disait toujours qu'il avait du courage; aujourd'hui elle doit se taire tout à fait.—Par conséquence je verrai sa conduite. Mais au lendemain je vous écrirai: tout ce qui se passe entre moi et vous, tout ce qui se passe entre moi, vous et Engelson,—que ne sorte de ce cercle: en vous deux j'ai toute la confiance possible, je vous connais à fond; d'ailleurs en toute chose acceptez comme principe: che meno si è in trattare cose delicatee che richiedono segreterre e prudenza, ed il fatto procede assai meglio—celà est vrai tant dans les affaires privées, que dans les publiques.—Saluez Tessier, Haug, Khoiezki, et croyez moi—tout-à-vous.

Felice Orsini.

¹⁾ Слово не разобрано.

²⁾ Слово не-разобрано, вѣроятно: communiquerai.

Переводъ.

13 июля 1852. Ницца.

Вчера вечеромъ я получилъ ваше письмо отъ 9 числа этого мѣсяца; въ тотъ же день я еще раньше получилъ тѣ же свѣдѣнія отъ г. Энгельсона, которому сейчасъ же отвѣтилъ морскою почтою; онъ получитъ мое письмо сегодня утромъ. Я уже съ 6-го числа знаю все, чтò произошло въ Цюрихѣ ¹⁾, но въ очень невѣрномъ изложеніи: Энгельсонъ, которому я обо всемъ писалъ, сможетъ рассказать вамъ объ этомъ. Но все это совершенно естественно. Сегодня я заплачу 10 фр. Сугилле и передамъ Матье ²⁾ то письмо, которое было вложено въ мое: вчера вечеромъ я не могъ его увидѣть, но его домохозяйевамъ сказано, что я буду у него сегодня рано утромъ. Что же касается векселя, то вы въ правѣ распорядиться имъ, какъ угодно, и, принимая во вниманіе сложившіяся обстоятельства, не думаю быть въ претензіи на васъ. Вы уже начали осуществлять *вендетту*, это хорошо! Вы поклялись отмстить передъ трупомъ. Если бы вы отказались отъ мщенія — простите меня: я потерялъ бы свое уваженіе къ вамъ.

По отношенію же къ переговорамъ съ Эммою Гервегъ я въ настоящемъ письмѣ ничего не могу сказать вамъ опредѣленнаго; сегодня я буду съ нею говорить и съ завтрашнею почтою сообщу вамъ о результатахъ. Однако, я не рассчитываю говорить такъ, какъ вы думаете: это было бы слишкомъ не политично; ей покажется подозрительнымъ, если я скажу, что боятся или не хотятъ оглашенія, или желаютъ получить всѣ письма: это можетъ повести къ тому, что ничего отъ нея не получимъ, и даже больше—можетъ вызвать съ ея стороны поступки, совершенно противоположные нашимъ желаніямъ; съ другой стороны, будьте въ томъ увѣрены, она скорѣе пойдетъ на рискъ суда, чѣмъ отдастъ вамъ письма или сдѣлаетъ какую-либо уступку, для нея . . . ³⁾

Подумайте объ этомъ, и вы согласитесь, что я правъ: по моему мнѣнію, единственное надежное средство, это—увѣрить ее, что *вендетту* вы приостановите на томъ, что сейчасъ уже сдѣлано, если и т. д.

¹⁾ О посѣщеніи Гервега Гаугомъ, Тесье и Гофштетгеромъ.

²⁾ Французскій эмигрантъ и юристъ; въ первое время республики 1848 г. исполнялъ должность прокурора.

³⁾ Слово не разобрано.

Я думаю начать съ нею переписку; тогда сохраню ея письма и посмотрю, что хорошаго можно извлечь изъ этой переписки. Завтра я сообщу вамъ первые результаты. Вчера, какъ я уже писалъ Энгельсону, я сообщилъ г-жѣ Гервегъ новость ¹⁾). Она осталась и стала меня бранить за то, что я всегда передаю ей извѣстія лишь огорчительныя; впрочемъ Энгельсонъ можетъ сообщить вамъ весь разговоръ, и его не зачѣмъ здѣсь повторять. Вы пишете, что я покровительствую ей или защищаю. Да, она совершила очень предосудительныя поступки ²⁾), но если мнѣ удастся убѣдить ее, что она должна совершенно забыть этого разбойника, Георга, — она еще способна оказаться полезною. Вотъ и все, и до сихъ поръ она сдержала свое «честное слово», которое дала мнѣ; быть можетъ, съ нынѣшняго дня я не буду больше говорить о ней, и самъ ничего . . . ³⁾); быть можетъ, я потеряю уваженіе: это будетъ зависѣть отъ нашего сегодняшняго разговора: ея мужъ до 1 іюля былъ совершенно погибшій человекъ, до этого дня я часто говорилъ госпожѣ Гервегъ: «поступки заставляютъ меня считать его самымъ низкимъ изъ людей, и вы увидите, что онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ драться, — скорѣе будетъ звать васъ, чтобы вы дрались вмѣсто него». Это я открыто и много разъ говорилъ, говорилъ и въ присутствіи свидѣтелей, напримѣръ, Маркато ⁴⁾), — и то, что я говорилъ, теперь оправдалось, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Г-жа Гервегъ все говорила, что онъ храбрый; теперь на этотъ счетъ она должна совершенно умолкнуть. Слѣдовательно, я буду наблюдать за ея поведеніемъ. На другой же день я вамъ напишу. Но пусть все, что происходитъ между мною и вами, а также между мною, вами и Энгельсономъ, не выходитъ изъ этого нашего круга. Къ вамъ во всемъ я имѣю полное довѣріе, я васъ знаю вполне; кромѣ того, примите за принципъ: «Когда мало народу замѣшано въ деликатномъ дѣлѣ, и они соблюдаютъ тайну и осторожность — само дѣло идетъ много лучше». Это такъ же вѣрно въ частныхъ дѣлахъ, какъ и въ общественныхъ! Поклонитесь отъ меня Тесье, Гаугу, Хоецкому и вѣрьте, что я — весь вашъ.

Феличе Орсини.

13 іюля 1852 г. Энгельсонъ писалъ, между прочимъ, Герцену: «Сегодня у меня нѣтъ никакихъ новостей вамъ сообщить, кромѣ

¹⁾ О посѣщеніи ея мужа Гаугомъ и др.

²⁾ Въ подлинникѣ: «очень большія слабости».

³⁾ Слово не разобрано; вѣроятно: «не сообщу».

⁴⁾ Швейцарскій офицеръ.

того, что я вполнѣ беру назадъ слово, вчера сорвавшееся у меня съ языка насчетъ Орсини. Я получилъ отъ него сегодня весьма хорошую записку—онъ самъ объявилъ Эммѣ, вравшей ему дотолѣ вздоръ, о полученіи публичной оплеухи ея мужемъ. Она смолкла... Гзелю я разсказа о дѣлѣ съ мерзавцемъ не написалъ,—какъ я вчера намѣревался,—потому что меня взяло раздумье, довольны ли вы будете и тѣмъ ужъ, что я Бонфису и Дамету по своему разсказалъ, безъ вашего спроса».

590. Письмо къ Гофштеттеру.

le 23 Juillet 1852.

Monsieur, Permettez moi de vous exprimer ma profonde et sincère reconnaissance et de vous serrer fraternellement la main—pour la part que vous avez prise dans cette affaire pénible, malheureuse qui nous occupe.

Vous avez apporté votre témoignage à un acte de haute moralité.

Vous m'avez aidé, sans me connaître, dans la tâche difficile que j'ai osé entreprendre. — J'ai voulu confondre un traître et réhabiliter une victime sans tribunal, sans duel, par la seule force morale de la démocratie. J'ai presque atteint ce but, grâce soit donc rendue aux hommes nobles qui m'ont donné leur concours.

Vous avez pu juger l'homme avec lequel j'ai à faire. Lorsqu'on lui lisait la lettre, il ne tremblait que pour lui; ayant entendu cette arrêt d'outre tombe—il a nié l'authenticité de la pièce, dont il connaissait la véracité.

Rien d'humain ne s'est réveillé dans cette âme dépravée—ni remords, ni repentir.

Je ne doute pas que je réussirai complètement. C'est une foi¹⁾.

Votre assistance m'en est une preuve, je vous remercie donc encore une fois et de tout mon coeur.

¹⁾ Слово не разобрано.

Переводъ.

23 іюля 1852.

Милостивый Государь, Позвольте мнѣ выразить вамъ мою глубокую и искреннюю благодарность и пожать братски руку за участіе, принятое вами въ томъ тягостномъ и несчастномъ дѣлѣ, которое насъ занимаетъ.

Вы присоединили свое свидѣтельство къ акту высокаго нравственнаго значенія.

Не зная меня, вы мнѣ помогли въ трудной задачѣ, которую я осмѣлился на себя взять. Я захотѣлъ изобличить одного измѣнника и реабилитировать одну жертву—безъ государственнаго суда, безъ дуэли, одною лишь нравственною силою демократіи. Я почти достигъ этой цѣли, пусть же будетъ признана благодарность благодарнымъ людямъ, которые оказали мнѣ свое участіе.

Вы уже имѣли возможность оцѣнить человѣка, съ которымъ мнѣ приходится имѣть дѣло. Когда ему читали вслухъ письмо, онъ дрожалъ только за себя; услышавъ этотъ приговоръ изъ-за могилы, онъ сталъ отрицать подлинность документа, хотя отлично зналъ его истинность.

Ничего человѣчнаго не пробудилось въ этой испорченной душѣ—ни угрызений совѣсти, ни раскаянія.

Я не сомнѣваюсь, что вполне достигну цѣли. Въ этомъ вѣра ¹⁾.

Доказательство тому — ваше содѣйствіе, и потому благодарю васъ еще разъ и отъ всего моего сердца.

591. Письмо къ Ж. Мишле.

25 Juillet 1852.

Lucerne.

Cher et vénérable Monsieur. Votre lettre du 4 Juillet ne m'est parvenue que le 18. Elle a été à Nice, à Gênes, à Lugano, enfin elle m'a trouvé à Lucerne.

Il y a longtemps que j'avais un grand besoin de vous écrire, mais les choses que j'avais à vous communiquer étaient si sombres, si tristes et si difficiles à être dites que je ne pouvais me décider à prendre la plume. Votre lettre si affectueuse, si amicale mit fin à mon hésitation.

¹⁾ Слово не разобрано.

Vous me plaignez sincèrement, et pourtant vous ne connaissez qu'une partie des malheurs qui m'accablent. La perte de ma famille par le naufrage, la mort de ma femme qui s'est éteinte dans les larmes ce n'est pas tout, il fallait encore l'offense, la calomnie, la trahison d'un ami pour combler cette coupe amère qu'une fatalité féroce ne cesse de me présenter.

Je me suis enfui, révolté contre ses coups; j'ai senti encore une fois ma nature révolutionnaire et j'ai commencé une lutte dans laquelle je périrai peut-être,—mais du moins cela ne sera pas sans vendre chèrement ma tête.

J'ai fait un acte qui sera taxé d'héroïsme ou de lâcheté.

Je joue mon honneur, c'est la dernière carte qui me soit restée.

Un homme infâme que j'ai eu le malheur d'aimer comme un ami intime, et que j'étais dans la nécessité de chasser de ma maison, il y a près de deux ans, attendit la maladie mortuaire de ma femme pour l'offenser sur son lit de douleur, en *dénonçant*, par un sentiment de vengeance atroce et lâche, un passé oublié. Il ajouta les calomnies, les plus noires, à la dénonciation. Ce scélérat s'appelle G. Herwegh ci-devant poète allemand, connu par sa fuite d'un champ de bataille. Il terminait son œuvre, en m'envoyant une sorte de provocation conçue en termes ignobles. J'ai refusé de donner suite à un pareil cartel.

Cette décision m'a coûté beaucoup. Il me fallait plus que le sentiment de la justice, plus que celui de la confiance dans une vie antérieure, traversée au grand jour, au vu et au su de tout le monde; il fallait un moteur plus puissant que tout cela pour me faire agir de la sorte. Le duel ne réhabilitait en rien la noble victime: le duel, tout en cachant le fond, faisait ébruiter l'apparence. Aussi ne pouvait-il servir qu'à restaurer l'honneur d'un traître ou bien fournir une satisfaction à mon point d'honneur. C'était, en vérité, trop donner à une divinité altière et froide,—homme d'un monde barbare et d'un monde nouveau, j'ai osé m'attaquer à cette idole.

En même temps j'ai brisé une autre encore, et en le faisant jamais je ne me suis senti plus conséquent avec tout ce que j'ai écrit, avec tout ce que j'ai prêché.

J'ai laissé avec respect la pleine liberté de la défense à la femme elle-même, et non seulement de la défense, mais de la punition. La femme ne doit plus être l'éternel mineur. J'ai atteint mon but, elle se fit un piédestal de l'infamie de son persécuteur, elle l'écrasa du haut de sa grandeur morale. Palpitante d'indignation, elle lui écrivit une lettre sublime. Il renvoya la lettre sans *l'avoir décachetée*. Alors elle convoqua quelques amis autour de son lit, pour apporter un témoignage à tout ce que je leur disais, elle leur communiqua la lettre et la remit

à mon ami, le général Haug (un des héros de Rome en 1848), en le priant de notifier cet arrêt à l'individu—elle y tenait tant,—elle y voyait la plus haute satisfaction pour moi—et elle avait raison.

Elle était grande, cette pauvre martyre dans cet acte, la réhabilitation était plus que complète — tout le monde s'inclina devant tant d'énergie. Mais bientôt les forces physiques l'abandonnèrent; le 2 Mai elle cessa d'exister.

J'ai juré de la venger.

Ma vengeance devait commencer avec la même conformité de mes principes, avec laquelle j'ai réhabilité la victime. Je voulais porter la cause au seul tribunal que je reconnaisse, je voulais punir le traître par la seule force morale de la Démocratie. C'était à elle, à ses représentants de prononcer l'excommunication d'un misérable qui ose se compter dans les rangs révolutionnaires. Si la démocratie n'est pas une puissance, si elle ne comprend pas la solidarité de tous pour chacun — elle n'est pas une réalité. Si elle n'est pas assez forte pour protéger un de ses frères, ni assez morale pour flétrir un traître—elle n'a pas d'avenir.

J'écrivis à un ami que je respecte beaucoup, à Mazzini, sa belle réponse augmenta mes forces. Les fougueux italiens avec lesquels je vivais à Nice et à Gênes, applaudirent avec enthousiasme à ma décision. Lé . . .¹⁾ Giacomo Medici était le premier à demander que sons nom parut sous le verdict. Un incident a modifié la position...

L'ami Haug, devenu exécuteur testamentaire, quitta Londres pour remplir la volonté de la défunte et alla à Zurich. Accompagné de deux amis, tous les deux très bien connus dans la démocratie, — il alla chercher l'individu chez lui. Il lui notifia l'arrêt d'outre-tombe; le coupable l'entendit pâle, tremblant—non de remords, mais de peur. Après avoir entendu la lecture, il eut la bassesse de nier l'authenticité de la lettre; on lui montra l'enveloppe, il la reconnut, — mais en même temps on trouva une autre lettre écrite *de sa main*, qui était dans l'enveloppe qu'il disait ne pas avoir décachetée. C'était un commentaire odieux de la lettre qu'il disait n'avoir pas lue.

Le coupable n'a retrouvé quelque semblant de courage que pour fuir et invoquer à grands cris le secours *de la police*. Ernst Haug alors, transporté d'une juste indignation, a puni le lâche en lui imprimant sur le visage le cachet de son mépris. C'était le 1-ier Juillet.

Sept jours après Herwegh m'envoya une seconde provocation. Mon refus était à prévoir.

Cependant le fait a transpiré, les journaux le portèrent à la publi-

¹⁾ Слово не разобрано.

cité. L'homme prostitué, me parodiant alors, a eu l'impudence alors d'imprimer un article sale dans un journal réactionnaire (Neue Züricher-Zeitung) on il traite mes amis de spadassins et déclare qu'il ne se battra pas avec Haug.

Me voilà donc engagé dans une polémique dégoûtante que je désapprouve, et qu'il n'est pas en mon pouvoir d'arrêter, — il m'est impossible de me taire lorsqu'on offense mes amis, qui se sont dévoués avec tant de générosité à une œuvre de haute moralité.

Si après tout je trouve la force suffisante de traverser ce marais boueux, avec le cercueil que je porte, la tête haute, sans faillir, j'en sortirai victorieux. Si non — il n'y a pas de salut pour moi. Et je recommande mes enfants à mes amis, je vous les recommande à vous, vénérable ami, d'une manière toute particulière.

Je ne suis pas encore à bout de mes forces. Mais quelques fois un abattement, un désespoir s'emparent de mon âme: l'idée me vient que j'ai entrepris une tâche beaucoup au-dessus de mes forces, je tremble à la pensée qu'ayant le premier fait appel à la publicité, je ne trouverai ni assez de talent, ni assez de puissance pour la dominer — et qu'alors je n'ai fait que livrer à la foule une cause sainte pour moi, que je l'ai profanée en voulant l'entourer d'une auréole de respect et de vénération.

J'imprimerai un appel aux frères de la démocratie, qu'ils me soutiennent dans ma route ou qu'ils m'abandonnent à mon sort par leur silence. Dites votre opinion, ne m'épargnez pas, dites-la avec sincérité — j'attendrai avec impatience votre lettre. Proudhon et ses amis partagent ma manière de voir—ainsi qu'ils viennent de m'assurer.

Je ne veux pas vous parler de ce que j'ai souffert, combien je me sens épuisé depuis ma dernière lettre (écrite, je crois en janvier). C'est une triste chronique de pathologie—qui peut bien rester ensevelie dans ma poitrine. Ce n'est qu'un organisme pareil au mien, qui pouvait résister à cette incessante torture.

Mes deux petites sont à Paris, chez cette dame russe que vous avez rencontrée une fois chez moi. Moi, j'erre avec mon fils dans les montagnes de la Suisse; je resterai quelque temps à Lucerne, ville qui me plaît, parce je ne connais âme qui vive.

Permettez moi, maintenant, de vous communiquer une chose qui pourrait vous intéresser et vous faire oublier un peu mon triste récit. Vous connaissez qu'on organise à Genève une académie; les genevois ont déjà engagé des hommes illustres de la science, entre autre—mon ami C. Vogt. Je pense qu'ils seraient enchantés de vous posséder au moins pour six mois, j'ajoute même, d'après les assurances des personnages compétents qu'on irait volontiers à plus de 3.000, entre 3 et

4000 frs à vous offrir. Le semestre commence au 1 novembr. Je serai tout heureux si vous voudriez me permettre d'entrer en rapport sur ce sujet avec mes amis de Genève.

Excusez amicalement la longueur de ma lettre. Moi-même, je suis fatigué, c'est très douloureux de rouvrir ces plaies saignantes.—Je vous laisse en serrant votre main et en répétant que c'est un don bien maudit que la vie.

Votre ami tout dévoué.

A. H.

P. S. Je recommanderai ma lettre, par crainte de la poste française, qui ne se borne pas à lire les lettres, mais qui croit prudent de les retenir—ce qui ne se fait en aucun pays.

Vous faites mention d'un ouvrage sur la Russie, je n'en n'ai aucune connaissance. Je voudrai bien en connaître le titre.

Mon adresse: Lucerne, poste restante.

Переводъ.

25 іюля 1852.

Люцернъ.

Дорогой и глубокоуважаемый г. Мишле! Ваше письмо отъ 4 іюля дошло до меня только 18-го. Оно было въ Ниццѣ, въ Генуѣ, въ Лугано и, наконецъ, нашло меня въ Люцернѣ.

Мнѣ давно нужно было написать вамъ, но то, что я хотѣлъ сообщить, было такъ мрачно, грустно и трудно выразиимо, что я не рѣшался взяться за перо. Ваше привѣтливое, дружеское письмо положило конецъ моимъ колебаніямъ.¹

Вы искренно жалѣете меня, а между тѣмъ, знаете только долю постигшихъ меня несчастій. Гибель родныхъ въ морѣ, смерть жены, потухшей въ слезахъ, это еще не все,—нужны были еще оскорбленіе, клевета, измѣна друга, чтобы наполнить эту горькую чашу, которую подноситъ мнѣ жестокая судьба.

Я, наконецъ, возсталъ противъ ея ударовъ; я еще разъ почувствовалъ свою революціонную натуру и завязалъ бой, въ которомъ, можетъ быть, погибну, но зато дорого продамъ свою голову.

Я сдѣлалъ поступокъ, который будетъ сочтенъ либо героизмомъ, либо трусостью.

Я поставилъ на карту мою честь, — единственную карту, которая у меня осталась...

Одинъ подлый человѣкъ, котораго я имѣлъ несчастье любить, какъ близкаго друга, и котораго два года назадъ долженъ былъ

выгнать изъ дома,—дождался смертельной болѣзни моей жены, чтобы оскорбить ее на смертномъ одрѣ, поднявъ рѣчь, изъ чувства жестокой и подлой мести, о давно забытомъ прошломъ. Къ своимъ доносамъ онъ присоединилъ самую черную клевету. Злодѣя этого зовутъ Г. Гервегъ,—бывшій нѣмецкій поэтъ, прославившійся своимъ бѣгствомъ съ поля битвы. Онъ закончилъ свое дѣло, пославъ мнѣ нѣчто въ родѣ вызова, написаннаго въ гнусныхъ выраженіяхъ. Я отказался отъ подобнаго вызова.

Это рѣшеніе стоило мнѣ дорого. Нужно было нѣчто большее, чѣмъ чувство справедливости и вѣры въ прошлую жизнь, выставленную на показъ всему міру, нуженъ былъ болѣе сильный двигатель, чѣмъ все это, чтобы заставить меня поступить именно такъ. Дуэль не могла ни въ чемъ реабилитировать благородную жертву; скрывая глубину дѣла, она разгласила бы повсюду его кажущуюся внѣшность. Кромѣ того, она могла бы возстановить честь предателя или, въ крайнемъ случаѣ, удовлетворить мою честь. Это значило бы, дѣйствительно, слишкомъ преклоняться передъ надменнымъ и холоднымъ божествомъ. Будучи человѣкомъ и варварскаго міра и новаго, я дерзнулъ вступить въ борьбу съ этимъ идоломъ.

Одновременно съ этимъ я разбилъ и другой кумиръ, и никогда я не чувствовалъ такого согласія со всѣмъ, чтò писалъ и проповѣдывалъ.

Проникнутый уваженіемъ къ женщинѣ, я предоставилъ ей самой полную свободу защиты и не только защиты, но и наказанія. Женщина не должна больше оставаться вѣчно малолѣтней. Я достигъ своей цѣли: на безчестіи своего преслѣдователя она воздвигла себѣ пьедесталь, она уничтожила его съ высоты своего нравственного величія. Дрожа отъ негодованія, она написала ему прекрасное, удивительное письмо. Онъ вернулъ его *не распечатаннымъ*. Тогда она призвала нѣсколькихъ друзей къ своему ложу, чтобы подтвердить все, что я имъ говорилъ; она прочитала свое письмо и передала его моему другу, генералу Гаугу (одинъ изъ героевъ 1848 г. въ Римѣ), прося его сообщить свой приговоръ тому господину. Она считала это важнымъ, она видѣла въ этомъ самое высокое удовлетвореніе для меня и была права.

Эта бѣдная мученица была величественна. Реабилитация оказалась болѣе, чѣмъ полной,—всѣ кругомъ склонились передъ такой мощью. Но скоро физическія силы покинули ее; 2 мая она скончалась.

Я поклялся отмстить за нее.

Моя месть должна была находиться въ полномъ согласіи съ

моими принципами, какъ это было при реабилитаціи жертвы. Мнѣ хотѣлось вести это дѣло только въ томъ судѣ, который я признавалъ; я хотѣлъ наказать предателя моральной силой демократіи. Только она, только ея представители могли отлучить презрѣннаго негодяя, который осмѣливался причислять себя къ революціоннымъ кругамъ. Если демократія не представляетъ собою силы, если она не включаетъ въ себѣ солидарность всѣхъ за каждого,—она лишь призракъ, а не дѣйствительность. Если она не можетъ ни защитить своихъ братьевъ, ни заклеить предателя,—у нея нѣтъ будущаго.

Я написалъ своему другу, котораго очень уважаю,—Маццини; его прекрасный отвѣтъ ободрилъ меня. Горячіе итальянцы, съ которыми я жилъ въ Ниццѣ и Генуѣ, апплодировали съ восторгомъ моему рѣшенію¹⁾ Джіакомо Медичи первый попросилъ, чтобы его имя стояло подъ вердиктомъ. Но одно событіе измѣнило положеніе дѣла.

Мой другъ Гаугъ, ставшій душеприказчикомъ, покинулъ Лондонъ, чтобы исполнить волю покойной, и отправился въ Цюрихъ. Въ сопровожденіи двухъ друзей, хорошо извѣстныхъ въ демократіи, онъ пошелъ на квартиру къ субъекту. Онъ передалъ ему приговоръ покойной. Виновный слушалъ — блѣдный, дрожа, но не отъ угрызеній совѣсти, а отъ страха. Прослушавъ письмо, онъ имѣлъ низость отрицать его подлинность; ему показали конвертъ, онъ узналъ его, но въ ту же минуту въ конвертѣ, который онъ будто бы не распечатывалъ, нашли другое письмо, написанное *ею рукой*. Это былъ гнусный комментарий къ письму, котораго онъ будто бы не читалъ.

Въ виновномъ нашлось смѣлости лишь настолько, чтобы выбѣжать и начать громко призывать на помощь *полицію*. Тогда, въ порывѣ справедливаго негодованія, Эрнстъ Гаугъ наказалъ труса, запечатлѣвъ на его лицѣ знакъ своего презрѣнія. Это было 1 іюля.

Черезъ семь дней Гервегъ прислалъ мнѣ второй вызовъ. Разумѣется, мой отказъ можно было предвидѣть. Однако, и объ этомъ вызовѣ узнали, газеты предали этотъ фактъ гласности. Тогда подлый человѣкъ, пародируя меня самого, имѣлъ безстыдство напечатать въ одной реакціонной газетѣ («*Neue Züricher Zeitung*») грязную замѣтку, въ которой называетъ друзей моихъ наемными убійцами и объявляетъ, что онъ не станетъ драться съ Гаугомъ.

Такимъ образомъ, я поневолѣ былъ вовлеченъ въ отвратительную полемику, которую самъ осуждаю, но прекратить ее было

¹⁾ Слово не разобрано.

не въ моей власти. Я не могу молчать, когда оскорбляютъ моихъ друзей, которые съ такимъ благородствомъ отдались высоко-нравственному дѣлу.

Если я, все-таки, найду въ себѣ достаточно силъ, чтобы перейти черезъ это грязное болото съ гробомъ на рукахъ и съ высоко поднятой головой, и не упаду, то выйду побѣдителемъ. Если нѣтъ—я погибъ. И я поручаю своихъ дѣтей друзьямъ, я поручаю ихъ особенно вамъ, глубокоуважаемый другъ.

Силы мои еще не исчерпаны. Но иногда изнеможеніе и отчаяніе овладѣваютъ душой. Мнѣ приходитъ тогда мысль, что я взялъ на себя непосильное бремя; я содрагаюсь при мысли о томъ, что, предавъ дѣло гласности, я не найду въ себѣ достаточно ни таланта, ни мощи, чтобы овладѣть ею, и что тогда я, значитъ, только отдалъ толпѣ дѣло, для меня святое, что я профанировалъ это святое, желая окружить его ореоломъ уваженія и благоговѣнія.

Я напечатаю призывъ къ братьямъ-демократамъ, чтобы они или поддержали меня на моемъ пути, или своимъ молчаніемъ предали меня моей судьбѣ. Скажите свое мнѣніе, не щадите меня, скажите искренно, я съ нетерпѣніемъ буду ждать вашего письма. Прудонъ и его друзья раздѣляютъ мою точку зрѣнія,—они только что увѣряли меня въ этомъ.

Я не хочу рассказывать вамъ, какъ я страдалъ, до какой степени я усталъ со времени моего послѣдняго письма (написаннаго, кажется, въ январѣ). Это—грустная, патологическая исторія, которая должна остаться погребенною въ моей груди. Только такой организмъ, какъ мой, могъ сопротивляться этой безпрестанной пыткѣ.

Мои двѣ дѣвочки въ Парижѣ, у той русской дамы, которую вы какъ-то разъ встрѣтили у меня. Я скитаюсь съ сыномъ по горамъ Швейцаріи, нѣсколько времени проживу еще въ Люцернѣ, — онъ нравится мнѣ, потому что здѣсь нѣтъ ни одной знакомой души.

Позвольте теперь сообщить вамъ одну вещь, которая, можетъ быть, заинтересуетъ васъ и заставитъ нѣсколько забыть мой грустный рассказъ. Вы знаете, что въ Женевѣ организуютъ академію; женевцы уже пригласили извѣстныхъ ученыхъ, между прочимъ, моего друга, К. Фогта. Я думаю, они съ восторгомъ пригласили бы васъ, хотя бы на 10 мѣсяцевъ, и прибавлю, со словъ людей компетентныхъ, что они готовы предложить вамъ больше 3000 фр. — между 3 и 4 тыс. Семестръ начинается 1 ноября. Я буду до-нельзя радъ, если вы разрѣшите мнѣ переговорить объ этомъ съ моими женевскими друзьями.

Простите дружески огромность моего письма. Я самъ усталъ,— больно вскрывать кровотокащія раны. Прощаюсь съ вами и повторяю, что жизнь—проклятый даръ.

Вашъ совершенно преданный вамъ другъ

А. Г.

Р. С. Я боюсь это письмо, боясь, что французская почта, по своему обыкновению, не ограничится чтеніемъ письма, но и задержитъ его, чего не дѣлается ни въ какой другой странѣ.

Вы упоминаете о книгѣ, посвященной Россіи; я не имѣю о ней никакого понятія. Хотѣлось бы знать ея заглавіе.

Адресъ мой: Люцернъ, до востребованія.²

◆◆ 1. 4 іюля Мишле писалъ Герцену: «Вы, конечно, не сомнѣваетесь въ томъ глубокомъ волненіи, съ которымъ я узналъ объ этомъ новомъ несчастіи, постигшемъ васъ. Чувство вашего положенія превозмогло мою собственную грусть, ибо что я потерялъ въ концѣ концовъ? (Мишле былъ лишенъ каѳедры въ Collège de France, мѣста въ національномъ архивѣ и высленъ изъ Парижа—*М. Л.*). Возможность жить въ Парижѣ, возвышенное общеніе съ публикой, которымъ я жилъ давно, наконецъ, мое трудовое уединеніе въ архивѣ, гдѣ я провелъ 22 года. Нѣтъ, все это ничего въ сравненіи съ невыразимой скорбью, павшей на васъ. Братъ! я давно написалъ бы вамъ, еслибы не это разореніе моего очага. Въ два мѣсяца трижды мѣнялъ мѣсто жительства: изъ Терне въ Парижъ, изъ Парижа въ Нантъ... Я хотѣлъ бы быть съ вами и видѣть вашу душу, знать, какъ ваше мужественное сердце переноситъ эти великія страданія; это дало бы мнѣ силу для меня самого. Я увѣренъ, что испытаніе не превышаетъ вашихъ силъ. Магпо magna ¹). Съ тѣхъ поръ, какъ и я сталъ изгнанникомъ, я чувствую себя въ болѣе тѣсномъ общеніи съ вами и тѣмъ болѣе братски жму вашу руку, дорогой и великій патріотъ. Я съ удовольствіемъ прочелъ книгу, очень блестящую, очень остроумную о вашей родинѣ. По силѣ нѣкоторыхъ мѣстъ и тонкимъ, изящнымъ чертамъ, нѣкоторымъ лицамъ показалось, что они угадали имя автора (заимствую переводъ у г. Гершензона въ IV кн. «Былого» 1907 г., сдѣлавъ въ немъ нѣсколько поправокъ и дополненій по подлиннику, хранящемуся въ архивѣ семьи Герцена).

¹) Великому великое.

2. Отвѣтъ Мишле изъ Нанта отъ 29 іюля:

«Вы дали, дорогой другъ, примѣръ рѣдкаго мужества,—наиболѣе рѣдкаго у всѣхъ, кто храбръ противъ общественнаго мнѣнія.

Одна лишь Демократическая Церковь имѣетъ право давать такіе примѣры отлученія отъ своей среды, не предавая въ то же время виновнаго желѣзу тирановъ.

По времени, въ которомъ мы живемъ, будетъ еще множество случаевъ показать рѣшительными дѣйствіями истинный смыслъ того отпуска съ миромъ, но полнаго презрѣнія и позора, который наша Церковь даетъ своимъ чадамъ, оказавшимся недостойными ея.

Поступки, *а не слова*—вотъ въ чемъ истинный отвѣтъ, который вы и дадите.

Если вы позволите подать вамъ братскій совѣтъ, то какъ только выясните положеніе дѣла тѣмъ изъ нашихъ друзей, которые пользуются нравственнымъ авторитетомъ,—бросьте это дѣло; когда наступятъ новыя обстоятельства, оно снова пойдетъ своимъ ходомъ. Первою заботою демократіи будетъ очиститься и воспрепятствовать безчестнымъ людямъ вмѣшиваться въ ея дѣла.

Мнѣ официально предложена кафедра въ Женевѣ. Я отказался и рискнулъ при этомъ предложить молодого человѣка, котораго считаю (морально) первымъ среди современниковъ: это г. Альфредъ Дюмениль, авторъ «Новой вѣры, таящейся въ искусствѣ отъ Рембрандта до Бетховена». Вотъ, короче, наше сужденіе о немъ: Кинэ ¹⁾ отдалъ ему свою кафедру, а я—свою дочь.

Если у васъ есть друзья въ Женевѣ, то прошу васъ, въ интересахъ Женевы и самага дѣла,—поддержите г. Дюмениля» (съ подлинника, хранящагося въ архивѣ семьи Герцена).

592. An die Redaktion der Neuen Züricher-Zeitung.

Ich ersuche Sie nachstehende Erklärung in Ihrer nächsten Nummer zu veröffentlichen. Hochachtungsvoll.

Lucern, 25 den Juli 1852.

A. Herzen.

ERKLÄRUNG.

Ich habe mich geweigert, mich mit Georg Herwegh zu schlagen—ich werde mich auch fernerhin weigern.

Die Gründe, weshalb ich G. Herwegh nicht für ehrenfähig halte,

¹⁾ Эдгаръ, извѣстный французскій историкъ.

gehören nicht hierher. Ich habe sie einigen bekannten europäischen Demokraten mitgetheilt, deren Ausspruch bald erfolgen wird.

Ich würde über den Artikel, welchen G. Herwegh in Ihrem Blatte veröffentlicht hat, kein Wort verloren haben. Da er aber meine liebsten und vertrautesten Freunde als «elende Spadassin's» bezeichnet, die mit «russischen Subsidien einen grand coup gegen ihn zu führen trachten», so bin ich—nicht ihm, sondern den Lesern Ihres Journals—eine Erklärung schuldig.

Ich erkläre also, auf Ehrenwort, dass *Niemand* von mir jemals «Sold bezogen» oder «Subsidien empfangen» hat, mit alleiniger Ausnahme meines Gesindes und des *Georg Herwegh selbst*, welcher noch heute ein Capital von zehntausend Franken von mir in Händen hat, das ich ihm vor zwei Jahren *ohne Zinsen* lieh. Die jährliche Unterstützung, welche derselbe demnach *noch in diesem Augenblicke* durch mich erhält, kann Jeder leicht nach dem landesüblichen Zinsfusse berechnen.

A. Herzen.

Lucern, 25 den Juli 1852.

Переводъ.

Въ редакцію „Новой Цюрихской Газеты“.

Прошу Васъ опубликовать въ ближайшемъ номерѣ Вашей газеты слѣдующее заявленіе. Съ совершеннымъ почтеніемъ •

A. Герценъ.

Люцернъ, 25 іюля 1852.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Я не согласился драться съ Георгомъ Гервегомъ и впредь не соглашусь.

Причины, по которымъ я считаю Г. Гервега недостойнымъ этой чести, не относятся къ дѣлу. Я сообщилъ ихъ нѣкоторымъ знакомымъ европейскимъ демократамъ, приговоръ которыхъ скоро послѣдуетъ.

Я не сталъ бы терять словъ по поводу статьи, напечатанной Г. Гервегомъ въ Вашей газетѣ, но такъ какъ онъ выставляетъ моихъ лучшихъ и закадычныхъ друзей, какъ «жалкихъ наемныхъ убійцъ», которые при помощи «русской субсидіи стараются нанести ему рѣ-

шительный ударъ», то я обязанъ дать объясненіе не ему, а читателямъ Вашей газеты.

Итакъ, я категорически утверждаю своимъ честнымъ словомъ, что у меня *никто* никогда не «состоялъ на жалованьи», за исключеніемъ моей прислуги и *самою* *Георга Гервега*, у котораго и сейчасъ въ рукахъ находится капиталъ въ десять тысячъ франковъ, одолженный ему мною два года тому назадъ безъ процентовъ. Размѣръ годового пособия, которымъ онъ такимъ образомъ пользуется отъ меня еще въ *данный моментъ*, каждый легко можетъ самъ вычислить по мѣстному процентному разсчету.

А. Герценъ.¹

Люцернъ, 25 іюля 1852.

◆◆ 1. Въ № 219 «Neue Züricher Zeitung», отъ 6 августа, появился слѣдующій отвѣтъ Гервега:

Die zwei Herren in № 209 der «N. Z. Ztg.» gehen von dem Grundsatz aus:

«Wer mit einer Lüge, noch so abgeschmackt, seinem Gegner zuvorkommt, hat immer einen Vortheil über denselben voraus». Sie zwingen mich, so ekelhaft es für mich und das Publicum sein mag, noch einmal zu antworten. Dergleichen ist unerhört. Freilich bin ich lange und oft genug von russischen Freunden vor russischer Brutalität gewarnt worden, aber ich hatte es für unmöglich gehalten, dass die Rachelust sich so weit verirren könnte, bei Kränkungen, die ihrer zarten Natur wegen nie vor die Oeffentlichkeit kommen dürfen und schon dadurch dem Weg der Privatgenugthuung anheimfallen, die Solidarität der Demokratie anzurufen. Wir wollen sehen, ob die Demokratie sich hiezu hergebe und es gut heissen wird, sich solcher Waffen zu bedienen, wie sie nur im Arsenal des verworfensten Absolutismus zu finden sind. Ich beharre bei meiner letzten Erklärung. Jedes Wort dieser Kleeblatts ist abermals eine Lüge, eine dreifache, infame Lüge! Jeder Unbefangene möge über die logische und moralische Schwäche dieser Menschen nach den folgenden Thatsachen urtheilen, die ich, der Wahrheit gemäss, einfach, ohne Aufwand von Ehrenworten und andern überflüssigen verdächtigen Versicherungen, berichte. Die Widersprüche springen in die Augen und ich habe nicht nötig, besonders darauf aufmerksam zu machen.

Nr. 1. Der Baron Herzen *selbst* wollte mir vor anderthalb Jahren eine Forderung zustellen lassen, wie es der einfachste Begriff von Ehre von ihm erheischte. Die Dazwischenkunft dritter Personen hat die Ausführung dieser löblichen Absicht verhindert.

Nr. 2. Der Baron Herzen hat im Anfang dieses Jahrs eine Forderung *von mir empfangen*, dieselbe durch seinen Sekundanten beantworteten lassen und *sich* das Recht vorbehalten, den Zeitpunkt zu wählen.

Nr. 3. Der Baron Herzen ist darauf einen Monat lang mit sich zu Rath gegangen und hat gefunden, *dass das Duell ein Vorurteil sei*.

Nr. 4. Der Baron Herzen hat zwei Monate später einem seiner Alliierten erlaubt, mich zu fordern — eine Forderung, die ich vorausgesehen und voraus angenommen habe.

Nr. 5. Der Baron Herzen hat hierauf den mehrerwähnten Menschen, bisher die tägliche Zielscheibe seines Spottes, mit der bekannten extravaganten Mission betraut. Nachdem der letztere acht Tage in Zürich sich herumgetrieben und einen Sekundanten gesucht, aber Niemanden gefunden hatte, der mir sein injuriöses Kartel überbringen wollte, ist er endlich in sich gegangen und hat gedacht, «wenn ich mich nicht schlagen kann, so will ich versuchen zu prügeln».

Nr. 6. Derselbe introducirt sich also bei mir. Herr Tessier, sein Begleiter, wünscht mir Etwas vorzulesen, was ich so höflich bin anzuhören und, als er mit der Vorlesung zu Ende, so grob, für ein Falsum zu erklären.

Nr. 7. Der dritte unparteilische Zeuge, der die beiden Herren begleitete, wird perfider Weise entfernt. Darauf hält mir der Speziell mit der Mission betraute Herr einige Zeilen von meiner Hand vor, *die ich ruhig entgegennahm* und mit Vergnügen anerkenne. Aber bei der ersten Injurie die derselbe ausstösst, gehe ich eben so ruhig nach der Thüre und öffne sie, um die Herren zu verabschieden. Unter der Thüre lebhafteste Gestikulationen des Abgesandten — *ohne* mich zu berühren — ich rufe nach dem Hausknecht, um den Herrn das fernere Geleit zu geben. An der Treppe neue Gestikulationen und Versuch zu Thätlichkeiten — der Abgesandte ergreift meinen Arm, aber im selben Augenblick schlendere ich ihn von mir weg die ersten Stufen der Treppe hinab, und zwar so unsanft, dass der weisse Rücken des Herrn einer der Mägde zum Gespötte dient. Das famose Dokument wurde in der Bestürzung von den beiden Herren vergessen und befindet sich noch in meinen Händen.

So steht es mit dem «Ins Gesicht werfen», so steht es mit der berühmten Ohrfeige, die mir der tapfere Krieger im Namen der Freiheit, Gleichheit und Brüderlichkeit gegeben haben will, für die er sein Ehrenwort an jeder Strassenecke verpfändert, und nicht nur das seinige, sondern auch, wie diess in einem Briefe geschehen, das seiner *Freunde*—pluraliter, man höre!—während der einzige Herr Tessier zugegen gewesen; so steht es mit den Documenten, von denen seine italienischen

Mitverschwornen ebenfalls pluraliter zu reden gezwungen sind, während ich nur das bereits erwähnte anzuheörenleider—zu gutmütig war. Psychologisch ist übrigens die Sache klar. Der Leibeigene musste seinem Herrn eine Darstellung in der Weise machen, dass der letztere glauben konnte, der Knecht habe sich seines Auftrags wirklich entledigt. Leibeigene müssen oft ihre Zuflucht zur Lüge nehmen. Der Baron Herzen sollte das wissen.

Nr. 8. Tags darauf, als mir erklärt wird, der nicht zu rechtfertigende Ueberfall habe *nur die Absicht gehabt, mich zu provociren* —ich bitte irgend einen Studenten, die Herrn den Comment. zu lehren. Erklärung meinerseits, dass ich mich mit dem Gesinde des Baron Herzen nicht schlage—Erneuerung meiner Forderung an den Baron.

Nr. 9. Ein Brief des Abgesandten an mich, der im Falle einer Ausforderung meinerseits eine Adresse angibt; ein zweiter Brief desselben an einen meiner Freunde, *in welchem er sich wundert, dass ich von ihm nicht mit den Waffen in der Hand Genugthuung verlange* — ein Brief übrigens so stinkend und schmierig, — dass ihm derselbe zurückgesandt wird.

Nr. 10. Neuer Brief des Abgesandten, der sich soeben selbst mit mir schlagen wollte und der nun, als Antwort auf meine erneuerte Forderung an Herzen, im Namen der Letzteren, aber in seinem eigenen konfusen Stile, erklärt, dass dez Baron Herzen mit einem «moralischer Verbrecher» nichts, also auch keine Ehrensache, gemein habe. Das Vorurteil beim Baron Herzen scheint überwunden und eine neue Phase eingetreten zu sein.

Rekapituliren wir—Herr Herzen will sich schlagen, er schlägt sich nicht; Herr Herzen wird gefordert, er verlangt Aufschub; Herr Herzen erklärt das Duell für ein Vorurteil; Herr Herzen gibt zu, dass mich Einer seiner Satelliten fordert, und ein anderer—der Pistolenheld der Gesellschaft—zu einer Forderung provocirt—während er selbst definitiv sich nicht schlagen zu wollen erklärt. Welche Ehre für die Freunde des Baron Herzen.

Nr. 11. Das Pulver ist verschossen oder vielmehr in lauter Rensarten nass geworden. Der letzte Trumpf, den der bourgeois-gentilhomme auszuspielen hat, ist Geld und ein Appel an alle Philister. Hier entwickelt dann der natürliche Edelmann die ganze Insolenz eines Parvenu. Nur schade, dass ich vom Herrn Baron kein Geld verlangt habe, denn es wäre mir moralisch-unmöglich gewesen, ein *Anleihen* zu machen, während ich alles *besass*, was ich brauchte.

Nr. 12. Das Ende vom Lied ist: zwischen dem Baron Herzen und mir soll auf jede Weise ein Duell unmöglich gemacht und dazu

alle erlaubten und unerlaubten Mittel, die Lüge, in ihrer abenteuerlichsten Gestalt, angewandt werden.

Das Resumé selbst aus den vom Gegner zugegebenen Thatsachen ist also folgendes: es haben mich im Auftrag eines Andern Mehrere ohne Zeugen überfallen. Man rühmt sich, mich misshandelt zu haben. Man bringt die Sache zuerst vor die Oeffentlichkeit, entschuldigt sich mit der Absicht einer Herausforderung und erklärt mich für nicht satisfaktionsfähig.

Auf einer Alpenreise, Bellinzona, 31 Juli.

Georg Herwegh.

Nachschrift. Auf den Vorwurf einer Falsifikation werde ich mich so wenig herablassen zu antworten, wie auf den silberne Löffel gestohlen zu haben. Ich bemerke nur noch, was so schlaue verschwiegen wird, dass es sich um einen an mich gerechtigten Brief handelt, den ich nicht erbrochen habe, weil ich dessen Inhalt durch eine nach Paris geschickte Copie zur selben Zeit erfuhr, in der mir das Original zukam, und ich für die Verfasser desselben nicht zum zweiten Male erröthen wollte. — Dieser Brief war an *mich*, ich konnte damit nach Belieben schalten. Leider ist derselbe, wie ich so eben erfahre, zunächst nicht an die von mir angegebene Adresse zurück-, sondern in die Hände *zweier fremden* Herren gelangt, *die ihn erbrochen und wieder zugesiegelt haben*. Wer ist der Fälscher? Wo ist die Infamie? Der Eine dieser Herren, der mit an die Demorkatie zu appelliren wagt, arbeitete einst in Warschau bei dem Polizeiminister General Abramowitsch!

Was die Dokumente betrifft, so dürfte ich leicht der stärkere Theil sein... Aber Herr Herzen möge sich beruhigen und mit dem Bewusstsein leben, den letzten Rest von Ehre, der ihm bleibe nicht seiner Berufung auf einige politische Spassmacher, die für ihn herumreisen und durch ihre Indiskretionen kompromittiren, sondern dem einfachen menschlichen Gefühl seines Todfeindes zu verdanken.

Переводъ.

«Оба господина въ № 209 «Новой Цюрихской Газеты» ¹⁾ исходятъ изъ принципа: «кто предупредить своего противника, хотя бы самой нелѣпой ложью, тотъ всегда окажется сравнительно съ нимъ въ нѣкоторомъ преимуществѣ». Они меня принуждаютъ, какъ

¹⁾ Герценъ и Мари-Эдмондъ Тесье дю-Мотэ (его письмо см. при V части «Былого и думъ»).

ни противно это, быть можетъ, и мнѣ и публикѣ, отвѣтить еще разъ. Это нѣчто неслыханное! Правда, я уже давно и часто слышалъ отъ русскихъ друзей предупрежденіе относительно русской грубости, но я не считалъ возможнымъ, чтобы мстительность заходила такъ далеко, чтобы призывать солидарность демократіи на помощь при обидахъ, которыя, по своему интимному характеру, никогда не должны были бы быть предаваемы огласкѣ и, вслѣдствіе именно этого, должны разрѣшаться путемъ личнаго удовлетворенія. Посмотримъ, согласится ли на эту роль демократія и одобрить ли она употребленіе такого оружія, какое можно найти лишь въ арсеналѣ наихудшаго абсолютизма. Я остаюсь при послѣднемъ своемъ объясненіи. Каждое слово этой неразлучной троицы опять-таки — ложь, тройная подлая ложь. Пусть всякій безпристрастный человѣкъ судить о логическомъ и нравственномъ убожествѣ этихъ людей по слѣдующимъ фактамъ, которые я сообщу просто, согласно правдѣ, безъ прикрасъ высокими словами о чести и безъ прочихъ лишнихъ и подозрительныхъ увѣреній. Противорѣчія бросаются въ глаза и мнѣ не нужно особо подчеркивать ихъ.

№ 1. Баронъ Герценъ *самъ* полтора года назадъ хотѣлъ прислать мнѣ вызовъ, какъ того требовало самое простое понятіе о чести. Вмѣшательство третьихъ лицъ воспрепятствовало выполнению этого похвальнаго намѣренія.

№ 2. Баронъ Герценъ въ началѣ этого года *получилъ отъ меня* вызовъ, отвѣтилъ на него черезъ своего секунданта и оставилъ за собой право избрать время.

№ 3. Баронъ Герценъ размышлялъ затѣмъ въ продолженіе мѣсяца и нашелъ, что «*дуэль—предразсудокъ*».

№ 4. Баронъ Герценъ, два мѣсяца спустя, разрѣшилъ одному изъ своихъ союзниковъ ¹⁾ вызвать меня,—вызовъ, который я заранѣе предвидѣлъ и принялъ.

№ 5. Баронъ Герценъ поручилъ затѣмъ извѣстную экстравагантную миссію неоднократно уже упомянутому человѣку, служившему ему до тѣхъ поръ мишенью для ежедневныхъ насмѣшекъ ²⁾.

Послѣ того, какъ послѣдній восемь дней носился по Цюриху и искалъ секунданта, но не нашелъ никого, кто бы согласился передать мнѣ его оскорбительный картель, онъ, наконецъ, опомнился и подумалъ: «если я не могу драться, то могу бить».

№ 6. Онъ проникаетъ ко мнѣ. Г. Тесье, его спутникъ, желаетъ что-то прочесть мнѣ, я имѣю вѣжливость прослушать оное,

¹⁾ Намекъ на Энгельсона.

²⁾ Намекъ на Гауга.

и когда онъ доводитъ чтеніе до конца, — такъ *грубо*, — объявляю это подлогомъ.

№ 7. Третій безпристрастный свидѣтель, который сопутствовалъ обоимъ господамъ, былъ предательскимъ образомъ удаленъ. Послѣ этого господинъ, которому специально поручалась эта миссія, показываетъ мнѣ нѣсколько строкъ, написанныхъ моей рукой, которыя я *принимаю спокойно* и съ удовольствіемъ признаю за свои. Но при первомъ оскорбительномъ словѣ я столь же спокойно иду къ двери и открываю ее, чтобы выпроводить этихъ господъ. Въ дверяхъ происходитъ оживленная жестикуляція посланцевъ — *безъ* прикосновенія ко мнѣ, — я зову швейцара для дальнѣйшихъ проводовъ этихъ господъ. У лѣстницы новая жестикуляція и попытки перейти къ дѣйствіямъ; посланецъ хватаетъ меня за плечо, но въ то же мгновеніе я отбрасываю его отъ себя по лѣстницѣ, — и, правда, съ такою силой, что побѣленная спина одного изъ этихъ господъ служитъ предметомъ насмѣшки для одной изъ служанокъ. Знаменитый документъ въ суматохѣ былъ забытъ обоими господами и находится еще въ моихъ рукахъ.

Такъ обстоитъ дѣло съ «бросаніемъ въ лицо», такъ обстоитъ оно съ знаменитой пощечиной, которую, по его словамъ, мнѣ далъ этотъ храбрый вояка во имя свободы, равенства и братства и за которую онъ на всѣхъ перекресткахъ ручается своимъ честнымъ словомъ, и не только своимъ, но и, какъ онъ дѣлаетъ это въ одномъ письмѣ, словомъ своихъ *друзей*—во множественномъ числѣ (обратите вниманіе) въ то время, какъ присутствовалъ только г. Тесье; такъ обстоитъ дѣло и съ документами, о которыхъ его итальянскіе сообщники также принуждены говорить во множественномъ числѣ, тогда какъ я прослушалъ лишь упомянутый (уступка съ моей стороны, о которой я сожалею). Психологически, впрочемъ, дѣло ясно. Холопъ долженъ изобразить своему господину дѣло такъ, чтобы послѣдній повѣрилъ, что слуга, дѣйствительно, исполнилъ его порученіе. Холопы, вѣдь, часто принуждены прибѣгать ко лжи. Баронъ Герценъ долженъ бы это знать.

№ 8. На слѣдующій день, когда мнѣ объявили, что ничѣмъ не оправдываемое нападеніе имѣло цѣлью лишь *провокацію*, я прошу одного студента научить этихъ господъ... Объясненіе съ моей стороны, что я не буду драться съ прислугой барона Герцена. Возобновленіе моего вызова барону.

№ 9. Письмо ко мнѣ посланца, который, на случай вызова съ моей стороны, сообщаетъ адресъ; второе письмо его же къ одному изъ моихъ друзей, *въ которомъ онъ удивляется, что я не тре-*

бую отъ него удовлетворенія съ оружіемъ въ рукахъ,—письмо, кстати, такое вонючее и маркое, что оно ему возвращается.

№ 10. Новое письмо посланца, который только что хотѣлъ со мной драться и который теперь, въ отвѣтъ на мой возобновленный вызовъ Герцену, объявляетъ мнѣ отъ имени послѣдняго, но своимъ собственнымъ сбивчивымъ слогомъ, что баронъ Герценъ не можетъ не имѣть ничего общаго, а, слѣдовательно, и дѣла чести съ «моральнымъ преступникомъ». Предразсудокъ побѣжденъ, какъ кажется, барономъ Герценомъ, «и онъ вступилъ въ новый фазисъ».

Итакъ, повторимъ: господинъ Герценъ хочетъ драться, онъ не дерется; господинъ Герценъ получаетъ вызовъ, онъ требуетъ отсрочки; г. Герценъ объявляетъ дуэль предразсудкомъ; г. Герценъ допускаетъ, чтобы меня вызвалъ одинъ изъ его приспѣшниковъ, и другой изъ нихъ—застрѣльщикъ этого общества—провокаціей доводитъ до вызова въ то время, какъ онъ самъ окончательно объявляетъ, что не желаетъ драться. Какая честь для друзей барона Герцена!

№ 11. Порохъ израсходованъ или, вѣрнѣе, подмокъ отъ потока рѣчей. Послѣдній козырь, который остался буржуа-дворянину,—деньги и призывъ ко всѣмъ филистерамъ. И тутъ незаконно-рожденный дворянинъ обнаруживаетъ все нахальство выскочки. Жаль только, что я не требовалъ отъ господина барона денегъ, потому что мнѣ было бы морально-невозможно сдѣлать *заемъ*, когда я *имѣлъ* все, въ чемъ нуждался.

№ 12. Смыслъ басни ясенъ: во что бы то ни стало нужно помѣшать дуэли между барономъ Герценомъ и мной и для этого употребить всѣ дозволенные и недозволенные средства и самую фантастическую ложь.

А резюме изъ фактовъ, признаваемыхъ и самимъ противникомъ, таково: нѣсколько человѣкъ напали на меня безъ свидѣтелей, по порученію третьяго лица. Они хвалятся тѣмъ, что оскорбили меня дѣйствіемъ. Они первые предають дѣло гласности, извиняются намѣреніемъ сдѣлать вызовъ и объявляютъ меня не обладающимъ правомъ на сатисфакцію.

Съ альпійской экскурсіи, Беллинцона, 31 іюля.

Георгій Гервегъ.

Добавленіе. Отвѣчать на обвиненіе въ фальсификаціи я считаю столь же ниже своего достоинства, если бы мнѣ было предъявлено обвиненіе въ кражѣ серебряныхъ ложекъ. Я только еще замѣчу, какъ хитро замалчивается, что тутъ дѣло идетъ объ адресованномъ мнѣ

письмѣ, котораго я не вскрылъ, такъ какъ узналъ его содержаніе изъ копіи, посланной въ Парижъ въ то самое время, когда я получилъ оригиналь,—я не желалъ краснѣть за его авторовъ во второй разъ. Это письмо было адресовано *мнѣ*, я могъ распорядиться имъ по своему усмотрѣнію.

Къ сожалѣнію, это письмо, какъ я узналъ только теперь, попало назадъ не прямо по данному мною адресу, а въ руки двухъ *постороннихъ господъ, которые его вскрыли и опять запечатали.* Кто фальсификаторъ? На чьей сторонѣ позоръ? Одинъ изъ этихъ господъ, который дерзаетъ участвовать въ призывѣ къ демократіи, когда-то работалъ въ Варшавѣ у полицмейстера, генерала Абрамовича.

Что касается документовъ, то я, быть можетъ, окажусь въ преимуществѣ... Но пусть г. Герценъ успокоится и живетъ съ сознаниемъ, что послѣдней долей остающейся ему чести онъ обязанъ не ссылкѣ на нѣсколькихъ политическихъ шутовъ, которые разъѣзжаютъ для него и компрометируютъ его своей неделикатностью, а простому человѣческому чувству своего смертельнаго врага.

593. Письмо къ Н. А. Герценъ.

26 іюля 1852.

Тебя, дружокъ Тата, цѣлую много, много. Писать некогда, поцѣлуй Олю. Я часто смотрю на твой дагеротипъ.

Твой папа.

594. Письмо къ А. А. Герцену.

(Конецъ іюля 1852).

Ну, а какъ ты, другъ мой Саша, живешь безъ меня? Это первый разъ, что ты совершенно одинъ. Рано тебѣ пришлось испытать много несчастій и, наконецъ, разлуку; это должно тебя сдѣлать сильнымъ. Ты съ раннихъ лѣтъ успѣешь приготовиться къ борьбѣ, въ которую утянетъ тебя жизнь. Помни, что тебѣ силы нужны не только для тебя, но для двухъ сестеръ.

Я пріѣхалъ вчера, въ половинѣ второго въ Женеву и, можетъ,

возвращусь въ Нейгаузъ ¹⁾ къ 10-му. Навѣрное не знаю. Учись, другъ мой, хорошо. Это большое счастье, что ты можешь и теперь заниматься съ такими людьми, какъ Фогтъ и Эдмондъ, и что они тебя такъ любятъ.

Если я не скоро поѣду въ Парижъ, то отошлю твой браслетъ Татѣ съ знакомой дамой, которая ѣдетъ послѣзавтра.

Прощай, другъ мой, и знай, что вы всѣ всегда въ моей памяти. ¹

◆◆ 1. Герценъ пріѣзжалъ въ Женеву для того, чтобы совершить въ Муртенѣ духовное завѣщаніе: онъ не былъ увѣренъ въ продолжительности своей жизни. Привожу переводъ этого интереснаго документа съ подлинника, хранящагося въ архивѣ семьи Герцена.

АКТЪ ЗАВѢЩАНІЯ.

Въ присутствіи моемъ, нижеподписавшагося, Генриха-Веніамина Прессэ, нотариуса въ Муртенѣ, и ниже поименованныхъ свидѣтелей явившійся лично Александръ Герценъ, сынъ покойнаго Ивана, родившійся въ Москвѣ, въ Россіи, мѣщанинъ общины Шатэль, въ Озерномъ округѣ, а нынѣ живущій въ г. Ниццѣ, правомочный, и, по удостовѣренію вышепомянутыхъ нотариуса и свидѣтелей, здоровый тѣломъ, духомъ и пониманіемъ, — сдѣлалъ и продиктовалъ свое завѣщаніе въ нижеслѣдующихъ пунктахъ:

1) Я даю и завѣщаю кантональной больницѣ въ Фрейбургѣ сумму въ пятьсотъ федеральныхъ франковъ, которая должна быть выплачена черезъ шесть недѣль послѣ моей смерти.

2) Даю и завѣщаю общинѣ Шатэль при Муртенѣ сумму въ пять тысячъ франковъ, которая также должна быть выплачена въ вышеозначенный срокъ. Эта сумма должна быть распредѣлена пополамъ между фондомъ для бѣдныхъ и школьнымъ фондомъ помянутой общины.

3) Даю и завѣщаю Юліану Шаллеру, государственному со-вѣтнику въ Фрейбургѣ, и Карлу Фогту, доктору медицины и профессору въ Женевѣ, которыхъ, какъ то будетъ установлено ниже, я назначаю своими душеприказчиками, сумму въ двадцать пять тысячъ федеральныхъ франковъ съ обязательствомъ распредѣлить и раздать ее согласно хорошо имъ извѣстнымъ намѣреніямъ завѣщателя и его словеснымъ инструкціямъ.

¹⁾ Вѣроятно, это дача, въ которой не разъ жилъ К. Фогтъ. Въ Швейцаріи почти всякая дача (даже городскіе дома, стоящіе внѣ старинной городской черты) носитъ особое названіе.

4) Даю и завѣщаю моему сыну, Александру Герцену, домъ, принадлежащій мнѣ въ Парижѣ, на Амстердамской улицѣ, номеръ четырнадцатый, подъ условіями, означенными ниже.

5) Единственными моими наслѣдниками я назначаю троихъ моихъ дѣтей: Александра, Наталію и Ольгу Герценовъ, которые могутъ тотчасъ послѣ моей смерти вступить во владѣніе моимъ имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ, и располагать имъ по своему усмотрѣнію, — съ обязательствомъ, однако, выплатить суммы, завѣщанныя мною другимъ лицамъ, а также погасить законно установленные мои долги, которые могутъ лечь на мое наслѣдство. Засимъ моя окончательная воля, чтобы, за исключеніемъ дома, завѣщаннаго моему сыну, Александру Герцену, все остальное мое имущество дѣти мои раздѣлили бы между собою поровну, безъ всякаго преимущества мужскому роду.

6) Что касается исполненія настоящаго изложенія моей послѣдней воли, я назначаю Юліана Шаллера, государственнаго совѣтника, живущаго въ Фрейбургѣ, и Карла Фогта изъ Берна, доктора медицины и профессора въ Женевѣ, своими душеприказчиками съ правами и обязательствами, установленными закономъ и настоящимъ актомъ. Въ случаѣ, если бы означенныя лица не захотѣли или не могли взять на себя обязанности душеприказчиковъ, равно какъ и въ томъ случаѣ, если бы одинъ изъ нихъ или оба скончались бы раньше меня, завѣщателя, я на ихъ мѣсто назначаю Владиміра Энгельсона, уроженца г. Петербурга, и живущаго нынѣ въ Генуѣ, съ передачею ему вышеозначенныхъ правъ и обязательствъ.

Съ цѣлью обезпечить правильное распоряженіе имуществомъ моихъ дѣтей, на случай, если я умру раньше достиженія ими совершеннолѣтія, симъ назначаю особый совѣтъ, — совѣтъ надзора, или семейный совѣтъ, — имѣющій цѣлью направлять воспитаніе моихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей и наблюдать за нимъ, управлять ихъ имуществомъ, равно какъ и перемѣщать мои фонды по требованію обстоятельствъ и, разумѣется, въ интересахъ несовершеннолѣтнихъ.

Въ составъ этого совѣта войдутъ:

- a) Юліанъ Шаллеръ изъ Фрейбурга, государственный совѣтникъ,
- b) Карлъ Фогтъ изъ Берна, профессоръ въ Женевѣ,
- c) Владиміръ Энгельсонъ, русскій уроженецъ, живущій нынѣ въ Генуѣ,
- d) Мари Тесье дю-Мотэ, французскій гражданинъ, живущій нынѣ въ Лондонѣ,

е) Эрнстъ Гаугъ, уроженецъ Штирії, генераль (бывшей) римской республики, живущій въ Лондонѣ,

ф) Шарль-Эдмондъ Хоецкій, польскій уроженецъ, нынѣ живущій въ Ниццѣ.

Спеціальнымъ опекуномъ моихъ дѣтей, до ихъ совершеннолѣтія, я назначаю Адольфа Рейхеля, прусскаго уроженца, профессора музыки, живущаго нынѣ въ Парижѣ, которому, кромѣ функций, предписанныхъ закономъ, я ввѣряю, въ частности, воспитаніе моихъ дѣтей, а также хозяйство по имуществу подъ наблюденіемъ и руководствомъ вышеозначеннаго семейнаго совѣта. Въ случаѣ преждевременной кончины указаннаго опекуна, его мѣсто долженъ заступить Владиміръ Энгельсонъ, членъ семейнаго совѣта, а въ случаѣ его смерти—Карль Фогтъ изъ Берна, профессоръ въ Женевѣ, членъ того же совѣта, съ тѣми же обязанностями.

Само собою разумѣется, что при назначеніи душеприказчиковъ и семейнаго совѣта завѣщатель совершенно не имѣлъ намѣренія обходить соотвѣтственные пункты Фрейбургскаго законодательства, — напротивъ того, законы кантона Фрейбургъ, согласно волѣ завѣщателя, должны быть строго соблюдены и получить полное распространіе.

На обязанности назначеннаго опекуна, кромѣ того, будетъ лежать обязательство хлопотать о возстановленіи въ пользу моихъ дѣтей права собственности на земельное имѣніе, которое принадлежитъ мнѣ въ Россіи, въ Костромской губерніи, Чухломскомъ уѣздѣ, на каковое имѣніе нынѣ наложенъ секвестръ, по причинамъ политическаго характера, но которое должно быть возвращено моимъ дѣтямъ по достиженіи ими совершеннолѣтія. Документы, относящіеся къ этому имѣнію, находятся въ Москвѣ, въ рукахъ коллежскаго совѣтника Гр. Ключарева. Равнымъ образомъ, онъ долженъ хлопотать о возвращеніи мнѣ сорока тысячъ рублей отъ должниковъ моихъ: гг. Павлова и Сатина, живущихъ въ Москвѣ.

Что же касается порядка пользованія моею рентой, моя воля въ томъ, чтобы съ 1852 по 1856 годъ отдѣлялась изъ годового дохода сумма въ 12.000 франковъ спеціально на воспитаніе моихъ дѣтей. Съ 1856 по 1860 годъ включительно эта сумма можетъ быть увеличена до 15.000 фр.

Однако, семейный совѣтъ и опекунъ въ правѣ брать и большія суммы всякій разъ, какъ они найдутъ это нужнымъ и полезнымъ для блага, здоровья и воспитанія моихъ дѣтей.

Горячо желая, чтобы мои дѣти прожили вмѣстѣ возможно долго на общія средства моего состоянія и произвели раздѣлъ послѣдняго безъ всякихъ затрудненій, я высказываю пожеланіе, чтобы

мои законные наслѣдники отсрочили раздѣлъ имущества на возможно болѣе отдаленный срокъ, а мой сынъ, даже достигнувъ совершеннолѣтія, слушался совѣтовъ и не предпринималъ ни одного важнаго дѣйствія относительно имущества, не запросивъ предварительно мнѣнній лицъ, руководившихъ его воспитаніемъ.

Въ случаѣ же, если мой сынъ Александръ, достигнувъ совершеннолѣтія, будетъ упорствовать въ требованіи раздѣла при несовершеннолѣтіи его сестеръ, вышепомянутой мой сынъ лишается исключительнаго права на мое недвижимое имущество въ Парижѣ, — Амстердамская улица, № 14, и моя воля такова, чтобы въ этомъ случаѣ недвижимое имущество, о которомъ идетъ рѣчь, вошло въ общую наслѣдственную массу для раздѣла ея, какъ выше указано, на равныя части между тремя моими дѣтьми.

Я хочу, чтобы послѣ моей смерти мой прахъ былъ перевезенъ въ Ниццу и погребенъ тамъ на кладбищѣ, отведенномъ для не-католиковъ, рядомъ съ могилою моей жены. Тамъ же должно воздвигнуть общій похоронный памятникъ для моей матери и сына, погибшихъ при кораблекрушеніи, для жены и для меня.

Наконецъ, я высказываю пожеланіе, чтобы настоящій актъ былъ вскрытъ и оглашенъ послѣ моей смерти въ конторѣ Генриха-Веніамина Прессэ, нотариуса въ Муртенѣ.

Я отмѣняю и уничтожаю всѣ мои завѣщанія, примѣчанія и дополненія къ нимъ, которыя я могъ сдѣлать до настоящаго акта; на немъ одномъ я останавливаюсь, какъ на выражающемъ мою послѣднюю волю.

Каковой актъ составленъ и заключенъ въ Фрейбургѣ, въ домѣ Лаказа, номеръ сто тридцать девять-б, въ присутствіи Пьера-Никола-Люсьена Глассона (сына Пьера изъ г. Бюлля), адвоката, живущаго въ Фрейбургѣ, и Жана-Фридриха Кюсслера (сына покойнаго Фридриха изъ Мартиньи), хозяина отеля въ этомъ городѣ, — свидѣтелей, которые подписали актъ одновременно со мною, нотариусомъ, и съ завѣщателемъ, послѣ чтенія и поправокъ, пунктъ за пунктомъ, перваго августа тысяча восемьсотъ пятьдесятъ второго года, въ 5 часовъ пополудни (1-го августа 1852).

Подписи: Александръ Герценъ, Жанъ Кюсслеръ, Н. Глассонъ, Г.-В. Прессэ, нот.

Впослѣдствіи это завѣщаніе не было ни измѣнено, ни отмѣнено, и 31 января 1870 года прочитано въ залѣ мирового суда въ Муртенѣ въ присутствіи необходимыхъ для того лицъ и А. А. Герцена.

595. Надпись для Е. К. Станкевичъ.

И я, какъ Грибуль ¹⁾, бросился въ рѣку, чтобы спастись отъ дождя, оттого и люблю его.

Парижъ, 20 августа 1852.

596. Письмо къ Ж. Мишле.

22 Août 1852.
Paris.

Cher et vénérable Monsieur. Permettez moi de vous présenter un de mes amis, littérateur allemand, ci-devant député à Francfort et réfugié maintenant. Il s'est beaucoup occupé des chroniques Tchèkhes, et de la vie intérieure des paysans en Bohême.—Je vous demande de m'excuser la liberté que je prends, mais je serai justifié par M. Maurice Hartmann lui-même.

Je me rends à Londres demain ou après demain. Je vous remercie beaucoup pour votre lettre; oui «des faits et non des mots». Pourtant je n'ai terrassé mon ignoble adversaire que par des mots. Hartmann peut vous dire quelques détails.

Je vous serre la main avec amitié.

A. Herzen.

J'ai parlé avec Fazy et Tourtz concernant M-r Duménil, ils m'ont dit qu'il vous informeront de cette affaire.

Переводъ.

22 августа 1852.
Парижъ.¹

Дорогой и глубокопочитаемый г. Мишле, позвольте мнѣ представить вамъ одного изъ моихъ друзей, германскаго литератора, бывшаго депутата Франкфуртскаго парламента, а нынѣ изгнанника. Онъ много занимался чешскими дѣлами, а также бытомъ и духовной жизнью крестьянъ Богеміи.—Прошу извинить меня за это свободное обращеніе къ вамъ, но меня оправдаетъ самъ г. Мо-

¹⁾ Grigouille — популярный типъ во французской дѣтской средѣ и сюжетъ прекрасной сказки Жоржъ Сандъ.

риць Гартманъ ¹⁾. Я отправляюсь въ Лондонъ завтра или послѣ-завтра. Я вамъ очень благодаренъ за ваше письмо; да «факты, а не слова!» Однако, мнѣ удалось сразить моего гнуснаго противника при посредствѣ словъ. Гартманъ можетъ сообщить вамъ нѣкоторыя подробности.

Жму вамъ руку съ дружественнымъ чувствомъ.

А. Герцена.

Я говорилъ съ Фази и Турцемъ относительно г-на Дюмениля. Они мнѣ сказали, что освѣдомятъ васъ объ этомъ дѣлѣ.

◆◆ 1. 7 августа Прудонъ, незадолго до того вышедшій изъ тюрьмы, писалъ Герцену: «Я включу въ свою просьбу и ваше имя, мой дорогой Герценъ, а также Шарля Эдмонда. Положитесь на меня, я постараюсь все устроить совершенно удовлетворительно и корректно. Запрещеніе въѣзда во Францію бесполезно для вашей славы и для нашего дѣла; продолжайте ваши переѣзды, но необходимо, чтобы вы могли пріѣзжать въ Парижъ, потому что, въ концѣ концовъ, только здѣсь человѣкъ свободенъ и только здѣсь мыслятъ» («Correspondance de P.-J. Proudhon», IV, 317). Очевидно, Прудону удалось выхлопотать для Герцена право пріѣзда въ Парижъ, такъ какъ иначе, при наличности запрещенія 1852 г., онъ не могъ бы быть во французской столицѣ.

19 августа Прудонъ писалъ Даримону: «Если Герценъ проѣдетъ въ Англію черезъ Парижъ, постарайтесь задержать его, напомнимъ его призваніе. Надо, чтобы изгнанники-иностранцы, какъ и туземцы, боролись противъ реакціонной проскрипціи при помощи агитаціи и другими средствами» (тамъ же, 320).

597. Письмо къ М. К. Рейхель.

26-е августа (1852). Четвергъ.
London, Trafalgar place, Morley's Hôtel.

Этимъ и кончилъ я мое четверговое посланіе. Сегодня, 27—напишу больше ²⁾. Осипъ Ив. ³⁾ предупредилъ мой визитъ и былъ у

¹⁾ Германскій поэтъ; эмигрировавъ съ родины, жилъ съ 1850 г. въ Парижѣ; въ восточную войну былъ корреспондентомъ «Gazette de Cologne».

²⁾ Т. е. письмо, начатое 26-го, ограничилось только датой и адресомъ. 27-го Герценъ его продолжалъ.

³⁾ Маццини, былъ у Герцена въ день пріѣзда его въ Лондонъ, 25 августа.

меня третьяго дня, а я у него вчера. Его мнѣніе, разумѣется, то же, что и Пр. ¹⁾, но съ тою разницей, что онъ совѣтуетъ,—и я полагаю, что это дѣльно,—не выжидать публикац. того госп., а напечатать полный гécit ²⁾ всего дѣла,—на этотъ гécit Ос. Ив., сверхъ вердикта, который дастъ теперь, будетъ отвѣчать тоже печатно.

Теперь о Лондонѣ. Скажите Ст. ³⁾ и Мел. ⁴⁾, что грѣшно не видать Англию, бывши въ двухъ шагахъ. Такого характера величія и полнѣйшей независимости не имѣетъ ни одинъ городъ. Это—дѣйствительный центръ иного міра, того, которъй оканчивается въ Ботани-Бей, въ Мексикѣ и Вестъ-Индіи. Я писалъ въ Женеву: «Londres est une cité immense, Paris une grande ville» ⁵⁾. Въ лондонской архитектурѣ, въ размѣрахъ, въ приземистыхъ домахъ, въ безконечныхъ улицахъ, въ фигурахъ, словомъ, во всемъ видна свобода, ростбифъ, сила, портеръ и серьезная мысль такъ, какъ въ Парижѣ во всемъ проглядываетъ bal Mabille, румяна, le petit vin coupé, le bouillon ⁶⁾. Въ Парижѣ вездѣ декораціи, т. е. крашенная известь, здѣсь откровенный кирпичъ, здѣсь все въ *самолъ дѣль*.

Наша привычка къ Парижу, — съ одной стороны, развратъ, привычка къ дурному обществу, къ шалости; съ другой — можетъ, любовь наша къ Парижу—пророческое предчувствіе.

Лондонъ насъ герттируетъ ⁷⁾, потому что онъ имѣетъ нравъ. И какъ всѣ люди много работавшіе, сложившіеся, принялъ ріі ⁸⁾. Этотъ ріі надобно терпѣть за его великія достоинства. Вѣдь, терпимъ же мы своеобразныхъ друзей. Человѣкъ, который не умѣетъ приладиться къ здѣшней жизни, столько богатой и разнообразной, имѣетъ много пустоты въ душѣ. Видите ли, что и я пустился à la Golowin ⁹⁾ въ сравненіе Англии и Франціи. Предметъ классическій и длинный, какъ романъ, который читала Нат. Павловна ¹⁰⁾. Я на него попалъ, писавши къ Энгельс., который въ Женевѣ.

А воля-то, воля-то какая! Одинъ, *единственный* констэбль на границѣ подошелъ къ намъ, для того, чтобъ помочь Сашѣ пройти

¹⁾ Прудонъ; мнѣніе относительно дѣла съ Гервегомъ.

²⁾ Разказъ.

³⁾ Станкевичи.

⁴⁾ Н. А. Мельгуновъ.

⁵⁾ «Лондонъ — огромное поселеніе, Парижъ — большой городъ». Здѣсь слово cité можно также понимать въ древнемъ его смыслѣ—«государство».

⁶⁾ Кафе-шантанъ, дешевое вино, разбавленное водою, бульонъ (дешевые рестораны).

⁷⁾ Heurter—толкать, шокировать.

⁸⁾ Складка.

⁹⁾ И. Г. Головинъ.

¹⁰⁾ ?

по доскѣ. На таможенѣ написано въ углу: «здѣсь иностранцы предъ-
являютъ паспорта; кто не предъявляетъ, можетъ подвергнуться
штрафу до двухъ фунтовъ». Мимо этого бюро иностранцы идутъ
съ хохотомъ. Ни одинъ не отдалъ своего и не показалъ, а генер. ¹⁾
закричалъ еще черезъ загородку полицейскому, что это—беззаконіе,
что доску эту надобно долой.

Саша здоровъ, но скучаетъ, хотя есть чего посмотрѣть. —
Прощайте.

Пишите просто: London, poste restante.

Тебѣ, Тата, Саша приготовляетъ длинный рассказъ о здѣш-
немъ садѣ, гдѣ онъ былъ смотрѣть птицъ.

◆◆ 1. 24 августа Герценъ съ сыномъ и Гаугомъ выѣхалъ изъ
Парижа въ Лондонъ, куда и пріѣхалъ утромъ 25-го. Дочери оста-
вались у Рейхелей въ Парижѣ: Герценъ не рассчитывалъ жи-
ваться въ Англии, описаніе которой и въ послѣдующихъ письмахъ
показываетъ, что онъ былъ тамъ впервые.

598. Письмо къ Н. А. Герценъ.

6 Sept. 1852.
London.

Тата, завтра твои именины. Ты ихъ проведешь безъ меня и
безъ мамы, — это были и ея именины. Не веселись, — это не
праздникъ въ этомъ году.

Маша ²⁾ тебѣ расскажетъ, что было въ стары годы въ Соко-
ловѣ и Покровскомъ... Теперь этотъ день мы отмѣтимъ печалью
и воспоминаніемъ.

Саша ушелъ въ геологическій кабинетъ, онъ будетъ писать
завтра.

Поцѣлуй Оленьку.

Твой папа.

599. Письмо къ П.-Ж. Прудону.

6 sept. 1852.

Cher et vénérable ami,

Le sentiment avec lequel j'ai lu et relu votre lettre, était beaucoup
plus profond et plus chaleureux que le sentiment de la reconnaissance

¹⁾ Э. Гаугъ.

²⁾ М. К. Рейхель.

la plus sincère. J'étais ému, touché, j'étais fier d'avoir été si parfaitement compris par vous. Je me sentais immensément fort, appuyé de cette manière et par une main qui était la vôtre. —

J'ai hasardé une chose difficile, audacieuse. Il me fallait des mois de méditation, des malheurs pour me décider à une chose, conforme il est vrai à nos convictions et nos principes — mais insolite et peu commune: tant il est vrai que pratiquement nous sommes encore les hommes du vieux monde.

Refuser un duel avec un scélérat, que vous avez si bien caractérisé, qui, partant d'une trahison a fini par un assassinat, après avoir passé successivement par le mensonge, l'escroquerie, la calomnie, et en appeler à la justice de tout ce qui s'avoue socialiste, révolutionnaire,—quoi de plus simple, de plus naturel pour un homme qui professe depuis quinze ans le socialisme? d'autant plus que l'individu dont il est question ose également se placer dans les rangs révolutionnaires. Pourtant, il faut l'avouer, c'était bien téméraire à moi de m'appuyer uniquement sur la solidarité qui doit nous unir, dans une cause où étaient engagés non seulement mon honneur, mais mon passé, mais mon avenir, mais quelque chose de plus saint encore — un cercueil sacré pour moi et le nom pur et intact de mes enfants.

Si mon appel restait sans réponse, tout se trouvait compromis à la fois: la tombe, le berceau, l'honneur, le droit même de me venger individuellement. Il ne me restait alors qu'à me brûler la cervelle. Eh bien, j'ai osé. J'ai osé parce que j'avais conservé au fond de mon âme, envahie par le scepticisme et la négation, un reste de foi naïve dans le parti révolutionnaire. Ma foi ne m'a pas trompé; j'ai réussi. Votre lettre m'en est une nouvelle preuve, et une preuve précieuse. Votre lettre et celle de Mazzini, écrite dans le même sens, ce n'est pas seulement le commencement du jugement, c'est la condamnation du misérable. Je somme maintenant Herwegh de paraître, de se justifier, je suis prêt à soutenir, face à face, mon accusation. Mais s'il n'accepte pas notre *wehme*, s'il refuse de répondre, s'il se tait — qu'on le condamne sur les documents écrits, sur ce que diront les témoins, qu'on l'expulse de nos rangs, qu'on le déclare traître et infâme, qu'on le mette au ban de la démocratie, qu'on lui fasse enfin tout ce que vous avez écrit dans votre lettre.

Lui, il se raille dans un article infâme de cette solidarité à laquelle je fais appel. Il rejette hautement cette communauté du principe qui, dans la vie privée, relie la démocratie toute entière à chaque affaire individuelle qui cesse de l'être par le caractère du crime. Il déclare n'avoir rien de commun avec cette *lie* démocratique à laquelle j'appartiens, ainsi que mes amis. Il a raison. J'appartiens à cette partie de la

démocratie qui comprend la solidarité de tous pour chacun et le devoir morale de clouer les traîtres au pilori. J'appartiens à l'idée révolutionnaire qui nous unit à Mazzini et aux siens. Voilà pourquoi je ne suis nullement étonné que sans avoir égard aux graves controverses qui vous divisent, vous m'avez, vous et Mazzini, émis la même opinion dans cette affaire. Voilà pourquoi le représentant du communisme allemand, cet homme qui connaît si bien le fuyard de Bade lui, le commandant de Bade, Willich est venu chez moi demandant à ajouter son verdict aux vôtres et à mettre son nom à côté de ceux qui veulent faire condamner le misérable par un tribunal, formé de démocratie socialiste.

Herwegh nous a dénoncé à la police; il s'est mis sous la protection des gendarmes. Il comprend donc la solidarité qui lie sa personne à la police, à la société actuelle qui lui doivent en retour protection et assurance. Il s'agit maintenant de savoir si, parce que nous n'acceptons pas la justice policière, parce que, mis hors la loi par la société actuelle, nous ne voulons pas y rentrer, on pourra impunément nous trahir, nous calomnier, voire même nous voler, nous assassiner, sans qu'aucune force collective ne puisse en aucun pas protéger les nôtres, flétrir les scélérats. Quel non-sens! Si cela était, nous irions aux milieu des sauvages, là, du moins, nous aurons pour nous la force matérielle et le couteau. Mais non, cela n'est pas. Vous avez si bien exprimé dans votre lettre, cher Proudhon, cette loi suprême de la solidarité qu'en la lisant, j'aurai senti ma confiance renaître si elle n'eût plus été entière. Si la société de l'avenir assistait en effet, muette et impassible, à la représentation de ce drame terrible, en face d'un homme dans lequel s'est concentré toute la dépravation qu'elle hait, qu'elle poursuit dans le vieux monde; couvrant d'une apparence révolutionnaire l'infâmie de sa conduite et l'abîme de prostitution où il vit sous des phrases insolentes; si elle avait pu, sans frémir d'indignation, écouter le récit d'une série de crimes conçus, nourris, perpétrés avec tant de préméditation, d'hypocrisie, de cruauté, elle ne serait pas viable. Une société nouvelle doit avoir toute la fougue de la jeunesse, et si elle ne se trouve ni assez pure, ni assez morale, ni assez forte pour vouloir et pouvoir défendre les siens contre les scélérats de cette espèce, elle est condamnée à mourir à l'état de fœtus, elle passera sans réalisation aucune, comme une espérance abstraite, comme un rêve utopique. Voilà pourquoi, loin de se montrer indifférente, la démocratie sociale a agi dans cette circonstance avec autant d'entraînement que de raison. Ses représentants ne m'ont pas répondu «c'est votre affaire particulière, personnelle, nous ne nous occupons pas que du genre humain en bloc», mais ils m'ont dit: «Vous avez besoin de nous, nous voilà!»

C'est que, si cette affaire n'avait été en effet qu'une simple affaire individuelle, une de ces collisions fatales où les passions une fois déchaînées entraînent pèle-mêle à leur perte innocents et coupables avec l'irresponsabilité d'un coup de foudre, personne, je le déclare, n'aurait jamais rien à y voir; je l'aurais faite mienne, entièrement mienne; je n'aurais souffert aucune intervention étrangère. Mes amis les plus intimes auraient dû s'abstenir de juger. Ils auraient pu maudire une destinée fatale sans oser condamner les individus.

Pendant une année entière la trahison, l'infâmie de Herwegh a conservé ce caractère privé. Pendant tout ce temps j'ai comprimé ma souffrance, je l'ai refoulée en moi, je n'ai *permis à personne* de lire au fond de mon cœur. Pendant toute cette année (51) Herwegh et sa complice, *sa veuve*, ont répandu sourdement les calomnies les plus atroces sur mon compte et sur le compte de ma femme. Je n'en savais rien. Je n'aurais jamais pu présumer tant de scélératesse bourgeoise, vulgaire, ignoble. Voilà comment l'affaire sort de la maison, perd tout caractère passionné et ne garde que le caractère criminel. L'individu voyant que rien ne peut rompre le lien qui attachait ma femme à moi, lien ébranlé par lui, mais qui après cette malheureuse épreuve s'était resserré davantage, prit la noble résolution de se venger d'une femme par des calomnies, par un trouble continu de son repos, par des intimidations monstrueuses. Sans parler des projets de suicide, il est allé jusqu'à menacer d'assassiner nos enfants, ses propres enfants, de nous traîner aux assises. Cette rhétorique, dans le mauvais genre des romans allemands, finit par ne plus agir. L'harmonie la plus parfaite régnait chez nous. Le sort lui vint en aide. Un malheur terrible arriva le 16 novembre 1851, frappa, comme vous le savez, ma famille. Ma mère, mon fils et un ami périrent dans la Méditerranée. Il prit, comme il le dit lui-même, ce sinistre, comme une chose de bonne augure. Il en profita merveilleusement. Notre maison était en deuil, tout était bouleversé. Ma femme tomba dangereusement malade; moi, je passais les nuit près de son lit, les dernières espérances révolutionnaires s'évanouissaient avec décembre. C'est au milieu de ce temps triste, terrible, lugubre que j'ai reçu une lettre de ce scélérat, sans aucun motif, sans aucune provocation de ma part. C'était une dénonciation révoltante, cynique, qui se terminait par quelque chose dans le genre d'un cartel Entendez-vous bien, cher ami, lui, le traître, lui, le coupable qui ne devrait parler avec moi qu'à genoux et couvrant son visage de ses deux mains—il m'envoie au cartel, après avoir préparé son public par deux ans de calomnies!

En même temps il en avisait sa dame et un de ses amis de Paris, qu'il savait être lié avec une famille russe. De cette manière la

nouvelle de sa lettre et du cartel arrivaient une ou deux semaines après à la malade. Elle était stupéfaite, terrifiée de tant de scélératesse. Elle le méprisait déjà, depuis ce jour elle le haïssait. Au premier moment j'ai voulu en finir avec lui, en acceptant son duel, mais en faisant des conditions telles qu'un des combattants devait nécessairement rester sur la place. Mais cela n'était pas facile, il restait à Zurich et ne montrait aucune intention de venir à Nice où me retenait la maladie de ma femme. Après quelques jours de réflexion je changeai complètement d'avis, je vis clairement que le duel n'était proposé que comme moyen de réconciliation, de réhabilitation, plus que tout cela,— comme moyen de perdre cette femme-martyre. Le duel ne pouvait évidemment profiter qu'à lui, *donc* il n'aura pas de duel. Au lieu d'un duel, je ferai un grand jour et à haute voix ce qu'il a fait nuitamment et furtivement. *Je parlerai aussi, moi.*

Et je réhabiliterai cette femme.

Et je le couvrirai, lui, d'opprobre et de mépris, et, s'il le faut après, je le couvrirai de terre. C'était immense ce que je prenais sur mes épaules, car je ne me cachais plus avec quel adversaire j'avais à faire, c'était un des hommes *libres* de tous les préjugés, comme Georgey, Bocarmé et autres que nous avons vu naguère surnager sur la scène du monde. Ces hommes sont très dangereux, car ils n'ont pas même la morale des brigands ni l'honnêteté des voleurs. Il n'y a qu'une civilisation décrépitée, qu'un monde en putréfaction, qui puissent produire ces êtres complètement dénués de conscience. Je me suis préparé à toutes les infâmies et j'ai fait presque la moitié de la besogne, car il ne se relèvera jamais des coups que je lui ai portés. Je suis complètement de votre avis pourtant que «ce n'est point assez». J'aurais fait plus si la mort n'avait coupé à la fois toutes les cordes, anéanti toutes mes espérances. Ma femme a succombé dans cette lutte inhumaine. Je la vengerai — mais trop tard. Je sortirai victorieux, mais elle est morte, et mes actes n'ont plus ni la même valeur, ni le même sens. Je poursuis ce que j'ai commencé, mais mon but est plus restreint.

Quand à la réhabilitation de la victime, elle a été splendide, c'est elle même qui l'a faite. Tout le monde s'est incliné avec respect devant l'énergie et la force d'âme de cette femme. Elle était sublime sur son lit de douleur, donnant un libre cours à sa sainte indignation. Elle ne se justifiait pas d'un malheureux entraînement — mais elle voulait sauver notre passé, que l'autre tentait de souiller par ses calomnies, notre présent qu'il représentait comme un mensonge, comme une violence. Elle voulait enfin punir par sa parole le scélérat qui l'a livrée avec tant d'ignominie et sans la moindre pitié. Elle écrivit alors trois lettres admirables. L'une était adressée à cet homme. C'est cette lettre

qu'il a renvoyée, en disant qu'il ne l'avait pas décachetée et dans laquelle on a trouvé, je ne sais quel commentaire odieux écrit par lui. C'est cette lettre enfin, que mes amis, Haug et Tessierde-Mottay, lui ont notifiée, exécutant ainsi les volontés de la défunte. Vous connaissez les détails de cette entrevue. Il a eu le dévergondage de dire que cette lettre était fausse, quoiqu'il fût bien convaincu du contraire. Le misérable! La mort même n'a rien réveillé d'humain dans cette âme crapuleuse. Marchant par dessus le cadavre, il jette encore de la boue dans la fosse qu'il a creusée. C'est un monstre.—Et si l'on pense que pendant tout le temps qu'a duré cet assassinat moral, lui, qui avait abandonné sa femme et ses enfants il n'entretenait des relations avec elle que pour lui soutirer de l'argent, que pendant tout ce temps il vivait maritalement avec une vieille coquette qui, de son côté, l'entretenait,—l'imagination s'arrête devant tant de débauche, devant tant de luxe de prostitution.

J'ai commis une faute irréparable; je l'avoue; j'en ai souffert tout ce qu'on peut souffrir d'un remords. Il ne fallait pas permettre à cet homme de sortir de ma maison, il fallait le tuer. Les larmes et les sanglots de deux femmes me désarmèrent; il s'éloignit lentement, la tête baissée, se sentant coupable, protestant encore de son amitié, me faisant dire par sa femme, que je pouvais le tuer, mais que jamais il ne tirerait contre son meilleur ami. Je le laissai aller. C'était une grande faiblesse, je l'expie. Aucun duel au monde ne pouvait réparer cette faute. Il ne me restait qu'à dévoiler le scélérat et à le frapper au grand jour en attirant sur sa tête la réprobation générale. C'était le commencement nécessaire de la vengeance.

Dans les derniers événements il s'est surpassé. Il m'a aidé lui-même plus que mes amis, à se dégrader devant les yeux de tout honnête homme. Que penser effectivement d'un individu qui répond par un polémique de journal à des soufflets reçus, qui nie ses dettes, après avoir pris la précaution de faire signer ses lettres de change par sa femme, donnant ainsi lieu à l'accuser, elle, d'escroquerie. Il n'y a qu'un homme pareil qui soit capable, après avoir passé des années dans la plus grande intimité avec moi, de dire que je tenais à ma femme pour m'emparer de sa fortune; (il sait très-bien qu'elle n'avait absolument rien) et d'imprimer dans une feuille *réactionnaire* que je répands des subsides russes, de l'or russe, lui qui sait, mieux que personne, que l'or qu'il prenait si fraternellement chez moi (il me doit encore 13.000 frs) n'était ni russe, ni prussien, mais tout simplement *mon or à moi*. Et ce même homme fait imprimer par sa femme, il y a un mois, «que son nom est cher à la démocratie».

Justice donc, amis et frères! Que tout le monde prononce son

arrêt, comme vous, comme Mazzini, comme Willich, et que pour la première fois, comme je l'ai écrit ailleurs, elle soit faite sans procureur, ni bourreaux, au nom de la solidarité des peuples et de l'autonomie des individus. Qu'il s'en aille, marqué au front, s'abriter sous la protection non seulement de la police de Zurich, mais de la police européenne. Il y a là de la place, de l'emploi et de véritable *or russe* pour lui.

Permettez-moi de vous communiquer dans ma lettre suivante quels sont les moyens qui me paraissent les plus efficaces pour atteindre le but que je me suis proposé.

Merci encore une fois, merci pour votre admirable lettre, reconnaissance, amitié et sympathie éternelle.

Je vous serre la main de tout mon cœur.

A. H.

Par un hasard étrange, je termine cette lettre le 7 sept. C'était le jour de fête de la pauvre martyre. C'est la première fois que je passe ce jour sans elle. Cette lettre est ma messe de mort. — Quand viendra-t-il, le jour, le seul que j'attends, où je pourrai solennellement m'approcher de sa tombe en disant: «j'ai écrasé le serpent» et ajouter mon «nunc demittis»—car au fond la vie est dégoûtante et insupportable.

Вотъ черновикъ письма. Нѣтъ ни одинаго фактическаго измѣненія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ погрѣшностей въ слогѣ. Эдмондъ можетъ поправить (еще?). Хочу знать ваше мнѣніе объ этомъ письмѣ. Оно кажется мнѣ хорошимъ ¹⁾.

Переводъ.

6 сент. 1852.

Дорогой и глубокопочитаемый другъ! Чувство, съ которымъ я прочелъ и перечиталъ ваше письмо, было гораздо болѣе глубокое и теплое, чѣмъ самой искренней признательности. Я былъ тронуть, взволнованъ, гордился тѣмъ, что въ совершенствѣ понять вами. Я почувствовалъ себя страшно сильнымъ и крѣпкимъ послѣ такой поддержки и именно отъ васъ.

Я предпринялъ дѣло трудное, до дерзости смѣлое. Понадобились цѣлые мѣсяцы несчастія и глубокаго раздумья, чтобы рѣшиться на дѣло, которое, правда, согласно съ нашими убѣжденіями и принципами, но совершенно необычно: вѣдь, мы, по существу,—люди еще стараго міра...

¹⁾ Написано Герценомъ для М. К. Рейхель.

Казалось бы, что проще, что естественнѣе для человѣка, уже пятнадцать лѣтъ проповѣдующаго социализмъ, какъ отвѣтить отказомъ отъ дуэли съ коварнымъ злодѣемъ, котораго вы такъ мѣтко характеризовали, который, начавъ съ измѣны, кончилъ убійствомъ, перейдя послѣдовательно черезъ ложь, мошенничество и клевету,—и притомъ воззвать къ чувству справедливости всѣхъ тѣхъ, которые называютъ себя социалистами и революціонерами? Тѣмъ болѣе, что человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, также осмѣливается причислять себя къ революціонерамъ. И, однако, нужно сознаться, что съ моей стороны было очень смѣло опереться единственно на общечеловѣческую солидарность въ дѣлѣ, въ которомъ замѣшаны не только моя честь, но и мое прошедшее, и моя будущность, и нѣчто еще болѣе святое—священная, для меня, могила и чистое, незапятнанное имя моихъ дѣтей.

Если бы мое воззваніе осталось безъ отвѣта, все для меня одновременно рушилось бы: и могила, и колыбель, и честь, и даже право личной мести. Оставалось бы только покончить съ собой... И вотъ, я, все-таки, осмѣлился. Я осмѣлился, потому что въ глубинѣ души, захваченной уже скептицизмомъ и отрицаніемъ, сохранился еще остатокъ наивной вѣры въ революціонную партію. Моя вѣра меня не обманула: моя смѣлость увѣнчалась успѣхомъ. Ваше письмо даетъ тому новое и притомъ чрезвычайно драгоцѣнное доказательство. Ваше письмо вмѣстѣ съ письмомъ Маццини, написаннымъ въ томъ же духѣ, это — не только начало суда, но и обвинительный приговоръ тому мерзавцу. Я требую теперь отъ Гервега его явки, его оправданій, я готовъ на очную ставку для поддержки своего обвиненія. Но, если онъ не согласится на нашъ вемическій¹⁾ судъ, если онъ откажется отъ явки и будетъ молчать — пусть его осудятъ по письменнымъ документамъ, по показаніямъ свидѣтелей; пусть его выгонятъ изъ нашихъ рядовъ, пусть объявятъ его измѣнникомъ и подлецомъ, пусть его исключатъ изъ демократическихъ круговъ, пусть, наконецъ, сдѣлаютъ все то, что вы предлагаете въ своемъ письмѣ.

Что же касается этого человѣка, то онъ въ подлой статьѣ насмѣхается надъ солидарностью, къ которой я взываю. Онъ высокоумно отвергаетъ ту общность принципа, который въ частной жизни связываетъ всю демократію съ каждымъ личнымъ дѣломъ,

¹⁾ Святая вема (Vehme), вемическая палата или судъ вольныхъ судей былъ тайнымъ судилищемъ, который въ XV вѣкѣ въ Германіи обладалъ большою силою и распространялъ спасительный терроръ въ средѣ сеньеровъ и рыцарей-разбойниковъ.

когда это дѣло по преступности своей перестаетъ быть частнымъ. Онъ объявляетъ, что не имѣетъ ничего общаго съ тою демократическою *тиной*, къ которой принадлежу я вмѣстѣ со своими друзьями. Тутъ онъ правъ. Я принадлежу къ той части демократіи, которая исповѣдуетъ солидарность всѣхъ съ каждымъ и нравственную обязанность пригвоздить всякаго подлеца къ позорному столбу. Я принадлежу къ той революціонной идеѣ, которая насъ соединяетъ съ Маццини и его приверженцами. И вотъ почему меня нисколько не удивило, что, несмотря на серьезныя разногласія, которыя васъ отдѣляютъ отъ Маццини (по общественнымъ вопросамъ), вы оба высказали одинъ и тотъ же взглядъ на это дѣло. Вотъ почему Виллихъ¹⁾, представитель германскаго коммунизма и бывший комендантъ Бадена, человекъ, который такъ хорошо знаетъ бѣглеца изъ Бадена, самъ пришелъ ко мнѣ съ просьбой присоединить его приговоръ къ вашимъ и поставить его имя рядомъ съ тѣми именами, которыя требуютъ предать негодя суду, составленному изъ представителей социалистической демократіи.

Гервегъ донесъ на насъ полиціи, поставилъ себя подъ покровительство жандармовъ. Онъ, слѣдовательно, понимаетъ солидарность, которая связываетъ его личность съ полиціей и современнымъ обществомъ и обязываетъ ихъ взаимнъ того обезпечить ему цѣлость и сохранность. Вопросъ теперь въ томъ, чтобы узнать: изъ того, что мы не понимаемъ полицейскаго суда, изъ того, что современное общество поставило насъ внѣ своего закона, и мы не хотимъ вернуться подъ этотъ законъ, можно ли безнаказанно намъ измѣнять, на насъ клеветать, даже насъ обкрадывать, насъ убивать и чтобы въ то же время никакая коллективная сила не могла насъ защитить, а злодѣя заклеить? Что за безсмыслица! Еслибъ это было такъ, оставалось бы только итти жить среди дикарей—тамъ, по крайней мѣрѣ, за нами была бы матеріальная сила и право кинжала. Но нѣтъ, этого быть не можетъ! Въ своемъ письмѣ, дорогой Прудонъ, вы такъ хорошо выразили высшій законъ общечеловѣческой солидарности, что могла бы воскреснуть моя вѣра въ нее, если бы она не была и раньше столь цѣльною. Дѣйствительно, допустить, что будущее общество способно было бы хладнокровно и молчаливо отнестись къ представленію страшной

¹⁾ Аугустъ, артиллерійскій капитанъ; принималъ дѣятельное участіе въ германской революціи 1848 г.; эмигрировалъ сперва въ Швейцарію, затѣмъ въ Англію, гдѣ былъ членомъ «Коммунистическаго союза»; въ Англіи жилъ плотничною работою и ею же жилъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Тамъ онъ сдѣлался журналистомъ (1858 г.), а во время междоусобной войны поступилъ добровольцемъ и дослужился до бригаднаго генерала.

драмы, къ человѣку, въ которомъ точно сосредоточилась вся испорченность стараго міра, который старается прикрыть видомъ революціонера подлость своего поведенія и подъ дерзкими фразами глубину нравственнаго паденія,—еслибъ оно могло, не вострепенувшись отъ негодованія, выслушать повѣсть цѣлаго ряда преступленій, зачатыхъ, питаемыхъ и проникнутыхъ такимъ заранѣе придуманнымъ умысломъ, лицемѣріемъ, жестокостью,—допустить это значило бы признать, что новое общество не способно къ жизни, что оно невозможно. Новое общество должно быть такое же пылкое, такое же горячее, какъ сама молодость, и если оно не найдетъ въ себѣ достаточно чистоты, нравственности, силы, чтобы хотѣть и быть дѣйствительно въ состояніи защитить своихъ противъ негодяевъ,—это новое общество не выйдетъ изъ зачаточнаго состоянія и умретъ, оставшись безъ осуществленія, какъ отвлеченная надежда, какъ утопическая мечта. Вотъ почему соціально-демократическіе круги не только не обнаружили индифферентности къ этому дѣлу, но схватились за него и по доводамъ разума, и по велѣніямъ чувства. Представители соціалистической демократіи не отвѣтили мнѣ: «это—ваше частное дѣло, личное, мы же занимаемся только родомъ человѣческимъ вообще», но они мнѣ сказали: «Мы вамъ нужны? Вотъ мы явились!»

Дѣло въ томъ, что эта исторія не была простою, личною исторією, однимъ изъ всѣхъ роковыхъ, личныхъ столкновеній, гдѣ разбушевавшіяся страсти увлекаютъ къ гибели виновныхъ и невинныхъ вмѣстѣ съ безотвѣтственностью удара молніи; никому не было бы никакого до нея дѣла. Я бы призналъ ее личной, исключительно личною, моею, я не допустилъ бы вмѣшательства кого-либо. Даже самые близкіе мои друзья должны были бы воздержаться отъ роли судей. Они могли бы проклинать злосчастный рокъ, но не осмѣлились бы обвинить живыхъ людей.

Въ продолженіе цѣлаго года измѣна и подлость Гервега сохраняла этотъ частный, приватный характеръ. Въ теченіе всего этого времени я сдерживалъ свои страданія, я ихъ скрывалъ въ глубинѣ души, я никому *не позволилъ* читать въ моемъ сердцѣ. Весь этотъ годъ (51) Гервегъ и его соучастница, *ею вдова* распускали на мой счетъ и на счетъ моей жены самыя дикія и страшныя клеветы. Я объ этомъ ничего не зналъ. Я никогда не могъ бы предположить столько преступной низости, мѣщанской, вульгарной, беззастѣнливой. Но вотъ какъ исторія начинаетъ выходить изъ дому, теряя характеръ какого-либо увлеченія или страсти и превращаться въ преступленіе. Видя, что никто не можетъ порвать связь, скрѣплявшую мою жену со мной, хотя и сильно имъ расшатанную,

видя, что послѣ этой несчастной исторіи эта связь еще болѣе укрѣпилась,—этотъ человѣкъ пошелъ на то, чтобы мстить женщинѣ и клеветою, и непрерывнымъ нарушеніемъ ея спокойствія, и чудовищными угрозами. Не говоря уже о планахъ самоубійства, онъ дошелъ до того, что сталъ намъ угрожать убійствомъ нашихъ дѣтей и собственныхъ своихъ дѣтей и привлеченіемъ насъ къ суду присяжныхъ. Эта риторика во вкусѣ плохихъ нѣмецкихъ романовъ перестала на насъ дѣйствовать. Между нами царила самая полная гармонія. Тогда на помощь ему явилась судьба. 16 ноября 1851 года, какъ вы знаете, нашу семью постигло ужасное несчастье: моя мать, мой сынъ и одинъ изъ нашихъ друзей погибли въ Средиземномъ морѣ; онъ же, какъ самъ это говоритъ, принялъ это бѣдствіе за хорошее для него предзнаменованіе. Онъ отлично имъ воспользовался. Нашъ домъ былъ въ траурѣ, все въ безпорядкѣ. Моя жена опасно занемогла, я проводилъ ночи у ея изголовья; въ то же время, въ декабрѣ исчезали послѣднія надежды революціи. И вотъ, въ это печальное, мрачное, страшное время я получилъ отъ этого злодѣя письмо безъ всякаго повода, безъ всякаго предлога съ моей стороны. Это былъ возмутительный, циническій доносъ, который кончался чѣмъ-то въ родѣ вызова на дуэль. Вы это понимаете, дорогой другъ? Онъ, измѣнникъ, онъ, виновный, который долженъ былъ бы стать на колѣни предо мной и закрыть лицо руками, онъ присылаетъ мнѣ вызовъ на дуэль, подготовивъ передъ тѣмъ сочувствующую ему публику, среди которой распространялъ клевету въ теченіе двухъ лѣтъ!

Въ то же время онъ извѣщалъ объ этомъ какъ свою жену, такъ и *парижскаго пріятеля*, близкаго знакомаго одного русскаго семейства. Въ результатѣ черезъ недѣлю или двѣ извѣстіе объ его письмѣ ко мнѣ и вызовѣ дошло до самой больной. Она была поражена, ошеломлена такою коварною низостью. Она уже раньше презирала его, а съ этого дня стала ненавидѣть. Я же тогда, въ первую минуту хотѣлъ покончить съ нимъ сразу, принявъ дуэль, но подъ условіемъ, чтобы одинъ изъ насъ былъ непремѣнно убитъ. Однако, такую дуэль не легко было устроить, ибо онъ оставался въ Цюрихѣ, не выказывая ни малѣйшаго намѣренія пріѣхать въ Ниццу, я же не могъ оттуда уѣхать отъ опасно больной жены. Но когда прошло нѣсколько дней раздумья, я совершенно измѣнилъ свой взглядъ; я ясно увидѣлъ, что дуэль была предложена лишь, какъ средство для примиренія и для его реабилитаціи, и еще больше, какъ средство окончательно погубить эту женщину-мученицу. Очевидно было, что дуэль могла бы принести пользу только ему, *поэтому* я рѣшилъ, что ея не будетъ. Вмѣсто поединка съ оружіемъ я рѣшилъ сдѣ-

лать громогласно и при свѣтѣ дня то, что онъ дѣлалъ скрытно и украдкой. *Я также буду говорить, я самъ заговорю.*

И я реабилитирую эту женщину!

И я покрою его позоромъ и презрѣніемъ, а если потомъ понадобится—и землю его засыплю! Задача, которую я взваливалъ себѣ на плечи, была огромная, потому что я не скрывалъ отъ себя, съ какимъ противникомъ долженъ буду имѣть дѣло: это—одинъ изъ тѣхъ *свободныхъ* отъ всѣхъ предрасудовъ людей, вродѣ Жоржа Бокармэ и другихъ ему подобныхъ, которые во время оно всплывали иногда на общественную сцену. Эти люди чрезвычайно опасны, потому что у нихъ нѣтъ даже тѣхъ правилъ чести и своеобразной нравственности, какія наблюдаются у воровъ и разбойниковъ. Только разрушающаяся цивилизація, только разлагающійся міръ способны производить такихъ людей, совершенно лишенныхъ совѣсти. Я приготовился встрѣтить всякаго рода подлости и уже сдѣлалъ почти половину дѣла, потому что отнынѣ онъ уже не поднимется отъ ударовъ, которые я ему нанесъ. Однако, я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе что «этого недостаточно». Я бы и самъ больше сдѣлалъ, еслибы не смерть, которая подорвала мое оружіе, уничтожила мои надежды. Въ этой безчеловѣчной борьбѣ погибла моя жена. Я отмщу за нее, но слишкомъ поздно! Я выйду побѣдителемъ, но ея нѣтъ болѣе въ живыхъ, и мои поступки уже не будутъ имѣть ни той цѣнности, ни того смысла, что прежде. Теперь я продолжаю то, что началъ, но моя цѣль сузилась.

Что же касается реабилитаціи жертвы, то она сама этого достигла и при томъ великолѣпнымъ образомъ. Весь міръ съ уваженіемъ преклонился передъ энергіей и душевной силой этой женщины. Она была высоко-прекрасна на одрѣ смертельной болѣзни, когда давала полный просторъ святому негодованію. Она не оправдывала свое злосчастное увлеченіе, но хотѣла спасти наше прошлое, которое тотъ покушался загрязнить своею клеветою, и наше настоящее, которое онъ старался представить, какъ обманъ, какъ насиліе. Она хотѣла, наконецъ, своимъ словомъ покарать коварнаго преступника, который предалъ ее такъ гнусно и безъ малѣйшаго состраданія. Она написала тогда три удивительно хорошихъ письма. Одно изъ нихъ — тому человѣку ¹⁾. Это — то самое письмо, которое онъ отослалъ обратно, сказавъ, что не распечатывалъ его, но въ немъ, однако, оказался какой-то гнусный комментарий; это, наконецъ, то письмо, которое мои друзья Гаугъ и Тесье дю-Мотэ предъявили ему, исполнивъ такимъ образомъ по-

¹⁾ Другое Сазонову, третье М. К. Рейхель.

слѣдную волю покойницы. Вы уже знаете подробности этого свиданія. Онъ имѣлъ безстыдство сказать, что письмо поддѣльное, хотя вполнѣ былъ убѣжденъ въ противномъ. Презрѣнный мерзавецъ! Даже смерть не пробудила ничего человѣчнаго въ этой грязной душѣ! Перейдя черезъ трупъ своей жертвы, онъ еще бросаетъ грязью въ могилу, которую ей копаль. Это чудовище!—И если еще вспомнить, что пока длилось такое нравственное убійство, онъ поддерживалъ сношенія съ покинутою имъ раньше женою только затѣмъ, чтобы выманить у нея деньги, и что въ это же время онъ жилъ съ старой кокоткой, которая содержала его на свои средства, — то нельзя, кажется, дойти до болѣе глубокаго разврата, до болѣе сильной степени проституціи.

Съ своей стороны, долженъ сознаться, я сдѣлалъ непоправимую ошибку, отъ которой самъ пострадалъ столько, сколько можно выстрадать отъ угрызеній совѣсти. Не надо было позволить этому человѣку выйти изъ моего дома, надо было его убить. Меня обезоружили слезы и рыданія двухъ женщинъ; онъ медленно удалялся, понутивъ голову, чувствуя себя виноватымъ, стараясь еще увѣрить меня въ его дружбѣ; онъ еще передалъ мнѣ черезъ свою жену, что я могу его убить, если хочу, но его рука никогда не поднимется на своего лучшаго друга. Я далъ ему свободу уйти. Это была большая слабость съ моей стороны, и я теперь искупаю ее. Никакая дуэль не могла бы поправить эту ошибку. Мнѣ оставалось только разоблачить коварнаго злодѣя и поразить его при свѣтѣ дня, навлекая на его голову всеобщее осужденіе. Это было необходимое начало мщенія.

При послѣдующихъ же событіяхъ онъ просто превзошелъ себя! Онъ самъ помогъ мнѣ больше, чѣмъ мои друзья обнажить его низость въ глазахъ всякаго порядочнаго человѣка. Что, въ самомъ дѣлѣ, можно подумать о субъектѣ, который на полученныя пощечины отвѣчаетъ газетною полемикою, который отрицаетъ свои долги, заставивъ предварительно свою жену подписать векселя и давая тѣмъ самымъ полную возможность обвинить ее въ мошенничествѣ? Одинъ только человѣкъ могъ, проживъ со мною цѣлые годы въ большой близости, сказать, что меня прикрѣпляетъ къ женѣ лишь желаніе захватить ея богатство (онъ отлично знаетъ, что у нея не было никакого имущества), одинъ только человѣкъ могъ написать въ реакціонной газетѣ, что я раздаю русскія субсидіи, русское золото—онъ, который лучше всякаго другого зналъ, что золото, которое онъ столь братски заимствовалъ у меня (онъ мнѣ долженъ еще 13.000 франковъ), — не русское и не прусское, а просто мое собственное. И этотъ самый человѣкъ рѣшился напечатать, черезъ

свою жену, мѣсяцъ тому назадъ, «что его имя дорого для демократіи!..»

Взываю къ справедливости, друзья и братья! Пусть всё произнесутъ такой же обвинительный приговоръ, какъ вы, какъ Маццини, какъ Виллихъ, и пусть въ первый разъ, какъ я уже писалъ, будетъ судъ безъ прокурора, безъ палача, во имя солидарности народовъ и автономіи личности. Пусть *онъ* уходитъ съ клеймомъ на лбу подъ защиту не только цюрихской полиціи, но и всей европейской жандармеріи. Тамъ найдется для него и мѣсто, и дѣло, и настоящее *русское золото*.

Что же касается средствъ, которыя мнѣ кажутся болѣе всего пригодными для достиженія поставленной мною цѣли, то позвольте рѣчь о нихъ отложить до слѣдующаго письма.

Спасибо еще разъ, спасибо за ваше прекрасное письмо, примите мою благодарность, дружбу и симпатію навѣки.

Жму вамъ руку отъ всей души.

А. Г.

По странной случайности я доканчиваю это письмо 7-го сентября. Это былъ день именинъ бѣдной мученицы. Въ первый разъ я провожу этотъ день безъ нея. Это письмо—моя заупокойная обѣдня. Когда же придетъ день, единственный день, который я ожидаю, — когда я буду имѣть право торжественно подойти къ ея могилѣ, сказать: «я раздавилъ змія» и добавить: «Нынѣ отпускаеши», потому что жизнь, въ сущности, противна и невыносима!..

600. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(Начало сентября 1852).

Знаешь ли, Тата, гдѣ Саша? Въ графствѣ Кентъ, въ городѣ Seven Oaks, у той англійской дамы, которая бывала у насъ въ Ниццѣ съ двумя дочерьми ¹⁾. У нихъ большой садъ, а возлѣ паркъ, въ которомъ 1.300 оленей. Ты не забудь мнѣ опять корпіи надѣлать: я не кладу другой, кромѣ твоей работы.

Прощай. Довольна ли Оленька садомъ? Кланяйся Марихенъ ²⁾.

Твой папа.

¹⁾ Биксъ.

²⁾ Фоммъ.

601. Письмо къ М. К. Рейхель.

17 сентября (1852).
London.

Позвольте на сей разъ начать съ *savonpage* ¹⁾, т. е. съ выговора по службѣ за непослушаніе. Имѣлъ я счастье докладывать, что, де, по почтѣ брошюръ не посылайте. Изволили послать,—результатъ, что я ихъ оставилъ на почтѣ, ибо слѣдовало заплатить 18 шил. Таковыхъ суммъ, не сойдя съ ума, не заплатилъ бы даже Сумароковъ за свои сочиненія. — Далѣе, я спрашиваю Дарим. ²⁾, какъ адресовать письмо къ Масальскому, а тотъ отвѣчаетъ окольную: «тотъ, де, пріѣдетъ, тотъ, де, уѣдетъ, дѣло ваше хорошо, сидите въ Лондонѣ три недѣли». Ну, скажите на милость, что же это за белиберда? А потому посылаю письмо къ вамъ, сдѣлайте одолженіе—спишите его, прочтите Ст. ³⁾ и Мел. ⁴⁾, а оригиналы, положимши въ пакетъ и надписавши: «Его Высокобл. Петру Ивановичу Прудонцу-Масальскому ⁵⁾», передайте не запечатывая Дарим., съ ауторизаціей ему, Даримону, письмо читать и кретину читать и немедленно, впрочемъ, Пр. переслать. Да напишите ваше мнѣніе объ этомъ письмѣ: оно весьма важно. Знаете ли вы послѣдній геройскій подвигъ цюрих. г-на ⁶⁾? Онъ отперся публично, т. е. передъ *huissier* ⁷⁾, въ долгъ и сказала, что это—долгъ его жены... Этотъ ударъ въ рожу, онъ его нанесъ самъ себѣ. Вы понимаете, что я могу преслѣдовать ее за *escroquerie* ⁸⁾, ибо она письменно говорить, что заемъ дѣлается съ его согласія. Итакъ, онъ офиціально не пощадилъ ее. Такіе два-три удара еще—и, право, не найдешь мѣста, куда бить. Виллихъ вель себя чудесно въ этомъ дѣлѣ, объ Ос. Ив. ⁹⁾ и говорить нечего.

¹⁾ Буквально—намыливаніе.

²⁾ Альфредъ Даримонъ, франц. журналистъ, одинъ изъ редакторовъ прудоновскаго «*Le Peuple*», главный редакторъ «*La Voix du Peuple*»; потомъ съ 1854 г. писалъ въ «*La Presse*»; демократъ.

³⁾ Станкевичи.

⁴⁾ Мельгуновъ.

⁵⁾ П.-Ж. Прудонъ.

⁶⁾ Гервегъ.

⁷⁾ Судебный приставъ.

⁸⁾ Мошенничество.

⁹⁾ Маццини.

У франц. Осипа Иван. ¹⁾ сидѣлъ я вчера цѣлое утро, и вспомнилъ Пушкина:

«На генерала Киселева
Не положу моихъ надеждъ:
Онъ милъ, о томъ ни слова.»

Да, это—одинъ изъ самыхъ любезнѣйшихъ юношей. А вотъ Веллингтонъ ²⁾ такъ одолжилъ: я Гаугу на-дняхъ, идучи мимо его дома, сказалъ: «Ну, чтобъ старику потѣшить меня похоронами».— На другой день Гаугъ беретъ «Times» и катается съ нимъ по полу; я отлилъ его водицей и спрашиваю, что случилось? Онъ опять въ спазматической смѣхъ и кричитъ: «умеръ, вѣдь, умеръ!» Вотъ вамъ и Кассандра.

Саша все еще въ Seven-Oaks.

Скажите Мельг., что Naxthausen'a 3-й томъ глубокаго интереса ³⁾. Кстати, съ самаго начала онъ говоритъ о великихъ мужахъ, которыхъ онъ зналъ въ Москвѣ, и перечень ихъ начинается именемъ Мельг.

Прощайте. Скучно здѣсь еще три недѣли сидѣть; возьму, да и уѣду.

Видишь ли, Тата, какъ Саша загулялъ въ Кентѣ? Вчера я отъ него получилъ письмо по почтѣ. Сегодня онъ приѣдетъ съ мистриссъ Биксъ. Я очень радъ, что тебѣ нравится домъ и садъ.

Прощай. Цѣлуй Олю.

Твой papa.

602. Письмо къ Арнольду Руге.

20 Septemb. 1852.

Londres, 4, Spring Garden's. Charing Cross.

Cher Monsieur Ruge,

Il y a trois ans et demi, nous nous sommes rencontrés avec Vous bien sympathiquement à Paris et à Ville d'Avray. Battus le 13 Juin, nous nous dispersâmes pleins d'espérances.

Depuis ce temps tout a péri, la France est devenue une caverne de brigands et un peuple de laquais. Heureux celui qui s'est sauvé avec les siens. Moi, au contraire, j'ai tout perdu, j'ai perdu dans un

¹⁾ ?

²⁾ Артуръ-Колэй, знаменитый англ. генералъ, умеръ 14 сентября 1852 г.

³⁾ «Studien über die inneren Zustände und das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands», 3-й томъ вышелъ въ 1852 г.

naufnage ma mère et un de mes fils, j'ai perdu ma femme. Battu, même dans mon foyer, après des épreuves terribles, amères — je me traîne sans occupation ni but, d'un pays dans un autre. Enfin me voila à Londres. J'ai voulu voir les anciens amis et je Vous ai cherché ici. Mazzini m'a dit que Vous étiez à Brighton; permettez moi donc de Vous serrer la main de loin et de me rappeler à Votre souvenir. Je resterai encore une dizaine de jours ici et je partirai avec un véritable regret si je ne Vous vois pas.

Je Vous salue fraternellement

Alexander Herzen.

Переводъ.

20 сентября 1852.

Лондонъ.

Дорогой господинъ Руге, три года съ половиной тому назадъ мы встрѣтились съ большимъ сочувствіемъ въ Парижѣ и въ Ville d'Avray. Разбитые 13 іюня, мы разсѣялись еще полные надеждъ.

Съ того времени все погибло, Франція стала вертепомъ разбойниковъ и страну лакеевъ.

Счастливъ тотъ, кому удалось спастись со своими. Я же все потерялъ; потерялъ въ кораблекрушеніи свою мать и сына, потомъ еще потерялъ жену. Съ разбитымъ семейнымъ очагомъ, послѣ горькихъ, ужасныхъ испытаній, я кочую безъ занятій и цѣли изъ одной страны въ другую.

Теперь я въ Лондонѣ. Мнѣ захотѣлось увидѣть старыхъ друзей, и я Васъ здѣсь искалъ. Маццини мнѣ сказалъ, что Вы въ Брайтонѣ; позвольте же мнѣ заочно пожать Вамъ руку и напомнить о себѣ. Я останусь здѣсь еще дней десять и буду искренно огорченъ, если не увижу Васъ.

Братски привѣтствую Васъ.

Александръ Герценъ. 1

◆◆ 1. 1 октября 1852 г. Энгельсонъ писалъ, между прочимъ, Герцену изъ Женевы: «Тесье, Фогтъ и Эдм. съ горячностью приняли мысль завести обозрѣніе и поручили мнѣ сообщить вамъ ихъ мнѣніе. Чтобъ не забыть, начну съ того, что, по нимъ, дѣло не стоитъ заводить, въ случаѣ, еслибъ не было 300,000 фр. капитала; чтò, по ихъ мнѣнію и свѣдѣніямъ, вамъ возможно найти, особенно, если вы уговорите Лева дѣйствовать съ вами заодно на островитянь. Поговоривъ съ Лева, вы бы пригласили къ себѣ на чашку чая и бутылочку шипучки альбионцевъ и при такой оказіи и завели бы рѣчь. Троица женевская говоритъ, что дѣло можетъ быть удачно только, если оно будетъ нѣчто не менѣе важное, чѣмъ Энцикло-

педія прошедшаго вѣка. Издавать обзоръ только на нѣмецкомъ или на французскомъ, или хоть на этихъ двухъ языкахъ вдругъ, не стоитъ. Книги отдѣльныя знаменитыхъ авторовъ на этихъ двухъ языкахъ еще находятъ себѣ сбытъ въ Европѣ, несмотря на таковыя, но нельзя думать, что періодическое изданіе могло бы такъ же расхотѣться, и потому такое періодическое изданіе не оплачивалось бы, а торговый, денежный успѣхъ—не только вѣрный залогъ удачи, но и необходимое условіе для большей части сотрудниковъ, не могущихъ даромъ работать. Итакъ, однимъ словомъ, нужно, чтобы обзоръ выходилъ на трехъ языкахъ: англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ (сперва по два раза въ мѣсяцъ, потомъ еженедѣльно, объемомъ и цѣною подобно воскресному «Таймсу»); англійская часть изданія или сбытъ его въ Англии и Америкѣ покрывалъ бы (вѣрные) убытки французской и нѣмецкой части. Чтобы англичане дали денегъ на такое трехъ-язычное обзоръ, имъ нужно гарантировать успѣхъ дѣла, а успѣхъ дѣла, т. е. большой сбытъ обзоръ въ англійскихъ странахъ, можетъ быть обезпеченъ хорошими именами сотрудниковъ, которыхъ вы имъ рекомендуете и которые частью могли бы поселиться для работы въ Альбионѣ. Извѣстно вамъ, въ какомъ духѣ они согласились бы работать: они распространяли бы на материкъ здѣшнюю теорію свободной торговли, всеобщаго мира, единенія народовъ на основаніи вольной торговли и братскаго раздѣленія труда промышленнаго. Войны, грабежи, разумѣется, находили бы себѣ въ вашихъ сотрудникахъ не адвокатовъ. Но идеи колонизаціи въ мірѣ были бы горячо поддерживаемы, и вообще старались бы заставить материкъ полюбить Англію. По ту сторону океана рабство было бы хулимо, но занятіе всей Америки Соединенными Штатами—сильно одобряемо. Обзоръ заключало бы въ себѣ, во 1-хъ, ученую часть, въ которой бы говорилось объ изобрѣтеніяхъ въ механикѣ, технологіи, открытіяхъ географіи; были бы прилагаемы чертежи; во 2-хъ, литературную часть, въ которой современная исторія и исторія дней былыхъ, художества, нравоописанія, политика, беллетристика собственно, путешествія и т. п.; наконецъ, часть экономическую, въ которой рѣчь о промышленности, торговлѣ и статистикѣ; сверхъ того, библіографія и лѣтопись современныхъ событій. Отвѣтите имъ, чтобы они могли знать, чего имъ ожидать, — а имъ очень бы хотѣлось имѣть такое занятіе. Они говорятъ, что все зависитъ отъ вашего рвенія, что вы, какъ русскій демагогъ, симъ самымъ въ Альбионѣ можете дѣлать эффектъ; альбионцы не будутъ думать, что это только битье по ихъ карманамъ, потому что вы въ деньгахъ не нуждаетесь» (архивъ семьи Герцена).

603. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(Октябрь 1852).

Вотъ, Тата, какъ было дѣло: въ 11 часовъ вчера я ужъ ждалъ, а Саша ничего не зналъ, подѣхала карета и изъ нея вышла Гаугъ и съ нимъ страшная собака, и у собаки на шеѣ была записочка:

«Сашѣ—отъ Таты изъ Парижа».

А тебя за письмо благодарю. Оленьку поцѣлуй. Можетъ, мы скоро увидимся.

604. Письмо къ Г. Мюллеру-Стрюбингу.

18 Octobre 1852.

London, 4, Spring-Gardens.

Cher Müller. Lorsque je t'ai rencontré à Londres sans m'y attendre le moins du monde, et lorsque deux jours après je te parlais des terribles malheurs qui m'ont frappé, le nom de George Sand tomba de tes lèvres. Je frissonnais à ce nom. C'était pour moi une indication. Elle doit connaître cette histoire,—elle qui résume dans sa personne l'idée révolutionnaire de la femme. Je t'ai exprimé mon désir de l'instruire de cette affaire.

La réponse dont tu m'as parlé hier, me prouve qu'entraîné par l'indignation contre tant de scélératesse, tu ne m'as pas tout-à-fait compris. L'affaire n'est pas à juger, le tribunal n'est pas à former. L'affaire est jugée, un tribunal formel est impossible, un tribunal moral a prononcé son arrêt. La réprobation générale qui a enveloppé cet homme, en est la preuve. Penses-tu donc que des hommes, comme Mazzini, Willich, Proudhon, Kinkel etc. se seraient prononcés avec tant d'énergie si les faits n'étaient pas constatés, s'il n'y avait pas de documents et des témoins. Dévoiler cet homme devant ceux que j'estime, que j'aime, est pour moi un besoin de cœur, un acte de haute moralité. Socialiste et révolutionnaire, je ne m'adresse qu'à nos frères. L'opinion des autres m'est indifférente.

Tu vois de là que l'opinion de George Sand a une valeur immense pour moi.

Il s'agit d'une femme dans cette tragédie. D'une femme qu'on a brisée, calomniée, persécutée, qu'on est parvenu à assassiner enfin. Et tout cela, parce qu'une passion malheureuse a envahi son cœur, comme une maladie, et que son cœur repoussa au premier réveil de sa nature noble et forte. Et l'assassin, le calomniateur, le dénonciateur de cette femme était ce même homme qui, feignant pour elle un amour sans bornes, la trahit par vengeance, comme il avait trahi son ami le plus intime par lâcheté. Tu as vu ses lettres. — C'est un de ces caractères dans le genre «d'Horace» de George Sand. Mais «Horace» développé jusqu'à la scélératesse.

Je n'ai pas voulu terminer une affaire pareille par un duel: il y avait trop de crimes, trop de perfidie pour les couvrir par la mort ou pour les laver par le sang d'une blessure. J'ai entrepris une autre justice, elle était hasardée. Le premier homme auquel je fis part de ma résolution, était Mazzini; il m'a soutenu dans cette voie difficile, il m'écrivit: «Faites de votre douleur un acte solennel (*sic!*) de justice au sein de la société nouvelle, accusez—la démocratie jugera».

Je l'ai accusé, et mon appel à nos frères ne resta pas sans réponse. Maintenant je commence un mémoire détaillé,—ce mémoire, je voudrais l'envoyer à Georges Sand.

Il ne me manquait pas de conseils prudents et charitables de me taire, de couvrir tout par un silence absolu. Celui qui dit cela, accuse la femme,—je n'ai rien à cacher, elle est restée pure et sublime à mes yeux, mon silence serait perfide, serait un manque de religion pour la victime. Et ensuite il n'y avait pas même de choix après les calomnies répandues par cet individu. Je fais à haute voix et au grand jour ce qu'il a fait nuitement et en cachette. Mon accusation suivra cet homme partout. Je suis là sur le tombeau d'une femme que j'aimai,—et je l'accuse; ce qu'on fera de mon accusation, je ne le sais pas. Je ne cherche pas des verdicts,—ils arrivent naturellement.

Portant mon accusation devant la plus haute autorité quant à la femme, la portant devant Georges Sand, je ne voulais qu'un peu d'attention sympathique, qu'un peu de confiance.

Dans la pensée de m'entretenir de cette tragédie avec elle, il y avait pour moi un entraînement irrésistible.

Il y a longtemps que je rêvais à cela. Ta visite m'a montré de près la possibilité de réaliser ce dernier rêve poétique... Mais je n'ai demandé ni réponse, ni verdict,—je voulais laisser tout cela au temps et à la pleine conviction.

Voilà, cher Müller, ce que j'avais sur le cœur de te dire, communiqué quelque chose de cela à Georges Sand, si tu n'as rien contre cela. Je te salue fraternellement.

A. Herzen.

Переводъ.

18 октября 1852 г.
Лондонъ, 4, Spring Gardens.

Дорогой Мюллеръ! Когда я встрѣтилъ тебя въ Лондонѣ, ничуть не ожидая того, и, когда, два дня спустя, рассказалъ тебѣ всѣ ужасныя несчастья, которыя меня поразили, съ твоихъ устъ слѣло имя Жоржъ Сандъ. Я вздрогнулъ при этомъ имени. Это было для меня указаніемъ свыше. Она должна узнать эту исторію,—она, резюмирующая въ своемъ лицѣ всю революціонную идею женщины. И я высказалъ тебѣ свое желаніе посвятить ее въ эту исторію.

Тотъ отвѣтъ, о которомъ ты мнѣ вчера говорилъ, доказываетъ, что, увлеченный негодованіемъ противъ такого коварнаго злодѣйства, ты не вполне меня понялъ. Нечего дѣло это предавать суду, нечего избирать судей. Дѣло уже осуждено, формальный судъ невозможенъ, а моральный уже произнесъ свой приговоръ. Всеобщее осужденіе, окружающее этого человѣка,—тому доказательство. Неужели ты думаешь, что такіе люди, какъ Маццини, Виллихъ, Прудонъ, Кинкель ¹⁾ и т. д., высказались бы такъ энергично, если бы факты не были констатированы, если бы не было документовъ и свидѣтелей? Сдернуть маску съ этого человѣка предъ тѣми, кого я уважаю, кого я люблю,—является для меня сердечной потребностью, актомъ высокой нравственности. Соціалистъ и революціонеръ, я обращаюсь лишь къ нашимъ братьямъ. Мнѣніе остальныхъ для меня безразлично. Отсюда ты видишь, что мнѣніе Жоржъ Сандъ имѣетъ для меня громадную цѣну.

Въ этой трагедіи дѣло идетъ о женщинѣ,—о женщинѣ, которую сломали, оклеветали, преслѣдовали, которую, наконецъ, сумѣли убить. И все это изъ-за того, что ея сердцемъ, какъ болѣзнь, завладѣла несчастная страсть, которую при первомъ пробужденіи ея благородной и сильной натуры это сердце оттолкнуло. А убійцей, клеветникомъ, доносчикомъ на эту женщину былъ тотъ самый человѣкъ, который, прикидываясь, что любовь его къ ней безгранична, предалъ ее, измѣнилъ ей изъ мести, совершенно такъ, какъ онъ предалъ изъ подлой трусости своего самаго близкаго друга. Это одинъ изъ характеровъ, въ родѣ «Ораса» Жоржъ Сандъ, но «Ораса», доведеннаго до злодѣйства.

Я не захотѣлъ окончить подобное дѣло дуэлью: слишкомъ много было преступленій, слишкомъ много вѣроломства для того,

¹⁾ Иоганнъ-Готфрідъ, нѣмецкій поэтъ и художественный критикъ, былъ профессоромъ боннскаго университета; послѣ революціи 1848 г. скрылся въ Англию; переселился потомъ въ Швейцарію, былъ профессоромъ въ Цюрихѣ.

чтобы прикрыть ихъ смертью или смыть ихъ кровью какой-нибудь раны. Я рѣшилъ обратиться къ иному правосудію, — оно было рисковано. Первый человѣкъ, съ которымъ я подѣлился этимъ рѣшеніемъ, былъ Маццини. Онъ поддержалъ меня на этомъ трудномъ пути, онъ написалъ мнѣ: «Сдѣлайте изъ своего горя торжественный актъ правосудія среди новаго общества, обвиняйте, а демократія произнесетъ приговоръ».

Я обвинилъ его, и мое воззваніе къ нашимъ братьямъ не осталось безъ отвѣта. Теперь я началъ писать подробную записку и хотѣлъ бы послать ее Жоржъ Сандъ.

Не было недостатка въ благоразумныхъ и благихъ совѣтахъ мнѣ промолчать, прикрыть все абсолютнымъ молчаніемъ. Тотъ, кто это говоритъ, обвиняетъ женщину, мнѣ же нечего скрывать: она въ моихъ глазахъ осталась чистой и высокой, мое молчаніе было бы вѣроломнымъ, являлось бы недостаткомъ благоговѣйной вѣры по отношенію къ этой жертвѣ. И, кромѣ того, не было и выбора послѣ тѣхъ клеветъ, которыя этотъ субъектъ распространилъ. Я дѣлаю громогласно и при свѣтѣ дня то, что онъ сдѣлалъ ночью и втихомолку. Мое обвиненіе повсюду послѣдуетъ за этимъ человѣкомъ. Вотъ я стою тутъ, на могилѣ той женщины, которую любилъ, и обвиняю его; что сдѣлаютъ съ моимъ обвиненіемъ, этого я не знаю. Я не ищу судебныхъ приговоровъ, — они являются естественнымъ образомъ, сами по себѣ. Выставляя свое обвиненіе предъ лицомъ самаго высшаго авторитета по отношенію къ женщинѣ, предъ лицомъ Жоржъ Сандъ, я желалъ лишь небольшого сочувствія и вниманія, немного довѣрія.

Въ мысли поговорить съ нею объ этой трагедіи заключалась для меня непреоборимая притягательная сила.

Давно уже я мечталъ объ этомъ. Твое посѣщеніе показало мнѣ возможность осуществить и эту послѣднюю поэтическую мечту... Но я не просилъ ни отвѣта, ни приговора, — все это я хотѣлъ предоставить времени и полному убѣжденію.

Вотъ, дорогой Мюллеръ, чтò у меня было на сердцѣ и чтò я хотѣлъ тебѣ сказать; передай это и Жоржъ Сандъ, если ничего противъ этого не имѣешь. Шлю тебѣ братскій привѣтъ.

А. Герценъ.¹

◆◆ 1. Мюллеръ-Стрибингъ на другой же день исполнилъ просьбу Герцена и послалъ его письмо Жоржъ Сандъ при слѣдующемъ своемъ, которое привожу на двухъ языкахъ:

Londres. 19 Octobre 1852. 2, Lower James Street, Golden Square.

Madame. Comme j'ai trouvé à l'instant une occasion pour Paris, je me permets de Vous envoyer une lettre de mon ami Herzen qu'il m'a adressée pour Vous être communiquée. J'y joins une brochure qu'il m'a également remise pour Vous. Je ne l'ai pas encore lue, mais je la crois très remarquable, par ce que l'homme qui l'a écrite, est un homme très remarquable. Si Vous-même n'avez pas le temps de la lire, Émile s'en chargera bien et Vous dira si cela vaut la peine. Herzen a écrit encore une autre brochure sur l'état actuel de la Russie, qui malheureusement a été saisie par le gouvernement français. Il s'en plaint beaucoup, par ce qu'il la croit très supérieure à ce premier essai. Je n'ai que justement le temps de Vous remercier de tout mon cœur pour Votre bonne lettre et pour le bon souvenir que Vous me gardez. J'ai besoin d'une telle consolation, car, après tout, je suis encore très seul ici. Mes affaires pourtant ne vont pas mal, j'ai trouvé déjà des leçons qui me font gagner 13 schillings par semaine, c'est à dire les trois-quart de ce qui est strictement nécessaire pour vivre. C'est beaucoup pour le commencement, d'autant plus que c'est indépendamment des lettres de M. et Mme Viardot. Je n'ai pas encore de nouvelles de Duvernet, ce qui m'étonne beaucoup. J'espère pourtant qu'il a reçu ma lettre. — Pardon, Madame, de cette lettre incohérente, j'écris à la hâte, car on veut partir. Je Vous écrirai bientôt une lettre plus raisonnable. *Mauprat* réussira, je suis aussi sûr de cela que de qui que ce soit. J'espère que les amis de Nohant me tiendront ou courant de tout ce qui Vous regarde. Un shake-hands fraternel à Maurice (ah! que je suis content qu'il fait des illustrations!) et aux autres amis.

À Vous de cœur et pour toujours.

H. Müller.

Переводъ.

Лондонъ. 19 октября 1852.

Милостивая государыня! Такъ какъ я только-что нашель оказію въ Парижъ, то позволяю себѣ послать вамъ письмо моего друга, Герцена, которое онъ адресоваль мнѣ для сообщенія вамъ. Присоединяю брошюру, которую онъ также передалъ для васъ ¹⁾. Я еще не прочиталъ ее, но считаю весьма замѣчательной, потому что авторъ ея—самъ челоѣкъ очень замѣчательный. Если у васъ не будетъ времени ее прочесть, то этимъ займется Эмиль и скажетъ вамъ, стоитъ ли брать на себя этотъ трудъ. Герценъ еще на-

¹⁾ № 513.

писаль брошюру о современномъ положеніи Россіи ¹⁾, которая, къ несчастью, арестована французскимъ правительствомъ. Онъ очень на это жалуется, потому что считаетъ вторую брошюру гораздо лучше, чѣмъ первый его опытъ. У меня времени ровно лишь настолько, чтобы отъ всей души поблагодарить за ваше хорошее письмо и добрую память обо мнѣ. Я очень нуждаюсь въ такомъ утѣшеніи, потому что, въ концѣ концовъ, я здѣсь весьма одинокъ. Дѣла мои, однако, недурны: я уже нашелъ уроки, которые даютъ мнѣ 13 шиллинговъ въ недѣлю, т. е. три четверти того, что здѣсь строго необходимо чтобы существовать. Для начала это очень много, тѣмъ болѣе, что получилъ уроки независимо отъ писемъ г. и г-жи Віардо. У меня нѣтъ еще извѣстій о Дюверне, что меня очень удивляетъ. Я надѣюсь, однако, что онъ получилъ мое письмо. Простите, сударыня, это безсвязное письмо,—я пишу второпяхъ, ибо собираются уѣзжать. Скоро я вамъ напишу болѣе разумное письмо. *Mauprat* ²⁾ будетъ имѣть успѣхъ, я въ этомъ совершенно убѣжденъ. Надѣюсь, что друзья изъ Ногана будутъ держать меня въ курсѣ всего того, что касается васъ.—Братское рукопожатіе Морису (ахъ! какъ я доволенъ, что онъ дѣлаетъ иллюстраціи!) и остальнымъ друзьямъ.

Вашъ сердцемъ и навсегда

Г. Мюллеръ.

605. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(Октябрь 1852).

Мы все, Таточка, собираемся, да не завтра, такъ послѣ,—вотъ такъ время и идетъ; птичекъ еще не приискали.

А ты еще напиши письмецо.

И Оленьку поцѣлуй.

606. Письмо къ М. К. Рейхель.

26 октября (1852).

Лондонъ.

Итакъ, я остаюсь здѣсь; квартиру нашелъ превосходную,—даль страшная отовсюду... На оборотѣ письма будетъ планъ ³⁾. Это, зна-

¹⁾ См. № 537.

²⁾ Извѣстный романъ Жоржъ Сандъ.

³⁾ На оборотѣ нарисованъ планъ дома на Barrow Hill и окрестностей.

читъ, начало отлива; буря, шумѣвшая возлѣ два года, начинаетъ успокаиваться; остатки отъ всѣхъ потерь и кораблекрушеній прибило къ совершенно чужому берегу. Думалъ ли я жить въ Лондонѣ? Никогда. Все случайно; такъ и слѣдуетъ. Мало-по-малу около меня составляется та пустота, тотъ покой, то одиночество, которое должно было начаться шесть мѣсяцевъ тому назадъ. Досадно одно, что я все же не раздавилъ цюрихск. мерзавца. Дѣло не кончено,—дѣла кончаются только тогда, когда сверху засыпано землею... Вѣроятно, у васъ газеты тоже кричатъ о дуэли между французами, которая была здѣсь ¹⁾, я встрѣчался съ актерами этой печальной драмы. Все люди хорошіе, преданные, во цвѣтѣ лѣтъ; одинъ убитъ, другіе въ тюрьмѣ, за что? «Онъ плачетъ о Гекубѣ, а что ему Гекуба?»—говоритъ Гамлетъ, краснѣя отъ своей нерѣшимости. Дуэль эта потрясла меня. Если изъ-за дерзкаго слова, за *op dit* безумно убивать, то за рядъ злодѣйствъ, измѣны, клеветъ—безумно наказывать словами. Все проклятый фатумъ; я даже не самъ устроилъ свою месть, такъ устроилось.

Я начинаю очень серьезно думать о возможности соединить дѣтей и не приложу ума. Долѣе весны это не можетъ продолжиться, но что дѣлать, не понимаю. Мнѣ васъ потерять не хочется, а вы съ Парижемъ крѣпче обвѣнчались, нежели съ Рейхелемъ, потому что вы оба вышли за Парижъ, а за Рейхеля вы однѣ. Хоть бы, напримѣръ, вамъ пріѣхать на мѣсяць погостить, не теперь, а, *exempt. gratia* ²⁾, къ новому году. Путь ничего не значитъ,—три часа моря, и со всѣми потерями на дорогѣ—14 часовъ. Подумайте-ка, старый сослуживецъ. Я приготовилъ бы рядомъ или возлѣ квартиру. Да вы не сердитесь за это, а просто скажите, что невозможно или неудобно. Наконецъ, не въ январѣ, такъ въ мартѣ, а только разлука эта не хороша и тяжела! Вотъ еще глупость: я на-дняхъ ушибъ себѣ ногу объ скамейку, а потомъ и забылъ, а вчера нога распухла, и готовится огромный нарывъ. Гаугъ лѣчитъ. Ходить почти нельзя. Мое желѣзное здоровье не можетъ противостоять, однако, англійской скамейкѣ. Вы пишете, что Мельг. хотѣлъ 2,500, а я прислалъ двѣ тысячи. *Saga mia*, Мельг. пишетъ: 2,500 или 2000. Въ этихъ случаяхъ я придерживаюсь всегда минимума. Зачѣмъ это Стан. ³⁾ лѣчится холодной водой? Право, всѣ эти опыты дикихъ лѣченій пора оставить. Саша воротился изъ *Seven Oaks* и письмо напишетъ, да и я прибавлю строчки двѣ. Мнѣ кажется, что ни одно мое слово не дошло до русскихъ друзей.

¹⁾ См. «Былое и думы», «Два процесса».

²⁾ Напримѣръ.

³⁾ А. В. Станкевичъ.

Да вотъ еще что, купите кухню для Таты (ведете ли вы записку особенныхъ малыхъ тратъ для меня? Я васъ прошу объ этомъ; вы знаете, какъ было положено: для воспитанія etc. дѣтей съ нянюшками и мамушками 5,000 въ годъ,—изъ нихъ вы получили 2,500. Къ новому году Мел. вручить 2,000. Но комиссії не въ этомъ же счетѣ)—и увѣрьте, что это изъ Лондона. Купите получше,—фр. въ 15.

Прощайте.—Поклонитесь отъ меня Брус. ¹⁾ Я очень помню его доброе участіе въ моемъ дѣлѣ за нѣсколько мѣсяцевъ.

Le vous salue, cher Reichel, et je vous jure que je n'ai pas de commissions.—Venez voir Londres, je ferai les honneurs de la cité ²⁾.

607. Письмо къ М. К. Рейхель.

31 октября 52.
Лондонъ.

Имѣть деньги—почти такое же проклятіе, какъ не имѣть ихъ. Меня теребятъ со всѣхъ сторонъ, и вотъ еще письмо Мельгунова. Мнѣ больно отказать ему, но я рѣшительно откажу и прошу васъ передать ему это.

Вы знаете, въ какомъ вѣкѣ мы живемъ, и знаете, что дѣтямъ еще не лучше будетъ. Я далъ себѣ обѣтъ сохранить имъ капиталъ. Я сдѣлалъ исключеніе именно для Мел. и 14,000 взялъ изъ капитала. Онъ желаетъ столько же, говоря, что, если ихъ не получить, то и тѣ пропадутъ. Другими словами, мнѣ слѣдовало тогда еще отказать, а теперь я предпочитаю дольше не получить 14,000, нежели 28. Зачѣмъ Мельг. не ѣхалъ до сихъ поръ? зачѣмъ онъ не пишетъ письмо за письмомъ послу, что у него нѣтъ денегъ? Ему дадутъ изъ его захваченныхъ на проѣздъ. Ѣхать необходимо. Если его и пошлютъ на годъ въ Вятку, все же лучше, нежели здѣсь бѣдствовать. И это московскіе храбрые друзья не могутъ найти случая передать вѣсть...

Я вообще рѣшительно всѣмъ объявляю, что не могу ссужать никакими суммами свыше 1,000 фр. Мнѣ никто не платитъ, никогда.

Пусть онъ велитъ на себя въ посольство просьбу подать, пусть напишетъ просто-на-просто графу Орлову и дастъ слово воротиться послѣ присылки денегъ на дорогу. Наконецъ, зачѣмъ его жена не ѣдетъ распоряжаться?

¹⁾ Брусиловъ.

²⁾ Кланяюсь вамъ, дорогой Рейхель, и клянусь, что у меня нѣтъ порученій.—Пріѣзжайте смотрѣть Лондонъ. Окажу гостеприимство города.

У меня болить смертельно голова.

Вы, пожалуйста, распишите все это покраснорѣчивѣе.

И досадно, и больно... Охъ, видно, несмотря ни на что, надобно итти своей дорогой... если хочешь дойти до чего-нибудь.

1 ноября, понедѣльникъ.

Прибавлять нечего; письмо не пошло оттого, что было воскресенье.

Я Шомбургу, пожалуй, напишу рекомендацію или, какъ здѣсь говорятъ, *réfégence*, но сомнѣваюсь, чтобъ далъ. Это можетъ Рейхель узнать.

608. Письмо къ М. К. Рейхель.

1 ноября (1852).

Лондонъ. 2, Barrow Hill Place, Primrose Road, Regents Park.

Адресъ длинный и дикій, но дѣлать нечего: пока почта не привыкнетъ, надобно такъ писать. Мы въ такую даль заѣхали, и здѣшніе старожилы найти не могутъ,—пустыня, и я доволенъ.

Письмо отъ Н. Ал.¹⁾, разумѣется, очень важно, но я не вижу изъ него ничего положительнаго: когда, при какихъ намѣреніяхъ она ѣдетъ, одна ли,—все это темно. И какъ же, не зная ничего, вдругъ строить проекты о перемѣнѣ воспитанія, да сойдемся ли мы теперь?

Мар. Касп., ваше послѣднее письмо не сообразно вашей глубоко разсудительной натурѣ. Вотъ чтò я вамъ скажу въ отвѣтъ. 1-е, о посѣщеніи въ Лондонъ я вамъ написалъ потому, что мнѣ хотѣлось это устроить, но я довольно привыкъ отказывать себѣ въ самыхъ простыхъ человѣческихъ желаніяхъ; общайте пріѣхать *ка марту*, чтобъ ждать чего-нибудь. Не только дѣтей, я васъ, васъ самихъ хочу видѣть... Да будто вы не понимаете этой страшной связи? Вы—«сообщница, соприкосновенная къ дѣлу». Я васъ много люблю.—2-е, въ Дрезденъ я дѣтей не дамъ; Парижъ, Лондонъ или Швейцарія, другихъ мѣстъ я не знаю.

3. Вотъ это иное дѣло, если Нат. Ал. пріѣдетъ,—отпустить дѣтей съ ней и съ Марихенъ погостить ко мнѣ, это было бы благодѣяніе. Но никакъ не предугадываю, чтò будетъ впередъ.

¹⁾ Тучкова.

Теперь насчетъ денегъ: не обижайте меня, не обижайте и себя, возьмите теперь 2000, отданныя Мельгуновымъ,—вотъ и все, а потомъ сочтемся.

Энгельсонъ, говорятъ, пріѣхалъ въ Парижъ. Послали ли вы въ Москву мою записку? Если нѣтъ, прибавьте, что я Ог. жду, какъ величайшее и послѣднее благо. Пишите, что я жду.

Я тороплюсь, ваше письмо провалялось отъ воскресенья.

Прощайте. Тату цѣлую и Олю.

Addio.

609. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(Октябрь 1852).

Милая Тата, мы должны еще пожить въ Лондонѣ: въ Парижъ насъ не пускаютъ, а потому, чтобы ты не очень долго ждала кухню, я ее пошлю съ первымъ кораблемъ, и на-дняхъ тебѣ ее принесетъ почтальонъ.

А что кроватка куклы цѣла ли? А ты купи для Оленьки маленькую пупету ¹⁾.

Прощай. Будь здорова.

Твой папа.

Котораго ноября рожденіе Оли и котораго декабря Таты?

610. Былое и думы.

Братьямъ на Руси.

Подъ сими строками покоится прахъ со-рокалѣтней жизни, окончившейся прежде смерти.

Братья, примите память ея съ миромъ.

Наконецъ, смятеніе и тревога, окружавшія меня, вызванныя мною, утихаютъ; людей становится меньше около меня и такъ какъ намъ не по дорогѣ, я болѣе и болѣе остаюсь одинъ.

Я не ѣду изъ Лондона. Некуда и незачѣмъ... Сюда прибило и бросило волнами, такъ безжалостно ломавшими, крутившими меня

¹⁾ Куклочку (русское уменьшительное отъ франц. *poupée*—кукла).

и все мнѣ близкое... Здѣсь и приостановлюсь, чтобъ перевести духъ и сколько-нибудь прійти въ себя.

Не знаю, успѣю ли я, смогу ли воспользоваться этимъ временемъ, чтобъ рассказать вамъ страшную исторію послѣднихъ лѣтъ моей жизни. Сдѣлаю опытъ.

Каждое слово объ этомъ времени тяжело потрясаетъ душу, сжимаетъ ее, какъ рѣдкіе и густые звуки погребальнаго колокола, и между тѣмъ я хочу говорить объ немъ, не для того, чтобы отъ него отдѣлаться, отъ моего прошедшаго, чтобъ покончить съ нимъ, — нѣтъ, я имъ не поступлюсь ни за что на свѣтѣ: у меня нѣтъ ничего, кромѣ его. Я благословилъ свои страданія, я примирился съ ними; и я торжественно вышелъ бы изъ ряда испытаній, и не одинъ, еслибъ смерть не переѣхала мнѣ дорогу. За предѣлами былого у меня нѣтъ ничего своего, личнаго. Я живу въ немъ, я живу смертию, минувшимъ, — такъ иноки, постригаясь, теряли свою личность и жили созерцаніемъ былого, исповѣдью совершившагося, молитвой объ усопшихъ, объ ихъ свѣтломъ воскресеніи. Прошедшее живо во мнѣ, я его продолжаю, я не хочу его заключить, а хочу говорить, потому что я одинъ могу свидѣтельствовать объ немъ.

Исповѣдь моя нужна мнѣ, вамъ она нужна, она нужна памяти святой для меня, близкой для васъ, она нужна моимъ дѣтямъ.

Мы разстались съ вами, любезные друзья, 21 января 1847 года.

Я былъ тогда во всей силѣ развитія; моя предшествовавшая жизнь дала мнѣ такіе залого и такія испытанія, что я смѣло шелъ отъ васъ съ опрометчивой самонадѣянностью, съ надменнымъ довѣріемъ къ жизни. Я торопился оторваться отъ маленькой кучки людей, тѣсно сжившихся, близко подошедшихъ другъ къ другу, связанныхъ глубокой любовью и общимъ горемъ. Меня манила иная жизнь, даль, ширь, открытая борьба и вольная рѣчь. Безпокойный духъ мой искалъ арены, независимости; мнѣ хотѣлось попробовать свои силы на свободѣ, порвавши всѣ путы, связывавшія на Руси каждый шагъ, каждое движеніе.

Я нашелъ все, чего искалъ да, сверхъ того, гибель, утрату всѣхъ благъ и всѣхъ упованій, удары изъ-за угла, лукавое предательство, святотатство, не останавливающееся ни передъ чѣмъ, посягающее на все, и нравственное растлѣніе, о которомъ вы не имѣете понятія...

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, будучи въ ссылкѣ, въ одну изъ изыщнѣйшихъ, самыхъ поэтическихъ эпохъ моей жизни, зимой или весною 1838 года, написалъ я легко, живо, шутя воспоминаніе изъ моей первой юности. Два отрывка, искаженные цензурою, были напечатаны. Остальное погибло; я самъ долею сжегъ рукопись передъ

вторую ссылкой, боясь, что она попадетъ въ руки полиціи и компрометируетъ моихъ друзей.

Между тѣми «Записками» и этими строками прошла и совершилась цѣлая жизнь,—двѣ жизни, съ ужаснымъ богатствомъ счастья и бѣдствій. Тогда все дышало надеждой, все рвалось впередъ, теперь одни воспоминанія, одинъ взглядъ назадъ,—взглядъ впередъ переходитъ предѣлы жизни, онъ обращенъ на дѣтей. Я иду спиной, какъ эти дантовскія тѣни, со свернутой головой, которымъ

Il veder dinanzi era tolto ¹⁾).

Пятнадцать лѣтъ было довольно не только, чтобъ развить силы, чтобъ исполнить самыя смѣлыя мечты, самыя несбыточные надежды, съ удивительной роскошью и полнотой, но и для того, чтобъ сокрушить ихъ, низвергая все, какъ карточный домъ... частное и общее.

Продолжать «Записки молодого человѣка» я не хочу, да еслибъ и хотѣлъ, не могу. Улыбка и излишняя развязность не идутъ къ похоронамъ. Люди невольно понижаютъ голосъ и становятся задумчивы въ комнатѣ, гдѣ стоитъ гробъ незнакомаго даже имъ покойника.

А. Герценъ.

2 ноября 1852, Лондонъ.
2, Barrow Hill Place, Primrose Road.

611. Письмо къ М. К. Рейхель.

5 ноября (1852).
2, Barrow Hill, Primrose Road.

Ваше вчерашнее письмо меня испугало; я послѣ всѣхъ несчастій сдѣлался нервно слабъ и величайшій трусъ за другихъ. Я дочиталъ его просто съ лихорадочной дрожью. Что вашъ Саша? Напишите тотчасъ. Неужели на свѣтѣ нѣтъ хуже насъ людей? Все на насъ: мы празднуемъ теперь одни поминанья да похороны, да тѣхъ, которыхъ совсѣмъ не хоронили. 16-е ноября на дворѣ. Я два раза инстинктивно понялъ свою судьбу; вы сами, столько привыкнувшія читать глубже меня, нежели снаружи, не вѣрили мнѣ, когда я вамъ говорилъ о страшныхъ предчувствіяхъ и страшныхъ быляхъ. Съ 1851, бывши съ Энгельсонъ въ Парижѣ послѣ 16 ноября, я въ туманномъ ошеломленіи съѣздилъ въ Нуёгесъ, но когда я во-

¹⁾ Видѣть будущее—было отнято.

ротился и спокойно остался одинъ, тогда, ясно всматриваясь во все, я сказалъ: все кончено, противъ трехъ враговъ не совладать. Я никогда не вѣрилъ въ спасеніе; разумѣется, я обманывалъ себя потому, но набиралъ силы. Въ этомъ искусственно напряженномъ состояніи я жилъ до сихъ поръ, помогая шумомъ и виномъ. Оно проходитъ, и я радъ этому,—на мнѣ много обязанностей. Поздравьте меня: съ тѣхъ поръ, какъ я переѣхалъ въ мое аббатство, и разбитая нога не позволяетъ ходить, у меня явилось френетическое желаніе написать мемуаръ; я началъ его по-русски (спишу вамъ начало), но меня увлекло въ такую даль, что я боюсь; съ одной стороны, жаль упустить эти воскреснувшіе образы съ такой подробностью, что другой разъ ихъ не поймать. Иванъ Алексѣевичъ, княгиня, Дмитрій Павловичъ, Александръ Алексѣевичъ, Васильевское и я ребенкомъ въ этомъ странномъ мірѣ, патріальхальномъ и вольтеровскомъ. Но какъ писать: *Dichtung und Wahrheit* ¹⁾ или мемуаръ о своемъ дѣлѣ? Я цѣлый день сижу и думаю.

Не лучше ли начать съ отъѣзда изъ Москвы въ чужіе края?

Я и это пробовалъ. Положеніе русскаго революціонера относительно басурманъ европейскихъ стоитъ тоже отдѣлать,—объ этомъ никто еще не думалъ.

Да, я построю надгробный памятникъ, если только удержусь въ теперешнемъ направленіи. Какъ мнѣніе ваше и нашихъ друзей: писать большой волюмъ или одинъ мемуаръ? Энгельс. мнѣ совѣтовалъ именно все писать. ¹ А *propos*, отчего вы говорите о М-ге Э. и не говорите о М-г Энгельс.? Неужели онъ пять дней въ Парижѣ и не былъ у васъ? Или онъ боленъ? Я это принимаю за личное оскорбленіе. Вотъ и Франсуа . . . ²⁾ въ Парижѣ,—кланяюсь ему.

Таточка, рада ли ты была, что Франсуа пріѣхалъ? Покажи ему кухню, которую я тебѣ прислалъ изъ Лондона. Онъ въ Люцернѣ готовилъ намъ обѣдъ въ такой же. Ну и что пупинька ³⁾ и Вольдемарчикъ ⁴⁾? Кривляется ли онъ, щиплетъ ли? Прощай. Цѣлуй Олю и Рейхелю пожми руку.

Марихенъ поклонитесь и М-me Gasparini ⁵⁾.

◆◆ 1. Письмо очень важное: это—первое упоминаніе Герцена о задуманномъ «Быломъ и думахъ». Болѣе раннее упоминаніе намъ

¹⁾ Вымыселъ и истина, сочиненіе Гете.

²⁾ Слово не разобрано.

³⁾ Прозвище А. Х. Энгельсонъ.

⁴⁾ В. А. Энгельсонъ.

⁵⁾ Мать Маріи Фоммъ, пріятельница М. К. Рейхель.

НЕИЗВѢСТНО, но оно было въ письмѣ къ женевскимъ друзьямъ, что видно изъ слѣдующаго письма Тесье дю-Мотэ.

Genève, le 18 Octobre 1852.

Mon cher Herzen, je comprends que ma lettre ait dû vous attrister... Je le comprends d'autant mieux que c'est sous l'inspiration d'une profonde tristesse que je vous l'ai écrite... Le cœur de ceux qui vous aiment, saigne des blessures qui déchirent le vôtre, et la maladie d'Hamlet est aussi la leur. Mais souffrir des maux d'autrui, ce n'est pas les calmer, ce n'est pas les guérir. L'amitié, comme le médecin, par devoir, autant que par humanité, doit souvent porter le scalpel dans les plaies les plus cuisantes!.. Ainsi avons nous fait... pardonnez-le-nous.

Toutefois, nous le voyons par votre réponse même, il n'y a rien dans l'état de votre âme qui indique une de ces anormalités persistantes contre lesquelles il n'y a point de remèdes. Avec beaucoup de courage, avec une volonté devenue plus fixe en raison du but à atteindre, vous accomplirez la mission de haute moralité réparatrice, dont le malheur et un sentiment de poétique justice, vous ont doublement investi.

Vos amis, comme par le passé, ne vous feront point défaut. Ils ont compris, comme vous, comme tous les véritables *socialistes*, que dans la lutte entreprise contre votre adversaire, il fallait déposer, au seuil du vieux monde, des armes à tout jamais usées et flétries, et qu'il était temps d'en finir avec l'unique jugement de dieu en lui substituant l'*équitable* justice des hommes.

Et c'est parce qu'ils ont compris cela, avec vous, qu'ils souhaitent que vous ne vous arrêtiez pas en chemin.

Ecrivez donc votre mémoire avec recueillement, non dans la solitude d'un cloître,—le cloître est la dernière citadelle de nos ennemis,—mais dans une retraite tantôt mélancolique et silencieuse, tantôt égayée et bavarde, où habiteront avec vous vos chers enfants, où quelques amis vous viendront visiter à vos heures...

Dans les campagnes voisines de Genève vous trouveriez peut-être, selon l'expression du poète, «ce doux refuge des jours attristés!»

Venez nous donc... nous vous attendons, les bras et le cœur ouverts.

Tout à vous

E. T. du-M.

Переводъ.

Женева, 18 октября 1852.

Мой дорогой Герценъ, я понимаю, что мое письмо должно было васъ опечалить... Я это тѣмъ лучше понимаю, что написалъ его вамъ подъ настроеніемъ глубокой грусти... Сердца тѣхъ, кто васъ любитъ, болѣютъ отъ тѣхъ же ранъ, которыя терзаютъ ваше сердце, и они также болѣютъ Гамлетовой болѣзнию. Но страдать отъ мученій другихъ людей—не значить ни успокаивать, ни излѣчивать чужія страданія. Дружба, подобно медику, часто должна, какъ по обязанности, такъ и по чувству человѣколюбія, беречь ножемъ раны, самыя болѣзненные...

И мы должны были такъ сдѣлать... Простите это намъ!

Тѣмъ не менѣе, изъ вашего же отвѣта мы видимъ, что въ состояніи вашей души нѣтъ такихъ упорныхъ аномальностей, противъ которыхъ неизвѣстно никакихъ средствъ. Понадобится лишь много мужества, много особенно твердой воли, въ виду постановленной цѣли,—и вы исполните высоконравственную миссію искупленія, которую вамъ предназначили и несчастія, и чувство безкорыстной, поэтической справедливости.

Ваши друзья, какъ и прежде, не отстанутъ отъ васъ. Такъ же, какъ и вы, какъ и всѣ истинные *соціалисты*, они поняли, что для борьбы съ вашимъ противникомъ нужно бросить на самомъ порогѣ стараго міра оружія, навсегда обветшалыя и заклеимленные, и пора совсѣмъ покончить съ «божымъ судомъ», замѣнивъ его *справедливостю* людей.

Понявъ это такъ же, какъ и вы, они высказываютъ вамъ свои пожеланія, чтобы вы не остановились на полдорогѣ.

Пишите же ваши мемуары съ должною сосредоточенностью и не въ уединеніи монастыря: монастырь — послѣдняя крѣпость нашихъ враговъ, а въ убѣжищѣ, то грустномъ и молчаливомъ, то увеселенномъ и говорливомъ, гдѣ съ вами будутъ жить ваши милыя дѣти, гдѣ иногда васъ будутъ посѣщать ваши друзья...

Въ окрестностяхъ Жeneвы вамъ удалось бы, вѣроятно, найти—по выраженію поэта, «тихое убѣжище опечаленныхъ дней»!

Весь вашъ

Э. Т. дю-М.

612. Письмо къ М. К. Рейхель.

(14 ноября 1852).

Вотъ вамъ, другъ Марья Каспаровна, начало «Записокъ», т. е. введене¹⁾. Я переписалъ его для васъ, чтобъ что-нибудь послать вамъ къ страшному 16 ноября и чтобъ развлечь васъ отъ своего горя²⁾. Напишите, нравится ли вамъ. Покажите друзьямъ нашимъ. Да, я буду писать и о первой части жизни, но коротко. Если-бъ было возможно достать отъ Тат. Ал.³⁾ бумаги и письма, оставленные у нея, это была бы большая помощь и большое утѣшеніе. Скучно и здѣсь, но все же лучше, нежели было: одиночество мнѣ на пользу.—Прощайте. На-дняхъ вы увидите Эдмонда.

15 ноября, понедѣльникъ.
4 часа дня.

Вотъ и ваше письмо еще. Прочелъ его и не могу удержать слезъ: я сталъ очень слабъ.

Прощайте.

Тату и Олю цѣлую.¹

◆◆ 1. Вскорѣ послѣ этого Герценъ получилъ слѣдующее письмо К. Фогта отъ 15 ноября изъ Женевы:

«Mon cher ami, J'ai recu aujourd'hui une lettre de Berlin. Je vous transcrit littéralement tout ce qui vous touche.

«All'die Mühe, die Sie sich für Horace gegeben, ist umsonst, da Herw. mir gradezu verboten, Rathschläge zu ertheilen, da es seine Sache sei für die Erziehung seiner Kinder zu sorgen. Es ist des Scandals genug, sonst würde ich Ihnen einige Stellen aus seinen Briefen an mich citieren; aber das liesse sich schon verschmerzen, wenn nicht arme Horace an diesen Phrasen zu Grunde ginge, *Emma ist vielleicht jetzt schon in Zürich*, so war es weder für sie noch für uns länger zu ertragen; aber es ist auch nichts gewohnen, als ein Paar Wochen kuhe—*denn die Schweden sind nicht getilgt* nur verlegt—und die alten Kämpfe

¹⁾ См. № 610.

²⁾ Болѣзнь Саши Рейхеля.

³⁾ Астракова. Вслѣдствіе разлада съ Коршами, бумаги, хранившіяся у М. Ѳ. Коршъ, были переданы Т. А. Астраковой.

beginnen auf einem neuen Boden. So wenig dies ist, so ist's schon Gewinn für mich denn ich bin so feige geworden, dass ich aufathme in dem Gedanken, Ruhe zu haben vor diesen Briefen—wäre sie auch noch so kurz».

Dans ce moment six tambours font devant mes fenêtres un bruit de tous les diables. Ils sont suivis de 4 individus en manteaux rouges qui proclament le résultat des élections.

Vous voyez donc que tout va bien. Nice est abandonnée et on est réuni—faute de moyens. Il s'agit de mettre les tenailles de nouveau à Zurich—immédiatement—et par un autre agent que celui dont Pisset s'était servi d'abord, parce qu'on le dit dans les intérêts de H. (c'était Erhard). J'ai écrit de mon côté à Berlin qu'on doit faire sourde oreille. Faites donc avancer aussi votre artillerie de Nice à Zurich—dès que vous aurez appris que Mme est partie de là. Moi, je n'ai aucune nouvelle de son arrivée à Zurich — on m'avait pourtant promis de m'informer de chaque changement de position. Si nous avons réussi d'abord à lui lancer son paquet sur le dos -- c'est déjà beaucoup. Il ne passe certes pas ces jours dans un enchantement continuel s'il a Mme à ses côtés.

Edmond me dit que vous demandez à grands cris des exemplaires de vos livres pour faire une réimpression. Je ne sais pas trop à quoi elle serait bonne—la lettre à Michelet avait beaucoup d'intérêt dans le moment—mais à présent je ne crois pas qu'on s'inquiétera beaucoup du peuple russe en Angleterre. Mais il est impossible d'en envoyer d'ici; la poste ne pouvant envoyer — par contrat — que par la France, laquelle ne laisse pas passer. Demandez cela à Paris qu'on vous l'envoie comme lettre et non pas sous bande. Cela coûterait bien moins cher que depuis ici ou on ne pourrait l'envoyer non plus autrement que comme lettre et pas *franco* sous bande—car il y a des douanes en France et en Allemagne. Cette sacrée brochure du reste m'a déjà valu bien des désagréments et je ne sais si je dois m'en prendre à vous pour dommage-intérêts — car on m'a fouillé à cause d'elle ma caisse de livres venant de Nice, déchiré des volumes, abîmé des planches. — J'étais pendant deux jours occupé comme repasseuse à travailler mes livres d'hist. natur. avec le fer chaud pour les remettre dans un état tant soit peu présentable

Adieu, mon cher. On s'est informé depuis Lucerne, si M-r Stankewicz n'était pas encore arrivé a Genève.

Votre

C. V.

Переводъ.

Женева. Понедѣльникъ, 15 ноября 1852.

Дорогой другъ,

...Сегодня я получилъ письмо изъ Берлина. Буквально переписываю все, что касается васъ:

«Всѣ труды, которые вы потратили на Гораса ¹⁾, напрасны, такъ какъ Гервегъ какъ разъ мнѣ запретилъ давать совѣты, ибо заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей—его дѣло. Уже довольно скандаловъ, иначе я бы вамъ процитировалъ нѣкоторыя мѣста изъ его письма ко мнѣ; ихъ, пожалуй, можно было бы перенести, если бы бѣднѣйшій Горасъ не погибъ изъ-за этихъ фразъ. Эмма теперь, должно быть, въ Цюрихѣ, такое положеніе вещей невозможно было долѣе переносить ни ей, ни намъ; но ничего, кромѣ двухъ недѣль отдыха, не выиграно, такъ какъ долги не погашены, а только отложены,—и старая борьба начинается на новой почвѣ. Какимъ бы малымъ это ни являлось, но для меня это уже выгода, такъ какъ я сталъ такимъ малодушнымъ, что при мысли объ отдыхѣ отъ этихъ писемъ, хотя бы и столь кратковременномъ, мнѣ становится легче на душѣ».

Въ эту минуту передъ моими окнами чертовски гремятъ шесть барабанщиковъ, за которыми шествуютъ четыре субъекта въ красныхъ плащахъ, провозглашающіе народу результаты выборовъ.

Ну, вы видите, что все идетъ на ладъ. Ниццу покинули и снова съѣхались ²⁾ изъ-за недостатка средствъ. Теперь неотлагательно надо снова слѣдить за Цюрихомъ, и притомъ съ помощью какого-нибудь другого агента, а не того, которымъ пользовался сначала Прессэ, такъ какъ объ этомъ агентѣ (это былъ Эргардтъ) ходятъ слухи, что онъ дѣйствуетъ въ интересахъ Г. Я, съ своей стороны, писалъ въ Берлинъ, совѣтуя быть «тугимъ на ухо». Вы же выдвиньте вашу ниццскую артиллерию въ Цюрихъ, какъ только узнаете, что г-жа Г. уѣхала оттуда. Я не имѣю еще извѣстій о прибытіи ея въ Цюрихъ, хотя меня обѣщали извѣщать о каждомъ ея переѣздѣ. Но много значитъ ужъ и то, что намъ удалось отдѣлать его хорошенько. Теперь же, имѣя около себя супругу, онъ, конечно, не проводитъ время въ непрерывномъ очарованіи.

Эдмондъ сообщилъ мнѣ, что вы требуете, да еще благимъ матомъ, экземпляры вашихъ брошюръ съ цѣлью ихъ переиздать. Не вижу особенной пользы въ новомъ изданіи. «Письмо къ Мишле» было очень интересно, но не думаю, чтобы въ настоящую минуту

¹⁾ Сынъ Гервеговъ.

²⁾ Супруги Гервегъ.

Англія особенно заинтересовалась русскимъ народомъ. Но дѣло еще и въ томъ, что, по международному договору, книги отправляются въ Англію по почтѣ не иначе, какъ черезъ Францію, а тамъ ихъ задержатъ. Просите въ Парижѣ, чтобы вамъ послали оттуда въ видѣ письма, а не подъ бандеролью. Это будетъ стоить гораздо дешевле, потому что отсюда нельзя иначе послать, какъ въ закрытомъ письмѣ ¹⁾, а не франко подъ бандеролью, ибо во Франціи и Германіи существуютъ таможни. Между прочимъ, изъ-за этой проклятой брошюры было уже не мало хлопотъ, и я не знаю, съ васъ, что ли, требовать возмѣщеніе убытковъ. Изъ-за нея перерыли цѣлый сундукъ съ книгами, отправленный мнѣ изъ Ниццы, разорвали нѣсколько томовъ, испортили листы съ рисунками. Я эти два дня былъ за прачку: горячимъ утюгомъ разглаживалъ свои книги и рисунки по естественной исторіи, чтобы вернуть имъ мало-мальскій приличный видъ...

Прощайте, дорогой. Уже изъ Люцерна начали наводить справки, не пріѣхалъ ли г. Станкевичъ въ Женеву.

Вашъ

К. Ф.

613. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(Ноябрь 1852).

Твое письмо очень мило, Тата, я имъ доволенъ и буду писать къ тебѣ особо.

Прощай дружокъ.

Цѣлуй Олю.

Птичку я тебѣ подарю уже здѣсь, и садъ возлѣ вашего дома есть для тебя и Оли.

614. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(Декабрь 1852).

Я очень радъ, что ты пишешь по-французски, моя душечка Тата, но главное—говори всегда по-русски. Ты—русская дѣвочка и должна Олю учить по-русски. А Саша начинаетъ говорить по-англійски. Прощай, дружокъ. Кланяйся Еленѣ Константиновнѣ ²⁾.

Гаугъ кланяется тебѣ и Машѣ ³⁾.

¹⁾ Тогда почтовый тарифъ зависѣлъ отъ разстояній.

²⁾ Станкевичъ.

³⁾ М. К. Рейхель.

615. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(Декабрь 1852).

Татѣ на этотъ разъ только поклонъ и много разъ цѣлую, также Олю.

Помнить ли она Фояля ¹⁾? Саша самъ будетъ писать.

616. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(Декабрь 1852).

Ну, а ты какъ поживаешь, милая Тата? У насъ все стужа и скверная погода. Смотри, не простудись и ты, и за Оленькой смотри.

617. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(Декабрь 1852).

Таточка моя, какъ я давно тебя не видалъ! Ты бы теперь подошла ко мнѣ и рассказала бы что-нибудь, Фогтову сказочку, а вотъ вдали-то и нѣтъ, не увидишь тебя.

Что Оленька, не выросла ли и такъ же ли мила?

Кланяйся Александрѣ Хр., а Э. ²⁾ скажи, что я бы теперь далъ дорого, дорого, чтобы онъ былъ со мною.

618. Письмо къ Н. И. и Т. А. Астраковымъ.

31 декабря 1852.

Горячо, сердечно благодарю за твои и за твои строчки. Я ихъ прочелъ, обливаясь слезами. Я живъ, сильныя мышцы вынесли, живу для дѣтей, но и еще для памяти былого, для того, что я одинъ могу о немъ свидѣтельствовать. Вы не знаете, ни что я несу, ни сколько вынесъ, но гордо скажу: «je maintiendrai» ³⁾. Еслибъ я не

¹⁾ Собака.²⁾ В. А. Энгельсонъ.³⁾ Я вынесу.

былъ нуженъ для дѣтей, прекрасныхъ нравственно и физически, удивительныхъ,—не то было бы. Я исполнилъ завѣщаніе,—чего мнѣ стоило, когда-нибудь узнаете. Ты спрашивала какъ-то въ письмѣ къ М. ¹⁾: «какъ такъ скоро разрушился ея организмъ?». Да развѣ противъ яда и отравы есть силы? На моихъ рукахъ было уничтожено это великое существованіе; она была недосыгаемо велика; послѣдній годъ ея жизни поднялъ ее надъ нами высоко. За одну ошибку годъ пытокъ, клеветы, злодѣйствъ, такихъ, о возможности которыхъ вы не слышали въ нашемъ тихомъ мірѣ. Съ января я не имѣлъ надеждъ, страшный случай въ ноябрѣ dokonчилъ... Можетъ, можно было бы спасти, но когда я стоялъ возлѣ, чтобы не пахнуло вѣтромъ,—ломали стѣны, чтобъ сдѣлать сквозной вѣтеръ; когда я давалъ лѣкарства,—давали психическій мышьякъ. Я разлагался,—она видѣла, жалѣла, мучилась и требовала жертвы для нея и для дѣтей,—жертвы *терпѣнія*.

Теперь мнѣ все равно, какъ меня судятъ, я презираю всѣхъ, живу для дѣтей, живу въ надеждѣ увидѣть сестру или брата ²⁾, или обоихъ.¹ Я очень нуженъ для Саши и для маленькихъ. Какъ скоро доживу до того, что они немного станутъ на свои ноги, тогда и я выйду на волю и передъ отдыхомъ въ могилѣ, отдохну, заплативши долги.

Я не имѣлъ минуты спокойной, не возмущаемой грусти, знаете, той грусти, которая разрушаетъ, но очищаетъ грудь. Тревога и злоба... Да отчего же не ѣдетъ сестра съ самимъ маленькимъ? что тутъ за деньги?! это не трудно устроить,—пусть напишутъ. М. К. ³⁾ переѣзжать не приходится,—скорѣе къ ней можно ѣхать. Во всякомъ случаѣ дѣти будутъ вмѣстѣ, я бы ихъ и не покинулъ, если бы не круженіе головы да не добрые люди... Прощайте. Цѣлую васъ горячо, дружески. Кабы вы знали, какъ гадки, подлы, мерзки здѣшніе людишки и какъ никуда не годны, не способны тѣ, которые лучше, то, право, взглянули бы съ благодарностью на Воробьевы горы.—Я пришлю вамъ что-нибудь на память, но я такъ скупъ на эти мощи, что самъ выберу.

Какъ страшна жизнь! горе тѣмъ, кто не довольствуется днями и здоровьемъ. Много, много нужно, просто нужно бы рассказать для того, чтобъ родныя сердца отозвались вездѣ такъ, какъ ваши строки.

Если N ⁴⁾ уѣхала, пошли ей эти строки.

¹⁾ М. К. Рейхель.

²⁾ Н. А. Тучкову или Н. П. Огарева.

³⁾ Рейхель.

⁴⁾ Н. А. Тучкова, была въ Москвѣ.

Сегодня послѣдній день страшнаго года для меня, остальные будутъ получше. Отдохнуть бы съ вами... Господи, какъ бы хотѣлось!

Это правда, что Саша больше занимался языками: дѣло очень важное—знать 5 языковъ. Теперь сильно обращается къ математикѣ.

◆◆ 1. 14 янв. 1853 года Н. П. Огаревъ писалъ Н. М. Сатину:

«Имѣлъ я голосъ издалека, голосъ измученный, кричащій отъ боли и призывающій. Думать нечего, мѣшкать нечего. *Сожгу мосты за собою*, а тамъ что бы ни случилось *я на все готовъ* и не пожалѣю ни силъ, ни жизни». Однако поѣздка не состоялась.

1853

619. Письмо къ М. К. Рейхель.

1/13 (января). Новый (1853) годъ.

Странно встрѣтили: на бортѣ корабля, въ докахъ,—Виллихъ отправился въ Нью-Йоркъ. Это лучший и чистѣйшій изъ нѣмцевъ, включая даже Зонненберга въ это число. Потомъ получилъ разрѣшеніе. Какъ я гадокъ невѣроятно, какой-то туманъ палъ мнѣ на сердце отъ грубаго тона письма къ барону ¹⁾... Но черта пройдена,—я хочу васъ видѣть, хочу дѣтей видѣть... и пріѣду.

Эдмонда цѣлую за горячность, благодарю, хотя и думаю, что онъ съ «походцемъ» хлопоталъ.

Ѣхать можно мнѣ къ 25,—я напишу. Но скажите:

1-е, можно ли остановиться въ отелѣ Edmond d'Antin? Я прямо съ Ботсвиномъ ²⁾ туда.

2-е, со мной кухарка съ сыномъ,—такъ и ей тамъ надобно логовище.

Прощайте.

Завтра пишу къ барону.

Гаугъ ѣдетъ окончательно черезъ мѣсяць въ Австралію.

5 часовъ вечера.

620. Письмо къ М. К. Рейхель.

4 января (1853). Вторникъ.

Я жду съ совершеннымъ спокойствіемъ всего, что вы тамъ надо мной стряпаете ³⁾. Отказъ не будетъ бѣдой,—мой пріѣздъ во

¹⁾ Джемсъ Ротшильдъ.

²⁾ Bothswin—большая собака, принадлежавшая Герцену.

³⁾ А. Рейхель черезъ Хоецкаго и Ротшильда хлопоталъ о разрѣшеніи Герцену пріѣхать въ Парижъ на короткое время. ¹

всякомъ случаѣ будетъ временный: все, что я слышу о «прекрасныхъ вашихъ странахъ», таково, что, кромѣ васъ и дѣтей, я въ нихъ ничего видѣть не хочу, зато васъ и дѣтей хочу видѣть очень.

Здѣсь можно устроить удивительную жизнь. Я повторяю съ полнымъ убѣжденіемъ, что во всей Европѣ—одинъ городъ, и этотъ городъ—Лондонъ. И оттого Ст. ¹⁾, когда поѣдетъ въ Россію, будетъ рассказывать вздоръ, оттого что онъ видѣлъ больницу, моргъ, можетъ, *maternité* ²⁾, но не видалъ гостиной, залы и дѣловой камеры,—это Лондонъ. Онъ имѣетъ всѣ недостатки свободнаго государства въ политическомъ смыслѣ, зато имѣетъ свободу и религію уваженія къ лицу. Гдѣ лучше воспитывать дѣтей, какъ здѣсь, я не знаю, особенно Сашу. Я его теперешнимъ ученіемъ доволенъ безмѣрно. Вѣдь, это все толковали люди, совершенно незнавшіе Лондона; это—городъ своеобычный, надобно привыкнуть къ нему.

Ахъ, еслибъ вы со временемъ могли съ Рейхелемъ переѣхать сюда! Это—граница моихъ желаній.

Если ауторизація ³⁾ придетъ, то не къ 12-му, а къ 25 буду у вашихъ ногъ. За квартиру и за все заплачено до 1-го февраля. Да что вы это все больны? Это скверно. Я приду и скажу вамъ: «возьми одръ свой и... иди плясать польку».

Какой вашъ проектъ объ дѣтяхъ? Пожалуйста, сообщите. По-англійски онѣ должны непременно говорить,—безъ англійскаго теперь жить нельзя. А вы, впрочемъ, примѣрно дерзки: вы воображаете, что я не умѣлъ понять даже письма Таты, — да я всякій день газеты читаю, но говорить не умѣю. Прощайте.

Прилагаю отвѣтъ къ Тат. Ал. Деньги, деньги... не знаю, какъ *suffiga* ⁴⁾, а, впрочемъ, тутъ выбора нѣтъ. Попросите Рейхеля съѣздить опять-таки къ Шомб. и велите послать, какъ посылали прежде, 1.000 фр. на имя Тат. Ал.—Прилагаю цидулку для денегъ.

А *propos*, я очень прошу Мельгун. заняться тѣмъ дѣломъ съ Сат. и Пав. ⁵⁾,—*cela frise tanto roco* ⁶⁾... Ну, да что за дѣло, что *frise*,—я кончу тѣмъ, что, наконецъ, буду писать Павлову официально, тогда онъ такъ перепугается, что не только проценты, но и Каролину Павловну ⁷⁾ отдастъ. Замѣтите Мельгун., что я больше пяти не хочу; наконецъ, я бы сдѣлалъ еще уступку, еслибъ они мнѣ

¹⁾ А. В. Станкевичъ.

²⁾ Приютъ для рожениць.

³⁾ *Autorisation*—разрѣшеніе, дозволеніе.

⁴⁾ Будетъ хватать.

⁵⁾ Н. М. Сатинъ и Н. Ф. Павловъ.

⁶⁾ Это нѣсколько «смахиваетъ» на...

⁷⁾ Каролина Карловна, жена Павлова.

рѣшились заплатитъ капиталъ. Деньги Кет. ¹⁾ я требую, чтобъ были выданы.

Татѣ въ слѣдующемъ письмѣ больше. Очень благодарю за англійское письмо.

Получилъ отъ Тесье письмо; я его благодарю, а не писалъ, потому что боюсь компромет., да и теперъ погожу.

Ну, а вы, Энгельсонъ, визитами считаться!.. Не стыдно ли, что старикъ не отвѣчалъ, такъ и не писать? Пишите, пишите съ цитатами изъ Гегеля, съ belegstel'ями ²⁾ изъ Фейербаха, только пишите.

Можетъ, 25 увидимся. У меня два дня страшно болѣла голова, и потому я что-то глупъ.

Святителю, Отче Эдмондъ, моли Р—ду ³⁾ о насъ!

Святителю, Отче Эдмондъ, моли Шомбургу о насъ!

Ахъ, вы, мой милѣйшій заступникъ ⁴⁾, вотъ вамъ faire du bien à un homme vilain ⁵⁾.¹⁾

Пр. поклонъ.

◆◆ 1. М. К. Рейхель говоритъ: Хоецкій «очень хлопоталъ о пріѣздѣ Герцена ради политическихъ цѣлей и бралъ предлогомъ мою болѣзнь, увеличивая ея значеніе, чтобы уговорить Герцена пріѣхать» (стр. 82), но это невѣрно. Наоборотъ, Герценъ очень понукалъ его съ хлопотами и съ нетерпѣніемъ ждалъ разрѣшенія. Политическихъ цѣлей поѣздка совсѣмъ не имѣла. Разрѣшеніе было получено, но Герценъ имъ не воспользовался (См. «Былое и думы», «La belle Egrance», I).

621. Письмо къ А. и М. К. Рейхель.

10 (января 1853), lundi, 2 heures.

Cher Reichel, je vous embrasse pour votre lettre. Pauvre Marie, mais pourquoi donc vous ne récrivez pas ce qu'elle a. Malade—mais les maladies ont un nom. Donnez-moi des nouvelles, vous savez,

¹⁾ Н. Я. Кетчеръ.

²⁾ Доказательства съ приложеніемъ документа.

³⁾ Ротшильдъ.

⁴⁾ А. Рейхель.

⁵⁾ Сдѣлать добро недостойному человѣку.

cher Reichel, que j'aime votre femme comme un frère peut aimer une soeur. Elle reste, elle seule le représentant vivant, le témoin oculaire de ma vie écrasée par la fatalité. Eh oui, je suis inquiet et je suis peureux pour le petit reste d'êtres que j'aime. Pour aujourd'hui, je n'ai absolument rien à dire de nous. Soignez les enfants, cher ami, vous aussi. La phantasmagorie Edmond-Rotsch. et C-ie continue. Maintenant je désire venir pour me mettre un peu garde-malade—malheureusement je connais à fond ce métier. Si enfin quelque chose de positif sera fini pour mon retour je pensais venir le 25, mais je peux venir aussi avant.

Je vous serre le quattour de vos doigts ¹⁾.

Что же вы это, моя бѣдная больная? Какъ мнѣ васъ жаль; поправьтесь же немножко. Кто васъ лѣчитъ? Что вамъ даютъ? Велите Рейхелю все написать мнѣ,—не все же ноты писать, иногда и ноту можно.

Эдмондъ вертитъ меня, какъ морской шквалъ. Сегодня опять пишетъ: «укладывайте чемоданы».

Саша сошелъ съ ума отъ геройскаго боя своей собаки, но это прилично, по возрасту, рассказать Татѣ. Прощайте...

Тата!

Вчера было важное событіе, сообщи его Марусѣ и Морицу. Ботсвинъ середь Реджентс-парка дрался съ такой же большой собакой; стоя на заднихъ лапахъ, онѣ обдирали себѣ уши. Толпа народу собралась, пришли полисмены и . . . что ты думаешь? Начали хохотать. Саша былъ въ восторгѣ, и вдругъ подошелъ къ нему англичанинъ и спросилъ его: «Вашъ этотъ powerfula dog ²⁾? Саша сказалъ: «да». «Вы должны гордиться имъ», замѣтилъ англичанинъ. Объясни это Ольгѣ.

¹⁾ «Дорогой Рейхель, цѣлую васъ за письма. Бѣдная Мари,—но отчего же не пишете, что съ нею. Она больна, но у каждой болѣзни есть свое названіе. Не оставляйте меня безъ извѣстій,—вы же знаете, дорогой Рейхель, что я люблю вашу жену, какъ братъ можетъ любить сестру. И она одна остается живымъ представителемъ, свидѣтелемъ-очевидцемъ моей жизни, раздавленной судьбою. Да, я беспокоюсь, я опасаюсь за небольшой остаточекъ людей, которыхъ люблю. Позаботьтесь о дѣтяхъ, дорогой другъ, и вы сами. Фантасмагорія Эдмондъ-Ротш. и К^о все продолжается. Теперь я хочу пріѣхать, чтобы немножко побыть сидѣлкой: къ несчастью, я это ремесло знаю вполнѣ. Если, наконецъ, выяснится что-нибудь положительное для меня, я могу пріѣхать 25, но могу и раньше.

Жму квартетъ вашихъ пальцевъ».

²⁾ Могучій песъ.

622. Письмо къ А. и М. К. Рейхель.

17 Janvier 1853
London.

Je vous annonce ma haute satisfaction et ma bien veillance complète—(style Nicolas) pour votre lettre. Vous êtes l'homme le plus raisonnable de l'avenue Marbeuf et voisinage, cher Reichel, freilich wird der Wind mir Schnupfen bringen, das ist ja evident,—so das ich jetzt noch überlege wenn es am besten ist die Reise zu machen. Vielleicht werde ich etwas später kommen. Alles das ist nicht so leicht wie man glaubt.

Man muss die Frage so stellen, gehe ich nach der Schweiz oder zurück nach London. Gehe ich mit den Kindern, oder wieder ohne Kinder. Soll ich mit auf Bothswin und die Köchin kommen—oder allein. Alex. abzureissen von seinen Beschäftigungen die jetzt so ziemlich gehen ist unmoralisch für eine lange Zeit.

Schreiben sie mir die Meinung ihrer Frau, sie soll mein Senat sein, es heisst sie wird entscheiden und ich doch das machen was ich will—spass bei seite sagen sie mir Ihre Meinung, ich habe schon an Engels. geschrieben.

Verstehen sie, wenn es möglich wäre (da ich auch eine Zeit) krank sein kann hier su bleiben einige Zeit noch, so wäre dass das Beste, aber d. Recht nach P. zu gehen beibehalten.

Marie wird ihnen sagen in allen Briefen habe ich geschrieben—belieben sie die Sache delikat zu betreiben. Die Geschicklichkeit muss mit einer Höflichkeit verbunden sein um keinen Einfluss auf die Furcht zu haben.

Est ce que vous êtes content de cette phrase—Edm. hat den Rot. genothzünftig der arme Reiche wusste nicht wohin er sollte, die Bank stockte, die Börse bebte denn anstatt etwas zu machen musste er immer mit Ed. sprechen. Schambourg ist Schaumthal geworden und die See ohne Schaum.

Freilich bei solchhen 7 Judaischen plagen, war es besser den Brief zu schreiben und im Namen des 5°/_o, 3°/_o, 2°/_o und Abraham alles zu beschwören.—Nun da ist dje Erlaubniss und wir stehen wie der Ochs am Berg. ¹⁾

¹⁾ Изъявляю вамъ мое высокое удовлетвореніе и полное благоволеніе (стиль Николая) за ваше письмо. Вы, дорогой Рейхель,—самый разсудительный челоуѣкъ l'Avenue Marbeuf и ея окрестностей,—вѣтеръ подарить меня

Когда вы выздоровѣете? Дурно. Вставайте. Да вотъ я васъ сдѣлалъ сенатомъ, Львомъ Алексѣевичемъ¹⁾—давайте, пожалуйста, совѣтъ, я, ей Богу, не знаю, что мнѣ дѣлать. Посовѣтуйте насчетъ дѣтей. Мнѣ непременно хочется быть съ ними, но у васъ жить невозможно. Довольно вамъ сказать: вы тамъ не знаете, что у васъ дѣлается, а здѣсь все знаютъ; признаюсь, Цынскій²⁾ и Леонтиій Вас.³⁾ превзойдены. Но, полагаю, недѣльки на двѣ прибѣжать можно, да и то выбравъ погоду.

Здѣсь зато масляница, и всякимъ днемъ больше дождя и воли,—не даромъ англійскую работу хвалятъ. Кабы только посуше было бы. Кабы васъ сюда,—кажется, долго бы можно прожить. Вы говорили о какомъ-то предложеніи, гдѣ оно? Продиктуйте Рейхелю, онъ на музыку положить.

насморкомъ, это очевидно, такъ что я еще не разсудилъ, когда лучше всего предпринять путешествіе. Быть можетъ, я приѣду нѣсколько позже. Все это не такъ легко, какъ можно думать.

Вопросъ нужно поставить такимъ образомъ: поѣду ли въ Швейцарію или обратно въ Лондонъ, поѣду ли съ дѣтьми или снова безъ дѣтей, долженъ ли я съ собою захватить Боствина и кухарку или одинъ приѣхать. Отвлечъ Александра на долгое время отъ его занятій, которыя идутъ теперь хорошо,—просто безнравственно.

Сообщите мнѣ мнѣніе вашей жены,—пусть она будетъ для меня сенатомъ, т. е. она будетъ рѣшать, а поступать я буду по-своему, какъ хочу. Шутки въ сторону,—скажите мнѣ ваше мнѣніе; Энгельсону я уже написалъ.

Понимаете ли, если бы можно было (такъ какъ и я могу болѣть) мнѣ остаться здѣсь еще нѣкоторое время, то это было бы самое лучшее — при сохраненіи права съѣздить въ Парижъ.

Мари вамъ скажетъ,—я во всѣхъ письмахъ писалъ,—дѣло нужно повести деликатно. Проворство должно быть соединено съ вѣжливостью, чтобы не давать лишняго повода къ усиленію боязни.

Довольны вы этою фразою?

Эдм. совершенно затормошилъ Ротшильда. Бѣдный богачъ не зналъ куда ему дѣться: банковыя операціи затормозились, дрогнула биржа, потому что вмѣсто того, чтобы дѣлать свое дѣло, Ротшильдъ принужденъ былъ выдерживать нескончаемые разговоры Эдм., — а Шомбургъ обратился въ Шаумталь и море безъ пѣны⁴⁾.

Конечно, при такихъ 7 казняхъ іудейскихъ лучше было написать письмо и поклясться именемъ 5%, 3%, 2% и Авраама. Теперь тамъ получено разрѣшеніе, и мы стоимъ, точно быки, уставившіеся въ гору.

¹⁾ Яковлевъ, «сенаторъ».

²⁾ Московскій оберъ-полицмейстеръ.

³⁾ Дубельтъ.

⁴⁾ Рядъ каламбуровъ отъ замѣны слога «шомъ» черезъ «шаумъ», что означаетъ «пѣна», и окончанія ея «бургъ» (городъ) черезъ «таль» (долина).

Что же Ст. ¹⁾ такъ и уѣдутъ, не видавъ Лондона? А Мел. старъ, вѣдь, ужъ въ Парижѣ баловаться безъ жены, да съ Убремъ ²⁾ толковать объ религи, а съ Брус. ³⁾ объ испанкахъ. Не хорошо. Вѣхалъ бы, право, сюда, а потомъ я его и привезъ бы.

Пожалуйста же, ваше мнѣніе, правительствующая Марія Касп.

Прощайте. Велите немножко написать Татѣ подъ начальствомъ Рейхеля.

Скажите, что дѣлаетъ Тесье въ Парижѣ?

623. Письмо къ М. К. Рейхель.

Воскресенье, 23 января (1853).

Мнѣ давно ни одно письмо не дѣлало такой радости, какъ вашъ пакетъ, т. е. надпись вашей рукой. Кажется, буквы — все буквы, анъ, нѣтъ, вотъ они старые знакомые, отъ которыхъ я привыкъ читать во всѣхъ невзгодахъ, и ваша приписка какъ-то такъ же тронула меня. Сколько добраго и прекраснаго въ вашемъ приглашеніи пріѣхать повидаться, — только повидаться, только повидаться. Да, разумѣется, я вовсе не поѣхалъ бы, еслибъ не повидаться. *Entre nous soit dit* ⁴⁾, мнѣ кажется, что Х. ⁵⁾ надѣлалъ бездну вздора съ Рот., и, признаюсь вамъ, мнѣ эта ауторизація сильно лежитъ на душѣ. Еслибъ я могъ вамъ все рассказать, можетъ, вы сами увидѣли бы, что лучше не торопиться. Какія странныя времена: никогда въ жизни я не былъ далѣе отъ всѣхъ политическихъ дрязгъ, — надоѣло, скучно, глупо, пошло все. Но изъ этого не слѣдуетъ, что я хочу Магдалину изъ себя корчить, — а если не корчить, такъ тебя будетъ корчить.

Понедѣльникъ.

Добрые люди пишутъ, что вамъ получше. Правда ли? Берегитесь держать себя въ хлопотахъ.

Есть причины и мелочи, останавливающія меня; я вамъ лично ихъ расскажу, пока *върѣте мнѣ*. — Я пріѣду только повидаться, а потому хочу избрать наилучшее время.

А вы пока, сага тіа, подумайте, какъ намъ дѣтей бы въ Лондонъ пристроить.

¹⁾ Станкевичи.

²⁾ Убри.

³⁾ Брусиковъ.

⁴⁾ Между нами будь сказано.

⁵⁾ Хоецкій.

Если же бы вамъ вдругъ больше обыкновеннаго захотѣлось насъ видѣть, стоитъ приказъ написать,—и я въ 48 часовъ буду у васъ.

Прощайте. Я веселъ тѣмъ, что вамъ лучше и что сами адресъ написали.

Вещи изъ Ниццы пришли.

А ты ужъ и въ нѣмки пошла, Наташка! Смотри, вотъ мы скоро приѣдемъ и будемъ все по-англійски говорить. Гудъ бай, Гудъ бай ¹⁾). И Оленьку поцѣлуй.

624. Письмо къ М. К. Рейхель.

28 (января 1853). Пятница.

Что же вы опять что-то замолкли, моя больная? Я писалъ вамъ въ понедѣльникъ, и вы обѣщали отъ Рейхеля сенатскую консультацию. А я себѣ все сижу у моря, у рукава—у Ламанша и, точно почтмейстеръ Шпекинъ:

Отпечатывай!

Не отпечатывай!

Отпечатывай!

Не отпечатывай!...

Отъ васъ оттуда, точно изъ подвала, несетъ эдакимъ иркутскимъ воздухомъ ²⁾). У меня шкура нѣжна,—что прикажете дѣлать. Вотъ Ed. ³⁾ и Т. ⁴⁾ приспособились, ну, и святой заступницѣ благодареніе, а нашъ братъ, русскій мужикъ, неукладистъ и никакихъ галантерейныхъ обращеній нѣтъ. Съ англичаниномъ дѣло совсѣмъ иное. Вольный хлѣбопашецъ и конторщику въ обиду не дастъ,—человѣкъ торговый, знаетъ всѣ примѣры. И лайся, сколько хочешь,—не сердится; у меня, говоритъ, свой бульдогъ есть, а, впрочемъ, говоритъ, мы гостямъ рады, и мели себѣ, кривая,—грошъ на полкѣ!

Ну, оно не вездѣ такъ. Слышно, и до женскаго пола добираются. Онъ, т. е. баринъ, высѣчетъ; ну, на старыя кости не хорошо. Сожителю, матушка, дѣточкамъ и мадамѣ мадамъ, мамзели тоже всякаго благополучія желаемъ и вамъ облегченія.

Тату цѣлую.

¹⁾ Good bye—прощайте.

²⁾ Наполеонъ III все усиливалъ реакцію

³⁾ Э. Хоецкій.

⁴⁾ Тесье.

625. Письмо къ М. К. Рейхель.

31 января (1853). Понедѣльникъ.
London.

Очень благодарю за два письма и за приложенице. Письма отъ Т. Ал. ¹⁾ — единственная связь, оставшаяся у меня съ Россіей. Трусость ее не одолѣваетъ. Если вы будете писать ей, то сообщите, что деньги посланы къ Цейнеру или Колли ²⁾ и стоитъ туда сходить, чтобъ ихъ получить.

Станк. не пускайте ни подъ какимъ видомъ до моего приѣзда. Я приѣду черезъ недѣлю, это — дѣло рѣшенное; умно ли это или нѣтъ, не знаю, но приѣду. И какъ же это въ февралѣ пускаться въ путь больными? Задержите ихъ.

Что за исторія была съ Коршемъ ³⁾ и какъ онъ сломалъ себѣ ребро? Мысль ваша о Маріи Федоровнѣ хороша, и мнѣ она приходила въ голову десять разъ, но врядъ удобоисполнима ли она: вы забываете ея здоровье, — тутъ надобно челоуѣка физически крѣпкаго ⁴⁾.

На сей разъ только. Прощайте.

Цѣлую дѣтей и жму руку Рейхелю. Остановлюсь сначала въ Villa d'Évêque.

626. Письмо къ М. К. Рейхель.

3 февраля 1853.
London.

Ну вотъ, кажется, опять я начинаю колебаться въ днѣ отъѣзда. Энгел. пишетъ, что вамъ гораздо лучше. Нѣтъ, мы здѣсь не въ увеличительное стекло смотрѣли, а въ неокрашенное. Къ тому же на сердцѣ смертельно нехорошо, и наши вѣсти изъ Россіи во всякомъ письмѣ: все распадается...

¹⁾ Татьяна Алексѣевна Астракова.

²⁾ Банкиры въ Москвѣ.

³⁾ Евгений Федоровичъ.

⁴⁾ Рейхель совѣтовала пригласить М. Θ. Коршъ въ домъ Герцена для наблюденія за воспитаніемъ дѣтей.

Я испугался, написавши вамъ: «задержите Станк.». Ну, какъ я опоздаю недѣлей? (Все вамъ будетъ объяснено при свиданіи, и вы первая скажете, что я правъ, а не сумасшедшій).

Напишите строчку, другую,—что за бѣда. Слышали ли вы о здѣшнемъ туманѣ 1 февраля? До 12 часовъ утра горѣли свѣчи, вечеромъ люди ходили съ факелами, и я въ кэбѣ потерялъ дорогу въ Regent's Park и искалъ *полтора часа* ворота, которыя были въ полуверстѣ. Признаюсь, весело быть на морѣ при такомъ туманѣ.

Завтра пишу Ed. ¹⁾ и Тес. ²⁾; увѣрьте ихъ, что я исключительно не пишу имъ изъ политической вѣжливости.

А ргорос: читали ли вы «Uncle Tom's Cabin»? ³⁾—Бога ради читайте, я упиваюсь имъ; однако, по-англійски не сладилъ, взялъ переводъ.

Тату цѣлую.

627. Письмо къ М. К. Рейхель.

5 февраля (1853). Суббота.

А объ здоровьѣ ни слова. Зачѣмъ же? Итакъ, къ другимъ удобствамъ Парижа присовокупляется холера. Ну, это не по моей части, до чумъ и болѣзней мнѣ дѣла нѣтъ, я — cholera-prof. ⁴⁾. Приѣду я, моя милая М. К., приѣду, но на веселье ли, не знаю. Сердце мое переполнено горечью. Кромѣ васъ, все оставляетъ меня (да кромѣ тѣхъ, которыхъ я хочу оставить), я всѣмъ недоволенъ; пора, пора запереть ворота и остаться одному съ дѣтьми. Точно осенью, листь за листомъ валится, и ненужный остовъ былого повторяетъ: fuimus ⁵⁾. Я и московскими недоволенъ; грубое письмо Кет. ⁶⁾ къ Мельг. напомнило мнѣ всю дрянную сторону нашего круга. Наконецъ, ихъ трусость заставляетъ меня краснѣть передъ поляками здѣсь. Поляки не вѣрятъ, что я не переписываюсь, и добродушно берутся доставлять письма. Имѣтъ такой органъ, какой русскіе теперь имѣютъ черезъ меня, имъ въ двадцать лѣтъ не

¹⁾ Хоецкій.

²⁾ Тесье-дю-Мотэ.

³⁾ «Хижина дяди Тома», романъ Г. Бичеръ-Стоу, вышедшій въ 1852 г. и въ годъ разошедшійся въ 600.000 экз.

⁴⁾ Непроницаемъ для холеры.

⁵⁾ Мы были.

⁶⁾ Н. Х. Кетчеръ.

придется, но для этого надобно что-нибудь дѣлать. Это имѣетъ свои неудобства; напр., главное теперь—пропаганда объ эмансипаціи мужиковъ;—пусть пришлютъ всякіе матеріалы, хоть къ вамъ. Приѣду я съ Сашей, но безъ кухарки. Остановлюсь, по писанію Рейхеля, гдѣ-нибудь.

Но главная задача остается нерѣшенной: оставить ли дѣтей въ Парижѣ или взять? Марихенъ ¹⁾ поѣдетъ ли въ Альбіонъ или нѣтъ? Я бы ее очень хотѣлъ (если вы того же мнѣнія); здѣсь я могу найти помѣщеніе, но мнѣ смертельно не хочется ихъ брать отъ васъ. Я вѣчно въ колебаніи. Это то и—смерть моя или гамлетовскій элементъ, который довелъ меня до того, что я не смѣю прямо людямъ смотрѣть въ глаза. А по старой привычкѣ носить голову вверхъ, какъ свободный человѣкъ, я иной разъ, забывшись, и скажу свободное слово. По счастью, возлѣ кто-нибудь тотчасъ напомнитъ: «да вы-то что? Все только предпринимаете, etc.». Вы мнѣ этого не скажете и преступный Огаревъ ²⁾ тоже, потому что у васъ, сверхъ любви, есть и вѣра въ меня.

Ну да, *ich zögere* ³⁾, я не знаю, что съ дѣтьми. Для нихъ у васъ лучше, но, если я умру вдали отъ нихъ, за что же я потеряю еще одно утѣшеніе? Еслибъ вы могли переѣхать сюда, — ну, это было бы Eldorado! Да и невозможно ждать.

Мнѣ также невозможно оставаться въ Парижѣ: это я вамъ докажу на словахъ.—Или, въ самомъ дѣлѣ, какъ я вамъ писалъ, сдѣлаться барсомъ? Прощайте, жму вамъ крѣпко руку. Здѣсь журналы торжественно возвѣщаютъ, что холеры въ Парижѣ нѣтъ, а въ Россіи есть. Надѣюсь увидѣться съ Ст. ⁴⁾. Впрочемъ, передайте мое порученіе.

Гаугъ ждетъ письма. Прощайте.

Напишите еще разочекъ.

628. Письмо къ М. К. Рейхель.

(6 или 7 февраля 1853).

М. К., прилагаю записку къ Мельгунову; онъ мнѣ прислалъ отвѣтъ Кетчера, нелѣпый и глупый. Да, я былъ правъ тогда, когда вамъ писалъ,—у меня чутье хорошо: какъ все дико, грубо.— И о

¹⁾ Марія Фоммъ.

²⁾ Москвичи такъ аттестовали его въ это время.

³⁾ Я мѣшкаю.

⁴⁾ Станкевичи.

комъ говорить? о человѣкѣ, который былъ такъ близокъ ему, какъ Ог. Я вовсе не требовалъ посредника между мной и Ог.,—мы свои люди. Я хотѣлъ узнать, какая роль Павлова тутъ.

Брр... морозъ по кожѣ пробѣжалъ... Нѣтъ, тѣ границы, которыя были, стоятъ.

Прочтите мою записку и отошлите.

629. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(6—7 февраля 1853).

А ты, Тата, ходи за Машей и подавай ей все, что надо, и смотри, чтобъ Оленька не беспокоила, и Маврушка ¹⁾).

Кланяйся Марихенъ; напиши съ ней мнѣ письмо, какъ хочешь: по-нѣмецки или по-французски.

Прощай.

Саша гуляетъ съ Ботсвиномъ.

630. Письмо къ М. К. Рейхель.

8 февраля, 1853, вторникъ.

«Итакъ, дѣло выходитъ», какъ говорила Александра Абрамовна, сестра Василя Абрамовича ²⁾), что Станк. ѣдутъ точно такъ, какъ я. Въ центральной Европѣ холера, ѣхать туда до мая мѣсяца нелѣпо. Я къ вамъ, кажется, повадился писать всякій день,—всякій стыдъ потерялъ. Вы думаете, я не боюсь тоже всѣхъ полекъ и иныхъ? Дѣтямъ у васъ всего лучше, и одна крайность можетъ меня понудить ихъ взять. Крайность эта—слишкомъ долгая разлука, но пока потерпимъ. Да будьте вы ради Бога умны, поймите, что не отъ меня произошли препятствія теперешняго визита къ вамъ. Добрые люди *безъ вѣдома и спроса* компрометируютъ такъ нелѣпо, что тутъ хоть лопни,—сизу спокойно дома, никого не вижу, никого не хочу видѣть,—а они на ектеньѣ поминаютъ. «Ну, подумайте» (это ужъ Олимпіада Максимъ ³⁾), какъ маменька говорила, а не Ал. Абр.), такъ-таки просто въ петлю. Я, видите, и жду того

¹⁾ Морицъ Рейхель.

²⁾ Насакинъ.

³⁾ Олимп. Максимовна—жена А. А. Яковлева, мать «химика».

да другого,—одни въ Америку, другіе на воды... Ну, а ваше-то здорovie? Какъ это непостижимо глупо, что вы больны, и что вамъ за выгода быть больной? Ну, лучше бы M-me Gasparini ¹⁾ или Убри былъ бы боленъ. Вашу благородную и чистую душу вижу и цѣню въ послѣднемъ письмѣ, но, кажется, вы не поняли, что я писалъ въ моемъ прошломъ письмѣ; я былъ грустенъ отъ многого: 1) отъ этихъ въ чужомъ пиру похмельій, о которыхъ писалъ, 2) меня глубоко огорчилъ Энг. грубымъ и нелѣпымъ письмомъ въ отвѣтъ на дружеское замѣчаніе,—такимъ письмомъ, послѣ котораго, я полагаю, что наше знакомство перервано. Я этого человѣка очень любилъ, онъ многое понималъ глубоко, мнѣ жаль его потерять, но я иду своей дорогой и очень понимаю, какъ Робеспьеръ могъ, заливаясь слезами, подписать приговоръ Камиля Демулена..., 3) зубъ противъ Тат. Ал. тоже не совсѣмъ справедливъ. Она писала, что она разошлась съ нашими, но объ нихъ между собою ничего не писала. Писалъ Кетч. къ Мельгун. Мельгуновъ первый разъ мнѣ не передалъ письма, но онъ написалъ въ другой, — тогда тому не было выбора. Письмо Мельгун. привело меня въ ярость, и я написалъ ему сказать его корреспонденту, что враги Огарева не могутъ быть моими друзьями (я не вѣрю, чтобъ они были враги). Боже мой, этотъ человѣкъ, который былъ для нихъ раскрытый столъ, die offene Tafel симпатій, который ихъ всѣхъ кормилъ своей теплотой и отогрѣвалъ, и вдругъ этотъ площадной тонъ Кетч... «Да, у него нравъ такой». И у меня такой! Тутъ суда нѣтъ. И отчего этотъ припадокъ? Дѣло чрезвычайно просто. Павловъ и Сат. купили имѣнье и взяли на себя долгъ. Стало, у меня съ Ог. нѣтъ денежнаго дѣла, а съ Павл. и Сат. Павловъ — игрокъ, Сатинъ — игрокъ. Оба проигрываютъ, это мнѣ говорилъ Сабуровъ. Я хотѣлъ также въ Москвѣ получить съ нихъ 5% для Корша ²⁾, Астр. и Петруши.

Я не знаю, какъ судятъ во врачебной управѣ, но въ другихъ болѣе здоровыхъ мѣстахъ одинъ отвѣтъ: они проигрались и не хотятъ платить, или они отказались отъ имѣнія, вотъ и все. Съ Огаревымъ иные счеты и, если онъ не хочетъ платить, я ему разрѣшаю. Въмѣсто этого—ругательства на Ог. Ей Богу, я не совѣтую поднимать камней, если искра совѣсти осталась. Разумѣется, меня это огорчило. Вы пишете о здѣшнихъ, — у меня нѣтъ здѣсь друзей, и что же это за cause attenuante ³⁾, что здѣшніе не трусые? Это другое дѣло.

¹⁾ Тетка Маріи Фоммъ.

²⁾ Евгений Ѳедоровичъ тогда очень нуждался.

³⁾ Доводъ.

Что я не имѣю никакихъ сношеній, это—стыдъ, а вотъ, чтобъ доказать возможность сношеній, я рѣшился печатать по-русски, и книги будутъ въ южной Россіи.

Послѣднее время я писалъ мало, все какая-то тревога и тяжесть,—чортъ знаетъ. Съ вами хотѣлось бы эдакъ подольше побесѣдовать...

Неужели еще долго намъ жить врозь, послѣднимъ могиканамъ?

Вѣроятно, въ слѣдующемъ письмѣ напишу я положительнѣе объ отъѣздѣ. Кажется, вы теперь поняли причину. Прощайте.

Вотъ *pour la bonne bouche*: я съ хохотомъ слушаю Анну Баптистовну ¹⁾—она нашла случай здѣсь попасться въ полицію и теперь гнѣвается на Англию. Онъ обругалъ попа на кладбищѣ и его только отослали оттуда... Когда ихъ угомонъ возьметъ...

Пишите, *сага mia*, пишите.

Рейхелю октаву дружбы.

631. Письмо къ М. К. Рейхель.

Пятница, 11 февраля (1853).

Вотъ вы ужъ и за чернила принялись. Выздоровливайте, выздоравливайте и повѣрьте, что это — капитальный пунктъ всего моего благосостоянія, а съ прочимъ и остальнымъ мы сладимъ. «Не изъ иныхъ мы прочихъ, такъ сказать».

Я думаю, вы, наконецъ, поняли, что положило бревно мнѣ подъ ноги,—вѣдь, читаете же вы иной разъ газеты. Не знаю, когда вѣтеръ попутный подуетъ, а у меня тоска по васъ и по дѣтямъ; съ вами хочется не только поговорить, но поспорить, пошумѣть. У васъ видъ будто строгій, а на повѣрку вы преснисходительныя и любя хотите все умаслить и уелеить. Такъ вы судили москвичей, такъ судите теперь Энгельс., а ко мнѣ довѣрія мало. Еслибъ я не любилъ этого человѣка, еслибъ онъ не подошелъ ко мнѣ такъ близко, я прошелъ бы молчаніемъ его письмо. Но, Марья Касп., подумайте, можетъ ли существовать серьезная дружба безъ уваженія? Я сдѣлалъ замѣчаніе о его капризахъ и раздражительной нетерпимости (которую поддерживааетъ въ немъ его жена); онъ мнѣ на это отвѣчаетъ, что я ставлю роль выше всего, — трагическую, словомъ, что мое несчастіе для меня нѣчто въ родѣ *draperie* ²⁾.

¹⁾ Жанъ-Батистъ Бокэ.

²⁾ Декоративный плащъ.

Онъ меня поздравляетъ «съ моимъ довольствомъ самимъ собою» etc. Я могъ ошибаться въ цюрихскомъ дѣлѣ, могъ сдѣлать много промаховъ, но я былъ увѣренъ, что въ моей чистотѣ и откровенности не сомнѣвались. Энгельс., другими словами, сказалъ, что я гробъ Н. поставилъ себѣ пьедесталомъ, чтобъ играть роль. За чѣмъ же онъ такого мерзавца, какъ этотъ я, не презиралъ прежде? Чего же было ждать письма отъ меня, чтобъ высказать это? Въ сердцахъ люди ругаются, — тонъ его письма вовсе не похожъ на сгоряча. Я не могу, не долженъ прощать это, да, сверхъ того, онъ объ этомъ и не заботится.

Лучше останусь я одинъ, совѣмъ одинъ, нежели отдавать на позоръ самую глубокія стороны души. Энгельс. въ письмѣ отказ. «играть со мною трагическую роль». За это ему спасибо,—я теперь никого изъ друзей не замѣшаю. Люди помогать серьезно могутъ изъ собственной выгоды. Я ошибся и тысячу разъ говорю: ошибся, но еще не заслужилъ, чтобъ въ меня бросали грязью. А если и заслужилъ, то не настолько смирился, чтобъ терпѣть это.

Точно то же о Кет. Ну, просто и сказалъ бы: Сат. и Пав. передали имѣніе (хоть я этому не вѣрю), но писать съ ироніей и лафертовскимъ остервенѣніемъ гадко, неблагородно и тупо. Тутъ себѣ, какъ ни толкуй, будь Робеспьеръ или Рибопьеръ (котораго кучеръ Самарина называлъ Рыбопёръ), все-таки, сентенцію произнесешь.

Если я и до этого равнодушія дойду, что не буду чувствовать ни оскорбленія, ни негодованія, тогда ужъ позвольте раззнакомиться съ вами.

Вы видите, что я не могъ иначе поступить.

Переходъ къ общему. Я вамъ скажу, что такъ скверно, что еслибъ не дѣти, ей Богу, я былъ бы въ Нью-Йоркѣ. Надобно быть самому въ пеклѣ, чтобъ понять всѣ нелѣпости. А между тѣмъ, сиди у моря да жди погоды, т. е. попутной. Вотъ тутъ вамъ и баронъ, и его высококомондная протекція, и Эдмонд. хожденіе, и ваше велѣніе, нѣтъ,—болѣніе. А что же о здоровьѣ ни полслова? Приложите Мар. Федор. сіи строчки.

12 февр. Вотъ написалъ и боюсь: прочтите и пошлите, если не страшно.

Да вотъ что я васъ попрошу: когда будете писать къ Тат. Ал., напишите, чтобъ она *непрелѣнно* отправила на ваше имя портретъ Н. Горбунова, въ рамѣ. Скажите, что я усиленно прошу объ этомъ.

Да еще, когда Ст. поѣдутъ, пошлите съ ними № «Avenir de Nice» но не посылайте, если хотѣли, мое предисловіе ¹⁾: оно пере-

¹⁾ № 610.

дѣлано совершенно. Прощайте. Надежда на скорое свиданіе, какъ кажется, поблекла, по крайней мѣрѣ, на двѣ, на три недѣли.

Пишите о своемъ здоровьѣ, обо всемъ; берегитесь, очень берегитесь. А что бы Ст. сбѣгать въ наши богомъ хранимые англійскіе города? Будетъ послѣ раскаиваться.

632. Письмо къ М. К. Рейхель.

19 февраля 1853. Суббота.

Итакъ, Милостивая Государыня, вы ѣздили со двора; по-моему, это было *grématuré* ¹⁾, но нынче все торопится—и въ Италіи и въ гигиенѣ. Лежали бы себѣ, да думали, что за елку 12 янв. поплатились дорого. О глазной боли вы мнѣ никогда не писали. Глаза болѣли совсѣмъ не у васъ, а у Мельгунова.

Au fond ²⁾ мнѣ очень досадно, что моя поѣздка немного застряла, ну, да что дѣлать. Къ трагической роли, которую я такъ доволенъ играть, идетъ и то, чтобъ ломать всѣ чувства и всѣ желанія, самыя простыя и естественныя, *ex. gr.* ³⁾, видѣть васъ и дѣтей.

Что Стан.? Они могутъ, если не уѣхали, сдѣлать огромную пользу: нѣтъ ли у нихъ на югѣ Россіи кого-нибудь изъ хорошихъ знакомыхъ, котораго адресъ они бы мнѣ дали? Я къ нему прислалъ бы добраго человѣка, черезъ котораго можно бы завести постоянныя сношенія съ Тверской ⁴⁾. Понимаете? Пословица говоритъ: языкъ до Кіева доведетъ, а я хочу именно отъ Кіева вести его дальше. Во-первыхъ, мнѣ необходимы всѣ ненапечатанные стихи Пушкина, «Юморъ» Ог., потомъ мнѣ нужны свѣжія вѣсти, постоянныя,—и все это такъ легко, что, пожалуй, человѣкъ пойдетъ на Тверскую съ запиской... Но къ кому адресовать? къ Христоф. ⁵⁾ что ли?

Вотъ вы тоже похлопочите это устроить—вы же защищаете храбрость нашихъ.

Я буду печатать по-русски. Право, стыдно имъ тамъ схимниками молча сидѣть, и опасности меньше, нежели въ нашихъ кли-

¹⁾ Преждевременно.

²⁾ Въ сущности.

³⁾ Напримѣръ.

⁴⁾ Т. е. съ Москвой.

⁵⁾ Н. Х. Кетчеръ.

матахъ, кромѣ Англии. Такого случая имъ, какъ я теперь здѣсь имѣю, не найти въ годы. Мельгунову скажите, что онъ, точно нѣмецъ, за шутки дѣлаеть выговоры съ высоты нравственнаго величія. И выдумалъ, что констэбли носятъ палочку для того, чтобъ драться. Я потому и писалъ, что какъ ни одинъ изъ русскихъ не съѣздилъ въ Лондонъ въ 6 мѣсяцевъ.

А ргорос, вчера я взялъ книгу «Un missionnaire républicain en Russie»¹⁾. Если не читали, совѣтую. Это — милый французикъ, не знавшій вовсе жизни, фразеръ, но добрый, который поѣхалъ дѣлать пропаганду въ Россіи и для этого влюбился въ какую-то princesse Olga.

Тамъ есть о Гран., объ Анненковѣ, о Дм. Павл.²⁾, Васильчиковыхъ, вообще много напоминаетъ; разумѣется, онъ ничего не понимаетъ и глупѣе даже своего камердинера Тимофея, но такъ пахнетъ Москвой и Петровскимъ, что прочесть не мѣшаетъ. Я хочу его немножко потеревить въ статейкѣ.

Архипа Гр. разругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ, говорить — пьяница. И самого Гр. представилъ съ трубкой . . . разумѣется, фамилій онъ не называетъ, но узнать легко. Я прочелъ только первый томъ.

Затѣмъ прощайте. Мнѣ ужъ кажется, будто я вамъ давно не писалъ,—я привыкъ къ вамъ писать, какъ Людовикъ XVIII къ M-me Kaуla³⁾, два раза въ день.

Кланяйтесь кому слѣдуетъ.

Татѣ и Оленькѣ поклонъ и Küsse⁴⁾. Сашѣ я купилъ сегодня у Moses and son (это портной, занимающій 5,000, verstehen sie⁵⁾), *пять тысяч* человѣкъ работниковъ) пальто а-ла-Кошутъ⁶⁾.

Это сообщите Татѣ.

Adieu.

Генералъ⁷⁾ отправляется въ Сидней 5 марта на «Marco Polo».

Сейчасъ получилъ письмо отъ Мельгунова. Выговоръ ему за подробный счетъ и за то, что спрашиваетъ, какъ проценты и что проценты,—разумѣется, считать по испанскому минимуму.

¹⁾ «Республиканскій миссіонеръ въ Россіи». Авторъ себя не назвалъ; книга въ трехъ томахъ издана въ Парижѣ, въ 1852 г.; при массѣ вздора въ ней есть много штриховъ, характеризующихъ русскую и въ частности—московскую жизнь 1847—50 годовъ.

²⁾ Голохвастовъ.

³⁾ Зоэ Таллонъ, графиня де-Кейля, другъ и довѣренная франц. короля.

⁴⁾ Поцѣлуи.

⁵⁾ Понимаете ли.

⁶⁾ Нарисована талія пальто.

⁷⁾ Э. Гаугъ.

633. Вольное русское книгопечатаніе въ Лондонѣ.

БРАТЬЯМЪ НА РУСИ.

Отчего мы молчимъ?

Неужели намъ нечего сказать?

Или неужели мы молчимъ оттого, что мы не смѣемъ говорить?

Дома нѣтъ мѣста свободной русской рѣчи,—она можетъ раздаваться индѣ, если только ея время пришло.

Я знаю, какъ вамъ тягостно молчать, чего вамъ стоитъ скрывать всякое чувство, всякую мысль, всякій порывъ.

/ Открытая, вольная рѣчь — великое дѣло; безъ вольной рѣчи нѣтъ вольнаго человѣка. Не даромъ за нее люди даютъ жизнь, оставляютъ отечество, бросаютъ достояніе. Скрывается только слабое, боящееся, незрѣлое. «Молчаніе—знакъ согласія», оно явно выражаетъ отреченіе, безнадежность, склоненіе головы, сознанныю безвыходность.

Открытое слово—торжественное признаніе, переходъ въ дѣйствіе.

Время печатать по-русски внѣ Россіи, кажется намъ, пришло. Ошибаемся мы или нѣтъ, это покажете вы.

Я первый снимаю съ себя вериги чужого языка и снова принимаюсь за родную рѣчь.

Охота говорить съ чужими проходитьъ. Мы имъ рассказали, какъ могли, о Руси и мірѣ славянскомъ; что можно было сдѣлать, сдѣлано.

Но для кого печатать по-русски за границую? какъ могутъ расходиться въ Россіи запрещенныя книги?

Если мы все будемъ сидѣть, сложа руки, и довольствоваться бесплоднымъ ропотомъ и благороднымъ негодованіемъ; если мы будемъ благоразумно отступать отъ всякой опасности и, встрѣтивъ препятствіе, останавливаться, не дѣлая опыта ни перешагнуть, ни обойти, тогда долго не придутъ еще для Россіи свѣтлые дни.

Ничего не дѣлается само собою, безъ усилий и воли, безъ жертвъ и труда. Воля людская, воля одного твердаго человѣка страшно велика.

Спросите, какъ дѣлаютъ наши польскіе братья, сгнетенные больше васъ. Въ продолженіе двадцати лѣтъ развѣ они не раз-

сылають по Польшѣ все, что хотятъ, минуя цѣпи жандармовъ и сѣти доносчиковъ.

И теперъ, вѣрные своей великой хоругви, на которой было написано:

ЗА НАШУ И ВАШУ ВОЛЬНОСТЬ,

—они протягиваютъ вамъ руку; они вамъ облегчаютъ три четверти труда, остальное можете вы сдѣлать сами.

Польское демократическое товарищество въ Лондонѣ, въ знакъ его братскаго соединенія съ вольными людьми русскими, предлагаетъ вамъ свои средства для доставленія книгъ въ Россію и рукописей отъ васъ сюда.

Ваше дѣло найти и вступитъ въ сношеніе.

Присылайте, что хотите,—все, писанное въ духѣ свободы, будетъ напечатано, отъ научныхъ и фактическихъ статей по части статистики и исторіи до романовъ, повѣстей и стихотвореній.

Мы готовы даже печатать безденежно.

Если у васъ нѣтъ ничего готоваго, своего, пришлите ходяція по рукамъ запрещенныя стихотворенія Пушкина, Рылѣева, Лермонтова, Полежаева, Печерина и др.

Приглашеніе наше столько же относится къ панславистамъ, какъ ко всѣмъ свободно мыслящимъ русскимъ. Отъ нихъ мы имѣемъ еще больше права ждать, потому что они исключительно занимаются Русью и славянскими народами.

Дверь вамъ открыта. Хотите ли вы ею воспользоваться или нѣтъ?—это останется на вашей совѣсти.

Если мы не получимъ ничего изъ Россіи, это будетъ не наша вина. Если вамъ покой дороже свободной рѣчи, молчите.

Но я не вѣрю этому; до сихъ поръ никто ничего не печаталъ по-русски за границею, потому что не было свободной типографіи. Съ перваго мая 1853 года типографія будетъ открыта. Пока, въ ожиданіи, въ надеждѣ получить отъ васъ что-нибудь, я буду печатать свои рукописи.

Еще въ 1849 году я думалъ начать въ Парижѣ печатаніе русскихъ книгъ ¹⁾, но, гонимый изъ страны въ страну, преслѣдуемый рядомъ страшныхъ бѣдствій, я не могъ исполнить моего предпріятія. Къ тому же я былъ увлеченъ; много времени, сердца, жизни

¹⁾ Изданныя мною на нѣмецкомъ языкѣ книги: «Vom ander Ufer» и «Briefs aus Italien», писаны по-русски... Съ нихъ я начну печатать, присовокупивши рядъ статей, написанныхъ послѣ и не напечатанныхъ, какъ напр., первую часть романа «Долгъ прежде всего» и др.—А. И. Г.

и средствъ принесъ я на жертву западному дѣлу. Теперь я себя въ немъ чувствую лишнимъ.

Быть вашимъ органомъ, вашей свободной, безцензурной рѣчью—вся моя цѣль.

Не столько новаго, своего хочу я вамъ рассказывать, сколько воспользоваться моимъ положеніемъ для того, чтобъ вашимъ невысказаннымъ мыслямъ, вашимъ затаеннымъ стремленіямъ дать гласность, передать ихъ братьямъ и друзьямъ, потерянными въ нѣмой дали русскаго царства.

Будемъ вмѣстѣ искать и средствъ и разрѣшеній, для того, чтобъ грозныя событія, собирающіяся на Западѣ, не застали насъ врасплохъ или спящими.

Вы любили нѣкогда мои писанія. То, что я теперь скажу, не такъ юно и не такъ согрѣто тѣмъ свѣтлымъ и радостнымъ огнемъ и той ясной вѣрою въ близкое будущее, которые прорывались сквозь цензурную рѣшетку. Цѣлая жизнь погребена между тѣмъ временемъ и настоящимъ; но за утрату многого искусившаяся мысль стала зрѣлѣе, мало вѣрованій осталось, но оставшіяся прочны.

Встрѣтите же меня, какъ друзья юности встрѣчаютъ воина, возвращающагося изъ службы, состарѣвшагося, израненаго, но который честно сохранилъ свое знамя и въ плѣну и на чужбинѣ и съ прежней безпредѣльной любовью подаетъ вамъ руку на старый союзъ нашъ во имя

Русской и Польской свободы.

Лондонъ 21 февраля 1853. ¹

◆◆ 1. Въ «Democrata Polski» отъ 15 мая 1853 г. по поводу открытія типографіи сказано: «При типографіи Польскаго Демократическаго Общества и въ связи съ нею создалась вольная русская типографія, основанная стараніями и средствами гражданина Александра Герцена, русскаго, извѣстнаго въ литературномъ и политическомъ мірѣ, подъ псевдонимомъ Искандеръ. Такимъ образомъ Герценъ открываетъ поле дѣятельности, самой святой и высокой, своей родинѣ, Россіи, и всей поработченной Европѣ. Было время, когда русскій народъ приступилъ къ революціонному объединенію, чтобы изъ противника и поработителя революціи и свободы, изъ равнодушнаго и бездѣтельнаго созерцателя европейскихъ событій перейти въ дѣятельнаго соучастника и сотрудника великаго дѣла европейскаго освобожденія. Было время, когда свободомыслящіе граждане русскаго народа подняли начатое своими предками дѣло и пошли по слѣдамъ своихъ - - - - мучениковъ,—Пестелей, Муравьевыхъ,

Бестужевыхъ, Рылѣвыхъ, Каховскихъ и ихъ сотоварищей, и дали возможность Крыжановскимъ, Лукасинскимъ, Доброгодскимъ, Махницкимъ, Уминьскимъ, Лаговскимъ, Дембкамъ и Салтыкамъ исполнить свой долгъ въ Польшѣ... Герценъ понялъ долгъ русскаго народа; честь ему! Мы же дѣлаемъ свое дѣло. Пришло время показать, что съ правительствомъ - - - - — никогда, создать братскій союзъ съ русскимъ народомъ противъ его - - - - - правитель-ства — всегда!... Когда мысль Пестелей и Крыжановскихъ будетъ осуществлена, тогда уничтожатся цѣпи, сковывающія свободу Польши, Россіи и всей Европы». Дальше шель переводъ «Братьямъ на Руси».

Когда былъ выпущенъ № «Democrata Polski», отпечатанный въ типографіи Польскаго Демократическаго Общества, созданной при помощи пожертвованій Герцена и Голынскаго, Герценъ говорилъ съ однимъ изъ членовъ централизаціи:

— Что я ни далъ бы, чтобы, какъ вы, могъ имѣть вольную русскую типографію въ Лондонѣ.

— Такъ вы ее и учредите.

— Но, вѣдь, это стоило бы, вѣрно, очень дорого.

— Не такъ дорого, особенно по вашимъ средствамъ.

— А сколько приблизительно?

— Можетъ, сто фунтовъ, а можетъ и меньше.

— Дамъ и два и три раза по сто, лишь бы вы мнѣ помогли осуществить типографію.

— Въ такомъ случаѣ мы сегодня же выпишемъ вамъ отъ Дидо изъ Парижа шрифтъ; онъ отлилъ его нѣсколько лѣтъ тому назадъ для императорской академіи въ Петербургѣ.

— И я могъ бы печатать все, что захочу, въ Лондонѣ такъ же, какъ печаталъ бы въ Петербургѣ?

— Безъ сомнѣнія.

— Такъ и быть по сему. А благодарность моя и Россіи Польшѣ вѣчна («Democrata Polski» 1862, 30 мая).

634. Письмо къ М. К. Рейхель.

Вечеръ 24 февраля (1853).

Отгадайте, что я дѣлалъ? Разъ, два, три... Навѣрно, не отгадаете. Увлеченный примѣромъ того и другого, я подумалъ, чѣмъ же я хуже и Россія хуже басурманскихъ народовъ? отчего и мнѣ не сманифестить? Сейчасъ перо, бумагу и пишу: «Вольное русское книгопечатаніе въ Лондонѣ». — «Братія»... и какъ слѣдуетъ: во-вто-

рыхъ, въ-третьихъ... Ну, ужъ вы, разумѣтся, помоете мнѣ голову, (оно же и кстати: я ее не мылъ съ Средиземнаго моря), да поми-луйте: туманъ, морозъ, къ вамъ пустили да и экскузе ¹⁾, а тутъ польскіе «бѣглые» (вы знаете, что Булгар. ²⁾, по словамъ Мельг., такъ называетъ рефугіаріевъ ³⁾). Но еще сманифестить ничего, а то, вѣдь, я серьезно завожу друкарню ⁴⁾, и такая пошла дѣятельность, что всѣ Сбрезинскіе, Дрзженебецкіе, Вскржецкіе ⁵⁾ ходятъ туда-сюда. Въ Лондонѣ это не шутка,—хотя и подмерзло, но далеко.

Всѣ расходы взялъ на себя. Но при друкарнѣ православной будетъ и польская. Ужасно было бы хорошо, еслибъ Ст. ⁶⁾ что-нибудь прислалъ: 100, 200, 300... 0000 франковъ. Еслибъ Мельгунова не ограбилъ Каролинъ Карлочъ ⁷⁾, и съ него хоть 50, съ Убри и съ Б. ⁸⁾ и съ кого можно. Вліяніе этой помощи было бы чрезвычайно важно (не денежно, а морально). Пол. ⁹⁾ увидѣли бы, что я поддержанъ. Я даже буду писать къ Эд. насчетъ Браницкаго.

Теперь мнѣ надобно достать мои рукописи; доля ихъ у Энгельс.; можете попросить, взять и, прибавивши, если у васъ что есть, приготовить, на случай случая сюда прислать. Хочется мнѣ вельми знать, что было съ Артамономъ ¹⁰⁾. Я всему учусь у Мельг., даже Маврикія называть Артамономъ. Его спустили съ смычки ¹¹⁾ за 500 фр.? Это оскорбительно, себѣ дороже человѣкъ стоитъ, но я хочу знать, что было и какъ.

Если я увижу Михайла Семеновича ¹²⁾, то я съ ума сойду. Вотъ никогда не ждалъ и не думалъ! До Парижа его надобно прикатить. А что-то и страшно мнѣ...—я бы, кажется, никого изъ старыхъ друзей видѣть не хотѣлъ. Мнѣ стыдно и больно за всѣ мои несчастія, — роль, которую мнѣ приписываютъ, не блестящая, по крайней мѣрѣ.

Поговариваютъ уже здѣсь о томъ, чтобы посадить бѣглыхъ на шлюпку да свезти въ Сѣверную Амер. Вотъ генераль-то тра-

¹⁾ Excusez—извините.

²⁾ О. В. Булгаринъ.

³⁾ Réfugiés—эмигранты.

⁴⁾ Типографія, по-польски drukarnia.

⁵⁾ Фамиліи польскихъ эмигрантовъ.

⁶⁾ А. В. Станкевичъ.

⁷⁾ Каролина Карловна Павлова, которой Мельгуновъ долженъ былъ отдать довольно крупную сумму.

⁸⁾ Бернацкій.

⁹⁾ Поляки-эмигранты.

¹⁰⁾ Морицъ (Маврикій) Гартманъ.

¹¹⁾ Выпустили изъ тюрьмы.

¹²⁾ Щепкинъ.

тится по-пустому: даромъ свезуть. Америка—страна хорошая, только что крѣпостные люди черные; у насъ черный народъ—бѣлый... все отъ снѣга, должно быть.

Голов. ¹⁾ такихъ Томовъ написалъ, что чудо; посвятилъ Мильнеръ-Гибсонъ ²⁾, хочеть напечатать.

Прощайте.

Тата, здравствуй. Снѣгъ и у насъ; это чудо: здѣсь никогда не бываетъ снѣгъ на улицахъ. Сегодня растаяло.

Картинками въ твоихъ письмахъ я очень доволенъ, особенно мѣсяцъ былъ съ толстымъ носомъ хорошъ. А корпіи когда же пришлешь? Оленьку цѣлую. Рейхелю второму, т. е. Морицу, поклонъ.

635. Письмо къ М. К. Рейхель.

Четвергъ, 3 марта 1853.

Вчера письмо, сегодня другое. Я получилъ вашу отписочку. Милыя вы мои проповѣдницы осторожности, не извиняйтесь, Бога ради: бояться за другихъ столько же благородно, сколько гадко бояться за себя. Неужели вы думаете, что я въ родѣ Ивана Батистыча ³⁾ хочу друзей подъ сюркупъ подвести ⁴⁾.

Поймите, пожалуйста, въ чемъ дѣло. Литературныя посылки идутъ преправильно въ Одессу, въ Малороссію и оттуда. Не какой-нибудь Крапулинскій или Држебенскій мнѣ предлагалъ, а першіе (генералитетъ, особы и персоны, а не лица). Неужели наши друзья не имѣютъ ничего сообщить? неужели не имѣютъ желанія даже прочесть что-нибудь? Какъ доставали прежде книги? Трудно провезти черезъ таможеню,—это наше дѣло. Но найти вѣрнаго человѣка, который бы умѣлъ въ Кіевѣ или другомъ мѣстѣ у мной рекомендованнаго лица взять пачку и доставить въ Москву, кажется, не трудно. Но если и это трудно, пусть кто-нибудь позволить доставлять къ себѣ; неужели въ 50.000,000 населеніи ужъ и такого отважнаго не найдется?

¹⁾ И. Г. Головинъ. Это былъ романъ въ родѣ «Хижины дяди Тома», написанный по-французски, купленный эдинбургскимъ издателемъ Нельсономъ и никогда не напечатанный.

²⁾ Томасъ, англійскій государственный дѣятель, одинъ изъ лидеровъ радикальной партіи.

³⁾ Бокэ.

⁴⁾ Surcoure—покрытіе карты старшимъ козыремъ.

Проектъ моей типографіи очень важенъ. Это—послѣдній за-просъ Россіи; онъ можетъ не удастся, русскіе оцѣнятъ мою вѣру въ нихъ, а мнѣ придется тогда отвернуться и отъ послѣдней страны. Создать элементы, которыхъ нѣтъ, никто не можетъ. Если имъ нечего говорить, если имъ пріятнѣе молчать, безопасно, нежели съ опасностью говорить (очень небольшой, ибо ничье имя не будетъ упомянуто, кромѣ моего и мертвыхъ), значитъ, что и будущій пере-воротъ застанетъ насъ тѣмъ же добрымъ стадомъ пастыря - - - - и сыновъ его, какъ 48 годъ. Я не преподобный Осипъ ¹⁾, я не ду-маю, чтобъ могло что-нибудь практическое быть теперь, кромѣ освобожденія крестьянъ и умственного движенія (и вы не знаете, чтò я горечи вынесъ отъ всѣхъ за то, что былъ трезвъ, когда онъ былъ пьянъ,—такой контрастъ рѣдко случается со мной), но движеніе—не застой.

Неужели вы вѣрите, что москвичи что-нибудь дѣлаютъ? Что дѣлаетъ Кр. ²⁾ и всѣ, кромѣ Гр. ³⁾?—Пребываютъ въ благородномъ негодованіи. Это мало. И если они изъ этого не выйдутъ, мы дрес-сируемъ un acte d'accusation ⁴⁾. У меня проклятое недовѣріе къ себѣ,—воля человѣка, страстно желающаго, очень велика. Денежная по-мощь, хоть небольшая, нужна не для меня, а, какъ писалъ, я скажу просто: «отъ русскихъ — полякамъ». Можете, такъ сдѣлайте. Я могъ бы дать свои деньги еще, но надобно знать честь:

J'ai souscrit pour les blessés,
 J'ai souscrit pour les brulés,
 J'ai souscrit pour le Rousseau,
 J'ai souscrit pour le Voltaire,
 J'ai souscrit pour les Châteaux,
 J'ai souscrit pour les Chaumieres ⁵⁾.

Я, какъ Беранже, скоро дойду до подписки въ свою пользу. Ну, вотъ вамъ.

Бюллетень,—не изъ Вѣны, а изъ Барро Гиль плесь ⁶⁾:

¹⁾ Маццини.

²⁾ Н. Х. Кетчеръ.

³⁾ Грановскій.

⁴⁾ Dresser—составлять; обвинительный актъ.

⁵⁾ Я подписалъ на раненыхъ,
 Я подписалъ на сгорѣвшихъ,
 Я подписалъ на Руссо,
 Я подписалъ на Вольтера,
 Я подписалъ на замки,
 Я подписалъ на хижины.

⁶⁾ Barrow Hill Place—мѣсто жительства Герцена въ Лондонѣ.

«Три часа двѣ минуты. Здоровье августѣйшаго страдальца поправилось, изволили всемилостивѣйше кушать бульонъ.

Лейбъ-медикъ Девиль ¹⁾).

Madame Moture ²⁾, Chirurg.

Статсъ-Песъ Ботсвинъ лапу приложилъ».

А Мельгунову въ оскорбленіе скажите, что воспаленіе казалось такъ сильно, что Девиль хотѣлъ кровь пускать въ понедѣльникъ, а сегодня, въ четвергъ, я имѣю право ѣсть курицу, завтра ѣду со двора.

Онъ употреблялъ всякія лошадиныя средства и попалъ à point ³⁾).

А рѣчь Пальмерстона того-съ...

Не знаю еще, буду ли къ концерту, можетъ, и приѣду. А всего лучше, еслибъ вы, поокрѣпнувши, да сюда бы на недѣлку. Вѣдь, ни копѣйки не стоитъ, подумайте, Madame!

Прощайте.

Всѣмъ кланяюсь. Ст. ⁴⁾, вѣрно, остается.

636. Письмо къ М. К. Рейхель.

7 марта (1853). Понедѣльникъ.
Лондонъ.

Вы на меня сердитесь за то, что у меня жабры поистерлись. Что прикажете дѣлать? Но дѣло все покончено.

Для чего вы съ такими околичностями говорите о деньгахъ? Съ вами у меня счетовъ быть не можетъ; былъ ли *св вами* хоть одинъ примѣръ, когда бы я что-нибудь о деньгахъ сказалъ, уперся? Съ другими это бываетъ, но я знаю другихъ. Счетовъ вашихъ мнѣ не нужно, дѣлайте для дѣтей все, что считаете нужнымъ; я сегодня получилъ отъ Шомб. письмо; въ слѣдующемъ пришлю вамъ записку къ нему и вмѣстѣ съ нею вамъ приказъ на двѣ тысячи, — вотъ и дѣло въ шапкѣ. Но я гораздо менѣе церемоненъ и приступаю къ другому финансовому дѣлу. Письма, доставленные вами, очень хороши; изъ Пензы пишутъ, что, если я возьму половину долга вамъ на себя, то О. на эти деньги поѣдетъ сюда. Прини-

¹⁾ Французскій врачъ, высланный Наполеономъ III въ Лондонъ; о немъ см. стр. 153—155 и 181—187 «Воспоминаній» Н. А. Огаревой.

²⁾ Кухарка Герцена.

³⁾ Въ точку.

⁴⁾ Станкевичъ.

маете мою кафцію ¹⁾ или нѣтъ? Если да, напишите строку объ этомъ Елизав. Богд. ²⁾ или кому слѣдуетъ и пошлите приложенную записку къ Тат. Алекс., не очень задерживая. Прощайте.

Я опять послѣднее время довольно работалъ ³⁾; нѣкоторые очерки вышли, кажется, недурно: семейство Пассековъ, М. О. Орловъ, В. П. Зубковъ... ⁴⁾—все еще дѣла незапамятныхъ временъ 1834 г. Насчетъ пріѣзда еще ничего не знаю. Не лучше ли вамъ современемъ тряхнуть косточками? Ребята рассказываютъ: больно нездоровы ваши климаты. Развѣ лѣтомъ проѣхать въ Фрейбургъ.

А прогос, въ Парижѣ тифусъ; пожалуйста, берегите Тату, она очень склонна къ воспалительнымъ болѣзнямъ. Ну, а что сдѣлали для литографіи? Здѣсь настоящее лѣто, просто жарко, только, разумѣется, съ туманомъ и дождемъ.

Уговори, Тата, Машу взять котомку да, когда потеплѣе будетъ, прийти съ тобой и съ Оленькой въ Режементсъ Паркъ.

7 марта.

А Ботсвинова лапа ⁵⁾, дѣйствительно, такой величины. Напиши мнѣ всѣ слова, которыя Оленька говоритъ, и какъ.

637. Письмо къ М. К. Рейхель.

11 марта, пятница (1853).

На короткое письмо короткій отвѣтъ. Посылаю вамъ 2.000 на оборотѣ вашей цидулки къ Шомшильду; скажите супругу вашему, что я прошу узнать отвѣтъ, т. е. надо ли довѣренность для Амстердама или нѣтъ, и мнѣ пренепремѣнно отписать.

Огар. просто пишетъ, что если онъ можетъ употребить польдолга вамъ на дорогу, то попробуетъ; вы это устройте, а кафцію можете не брать, но я, все-таки, ее дамъ, не вамъ, такъ въ руки Ротшильда.

Насчетъ Шредеръ-Деврианъ ⁶⁾ могу сказать одно: я видѣлъ ея

¹⁾ Caution—поручительство.

²⁾ Грановская.

³⁾ Надъ «Былымъ и думами».

⁴⁾ Очевидно, написанное объ этомъ лицѣ потомъ выпущено.

⁵⁾ Въ № 635 Герценъ сдѣлалъ ея обводъ.

⁶⁾ Вильгельмина, извѣстная нѣмецкая пѣвица.

портретъ, выставленный въ Regents str; узнавъ о ея расположеніи ко мнѣ, я его куплю вмѣсто Монтихи ¹⁾. Мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, очень пріятно, что артистическая натура сочувствуетъ. Не будетъ ли она на сезонъ сюда (кстати, вы напишите, хороша ли она лицомъ; если очень дурна, я не пойду къ ней, — отъ очень дурныхъ женщинъ у меня дѣлается боль подъ ложечкой)? Я переѣзжаю скоро (еще адресуйте по старому, пока напишу): маленькая дачка, cottage съ садомъ и всякимъ удовольствіемъ. Гаугъ одной ногой на кораблѣ, — его министерія хочетъ упогребить тамъ, кажется, на вырѣзку дикихъ. Отчего дикихъ не порѣзать, зачѣмъ они дикіе, да еще живуть въ Австраліи, а не въ Австріи.

Прощайте.

Что же коллекту-то? ²⁾

Фогтъ зоветъ въ Швейцарію. Подожду еще немного здѣсь.

Совѣтую Рейхелю поднести билетъ на концертъ Шомбургу: онъ для насъ для всѣхъ еще 1000 разъ пригодится.

Татѣ кланяюсь и цѣлую, Оленьку также.

638. Письмо къ М. К. Рейхель.

(18 марта 1853). Пятница.
Лондонъ.

Я жду вашего рапорта о концертѣ, какъ вѣсти о Ватерлоо или Бородинѣ. Для чего послѣ длинной болѣзни вы ѣдете? Мнѣ кажется, это очень неосторожно. Къ тому же вы сдѣлались такіе «этурди» ³⁾, что бѣда. Что же вы не пишете, хотятъ или нѣтъ наши дать что-нибудь ляхамъ? А мы здѣсь ужъ и тессинцамъ устроили подписку, и одинъ листъ начинается съ этой забавы: «E. N. ⁴⁾, officier Autrichier, и я—Russe naturalisé Suisse ⁵⁾. Въ наказаніе за оплошность по службѣ предписывается Вамъ сообщить мнѣ, какія изъ моихъ рукописей русскихъ есть у васъ; да я васъ просилъ взять у Энгельса; приготовьте все это мнѣ отправить при первой оказіи. На-дняхъ я узналъ, что извѣстный Печеринъ ⁶⁾

¹⁾ Евгенія де Монтихо, жена Наполеона III.

²⁾ Collecte—собираніе пожертвованій (на лондонскую типографію).

³⁾ Etourdi—вѣтреный.

⁴⁾ Э. Гаугъ.

⁵⁾ Русскій, натурализованный въ Швейцаріи.

⁶⁾ Владиміръ Сергѣевичъ, выѣхалъ изъ Россіи въ 1833 г. въ научную командировку, вернулся въ 1835 г., а въ 1836 г. уѣхалъ изъ Россіи совсѣмъ, принялъ католичество и сдѣлался іезуитомъ.

здѣсь въ іезуитскомъ монастырѣ. Вчера я былъ у него, — это страшно далеко, въ Clapham, въ монастырѣ. Его я не засталъ; братъ-привратникъ сказалъ, что Reverend Печеринъ въ Ливерпулѣ, но въ понедѣльникъ будетъ сюда. Я ѣду къ нему.

Меня онъ очень интересуеть, вы слышали объ немъ отъ Грановск.?

Въ слѣдующемъ письмѣ вы получите анонсу о русской типографіи; все идетъ медленно. А Голов. продалъ повѣсть «Русскій Томъ» за 80 фунт. Ну ужъ распишетъ онъ... Добрый малый, а ничего не поправляется.

Ротчевъ ¹⁾ получилъ мѣсто директора въ Перу (проба Перу, есть ли золото)—12.000 фр. жалованья и дивидентъ, могущій итти до 30, 40 т. Вотъ русскій мужичокъ знаетъ нѣмца аглицкаго провести; «нѣмецкій умъ, говорилъ Ѳедоръ Лукичъ ²⁾, гладенькій, а русскій щетинкой».

Прощайте. Я шумлю, шумлю, типографія и тессинцы, и всякій вздоръ, — и все это, какъ трусы, которые кричатъ отъ страху, а то такая пустота... Да что же вы ни разу не написали (этурди bis), могу ли надѣяться на случай посѣщенія въ Лондонъ съ дѣтьми или нѣтъ? Ей Богу, вы проведете отличный мѣсяцъ или два. Я васъ буду умасливать всякой бараниной съ портеромъ, и представьте, май мѣсяцъ здѣсь прелесть; домъ я нанялъ довольно большой, и мы, наконецъ, съ вами можемъ, какъ будто въ Москвѣ или Соколовѣ, помянуть бывшее.

Напишите мнѣніе; ну, не случится, что же дѣлать... Въ концѣ бы апрѣля, а не то, я приѣду.

Прощайте.

Мы переѣзжаемъ въ среду, стало, одно письмо можете еще адресовать въ Баро-Гиллъ плесь.

639. Письмо къ М. Н. Рейхель.

23 марта 1853.
2, Barrow Hill pl.

Ваше письмо сдѣлало много радости въ Баро-Гиллѣ. Если вы совершенно въ силахъ, если нѣтъ тѣни риску, то приѣзжайте, — это будетъ лучшее и благороднѣйшее изъ всѣхъ комбинацій, но

¹⁾ Александръ Гавриловичъ, писатель и сотрудникъ петербургскихъ казенныхъ изданій.

²⁾ Морошкинъ.

назначьте срокъ выѣхать, напр., между 20 и 25 апр. Я приѣду въ Дувръ васъ ждать, если вы назначите день.

Послѣ насъ, если вамъ потомъ будетъ нуженъ покой, какъ я догадываюсь ¹⁾, оставьте на это время дѣтей съ Марихенъ здѣсь, а потомъ, можетъ, и я приѣду съ ними къ вамъ. Но такъ долго нечего гадать,—на первый случай приѣзжайте сюда, я васъ помѣщу на новой квартирѣ (если Рейх. приѣдетъ, сыщу ему возлѣ комнату). Мы переѣзжаемъ послѣ-завтра; вотъ нашъ новый адресъ: 25, Euston square New Road. Это не такъ далеко и на одной изъ главныхъ улицъ, что для сообщеній важно.

О подпискѣ вы не понимаете, что, если нѣтъ именъ, то будутъ деньги, которыя я передавалъ пол. ²⁾; несправедливо же, наконецъ, чтобы всѣ траты во всемъ падали на меня; еслибъ вамъ удалось собрать отъ 400—500 фран., да будетъ вамъ благо на томъ и на этомъ свѣтѣ; если же не соберете, то будетъ вамъ благо только на этомъ свѣтѣ, а такъ какъ того нѣтъ, то оно вамъ ни chaud, ни froid ³⁾.

За удачу концерта радъ, и Тата до того развратилась, что пишетъ о trio. Не будутъ ли въ журналахъ что писать? пришлите, я здѣсь потрублю.

На этотъ разъ я могу вамъ писать три короба,—столько видѣлъ я въ послѣднее время. Первое — Reverend Pather Печеринъ, въ S. Mary Chapel въ Clapham's Common. Во второе посѣщеніе меня привели въ parlour ⁴⁾, и явился пожилой попъ въ сутанѣ и шапкѣ съ граньками сверху и спросилъ «что мнѣ надо?» — «Rev. P. Her.». «Я Печеринъ»,—сказалъ онъ. Ну потомъ длинный разговоръ; онъ меня спрашивалъ о московскихъ; что-то ему было неловко, какъ будто стыдно; живетъ онъ почти всегда въ Ирландіи на *миссиі*. «Вы не сердитесь,—сказалъ я ему,— что я у васъ былъ; я не знаю, хорошо это или худо, но потребность сердца звала меня увидѣть русскаго эмигранта, въ другомъ стану стоящаго...» Рукожатія, и мы разстались. Мнѣ его жаль: онъ, кажется, совсѣмъ не такъ счастливъ о Христѣ и потерянъ.

Третьяго дня въ Сарей ⁵⁾ судили французскихъ дуэлистовъ, Бартелеми ⁶⁾ и С-піе; я былъ съ начала до конца при процессѣ.

¹⁾ М. К. была беременна.

²⁾ Полякамъ.

³⁾ Ни тепло, ни холодно.

⁴⁾ Маленькая гостиная или приѣмная для разговоровъ.

⁵⁾ Surgey.

⁶⁾ См. гл. «Былого и думъ» «Два процесса».

И теперь могу сказать, что видѣлъ судопроизводство свободной страны. Да, мадамъ Рейшель, Англія — великая страна, и я еще разъ С. ¹⁾ совѣтую, хоть ногой ступить на землю свободы.

Виновныхъ приговорили къ двухмѣсячной тюрьмѣ. Это равняется ничему. Ни солдатъ, ни жандармовъ, ни оружія; нѣсколько полисменовъ для порядка; обвиненные сидѣли свободно, безъ солдатъ. Французики всѣми мѣрами хотѣли потопить Бартел., но холодный, покойный судья разобралъ ихъ желанія—одного погубить, а другихъ выставить, и смѣшалъ всѣхъ въ одно. Они поставили фалангу свидѣтелей въ пользу *прежней* жизни... Судья сказалъ, что никто не сомнѣвается въ ихъ honorabilité ²⁾, что это лишнее и что ему дѣла нѣтъ до другихъ событій, что здѣсь судится убійство Курнэ, а остальное все равно. Французы не понимаютъ.

Когда кончилось дѣло, я въ трактирѣ предложилъ одному изъ адвокатовъ тостъ отъ имени революціонной Россіи англійскому судопроизводству. Ночью мы ѣхали по желѣзной дорогѣ въ Лонд. Англичане были въ восторгѣ, что мы довольны; и такъ какъ на радостяхъ сосѣди затянули марсельезу, то я и одинъ нѣмецъ предложили Rule Britannia ³⁾. Наши англичане съ радости чуть не опрокинули вагонъ, и съ страшнѣйшимъ шумомъ и объятіями мы пріѣхали въ богомъ хранимый градъ Лондонъ. На желѣзной дорогѣ пристава уже и не говорили о сигарахъ, которыя всѣ курили... Когда подсудимыхъ вывели, народъ, собравшійся около суда, встрѣтилъ ихъ крикомъ: «ширъ, ширъ Френчъ джентельменсъ» ⁴⁾ (т. е. vive).

Это день довольно замѣчательный, и онъ останется въ исторіи. Въ другихъ земляхъ ихъ разругали бы и посадили бы лѣтъ на десять въ тюрьму. А Бартел. за то, что онъ социалистъ и работникъ, еще хуже разругали бы и еще на дольшій срокъ законопатили бы. А - - - - - мертвыхъ сѣчетъ. Кто этотъ генералъ? Голов. ⁵⁾ страдаетъ объ его имени.

Прощайте. Адресуйте письмо въ новую квартиру. Собранныя деньги оставьте у себя, а мнѣ напишите только, сколько.

Татѣ буду писать изъ новой квартиры.

P. S. Вы знаете ли, что я живу совершенно по-англійски?

¹⁾ Станкевичи.

²⁾ Порядочность, честность.

³⁾ Начальныя слова англ. гимна «Царствуй, Британія».

⁴⁾ Побрейся, французскій джентльменъ.

⁵⁾ Головинъ.

Какъ-то вы сладите съ этой кухней? Впрочемъ, здѣсь нельзя иначе жить,—болень будешь. Рыба и говядина, говядина и рыба.

Виски

Джинъ — Хересь—пиво—портеръ—пиво.

Ромъ

Бренди

640. Письмо къ М. К. Рейхель.

30 марта (1853).

25, Euston Square New Road.

Письмецо получилъ. Еще разъ,—и это дружески и серьезно,—если ваше здоровье мало-мальски препятствуетъ, не ѣздите, а я приѣду къ вамъ (времена съ февраля измѣнились, у насъ есть свои термометры, и то, что тогда было совершеннымъ безуміемъ, теперь полбезуміа). Я отдаю дѣло на судъ Рейхеля; вы ему это скажите и какое его рѣшеніе, напишите. Со стороны желаній, разумѣется, я лучше хочу васъ съ дѣтми видѣть здѣсь. Здѣсь какое-то чувство покоя и полнѣйшей независимости «home» ¹⁾, къ тому же квартира для всѣхъ достаточна. Отчего Рейхелю васъ не проводить? Нѣсколько дней онъ какъ-нибудь уладится и у насъ. Впередъ должно сказать, что вы и думать не можете о томъ, чтобъ одинъ пенсъ истратить на эту поѣздку; все должно сдѣлаться на мои деньги.

Путь не труденъ; почему вы хотите ѣхать на Булонь, а не на Кале? Переѣздъ по морю всего уже между Кале и Дувромъ. Старайтесь переѣхать съ дневнымъ пароходомъ. Три часа, не болѣе провели мы на морѣ. Если же не приѣдете, то я оставлю здѣсь Ботвина и M-me Moture и съ Сашей явлюсь. Наконецъ, есть третья комбинація: если и мнѣ нельзя, то Рейхель могъ бы хоть довести сюда дѣтей. Они прожили бы мѣсяца два у меня, а потомъ я ихъ опять къ вамъ отдалъ бы. Напишите, насколько въ такомъ случаѣ можно надѣяться на Марихень. Но, впрочемъ, это самое скверное предположеніе. Ну, вотъ съ вами и Ст. случай сюда приѣхать.

Что это за вздоръ насчетъ Гавр. Касп. ²⁾? Ужъ это не Егоръ ли Ив. съ правител. выдумали мстить?

А Ротчевъ добаловался: получилъ изъ посольства приказъ немедленно ѣхать ко дворамъ, а онъ говоритъ: нѣтъ, у меня начата «проба Перу».

¹⁾ Домъ.

²⁾ Эрнъ, братъ М. К. Рейхель.

Cher Reichel, la question que j'ai posée est tout a fait sincère, je serai totalement indigne de l'amitié de Marie et de la vôtre si je voulais insister sur un voyage dans le cas qu'il présentait le moindre inconvénient pour la santé de Marie. Je prie une seule chose, décidez-vous et notifiez moi la décision, je ne peu souffrir l'attente et l'indécision. Si le voyage est possible venez accompagner Marie pour deux-trois jours ¹⁾.

Душа моя Таточка, развѣ тебѣ не все равно сюда прїѣхать? Мы здѣсь поживемъ всѣ вмѣстѣ, будемъ гулять и смотрѣть всякую всячину. И птички твои готовы; такія маленькія, двѣ въ одной клѣточкѣ. Одна будетъ Оленькина, другая твоя. Если же Маша будетъ больна, то я прїѣду, и мы вмѣстѣ будемъ ходить за ней. Прощай. Кланяйся Морицу.

При семъ записочка къ M-me Stankew.

641. Письмо къ М. К. Рейхель.

4 апрѣля 1853.

Письмо ваше и записку Е. К. ²⁾ получилъ. Ея мнѣніе такъ основательно и умно, что мы должны его принять окончательно, т. е. безъ Рейх. вы ѣздить не должны. Если даже онъ не можетъ васъ проводить до Лондона, то, по крайней мѣрѣ, до Дувра. (Это, впрочемъ, разница нѣсколькихъ часовъ). Итакъ, пусть онъ сдѣлаетъ эту жертву: погулять четверо сутокъ или трое; безъ него вамъ ѣхать не слѣдуетъ, я не хочу, не долженъ этого допустить. Съ другой стороны, я еще разъ вамъ говорю, что au jour d'aujourd'hui ³⁾ нѣтъ большихъ препятствій мнѣ на недѣлю прїѣхать. Тогда я взялъ бы дѣтей и привезъ ихъ сюда мѣсяца на два. Это необходимо; при слишкомъ короткихъ свиданіяхъ та непосредственная

¹⁾ Дорогой Рейхель, вопросъ мой поставленъ вполне искренно: я былъ бы совершенно недостоинъ дружбы Мари и вашей, когда бы захотѣлъ настоять на путешествіи и въ томъ случаѣ, если оно представляетъ малѣйшій рискъ для здоровья Мари. Объ одномъ только прошу: рѣшайте что-нибудь окончательно и сообщите свое рѣшеніе — терпѣть не могу ожиданій и нерѣшительности. Если путешествіе возможно, то сами проводите Мари денька на два, на три.

²⁾ Станкевичъ.

³⁾ Въ данный моментъ.

связь, въ которой и привычка очень важна, не будетъ жива; пусть они поживутъ у меня, а потомъ опять къ вамъ. А вы ужъ и о нѣмочкѣ ¹⁾ думаете? Зачѣмъ, кажется? Вотъ на это-то время онѣ и поживутъ у насъ. Вы мнѣ что-то плохо отвѣчаете насчетъ Марихень. Мнѣ здѣсь рекомендуютъ нѣмку и хвалятъ весьма, она можетъ учить начальной музыкѣ, по-англійски и нѣмецки. Какъ думаете?

Только смотрите, чтобы съ нашей корреспонденціей не прошелъ срокъ, къ 25-му апрѣля будемте вмѣстѣ,—я васъ прошу,—на Сенѣ ли, на Темзѣ ли.

Et vous homme silencieux, silence et musique—c'est une ironie. Beethoven a été sourd, vous êtes muet, je commence à penser que Rossini est aveugle. Donnez donc une réponse, la statue du Commandeur en donnait, la Muette de Portici aussi.

Venez donc ici accompagner Marie ou donnez moi l'ordre de venir à Paris. Vous passerez deux trois jours ici, vous aurez l'immense avantage de ne rien voir car le premier jour on reposera, le second nous nous réjouirons de l'entrevue et le troisième nous nous dirons adieu ²⁾.

Привезите: бронзовую руку,
мою табакерку (она гдѣ-то въ ящикѣ),
Лермонтова,
Мой романъ по-нѣмецки ³⁾,
«Онѣгина» отъ Хоецкаго,
Бѣлья всякаго не мѣшаетъ.

А что же Шомб. отдалъ Рейх. 500? Хоецкій пишетъ, что еще не брали 1000, а Фогтъ мнѣ прислалъ расписку въ 1200;—неравно, эти двѣсти нужны, не можете ли его ссудить дней на пять? Прилагаю записку къ нему, по которой онъ придетъ объясниться.

Я все еще считаю вопросъ не рѣшеннымъ, пока окончательно не будетъ положено, ѣдетъ Рейх. или нѣтъ.

Пишите, пожалуйста, объ этомъ.

¹⁾ М. К. хотѣла имѣть дочь.

²⁾ А вы, молчаливый мужчина, молчаніе и музыка, это — иронія. Бетховень былъ глухой, вы — нѣмой; начинаю думать, что Россини слѣпой. Дайте же отвѣтъ. Статуя Командора отвѣчала, «Нѣмая изъ Портичи» — также!

Пріѣзжайте же сюда, проводите Мари или дайте мнѣ приказъ явиться въ Парижъ. Проведете здѣсь два-три дня; вы будете пользоваться огромнымъ преимуществомъ ничего не видѣть, потому что первый день будутъ отдыхать, второй день мы будемъ радоваться свиданію, а третій — шрощаться.

³⁾ «Кто виновать?»

Е. К. благодарю за записку и за откровенное мнѣніе. Только въ одномъ я не согласенъ: какъ же это секретно печатать? Типографія не можетъ и не должна быть такою. Тайна путей доставленія—и ихъ никто не знаетъ. Въ моей запискѣ говорю о постороннихъ, я говорю только о западникахъ.

Вы говорите, что Рейх. хочеть здѣсь поискать счастья. Чего же лучше,—я, пожалуй, разузнаю все. Разумѣется, здѣсь дорого жить, но общими силами мы бы уладили. Подумайте объ этомъ серьезно. Только что же заставляетъ его покидать Парижъ? кажется, дѣла шли недурно.

642. Письмо къ Карлу Фогту.

5 avril 1853.

Londres, 25, Euston Square. New Road.

Cher Vogt, je dirai comme Kléber: «Général, votre père est grand comme le monde». Je l'estimais de tout mon cœur, mais je l'estime maintenant de tout mon cœur et demi. Sacristi! ce mariage est un évènement historique, un antécédent révolutionnaire! Dites moi, le plus vite possible, si vous me permettez d'en faire un article pour le leader qui passera dans la «Nation» etc.

Mais il a rehaussé, moralisé la stupide institution du mariage, cet homme-là! Ecrivez-lui de ma part deux ou trois mots de sympathie parfaite.

Hier, je me suis trouvé dans une société de dames anglaises; on jouait au sloop-chaises, jeu à la mode et très intelligent, non agaçant. Entre deux chevaux (en fer blanc) j'ai demandé la parole et j'ai raconté l'histoire du mariage. Les dames étaient enthousiasmées. Si j'avais le portrait du docteur professeur Wilhelm Vogt, qu'il m'a donné à Berne, je pourrais le montrer pour un 6 pences

Votre Negro a été aujourd'hui chez moi; j'ai été aimable comme une fille publique pour faire honneur à votre recommandation.

Carl Vogt, le genevois, quittez le maudit pays et venez ici, vous ne périrez pas d'ennui ni de pénurie. Kinkel fait maintenant un cours d'esthétique à L'Université. Eh bien! Kinkel est un homme de talent, voilà tout! Et notre ami Golowine qui a vendu pour 80 livres sterling un manuscrit quelque chose dans le genre d'un «Uncle Tome» russe!

Et vous — sacré nom de Dieu! — Lewis, le lion littéraire, vous.

estime infiniment. Voulez-vous? Je parlerai avec lui. On serait très heureux de vous avoir. Allons! Un bon mouvement.

Est-ce que je vous ai écrit que j'avais fait la connaissance de Carlyle, l'auteur de l'Histoire de la Révolution française. C'est un homme d'un talent immense mais trop paradoxal, on l'appelle le Proudhon écossais

Adieu.

Alex. Herzen.

Переводъ.

5 апрѣля 1853.

Дорогой Фогтъ! Скажу, какъ Клеберъ: «генераль, вашъ отецъ великъ, какъ мѣръ». Я уважалъ его всѣмъ сердцемъ, а теперь цѣню его всѣмъ сердцемъ и еще половиной сердца. Sapristi! этотъ бракъ— историческое событіе, революціонный антецедентъ! ¹⁾ Сообщите какъ можно скорѣе, позволяете ли вы написать по этому поводу передовую статью, которая будетъ перепечатана въ «*Nation*» и т. д.

Онъ возвысилъ, нравственно осмыслилъ нелѣпый институтъ брака. Напишите ему отъ меня два-три слова искреннѣйшей симпатіи.

Вчера мнѣ пришлось быть въ обществѣ англійскихъ дамъ; играли въ *steepie-chaises*, модную и очень умную игру, не раздражающую. Межъ двухъ коней (жестяныхъ) я попросилъ слова и рассказалъ про этотъ бракъ. Дамы были въ энтузіазмѣ. Будь со мною портретъ профессора Вильгельма Фогта, подаренный имъ мнѣ въ Бернѣ, я могъ бы показывать его по сикспенсу ²⁾...

Вашъ Негро ³⁾ сегодня былъ у меня; я былъ любезень, какъ публичная женщина, чтобъ отдать честь вашей рекомендаціи.

Карлъ Фогтъ, женевецъ, бросьте вашу проклятую Женеву и приѣзжайте сюда. Не погибнете ни отъ скуки, ни отъ нищеты. Кинкель читаетъ теперь курсъ эстетики въ университетѣ. Ну, что же. Кинкель человѣкъ талантливый, вотъ и все. А нашъ-то другъ, Головинъ, свою рукопись, нѣчто въ родѣ русскаго «Хижины дяди Тома», продалъ за 80 фунтовъ стерлинговъ.

А вы,—чортъ побери!—Льюисъ ⁴⁾, литературный левъ, цѣ-

¹⁾ О томъ, какъ старикъ В. Фогтъ повѣнчалъ свою дочь Луизу съ Кудлихомъ, см. въ «Быломъ и думахъ».

²⁾ 6 пенсовъ.

³⁾ ?

⁴⁾ Джорджъ-Генри, извѣстный англ. ученый и мыслитель.

нить вась безконечно. Хотите, я переговорю съ нимъ? То-то вамъ обрадуются. Ну же, встряхнитесь!

Не помню, писалъ ли я вамъ, что познакомился съ Карлейлемъ ¹⁾, авторомъ «Исторіи французской революціи»? Это—человѣкъ таланта громаднаго, но черезчуръ парадоксальный; его называютъ шотландскимъ Прудономъ.

Прощайте.

Алекс. Герценъ.

643. Письмо къ М. К. Рейхель.

6 апрѣля 1853.
25, Euston Sq.

И вы поздравляете меня ²⁾... Скверный день, день страшной годовщины... нѣтъ, не буду и вспоминать на письмѣ.

Какая странная, усѣченная и вполнину пустая жизнь. Знаете, есть большіе дома, гдѣ двѣ-три маленькія комнаты меблированы и отдѣлены, а остальные не заняты, стекла выбиты, пыль на вершокъ...

Вѣрите ли, недѣли проходятъ,—ни одного звука близкаго, кромѣ отъ Саши. Люди толкутся сколо меня, какъ прежде, но я гораздо дальше съ ними. Я даже съ генераломъ ³⁾ меньше знакомъ. Мы видимся только за обѣдомъ; онъ занятъ своимъ путешествіемъ, все поблѣднѣло въ его глазахъ, кромѣ австралійскихъ пріисковъ; не думайте, что мы съ нимъ ссоримся, но я начинаю въ немъ видѣть практическаго и ловкаго дѣльца.

Нѣтъ, Марья К., нѣтъ, и вы мутите свои чистыя понятія дружбой и любовью. Нѣтъ, Осипъ Иван. ⁴⁾ не безумный (несмотря на то, что Эдм. не на вась, а на него долженъ сердиться за то, что я не пріѣхалъ); я третьяго дня долго говорилъ съ его другомъ ⁵⁾ и со слезами разстался съ нимъ. И пусть меня проклянутъ съ нимъ, но ни въ Америку, ни въ Австралію я не поѣду. Когда вся жизнь сойдетъ до самосохраненія и на обдуманность, т. е. на нравствен-

¹⁾ Томасъ, извѣстный англ. писатель, историкъ и философъ.

²⁾ 25 марта (6 апрѣля)—день рожденія Герцена; въ 1852 г. въ этотъ день опредѣлилась болѣзнь Н. А.—ны.

³⁾ Гаугъ.

⁴⁾ Маццини.

⁵⁾ Аврелій Саффи.

ную буржуазію, тогда прощай, поэзія, прощай, удвоенное біеніе сердца и все прекрасное и энергическое.

Вотъ вамъ примѣръ. Еслибъ годъ тому назадъ я могъ поступить рѣзко, я, не краснѣя, могъ бы помянуть былое. А теперь съ плитой на груди и съ угрызениемъ совѣсти я долженъ презирать себя и «играть роль», чтобъ выразиться, какъ Ангельс.

А *propos*, кто жегъ объявленіе ¹⁾, не знаю: или *M-me* Энг. ²⁾ или *M-g* Tourg. ³⁾ или *Sas*. ⁴⁾. Объявленіи скажу слова два; если Ст. ⁵⁾ здѣсь, прочтите и имъ.

Скажите мнѣ, во-первыхъ, о чемъ идетъ рѣчь? О редакціи? Я не намѣренъ тогда трехъ словъ говорить, Богъ съ ней совсѣмъ.

О самомъ дѣлѣ? Кого это компрометируетъ? Развѣ вы не видите, что поляки больше компрометированы, а они хотѣли, чтобъ я напечаталъ такъ. Вся задача состоитъ въ томъ, чтобъ увлечь людей въ постоянныя сношенія; кто эти люди, я не знаю, вѣроятно, тотъ молодой человекъ, который анонимно мнѣ писалъ энергическія письма по-русски въ Ниццу ⁶⁾ и другіе въ родѣ Петраш. ⁷⁾, Спѣш. ⁸⁾. Тѣ, кто не хотятъ дѣйствовать этимъ путемъ, какъ же они будутъ компрометированы? *Сага mia*, поймите, что типографія есть дѣйствіе, это событіе и событіе такъ оцѣненное людьми, менѣе русскихъ привычными къ празднои осторожности, что на-дняхъ литераторъ, едва мнѣ знакомый, предложилъ свои средства доставлять чтò я хочу. Проектъ типографіи былъ рѣшительно всѣми, отъ старшихъ до Ив. Гавриловича ⁹⁾, принятъ съ рукоплесканіями. Это—исторія съ моей брошюрой, которая мнѣ принесла упреки только изъ Россіи ¹⁰⁾.

Au reste justice avant tout ¹¹⁾, я въ объявленіи сказалъ: «вотъ вамъ дверь, хотите ли воспользоваться—это ваше дѣло». Типографія—запросъ. Пусть же будетъ всему міру извѣстно, что въ половинѣ XIX столѣтія безумецъ, вѣрившій и любившій Россію, завелъ типографію для русскихъ, предложилъ имъ печатать даже даромъ, потерялъ свои деньги и ничего не напечаталъ, кромѣ своихъ не-

¹⁾ № 633.

²⁾ А. Х. Ангельсонъ.

³⁾ Н. И. Тургеневъ.

⁴⁾ Н. И. Сазоновъ.

⁵⁾ Станкевичи.

⁶⁾ А. А. Чумиковъ.

⁷⁾ М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

⁸⁾ Н. А. Спѣшневъ.

⁹⁾ Головинъ.

¹⁰⁾ № 513.

¹¹⁾ Впрочемъ, справедливость прежде всего.

нужныхъ статей. Я ни Европу Россіей, ни Россію Европой не хочу обманывать. Съ нынѣшней весны я совершенно покинулъ всякое вмѣшательство въ западныя дѣла, съ будущей я, можетъ, покину всѣ восточныя. Да, я горько понимаю качаніе головой поляковъ, когда идетъ рѣчь о русскихъ, — и гдѣ же эта опасность? Скажите, кого, напр., сослали, посадили въ тюрьму и пр. послѣ 1848? У насъ даже гоненій нѣтъ. Петраш. и С-піе? Да у нихъ было общество, да они дѣйствовали, а тѣхъ, которые только думали, читали, никто не трогалъ. Во всей Германіи и Франціи, Италіи столько же шансовъ да еще съ каенскимъ перцемъ. Вы и Е. К., вы подъ вліяніемъ благороднаго и чисто женскаго чувства страха за друзей; бойтесь, но не давайте же побѣждать себя этому чувству. Страхъ—страшно консервативный принципъ; ждать, довольствоваться возможнымъ, не желать бѣльшаго, скупиться—да на этомъ основано все зданіе реакціи. И, кажется, довольно. А кто жегъ, напишите.

Еще слово. Еслибъ вы обѣ были женами офицеровъ, матерями военныхъ, что же, вы и имъ совѣтовали бы уходить за вагенбургъ? Мы—чисто военные.

Я вамъ писалъ третьяго дня; вы, кажется, не получили еще.

Ѣдетъ ли Рейхель? Однѣ не ѣздите ни подъ какимъ видомъ и соображайтесь съ погодой (по барометру), постарайтесь море застать тихимъ. И, наконецъ, ради нашей дружбы и ради дѣтей я васъ умоляю не ѣздить, если здоровье не позволитъ. Я пріѣду непременно. Наконецъ, если Рейхелю нельзя, возьмите, коли не Эдмонда, то кого хотите, платите, что хотите, но однѣ съ Мари-хенъ не ѣздите.

Я писалъ вамъ о нѣмкѣ; что думаете? Не забудьте прихватить насчетъ салфетокъ и бѣлья. А игрушекъ и пр. какъ можно менѣе. Такъ какъ отѣздъ вашъ долженъ быть между 25 и 29, то я здѣсь справлюсь о всѣхъ пароходахъ. Мнѣ нужно знать для сего, утромъ или вечеромъ вы выѣзжаете (всего лучше отдохнуть полдня передъ пароходомъ), на Булонь, или Кале. Я или Гаугъ будемъ на берегу.

Саша нарисовалъ портретъ Гауга; страшно похожъ. Черезъ этотъ портретъ поляки узнали, что мое рожденіе, и все приходятъ. Но праздника нѣтъ, — отвратительный день. Р.—поклонъ. Прощайте.

644. Письмо къ Н. А. Герценъ.

6 апрѣля (1853).

Приготовляйся-ка ты къ пути-дорогѣ, къ взморью англлинскому, да смотри за Машей и Оленькой; теперь остается, можетъ, только двадцать дней со днемъ. Папа очень, очень хочетъ тебя видѣть и Олю; вы ему замѣните мамашу.

Прощай, дружокъ.

645. Письмо къ М. К. Рейхель.

8 апрѣля 1853 г.

Итакъ, «быть по сему», моя милая и добрая Марія Каспаровна ¹⁾. Но теперь позвольте же сказать о будущемъ. Я откровенно *не надѣюсь*, чтобъ дѣтямъ было у меня лучше, нежели у васъ, а потому вотъ что мы сдѣлаемъ за контрактъ. Они останутся здѣсь два или три мѣсяца, послѣ которыхъ, можетъ, я приѣду въ Парижъ, а, можетъ, отправлю ихъ однѣхъ къ вамъ. Ваша жизнь разъ навсегда связана съ моей и съ ихъ жизнью; для того, чтобъ ее развязать, надобно намъ перемереть. Для уроковъ здѣсь есть славныя нѣмки и француженки; я знаю черезъ m-me Kinkel ²⁾ m-me Reichenbach... Я все дамъ здѣсь знаю: m-me Stasnfeld, m-me Crawford, m-me Hawks, Biggs, Askarst,—каково-съ!

Разумѣется, вы хорошо сдѣлали, что не послали Хоецъ записку. Я, вѣдь, его для матеріальной услуги рекомендовалъ. Что же, онъ, стало, пекъ объявленіе? ³⁾ Это что же, изъ трусости, что я прислалъ, что ли?—иначе я не понимаю.

Типографія будетъ, и, если я ничего не сдѣлаю больше, то эта инициатива русской гласности когда-нибудь будетъ оцѣнена!

Напишите, куда и когда встрѣчать намъ Рейхеля съ дѣтьми.

¹⁾ Она сообщила, что, по сроку беременности, приѣхать не можетъ.

²⁾ Юганна, жена Ж.-Г. Кинкеля, очень умная и энергичная женщина, композиторъ.

³⁾ № 633.

Пароходъ изъ Булонь идетъ въ Фолькстонъ, изъ Кале—на Дувръ, и всякія сутки идутъ изъ обоихъ мѣстъ 2 парохода; времени не знаю въ Булони, въ Кале одинъ въ ночь; я совѣтую предпочесть дневной. На берегу въ Дуврѣ или Фолькстонѣ насъ Рейхель найдетъ при выходѣ съ корабля, а если мы разѣдемся, пусть сейчасъ ѣдетъ въ Лондонъ: New-Road Юстонъ Sq. знаетъ всякій кэбменъ. На желѣзной дорогѣ можно брать два мѣста, на пароходѣ, разумѣется, 1-е. Но экономничать вообще ненужно; вы сдѣлайте счетъ, дайте денегъ,—если больше понадобится, то сочтемся потомъ.

А Марихень, остается, что ли, на три мѣсяца?

Изъ Виртемб. ¹⁾, разумѣется, старое adagio: «денегъ дай, денегъ дай и успѣхъ не ожидай». Наивность этого письма прекрасна. «Дѣвушка» говоритъ, что она полтора года была въ фѣргельтнись ²⁾ съ телеграфщикомъ, онъ у ней потратилъ деньги и заплатилъ ей дочерью. Теперь она идетъ замужъ, и мужъ долженъ внести кафіцію 500 гульд. Такъ, видите, не хочу ли я учаѣтфифать. Вы знаете, что Готл. Ив. ³⁾ послано было послѣ кончины мам. 10.000 фр., его сестрѣ—10.000 etc., etc., а потому, думаю, лучше не отвѣчать, а, впрочемъ, какъ прикажете.

Погода у насъ лѣтняя.

Жаль, чортъ возьми, что вы не пріѣдете. Да, впрочемъ, въ двѣ недѣли, кажется, много воды утечетъ,—благо, Рейхель ѣдетъ; вы и не рѣшайтесь и не думайте прежде, а тогда увидите. Прощайте, жму крѣпко вашу руку.

646. Письмо къ М. К. Рейхель.

12 апрѣля (1853).
25, Euston Square.

На повѣрку выйдетъ, что сегодня ваши именины или завтра. Ну, видите, я и внимательно невнимателенъ, старъ и плохъ. Однако, поздравляю. Будьте здоровы, только здоровы, остальное сладится. А мнѣ очень больно, что вы не пріѣдете. Ну, пріѣзжайте же послѣ, когда справитесь съ дѣлами. Берите примѣръ съ королевы Викторіи: опять принцъ, да ей и горя мало.

¹⁾ Отъ родныхъ Луизы Ивановны Гаагъ.

²⁾ Связь.

³⁾ Готлибъ Ивановичъ Гаагъ.

Насчетъ 200 руб., прибавочныхъ Хоец., и проч., ужъ сдѣлайте ваше одолженіе, ведите меморію.

А не могу опять не сказать слова два объ объявленіи ¹⁾. Да вамъ все сдается, что я прямо говорю пяти или шести нашимъ пріятелямъ и друзьямъ. Помилуйте, это ни къ кому не относится, кромѣ къ свободно мыслящей части публики. Какъ же правительство можетъ частно преслѣдовать, когда отвѣта нѣтъ? Даже Печеринъ, при всемъ поповствѣ, въ восторгѣ отъ типографіи. Но что это за типографія, которая и въ Лондонѣ будетъ прятаться. Когда все будетъ готово, я объявлю въ «Times» и «Morn. Advert.».

Не упреки нашимъ я дѣлаю,—это было бы слишкомъ мало,—я дѣлаю начало совершенно новой дѣятельности для Россіи, и вы увидите, это будетъ оцѣнено. Поведеніемъ нашихъ я не могу быть доволенъ: ихъ осторожность помогаетъ правительству; разумѣется, молчать и сидѣть сложа руки лучше, т. е. покойнѣе. Еще разъ повторяю, это—вопросъ своимъ и чужимъ. Почему вы знаете, что не найдутся люди въ Кіевѣ, въ Харьковѣ, которые захотятъ черезъ поляковъ прислать? Да хоть бы Пушкина запрещ. стихи, которые изъ Москвы врядъ дождемся ли. Ужъ какъ вашей милости угодно, а крѣпонецъ на эту сторону. Я понимаю, изъ чего у васъ идетъ эта осторожность, и цѣню ее и люблю васъ, да и спорю немножко.

Ну, на Фолькстонъ, такъ на Фолькстонъ. Мнѣ очень хочется видѣть малютокъ. Тата, должно быть, немного займетъ пустое мѣсто женскимъ элементомъ: она прежде сильно и глубоко чувствовала.

Прощайте.

Тата,

У Саши готова для васъ игра стипльчезъ: лошадки прыгаютъ черезъ заборчики, и кто скорѣе обгонитъ. Будетъ Оленькѣ кошка: одна живая, одна набитая, одна фарфоровая и одна рисованная.

Для птицъ ищемъ клѣтку нарядную.

А горничную нашу зовутъ мисъ Меріанъ, и она похожа на обезьяну, а кухарку—madame Moture, и она ни на что не похожа. Вотъ тебѣ всѣ наши приготовленія.

А корпія?

¹⁾ № 633.

647. Письмо къ М. К. Рейхель.

15 апрѣля (1853). Пятница.
25, Euston sq. New Road.

Вы можете прочесть письмо мое къ М. ¹⁾. Это—мой ультиматумъ, и вы, какъ мой представитель (ваше женское достоинство этому не мѣшаетъ: Маргарита Пармская была представительницей Филиппа II во Фландріи), можете отсель *отказывать безусловно*. Если ему крайность, я предложилъ, какъ увидите, небольшую сумму, далѣе pas un maravédis ²⁾. Что нужно на дорогу, право, не знаю; билеты достаточно взять до Фолькстона. Если у васъ есть деньги, я Рейхелю здѣсь заплачу, если нѣтъ, то напишите просто, какой чекъ на Ротшильда прислать. Очень умно, что туалеттики приготовили, а если еще вы къ этому простыни да одѣяльца, да наволочки дадите, а если случится и салфетокъ (если же нѣтъ нужнаго, то напишите, чтобъ я приготовилъ), то просто облагодѣтельствуете. Я немного купилъ; какая дешевизна, представьте: салфетки 16 шил. (20 фр.) превосх. и скатерти 8 и 10 шил. Не нужно ли вамъ? Я вамъ пришлю съ Рейхелемъ,—скажите.

Рейхелю Лондонъ я самъ покажу и въ оперу свожу, и напою пьянаго, и спать уложу.

У меня щека и носъ съ лѣвой стороны распухли до такой срамоты, что по улицѣ ходить совѣстно. Признаюсь, климатъ здѣсь забавный,—всякій день хуже. Да вотъ Мельг. и не такую муху мнѣ посадилъ въ голову, какъ я Татѣ: говорить у *наши* былъ параличъ. Кто паша? Семенычъ, что ли? Пожалуйста, отпишите; вѣдь, это, знаете, какое дѣло, если Семенычъ посломается параличемъ.

Хоть это удовольствіе Богъ бы съ угодники благословилъ за обиду патріарха константинопольскаго Меншиковымъ.

Безпокойтесь насчетъ числа наслѣдниковъ англійской помѣщицы? Послѣдній, что родился за недѣлю, *девятый*—съ. Точно, аглицкая работа и машинная акселере ³⁾. «Пуншъ» ⁴⁾ говоритъ, что плодовитость королевы равняется ежегодному налогу, что она разоритъ Англію,—только за это здѣсь барбарами не шаруютъ.

¹⁾ Мельгуновъ; будучи уже долженъ, еще просилъ денегъ.

²⁾ Ни одного мараведиса (испанская монета меньше копѣйки).

³⁾ Accélégé—ускоренный.

⁴⁾ «Punch»—англійскій сатирическій журналъ.

По-французски она ¹⁾ умѣетъ только молчать, а говоритъ по-англійски. Да и тебѣ надо выучиться. Портретъ ²⁾ не очень похожъ,— ей всего 17 лѣтъ, а на портретѣ 71.

За корпію благодарю.

Олю цѣлую.

648. Письмо къ М. К. Рейхель.

18 апрѣля (1853). Понедѣльникъ.

Четвертый день у меня такъ болитъ голова, что просто скверно. Ну ужъ климатъ.

Посылаю вексель въ 2.700 фр., т. е. 2.200 Мельг. + 500 вамъ дорож.

Да, прошлый годъ (сверхъ посланныхъ въ Россію) пришелся дорогъ, да и не однѣми деньгами, а половиною жизненныхъ силъ. Этого не повторится, траты были велики во всѣхъ отношеніяхъ. Теперь идетъ все своимъ русломъ, но я не могу и не долженъ «заврывать», по выраженію игроковъ. Вотъ отъ того-то я *долженъ* былъ поставить veto Мел.—*Пусть онъ не сердится*. Я всѣмъ буду отказывать, всякія ссуды, кромѣ маленькихъ суммъ.

Былъ я послѣ вашей записки у Нидер. ³⁾; разумѣется, онъ въ страшномъ положеніи, я ему далъ на первый случай троху денегъ. Дитя такое жалкое; я его взялъ на улицу и купилъ игрушекъ; она чуть съ ума не сошла отъ радости, а у меня были слезы на глазахъ. Проклятье этому міру Разумѣется, доля ихъ бѣды отъ неловкости, но, вѣдь, и это не обязанность—быть ловкимъ. Съ небольшимъ талантомъ здѣсь легче добыть кусокъ хлѣба, нежели въ Парижѣ. Чего Бокэ,—а сытъ и одѣтъ съ Жюлемъ и съ своей дульциней. Дульцинея работаетъ у флериста, Бокэ даетъ маленькіе уроки.

Хоецкому сообщите, что я рѣшительно ничего не получалъ, о чемъ онъ мнѣ писалъ; не можетъ ли онъ мнѣ дать адресъ, съ кѣмъ онъ послалъ? Да не забудьте, благодѣтельница, «Онѣгина» и еще томикъ-другой Пушкина.

Насчетъ уроковъ Таты *c'est le cadet de mes soucis* ⁴⁾, — я знаю здѣсь превосходныхъ учительницъ. А что она по-нѣмецки не

¹⁾ Горничная Меріанъ.

²⁾ Герценъ нарисовалъ профиль съ громаднымъ носомъ.

³⁾ Нидергуберъ, нѣмецкій эмигрантъ.

⁴⁾ Это—наименьшая моя забота.

говорить, въ этомъ бѣды нѣтъ,—пора намъ всѣмъ перестать говорить по-нѣмецки. Фортепіано тоже со временемъ будутъ.

Когда Рейхель пойдетъ къ Ротшильду, то уже недалеко будетъ зайти къ Франку—Rue Richelieu—пусть онъ утрудится спросить у него книгу «Aide memoire d'un officier de Génie» и IV vol. «Cosmos» Гумбольдта. Et avec cela, l'honorable et docte prémentionné Reichel demandera à Franck, combien il me doit encore pour mes brochures ¹⁾. Melg. дастъ Рейхелю записочку въ полученіи.

Вотъ и все. Остается ждать гостей; только бы головная боль прошла, а то вмѣсто Ник. Сем. эдакъ кондрашка меня хватить.

Польскіе журналы начинаютъ гремѣть объ типографіи, принимаютъ ее за новую зарю и пр. Ей Богу, голова кругомъ идетъ, видя такое противорѣчіе между ближайшими людьми и публикой.

Я, съ своей стороны, увѣренъ, что это—лучшее дѣло въ моей жизни. Слово, кажется, такъ напугавшее васъ: «Старый союзъ», будетъ выброшено во второмъ изданіи ²⁾.

А здѣсь министерія вздумала схватить какія-то ружья, да сама жизни не рада.

Прощайте.

Дѣтямъ поклонъ. Саша въ манежѣ.

P. S. ³⁾ Это для Таты въ объясненіе, гдѣ Саша.

При семъ записочка Шомбургу; прошу Рейх. отобрать отвѣтъ.

А сколько Марихѣ дѣвать? Хоть бы вы достали черезъ Ст. новыхъ русскихъ книгъ. Я заплатилъ бы за проѣздъ,—вѣдь, пишутъ же что-нибудь. А главное, Пушкина ненапечатанное. Вотъ благодѣяніе-то будетъ. У Кетчера все есть.

Adieu.

649. Письмо къ М. К. Рейхель.

23 (апрѣля 1853). Суббота.
25, Euston sq.

Здѣсь третій день погода невѣроятная: стужа, вьюга, вѣтеръ, дождь, туманъ,—разумѣется, такую бурю надо переждать. Если у Оленьки кашель съ жаромъ, то надобно отложить; если безъ жару, не опасно; на морѣ, если холодно, совѣтую ихъ держать въ каютѣ. Всего лучше нѣсколько сообразоваться съ барометромъ.

¹⁾ «И, вмѣстѣ съ тѣмъ, почтенный и ученый вышепомянутый Рейхель пусть спроситъ Франка, сколько тотъ еще мнѣ долженъ за мои брошюры».

²⁾ См. въ концѣ № 633.

³⁾ Послѣ этого нарисована верхняя половина лошадиной морды.

Мельгунов. тысяча да будетъ benvenuta ¹⁾!

«Онѣгина» очень бы хотѣлось достать, остальное повторять нечего, не забудьте табакерку и перев. Лермонтова.

Учительница для Таты въ виду есть, — умная и образованная особа ²⁾, я ее приглашу черезъ день давать уроки на фортепiano, по-нѣмецки и по-французски. А по-русски ужъ развѣ я самъ на старости лѣтъ позаймусь.

Печеринъ прислалъ посланіе, въ которомъ умно по-іезуитски критикуетъ мои брошюры о Россіи ³⁾; я ему отвѣчалъ письмомъ тоже дипломатическимъ, грубо-вѣжливо, деликатно.

Саша пускается въ свѣтъ: на-дняхъ ѣздилъ безъ меня на пароходѣ съ англійскими барышнями и барынями смотрѣть Тоуэръ ⁴⁾. А вчера мы съ нимъ пріѣхали въ два часа ночи домой отъ М-me Hawks,—вотъ какъ!

А propos, M-rs Stow ⁵⁾ будетъ на-дняхъ сюда, она уже въ Глазговѣ; вездѣ ей царскіе приемы,—вотъ тебѣ и «Uncle Tom».

Головинъ тотчасъ настрочилъ свой Untom.

Жду депеши объ отправленіи и распоряжусь, мнѣ ли, Гаугу ли ѣхать въ Фолькстонъ навстрѣчу.

Прощайте. Что то не пишется. Головная боль, впрочемъ, прошла.

Рейхелю на словахъ исполню поклонъ.

650. Письмо къ Н. А. Герценъ.

Суббота, апрѣля 23 (1853).

Лондонъ.

Ну, Тата, мы тебя ждемъ, ждемъ съ Оленькой, и все готово, только берегись на дорогѣ и за Оленькой смотри.

Прощай.

Ты Гауга не узнаешь: онъ сдѣлался маленькій, какъ Мориць, и все шалить, прыгаетъ, пляшетъ.

¹⁾ Желанный, дорогой гость.

²⁾ Мальвида Мейзенбургъ.

³⁾ О №№ 513 и 537.

⁴⁾ Знаменитая крѣпость въ лондонскомъ Сити, на берегу Темзы, служившая мѣстомъ заключенія государственныхъ преступниковъ.

⁵⁾ Бичеръ-Стоу.

651. Письмо къ М. К. Рейхель.

27 апрѣля (1853). Среда.

Особеннаго сказать нечего: въ субботу, такъ въ субботу. Если я не поѣду въ Фолькстонъ, то Гаугъ, а я здѣсь буду ждать. Зачѣмъ вы все больны?... Да и многое зачѣмъ.

Помните, какъ вы пріѣхали въ Ниццу? Жизнь моя идетъ все скучнѣе и скучнѣе. Одиночество даетъ время долго возвращаться на прошедшее.

Кромѣ васъ, я ни съ кѣмъ не говорю ¹⁾. Генераль такъ занятъ Австраліей, да и ему не сладко возвращаться на многое... другіе... гдѣ другіе? Каждый пошелъ своей дорогой, и вѣчной дружбы не хватило на годъ. Я думалъ, что, по крайней мѣрѣ, Энгелъ, который больше и безкорыстнѣе понималъ, останется живымъ памятникомъ... Остались вы, вы однѣ; если, кромѣ васъ, есть что-нибудь незыблемо преданное, то это не въ Европѣ.

Я чувствую по силамъ, по юности независимой отъ лѣтъ, по желанію многое сказать (писать трудно), что этотъ régime Мазасъ ²⁾ не ведетъ къ добру, и потому тройнѣ радъ пріѣзду дѣтей.

Разумѣется, я не стану философствовать о жизни съ Олей, но легче будетъ. Что касается до климата лондонскаго, я не думаю, чтобъ вы были правы. Климатъ здѣсь скученъ, нечистъ, мерзокъ и сердитъ, но онъ необыкновенно здоровъ. Саша здоровехонекъ, простуды легонькія и безъ виднаго слѣда бываютъ. Я потому повторяю, что климатъ здоровъ, что работается легко и можно много пить (изъ чего не слѣдуетъ, чтобъ я часто и много пилъ, — мы ведемъ очень скромную жизнь). Для меня климатъ Лондона лучше Ниццы, да и средняя смертность здѣсь не сильна. Для гулянья цѣлый скверъ возлѣ дома.

А rgoros, если Рейхель разъѣдется въ Фолькстонъ съ нами, то пусть, не ожидая много времени, прямо ѣдетъ; на таможенѣ смотрятъ очень учтиво, но по-французски не говорятъ. Можно нанять мальчика изъ ресторана. Въ Лондонѣ пусть возьметъ двѣ кареты (Cab): Юстонъ скверъ, Нью Родъ, твенти фэйфъ, — для произношенія.

¹⁾ Вотъ почему не удалось найти писемъ къ другимъ лицамъ за это время.

²⁾ Т. е. уединеніе, какъ въ мазасской одиночной тюрьмѣ Парижа.

652. Письмо къ М. К. Рейхель.

27 avril (1853).
Londres.

A Tata.

Вотъ какая клѣтка и вотъ какія птицы; когда холодно, ихъ на ночь завертываютъ въ пухъ и кладутъ спать Ботсвину въ ухо ¹⁾.

А Оленькѣ кошекъ ищемъ.

Еще разъ прошу васъ, если погода будетъ дурна или здоровье помѣшаетъ, тотчасъ отложить путь.

Рукописи пришлите.

653. Письмо къ М. К. Рейхель.

2 мая (1853), 11 часовъ утра.

Добрая, милая Марья Каспаровна, пишу вамъ въ страшную годовщину, и притомъ не могу ничего прибавить. Я сегодня открылъ въ первый разъ шкатулку ²⁾, запертую тогда при Сашѣ и Татѣ.

Третьяго дня на дебаркадерѣ у Лондонъ-бриджа мы ждали дѣтей; въ девять ровно пришелъ train ³⁾, мы нашли Рейхеля и дѣтей въ вагонѣ еще (здѣсь пускаютъ къ рельсамъ).

Оленька похорошѣла, но Тата нѣтъ,—она очень смѣшна безъ двухъ зубовъ.

Путь совершили здорово, погода превосходная. Вчера таскалъ вашего супруга по городу. Онъ былъ ébahé ⁴⁾ отъ величины, величія парковъ и улицъ. Иду гулять съ нимъ сейчасъ и попаиваю его.

За все присланное благодарю.

А за дѣтей—какъ же тутъ благодарить? Жму руку, крѣпко цѣлую васъ. Не думайте, что я пропустилъ тѣ двѣ - три грустныхъ строчки, которыми вы заключили письмо, и жаль мнѣ стало, что отъ васъ дѣтей надобно было взять.

¹⁾ Сверху нарисована клѣтка съ очень маленькими птицами.

²⁾ Въ которой были сложены письма Н. А—ны и нѣкоторыя ея вещи.

³⁾ Поѣздъ.

⁴⁾ Изумлень.

Погодимте, можетъ, придется вмѣстѣ пожить. А Рейхелю Лондонъ понравился.

Прощайте пока. А, вѣдь, Эдмондъ и это сморозилъ, что онъ бросилъ объявленіе ¹⁾ въ печь. Браницкій былъ здѣсь, и этотъ экземпляръ у него. А Прудонецъ деньгу зашибаетъ.

Въ Москвѣ сильная холера. Письмо отъ Тат. Ал. совершенно безъ новостей. До свиданія съ Рейхелемъ.

Пишите.

P. S. Рейхель умоляетъ не писать, что онъ вчера отдалъ фунтъ стерл. кэбмену за шиллингъ. А вашъ счетъ я читать не хочу,—вы не Шомшильдъ.

Сейчасъ получилъ ваше письмо. Тата вамъ писала, но не знаю, гдѣ ея письмо,—она въ саду.

654. Письмо къ М. К. Рейхель.

3 мая (1853).

Рейхель опоздалъ къ первому train, который отправляется въ 8 часовъ утра, и, стало, поѣдетъ въ 8 вечера.

Вчера я провелъ почти весь день одинъ съ нимъ и хотѣлъ этого.

Мнѣ мучительно хотѣлось вамъ послать какой-нибудь вздоръ и я, съ обычной неловкостью, протаскался пять часовъ и ничего не нашель. Собирался даже сову послать, но оказалось, что это не ночникъ, а солонка.

Поищемъ сегодня.

Рейхель везетъ себѣ бутылку перваго сорта виски.

Рапортъ о дѣтяхъ напишу подробный, когда устроимся. На первый случай еще все въ безпорядкѣ. Какъ Оленьку учить порусски?

655. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

3 Mai (1853). Mercredi.
25, Euston Sq.

Mademoiselle, Mes petites sont arrivées. Je voulais absolument les avoir pour ces journées. Aujourd'hui *il y a juste* un an après l'enterrement.

Vous avez très bien fait l'autre jour en me parlant de cette histoire terrible. Vous m'avez fait un grand bien. Des mois passent

¹⁾ № 633.

sans qu'une seule parole sympathique vienne à moi. J'ai trop parlé au commencement, je me tais trop maintenant sur les faits.

Oui, Mademoiselle, la position de la femme dans cette société absurde, tyrannique est atroce. Toutes les tyrannies ensemble sont tournées contre la femme, à elle point de rêve, ni merci, à elle point de réhabilitation, ni de liberté. Oui, j'ai assisté pendant une année et quatre mois à un assassinat lent, sans pouvoir ni dir... ¹⁾ j'ai vu comment on applique les tortures et comment on a fini par achever la femme la plus sublime, la plus forte que j'ai connue. Et le tout par amour-propre blessé et par la supériorité sociale d'un homme sur chaque femme.

Je vous ferai connaître par de petits débris, par des miettes qui ont survécu ce que c'était cette femme.

Elle voulait donner un exemple de la force morale en se mettant elle-même en scène sans se cacher derrière un mari, ou un frère. Alors on lâcha la calomnie, la bassesse, la perfidie mesquine, qui marche nuitamment, qui empoisonne sans danger.

Ne me demandez pas pourquoi après tout cet homme existe encore. C'est ici que commence la seconde fatalité; ce n'est que cette femme qui avait la force d'arrêter mon bras. Elle aussi croyait à une autre justice, au sentiment de la moralité de notre parti. Au commencement, retenu par un serment, j'ai cru mieux faire en demandant justice solennelle contre... un monstre d'immoralité.

J'ai ému quelques hommes—et voila tout. Après—je m'étais compromis par ma demande.

Je suis flétri par l'existence de cet homme. Fatalité, une vie pure, sans tache, toujours dans les rangs des combattants, une vie de 40 ans, riche de force, de bonheur. Et tout à coup—néant autour, des cercueils, des enfants — et une vengeance non accomplie, donc une flétrissure. C'est lourd—mais il faut le porter.

Au reste, pardonnez moi que je viens de cette manière à l'improviste vous compter mes plaies. Ce n'est pas dans mon caractère, je tâche toujours d'être gai — je ne veux pas de rôle tragique, en général pas de rôle. Mais quelque fois les sentiments débordent — et vous m'avez montré une attention affectueuse à laquelle je m'adresse maintenant.

Passons à notre affaire. Dites-moi où dois-je prendre un piano (assez ordinaire pour les commencements). Quelles sont vos heures les plus libres et (pour ne plus retourner sur les questions pécuniaires)—quelles sont vos conditions. Chez nous maintenant nous avons pour

¹⁾ Два слова не разобраны.

Alex. 5 maitres, or donc l'anglais prend 3 s. $1\frac{1}{2}$ par leçon. Les mathem., le Français et le dessin 4 fr. et Müller-Str. ¹⁾ qui donne des leçons doubles allemand et latin 5 shill.

Dites-moi franchement comment vous l'entendez et je viendrai immédiatement après votre lettre vous présenter la Demoiselle Tata Herzen.

Je vous salue de tout mon cœur.

A. Herzen.

Переводъ. ¹

3 мая (1853). Среда.
25, Euston Square.

Сударыня, мои дѣвочки приѣхали. Я непремѣнно хотѣлъ быть съ ними эти дни: сегодня *ровно юдѣ* послѣ похоронъ.

Вы отлично сдѣлали, что сами заговорили со мною объ этой ужасной исторіи. Этимъ вы мнѣ сдѣлали большое добро. Цѣлые мѣсяцы до меня не доходитъ ни одного сочувственнаго слова. Въ началѣ я самъ слишкомъ много говорилъ, теперь я слишкомъ молчу относительно фактовъ.

Да, сударыня, въ этомъ нелѣпомъ, тиранническомъ обществѣ положеніе женщины ужасно. Всѣ виды тиранніи, вмѣстѣ взятые, обращены на нее: ей нѣтъ ни отдыха, ни пощады, ни возможности реабилитаціи, ни свободы. Да, цѣлый годъ и четыре мѣсяца я присутствовалъ при медленномъ умерщвленіи женщины, не будучи въ состояніи... ²⁾; я видѣлъ, какъ ее подвергали пыткамъ и какъ, въ концѣ концовъ, свели въ могилу женщину, самую возвышенную, самую сильную, какихъ я только зналъ. И все—изъ-за задѣтаго самолюбія и общественнаго превосходства всякаго мужчины надъ всякою женщиною.

По маленькимъ остаткамъ, по мелкимъ крошкамъ, оставшимся послѣ нея я васъ ознакомлю съ тѣмъ, что это была за женщина.

Она захотѣла дать примѣръ нравственной силы, выступивъ самой на сцену этой исторіи вмѣсто того, чтобы спрятаться за своимъ мужемъ или какимъ-нибудь братомъ. Тогда надъ ней просто разразилась клевета, низость, мелкое коварство,—все то, что распространяется лишь скрытно, тайкомъ, чтѣ отравляетъ безъ опасности.

Вы меня спрашиваете, какъ же послѣ всего, что случилось, тотъ человѣкъ еще живъ? Вотъ здѣсь начинается второе про-

¹⁾ Müller-Strübing.

²⁾ Два слова не разобраны.

клятѣ рока: только эта женщина имѣла достаточно силы, чтобы остановить мою руку. Она также вѣрила въ иное правосудіе,—въ нравственное чувство нашей партіи. Въ началѣ исторіи, обязанный клятвою, я самъ думалъ, что наилучшимъ выходомъ явится торжественное требованіе правосудія противъ чудовища безнравственности.

Я взволновалъ нѣкоторое число людей,—вотъ и все. Потомъ оказалось, что я самъ себя скомпрометировалъ своимъ требованіемъ.

Я опозоренъ фактомъ существованія этого человѣка въ живыхъ. Злой рокъ, жизнь чистая, безъ единого пятна, всегда въ рядахъ борцовъ, жизнь сорокалѣтняя, полная силы и счастья.—И внезапно все исчезло, остались гробы, дѣти и не выполненное мщеніе, слѣдовательно, позоръ! Это—тяжкій крестъ, но нужно его нести.

Простите, что я такъ внезапно обрушился на васъ съ перечисленіемъ моихъ ранъ. Это вообще не въ моемъ характерѣ, я всегда стараюсь быть веселымъ, я не хочу брать на себя трагической роли и вообще никакой роли. Но иногда чувства мои выходятъ изъ береговъ, а вы только-что выказали мнѣ теплое вниманіе,—и вотъ, я къ нему теперь прибѣгаю.

Перейдемъ къ нашему дѣлу. Сообщите мнѣ, гдѣ взять фортепіано (для начала, думаю, достаточно взять довольно обыкновенное)? Какіе часы вамъ наиболѣе удобны и (чтобы больше не возвращаться къ денежнымъ вопросамъ) каковы ваши условія? У насъ теперь для Алекс. пять учителей; англичанинъ беретъ 3¹/₂ шиллинга за урокъ; за математику, французской и рисованіе по 4 ш., а Мюллеръ-Стрюбингъ, который даетъ двойные уроки, по нѣмецкому и латинскому языку,—по 5 шил.

Сообщите откровенно, что вамъ нужно, и тотчасъ послѣ вашего письма я представлю вамъ дѣвицу Тату Герценъ.

Привѣтствую васъ отъ всей души.

*А. Герценъ.*²

◆◆ 1. Мальвида фонъ-Мейзенбургъ играла въ семейной жизни Герцена значительную роль и потому читателю необходимо знать вкратцѣ ея біографію.

Отецъ ея, Филиппъ Ривалье, эмигрировалъ въ числѣ другихъ гугенотовъ изъ Франціи въ Гессенъ, гдѣ вскорѣ занялъ видное положеніе и получилъ титулъ барона фонъ-Мейзенбургъ. Мальвида родилась въ 1816 году, и, слѣд., была почти ровесницей Н. А.—нѣ и немного младше Герцена. Одинъ изъ ея братьевъ былъ министромъ

въ Карлсруэ, другой—въ Австріи. Она получила обыкновенное по тогдашнему времени образованіе, но, благодаря постоянному стремленію къ знанію, сумѣла поставить себя далеко впереди окружавшаго ее міра бюрократовъ. Сердце ея было разбито нераздѣленной любовью къ нѣмецкому политическому дѣятелю Теодору Альтгаузу. Потерявъ въ 1847 г. отца, не оставившаго семьѣ никакого матеріальнаго обезпеченія, и сочувствуя революціонному потоку 1848 года, она покинула родныхъ и, переѣхавъ сначала въ Гамбургъ, потомъ въ 1852 г. переселилась въ Лондонъ, гдѣ занималась переводами и репетированіемъ, чтобъ содержать себя и быть совершенно матеріально независимой. Ея литературная дѣятельность была невелика, но даетъ ей право на свое собственное мѣсто.

Мейзенбургъ познакомилась съ Герценомъ въ домѣ нѣмецкаго эмигранта Кинкеля, вскорѣ по пріѣздѣ Герцена въ Лондонъ, зная уже его по сочиненіямъ, о чемъ говорилось раньше. «Кинкели пригласили меня къ себѣ, чтобъ я могла встрѣтиться съ Герценомъ. Горя нетерпѣніемъ, поспѣшила я къ нимъ; у нихъ былъ пріятель Герцена, генералъ Гаугъ, жившій у него, и сынъ Герцена. Еще въ Гамбургѣ слышала я о Гаугѣ; я была рада познакомиться съ этимъ умнымъ человѣкомъ, энергія котораго внушала мнѣ большое уваженіе, и любовалась молодымъ Герценомъ, бывшимъ въ расцвѣтѣ замѣчательной отроческой красоты. Наконецъ, вошелъ и самъ Герценъ. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, коренастъ, волосы на головѣ и бородѣ у него были черные, черты лица немного широкія, а глаза блестящі дивнымъ блескомъ; никогда не видѣла я глазъ, съ такою подвижностью отражающихъ малѣйшія движенія души. Его представили мнѣ, и разговоръ не замедлилъ оживиться; я узнала тотъ блестящій, острый умъ, съ которымъ познакомилась по его книгѣ, но теперь могла обнаружиться и его мощная діалектика. По довольно странному совпаденію, по всѣмъ пунктамъ которыхъ касался разговоръ, его мнѣнія согласовались съ моими. Онъ, его сынъ и Гаугъ проводили меня до дверей моего дома, и въ этотъ вечеръ я была счастлива сознаніемъ того, что въ мою жизнь вошла выдающаяся личность и что между нами существуетъ общность взглядовъ» («Нов. Журн. Иностр. Литературы», 1905, X, 135—136).

Вскорѣ Мейзенбургъ встрѣтилась съ Герценомъ на лекціи по исторіи искусства, которую съ большимъ успѣхомъ читалъ Кинкель. «Я разговаривала съ Кинкелемъ, его женой и нѣсколькими знакомыми, когда къ намъ подошелъ Герценъ, бывшій на лекціи съ Гаугомъ и своимъ сыномъ и покинувшій англійскую даму, которую велъ подъ руку. Онъ подошелъ и принялъ участіе въ нашемъ разговорѣ; по-нѣмецки онъ говорилъ свободно. Я не видѣла его съ

того вечера, когда встрѣтила его у Кинкелей; мнѣ было пріятно, что онъ говоритъ со мной, какъ со старой знакомой; онъ сдѣлалъ нѣсколько необыкновенно умныхъ замѣчаній о томъ, что мы только что видѣли и слышали, и я имѣла случай замѣтить, что проницательность и мѣткость его живого ума проявлялась не въ сферѣ одной только политики» (стр. 145).

Опять вскорѣ послѣ этого Мейзенбургъ встрѣтилась съ Герценомъ на похоронахъ эмигрантки Брюнингъ. «При выходѣ съ кладбища я встрѣтила Герцена, который также былъ на похоронахъ. Онъ съ трудомъ сдерживалъ волненіе и сказалъ, подавая мнѣ руку: «Не болѣе года тому назадъ я тоже стоялъ у могилы съ моими сиротами» (стр. 148).

2. Мейзенбургъ согласилась давать уроки музыки. «Нѣсколько дней спустя Герценъ привелъ ко мнѣ свою старшую дочь (Наталію), семилѣтнюю дѣвочку своеобразной красоты; у нея былъ странный типъ, и отецъ сказалъ мнѣ, что это истинно-русскій типъ; глаза были великолѣпны, а выражали они энергію и въ то же время кротость и нѣкоторую мечтательность. Она съ перваго раза завоевала мое сердце, и я была тронута чисто материнскою нѣжностью, съ которою отецъ заботился о ней, говоря: «Надо же мнѣ быть нянюшкой». На слѣдующій день я отправилась въ новый домъ, который онъ нанялъ около одного изъ большихъ лондонскихъ скверовъ, и нашла въ raglour'ѣ нѣмку-бонну, занятую шитьемъ, мою вчерашнюю маленькую пріятельницу, сидящую въ большомъ креслѣ, а рядомъ съ нею прелестную двухлѣтнюю дѣвчурочку. Вошелъ Герценъ и посвятилъ меня въ организацію своего дома. Домъ былъ не роскошенъ, но очень хорошо устроенъ; у сына были свои учителя, за дѣвочками смотрѣла нѣмецкая бонна, нелишенная нѣкоторой образованности. Я начала давать уроки старшей. Послѣ урока Герценъ часто приглашалъ меня наверхъ, въ свой кабинетъ и старался познакомить меня съ русской литературой, читая отрывки изъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, живо и ярко описывая мнѣ русскіе нравы и русскіе характеры... Часы, въ которые Герценъ открывалъ мнѣ невѣдомый міръ своей обширной и далекой родины, были истинными оазисами въ пустынь моей однообразной жизни, и скоро этотъ домъ сдѣлался для меня отраднымъ уголкомъ, гдѣ я набиралась новыхъ силъ, гдѣ снова получила вкусъ къ жизни, гдѣ трудъ переставалъ быть бременемъ и казался мнѣ благословеннымъ усиленіемъ, приносившимъ плоды» (стр. 149, 150).

656. Письмо къ М. К. Рейхель.

7 Mai (1853).

London.

Pour vous consoler je vous annonce qu'il pleut le troisieme jour sans interruption.

Je viens de recevoir votre lettre, cher Reichel, mais diable que faites vous donc vous m'ôtez le dernier morceau de pain, vous me volez mon dernier art. Je me mettrai à étudier le piano et le forte—votre lettre est si pleine de calembours et de bons mots que cela me fait peur. «*Paris und See-Krankheit*»... himmlische Kinder—et enfin vous faites de calembours même sans y penser et gratis—Trafal-garssquare; je me savais jamais que ce square était nommé en honneur des gares.

Oui, votre voyage était bon, vous m'avez un peu restauré, j'étais si content de voir un homme non politique et un homme qui a encore un cœur, ordinairement le cœur tombe chez les hommes du XIX non les dents. Votre Railwaysac vous parviendra par Camille, Jean Baptiste s'est chargé de ce soin. Cui bono voulez vous me réconcilier avec la spécies homo bipes bellica? ¹⁾ Я, Марья Каспаровна, Маша, былъ

¹⁾ Чтобы утѣшить васъ, могу сообщить, что уже третій день идетъ дождь безъ перерыва.

«Я только что получилъ ваше письмо, дорогой Рейхель, но, чортъ побери, что же вы дѣлаете!? Вы у меня отбиваете послѣдній мой хлѣбъ—похищаете послѣднее мое искусство! И я примусь за изученіе и «форте», и «пiano»: въ вашемъ письмѣ столько каламбуровъ и остротъ, что это меня пугаетъ. «*Paris und See-Krankheit*» ^{o)}... himmlische Kinder ^{oo)} и, наконецъ, вы дѣлаете каламбуры, сами того не подозрѣвая и совершенно безвозмездно — «Трафаль-гарсквэръ»; я никогда не зналъ, что этотъ сквэръ такъ названъ въ честь желѣзнодорожныхъ вокзаловъ ^{ooo)}.

Да, ваше путешествіе было хорошо, оно меня немножко поправило — я былъ такъ доволенъ, что вижу человѣка «не политическаго» и у котораго осталось еще немного сердца: у людей XIX вѣка сердце обыкновенно скоро падаетъ, а зубы остаются. Свой дорожный мѣшокъ вы получите черезъ Камилля: Жанъ-Батистъ ^{oooo)} взялъ на себя заботу объ этомъ. Для блага кого хотите вы помирить меня съ разновидностью «двуногою воинственною»?

^{o)} Непонятное сопоставленіе словъ «Парижъ» и «морская болѣзнь».

^{oo)} Небесныя, прелестныя дѣти.

^{ooo)} Рейхель написалъ: Trafal-garssquare вмѣсто Trafalgar's Square (Трафальгарскій сквэръ), присоединивъ къ слову Square слогъ *gar*, который на французскомъ звучитъ, какъ «вокзалъ».

^{oooo)} Бокъ.

очень доволенъ, въ самомъ дѣлѣ, вашимъ супругомъ. Мы съ нимъ хорошо и *gemüthlich* потолковали, онъ былъ вашимъ представителемъ да и, сверхъ того, чистый, свѣтлый нравъ его какъ-то успокоительно дѣйствовалъ въ эти дни мрачной годовщины. Они, т. е. ни Рейх., ни Гаугъ, кажется, и не вспомнили,—я не говорилъ. Я только утромъ позвалъ Сашу и Тату и далъ каждому по маскѣ въ руки и показалъ картину Каффи ¹⁾).

«И пусть у гробового входа.

«Младая будетъ жизнь играть.

Эти стихи Н. повторяла, незадолго до смерти, Энгельс. Но и молодая жизнь не играетъ, сама Оленька немного задумчива.

Меня начинаетъ мучить совѣсть: не эгоизмъ ли это, что я дѣтей взялъ отъ васъ? У васъ имъ, вѣрно, было лучше. Что я могу самъ для нихъ дѣлать? Учительница у Таты будетъ очень умная, я ее коротко знаю—*M-elle* Мейзенбургъ, кажется; она изъ Берлина, собой безобразна, но совершенно свободное и развитое существо.

Увидимъ, какъ пойдетъ; она будетъ и учить на фортепиано, немножко писать и читать по-франц., по-нѣмец. и по-англ.

Вы не можете себѣ представить, до какой степени одиночество растетъ около меня... А вы такъ воображали, что я ужъ такъ въ полонъ и попалъ. Близкихъ никого... никого... да и не всегда надо. Бываютъ минуты, такъ горячо бы поговорилъ, безъ плана, безъ содержанія, но было бы хорошо. А потомъ и пройдутъ эти минуты,—бѣды нѣтъ. Я сдѣлалъ чудесную привычку гулять одинъ поздно вечеромъ или ночью (т. е. между 11 и часомъ или двумя); городъ тихнетъ (хотя онъ и не ложится спать, какъ Парижъ, прежде полуночи), тихнетъ; мнѣ нравятся эти безконечныя пустыя улицы, дальніе шаги констэбля, все освѣщено, обыкновенно и погода лучше ночью... Тутъ думаешь, думаешь и все ночью заспишь. Къ утру опять ветчина и кофе, «*Times*» и споры въ родѣ тѣхъ, которые Рейхель видѣлъ.

E sempre bene ²⁾), господа. Пушкинымъ упиваюсь. Нельзя ли при случаѣ прислать и другіе тома стиховъ? Я самъ открытію ящика радовался искренно. Оно ничего, да хорошо оковано. А вашу шаль пришлю съ казіей. Оленька еще очень мала и очень слаба. Я ее возилъ въ *Hyde Park*; тамъ она въ каретѣ совсѣмъ распустилась. Вчера я съ Татой былъ у *Mme Hawks, Stansfield* и *Ashurst*,

¹⁾ Ипполитъ *Caffi*, итальянскій художникъ, жившій въ Ниццѣ въ 1849—52 гг., нарисовалъ похороны Н. А.—ны.

²⁾ И всегда хорошо.

завтра повезу къ М^{ме} Crawford, — въ бѣлой курткѣ, въ родѣ австрійскаго мундира. Одна съ нами Тата мила, но при чужихъ жеманится и говоритъ нараспѣвъ. Саша, напротивъ, при чужихъ отличается, а при своихъ немного спуска рукава. Онъ страшно растеть. Представьте, что сапоги, заказанные за 4 мѣсяца, не впору. Прощайте. А что какво карманное пальто и ножницы, надъ которыми я столько острилъ и которыя мы покупали въ такой дождь, что пальто мое было еще на другой день мокрое?

657. Письмо къ М. К. Рейхель.

12 мая 1853. Четвергъ.
25, Euston Square.

Итакъ, послѣ 12 Апостоловъ и 12 присяжныхъ, послѣ 12 спящихъ дѣвъ и XII таблицъ римскихъ законовъ, было еще мѣсто для 12, и да здравствуютъ 12.000 Бѣлева ¹⁾! Только не тратьте ихъ. Послушайтесь стараго эконома-рентьера: такъ и быть, 2.000 пустите въ ходъ, а 10—въ Шомбурга. Посовѣтуйтесь хорошенько; теперь у васъ тамъ, пока Богъ грѣхамъ терпитъ, большія прибыли *crédit foncier* и *mobilier* ²⁾ и удвоить капиталъ почти такъ же легко, какъ потерять. Браницкій былъ здѣсь; онъ хватилъ 4.000.000 барыша, Прудонецъ богатѣеть, Эдмондъ поправляетъ состояніе, Тесе освобождается отъ матеріальнаго гнета. Гаугъ дышитъ на золото Австраліи, какъ умирающій дышитъ на ладанъ. Головинъ ищетъ подержанную вдову съ недостатками, но съ капиталомъ и найдетъ. Отчего же и вамъ не зашибить чего-нибудь. Огаревъ долгъ такъ же воротится и, если можно до тѣхъ поръ удвоить Бѣлева, то и славно. Скажите Рейхелю, чтобъ онъ сказалъ Шомбургу, что онъ ему уступить 20—25 процентовъ съ барыша,—тотъ найдетъ.

Я этой новости былъ очень радъ и рассказалъ ее Бокэ, который въ тотъ же день отписалъ брату. Мы вчера отправили сироту маленькаго поляка для помѣщенія въ школу и съ нимъ вашу шаль, стало, она у Камилля.

Дѣти живутъ себѣ недурно. Но климатъ ужасный (опять не смѣшивайте: не нездоровый, а ужасный): вьюга, дождь, холодъ, какъ зимой,—и 12 мая. Уроки Таты начались, вчера пришло и фортепіано.

¹⁾ Вятскій купецъ К. В. Бѣлевъ вернулъ М. К. Рейхель взятыя у нея въ долгъ деньги.

²⁾ Кредитъ поземельный и движимый (личный).

Если оказія ваша не уѣхала, то попрошу Пушкина не забыть, да нельзя ли еще и тотъ томъ, гдѣ «Арапъ Петра Перваго», и еще повѣсти для Саши. За книги здѣсь ничего не платятъ, если онѣ при путешественникѣ. Объ этомъ напишите Эдмонду,—вѣдь, онъ, вѣрно, меня амнистировалъ за неявку въ Лазаревъ переулокъ ¹⁾.

Прощайте, Рейхелю жму руку.

Что Стан. уже въ Москвѣ?

658. Письмо къ М. К. Рейхель.

18 мая 1853.
25, Euston Sq.

Новость о кольцѣ въ ту же минуту я передалъ. Но самая важная новость ваша, это—Мельгуновъ и Павловъ. Вотъ вы увидите, что если надъ нашими разразится гроза, то она придетъ не изъ Лондона. Вотъ ихъ осторожность и предусмотрительность! Не за долги ли Павлова послали съ жандармами ²⁾? Зачѣмъ Мельг. приѣзжалъ, не устроивши своихъ дѣлъ? Что онъ сдѣлаетъ съ своимъ здоровьемъ, если его продержатъ мѣсяца два въ казематѣ, а потомъ пошлютъ въ Вятку?

Все это догадки и прискорбно. И во всемъ видимо такое отсутствіе практическаго смысла у русскихъ, что руки опускаются. А и вы, сага тіа, въ меня бросали камешки... Иногда, право, съ горькой ироніей я вижу, что истинная револ. традиція русская та, которая шла отъ Пест. и Мурав., та, которая блеснула въ петрашевцахъ, имѣетъ только двухъ представителей: одинъ ваша вдова съ фортепіано ³⁾, другой я, фрейбургскій мѣщанинъ. Изъ словъ Рейхеля я видѣлъ, что вы вообразили, что я здѣсь подъ влияніемъ Сарматова ⁴⁾... О, маловѣрные, какъ говорилъ Спаситель, не слѣдуетъ ли принять *vice versa* ⁵⁾? За посылочкой посылаю сейчасъ и письмо ваше не отправлю прежде полученія отвѣта.

¹⁾ Вѣроятно, рѣчь идетъ о западномъ или Св. Лазаря вокзалѣ въ Парижѣ (Gare Saint-Lazare), на который приѣзжаютъ изъ Лондона. Тамъ же и улица «Св. Лазаря».

²⁾ Тестъ Павлова, Янишь, пожаловался московскому ген.-губ. Закревскому, что своей карточной игрой онъ разоряетъ ихъ совмѣстное имѣніе. 1 апрѣля 1853 г. Павловъ былъ высланъ въ Пермь, гдѣ пробылъ до декабря.

³⁾ ?

⁴⁾ И. Г. Головинъ.

⁵⁾ Наоборотъ.

20. Пятница.

Вы не сердитесь, что долго не было отвѣта,—все ваша посылка не приходила, ну, я и ждалъ и ждалъ, и всякій день тратилъ по 6 и 9 пенсовъ на омнибусъ. Наконецъ, сегодня она пришла. Платокъ-то хорошъ, да я-то что-то не по платку старъ; буду беречь для Сашиной свадьбы, для Татинаго сговора и для Оленькинаго дѣвишника. За портретъ благодарю во имя дѣтей. Оленька тотчасъ узнала. Она все дика еще.

Съ Татой была здѣсь длиннѣйшая исторія, переписка, пики и сюсентибельности ¹⁾. М-me Crawford прислала ее звать на балъ (дѣтскій) къ М-me Millner-Gibson; я, разумѣется, отказалъ; отсюда шумъ, М-me Crawf. жаловалась эмигрантамъ всѣхъ націй, М-me M.-G.—ихъ женамъ. Я писалъ длинное объяснительное письмо, въ которомъ говорю, что револ. не въ револ., пока не пройдетъ по дѣтской, etc. Погода чудесная,—Тата хотѣла писать, да въ скверѣ.

Прощайте. ¹

◆◆ 1. Въ это время Герценъ получилъ слѣдующее письмо К. Фогта:

Женева, 14 мая, суббота вечеромъ, 1853.

«Дорогой мой Герценъ, въ ту минуту, когда вы получите это письмо, парочка ²⁾ будетъ уже въ Цюрихѣ вмѣстѣ. Только что у меня была встрѣча, эффектнѣе которой невозможно вообразить. Маркато, который обѣдаетъ въ одномъ пансіонѣ со мною, спрашиваетъ меня сегодня съ очевиднымъ интересомъ, буду ли я проводить вечеръ у г-жи Гогенемзеръ? Я замѣчаю, что онъ стремится узнать это въ точности, и потому отвѣчаю, что нѣтъ, а самъ отправляюсь къ ней, тѣмъ болѣе, что она немножко нездорова. Мы мирно бесѣдуемъ, не замѣчая, что заходитъ солнце, толкуемъ о веснѣ, о цвѣтахъ, объ эмигрантахъ, о Фази,—какъ вдругъ отворяется дверь. «Добрый вечеръ!»—произноситъ дама, одѣтая въ черное, а за нею выглядываетъ остромордая баранья физиономія Маркато. Вглядываюсь и замѣчаю красный треугольный носъ въ сединѣ чернаго капюшона. То была г-жа Эмма, которая хотѣла устроить г-жѣ Г. маленькій сюрпризъ. Она пріѣхала еще вчера, но не выходила изъ дому, опасаясь встрѣтить меня. Можете себѣ представить изумленіе всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой маленькой

¹⁾ Обиды—отъ франц. слова—sensibilité.

²⁾ Г. и Э. Гервеги.

сцены! Въ своемъ замѣшательствѣ она пожимаетъ мнѣ руку, а г-жѣ Г. холодно кланяется, пробормотала затѣмъ нѣсколько словъ и умолкла.

Ну, такъ вотъ: она появилась въ Женевѣ. Отсюда выѣзжаетъ въ понедѣльникъ, изъ Берна во вторникъ, а въ Цюрихѣ будетъ въ среду.

Она болѣе, чѣмъ подурнѣла, — стала прямо страшилищемъ, старухой и настолько высохла, что, вѣроятно, кости у нея трещать, какъ у сѣверныхъ оленей въ Лапландіи. Дѣти съ нею, она окончательно покинула Ниццу, чтобы скрасить жизнь своего идеала (въ Цюрихѣ). Такимъ образомъ устраняются тѣ затрудненія, которыя до сихъ поръ мѣшали ходу вашего маленькаго документа ¹⁾.

Слишкомъ уже поздно, чтобы еще вамъ написать. Впрочемъ, ничего нѣтъ новаго. Положеніе вашей милой родины, т. е. Фрейбургскаго кантона, становится все болѣе и болѣе критическимъ: бѣдная страна такъ минирована духовенствомъ, что скоро ее всю взорветъ, несмотря на всѣ военныя усилія милиціи. Это—тупые быки въ женевскомъ стилѣ.

Вообще, Швейцарія опустила страшно низко. Нужны чудеса, чтобы вытащить ее изъ болота позора и низости, въ которомъ она погрязла. Попы всюду подняли головы съ невиданною до сихъ поръ смѣлостью, повсюду они раздуваютъ костры для невѣрующихъ и атеистовъ.

Вы недавно просили меня передать вашъ поклонъ Матѣе и не передавать такового Дамету. Пусть будетъ по-вашему, но Матѣе опустилъ голову и поджалъ хвостъ (несмотря на его Луизу, которую онъ выписалъ изъ Ниццы), а Даметъ въ настоящее время — герой, воюющій противъ женевскаго духовенства. Но вы не знаете, что времена кальвинистовъ и либертинистовъ повторяются, и скоро женевцы, подобно Гвельфамъ и Гибелинамъ, раздѣлятся на два лагеря: тутъ—Даметъ, тутъ—Навиль ²⁾! Вы видите: мы съ вами успѣли состариться, стать апатичными, развинченными нервами, а всего еще не видали.

Недавно общество рабочихъ часовщиковъ и др. пригласило Дамета изложить имъ истинныя начала политической экономіи. Д. припустилъ нѣсколько остротъ, которыя аудиторіи понравились, въ особенности одна — о вліяніи христіанства на положеніе рабочаго люда. Его просятъ подробнѣе развить эту тему!

¹⁾ Т. е. взысканію по векселю 10.000 франковъ на территоріи Швейцаріи.

²⁾ Эрнестъ, проф. философіи въ женевской академіи, богословъ и публицистъ.

Па!—воскликаетъ себѣ наивный французъ,—это страна протестантская, страна религіозной свободы, — посмѣемся немножко надъ этою свободою!

И вотъ, нашъ Даметъ жаритъ во весь каррьеръ противъ божественнаго естества Иисуса Христа, противъ апостоловъ, противъ всѣхъ святыхъ каналій! Двѣ недѣли спустя — жалоба консисторіи ректору академіи на антирелигіозную пропаганду Дамета, жалоба ректора Большому Совѣту. Даметъ же въ обществѣ жалуется, что за нимъ шпионятъ, что на него клеветуютъ. Вдругъ встаетъ одинъ изъ его слушателей, реформатскій священникъ, Навиль, и заявляетъ, что на Дамета донесъ онъ, потому что считаетъ это своимъ священнымъ долгомъ. — «Вонъ шпиона! Вонъ!» — кричитъ аудиторія. — «Нѣтъ, — говоритъ Даметъ, — пусть онъ объяснится»....

Весь вашъ К. Ф.

659. Въ редакцію «Польскаго Демократа».

Лондонъ, 20 мая 1853 г.

Гражданинъ!

Въ послѣднемъ номерѣ, отъ 15 мая, вы помѣстили переводъ воззванія, въ которомъ я извѣщалъ моихъ соотечественниковъ объ основаніи русской типографіи въ Лондонѣ, а также о томъ, что Централизація Польскаго Демократическаго общества, въ цѣляхъ лучшаго успѣха пропаганды, братски протянула мнѣ руку.

Позвольте мнѣ, гражданинъ, прибавить еще нѣсколько общихъ соображеній, въ силу которыхъ я вѣрю въ неотложность необходимости возникновенія русской типографіи за предѣлами Россіи, особенно въ настоящее время.

Перемѣны въ философскомъ и революціонномъ движеніяхъ съ конца XVIII столѣтія всѣ поочередно повторились въ Россіи. Онѣ повторились въ уменьшенномъ видѣ, именно такъ, какъ аберація звѣздъ повторяетъ въ маленькомъ, микроскопическомъ эллипсисѣ тотъ путь, который наша планета проходитъ въ большомъ масштабѣ.

Образованное меньшинство менѣе многочисленно въ Россіи, чѣмъ въ остальной Европѣ; оттого и идейныя явленія должны были быть въ ней слабѣе, блѣднѣе — болѣе теоретическія, чѣмъ практическія; но, въ сущности, идеи эти вырабатывались и изжи-

вались такимъ же образомъ, какъ онѣ вырабатывались и изживались въ остальной Европѣ.

На Западѣ роды революціонныхъ идей были мучительны и тяжелы, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественны и драматичны. Каждый шагъ былъ побѣдой, купленной кровью. Для насъ, явившихся на сцену послѣдними, было все готово. Намъ не оставалось ничего больше, какъ раскрыть свои души, усвоить себѣ новыя понятія, страхнуть съ себя національные предрасудки, чтѣ, впрочемъ, не было трудно.

Мы были избавлены отъ необходимости переживать эти муки родовъ, ужасныя и грозныя потрясенія, истощающіе, затяжные недуги ради уже достигнутыхъ результатовъ.

Съ послѣдней революціей мы справились именно такъ, какъ съ оспой—путемъ прививки, и нынѣ мы такъ же далеки отъ этихъ болѣзненныхъ явленій, какъ и тѣ, которые вызвали ихъ...

Вообще, разъ извѣстные результаты добыты и получены, они добыты и получены для всѣхъ народовъ, желающихъ пользоваться ими. Это—слѣдствіе естественнаго закона прогресса, хронологической солидарности, закона исторической наслѣдственности и преемственности идей, наконецъ, воспитанія человѣческаго рода...

Но это еще не все.

Современная революціонная мысль совершенно мѣняетъ свою основу.

Современная революціонная мысль, это—соціализмъ. Безъ соціализма нѣтъ революціи. Безъ него есть только реакція,—монархическая ли, демагогическая, консервативная, католическая или республиканская!..

Оттого для насъ соціализмъ много привлекательнѣе, чѣмъ всѣ эти красивыя теоріи о равноправіи властей и равновѣсіи правительствъ.

Соціализмъ ведетъ насъ обратно къ порогу родного дома, который мы оставили, потому что намъ тѣсны были его стѣны, потому что тамъ обращались съ нами, какъ съ дѣтьми. Мы оставили его немного недовольные и отправились въ великую школу Запада.

Соціализмъ вернулъ насъ въ наши деревенскія избы обогащенныхъ опытомъ и вооруженныхъ знаніемъ.

Нѣтъ въ Европѣ народовъ, болѣе подготовленныхъ для соціальной революціи, чѣмъ всѣ неонѣмеченные славяне, начиная съ черногорцевъ и сербовъ и кончая народностями Россіи въ нѣдрахъ Сибири.

Образъ жизни и обычное право славянъ въ основѣ своей представляютъ картину общинной организаціи и общинныхъ обычаевъ,

иначе—коммунистическихъ въ полуварварской, первобытной формѣ, главнымъ недостаткомъ которой является отсутствіе личной, индивидуальной свободы. Ничего подобного не встрѣчается нигдѣ у народовъ римско-германскихъ. Никогда чисто политическія задачи не приводили русскаго народа къ возстанію. Онъ дважды возсталъ, сильный и непобѣдимый,—въ 1612 и 1812 годахъ, но это были вопросы національной независимости.

Общественныя, соціальныя задачи найдутъ сильнѣйшій отголосокъ у русскаго народа, такъ какъ, безъ сомнѣнія, понятіе свободы и либеральныя идеи въ Россіи развиваются за предѣлами народнаго сознанія.

Все политическое и литературное движеніе со времени Петра I совершалось въ средѣ привилегированныхъ классовъ Россіи, въ средѣ аристократическаго меньшинства, принявшаго вмѣстѣ съ реформами Петра I цивилизацію Запада. Народъ не принялъ участія въ этомъ подготовительномъ просвѣтительномъ движеніи, путемъ котораго меньшинство пробовало наверстать то, что мы потеряли вслѣдствіе нашей изолированности со времени монгольскаго ига до XVIII столѣтія. Народъ, угнетаемый больше, чѣмъ когда-либо, свято хранилъ свои общинныя учрежденія и для сохраненія ихъ готовъ былъ терпѣть все вплоть до рабства. Никакая пропаганда сверху не проникла къ нему. Онъ до сихъ поръ не читаетъ книгъ новой печати, ему знакомы исключительно древне-славянскія письмена.

Единственная пропаганда, волнующая его, это — проповѣдь темнаго, туманнаго религіознаго сектантства.

Въ періодъ этого народнаго сна Россія строится по образцу Европы и впадаетъ въ великій историческій потокъ, съ которымъ сливается въ дѣйствительности только при Александрѣ.

Въ XVIII столѣтіи русская литература безцвѣтна и искусственна. Это—время ея обученія, искуса, подражанія нѣмецкой, а затѣмъ французской литературамъ. Въ началѣ XIX столѣтія она немного оживляется, но петербургская идея,—если угодно, бонапартистская,—просвѣщеннаго самодержавія, прогрессивнаго деспотизма все еще беретъ верхъ надъ другими вдохновеніями. Поддерживаетъ ихъ даже крупный талантъ, знаменитый историкъ Карамзинъ.

Къ счастью, школа русскихъ *шбелиновъ* не могла образоваться. Наоборотъ, образованное меньшинство совершенно оторвалось отъ правительства послѣ войны 1812 и 1814 годовъ. Конституціонныя идеи распространились съ несказанной быстротой. Царь Александръ самъ мечталъ о проектѣ конституціи, а начертаніе другихъ поручилъ Сперанскому.

Громадный заговоръ охватилъ всю образованную Россію. Члены его засѣдали въ царскомъ совѣтѣ и квартировали въ военныхъ лагеряхъ. Среди нихъ находились знаменитые генералы, блестящіе офицеры, литераторы, аристократы, ученые. Дворцы Петербурга, салоны Москвы, главные штабы, канцеляріи, даже школы были полны посвященныхъ въ тайну заговора или, по меньшей мѣрѣ, сочувствующихъ ему.

Новая, подвижная, лихорадочная жизнь поглощала всѣхъ. Всѣ очнулись, почувствовали въ себѣ бодрія, юношескія, побѣдоносныя силы, всѣ вздыхали о свободѣ и вѣрили, что такъ же, какъ побѣдили Наполеона, побѣдятъ и Александра, — и всѣ ошибались. А, вѣдь, это были единственные прекрасные годы въ жизни Россіи со времени многихъ-многихъ вѣковъ.

И совершенно естественно, что въ этотъ періодъ подъема и мечтаній явился великій русскій поэтъ, Пушкинъ.

Вы знаете, какой кровавый конецъ постигъ заговоръ Пестеля и Муравьева на Исаакіевской площади въ декабрѣ 1825 года!

Абсолютизмъ побѣдилъ, какъ вездѣ и всегда онъ побѣждалъ и будетъ побѣждать революціонныя меньшинства въ аристократическихкихъ меньшинствахъ.

Въ битвахъ и въ пыткахъ (вѣдь, на нихъ не скупилась), въ изгнаніи (продолжающемся до сихъ поръ) заговорщики проявили несравненное душевное величіе. Ни одинъ не сожалѣлъ о своемъ поступкѣ, ни одинъ не запятналъ себя пресмыкательствомъ и попрошайничаніемъ царской милости. Отсюда ихъ громадное нравственное вліяніе на молодя поколѣнія. Въ свою очередь, возросла самоувѣренность аристократіи, она удвоила свои силы, свою наглость и безстыдство.

Десять лѣтъ неумолимаго, леденящаго гнета открываютъ мрачное царствованіе Николая.

Царилъ ужасъ. Мысль, загнанная въ глубь сердца, обреченная на молчаніе, пропитывалась ядомъ, отравлялась. Невозможно было осмотрѣться, взвѣснить положеніе, угадать и заключить, что слѣдуетъ дѣлать, и принялись за науку.

Никогда въ Россіи такъ ревностно не отдавались наукамъ. Революціей и философійей, точными знаніями, поэзіей, исторіей Россіи,—прежде всего Россіи,—занимались всѣ серьезные умы.

Гегелевское ученіе процвѣло въ Москвѣ и приобрѣло большое вліяніе на общественное просвѣщеніе. Оно имѣло свои органы въ Петербургѣ, своихъ профессоровъ въ Москвѣ, Харьковѣ, Казани, своего великаго публициста въ Бѣлинскомъ, наконецъ, свою боль-

шую литературу. Вы знали одного изъ самыхъ блестящихъ его приверженцевъ, Михаила Бакунина.

Съ другой стороны, укрѣплялся мѡсковскій панславизмъ, также вооруженный своей журналистикой, своими профессорами, преданный своимъ историческимъ изслѣдованіямъ, своей пропагандѣ. Много лѣтъ мы были принуждены бороться, потому что онъ былъ исключительнымъ и нетерпимымъ; но онъ отчасти искупилъ извѣстную часть своихъ грѣховъ своими несомнѣнными заслугами,—развѣ не онъ первый открылъ силы, дремлющія въ груди русскаго мужика?

Такимъ образомъ, казалось, что умственное движеніе въ Россіи оживаетъ; и, однако, несмотря на внутреннюю работу, чувствовался большой упадокъ духа. Слѣды его запечатлѣлись въ лирическомъ скептицизмѣ Лермонтова, въ безжалостной ироніи Гоголя, въ безпощадной, страстной критикѣ Бѣлинскаго.

А не было ли это слѣдствіемъ только самаго гнета? Конечно, и онъ немало этому способствовалъ, но тутъ была и другая, болѣе глубокая причина!

Послѣ іюльской революціи, окончившейся ліонской *рѣзней*, послѣ польскаго возстанія, окончившагося *водвореніемъ порядка* въ Варшавѣ, въ Россіи потеряли вѣру въ политику; тамъ стали подозревать бесплодіе либерализма и безсиліе конституціонализма. Съ одной стороны, становилось все очевиднѣе, что русскій народъ не держится съ меньшинствомъ, съ другой—началось съ ужасомъ замѣчаться убожество революціонной идеи, господствующей во Франціи. Сомнѣвались, отчаявались, искали чего-то иного.

Это «иное» уже было найдено въ той большой революціонной лабораторіи, гдѣ идеи рождаются лишь за тѣмъ, чтобы тутъ же быть выброшенными изъ нея; точь въ точь, какъ тѣ новорожденные, которыхъ матери уносятъ изъ родильнаго дома. Замѣчательно, что оба политическіе процесса, имѣвшіе мѣсто въ Россіи съ 1835 года, были возбуждены за социалистическія стремленія. Что же касается насъ, то мы отсидѣли свои пять лѣтъ ссылки за сочувствіе сень-симонизму.

Въ 1849 году до тридцати самыхъ уважаемыхъ и видныхъ гражданъ были сосланы въ каторжныя работы за организацию тайнаго заговора съ цѣлью *распространенія коммунистическаго ученія*, по словамъ официальнаго приговора.

Несказанная популярность въ Россіи сочиненій Жоржъ Санда и Пьера Леру, огромный интересъ, съ какимъ читались всѣ сообщенія о фалангахъ и фаланстерахъ; а затѣмъ популярность Прудона и въ то же время полное равнодушіе къ сочиненіямъ политическимъ указываютъ лучше всего на настроеніе русскаго общества.

Точно также всѣ болѣе замѣчательныя русскія литературныя произведенія, появившіяся между 1835 и 1848 годами, носятъ замѣтную соціальную окраску, въ доказательство достаточно привести повѣсть Достоевскаго, одного изъ ссыльныхъ 1849 года, подъ заглавіемъ «Бѣдные люди»...

Но всего важнѣе было наше удивленіе, смѣшанное, правду сказать, съ извѣстнымъ стыдомъ и угрызеніями совѣсти, когда мы вдругъ замѣтили, по какой почвѣ движемся.

Вѣчно обращенные къ Европѣ, со взорами, устремленными на заграничную борьбу и вопросы, мы чрезвычайно мало знали собственное общество. Только ознакомившись съ социализмомъ, мы почувствовали всю неизмѣримую важность для нашего общества нашей деревенской родной коммунистической общины, раздѣляющей доходы между всѣми своими членами и не признающей ни за кѣмъ права личнаго владѣнія. Только тогда мы оцѣнили особенность духа крестьянства, которое даже при уходѣ изъ общины, какъ только соберется въ количествѣ нѣсколькихъ лицъ одного и того же ремесла, сейчасъ же устраиваетъ ремесленную общину, — общину подвижную, товарищество.

Тогда-то мы замѣтили, что это крестьянство, такъ старательно сохранившее свою общину, никогда не подвергалось вліянію римскаго права, феодальныхъ учрежденій, католическихъ ксендзовъ, протестантскихъ болтуновъ, мѣщанскаго устава; что крестьянство это подвергалось только чисто матеріальному гнету, который дѣлалъ его очень несчастнымъ, но не смогъ, благодаря его общинѣ, ни раздавить его, ни испортить.

Тогда всякій почувствовалъ, что самымъ важнымъ дѣломъ было примиреніе съ этимъ крестьянствомъ.

Такимъ образомъ, были брошены первые мосты между меньшинствомъ и крестьянствомъ, между Россіей замковъ или усадебъ и Россіей избъ или хатъ, между Россіей Петра I, признавшей принципъ личной свободы, и Россіей крестьянъ, *мужиковъ*, сохранившихъ общину.

Крестьянинъ-рабъ и образованное дворянство сошлись въ одномъ желаніи: освобожденія крестьянъ.

Никто и не думалъ о раскрѣпощеніи безъ земли, о превращеніи въ пролетаріевъ; всѣ думали объ освобожденіи крестьянъ съ общинной землей. Это и былъ практическій социализмъ.

Съ 1842 года главнымъ занятіемъ мыслящихъ русскихъ было обдумываніе способа раскрѣпощенія крестьянъ. Всѣ другія задачи зависѣли отъ этого. Правительство наблюдало, крестьянство ждало.

Какъ вдругъ неожиданно послѣ февральской революціи новое реакціонное изступленіе охватило Николая.

И тотъ разъ ему удалось подавить всякое проявленіе человѣческой мысли лучше, чѣмъ въ 1826 г., лучше, чѣмъ въ 1831 г.

Онъ пытался даже избѣжать его, изгоняя множество жаждущей науки молодежи изъ школъ, которыя съ тѣхъ поръ опустѣли.

До 1848 года русская цензура была крута, но, всетаки, возможна. Послѣ 1848 года тамъ уже нельзя было печатать ничего, что могъ бы сказать честный человѣкъ.

Николай лишилъ насъ языка въ моментъ, когда *впервые* у насъ было что сказать народу.

Должны ли мы подчиниться этой нѣмотѣ и остаться съ намордникомъ на устахъ?

Значитъ, недостаточно важно то, что мы собирались сказать, разъ мы можемъ молчать теперь?!

Намъ, русскимъ эмигрантамъ, покинувшимъ родину изъ-за любви къ ней, слѣдуетъ создать свободную трибуну русской рѣчи за предѣлами Россіи!

Русскіе эмигранты довольно уже писали, но до сихъ поръ больше для Европы, чѣмъ для Россіи.

Было нужно и необходимо для насъ представить Россію со всѣхъ сторонъ и съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Но есть у насъ и другое призваніе, болѣе важное: повести пропаганду въ самой Россіи, помочь въ этомъ дѣлѣ нашимъ братьямъ на родинѣ...

Это именно то, что я нынѣ пробую исполнить.

Основаніе русской типографіи въ Лондонѣ является дѣломъ наиболѣе практически революціоннымъ, какое только русскій можетъ предпринять въ ожиданіи исполненія иныхъ лучшихъ дѣлъ.

Таково мое глубокое убѣжденіе.

660. Письмо къ М. К. Рейхель.

25-е мая 1853. Среда.
25, Euston Square.

Да, вѣдь, я вамъ, матушка-сестрица, докладывалъ, по какому поводу я не писалъ: коробочка виновата была,—ждалъ съ дѣтьми. А приказъ вашъ насчетъ конфектъ Оленькѣ исполнилъ съ varia-

цій: я ей купилъ здѣшнюю народную игрушку, состоящую изъ дѣланныхъ птичекъ на ниточкахъ и которыя, когда ихъ перекувырнешь, летаютъ. При семъ я ей завѣрилъ честнымъ и благороднымъ словомъ, что это изъ Парижа.

Насчетъ Оли я, впрочемъ, скажу, что она — удивительная плакса и не то, чтобы много плакала и кричала, но безпрестанно огорчается, особенно во время ѣды,—тотчасъ сдернетъ мордочку въ какую-то истинную карриатуру и плачетъ про себя. Я начинаю отучать отъ этого. Тата все время ведетъ себя исправно. Вчера я ее водилъ гулять вечеромъ и у меня украли 200 фр. или около; признаюсь, что я до сихъ поръ сержусь,—досадно и глупо. Ну, это Рейхелю утѣшительно. Шаль получили ли, à propos? Я ее послалъ больше недѣли.

Письмецо, присланное вами, снова подаетъ надежды на прїѣздъ О. ¹⁾ Это было бы великимъ отдыхомъ. Какъ ни храбрись, а это совершенное одиночество иногда тяжело. Вѣдь, никого, никого; какъ это странно!—а вѣдь, сколько знакомыхъ. Какъ-то М. ²⁾ прїѣхалъ? Я побаиваюсь за него.

А вы защищаетесь въ камешкахъ и сами пишете: «послѣ свиданія съ Рейхелемъ я успокоилась»; вѣдь, это ясно: прежде до-вѣрице-то было съ грѣхомъ пополамъ. А тутъ и Ел. Конст., которую я очень люблю,—но такая она московская, консервативная революціонерка, что упадешь.

Вы же были больны, — да полноте же защищаться, это моя страсть taquíper ³⁾. — Такъ Тесье и капиталъ надѣется возвратить? Насчетъ моихъ работъ,—я все время писалъ «Вятскія воспомина-нія» ⁴⁾; много смѣшного, еще болѣе грязнаго; да еще написалъ, такъ къ слову, небольшую статейку о Россіи, напечатанную польски ⁵⁾. Вотъ еще на новомъ языкѣ я издаюсь.

Прилагаю записку къ Ог., адресованную на имя Т. ⁶⁾. Отошлите ее поскорѣе, я хочу знать, чтò истиннаго въ его надеждѣ прїѣхать.

¹⁾ Огаревъ.

²⁾ Мельгуновъ, отправился въ Россію.

³⁾ Дразнить.

⁴⁾ Гл. XIV—XVII ч. II-ой «Былого и думъ».

⁵⁾ См. № 659.

⁶⁾ Н. А. Тучкова.

661. Письмо къ М. К. Рейхель.

1853. 30 Мая. Понедѣльникъ.

Говорятъ, будто есть оказія къ вамъ; какъ же не воспользоваться ею, чтобъ сказать.... что сказать?.. да просто нечего.

Процессъ о Татѣ и балѣ у Мильнеръ-Гибсонъ еще длится, но вчера я умилостивилъ одну-другую изъ покровительницъ. Осип. Ив.¹⁾ прибылъ вождельнно. Письмо ваше получилъ и съ удивленіемъ вижу, что и вы начали читать газеты, — это признакъ старости, матушка М. К., какъ табакъ, какъ капоть, какъ страстно любимая кошка.

Для крестницы Маріаниной дочери что-нибудь придумаемъ. Въ польскомъ журналѣ пропечатана моя статья, да боюсь ужъ и съ оказіей послать, къ тому же она по-польски. Да еще по-русски написалъ штучку подъ заглавіемъ:

«Юрьевъ день! Юрьевъ дены!»

Не знаю, какъ вы благословите,—инымъ привѣтъ. Типографія шумить и идетъ впередъ.

662. Письмо къ М. К. Рейхель.

4 іюня (1853).

Я къ вамъ писалъ съ какой-то оказіей; получили ли письмо? а, впрочемъ, важнаго въ немъ не было ничего. У насъ штиль, дѣти здоровы, погода скверная, жизнь сѣренькая... и все скучно.

Приѣхала сюда M-me Viardot ²⁾ прямо изъ Питера, рассказывала о Тург. ³⁾,—онъ приѣзжалъ въ Москву тайкомъ.

Вы не можете себѣ представить, въ какомъ полномъ и совершенномъ одиночествѣ я живу. Иной разъ тяжело, а потомъ подумаешь: да развѣ оно и не должно такъ быть? Кому какое дѣло до внутренней жизни людей? Такой-то, говорятъ, хорошій музыкантъ,—пойдемъ слушать его музыку, а тотъ умно говоритъ

¹⁾ Маццини.

²⁾ Полина, извѣстная пѣвица и другъ И. С. Тургенева.

³⁾ Тургеневъ, за статью о смерти Гоголя былъ высланъ въ свое орловское имѣніе; прощенъ 15 ноября 1853 г.

о политикѣ, весело острить и съ виномъ еще,—пойдемъ острить. И все даль дѣлается яснѣе, яснѣе совсѣмъ...

А тутъ письмо отъ васъ отъ 3-го. Хорошо же у васъ покрываютъ лакомъ жениховъ. А Хоецъ. Богъ таки попуталъ.

Совѣтъ Шомб. Рейхелю былъ умень.

У васъ толкуютъ о Востокѣ, а здѣсь бѣшенство.

«Тебль Муvingъ»¹⁾ все растеть, цѣлые вечера во всѣхъ домахъ вертятъ столы. Одинъ нашъ домъ остался чистъ; хотя Саффи²⁾ и пробовалъ часы двигать и пальцы, и Гаугъ спорить, задыхаясь, и Блиндъ³⁾ (главный мувистъ) спорить и декламируетъ.

Это—тоже признакъ разложенія ума и дегенерациі воли, заниматься такимъ вздоромъ.

663. Письмо къ М. К. Рейхель.

9-го іюня (1853). Четвергъ.

Письмо⁴⁾, присланное вами, чрезвычайно замѣчательное; это—первое письмо, писанное довольно прямо послѣ 1851 года. Надежды есть вырваться сюда, увидимъ, какъ онѣ сбудутся. Я не знаю, чтѣ вдругъ сдѣлалось на свѣтѣ, но новости изъ Россіи такъ и идутъ. Третьяго дня я провелъ вечеръ у Віардо, и она много поразсказала о Тургеневѣ, который пріѣзжалъ въ Москву, и о разномъ.

Теперь я, въ качествѣ вѣчнаго ворчуна, представлю на вашу благомилосердый судъ слѣдующее. Віардо привезла мнѣ книгу,

¹⁾ Столоверченіе.

²⁾ Ореліо (Аврелій), благороднѣйшая личность и одинъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ дѣятелей итальянскаго освобожденія. По призванію публицистъ и ученый (профессоръ болонскаго университета), онъ примкнулъ къ «Юной Италіи», сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ друзей и довѣренныхъ Маццини и вмѣстѣ съ нимъ былъ избранъ въ триумвиры римской республики. Послѣ пораженія ея въ 1849 г., десять лѣтъ велъ жизнь политическаго эмигранта, зарабатывая лекціями и литературнымъ трудомъ. Послѣ объединенія Италіи въ 1861 г. избранъ въ депутаты, но съ 1864 г. отказался отъ парламентской дѣятельности, хотя семь разъ послѣ этого былъ избираемъ. Вообще онъ стоялъ дальше отъ правительства объединенной Италіи, чѣмъ громадное большинство прежнихъ товарищей, и оно иначе относилось къ нему—даже арестовало его въ 1874 г. по ложному доносу о заговорѣ. Умеръ въ 1890 г. Въ Фіорѣ поставленъ ему памятникъ.

³⁾ Карлъ, нѣмецкій политическій агитаторъ и писатель, въ Лондонѣ жилъ эмигрантомъ.

⁴⁾ Отъ Огарева.

у васъ была м-мъ Трув. ¹⁾), на-дняхъ прїѣдетъ Мих. Сем. ²⁾). Вы видите, что желающіе могутъ писать и посылать. Я шесть лѣтъ говорю всѣмъ отправляющимся: у Христоф. ³⁾ есть полный списокъ запрещенныхъ стиховъ Пушкина. Теперь знаютъ въ Москвѣ о типографіи; при выѣздѣ никогда ничего не осматриваютъ. Хотите пари держать, что и Мих. Сем. не привезетъ ихъ? Бутылку... бочку... чанъ... прудъ... озеро шампанскаго,—я держу. Что лучше: моя ли неосторожная дѣятельность, которая никого никогда не компрометировала, или эта осторожная воздержность? Ужасно много можно было бы дѣлать, еслибъ не апатія наша да не привычка къ крѣпостному состоянію. А если война откроется, турки съ охотой, молдаване и валахи съ восторгомъ будутъ раздавать русскія книги. Но книги печатать, писать и издавать одному нельзя... Такъ-то, Марья Каспар.

Віардо говоритъ, мы составляемъ всю публичность Руси: ея мужъ переводитъ, я пишу, а она поетъ Русь.

Ну, кланяйтесь Мих. Сем. Еслибъ онъ вздумалъ въ Лондонъ? А я истинно внутри души боюсь всѣхъ, кого давно не видалъ... Вы мнѣ цѣлюю тетрадь напишите о немъ, о его разсказахъ.

Адье-съ. Что же нашъ женихъ подъ лакомъ, лучше ли ему?

Марихенъ я доволенъ, но у нея великая контроверза съ м-мъ Мотюръ, пьяной, грязной, сварливой француженкой, которую я держу только потому, что не нашель другой. Дѣти здоровы, Егору Ив. Саша напишетъ еще.

Et par diverses raisons

Gardons ces amis de la maison ⁴⁾).

Вы его надуйте какъ-нибудь насчетъ Татинова наслѣдства, да, молъ, и Оленьку-ниццарку не обойдите. А что же домъ, который онъ вамъ оставлялъ? Скажите Рейхелю, что я вчера слушалъ двухъ нѣмецкихъ артистовъ въ одномъ домѣ: Гиллера ⁵⁾ (который надоѣлъ мнѣ страшно, изъ чего я заключаю, что онъ *лубокій* музыкантъ) и даму, кажись, «Клаупъ». Ну, та ничего, и локоны длинные и увѣрляла меня, что она славянка, потому что въ Прагѣ родилась отъ жида съ нѣмкой; играетъ мило и беретъ по гинеѣ за урокъ. Aviso

¹⁾ Трувиле.

²⁾ Щепкинъ.

³⁾ Н. Х. Кетчеръ. 11 ноября 1853 г. онъ писалъ Сатину: «да что ты все адресуешь Христофоровичу, пиши Яковлевичу» (Румянц. музей).

⁴⁾ И по разнымъ причинамъ удержимъ этихъ домашнихнихъ друзей.

⁵⁾ Фердинандъ, нѣмецкій композиторъ и піанистъ.

ad usum Reichelis ¹⁾. Гартманъ ²⁾ можетъ разказать все это; къ тому же я въ этотъ день обновилъ вами присланный галстукъ.

664. Письмо къ М. К. Рейхель.

16 Juin, Jeudi.

Между прочими чудесами, занятіемъ Молдашіи и Валавіи (какъ говорилъ Бастидъ ³⁾) не чудно ли и то, что я вамъ пишу второе письмо о музыкѣ и музыкантахъ? М-elle Клаупъ изволила прислать мнѣ билетъ, и я вчера былъ на ея концертѣ. Она очень хорошо играетъ, еслибъ только не играла *ученой* музыки; вѣдь, Рейхель, по совѣсти, долженъ согласиться, что все это—педантизмъ, обскурантизмъ; когда она съѣхала на Бетховена, такъ ужъ я обрадовался: тутъ ужъ пошло какъ-то знакомѣе. Віардо пѣла. Вотъ и тутъ замѣчаніе: она пѣла мазурки Шопена съ необыкновенной граціей и съ великимъ искусствомъ, и прежде какую-то арію Пачини, съ этими проклятыми руладами и кунштюками... Какъ это старо, трудно, реакціонно, это—музыка Вѣнскаго конгресса, это—антраша танцовщиковъ.—Погодите вы съ своими роялями, переворотъ такъ перетряхнетъ вашу музыку, какъ все остальное. Моцартъ, это—Мирабо, это — первый живой человѣкъ въ музыкѣ; будутъ и въ ней Дантоны etc.

Ну, вотъ вамъ и диссертация. Здѣсь хотятъ перепечатать мои брошюры. Русъ въ модѣ.

Записочка, приложенная вамъ отъ Тат. Ал., вовсе ничего не содержитъ. Она спрашиваетъ объ очеркѣ, я ей писалъ, кажется. Очеркомъ я недоволенъ.

Когда Трув. поѣдетъ, не можетъ ли она прислать (позорно, что годы мы работаемъ объ этомъ): 1-е, лучшую новую грамматику русскую для Саши и лексиконъ съ русскаго, 2-е, лучшую исторію и что-нибудь новое для чтенія,—вѣдь, это все вертится около 50 фр. Попросите ее.

Прощайте.

¹⁾ Къ свѣдѣнію для Рейхеля.

²⁾ Который растаялъ, растопился, прослезился, умилился, влюбился; онъ сталъ послѣ тюрьмы еще сладостнѣе, точно говяжій супъ съ сахаромъ. А, впрочемъ, очень добрый человѣкъ.

На-дняхъ заставлю Тату писать къ Луизѣ. Ну, а вы прибавьте.—
А. И. Г.

³⁾ Жюль, либераль и писатель, министръ иностранныхъ дѣлъ въ 1848 г.

665. Письмо къ М. К. Рейхель.

18 іюня 1853. Суббота.

Получивъ ваше письмо, я сейчасъ послалъ 1 фунтъ Нидергуберу, *а не два*; стоитъ вамъ написать строку, я пошлю и другой, но, полагаю, во всякомъ случаѣ умнѣе дать не разомъ. Деньги ваши, кредитъ на 50 фр. я вамъ открыть не боюсь. Но вы даете много, много потому, что Нидерг. даютъ и другіе. Роды его жены ему не стоили ни копѣйки. Акушеръ-полякъ былъ семь разъ или восемь отъ меня, я на роды далъ ей 1½ ф. и ему 1½ ф. Гаугъ далъ, сколько могъ. Нидерг., скажу вамъ откровенно, —лѣнтяй, капризный человѣкъ и привыкаетъ къ нищенству съ трагическими аллюрами. Его прошедшее не чисто. Скажите Рейхелю, что послѣ его отъѣзда, куда я ни думалъ его помѣстить, вездѣ грозный вопросъ: «увѣрены ли вы въ чистотѣ прошлой его жизни?» преслѣдуетъ. Платья, присланныя Станк., заложены за 12 шил. Кромѣ работы, помочь ему нельзя. Послѣ вашихъ 50 фр. онъ также попроситъ, какъ послѣ 25,—*ce qui est differé n'est pas perdu* ¹⁾).

Вы не сердитесь, никогда я не становился противъ бѣдности, никогда не удерживалъ руку, хотящую дать,—но давайте умнѣе, *сага тіа*, и не сосредоточивайте на одной головѣ всѣхъ средствъ. Н—у нравится представлять изъ себя Эдипа, подавленнаго судьбою. И онъ моритъ дѣтей и жену съ голода, а иногда и мучитъ ихъ.

Я бы предложилъ другое: отослать его въ Америку, а жену первое время можно содержать. Она неспособна ни на какую работу. Онъ пробьется скорѣе тамъ.

Впрочемъ, по первому приказу фунтъ отошлю.¹

Если въ Россію не писали, то приложите записочку. А про-рос, во сколько дней ходитъ теперь письмо до Москвы? Віардо говоритъ, что желѣзная дорога въ Москву удивительная. Вагоны—роскошь и величины американской. Тата такъ скверно написала, что я въ наказаніе ей не посылаю.

◆◆ 1. Н. А. Огарева рассказываетъ: «Герценъ слышалъ, что Нидергуберъ—шпіонъ австрійскаго правительства. А. И—чѣ обратился мало вниманія на этотъ слухъ, потому что Нидергуберъ къ нему не ходилъ, а только на улицѣ раскланивался съ нимъ. Разъ

¹⁾ Что отложено, то не потеряно.

поздно вечеромъ въ квартирѣ Герцена раздался звонокъ; вошелъ Нидергуберъ. А. И—чь немало удивился этому безвременному посѣщенію и холодно спросилъ, что ему угодно. «Спасите мою жену,—сказалъ вошедшій съ волненіемъ,—она должна родить, а въ домѣ нѣтъ ни дровъ, ни пищи, ни денегъ, ничего, нечѣмъ будетъ заплатить доктору; я самъ два дня уже ничего не ѣлъ». Герценъ, молча, подалъ ему 50 фр. Нидергуберъ ужасно извинялся и благодарилъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, нѣмецкіе эмигранты рѣшили не допускать Нидергубера присутствовать при собраніяхъ эмиграціи, такъ какъ нашли доказательства его виновности. Тогда Нидергуберъ, зеленый отъ гнѣва, воскликнулъ: «Положимъ, что я—шпіонъ, но хорошъ же вашъ хваленый русскій революціонеръ Герценъ: онъ зналъ, что я—шпіонъ, а далъ 50 фр., когда моя жена родила! Чтѣ вы скажете на это?» Послѣ нѣмцы спрашивали у А. И—ча, правда ли, что онъ давалъ деньги Нидергуберу? Герценъ отвѣчалъ, что какъ ни гадокъ былъ ему Нидергуберъ, однако, онъ находилъ, что не имѣетъ права отказать въ помощи женщинѣ въ такую роковую для нея минуту» («Воспоминанія», 151—152).

666. Письмо къ М. К. Рейхель.

20 іюня (1853). Понедѣльникъ.

Сейчасъ воротился домой, не знаю, успѣю ли во-время послать письмо, но вотъ въ чемъ дѣло. Скажите М-me Melg. ¹⁾, что мнѣ смертельно жаль, но я долженъ отказать рѣшительно. Зачѣмъ онъ отослалъ деньги? Я теперь совсѣмъ иначе распорядился и имѣю большіе расходы, которые, вѣроятно, покроются, но не теперь. Я отдѣлать больше ничего не могу. И баста въ частныя дѣла входитъ иначе, какъ кто умираетъ съ голода, т. е. больше 500 фр. никогда никому давать не могу.

А вы воображаете, что Артамон. ²⁾ такъ и взялъ бы статьи? О портретѣ я ни слова не говорилъ, а онъ мнѣ писалъ, чтобъ я ему прислалъ. Пошлю черезъ недѣльку деньги Нид., но теперь я вижу еще въ болѣе гадкомъ свѣтѣ ихъ. Для чего писали вамъ? все это—нѣмецкое лазарничество.

Въ «Nation» и въ «The Leader» статьи объ типографіи; хотѣлъ вамъ вырѣзать изъ «The Leader», да жаль №: одинъ и есть. Впро-

¹⁾ Мельгунова.

²⁾ М. Гартманъ.

чемъ, ничего.¹ Не послать ли какъ-нибудь вамъ на другой адресъ, если что выйдетъ русскаго,—на имя нотнаго музыканта или Альбреха?

А съ Мельг. вы меня развяжите; онъ, разумѣется, будетъ недоволенъ, да что дѣлать.

Книгу Бруно Бауера прочту ¹⁾); онъ уже печаталъ обо мнѣ въ американскомъ журналѣ.

Прощайте.

Пишу новое предисловіе ко 2 изд. «Développ.» Дѣти здоровы. Везу Оленьку завтра къ M-me Stansfield. Не только она, но и Маниха ²⁾ будутъ плакать.

Некогда.

◆◆ 1. 11 іюня «The Leader» помѣстилъ замѣтку—«Русская демократическая типографія въ Лондонѣ»: «Съ каждымъ днемъ Лондонъ все больше и больше становится міровымъ центромъ умственнаго движенія. Въ дѣлѣ пропаганды идей, свободы и цивилизации первое мѣсто, неоспоримо, перешло отъ Парижа къ Лондону. Знаменитый русскій эмигрантъ, г. Герценъ (извѣстный на родинѣ больше подъ псевдонимомъ «Искандеръ»), только что основалъ на свой собственный счетъ русскую типографію, которая будетъ функционировать въ связи съ центральной польской демократической организаціей».

19 іюня «La Nation» помѣстила замѣтку «Русская типографія въ Лондонѣ», въ которой сообщила краткія данныя біографіи Герцена и выдержки изъ № 633.

667. Письмо къ М. К. Рейхель.

25 іюня, 1853.

Euston sq.

Самое забавное, что я могу вамъ сообщить, это—перечень того, что было со мной въ эти дни.

Въ среду я сѣлъ, по обыкновенію, писать; вдругъ кто-то меня съѣздилъ кулакомъ изнутри въ грудь. Что за оказія? Пока я думалъ,—другой разъ. Гаугъ говоритъ: «это въ Англии водится». Чего въ Англии не бываетъ... Между тѣмъ дыханье стѣснилось до того, что я съ мученьемъ дышалъ полугрудью, и потомъ опять

¹⁾ «Russland und das Germanenthum», 1853 г.

²⁾ Марія Фоммъ.

спазмы до круженія въ головѣ. Я послалъ за докторомъ. Тотъ положилъ меня въ постель и обклатъ грудь горячими припарками,—еще хуже, и такая сдѣлалась тоска, на лбу потъ, словомъ, подобнаго со мной не бывало. Дѣло было уже ночью. Никто въ домѣ не зналъ; докторъ поставилъ пѣивки и былъ всю ночь. Кровь поддерживали 14 часовъ. О, русскія натуры! Въ четвергъ мнѣ было скверно, въ пятницу *entre chien et loup* ¹⁾, сегодня выздоровѣлъ. Однако, еще съ тѣхъ поръ ничего не ѣлъ, кромѣ бульону и оршаду. Ни слабости, ничего не чувствую. Припарки, пѣивки, сиропъ,—все это такъ напомнило страшные мѣсяцы 1852. И та же болѣзнь. Теперь я понимаю, сколько страдала Н. Вы не думайте, что я не выздоровѣлъ. Такія болѣзни или развиваются сейчасъ и идутъ въ гору, или подрѣзанныя сейчасъ падаютъ. Разумѣется, я долженъ недѣли двѣ остаться на всѣхъ діетахъ (кромѣ Франкфуртской), въ груди все постерлось. Но, *saга mia*, вѣдь, я неинтересованъ дѣтей оставить однихъ и, стало, все будетъ сдѣлано. Я *долею* для нихъ пожертвовалъ, *долею* чести, жертвую и другимъ, хоть для того, чтобъ не беспокоить Рейхеля, *le grand tuteur'a* ²⁾.

А видно, матушка-барышня, старость приходитъ. Это второй опытъ воспалительной болѣзни въ Лондонѣ; или крови много, или климатъ мерзкій. Дѣти цвѣтутъ, впрочемъ. Я припишу въ письмѣ Таты къ Луизѣ ³⁾ и ей напишу объ ея сестрѣ или племянницѣ; послать ей 200 руб.—не велика фигура, но только тогда ея сестра, кузина, братъ, свекоръ, тесть,—всѣ попросятъ. *Il faut être féroce* ⁴⁾. Типографія вошла въ дѣйствіе въ ту среду, въ которую я чуть не вышелъ. Теперь—было бы что печатать, «пожалуйте оригиналу-съ». Ахъ, Боже мой, еслибъ у меня въ Россіи вмѣсто всѣхъ друзей была одна Марья Каспаровна, — все было бы сдѣлано. Не могу не бѣситься; все есть, сношенія моремъ и сушею, и только недостаетъ человѣка, которому посылать. На будущей недѣлѣ будетъ первый листокъ.

«Юморъ» ⁵⁾ пришлите съ оказіей лучше. Но я не знаю, можно ли его печатать.

Я съ этой глупой болѣзнью совсѣмъ забылъ рожденье Саши,—вы, какъ совѣсть: тутъ, какъ тутъ; письмо получено и прощайте.

Нельзя ли хоть черезъ Трувилью что-нибудь переплавить, хоть письмецо?

¹⁾ Ни то ни сѣ.

²⁾ Великій опекунь.

³⁾ Суцерь, племянница Л. И. Гаагъ, тоже просившая у Герцена денегъ.

⁴⁾ Нужно быть жестокимъ.

⁵⁾ Сочиненіе Н. П. Огарева.

668. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

25 Juin. Samedi (1853).

25, Euston Square.

Je me porte à merveille et je vous remercie beaucoup. Vous me rappelez par votre amitié les temps passés de ma jeunesse. Votre amitié est *active* — c'est la seule que je comprends, la seule que j'ai. La lettre que vous m'avez envoyée de votre amie, comme le billet d'aujourd'hui sont des preuves pour moi.

J'ai été aussi expansif et très expansif — je l'ai été avec vous; mais en général ce sont des tempi passati. L'amitié passive — on l'a de tout côté, l'amitié raisonnée (collaboration, conspiration, franc-maçonnerie, Emansipationssucht...), l'amitié de correligionnaires aussi, mais tout cela est vague, abstrait.—Je vous remercie donc avec chaleur de m'avoir rappelé qu'il y a une autre sympathie, plus humaine et plus individuelle dans ce vacuum horrendum par lequel nous entoure le monde.

Soyez sûre, avec mon extérieur de Falstaff, il n'y a pas de sentiment assez effilé, à peine saisissable qui ne trouve un écho profond dans mon âme.

Je vous serre la main,

A. Herzen.

Переводъ.

25 июня. Суббота (1853).

25, Euston Square.

Я здоровъ на славу и очень благодарю васъ. Своею дружбою вы напоминаете мнѣ былыя времена моей юности. Ваша дружба *дѣятельна*; это—единственный видъ дружбы, который я понимаю, и единственный, свойственный мнѣ самому. Письмо, которое вы мнѣ послали отъ вашей подруги, и сегодняшняя записка являются для меня доказательствами.¹

Я также былъ экспансивенъ и очень экспансивенъ, я былъ экспансивенъ даже съ вами, но вообще это—дѣло прошлаго. Пассивная дружба,—имѣешь ее гдѣ угодно, со всѣхъ сторонъ; дружба идейная (при сотрудничествѣ, заговорѣ, въ франкмасонствѣ, въ борьбѣ за свободу...), дружба единомышленниковъ — тоже, но все это неопредѣленно и отвлеченно. Поэтому я еще разъ горячо благодарю васъ за то, что напомнили мнѣ о существованіи другой.

симпатіи, болѣе гуманной и болѣе личной, въ ужасающей пустотѣ, которую насъ окружаетъ общество.

Будьте увѣрены, что при всей моей наружности Фальстафа нѣтъ такого тонкаго и еле уловимаго чувства, которое не нашло бы глубокаго отзвука въ моей душѣ.

Жму вамъ руку,

А. Герценъ.

◆◆ 1. Передъ этимъ, узнавъ Мейзенбургъ съ различныхъ сторонъ ея міросозерцанія, Герценъ просилъ ее вообще помочь ему въ воспитаніи дочерей. Мейзенбургъ согласилась, о чемъ и увѣдомила его письменно въ очень теплыхъ и дружескихъ выраженіяхъ. (см. ея «Воспоминанія», гл. XXIV).

669. Письмо къ М. К. Рейхель.

2 іюля (1853). Суббота.

Что значить ваше молчаніе? ужъ вы не больны ли, или что другое? отчего же Рейхель не напишетъ ни строки? Сегодня недѣля, какъ отъ васъ ни слуха, ни духа. Я, разумѣется, выздоровѣлъ; только еще осталась проклятая слабость и усталъ. Съ сорока лѣтъ человѣкъ начинаетъ разрушаться,—пора и честь знать, не все быть здоровому. Правда, что и климатъ здѣсь ужасный: вотъ и іюль, а мы, кромѣ двухъ дней, когда Рейхель здѣсь былъ, и свѣта не видали. Въ среду былъ у насъ раутъ: четыре англійскія дамы, три барышни, изъ которыхъ одна пѣвица (M-elle Herman), и Осипъ Ивановичъ ¹⁾ и Иванъ Гавриловичъ ²⁾. На-дняхъ ѣду съ Сашей и Татой въ Тонбриджъ къ M-me Biggs ³⁾. И вотъ весь рапортъ. Жду отъ васъ или отъ Рейхеля.

Черезъ часъ. И дождался. Такъ это вы такъ изъ ума шутите,—чтобъ вамъ ни дна, ни покрышки не было. Постарайтесь лексик. и книжки переслать. Да, мнѣ очень нужно мои старыя писанія «Объ изученіи природы» и о «Дилетантизмѣ»: обучаю Саффи философіи. Постарайтесь, сударыня. Нельзя ли черезъ Франка? А еслибъ вмѣстѣ съ тѣмъ можно было и «Мертвыя души» для Саши, хорошо бы было. Я всегда съ радостью (смѣшанной съ чѣмъ-то горькимъ) слышу, что вы ладите съ Энгельс. Встрѣча съ нимъ оставила очень большое

¹⁾ Маццини.

²⁾ Головинъ.

³⁾ Бигсъ.

мѣсто въ моей душѣ, я ни съ кѣмъ не сближался такъ скоро, никто такъ не отдавался мнѣ сначала и никто такъ себялюбиво, капризно не отворачивался отъ меня, не рвалъ обидой всѣхъ связей, какъ онъ. Онъ мнѣ помогъ въ самую страшную эпоху моей жизни,—этого я не забуду ему такъ, какъ, что бы ни дѣлалъ генералъ ¹⁾, я не забуду его цюрихскую пощечину. Но урокъ, данный мнѣ Энгелъ, былъ силенъ, и я имъ воспользуюсь. У меня теперь сто пріятелей и ни одного близкаго человѣка, я привыкъ къ этому одиночеству... Подальше, господа, prenez le large ²⁾, не нужно «задушевныхъ» разговоровъ, для того, чтобъ черезъ мѣсяцъ попрекнуть ими.

Прощайте.

Руге читаетъ здѣсь лекціи о новой философіи прескверно.

Стара «плафа», какъ говорилъ совѣтникъ Кулаковъ въ Вяткѣ.

670. Письмо къ М. К. Рейхель.

9 іюня (1853). Суббота.

Для меня нѣтъ признака больше вѣрнаго глубокому паденію нашего времени въ Европѣ, какъ плясаніе столовъ. Зараза эта дошла и до васъ. Тесье занимается имъ,—послѣ этого я сомнѣваюсь въ его химическихъ знаніяхъ. Вы мнѣ не написали, былъ ли Эдмондъ при этомъ; если былъ, то я не дивлюсь, что столъ говорилъ о . . . ³⁾ и о прочемъ.

Мозгъ боленъ. Мышцы сошли съ ума. Это постоянно бываетъ передъ переворотами. Месмеръ ⁴⁾ и Катерина Тео ⁵⁾, Калиостро и М-me Lenormand ⁶⁾ были съ графомъ С.-Жермень ⁷⁾ въ концѣ прошлаго вѣка. Аполлоній Тіанскій ⁸⁾ и всѣ христіане—магнетизеры передъ паденіемъ Рима.

¹⁾ Э. Гаугъ.

²⁾ Выходите въ открытое море.

³⁾ Слово не разобрано.

⁴⁾ Врачъ, изучавшій магнетизмъ и одно время (1785—1815) поражавшій многихъ своими опытами, значительная часть которыхъ потомъ получила другое объясненіе.

⁵⁾ Katherine Théot, извѣстная въ Парижѣ въ 1794 г. религіозная истеричка.

⁶⁾ Марія-Анна, «предсказательница», имѣвшая очень большой успѣхъ въ первой половинѣ XIX столѣтія.

⁷⁾ Алхимикъ и авантюристъ XVIII стол.

⁸⁾ Философъ новопифагорейской школы въ I вѣкѣ.

Восточный вопросъ меня занимаетъ въ сто разъ болѣе столобѣсія. (Фарадей ¹), знаменитый химикъ, сдѣлалъ снарядъ, которымъ доказалъ, что руки двигаютъ столъ, а не столъ руки).

Моя типографія пришла во-время. Печать идетъ, какъ по маслу, только не безъ ошибокъ, и то *tour de force* ²); никто, ни наборщикъ, ни корректоръ не знаютъ, одинъ я,—шрифтъ славный. ¹

Хочу послать маленькіе листочки въ Молдашію. Это легче, нежели вамъ послать.

Однако, вы мнѣ книги при случаѣ доставьте, не забывая сего.

Жара и грозы. Новаго у насъ ничего; плетемся, старѣемъ, скуцаемъ и работаемъ.

Если увидите Тесье, то скажите ему, что я прошу его въ свободныя отъ чародѣйства минуты прочитать «*Kreislauf des Lebens*» v. Molechott ³). Это умнѣе. А m-me Тесье скажите, что я тоже вѣрю духамъ, которые продаютъ у Houbigand Chardin ⁴).

Прощайте. Рейхелю жму руку.

Россія вступаетъ въ полную диктатуру Европой. Вотъ видите, какъ я былъ правъ, проповѣдуя съ 48 года это... Ахъ, если бы Николай Семен. былъ хоть отважный человекъ. Да если бы наши друзья не были въ летаргическомъ снѣ, а дѣлали бы что-нибудь,—сколько чудесъ натворить можно бы было. Здѣсь трусятъ, лыняють и приготавливаютъ дома для Лейхтенбергской ⁵).

◆◆ 1. Шрифтъ былъ отлить въ той же словолитнѣ, которая обслуживала и русскія казенныя типографіи, почему Герценъ называлъ въ шутку свою типографію «*Imprimerie impériale et révolutionnaire*» («*Allg. Zeitung*», 1855, № 63).

671. Письмо къ М. К. Рейхель.

16 юля (1853). Суббота.

Полагаю, что надняхъ поѣдетъ отсюда знакомая дама и вамъ объ насъ дастъ вѣсточку; новаго у насъ рѣшительно ничего нѣтъ, кромѣ того, что Голов. ⁶) продулъ 30 фунтовъ (750 фр.), поручившись за армянскаго принца.

¹) Майкаэль (Михаилъ), одинъ изъ величайшихъ физиковъ XIX столѣтія; былъ сначала рабочимъ-переплетчикомъ.

²) Подвигъ, въ смыслѣ одолѣнія очень большой трудности.

³) Молешотъ, «Круговоротъ жизни».

⁴) Извѣстная парфюмерная фирма въ Парижѣ.

⁵) Вел. княгиня Марія Николаевна.

⁶) Головинъ.

Вы пишете о Мельгуновой; вотъ видите, какъ я бываю правъ въ моихъ опасеніяхъ; Мел. бралъ деньги до іюля мѣсяца, его требованіе въ Россію не можетъ помѣшать присылкѣ денегъ. Гдѣ же онѣ?

Вообще финансы... финансы... это—удивительное дѣло. Вотъ, примѣромъ будучи сказать, півка порядочная—Нидергуберъ. Теперь у него есть мѣсто и очень хорошее (70 фунт. въ годъ), но надобно ждать мѣсяць жалованья.

Ему немного дали. Сегодня явилась жена его занимать деньги. Досадно мнѣ было, — я и ваши два фунта еще не забылъ. Говорю ей, «вѣдь, однако, вы не одни на свѣтѣ, да и отчего же я долженъ одинъ отдуваться? впрочемъ, нѣсколько шиллинговъ я вамъ дамъ». — «Помилуйте, — говоритъ интересная вѣнка, — что намъ дѣлать съ нѣсколькими шиллингами? дайте *нѣсколько фунтовъ*, мы будемъ выплачивать по мелочи». — «Извините, я такими суммами не ссужаю».

Что скажете?

А когда можно, книги пришлите; да, кстати, вамъ и Павлина Віардо пришлетъ книгу, которую она мнѣ привезла да и оставила въ Парижѣ. Поищите оказію.

За симъ прощайте.

Погода здѣсь ужасная: холодъ, дождь проливной, днемъ ночь и чортъ знаетъ, чтò.

Дѣти завтра обѣдаютъ въ Англіи: у Крафордъ ¹⁾.

672. Юрьевъ день! Юрьевъ день!¹

Русскому дворянству.

Первое вольное русское слово изъ-за границы пусть будетъ обращено къ вамъ.

Въ вашей средѣ развились потребность независимости, стремленіе къ свободѣ и вся умственная дѣятельность послѣдняго вѣка.

Между вами находится то самоотверженное меньшинство, которымъ искупается Россія въ глазахъ другихъ народовъ и въ собственныхъ своихъ.

Изъ вашихъ рядовъ вышли Муравьевъ и Пестель, Рылѣевъ и Бестужевъ ²⁾.

¹⁾ Crawford, одинъ изъ немногихъ семейныхъ домовъ, съ которымъ Г. поддерживалъ знакомство; тонъ дома былъ очень выдержанъ.

²⁾ Виднѣйшіе декабристы.

Изъ вашихъ родовъ вышли Пушкинъ и Лермонтовъ.

Наконецъ, и мы, оставившіе родину, для того, чтобы хоть вчуждъ раздавалась свободная русская рѣчь, вышли изъ вашихъ рядовъ.

Къ вамъ первымъ мы и обращаемся.

Не съ словами упрека, не съ невозможнымъ на сію минуту зовомъ на бой, а съ дружескою рѣчью объ общемъ горѣ, объ общемъ стыдѣ и съ братскимъ совѣтомъ.

Горестно, стыдно быть рабами, но всего горестнѣе и больнѣе сознавать, что рабство наше необходимо, что оно въ порядкѣ вещей, что оно—естественное слѣдствіе.

На нашей душѣ лежитъ великій грѣхъ, мы его унаслѣдовали и въ этомъ невиноваты, но мы удерживаемъ неправо унаслѣдованное, оно стягиваетъ насъ, какъ тяжелый камень, на дно, и съ нимъ на шеѣ мы не всплывемъ.

Мы—рабы, потому что наши праотцы продали свое человѣческое достоинство за нечеловѣческія права, а мы пользуемся ими.

Мы—рабы, потому что мы—господа.

Мы—слуги, потому что мы—помѣщики, и помѣщики безъ вѣры въ наше право.

Мы—крѣпостные, потому что держимъ въ неволѣ нашихъ братій, равныхъ намъ по рожденію, по крови, по языку.

Нѣтъ свободы для насъ, пока проклятіе крѣпостного состоянія тяготитъ надъ нами, пока у насъ будетъ существовать гнусное, позорное, ничѣмъ неоправданное рабство крестьянъ.

Съ Юрьева дня начнется новая жизнь Россіи, съ Юрьева дня начнется наше освобожденіе.

Нельзя быть свободнымъ человѣкомъ и имѣть дворовыхъ людей, купленныхъ, какъ товаръ, проданныхъ, какъ стадо.

Нельзя быть свободнымъ человѣкомъ и имѣть право сѣчь мужиковъ и посылать дворовыхъ на сѣзжую.

Нельзя даже говорить о правахъ человѣческихъ, будучи владѣльцемъ человѣческихъ душъ.

Развѣ - - - не можетъ сказать: «Вы хотите быть свободными? съ какой стати? Берите оброкъ съ вашихъ крестьянъ, берите ихъ трудъ, берите ихъ дѣтей во дворъ, обмѣривайте ихъ землю, продавайте ихъ, покупайте, пересылайте, бейте, сѣките ихъ, а если устали, посылайте - - - въ полицію, я охотно буду сѣчь за васъ. Мало вамъ этого, что ли? надобно честь знать! Предки наши уступили вамъ часть нашего - - - , кабаля вамъ свободныхъ людей, они оторвали полу - - - багряницы своей и бросили ее на бѣдность вашимъ отцамъ; вы не отказались отъ нея, вы покрываетесь ею, живете подъ нею,—какая же можетъ быть между нами

рѣчь о свободѣ? Оставайтесь крѣпки царю, пока православные крѣпки вамъ. Съ чего помѣщикамъ быть свободными людьми?»

И - - - будетъ правъ.

Многіе изъ васъ желали освобожденія крестьянъ. Пестель и его друзья ставили освобожденіе ихъ своимъ первымъ дѣломъ. Спорили сначала о томъ, съ землею или безъ земли дать волю. Потомъ всѣ увидѣли нелѣпость освобожденія въ голодъ, въ бродяжничество, и вопросъ шелъ только о количествѣ земли и о возможномъ возмездіи за нее.

Въ самыхъ помѣщичьихъ губерніяхъ, въ Пензѣ и Тамбовѣ, въ Ярославлѣ и Владимірѣ, въ Нижнемъ и, наконецъ, въ Москвѣ вопросъ объ освобожденіи находилъ сочувствіе и нигдѣ не встрѣчалъ того остервенѣнія, съ которымъ американскіе помѣщики защищаютъ свои черныя права.

Тульское дворянство подало проектъ; въ десяти другихъ губерніяхъ совѣщались, дѣлали предположенія.

И вдругъ дворяне и правительство перепугались, и изъ ихъ дрожащихъ рукъ выпали всѣ благія начинанія.

А бояться было вовсе нечего; разливъ 1848 года былъ слишкомъ мелокъ, чтобъ поднять наши степи.

Съ тѣхъ поръ все заснуло.

Куда дѣлось меньшинство, которое шумѣло въ петербургскихъ и московскихъ гостиныхъ объ освобожденіи крестьянъ?...

Чѣмъ кончились всѣ эти комитеты, совѣщанія, проекты, планы, предположенія?...

Наше сонное бездѣйствіе, вялая невыдержка, страдательная уступчивость наводятъ грусть и отчаяніе. Съ этой распущенностью мы дошли до того, что правительство насъ не гонитъ, а только пугаетъ и если бы не юношеская, полная отваги и безразсудства исторія Петрашевскаго и его друзей, можно бы было подумать, что вы поладили съ - - - - - и живете съ нимъ душа въ душу.

А между тѣмъ въ деревняхъ становится неловко. Крестьяне посматриваютъ угрюмо. Дворовые меньше слушаются. Всякія вѣсти бродятъ. Тамъ-то помѣщика съ семьей сожгли, тамъ-то убили другого цѣпами и вилами, тамъ-то приказчика задушили бабы на полѣ, тамъ-то *камерiera* высѣкли розгами и взяли съ него подписку молчать.

Крѣпостное состояніе явнымъ образомъ надоѣло мужикамъ; они только не умѣютъ приняться сообща за дѣло. Вы, съ своей стороны, знаете, что шагу впередъ нельзя сдѣлать безъ освобожденія крестьянъ. Но оно-то, по счастью, всего больше зависитъ отъ васъ.

Зависитъ сегодня. Мы не знаемъ, что будетъ завтра.

Чего-жъ вы ждете, въ самомъ дѣлѣ?

Разрѣшенія правительства? Оно дало вамъ какой-то лукавый и двусмысленный намекъ въ 1842 году. Вы имъ не воспользовались.

Да и какое тутъ позволеніе? Насильно заставить владѣть невозможно; это было бы тиранство совершенно новаго рода, обратная конфискація.

Вникните въ наши слова, поймите ихъ.

На сію минуту вы имѣете за себя больше, нежели право ¹⁾, фактъ владѣнія—власть. Такъ или иначе, но ключъ отъ цѣпи у васъ въ рукахъ. Намъ кажется умнѣе, *разсчитливѣе* уступить, нежели ждать взрыва. Умнѣе бросить за бортъ долю груза, нежели дать утонуть всему кораблю.

Мы не предлагаемъ вамъ, какъ Христосъ Никодиму, раздать ваше достояніе изъ самоотверженія; у насъ нѣтъ вамъ рая въ замѣну за такую жертву. Мы ненавидимъ фразы и вовсе не вѣримъ въ повальное великодушіе, ни въ безкорыстіе цѣлыхъ сословій. Французское дворянство 4-го августа 1792 г. поступило въ десять разъ больше умно, нежели самоотверженно.

Взвѣсьте, чтò вамъ выгоднѣе: освобожденіе крестьянъ съ землею и съ вашимъ участіемъ или борьба противъ освобожденія съ участіемъ правительства? Взвѣсьте, чтò выгоднѣе: начать собой новую свободную Русь и любовно рѣшить тяжелый вопросъ съ крестьянами или начать противъ нихъ крестовый походъ съ ружьемъ въ одной рукѣ, съ розгой въ другой? Если есть только будущность Руси и міру славянскому, *крестьяне будутъ свободны...*

Или вовсе не будетъ Россіи и слѣдъ ея, отмѣченный ненужной кровью и дикими побѣдами, исчезнетъ мало-по-малу, какъ слѣдъ татаръ, какъ второй неудачный слой сѣвернаго населенія послѣ финновъ. Государство, не умѣющее отдѣлаться отъ такого чернаго грѣха, такъ глубоко взошедшаго во внутреннее строеніе его, не имѣетъ права ни на образованіе, ни на развитіе, ни на участіе въ дѣлѣ исторіи.

Но ни вы не вѣрите такой страшной будущности, ни я.

И вы, и я, мы чувствуемъ и знаемъ, что освобожденіе крестьянъ необходимо, неотразимо, неминуемо.

¹⁾ Всякое дворянство на Западѣ можетъ сослаться на какія-нибудь слабые, призрачныя права владѣнія крестьянами; у насъ и тѣхъ нѣтъ. Не кровью приобрѣло русское дворянство рабовъ, а рядомъ полицейскихъ мѣръ, низкимъ потворствомъ - - -, плутнями чиновниковъ и безстыдной алчностью своихъ праотцевъ.—А. И. Г.

Если вы не сумѣете ничего сдѣлать, они, все-таки, будутъ свободны по царской милости или по милости пугачевщины.

Въ обоихъ случаяхъ вы погибли, а съ вами и то образованіе, до котораго вы доработались труднымъ путемъ, оскорбительными униженіями и большими неправдами.

Больно, если освобожденіе выйдетъ изъ - - - - - : власть - - - - - оправдается имъ передъ народомъ, и раздавивши васъ, сильнѣе укрѣпитъ свое самовластіе, нежели когда-либо.

Страшна и пугачевщина, но скажемъ откровенно: если освобожденіе крестьянъ не можетъ быть куплено иначе, то и тогда оно не дорого куплено. Страшныя преступленія влекутъ за собой страшныя послѣдствія.

Это будетъ одна изъ тѣхъ грозныхъ историческихъ бѣдъ, которыя предвидѣть и избѣгнуть заблаговременно можно, но отъ которыхъ спастись въ минуту разгрома трудно или совсѣмъ нельзя.

Вы читали исторію пугачевского бунта, вы слышали рассказы о старорусскомъ возстаніи.

Наше сердце обливается кровью при мысли о невинныхъ жертвахъ, мы впередъ ихъ оплакиваемъ, но, склоняя голову, скажемъ: пусть совершается страшная судьба, которую предупредить не умѣли или не хотѣли.

Если бы мы думали, что эта чаша не отвратима, мы не обратились бы къ вамъ, наши слова были бы тогда праздно или походили бы на неумѣстную и злую насмѣшку.

Совсѣмъ напротивъ, мы увѣрены, что нѣтъ никакой роковой необходимости, чтобы каждый шагъ впередъ для народа былъ отмѣченъ грудами труповъ. Крещеніе кровью—великое дѣло, но мы не раздѣляемъ свирѣпой вѣры, что всякое освобожденіе, всякій успѣхъ долженъ непременно пройти черезъ него.

Неужели грозные уроки былого всегда будутъ нѣмы?

И кого можетъ лучше поучать прошедшее и настоящее, какъ не васъ: вы зрители, вы смотрите, сложа руки, на грозную борьбу, совершающуюся въ Европѣ.

Чѣмъ дошла она, за исключеніемъ Англій, до петербургскаго управленія, до того, что образованнѣйшіе города ея превратились въ сѣзжіе дворы, Парижъ—въ человѣческую бойню, Франція—въ католическую Сибирь, Германія—въ остзейскія провинціи? Упорнымъ нехотѣніемъ уступать тому мощному вѣянью, которое неотразимо двигаетъ родъ людской.

Западные мѣщане все потеряли—честь, покой, свободу,—все такъ трудно нажитое ихъ собственною кровью; и что же, побѣдили ли они тотъ натискъ страстныхъ стремленій къ новому обще-

ственному чину, котораго они такъ боятся? Нѣтъ. Правда, сломленные, оттолкнутые порывы отступили, но не исчезли, не уничтожились, они бродятъ и роются глубже въ тайникахъ сердца чело-вѣческаго, дѣлаютъ горькую мысль, острую кровь и трепетнымъ огнемъ гнѣва пробѣгаютъ суставы всего тѣла.

Вмѣсто общественнаго пересозданія готовится общественное разрушеніе. Мало будетъ теперь тѣмъ, которые такъ добродушно обѣщали три мѣсяца голода и дали пять лѣтъ мученичества, мало для нихъ теперь одного водворенія новаго, имъ надобна месть. Они заслужили эту награду.

Учитесь, пока еще есть время.

Мы еще вѣримъ въ васъ,—вы дали залого, наше сердце ихъ не забыло,—вотъ почему мы не обращаемся прямо къ несчастнымъ братьямъ нашимъ для того, чтобы сосчитать имъ ихъ силы, которыхъ они не знаютъ, указать имъ средства, о которыхъ они не догадываются, растолковать имъ вашу слабость, которую они не подозрѣваютъ, для того, чтобы сказать имъ:

«Ну, братцы, къ топорамъ теперь! Не вѣкъ вамъ быть въ крѣпости, не вѣкъ ходить на барщину да служить во дворѣ; постоимте за святую волю, довольно натѣшились надъ нами господа, довольно осквернили дочерей нашихъ, довольно обломали палокъ объ ребра стариковъ... Нутка, дѣтушки, соломы, соломы къ господскому дому, пусть баричи погрѣются въ послѣдній разъ!»

Вмѣсто этой рѣчи мы вамъ говоримъ: предупредите большія бѣдствія, пока это въ вашей волѣ.

Спасите себя отъ крѣпостного права и крестьянъ—отъ той крови, которую они должны будутъ пролить.

Пожалѣйте дѣтей своихъ, пожалѣйте совѣсть бѣднаго народа русскаго.

Но торопитесь,—время страдное, ни одного часа терять нельзя.

Горячее дыханіе больной, выбившейся изъ силъ Европы вѣтетъ на Русь переворотомъ. - - - отгородилъ васъ заборомъ, но въ казенномъ заборѣ - - есть щели и сквозной вѣтеръ сильнѣе вольнаго.

Наступающій переворотъ не такъ чуждъ русскому сердцу, какъ прежніе. Слово *соціализмъ* неизвѣстно нашему народу, но смыслъ его близокъ душѣ русскаго чело-вѣка, изживающаго вѣкъ свой въ сельской общинѣ и въ рабочей артели.

Въ соціализмѣ встрѣтится Русь съ революціей.

Такихъ океаническихъ потоковъ нельзя, въ самомъ дѣлѣ, остановить таможенными мѣрами и розгами... Посторонитесь, если не хотите быть потопленными, или плывите по теченію.

...Можеть, тѣ изъ васъ, которые не хотять освобожденія, думаютъ, что - - - поможетъ имъ въ разгромѣ.

Они привыкли къ свирѣпымъ военнымъ усмирениямъ, они привыкли къ роли палача, которую правительство такъ охотно беретъ на себя, по требованію помѣщика. Они привыкли къ его преступной глухотѣ къ крестьянскимъ жалобамъ и къ его позорному потворству противозаконнымъ продажамъ, чрезмѣрнымъ податямъ, насильственному употребленію крестьянъ внѣ деревни...

Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ - - - поможетъ тѣми средствами, которыми - - - *благоденный* предшественникъ помогъ введенію военныхъ поселеній, засѣкая до смерти десятого, двадцатаго человѣка... Можеть...

Но если вы воспользуетесь съ ними вмѣстѣ - - - - защитой, тогда смотрите, ведите себя хорошо и смирно, забудьте всякое человѣческое достоинство и рѣчь сколько-нибудь свободную, и мечту о личной независимости,—будьте тогда вѣрноподданными и только вѣрноподданными.

Не то, вспомните: если юродивый австрійскій императоръ, отрѣшенный отъ дѣлъ за неспособность, нашель средство унять галицкихъ помѣщиковъ съ своимъ сообщникомъ Шелой— что съ вами сдѣлають - - - - - .²

◆◆ 1. У народа «Юрьевъ день»—26 ноября, когда, въ глубокую старину, крестьянамъ разрѣшалось переходить отъ одного помѣщика къ другому. Въ этотъ же день 1592 г. Борисъ Годуновъ закрѣпилъ крестьянъ за ихъ помѣщиками; отсюда и поговорка: «Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день». Герценъ, давая заглавіе своему сочиненію, имѣлъ въ виду именно эти обстоятельства.

2. 31 августа 1853 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибиковъ сообщилъ шефу жандармовъ, что, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, имъ предписано губернаторамъ, чтобы никто не получалъ писемъ со вложеніемъ «Юрьева дня», и что временно исполняющій обязанности пензенскаго губернатора, Юрій Толстой, опасается, что въ его губерніи брошюры могутъ распространить А. А. Тучковъ, Н. П. Огаревъ и Н. М. Сатинъ, за которыми нѣтъ надзора.

Въ тотъ же день Дубельтъ спросилъ гр. Орлова, не прикажетъ ли онъ немедленно учредить за ними секретный надзоръ, а П. А. Тучкову словесно сообщить насчетъ его племянника, котораго онъ и образумить? Орловъ написалъ на докладной запискѣ буквально слѣдующее: «совершенно справедливо надзоръ. можно и должно

учредить но секретный надъ означенными господами но до сихъ поръ все что предлагалось губернаторамъ голословно и болѣе ничего сдѣлать не лзя. П. А. Тучкову говорить не нужно, а будемъ смотрѣть и ожидать есть ли чтѣ откроется» (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи, 1849 г., 1 экс., дѣло № 425).

673. Поляки прощаютъ насъ!

Кровь и слезы, отчаянная борьба и страшная побѣда соединили Польшу съ Россіей.

По клоку отрывала Русь живое мясо Польши, отрывала провинцію за провинціей и, какъ неотразимое бѣдствіе, какъ мрачная туча, подвигалась все ближе и ближе къ ея сердцу. Гдѣ она не могла взять силой, она брала хитростью, деньгами, уступала своимъ естественнымъ врагамъ и дѣлилась съ ними добычей.

Изъ-за Польши приняла Россія первый черный грѣхъ на душу. Раздѣлъ ея останется на ея совѣсти. Менѣе преступно было бы взять сразу всю Польшу за себя, чѣмъ дѣлиться ею съ нѣмцами.

Варшава и Царьградъ были двѣ мучительныя мечты, два манящіе призрака, не давашіе спать Зимнему дворцу.

Александръ, послѣ 1812 года, побѣдилъ всю Европу, а взялъ только Польшу. Его войска, вступая въ Парижъ, завоевали, собственно, одну Варшаву.

Европа, тогда уже дряхлая и опустившаяся, бессмысленно отдала Польшу, отдала ее въ Вѣнѣ, спасенной полякомъ. Европа думала, что послѣ взятія Парижа нечего бояться. Она была обезпечена съ запада. Никому въ голову не пришло, что зато дорога съ востока была протоптана казаками.

Александръ увѣрилъ Европу, что можно быть русскимъ императоромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ королемъ польскимъ. Онъ увѣрилъ, что петербургскій самодержецъ можетъ быть конституціоннымъ государемъ въ Варшавѣ.

Это была - - - .

- - - - - замѣнилъ Николай свирѣпой истиной.

Чувствуя - - - - руку его, Польша возстала.

Послѣ девяностыхъ годовъ ничего не было ни доблестнѣе, ни поэтичнѣе этого возстанія. Это—не трехдневный бой на улицахъ, это—не невзначай одержанная побѣда надъ войскомъ, взятымъ врасплохъ и нерасположеннымъ драться,—это была отчаянная война

десяти мѣсяцевъ, война, которую вело цѣлое войско, противъ войска въ три раза сильнѣйшаго; войско, ставшее за народъ, умиравшее за народъ, а не за власть, не за - - - .

Задавленные силой, преданные западными правительствами и своими измѣнниками, поляки, сражаясь на каждомъ шагу, отступали. Перейдя границу, они взяли съ собою свою родину и, не склоняя головы, гордо и угрюмо пронесли ее по свѣту.

Европа разступилась съ уваженіемъ передъ торжественнымъ шествіемъ отважныхъ бойцовъ.

Народы выходили къ нимъ на поклонъ. Цари сторонились, чтобъ дать имъ пройти.

Европа проснулась на минуту отъ ихъ шаговъ, нашла слезы и участие, нашла деньги и силу ихъ дать.

Благородный образъ польскаго выходца, этого крестоваго рыцаря свободы, остался въ памяти народной. Онъ искупалъ вѣкъ малодушный и холодный, онъ примирялъ человѣка съ людьми и оживлялъ надежды, давно заснувшія.

Двадцать лѣтъ на чужбинѣ, въ нуждѣ и лишеніяхъ, въ потѣ лица зарабатывая скудный кусокъ хлѣба, часто притѣсненные и гонимые изъ страны въ страну, польскіе выходцы неусыпно трудились съ одной завѣтной мыслью возрожденія свободной Польши. И вѣра ихъ не поблѣднѣла отъ грозныхъ событій, и любовь ихъ не простыла отъ всевозможныхъ оскорбленій, и дѣятельность ихъ не притупилась, и мышцы не ослабли отъ усталости и безуспѣшности. Совсѣмъ напротивъ, на всякой роковой перекличкѣ въ грозные дни борьбы и опасности, они первые отвѣчали: «Здѣсь!», какъ сказалъ одинъ изъ ихъ вожатаевъ. И дѣйствительно, бѣлокурый сынъ Польши являлся въ первыхъ рядахъ всѣхъ народныхъ возстаній, принимая всякій бой за вольность боемъ за Польшу.

Но не все ихъ отечество было на чужбинѣ.

Въ то время, какъ одна Польша шла на Западъ, спасая удаленіемъ родину, другая Польша въ цѣпяхъ шла въ Сибирь, спасая ее мученичествомъ. Все живое, все не умолкнувшее, все надѣявшееся, юное и старое, женщины, монахи и дѣти,—все шло въ снѣжныя степи.

Двадцать лѣтъ съ тою же упорностью, съ тою же настойчивостью свирѣпствовалъ въ Польшѣ - - -, попирая ногами все польское, все человѣческое.

Прибывъ къ землѣ послѣдніе ростки, онъ снялъ границу между Польшей и Россіей...

Неужели во всемъ этомъ только и смыслъ, что кровавая борьба, изгнаніе, ссылка, позорная побѣда, неправое стяжаніе?

Нѣтъ. Сквозь мрачный ходъ событій, сквозь дымящуюся кровь, черезъ висѣлицы, черезъ головы - - - и палачей просвѣчиваетъ иной день. Изъ-за насильственного единства виднѣтся единство свободное, изъ-за единства, поглощающаго Польшу Россіей, — единство, основанное на признаніи равенства и самобытности обѣихъ, изъ-за - - - - соединенія — соединеніе народное. Скованные поневолѣ колодники, всматриваясь болѣе и болѣе, узнали другъ въ другѣ братьевъ; та же кровь сказала, и семейная вражда изсякаетъ.

Вражда! Откуда она?... Откуда взялось это непреодолимое чувство непріязни, которое влекло сначала Польшу въ Русь, потомъ Русь въ Польшу?

Намъ всегда была подозрительна эта ненависть, намъ не вѣрилось этой враждѣ. Не крылось ли подъ ними желаніе пополнить себя, не было ли въ сосѣдской зависти неяснаго чувства обоюдной неполноты и односторонности?

Имъ недоставало другъ друга, а онѣ терзали, уничтожали одна другую.

Русь, сильная единоплеменностью, народнымъ чувствомъ своей цѣлости, своего братства, срослась въ огромное государство. Но въ этомъ печальномъ государствѣ явнымъ образомъ чего-то недоставало. Жизнь его скрылась по деревнямъ или стремилась къ окраинамъ, выступая непрерывно за свои предѣлы; какъ будто томимая тоской, она искала убѣжища отъ внутренней тѣсноты, отъ - - - - гнета и не находила, потому что всюду несла съ собою - - - мертвящую власть.

Русь сохранила общину, развила государство, образовала войско, но не развила вольнаго человѣка.

Противъ нея, *равной* передъ своимъ гнетомъ, стояла Польша, *неравная* въ своей свободѣ.

Личность, признанная Польшею за вольную, была облечена во все самодержавіе человѣческаго достоинства, она была вѣнцомъ славы и побѣднымъ вѣнцомъ польскаго развитія. Царственное «*не позволяю*», принадлежавшее всякому свободному человѣку, непонятное вѣрноподаннымъ ариѳметическаго большинства голосовъ, выражаетъ чистѣйшимъ образомъ славянское начало единодушія и безпредѣльной воли лица.

Но *другія* личности въ Польшѣ не были свободны, и съ этимъ противорѣчіемъ она сладить не могла.

Славяне не умѣютъ долго и умѣренно жить въ двойствѣ народной неволи и аристократической свободы. Тотъ или другой элементъ непремѣнно выступить изъ всѣхъ границъ. Свободный дѣлается тираномъ, исключенный изъ правъ — рабомъ.

Можетъ, всѣ славяне—рабы оттого, что они не могутъ быть всѣ свободны.

Польша утратила на время нераздѣльную цѣлость, государственное значеніе, въ искупленіе своего отчужденія, своего западнаго аристократизма, своей преданности папѣжу.

Ей надобно было, волей или неволей, снова сблизиться со славянскимъ міромъ, вспомнить свое славянское начало. Польша—не Венгрія, не безродная, не одна на свѣтѣ; съ правой и съ лѣвой стороны, на югъ и на сѣверъ она окружена славянами.

Свою односторонность Польша много искупила отвагой въ бою, непреклонностью въ изгнаніи, мучениками, непрерывно падающими подъ - - - - - гоненіемъ, подъ вражьиими пулями, подъ топоромъ палачей.

Недоставало еще одной жертвы. Она приносится *теперь*.

Поляки болѣе и болѣе сближаются съ русскими.

Мы говоримъ о Польшѣ демократической, народной, современной.

Для нея та Польша, которая ненавидѣла Россію, о которой мечтали ея олигархи и ея полководцы, становится такъ же чужда, какъ петербургская Русь, съ той разницей, что одна имѣетъ за себя силу, а другая—противъ себя свое безсиліе.

Мы всегда искали этой близости,—съ нашей стороны тутъ нѣтъ и достоинства: мы виноваты, мы оскорбители, насъ угрызала совѣсть, насъ мучилъ стыдъ. Ихъ Варшава пала подъ нашими ядрами, и мы ничѣмъ не умѣли показать ей наше сочувствіе, кромѣ скрытыхъ слезъ, осторожнаго шопота и робкаго молчанія.

Муравьевъ, Пестель и ихъ друзья первые протянули руку полякамъ. Народъ польскій въ то время, какъ сеймъ произносилъ низверженіе - - - - - , служилъ въ Варшавѣ торжественную панихиду Муравьеву, Пестелю и ихъ друзьямъ.

Но между тѣмъ временемъ и нашимъ прошелъ черный 1831 годъ. Россія вполнѣ заслужила новую ненависть Польши...

...Послѣ долгихъ годовъ озлобленія раздался, наконецъ, голосъ Мицкевича, говорившій о томъ великомъ славянскомъ единствѣ, которое должно покрыть частную вражду Польши и Россіи.

Въ 1845 году польскіе демократы въ Лондонѣ обратились съ теплой рѣчью къ русскимъ, и спрашивали себя и ихъ: «Откуда эта ненависть, слишкомъ ожесточенная, чтобъ быть продолжительной, слишкомъ долгая, чтобъ быть естественной? Думалъ ли кто-нибудь изъ васъ объ ней, отдали ли мы себѣ въ ней отчетъ?»

И они звали на примиреніе и на общую борьбу.

Голосъ ихъ не дошелъ до насъ; но тогда уже молодежь всѣхъ

русскихъ университетовъ тѣсно соединялась съ польскими юношами, присылаемыми къ намъ правительствомъ.

Наканунѣ февральской революціи нашъ Бакунинъ явился передъ собраніемъ поляковъ, праздновавшихъ годовщину варшавскаго возстанія. Онъ просилъ забвенія прошедшему и предлагалъ во имя юной Россіи союзъ и братство.

Его рѣчь была принята кликами сочувствія. Но, несмотря на все это, скажемъ откровенно, истиннаго мира и соглашенія не было.

Трудно было полякамъ переломить вѣковой предрасудокъ и забыть свѣжее оскорбленіе. Палачей своихъ никто не любитъ, какъ бы казни ни были чужды ихъ сердцу. Надобенъ былъ длинный трудъ мысли, рядъ испытаній, для того, чтобъ подвигнуть поляковъ не только на забвеніе былого, но на соединеніе съ нами.

Вотъ та новая жертва, которая требовалась отъ ихъ безграничной преданности.

Они ее приносятъ. Послѣ столькихъ потерь, столькихъ жертвъ, они жертвуютъ самой *ненавистью*.

Пока міръ тщетно ждетъ царской амністіи полякамъ, Польша даетъ амністію народу русскому.

Еще болѣе. Она въ лицѣ своихъ демократическихъ вождатевъ протягиваетъ вамъ свою руку.

И это—болѣе, нежели соединеніе двухъ непріятелей противъ одного общаго врага.

Великій полякъ Конарскій ¹⁾, принеся свою грудь палачамъ изъ-за границы, для того, чтобъ проповѣдовать свободу въ польско-русскихъ губерніяхъ, и неизвѣстный русскій офицеръ Караваевъ, погибнувшій, желая спасти Конарскаго, осужденнаго на смерть,— вотъ первообразъ того соединенія, о которомъ идетъ рѣчь.

Торопитесь взять протянутую вамъ руку: она васъ будитъ, она вамъ напоминаетъ, что вашъ часъ приближается, что пора, наконецъ, вамъ завоевать человѣческое достоинство или потерять на него права ваши.

Рука эта—въ то же время рука Муравьева и Пестеля.

Вы полны прекрасныхъ стремленій, но вы неопытны, какъ дѣти, вы гибнете понапрасну или сидите сложа руки; увлекаетесь невозможными надеждами или отдаетесь неоправданному отчаянію. Все, что вы дѣлаете, не имѣетъ ни единства, ни опредѣленной цѣли. Оттого всѣ ваши стремленія, усилія выдыхаются бесплодно,

¹⁾ Симонъ, графъ, политическій дѣятель; эмигрировалъ послѣ возстанія 1831 г. Въ 1838 г. старался произвести возстаніе въ Польшѣ, но былъ арестованъ въ Вильнѣ и разстрѣлянъ.

ваша мысль объемиста и глубока, ваше сердце свѣже, вы знаете народъ, вы не свихнули свой умъ, не испортили своего инстинкта, не истожили своихъ силъ середь ложныхъ страстей, середь безсильной болтовни, завистливыхъ притязаній и застарѣлаго растлѣнія.

Но при всемъ этомъ вы праздны.

Внутренній трудъ, созерцаніе, изученіе дали вамъ много, но они не дадутъ вамъ теперь ничего больше. Мысль и такъ опередила событія. Мысль безъ дѣлъ мертва, какъ вѣра. Чѣмъ болѣе она расходится съ жизнью, тѣмъ она становится суше, холоднѣе, безстрастнѣе, ненужнѣе. Германія служитъ вамъ примѣромъ и угрозой.

Одно теоретическое развитіе, отвлеченное и непереводимое въ жизнь, противно славянскому характеру. Для васъ это слишкомъ мало и слишкомъ легко.

Безплодное негодованіе, ученые споры, благородныя стремленія, тоска по свободѣ и весь этотъ революціонный эпикуреизмъ и лиризмъ не идетъ намъ болѣе, мы выросли изъ него; онъ слишкомъ сбивается на смиренныя упованія - - - - -, которыхъ невозможность имъ самимъ очевидна, но которыя они поддерживаютъ для нервнаго раздраженія.

«Наше время, говорятъ, не настало». Оно никогда не наступитъ, если мы не будемъ работать. Исторія дѣлается волей человѣческой, а не сама собою; оттого она намъ такъ дорога.

Грядущія событія теперь покрыты громовой тучей. Откуда ударитъ громъ, кого поразитъ стрѣла, гдѣ разразится гроза, никто не знаетъ. Но, если вы не будете изготавляться, и эта гроза пройдетъ мимо нашихъ головъ.

Мы писали вамъ, объявляя объ учрежденіи вольнаго русскаго книгопечатанія въ Лондонѣ, что «дверь вамъ открыта—ваше дѣло ею воспользоваться».

«Три четверти труда сдѣланы нашими польскими братьями, остальное вы можете сдѣлать сами».

Ваше дѣло найти вамъ протянутую руку; ваше дѣло вступить въ сношеніе съ нами и съ нашими друзьями.

— Гдѣ? Какъ?

— Оглянитесь... Возлѣ васъ, за вашими плечами.

— Но сношенія съ вами опасны.

— Безъ всякаго сомнѣнія.

Бѣгущему опасности тутъ нѣтъ мѣста.

До сихъ поръ насъ никто не обвинялъ въ трусости; мнѣ кажется, что доля опасенія происходитъ не отъ трусости, а оттого, что революціонная дѣятельность вамъ не обыкновенна и дика.

Половина нашей молодежи обыкновенно вступаетъ въ военную

службу. Я не слышалъ, чтобъ военные шли въ отставку при началѣ кампаніи, а, вѣдь, на войнѣ еще опаснѣе. Отчего же одни и тѣ же люди отважно подставляютъ грудь шашкѣ чеченца, пулѣ лезгина, идутъ на стѣны Измаила, падаютъ отъ чумы и непріятеля за Балканами и боятся въ тиши и тайнѣ начать союзъ и общій трудъ съ великой и святой цѣлью освобожденія?

Со стороны Польши забыта обида, прощено насиліе, пожертвована ненависть. Она, правая, многострадальная, протягиваетъ руку. Стыдъ намъ, если мы не сумѣемъ ее взять.

Я чувствую, что это невозможно, я *чувствую*, что мы достойны союза съ нею. Вамъ слѣдуетъ это *доказать*.

Соединитесь съ поляками въ общую борьбу «*за нашу и ихъ волю*»—и грѣхъ Россіи искупится, и не напрасно пропадетъ наше 14 декабря, и мы съ гордостью и умиленіемъ скажемъ когда-нибудь міру:

*Польша не синула бы и безъ насъ, но и мы облечили ей тяжкую борьбу!*¹

Лондонъ, 20 іюля 1853 года.

◆◆ 1. Ознакомившись съ содержаніемъ первыхъ изданій типографіи Герцена, Варнгагенъ фонъ-Энзе записалъ въ своемъ дневникѣ: «Это предпріятіе можетъ имѣть громадное значеніе. Разумѣется, русскій императоръ приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не допустить въ предѣлы имперіи подобныя изданія, будетъ жестоко наказывать ихъ распространителей, хранящихъ и читающихъ, но всей его мощи не хватитъ на уничтоженіе силы этой печати. Уже большой выигрышъ въ томъ, что такія изданія станутъ проникать до самой русской границы, читаться выѣзжающими за русскую границу и вообще славянами. Какую пользу принесли французской литературѣ XVII и XVIII вѣковъ заграничныя типографіи въ Женевѣ, Гаагѣ и т. д.!» (т. X, 197).

674. Письмо къ М. К. Рейхель.

Суббота, 22 іюля (1853).

Пишу нѣсколько словъ, потому что ничего нѣтъ и потому что сейчасъ ѣду съ дѣтьми въ Тонбриджъ на Villegiatur'у¹).—Работы у меня бездна. Поляки издаютъ всѣ мои брошюры. Насчетъ

¹) Жизнь въ деревнѣ, загородная прогулка.

«Крейц. Цейт.»¹⁾ не бойтесь—скоты эти мнѣ помогаютъ; разумѣется, все, что они пишутъ,—вздоръ; стану ли я во время войны писать солдатамъ? Я русскій и становлюсь вездѣ, какъ русскій. Но шумъ ихъ и толки полезны.

Волчій сынъ²⁾—сынъ зайца; чего боится, самъ не знаетъ. Получили ли отъ Віардо посылочку? Теперь печатается брошюра подъ заглавіемъ «Крещеная собственность», а «Юрьевъ день» посланъ уже высшимъ чиновникамъ въ Питеръ по почтѣ,—пусть потѣшатся.

Нельзя ли Мел. черезъ волчьяго сына переслать? Что Мих. Сем.?—Вы можете просто послать къ Віардо за посылкой.

¹⁾ «Kreuz. Zeitung» («Neue Preussische Zeitung»).

²⁾ Вольфсонъ; вѣроятно, о боязни его выпустить переводъ «Прерванныхъ рассказовъ».

675. КРЕЩЕНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

«Я не воронъ, а вороненокъ; настоящій воронъ еще летаетъ въ поднебесьи».

Пророчество Пугачева.

Въ концѣ прошедшаго года началъ я странный трудъ. Не знаю, слажу ли съ нимъ; думаю, что да. Впрочемъ, трудъ этотъ можетъ на всемъ остановиться, какъ наша жизнь: вездѣ будетъ довольно и вездѣ можно его продолжать. Надгробный памятникъ и исповѣдь, бывшее и думы, біографія и умозрѣніе, событія и мысли, слышанное и видѣнное, наболѣвшее и выстраданное, воспоминанія и... еще воспоминанія!

Изъ первой части этихъ gapping spirits ¹⁾, этого повторенія жизни, блѣдно воскрешаемой словомъ и памятью, хочу я передать нѣсколько отрывковъ.

Первый передъ вами.

Тонбриджъ (Кентъ), 22 іюля 1853 года.

Предисловіе ко второму изданію.

Три года тому назадъ, дѣлая первые опыты русскихъ изданій въ Лондонѣ, я напечаталъ небольшой отрывокъ о крѣпостномъ состояніи подъ заглавіемъ «Крещеная собственность». Я не придаю никакой важности этой брошюрѣ, напротивъ, нахожу ее весьма недостаточной, но изданіе разошлось. Г. С. Тхоржевскій ²⁾ изъ-

¹⁾ Настроений.

²⁾ Станиславъ, польскій эмигрантъ; завѣдовалъ издательствомъ Герцена, продажей его изданій и былъ очень привязанъ къ нему и всей его семьѣ.

явилъ мнѣ свое желаніе сдѣлать новое; я не счелъ нужнымъ не предоставить ему этого права.

Много событій совершилось въ Россіи въ эти три года, но крѣпостное состояніе осталось, какъ было, язвой, пятномъ, тѣмъ безобразіемъ русскаго быта, которое смиряетъ насъ и заставляетъ, краснѣя и съ поникнувшей головой, признаться, что мы ниже всѣхъ народовъ въ Европѣ.

Съ какимъ теплымъ упованіемъ, съ какимъ сердечнымъ трепетомъ ждали мы, послѣ смерти Николая, тѣхъ возможныхъ, общечеловѣческихъ переменъ, которыя можно было совершить безъ потрясающихъ переворотовъ, однимъ уразумѣніемъ своего смысла и своего призванія со стороны правительства. Изъ дали нашего изгнанія мы смотрѣли съ надеждой и безъ малѣйшей желчи. Сначала мѣшала война..... Пройшла война—ничего! Все отложено до коронаціи... Пройшла и коронація—все ничего! И новое царствованіе вступило въ свой ежедневный обиходъ. Всѣ реформы до сихъ поръ ограничиваются фразами и далѣе риторики не идутъ.

А, вѣдь, какъ было легко сдѣлать чудеса, — вотъ что непростительно, вотъ чего мы не можемъ вынести. У насъ сердце обливаётся кровью, и досада кипитъ въ груди, когда мы думаемъ, чѣмъ могла бы быть Россія при выходѣ изъ мрачнаго царствованія Николая, разбуженная войной, призванная къ сознанію, безъ ошейника рабства на шеѣ; какъ быстро, какъ самобытно и мощно могла она двинуться впередъ.

Нѣтъ даже начала освобожденія крестьянъ, — этой первой азбуки гражданскаго развитія. Зачѣмъ подымались ополченцы, зачѣмъ мужикъ несъ свой трудъ, свою копѣйку, свою кровь въ защиту бездушному - - - - - съ лепетомъ о своей благодарности возвратилъ его розгамъ господина и каторжной работѣ на барщинѣ.

Говорятъ, что теперешній царь добръ. Можетъ быть, того свирѣпаго гоненія, которое составляетъ характеръ прошлаго царствованія, нѣтъ, и мы первые душевно рады повторять это.

Но, вѣдь, этого мало, вѣдь, это еще отрицательное достоинство. Недостаточно еще не дѣлать зла, имѣя такія средства дѣлать добро, которыхъ уже нѣтъ ни у одной монархической власти въ Европѣ. Да онъ не знаетъ, какъ приняться, что дѣлать.

А сказать некому. Вотъ онъ — результатъ насильственнаго молчанія, вотъ что значитъ вырвать языкъ у народа и повѣсить замокъ на его губы. Зимній дворецъ окруженъ царствомъ нѣмоты, а въ немъ говорятъ одни николаевскіе генераль-адъютанты. Конечно, не они расскажутъ о вѣяніи современнаго духа, и не черезъ нихъ услышитъ Александръ II стонъ русскаго народа.

Чтобы слышать его, знать зло и средства его искоренить, теперь не нужно ходить, какъ Гарунъ-аль-Рашидъ, подъ окнами своихъ подданныхъ. Для этого стоитъ снять позорную цѣпь цензуры, пятнающую слово *прежде*, нежели оно сказано. И тотъ же Смирдинъ или Глазуновъ¹⁾, который доставляетъ прочимъ смертнымъ книги, доведетъ до царя голосъ его народа.

Но этого-то и не хотятъ закоренѣлые въ рабствѣ слуги Николая.

Они погубятъ Александра — и какъ жаль его! Жаль за его доброе сердце, за вѣру, которую мы въ него имѣли, за слезы, которыя онъ нѣсколько разъ проливалъ...

Люди эти его втянутъ въ старую рутину, усыпятъ ложью, испугаютъ невозможностью, вовлекутъ снова во внѣшнія дѣла, чтобы отвести отъ внутреннихъ. Все это дѣлается уже теперь.

Съ какой стати соваться въ неаполитанскій вопросъ? Есть дѣла, въ которыя честные люди не мѣшаются; есть союзы, которые пятнаютъ, которые - - - - - и отвратительны для Александра. Пора разстаться съ несчастной мыслью, что призваніе Россіи служить опорой всякому насилію, всякому тиранству.

Только, было, другіе народы начали меньше враждебно смотрѣть на Россію, какъ на смѣхъ имъ старая дипломатія привязала - - - - - къ одному позорному столбу съ коронованнымъ лацарони. Какая неосторожность, какое отсутствіе такта, какое отсутствіе любви къ Россіи и къ нему!

А дома еще разъ обманутый крестьянинъ тащится на господское поле, посылаетъ сына во дворъ,—это ужасно! Правительство знаетъ, что обойти задачу освобожденія крестьянъ съ землею невозможно. Совѣсть, нравственное сознаніе Россіи требуютъ рѣшить ее. Что же выигрываетъ оно, оттягивая вопросъ, откладывая его на завтра?...

Когда мы говорили, что эта трусость передъ необходимостью, что эта безхарактерная медлительность дойдетъ до того, что вопросъ разрѣшится топоромъ крестьянина, и умоляли правительство спасти его отъ будущихъ преступленій²⁾, добрые люди подняли крикъ ужаса и обвинили насъ же въ любви къ кровавымъ мѣрамъ.

Это—ложь, это—намѣренное непониманіе. Когда врачъ предостерегаетъ больного въ страшныхъ послѣдствіяхъ болѣзни, развѣ это значитъ, что онъ ихъ любитъ, что онъ ихъ вызываетъ? Что за дѣтское возрѣніе!

¹⁾ Книгоиздатели.

²⁾ № 673.

Нѣтъ, мы слишкомъ много видѣли и слишкомъ близко, какъ ужасны кровавые перевороты и какъ плоды ихъ бываютъ искажены, чтобы съ свирѣпой радостью накликалъ ихъ.

Мы просто указывали, куда эти господа идутъ и куда ведутъ. Пусть они знаютъ, что если ни правительство, ни помѣщики ничего не сдѣлаютъ, сдѣлаетъ топоръ. Пусть государь знаетъ, что отъ него зависитъ, чтобы русскій крестьянинъ не вынималъ его изъ-за своего кушака.

Но, вѣдь, для этого надобно что-нибудь дѣлать, а не отдалять вопроса и не отворачиваться отъ его послѣдствій.

25 октября 1856. Путней.

Съ дѣтскихъ лѣтъ я безконечно любилъ наши села и деревни, я готовъ былъ цѣлые часы, лежа гдѣ-нибудь подъ березой или липой, смотрѣть на почернѣлый рядъ скромныхъ бревенчатыхъ избъ, тѣсно прислоненныхъ другъ къ другу, лучше готовыхъ вмѣстѣ сгорѣть, нежели распасться; слушать заунывные пѣсни, раздающіяся во всякое время дня, вблизи, вдали. Съ полей несетъ сытнымъ дымомъ овиновъ, свѣжимъ сѣномъ, изъ лѣсу вѣетъ смолистой хвоей, и скрипитъ запущенный колодезь, опуская бадью, и гремитъ по мосту порожняя телѣга, подгоняемая молодецкимъ окрикомъ....

Въ нашей бѣдной сѣверной, долинной природѣ есть трогательная прелесть, особенно близкая нашему сердцу. Сельскіе виды наши не задвинулись въ моей памяти ни видомъ Соренто, ни римской Кампаней, ни насупившимися Альпами, ни богато воздѣланными фермами Англій. Наши безконечные луга, покрытые ровной зеленью, успокоительно хороши, въ нашей стелящейся природѣ что-то мирное, довѣрчивое, раскрытое, беззащитное и кротко грустное, что-то такое, что поется въ русской пѣсни, что кровно отзывается въ русскомъ сердцѣ.

И какой славный народъ живетъ въ этихъ селахъ! Мнѣ не случалось еще встрѣчать такихъ крестьянъ, какъ наши великоруссы и украинцы.

Оно и немудрено. Жизнь европейская пренебрегала деревней, она бойко шла въ замкъ, потомъ въ городъ; деревня служила пастбищемъ, кормомъ. Западный крестьянинъ—выродившійся кельтъ, побѣжденный галлъ, германецъ, побитый другимъ германцемъ. По городамъ побѣдители мѣшались съ побѣжденными; съ земледѣльцами никто не мѣшался, пока они оставались земледѣльцами. Тамъ, гдѣ побѣда пронеслась надъ головой прежняго населенія, не осѣла на немъ или не могла до него добраться, тамъ крестьяне и не та-

ковы, напр., въ Романы, въ Калабріи, Шотландіи, Швейцаріи, Норвегіи.

Крестьянинъ на западѣ вообще однодворецъ; если онъ богатѣетъ, то онъ дѣлается полевымъ мѣщаниномъ, такъ, какъ, наоборотъ, въ прежнее время русскіе купцы, пріобрѣтая милліоны, оставались по нравамъ и обычаямъ тѣми же крестьянами.

Деревенскіе мѣщане-собственники составляютъ на Западѣ слой народонаселенія, который тяжело налегъ на сельскій пролетаріатъ и душитъ его, по мелочи и на чистомъ воздухѣ, такъ, какъ фабриканты душатъ работниковъ гуртомъ въ чаду и смрадѣ своихъ рабочихъ домовъ.

Сословіе сельскихъ собственниковъ почти вездѣ отличается изувѣрствомъ, несообщительностью и скупостью; оно сидитъ на заперти въ своихъ каменныхъ избахъ, далеко разбросанныхъ и окруженныхъ полями, отгороженными отъ сосѣдей. Поля эти имѣютъ видъ заплатъ, положенныхъ на землѣ. На нихъ работаетъ батракъ, бобыль, словомъ, сельскій пролетарій, составляющій огромное большинство всего полевого населенія.

Мы, совсѣмъ напротивъ,—государство сельское, наши города—большія деревни; тотъ же народъ живетъ въ селахъ и городахъ; разница между мѣщанами и крестьянами выдумана петербургскими нѣмцами. У насъ нѣтъ потомства побѣдителей, завоевавшихъ насъ, ни раздробленія полей въ частную собственность, ни сельскаго пролетаріата; крестьянинъ нашъ не дичаетъ въ одиночествѣ, онъ вѣчно на міру и съ міромъ, коммунизмъ его общиннаго устройства, его деревенское самоуправленіе дѣлаютъ его сообщительнымъ и развязнымъ.

При всемъ томъ половина нашего сельскаго населенія гораздо несчастнѣе западнаго, мы встрѣчаемъ въ деревняхъ людей сумрачныхъ, печальныхъ, людей, которые тяжело и невесело пьютъ зеленое вино, у которыхъ подавленъ разгульный славянскій нравъ; на ихъ сердцахъ лежитъ, очевидно, тяжкое горе.

Это горе, это несчастіе—крѣпостное состояніе.

Сельскій пролетарій и крѣпостной мужикъ—два страшные обличителя двухъ страшныхъ неправдъ нашего времени...

Видѣли ли вы литографію, изданную А. Мицкевичемъ и представляющую «Славянскаго невольника»?

Ненависть, смѣшанная со злобой и стыдомъ, наполняетъ мое сердце, когда я гляжу на этотъ жесткій упрекъ, на это «къ топорамъ, братцы!», представленное съ поразительной вѣрностью.

Бѣлорусскій мужикъ, безъ шапки, обезумѣвшій отъ страха, нужды и тяжелой работы, руки за поясомъ, стоитъ середь поля и

какъ-то косо и безнадежно смотритъ внизъ. Десять поколѣній, замученныхъ на барщинѣ, образовали такого парію, его черепъ сузился, его ростъ измельчалъ, его лицо съ дѣтства покрылось морщинами, его ротъ судорожно скривленъ, онъ отвыкъ отъ слова. Звѣриный взглядъ его и запуганное выраженіе показываютъ, на сколько шаговъ онъ пошелъ вспять отъ человѣка къ животнымъ.

За это преступленіе, за этого бѣлоруса его паны не свободны, за него ихъ геройство, ихъ мученичество, ихъ страданія не были приняты.

По другую сторону Европы стоитъ своего рода бѣлорусскій пахарь, его надобно самому видѣть,—слово человѣческое не беретъ такого ужаса и не можетъ выразить. Какъ рассказать пепельный, тусклый, матовый цвѣтъ лица, тряпья, волосъ ирландскаго пролетарія, выгнаннаго или выжженнаго помѣщикомъ изъ своей деревни за недоимку и неуспѣвшаго еще умереть съ голоду? Надобно видѣть своими глазами лихорадочный, полусумасшедшій и притомъ боязливо-кроткій взглядъ, лицо двадцати двухъ-трехлѣтней завялой старухи, которая проситъ глазами милостыню, показывая умирающаго ребенка съ посинѣлыми губами, которыя уже не сосутъ изсохшую, черствую грудь ея. И все это также подернуто землею, стерто, пепельно, безцвѣтно сѣро: и женщина, и оконченнѣйшій ребенокъ, и полуобнаженная грудь, и босая нога.

Между этими двумя крайними типами, которые вполнѣ представляютъ геркулесовы столбы нашей цивилизаціи, стоятъ сельскіе пролетаріи другихъ странъ Европы и крѣпостные мужики другихъ краевъ Россіи.

Пролетаріи другихъ земель, ирландцы, имѣющіе немного насущнаго хлѣба, ирландки, которыя могутъ еще кормить грудью дѣтей,—наши бѣлорусы, отпущенные на волю безъ земли и не боящіеся розогъ,—не болѣе.

Помѣщичьи крестьяне другихъ частей Россіи — опять тѣ же бѣлорусы, но не успѣвшіе одичать, не отданные на копье жиду-арендатору, не ненавидимые своимъ католическимъ помѣщикомъ, а единоплеменные и единовѣрные съ нимъ.

И именно поэтому наше крѣпостное состояніе еще отвратительнѣе.

Я ничего не знаю нелѣпѣе, безобразнѣе дикаго отношенія рабства между равными; по крайней мѣрѣ, негръ черенъ и курчавъ, а его помѣщикъ рыжъ и налить лимфой.

Зачѣмъ нашъ народъ попалъ въ крѣпость, какъ онъ сдѣлался рабомъ? Это не легко растолковать.

Все было до того нелѣпо, безумно, что за границей, особенно въ Англіи, никто не понимаетъ.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, увѣрить людей, что половина огромнаго народонаселенія, сильнаго мышцами и умомъ, была отдана правительствомъ въ рабство безъ войны, безъ переворота, рядомъ полицейскихъ мѣръ, рядомъ тайныхъ соглашеній, никогда не высказанныхъ прямо и не оглашенныхъ, какъ законъ.

А, вѣдь, дѣло было такъ и не Богъ знаетъ когда, а два вѣка тому назадъ.

Крестьянинъ былъ обманутъ, взятъ врасплохъ, загнанъ правительственнымъ кнутомъ въ капканы, приготовленные помѣщиками, загнанъ мало-по-малу, по частямъ въ сѣти, разставленныя приказными; прежде, нежели онъ хорошенько понялъ и пришелъ въ себя, онъ былъ крѣпостнымъ.

Мы сами понимаемъ такія чудеса только по привычкѣ къ непоследовательности и беспорядку, къ неустоявшемуся колебанію русской жизни. У насъ вездѣ, во всемъ неопредѣленность и противорѣчіе, обычаи, не взошедшіе въ законъ, но исполняемые, законы, взошедшіе въ сводъ, но оставляемые безъ дѣйствія, деспотизмъ и избирательные судьи, централизація и выборная земская полиція. Жизнь въ Россіи возможна, благодаря этому хаосу, въ основѣ котораго коммунизмъ деревень, а во главѣ всепоглощающее самовластье, между которыми бродитъ безсвязно и на просторѣ европейское образованіе, дворянское право, греческая церковь, военный артикуль и нѣмецкое управленіе.

Крестьяне съ незапамятныхъ временъ селились на частныхъ земляхъ, но крѣпостными они не были. Отношеніе ихъ къ помѣщикамъ было патріархальное, основанное на обычаяхъ, на взаимномъ довѣрїи. Писанныхъ условій не могло быть, между прочимъ, и потому, что ни крестьяне, ни владѣльцы не знали грамоты. Народъ русскій и теперь не любитъ бумажныхъ сдѣлокъ между равными; по рукамъ и чарка водки,—тѣмъ дѣло и кончено. Ямщики возятъ дорогія клади съ Кяхты до Нижняго и Москвы, едва дѣлая накладную, и то безъ всякой скрѣпы.

Московское правительство долго не могло добраться до крестьянъ; дурно устроенное, занятое уничтоженіемъ удѣловъ сначала, оно, собственно, сложилось въ мощную государственную силу при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Крестьяне жили покойно въ своихъ общинахъ и вовсе не занимались тѣмъ, что дѣлалось въ Москвѣ.

Ихъ спасала отъ власти хартія, данная самой природой: непроходимыя дороги, страшная даль, болота и грязь. Пока они жили беззаботно и спустя рукава, въ Москвѣ ковали имъ цѣпи.

Исторія мѣръ, взятыхъ Годуновымъ, извѣстна. Царь Борисъ

быль большой «просвѣтитель», и прикрѣпленіе мужиковъ онъ не выдумалъ, а взялъ у балтійскихъ нѣмцевъ.

Подъ предлогомъ голода, перехода въ плодоносныя страны государствъ, перехода отъ мелкопомѣстныхъ господъ къ богатымъ, онъ ограничилъ право покидать землю, не отдавая, впрочемъ, крестьянина въ неволю. Подъ тѣмъ же предлогомъ голода и побѣговъ къ казакамъ, онъ прикрѣпилъ дворовыхъ людей къ ихъ господамъ. Мало-по-малу исчезли послѣднія права перехода; не произнося слово «рабство», на самомъ дѣлѣ правительство лишило всѣхъ правъ крестьянъ, жившихъ въ частныхъ владѣніяхъ. Цѣпь, коварно положенная около сельской общины, затягивалась болѣе и болѣе, до тѣхъ поръ, пока великій мастеръ, Петръ I, заперъ ее замкомъ нѣмецкой работы.

Едва обритые чиновники, въ шутовскихъ костюмахъ, съ разными мудреными названіями ландратовъ, ландрихтеровъ, ландфискаловъ, объѣзжали деревни и читали какой-то указъ, писанный темнымъ, ломанымъ и безобразнымъ языкомъ петровскаго времени.

Они дѣлали перепись и объявляли, что кого гдѣ ревизія захватила, тотъ тамъ будетъ крѣпокъ помѣщику.

Крестьяне были рады, видя, что чиновники уѣзжали, не сдѣлавъ больше вреда, и въ сущности ничего не понимали.

Удивляться этому ненадобно, потому что и правительство не понимало и до сихъ поръ не понимаетъ, что оно сдѣлало. Ни Петръ I, ни всѣ его голштинскіе, брауншвейгскіе и ангальтъ-цербскіе наслѣдники рѣшительно сами не знали, чтò такое быть «крѣпкимъ». Никакой законъ этого не опредѣлилъ, не истолковалъ.

Петръ I въ одномъ указѣ, данномъ сенату, говоритъ, что, къ великому стыду, въ Россіи продаютъ людей, *«какъ скотъ»*, и приказываетъ приготовить законъ, воспрещающій, *«буде возможно»*, продажу людей вообще или, по крайней мѣрѣ, продажу безъ земли. Сенатъ, раболѣпный во всемъ, послушался и никакого закона не представилъ.

Изъ этого вы видите, что Петръ I подъ словомъ «быть крѣпкимъ» не разумѣлъ быть товаромъ, вещью.

«Я увѣренъ,—писалъ собственноручно императоръ Александръ,— что продажа крѣпостныхъ безъ земли давно запрещена закономъ», и спрашивалъ у государственнаго совѣта, въ силу какихъ постановленій допускается такая продажа. Государственный совѣтъ, не зная ни одного такого закона, отнесся къ сенату. Сколько ни рылись въ сенатскомъ архивѣ, ничего не нашли. Какъ ни просты наши сенаторы, но въ этомъ случаѣ они не потеряли головы и

представили тарифъ пошлинъ, вышедшій въ царствованіе Анны Иоанновны. Въ этомъ тарифѣ значилось, сколько слѣдовало взимать пошлины за совершеніе купчей на продажу крѣпостныхъ людей; слѣдственно, заключалъ сенатъ, продажа людей была закономъ допущена. Но гдѣ этотъ законъ? Объ этомъ сенатъ молчалъ. Приказная уловка правительствующаго сената была до того груба, что государственный совѣтъ понялъ, что продажа людей дѣлается безъ всякаго права, и, приготовивъ проектъ закона, воспреещающаго торгъ крещеной живностью, отослалъ его къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Ни совѣтъ, ни министръ, ни государь не возвращались болѣе на этотъ предметъ.

Этотъ замѣчательный анекдотъ разсказанъ Н. Тургеневымъ ¹⁾ въ его книгѣ о Россіи. Авторъ былъ тогда статсъ-секретаремъ и самъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи новаго проекта. Онъ оканчиваетъ свой разсказъ чертой глубоко печальной и удручающей. Предсѣдатель совѣта, графъ Кочубей ²⁾, человекъ умный, но давно потерявшій вѣру, подошелъ къ Тургеневу послѣ засѣданія и сказалъ ему съ горькой и насмѣшливой улыбкой: «А, вѣдь, государь-то двадцать лѣтъ былъ увѣренъ, что людей не продаютъ по одиночкѣ». Этотъ анекдотъ сжимаетъ сердце и заставляетъ содрогаться отъ негодованія.

Николай хотѣлъ ограничить продажу людей, и, желая сдѣлать добро, сдѣлалъ вредъ; такова обычная судьба полумѣръ и самовластныхъ распоряженій. Запрещая дворянамъ, не имѣющимъ земли, покупать крестьянъ, запрещая до извѣстной степени раздробленіе семействъ, онъ призналъ право продажи въ другихъ случаяхъ и далъ законную основу терпимому безпорядку.

Императоръ Николай замѣчательно несчастенъ, ему не удается ничего хорошаго и это, между прочимъ, оттого, что онъ вовсе не понимаетъ ничего русскаго и ничего гражданскаго. Ему бросается въ глаза безпорядокъ; чтобъ остановить его, онъ - - - - - и искажаетъ, портитъ послѣдніе уцѣлѣвшіе остатки русскаго права.

Такимъ образомъ онъ исказилъ основу петровскаго дворянства, легко возобновляемаго изъ народа, сопрягая дворянскія права

¹⁾ Николай Ивановичъ, общественный дѣятель; за участіе въ заговорѣ декабристовъ былъ заочно приговоренъ къ смертной казни; послѣ жилъ во Франціи; противникъ крѣпостнаго права, писалъ брошюры и книги по политическимъ и финансовымъ вопросамъ.

²⁾ Князь Викторъ Павловичъ, тогда министръ внутреннихъ дѣлъ; предсѣдатель совѣта съ 1827 г.

съ майорскимъ чиномъ въ военной службѣ и съ чиномъ статскаго совѣтника въ гражданской.

Такимъ образомъ, онъ искажилъ екатерининское устройство дворянскихъ выборовъ, вводя избирательный цензъ, котораго не было, и лишая голоса всѣхъ дворянъ, имѣющихъ менѣе ста душъ.

Въ первомъ случаѣ онъ былъ руководимъ желаніемъ устранить мелкихъ чиновниковъ отъ быстрого пріобрѣтенія помѣщичьихъ правъ.

Въ другомъ онъ хотѣлъ предупредить вліяніе богатыхъ владѣльцевъ на выборы.

Въ обоихъ онъ временному вреду, безпорядку пожертвовалъ нормой.

Не затруднять слѣдуетъ помѣщичьи права, ихъ слѣдуетъ уничтожить, «ликвидировать». Всѣ маленькія мѣры будутъ недостаточны, изворотливость исполнителей и хитрость помѣщиковъ найдутъ средства обойти законъ.

У меня нѣтъ ни земли, ни крестьянъ, я покупаю дворовыхъ людей на имя моего сосѣда, а съ него беру заемное письмо. И потомъ, имѣя двѣ души и двѣ десятины, я могу покупать безъ всякаго ограниченія цѣлыя семьи живописцевъ, музыкантовъ, портныхъ, офиціантовъ... и обкладывать ихъ произвольнымъ оброкомъ, черезъ годъ продавать въ рекруты. Торгъ людьми идетъ не хуже, какъ въ Кубѣ или въ Малой Азіи. Правда, стыдливое и цѣломудренное правительство запретило объявлять о продажѣ людей. Въ газетахъ скромно и бессмысленно печатаютъ: «отпускается въ служеніе кучеръ, лѣтъ 35, здороваго сложенія, съ окладистой бородой и честнаго поведенія» или «дѣвка, лѣтъ 18, прекраснаго поведенія и годная на всякую службу». Это лицемѣріе, этотъ полустыдъ, эта неловкая ложь пойманнаго на дѣлѣ вора *въ устахъ* - - - - - имѣеть въ себѣ что-то безгранично подлое.

Самое существованіе всего несчастнаго сословія дворовыхъ людей внѣ-законное, ничѣмъ неопредѣленное и зависящее вполне отъ помѣщика. Сколько крестьянъ можетъ взять помѣщикъ во дворъ изъ деревни, сколько рукъ отнять у семьи? Онъ можетъ взять жену у мужа и сдѣлать ее прачкой у себя въ домѣ, онъ можетъ взять послѣдняго сына у старика отца и сдѣлать изъ него лакея; пока помѣщикъ не уморилъ съ голоду или не убилъ физически своего крѣпостнаго человѣка, онъ правъ передъ закономъ и ограниченъ только однимъ топоромъ мужика. Ими, вѣроятно, и разрубится запутанный узелъ помѣщичьей власти.

Русское правительство соединено съ Англіей договоромъ противъ торго невольниками. Отчего же надобно непременно быть чер-

нымъ, чтобъ быть человѣкомъ въ глазахъ - - - - - ? Или отчего онъ не произведетъ всѣхъ крѣпостныхъ въ негры, придворные истопники за выслугу и отличіе? Состоятъ же иногда на правахъ араповъ.

Меня поражаетъ удивленіемъ безнадежная неспособность нашего правительства во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ. Александръ обдумывалъ двадцать пять лѣтъ планъ освобожденія, Николай приготавлился семнадцать лѣтъ,—и что же выдумали они въ полстолѣтія? Нелѣпый указъ 2 апрѣля 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ.

Но, скажутъ, гдѣ же средства? Средства найдутся. И съ какихъ это поръ русское правительство сдѣлалось такъ разборчиво въ отношеніи къ средствамъ?

Развѣ недостало средствъ у Екатерины II, чтобы отдать въ крѣпость Малороссію въ XVIII столѣтіи? Развѣ недостало средствъ въ XIX для водворенія военныхъ поселеній, для обращенія уніать въ греко-россійское исповѣданіе и Польши въ русскія губерніи? Петербургское правительство никогда не задумывалось о средствахъ, не останавливалось ни передъ чѣмъ. Въ 1845 году былъ голодъ въ Псковской губерніи. Чѣмъ помочь? Очень просто: Николай велѣлъ переселить полъ-Псковской губерніи въ Тобольскую. Зимой погнали съ одного конца Руси на другой плачущія семьи, дѣтей, стариковъ, обнищавшихъ, голодныхъ; половина перемерзла по дорогѣ, другая пришла на свое поселеніе.

По счастью, для освобожденія крестьянъ вовсе не нужно всѣхъ этихъ злодѣйствъ и преступленій.

Они боятся дотронуться до этого вопроса оттого, что они трусы. Въ сущности бояться нечего; вѣдь, это хорошо рассказывать иностраннымъ газетамъ о дикихъ *boyards moscovites*, всегда готовыхъ на цареубійство и грозныхъ своимъ вліяніемъ. Ихъ совѣмъ нѣтъ.

Весь народъ, очевидно, былъ бы за правительство, и не одинъ народъ, а вся образованная часть дворянства.

Если закоснѣлые помѣщики и московскіе бояры будутъ противиться, имъ придется ограничиться ропотомъ. Отчего имъ и не позволить болтать о своемъ неудовольствіи? Они, впрочемъ, столько проповѣдовали намъ безусловную покорность передъ высочайшей властью, что справедливо было бы отъ нихъ потребовать примѣръ. Да и гдѣ ихъ права? Они владѣли мужиками и разоряли ихъ по царской милости; по царской немилости они перестали бы ихъ разорять. Люди эти не имѣютъ партіи, ихъ сила мнимая. Зимній дворецъ полонъ выслужившихся нѣмцевъ, солдатъ и писарей, которыхъ

судьба и сила связана не съ помѣщичьимъ правомъ, а съ петербургскимъ императорствомъ.

Убийство - - - - - сдѣлало удивительную репутацію русскимъ вельможамъ. Обстоятельства теперь нисколько не похожи на тогдашнія: гдѣ эти отчаянные Орловы и обиженные Зубовы, гдѣ участіе жены, сына? Всего этого нѣтъ.

Кто сколько-нибудь знаетъ Россію, тотъ безъ смѣха не можетъ подумать объ оппозиціи «московскихъ бояръ».

Въ рукахъ правительства рядъ социальныхъ и финансовыхъ мѣръ, которыми оно можетъ безъ сильнаго и внезапнаго потрясенія освободить крестьянъ съ землею. Оно ихъ знаетъ изъ сотни проектовъ, поданныхъ съ 1842 г. Киселеву и Перовскому.

Вмѣсто того, чтобъ воспитательные дома превращать въ рынки, на которыхъ продаютъ ревизскія души съ молотка, правительство можетъ переводить долгъ на деревни и брать съ нихъ взаменъ оброка свои 5⁰/₁₀₀. Оно можетъ сдѣлать внутренній заемъ для выкупа другихъ и пр.

Пусть оно только позволитъ дворянамъ прямо и открыто заняться этимъ вопросомъ, пусть разрѣшитъ всѣмъ, кто хочетъ, составленіе обществъ, товариществъ для выкупа крестьянъ, для помощи освобождающимся, предварительно удостовѣривъ, что ни въ какомъ случаѣ капиталъ общества не будетъ схваченъ и не будетъ употребленъ на постройку кадетскаго корпуса, ни на поѣздку въ Палермо, ни даже на усмиреніе мятежниковъ на Кавказѣ или въ Венгріи.

«Все это прекрасно — правительство должно бы, дворянство могло бы—конечно, но что же при всемъ этомъ самъ народъ, народъ, гоняемый на барщину, наказываемый розгами, разоряемый, продаваемый? Если онъ можетъ выносить такое положеніе, онъ заслуживаетъ его».

Разумѣется, такъ, какъ ирландецъ заслуживаетъ голодъ, итальянецъ—австрійское иго. Я такъ привыкъ къ этому свирѣпому *vae victis*, что всегда жду его. Что же, съ Богомъ, въ походъ, противъ всякаго страданія, всякаго несчастія, всякой трагической судьбы. Мало пролетарію, что онъ бѣденъ, что ему ѣсть нечего, что онъ не можетъ развиваться, что ему недосугъ думать,—прибавимъ къ его горькой участи горькое слово. Мало крестьянину, что его обманомъ и плутовствомъ отдали въ крѣпость, въ которой его держатъ 600,000 штыковъ, судьи, земская полиція, помѣщики, розги и самая церковь,—скажемъ ему, что онъ это заслужилъ, что онъ недостойнъ лучшей судьбы, потомъ отвернемся отъ нихъ обоихъ и отъ ихъ глухого стона.

Впрочемъ, прежде, нежели мы ихъ оставимъ, я совѣтую имъ сказать спасибо за то, что голодъ одного, потъ другого, невѣжество обоихъ дали намъ средства такъ умно развиваться.

Мнѣ всякій разъ становится не по себѣ, когда говорятъ о народѣ. Въ нашъ демократическій вѣкъ нѣтъ ни одного слова, которое бы такъ мало понимали и такъ употребляли во зло. Понятіе, сопрягаемое съ нимъ, неопредѣленно, преувеличено, поверхностно, полно риторики въ похвалахъ и порицаніяхъ; одни поднимаютъ народъ до небесъ и дѣлаютъ изъ него какого-то прорицателя законовъ, неписанный разумъ, судію, другіе топчутъ его въ грязь, называя грубой толпой. Всѣ эти разглагольствованія, умиленія, негодованія и декламации не прибавляютъ ни на волосъ къ пониманію этой гранитной основы государствъ и человѣчества, связанной цементомъ вѣковыхъ воспоминаній и кровнаго родства, на которой построены плохой балаганъ современнаго политическаго устройства, полусгнившій и покачнувшійся.

Правительство и плавающій вверху слой цивилизациі закрываютъ народъ и не допускаютъ знать его. За этими официальными и литературными декораціями онъ живетъ по-своему, рѣдко соображаясь съ ними, остается покойнымъ, когда за него горячатся и бросаютъ перчатку, и возстаетъ, когда всего менѣе этого ждутъ.

Одни легкія революціи дѣлаются легко. Вѣтеръ свободно двигается во всѣ стороны верхній слой общественной зыби, но глубь тиха до урагана.

Зато и слѣды такихъ революцій не велики: онѣ мѣняютъ одежду и названіе, а дѣло остается по старому.

Народъ туго и нескоро возстаетъ; онъ не играетъ, не шутитъ перемѣнами, онъ такъ бѣденъ, что долго не рискуетъ послѣднимъ; его возстаніе всегда глубоко выстраданное. Если оно неудачно, преждевременно, цѣлыя племена, государства гибнутъ, гложутъ. Германія потеряла всякій политическій смыслъ и превратилась въ школу, усмиривъ крестьянъ.

Но возвратимся къ народу русскому. Онъ уступилъ не безъ боя. Вспомните, чтѣ было послѣ Бориса, во время самозванцевъ и междуцарствія: казалось, все государство было объято огнемъ и разпадалось, все бродило въ болѣзненномъ волненіи, бралось за оружіе; откуда эта возбужденность, эта готовность къ бою, откуда эти полчища тушинскаго вора и другихъ кондотьеровъ? Едва Романовы усѣлись, сѣверо-востокъ Руси покрылся разбойниками, съ ними воюютъ какъ съ неприятелими, противъ нихъ посылаютъ войска и пушки, ихъ вѣшаютъ *сотнями* при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. У

Стенки Разина было цѣлое войско. Столѣтіе спустя, цѣлое войско собралось вокругъ Пугачева.

Именемъ Петра III, котораго народъ не зналъ, мудро было бы поднять цѣлыя губерніи. Имя его придавало призрачную законность и фирму возстанію. Въ сущности, народъ бунтовалъ противъ крѣпостного состоянія и ненаціональнаго правительства. Перечень казней въ приложеніяхъ къ пушкинской исторіи пугачевского бунта ясно показываетъ, противъ кого и чего дрался народъ.

Съ тѣхъ поръ ни мужики, ни дворовые не возстаютъ массами. Сила сломила ихъ, средства усмиренія удесятерились, тронъ Екатерины, качавшійся сначала, вросъ въ землю въ концѣ ея царствованія. Когда крестьянамъ становится невтерпежъ, они бѣгутъ, дѣлаютъ поджоги или рѣжутъ господъ. Рѣдко сговариваются они съ другими деревнями, хотя и были примѣры лѣтъ десять тому назадъ въ Тамбовѣ и въ Симбирскѣ, что нѣсколько деревень дѣйствовали за-одно. Бунты ихъ дѣлаются изъ мести и съ отчаянія, безъ всякой надежды поправить свое положеніе.

Народу, разсѣянному по необозримымъ долинамъ и живущему въ деревняхъ, открытыхъ со всѣхъ сторонъ, ничѣмъ не защищенныхъ, кромѣ лѣсовъ, трудно дѣлать возстанія.

Сверхъ того, вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія не былъ до нашего времени понимаемъ одинакимъ образомъ крестьянами и «аболиціонистами». Съ точки зрѣнія либерализма и религіи собственности вопросъ разрѣшался прямо противъ народнаго смысла.

Послѣ наполеоновской войны Александръ освободилъ эстовъ, принадлежавшихъ остзейскому дворянству; онъ имъ далъ личную свободу *безъ земли*. Весьма вѣроятно, еслибъ русскіе крестьяне, такъ мужественно дравшіеся противъ непріятели, съ нѣкоторой настойчивостью потребовали освобожденія, императоръ, при тогдешнемъ его настроеніи, уступилъ бы имъ. Часть дворянъ лучше не просить, какъ освободить мужиковъ, оставя за собой землю. Что же было бы изъ такого освобожденія?

Представьте себѣ европейское сельское устройство съ петербургскимъ самовластіемъ, съ нашими чиновниками, съ нашей земской полиціей. Представьте себѣ двадцать милліоновъ пролетаріевъ, ищущихъ работы на господскихъ земляхъ, въ странѣ, гдѣ нѣтъ никакой законности, гдѣ все управленіе подкупное и дворянское, гдѣ личность—ничего, а вліяніе—все.

Помѣщики заключили бы между собой оборонительный союзъ, установили бы свои цѣны противъ крестьянъ, такъ, какъ это было въ остзейскихъ провинціяхъ. Полиція была бы съ ихъ стороны.

Общинное начало было бы поражено на смерть у вновь освобожденныхъ, деревня потеряла бы свое коммунистическое единство, и въ полстолѣтіе мы перегнали бы Ирландію.

Есть люди, до сихъ поръ поддерживающіе пользу освобожденія безъ земли, освобожденія въ голодъ и безпріютность, воображая, что въ этомъ новомъ пролетаріатѣ непремѣнно разовьется революціонное начало.

Быть голоднымъ и пролетаріемъ вовсе недостаточно для того, чтобъ сдѣлаться революціонеромъ. Взвода полисменовъ достаточно, чтобъ держать ирландцевъ въ повиновеніи.

Вообще пролетарій полей очень миренъ, кругъ его понятій тѣсенъ, онъ слишкомъ подавленъ и сгнетенъ къ землѣ, чтобъ быть болѣе, нежели недовольнымъ. Его ненадобно смѣшивать съ работникомъ большихъ торговыхъ и политическихъ центровъ. Въ этихъ колоссальныхъ уляхъ, гдѣ миллионы людей трутся ежедневно другъ о друга, гдѣ на всякомъ шагу попадаютъ макабрскія встрѣчи пляшущихъ съ умирающими, пересыщенныхъ съ голодными, Ротшильда съ ирландцемъ, откупщика съ поденщикомъ, тамъ, разумѣется, въ душѣ работника бродятъ мысли о ниспроверженіи этого міра монополіи, цеха, капитала, дохода, но въ маленькихъ городахъ и еще болѣе въ поляхъ пролетарій не таковъ. Онъ принимаетъ свое положеніе за судьбу, онъ страдаетъ, не знаетъ выхода, покоряется.

Русскіе, говорящіе такъ легко о разрушеніи сельской общины, никогда не думали, чтò же останется, чтò будетъ, когда этотъ послѣдній узелъ народной жизни, насильственно развязанный, распустится.

Народъ русскій все вынесъ, но удержалъ общину; община спасетъ народъ русскій; уничтожая ее, вы отдаете его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, помѣщику и полиціи. И коснуться до нея въ то время, когда Европа оплакиваетъ свое раздробленіе полей и всѣми силами стремится къ какому-нибудь общинному устройству!

Говорятъ, что община поглощаетъ личность и что она несомѣстна съ ея развитіемъ. Въ этомъ мнѣніи есть доля правды. Всякій неразвитой коммунизмъ подавляетъ отдѣльное лицо. Но ненадобно забывать, что русская жизнь находила сама въ себѣ средства отчасти восполнять этотъ недостатокъ. Сельская жизнь образовала рядомъ съ неподвижной, мирной, хлѣбопашенной деревней подвижную общину работниковъ, артель и военную общину казаковъ.

Артель—лучшее доказательство того естественнаго, безотчетнаго сочувствія славянъ съ социализмомъ, о которомъ мы столько разъ говорили. Артель вовсе не похожа на германскій цехъ, она не ищетъ ни монополіи, ни исключительныхъ правъ, она не для

того собирается, чтобъ мѣшать другимъ, она устроена для себя, а не противъ кого-либо. Артель—соединеніе вольныхъ людей одного мастерства на общій прибытокъ общими силами.

Казачество было отворенная дверь людямъ, не любящимъ покоя, ищущимъ движенія, опасности, независимости. Оно соотвѣтствовало тому буйному началу молодечества и удали, которое рядомъ съ мирнымъ и добродушнымъ нравомъ славянъ составляетъ ихъ характеристику.

Общинный дружинникъ, казакъ, становился безсмѣнной стражей на крайнихъ предѣлахъ отечества и берегъ его; онъ не хотѣлъ знать никакого правительства, кромѣ своего выборнаго, лучше становился разбойникомъ, нежели подданнымъ, но родинѣ служилъ вѣрой и правдой и, не жалѣя, лилъ за нее свою кровь. Запорожцы были славянскіе витязи, витязи-мужики, странствующие рыцари чернаго народа.

Привычныя къ войнѣ и дорогѣ, казаки имѣли тѣ неопредѣленныя влеченія, то политическое чутье, тѣ пророческія догадки, которыми отличались норманы. Горсть казаковъ завоевала Сибирь. Ермакъ не остановился на Тобольскѣ, онъ добрался до Иркутска и тамъ сложилъ свою буйную голову. Другой казакъ послѣ него, съ своей небольшой дружиной пробился сквозь льды и степи до морского берега, какъ будто что-то непреодолимое тянуло ихъ къ Тихому океану, къ этому Средиземному морю будущаго; какъ будто они провидѣли всю важность поставить Русь лицомъ къ лицу съ Сѣверо-Американскими Штатами.

Надобно было имѣть все жалкое непониманіе нѣмецкаго правительства, чтобъ не оцѣнить такого учрежденія, какъ казачество. Не даромъ казаки возражали Богдану Хмельницкому, что вольнымъ людямъ нельзя вступать въ подданство Москвѣ. Петръ I обрадовался измѣнѣ Мазепы и принялся притѣснять Малороссію, вопреки всѣмъ договорамъ. Елизавета сдѣлала своего - - - - - гетманомъ. У Екатерины II ихъ было слишкомъ много: чтобы никого не обидѣть, она раздѣлила между ними Малороссію и отдала имъ въ крѣпость вѣчно-свободныхъ людей. Они казаками платили за свои египетскія - - -. Несмотря на то, казаки явились въ 1812 году тѣмъ же отважнымъ, лихимъ войскомъ, какимъ были прежде. Они вносили въ регулярную армію поэтической и народный элементъ. Безъ строя и выправки, съ пикой и бородой, на маленькихъ лошадакахъ съ длинной гривой, они разсыпались, исчезали, нападали со страшной дерзостью и ускользали съ восточной уклончивостью. Они всего больше остались въ памяти непріятели. Николлай, вѣрный своей мертвящей мысли однообразія, безличія, сближаетъ ихъ

болѣе съ военными поселеніями. Онъ разрушилъ ихъ демократическое устройство, «облагораживая» ихъ есауловъ, прежде возвращавшихся снова въ ряды простыхъ казаковъ. Онъ даже отнялъ у нихъ ихъ пѣсни, подвергнувъ ихъ какой-то цензурѣ.

Само собою разумѣется, что ни въ коммунизмѣ деревень, ни въ казацкихъ республикахъ мы не могли бы найти удовлетворенія нашимъ стремленіямъ. Все это было слишкомъ дико, молодо, неразвито, но изъ этого не слѣдуетъ, что намъ должно ломать эти незрѣлыя начинанія,—напротивъ, ихъ надобно продолжать, развивать, образовывать. Тутъ нѣтъ большого достоинства, что мы неподвижно сохранили нашу общину въ то время, какъ германскіе народы ее утратили, но это—большое счастье и его не надобно выпускать изъ рукъ. Мы долго ждали, долго временили,—воспользуемся опытностью нашихъ сосѣдей: она имъ страшно дорого стоитъ.

Міръ западный утратилъ свое общинное устройство; хлѣбопашцы и несобственники были принесены на жертву развитію меньшинства; зато развитіе дворянства и горожанъ было велико и богато. Оно имѣло рыцарство съ его непреклонной идеей права, оно имѣло искусство и литературу, науку и промышленность, наконецъ, реформацію и революцію, которая грозно и торжественно низвергнула половину церкви и половину трона.

Одна Россія, эта падчерица, эта Сандрильона между народами европейскими, не имѣла никакой доли въ приобрѣтеніяхъ и побѣдахъ своихъ сосѣдей. Народъ русскій такъ же мало былъ способенъ къ торжественному западному развитію трехъ послѣднихъ вѣковъ, какъ къ крестовымъ походамъ, какъ къ схоластикѣ и теологическимъ спорамъ, какъ къ римскому праву и германскому феодализму. Народъ русскій ничего не приобрѣлъ со временъ Владиміра и кіевскаго періода; подъ монгольскимъ гнетомъ хановъ, подъ византійскимъ— - - -, подъ нѣмецкимъ— - - - - -, подъ суринамскимъ—помѣщиковъ, онъ сохранилъ только свою незамѣтную, скромную общину, т. е. владѣніе сообща землю, равенство всѣхъ безъ исключенія членовъ общины, братскій раздѣлъ полей по числу работниковъ и собственное мірское управленіе своими дѣлами. Вотъ и все приданое Сандрильоны; зачѣмъ же отнимать послѣднее... «Затѣмъ, что при всемъ этомъ на Руси жить тяжело, ни уму, ни сердцу нѣтъ простора». Тяжко, дурно жить въ Россіи, это правда, и тѣмъ тяжеле было для насъ, что мы думали, что въ другихъ странахъ легко и хорошо жить.

Теперь мы знаемъ, что и тамъ тяжело, оттого что и тамъ не разрѣшенъ вопросъ, около котораго сосредоточилась теперь вся человѣческая дѣятельность,—вопросъ объ отношеніи лица къ обще-

ству и общества къ лицу. Крайнія, одностороннія развитія привели къ двумъ нелѣпостямъ: къ гордому своими правами, независимому англичанину, котораго свобода основана на вѣжливой антропофагіи, и къ бѣдному русскому мужику, безлично потерявшему въ общинѣ, безправно отданному въ крѣпость и, въ силу того, служащему съѣстнымъ припасомъ барину.

Гдѣ ихъ примиреніе, какъ снять ихъ противорѣчіе, какъ сохранить независимость британца безъ людоедства, какъ развить личность крестьянина безъ утраты общиннаго начала? Въ этомъ-то вся мучительная задача нашего вѣка, въ этомъ-то и состоитъ весь социализмъ.

Безумно было бы начинать переворотъ съ уничтоженія свободныхъ учрежденій, потому что они на дѣлѣ доступны только меньшинству; еще безумнѣе уничтожить общинное начало, къ которому стремится современный человѣкъ, за то, что оно не развилось еще свободной личности въ Россіи.

Наша деревня довольно наказана рабствомъ за ея односторонность, за ея слишкомъ патріархальные нравы; неужели и самое освобожденіе должно ей служить наказаніемъ.

Помѣщичья власть, какъ нѣчто совершенно внѣшнее, поддерживаемое однимъ насиліемъ, легко снимется съ сельской жизни.

Гакстаузенъ старается доказать въ своей книгѣ, что помѣщики представляютъ патріархальную главу общины, нѣчто въ родѣ старинныхъ шотландскихъ клановъ или аравійскихъ эмировъ. Мнѣніе это, нѣкогда поддерживаемое плантаторами изъ московскихъ панславистовъ, совершенно ложно.

Патріархальный глава общины—староста, выбранный міромъ, взятый изъ самой общины, равный всѣмъ. Онъ замѣняетъ отца и есть дѣйствительный опекунъ, ходатай, представитель деревни. Гдѣ же начинается необходимость другой главы, вотчима, посторонняго, опирающагося на внѣшнюю власть, не принимающаго никакого участія въ дѣлахъ общины, не несущаго ея тяги и обкладывающего ее оброкомъ и барщиной?

Если-бъ помѣщикъ былъ только собственникъ земли, его права ограничивались бы кортомными ¹⁾ деньгами за нее, соотвѣтственной работой или половничествомъ. Но оно вовсе не такъ. Онъ владѣетъ гораздо больше человѣкомъ, нежели землею, онъ беретъ окупъ не съ десятины, а съ мышцъ, съ дыханія, онъ заставляетъ платить за право работы, движенія, существованія. Оброкъ дворовыхъ, ходящихъ по паспорту, основанъ, по превосходному выраженію, невзна-

¹⁾ Кортама—аренда, оброкъ.

чай сорвавшемуся у Гакстаузена, на *обратномъ* сень-симонизмѣ: чѣмъ больше способности, тѣмъ больше требуетъ баринъ. Очевидная нелѣпость.

За общиной логически ничего нѣтъ другого, какъ соединеніе общинъ въ большія группы и соединеніе группъ въ общемъ народномъ, земскомъ дѣлѣ (res publica). Казенныя деревни дѣйствительно соединяются въ волости, онѣ избираютъ, сверхъ старостъ, тысяцкихъ, сотскихъ, десятскихъ, голову и при немъ двухъ стариковъ въ судьи. Все это совершенно послѣдовательно идетъ изъ народнаго понятія о правѣ, неписаннаго, но живого во всякой славянской груди. Но тутъ разомъ обрывается всякій смыслъ,--мы встрѣчаемся съ становымъ приставомъ, съ канцелярскимъ правительствомъ и съ помѣщичьею властью.

Прерывъ всякой связи между народомъ и дворянствомъ, между народомъ и чиновничествомъ очевиденъ, и никогда не былъ онъ рѣзче обозначенъ, какъ теперь. Лѣтъ сто тому назадъ богатые помѣщики изъ аристократизма щадили своихъ крестьянъ; бѣдные жили между ними и мало отличались отъ нихъ нравами и образованіемъ. Все это измѣнилось. Образование разъединило совершенно помѣщиковъ съ крестьянами, и они не могли болѣе ни брать участія, ни любить крестьянъ, ни жалѣть ихъ: все чуждое для насъ безразлично; но они могли и хотѣли пользоваться ими и пользовались. Крестьянинъ перешелъ въ разрабатываемую собственность. Развитіе промышленности, фабрикъ и самое распространеніе политической экономіи, *переложенной на російскіе* нравы, дали тысячу новыхъ средствъ употреблять крестьянъ на пользу. Помѣщикъ, «патріархальная глава общины», сдѣлался мало-по-малу изъ вельможи фабрикантомъ, плантаторомъ, торговцемъ бѣлыхъ негровъ. Этого разрыва, бросающагося въ глаза, не хочетъ видѣть Гакстаузенъ, увлеченный своей монархической демагогіей, своей страстной любовью рабства. Принявъ власть помѣщика за патріархальную, онъ естественно принимаетъ за такую же народную отеческую власть петербургское - - - - - . Оно, въ его глазахъ,—продолженіе кievскаго великокняжества; - - - - - —тотъ же равноапостольный Владиміръ, котораго народъ назвалъ своимъ краснымъ солнцемъ. Тамъ, гдѣ онъ не находитъ другой возможности объяснить дикій русскій деспотизмъ, тамъ онъ благоговѣетъ передъ «высотой повиновенія» народа русскаго; эту безпредѣльную покорность королевски-прусскаго якобинца абсолютизма называетъ нашей высокой добродѣтелью.

Здѣсь не мѣсто вступать въ разборъ историческаго значенія петровскаго переворота, петровской Руси; мы считаемъ переворотъ

этотъ необходимымъ, онъ разбудилъ Россію, онъ ее повелъ впередъ, когда она сама еще не могла итти, онъ былъ полонъ вѣрою въ ея великія судьбы, въ ея великія силы, но онъ былъ свирѣпъ и жестокъ, какъ большая часть революцій, какъ царство ужаса въ 93 году, и именно потому разорвалъ единство жизни русской.

Двѣ Россіи съ начала XVIII столѣтія стали враждебно другъ противъ друга. Съ одной стороны была Россія правительственная, императорская, дворянская, богатая деньгами, вооруженная не только штыками, но всѣми приказными и полицейскими уловками, взятыми изъ Германіи.

Съ другой — Русь чернаго народа, бѣдная, хлѣбопашенная, общинная, демократическая, безоружная, взятая врасплохъ, побѣжденная, собственно, безъ боя. Что же тутъ удивительнаго, что - - - - - отдали на раздробленіе *своей* Россіи, придворной, военной, одѣтой по-нѣмецки, образованной снаружи, Русь мужицкую, бородатую неспособную оцѣнить привозное образованіе и заморскіе нравы, къ которымъ она питала глубокое отвращеніе.

Что имъ было ее жалѣть?

— «Что ты ходишь, повѣся носъ?»—спросилъ однажды графъ Завадовскій ¹⁾ или Зоричъ ²⁾, словомъ, одинъ изъ - - - - - императрицы Екатерины II, почтеннаго дворянина, состоявшаго при немъ въ качествѣ шута.

Собесѣдникъ, къ которому относился вопросъ, былъ человѣкъ необыкновенно толстый и прожорливый, всегда обѣдавшій у графа. Когда графъ бывалъ особенно веселъ, онъ давалъ знакъ рукою, лакей надѣвалъ на голоднаго шута хомутъ и, затянувъ шею, пускалъ его на ѣду.

Дворянинъ бился въ хомутѣ, какъ звѣрь, бросался нарочно на блюда, давился, былъ очень гадокъ, словомъ, усердно тѣшилъ своего покровителя, хохотавшаго до слезъ.

— Поневолѣ повѣсишь носъ,—отвѣчалъ упряжной дворянинъ;—ваше сіятельство изволите всѣхъ щедротами своими награждать, одинъ я, несчастный, забыть вами.

— Какъ такъ?—спросилъ графъ.

— Ваше сіятельство всѣмъ пожаловали вотчины въ Малороссіи, а мнѣ хоть бы какую-нибудь сотню дряныхъ казаковъ.

— Каковъ малый!—отвѣчалъ сквозь хохотъ графъ,—губа-то не дура. Такъ и тебѣ казаковъ захотѣлось?.. ха, ха, ха! Чѣмъ же ты заслужилъ казаковъ?

¹⁾ Петръ Васильевичъ, фаворитъ Екатерины II.

²⁾ Семень Гавриловичъ, фаворитъ Екатерины II.

— Да помилуйте, ваше сіятельство,—отвѣчалъ шутъ,—вѣдь, я и не Богъ знаетъ чего прошу: чего вамъ, графъ, стоятъ казаки? а мнѣ милость была бы дорога, и я до гроба молился бы объ вашемъ здравіи.

— Еще лучше!—замѣтилъ веселый графъ.—Да онъ совсѣмъ не такъ глупъ, какъ кажется; въ самомъ дѣлѣ, чего жалѣть казаковъ. Ну, такъ и быть, дамъ тебѣ казаковъ.

— Ваше сіятельство, ваше сіятельство!—говорилъ тронутый шутъ и ползъ на колѣняхъ приложиться къ графской ручкѣ,—неужели и вправду?

— Ну, полно, полно,—отвѣчалъ графъ, милостиво протягивая руку,—говорю тебѣ, будутъ у тебя казаки.

Это было въ самое то время, когда Екатерина II вводила крѣпостное состояніе въ Малороссію. Одержимая ненасытимой - - - - - всѣми преступленіями, эта «мать отечества» дала однимъ своимъ - - - - - болѣе трехсотъ тысячъ душъ мужеского пола ¹⁾).

Графъ сдержалъ слово, и отложенный шутъ поѣхалъ управлять своими казаками.

Въ прошедшемъ году, переѣзжая С.-Готардъ, я взялъ въ одной гостиницѣ трактирную книгу; въ ней большими буквами стояла русская фамилія. Подъ нею другой путешественникъ написалъ мелкимъ шрифтомъ по-французски: «тотъ самый, котораго дворовые люди высѣкли».

Эта неприятность случилась съ однимъ камергеромъ, извѣстнымъ богачемъ и негодяемъ. Въ 1850 году онъ жилъ въ своемъ малороссійскомъ имѣніи. Крестьяне и дворовые, выведенные изъ терпѣнія, рѣшили проучить его. Они его высѣкли и взяли письменную расписку, что онъ будетъ молчать. Прошло нѣсколько времени, испуганный камергеръ, казалось, присмирѣлъ, но вдругъ поставилъ въ рекруты молодого малаго, оказавшагося особенно усерднымъ во время наказанія. Когда рекруту забрали лобъ, онъ сказалъ предсѣдателю, что баринъ отдалъ его въ солдаты за то, что онъ его больно сѣкъ, въ удостовѣреніе чего рекрутъ вытащилъ изъ-за пазухи камергерскую расписку.

Документъ этотъ до того поразилъ присутствующихъ, что они не догадались ни уничтожить его, ни даже продать расписку камергеру. Они сгоряча представили «казусъ сей» на усмотрѣніе

¹⁾ У Кастера ^{o)} приложенъ счетъ.—А. И. Г.

^{o)} Castéra,—авторъ «*Vie de Catherine II, Impératrice de Russie*», 1797.

министру внутреннихъ дѣлъ. Но и тотъ призадумался: случай о сѣченыхъ камергерахъ рѣшительно не былъ предвидимъ сводомъ законовъ. Министръ доложилъ государю. Государь, терпѣвшій камергера, пока онъ сѣкъ, выгналъ его изъ службы за то, что его сѣкли. Москвичи, ѣздившіе къ нему на балы, зная его гнусное поведеніе, оставили его, узнавъ объ исправительной мѣрѣ, употребленной дворовыми. Камергеръ обидѣлся, сталъ жаловаться, чуть не сдѣлался недовольнымъ. Государь велѣлъ ему ѣхать за границу и не возвращаться безъ особаго приказа.

Несчастно гонимый и интересный камергеръ этотъ не кто иной, какъ благополучный наслѣдникъ упряжного шута, а люди, его наказывавшіе,—дѣти казаковъ, пожалованныхъ Екатериной.

Это рѣзко характеризуетъ грязное начало и бессмысленныя послѣдствія русскаго помѣщичьяго права.

Что тутъ прибавлять къ графу, фавориту, согласному, что казаковъ жалѣтъ нечего, къ шуту въ хомутѣ, который вдругъ изъ грязныхъ нахлѣбниковъ дѣлается законнымъ господиномъ свободныхъ казаковъ, къ камергеру, благоразумно предпочитающему розги смерти, къ - - - - - туда же—дѣлаетъ пропаганду, посылая избитаго камергера съ своей зебровой спиной таскаться по всѣмъ столицамъ Европы, по морямъ, сушамъ и альпійскимъ вершинамъ...¹

◆◆ 1. Какъ только Герценъ сталъ печатать по-русски послѣднія свои сочиненія, наше правительство принялось за организацию шпіонажа и провокаціи.

19 іюня 1853 г. министерство иностранныхъ дѣлъ сообщило шефу жандармовъ, гр. Орлову, о выходѣ прокламаціи «Братьямъ на Руси», заимствуя извѣстіе о ней изъ № 170 газеты «La Nation».

Въ III отдѣленіи было рѣшено сейчасъ же просить министровъ финансовъ и народнаго просвѣщенія и всѣхъ пограничныхъ генералъ-губернаторовъ обратить вниманіе на русскія изданія и не пропускать печатающихся въ Лондонѣ. Въ теченіе недѣли было написано пятнадцать бумагъ разнымъ административнымъ лицамъ.

Министръ финансовъ Брокъ немедленно отвѣтилъ, что принялъ по таможнямъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, но не можетъ не рекомендовать нѣчто болѣе радикальное, а именно—просить министра просвѣщенія, «чтобы впредь въ цензуру отсылались изъ таможенъ *всѣ* безъ изыятія русскія книги и листы, привозимые изъ-за границы, т. е. какъ тѣ, кои будутъ напечатаны въ чужихъ краяхъ, такъ и тѣ, на коихъ будетъ означено, что они напечатаны въ Россіи съ одобренія нашего цензора».

Министръ просвѣщенія, Норовъ, призналъ это предложеніе весьма цѣлесообразнымъ и находилъ только, что исключеніе изъ общаго правила слѣдуетъ допустить для «книгъ священнаго писанія и молитвенниковъ, составляющихъ духовную и неразлучную потребность всякаго христіанина».

Обо всемъ этомъ было доложено Николаю I и онъ вполне одобрилъ и предложеніе Брока и поправку Норова. Въ такомъ видѣ высочайшее повелѣніе было сообщено всѣмъ, кого оно могло хоть немного касаться.

Нашъ лондонскій генеральный консулъ, Кремеръ, не дремалъ и 7 іюля представилъ нашему лондонскому посланнику, бар. Брунову слѣдующій рапортъ: «Увѣдомляя ваше превосходительство о полученіи депешъ, посланныхъ мнѣ вами за №№ 256, 348 и 441, имѣю честь возвратить прилагаемое, приложенное къ послѣдней изъ нихъ. Такъ какъ мнѣ удалось достать экземпляръ четырехъ различныхъ политическихъ прокламацій, напечатанныхъ и налитографированныхъ въ великобританской столицѣ нѣкимъ Герценомъ, подъ заглавіемъ: «Юрьевъ день», «Вольная русская книгопечатня», «Поляки прощаютъ насъ» и «Крещеная собственность», то я и спѣшу представить ихъ вашему превосходительству.

«Введенный въ заблужденіе, въ ожиданіи представить вашему пр—ву свѣдѣнія, могущія привести къ практическому результату по отношенію къ людямъ, которые находятся въ безопасности подъ гостепріимнымъ кодексомъ Великобританіи, безопасно конспирируютъ въ здѣшней странѣ противъ монархическихъ правительствъ континентальной Европы,—я, баронъ, съ искреннимъ сомнѣніемъ прибавляю, что особа, которая мнѣ доставила данныя для этого рапорта, обѣщала дать мнѣ по поводу будущей отсылки въ Россію и Польшу большого количества этихъ прокламацій и еще нѣкоторыхъ на польскомъ языкѣ, коихъ нѣсколько экземпляровъ также должны быть мнѣ доставлены,—свѣдѣнія, которыя облегчатъ поимку этихъ зажигательныхъ вещей и арестъ ихъ провозителей и ихъ сообщниковъ».

Уже 15 іюля (ст. ст.) петербургскій предводитель дворянства представилъ главному начальнику надъ почтовымъ департаментомъ полученный имъ по почтѣ «Юрьевъ день!». Прокламація была немедленно доложена императору. Николай приказалъ довести объ этомъ до свѣдѣнія гр. Орлова и министра внутреннихъ дѣлъ и принять надлежащія секретныя мѣры для предупрежденія тѣхъ должностныхъ лицъ, къ которымъ могли бы дойти подобныя письма, чтобы они немедленно представляли ихъ шефу жандармовъ. Характерно, что царь повелѣлъ пощадить петербургскаго предво-

дителя отъ суда общественнаго мнѣнія, приказавъ не упоминать, какимъ образомъ правительству стало извѣстно о разсылкѣ прокламаціи...

Орловъ принялъ еще и другія мѣры. Такъ, 18 іюля онъ просилъ министерство иностранныхъ дѣлъ «предложить посланнику нашему при великобританскомъ дворѣ употребить всѣ средства къ узнанію, кто именно участвуетъ въ содержаніи сей типографіи и въ составленіи печатаемыхъ въ оной статей».

Министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ 20 іюля, что какъ только ему стало извѣстно объ открытіи Герценомъ типографіи, такъ нашему лондонскому посланнику уже было приказано учредить за нею тщательный надзоръ и доставлять по 1 экземпляру всѣхъ ея произведеній.

Къ 1 августа III Отдѣленіе разослало еще около 70 предписаній всякаго ранга жандармамъ о наблюденіи за появленіемъ заграничныхъ прокламацій. Вскорѣ стали получаться и отвѣты съ мѣста. Разумѣется, никто не былъ врагомъ самому себѣ, и потому общій отвѣтъ можно формулировать такъ: «все обстоитъ благополучно, у насъ никакихъ прокламацій не видно». Только воронежскій полковникъ, Каверинъ, уклонился отъ огульнаго речительства и рапортовалъ, что въ самомъ Воронежѣ все вполне въ порядкѣ, но о губерніи можетъ сказать что-нибудь опредѣленное лишь послѣ продолжительнаго объѣзда. Орловъ остался недоволенъ выскочкой и положилъ на его рапортъ прелюбопытную резолюцію: «не давать ему никакого предлога выказывать свои способности и держать его подъ спудомъ до времени»... Для лишней иллюстраціи грамотности жандармскихъ полковниковъ конца николаевскаго царствованія приведу рапортъ каменецкаго штабъ-офицера, Грибовскаго, писанный имъ собственноручно: «Осмѣливаюсь доложить Вашему Превосходительству, что подобное революціонное воззваніе къ освобожденію крестьянъ, было бы вовсе противно благоустройству и обеспѣченію здешняго края, потому что при нарушеніи существующаго нынѣ строгаго порядка въ отношеніи непремѣнной обязанности крестьянъ къ помѣщичьей власти, могли бы произойти для послѣднихъ, самые гибельныя послѣдствія, ибо здешнія крестьянѣ, тяготясь крепостнымъ состояніемъ своимъ, преждѣ всего ознамѣновали бы торжество свободы, истребленіемъ своихъ же владѣльцевъ. Произвѣденное побоище Галицыйскими крестьянами въ 1846 году своихъ помѣщиковъ, незабыто еще и донынѣ крестьянами пограничныхъ уѣздовъ Подольской губерніи».

27 августа намѣстникъ Царства Польскаго кн. Паскевичъ-Эриванскій прислалъ гр. Орлову одинъ экземпляръ «Юрьева дня»,

полученный имъ при слѣдующемъ анонимномъ письмѣ отъ 22 августа, которое привожу въ переводѣ съ польскаго:

«Имѣю честь препроводить воззваніе, напечатанное въ Лондонѣ въ количествѣ 120,000 экземпляровъ. Оно должно проникнуть въ Россію разными путями, которые еще навѣрное неизвѣстны, но могу только увѣрить, что по разрѣшеніи восточнаго вопроса будутъ стараться послать оное черезъ Константинополь, куда дней черезъ 15 отправляется парохоть, чрезъ Молдавію и Валахію, и другими путями можно также послать. Цѣль общества Польско-Русскаго—печатать все, что будетъ касаться Россіи, и напечатанное распространять въ оной. Г. Герценъ (Искандеръ) мнѣ другъ и ничего отъ меня не скрываетъ, а потому я могу быть полезенъ. Ожидаю отвѣта и напишу о своемъ положеніи. Не взирая на усердіе гг. Берга, Віельгорскаго и Еремѣева (или Шремера), я могу сказать болѣе, нежели они. Не зная, будетъ ли принято мое предложеніе, я прошу о скорѣйшемъ отвѣтѣ по адресу: А. К. Z. poste restante, London (franco). «Всякій трудъ заслуживаетъ награды» (Вольтеръ)».

Въ началѣ сентября Паскевичъ снова прислалъ Орлову анонимное предложеніе услугъ по части изловленія герценовскихъ произведеній, писанное тою же рукой. Въ дѣлѣ, изъ котораго я заимствую эти документы, нѣтъ никакихъ слѣдовъ отношенія III Отдѣленія къ этимъ партизанамъ сыска.

5 октября министерство иностранныхъ дѣлъ увѣдомило Орлова, что бар. Брунновъ сдѣлалъ англійскому правительству соотвѣтствующія представленія, вслѣдствіе чего уже приняты нѣкоторыя мѣры для прекращенія, по крайней мѣрѣ, публичной раздачи возмутительныхъ воззваній Вольной русской типографіи. Впрочемъ, посланникъ, все-таки, увѣренъ, что они будутъ разсылааться всюду, и потому обращаетъ вниманіе на лейпцигскаго книгопродавца Р. Гартмана, состоящаго въ сношеніяхъ съ Герценомъ и лондонскими книгопродавцами. Николай I повелѣлъ немедленно снестись съ нашимъ дрезденскимъ посланникомъ и поручить ему обратить вниманіе правительства на Гартмана.

Тогда же министерство иностранныхъ дѣлъ прислало въ III Отдѣленіе копію донесенія прусскаго полицейскаго агента въ Лондонѣ прусскому министру внутреннихъ дѣлъ, изъ котораго видно, что въ 1852 году, на островѣ Джерсеѣ, на счетъ польскаго выходца Лено Свентославскаго открыта была типографія демократическаго революціоннаго комитета французскихъ, итальянскихъ, польскихъ и венгерскихъ эмигрантовъ, а въ срединѣ 1853 года въ самомъ Лондонѣ открыта польская революціонная типографія. При этомъ

приложенъ былъ нѣмецкій переводъ воззванія къ русскому народу Ворцеля, Жавицкаго и Зенковича.

Въ сентябрѣ 1853 г. III Отдѣленію доставили какое-то письмо, въ которомъ сообщалось, что Герценъ «хочетъ пробраться въ Россію». Орловъ думалъ, что оно принадлежало Н. А.—нѣ, и передалъ его прусскому посланнику Будбергу для провѣрки. 9 октября тотъ сообщилъ гр. Орлову по-французски:

«Графъ, сейчасъ же послѣ вашего отъѣзда я привелъ въ движеніе прусскія власти, чтобы по вашимъ указаніямъ найти Александра Герцена. Чтобы не терять времени, такъ какъ обыкновенно это разстраиваетъ поиски, я прямо обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ и въ полицію, и въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ необходимыхъ распоряженій, было отправлено по телеграфу властямъ въ Данцигъ, а также посланъ спеціальный чиновникъ на мѣсто, чтобы произвести и организовать самые тщательные поиски. Министръ внутреннихъ дѣлъ, однако, только что увѣдомилъ меня, что всѣ поиски оказались тщетными и что не было никакой возможности найти слѣды, которые бы подтвердили данныя того письма, каковое ваше сіятельство соблаговолили мнѣ сообщить и которое приписываютъ женѣ Герцена. Поиски будутъ, однако, продолжены, хотя теряютъ надежду, что они приведутъ къ желательному результату».

3 ноября почтъ-директоръ Прянишниковъ сообщилъ Орлову, что новоселицкій почтмейстеръ Бѣлостоцкій представилъ ему письмо съ адресомъ: «Monsieur Feodorow, Gouverneur à Ismailow en Bessarabie». Тамъ оказался экземпляръ «Поляки прощаютъ насъ» съ припиской чернилами по-польски: «но я васъ не прощаю. *Iosифъ Мильковскій*».

Рукою Дубельта пояснено: «ушелъ за границу въ 1848 г. Братъ же его, поручикъ, бѣжалъ; нынѣ, по поимкѣ, разстрѣлянъ». Николай I написалъ: «кажется мнѣ это уже извѣстно намъ».

Тогда же бар. М. А. Корфъ обратилъ вниманіе III Отдѣленія на объявленіе о герценовскихъ изданіяхъ въ № 134 «Börsenblatt für den deutschen Buchhandel», но его успокоили, что цензура наложила на это объявленіе гдѣ «икру», гдѣ ножницы...

Объявленіе было слѣдующее:

Русская типографія.

Русскій, Александръ Герценъ, извѣстный въ Россіи подъ псевдонимомъ «Искандеръ», а въ Германіи, какъ сочинитель книги «Vom andern Ufer», устроилъ въ Лондонѣ русскую типографію. Изъ нея выпущено до сихъ поръ:

«Крещеная собственность», о крѣпостномъ состояніи, цѣна 5 згр.

За симъ появятся:

«Прерванные рассказы», А. Герцена, ц. 1 тал.

«Получать сіи книги можно черезъ нѣмецкую книготорговлю Франца Тимма въ Лондонѣ, которая готова давать и нужныя справки объ условіяхъ печатанія въ этой типографіи присылаемыхъ русскихъ манускриптовъ всякаго рода».

Въ январѣ 1854 года Николай I прочелъ «Крещеную собственность» и сдѣлалъ распоряженіе о самыхъ энергичныхъ мѣрахъ противъ ея распространенія (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канцеляріи, 1834 г., I экс., дѣло № 239, ч. 10).

676. Письмо къ А. Рейхелю.

25 Juli 1853. Lundi.

Eh bien, c'est très bien et je vous félicite, et je félicite Marie et la petite chose aussi (Vous ne m'avez pas écrit le nom du quidam, vous vous êtes borné a son signalement).

Je suis très content, une pierre de moins sur la poitrine. L'homme est tellement égoïste, que même il se réjouit égoïstiquement. Marie ne doit ni lire, ni écrire, elle doit mener une existence d'huitre pendant 9 jours. Pour la consoler dites que la reine et Albert «haben die Masern—c'est gentil.

Adieu. Envoyez une des feuilles russes ou même deux à Hartman, il a beaucoup de connaissances parmi les barbares.

Les livres avec l'occasion. Donnez des nouvelles de Marie.

Addio.

A. Herzen.

Переводъ.

25 іюля 1853. Понедѣльникъ.

Хорошо, очень хорошо и я поздравляю васъ и Мари и маленькое существо также (Вы мнѣ не сообщили, какъ зовутъ этого нѣкто, а ограничились только описаніемъ его примѣтъ).

Я очень доволенъ, гора свалилась съ плечъ. Человѣкъ такой ужъ эгоистъ, что даже радуется эгоистично. Мари не должна ни

читать, ни писать и должна провести 9 дней, какъ устрица. Для ея утѣшенія скажите ей, что королева и Альбертъ больны корью,— это мило.

До свиданья. Пришлите одинъ или даже два изъ русскихъ листовъ Гартману, у него много знакомыхъ среди варваровъ.

Книги съ оказіей. Сообщите новости о Мари.

До свиданья.

А. Герценъ.

677. Письмо къ М. К. Рейхель.

30 Juillet 1853. Samedi.
London.

Итакъ, все по-доброу и по-здорову. Да отчего же у Карлушки-Александра ¹⁾ волосы черные? Да они же и не черные, а это такъ сперва бываетъ, потомъ будутъ бѣлые. У насъ совершенно все по старому: штиль дома, мерзкая погода на дворѣ, пустота, болтовня и типографія. На-дняхъ пришлю брошюру «Крещеная собственность».

Что это изъ Россіи нѣтъ вѣстей?

Or nous allons en Amérique, cher Reichel, et nous voulons écrire au Cap de la bonne Espérance, moi je vous donne le conseil charitable de venir passer avant l'Amérique une année à Londres, si vous y ferez à la vie anglaise; allez à New-York «mit Weib und Kind» comme s'exprime la gazette de Cologne. Si non—n'y peñsez pas. Je ne vous donne pas encore la bénédiction; moi même, je reste en Europe. Je suis comme les vers du fromage, plus il tombe en putréfaction, plus ils s'y attachent. Mais quant à l'adresse de Kapp la voila:

Das uberseeische Geschäftsbureau von Zitz, Kapp et C-nie 67 Chatham New-York Street.

Avez vous entendu l'histoire de la grève des Cabmans; c'est une des choses les plus ridicules que j'a vu. Figurez vous qu'avanthier à 9 h. du matin les Cabs, mécontents du parlement, disparurent, pas un Cab à Londres. Ce n'est pas tout, un nombre de Cabmans prirent les places des omnibus et allaient et venaient. Et la pluie tombait, et les

¹⁾ Незадолго до того у Рейхелей родился сынъ Карль-Александръ, котораго всѣ звали Алексомъ. Нынѣ онъ занимаетъ высшее положеніе въ судебномъ мірѣ Швейцаріи — juge fédérale, живеть въ Лозаннѣ и пользуется общимъ глубокимъ уваженіемъ.

voyageurs arrivés par les dix chemins de fer «mit Weib und Kind» et avec des coffres; la gouvernement ne pense pas encore à envoyer en Sibirie les cochers, d'autant plus que les policemens ont déclaré que si on ne leur augmente pas leur salaire qu'ils quitteront dans un mois la bonne ville de Londres.

Racontez cela à votre fils Charles-Alexandre.

Et à quand les livres ¹⁾).

678.

Предисловіе къ «Du développement des idées révolutionnaires en Russie», 1 августа 1853 г. (см. № 513).

679. Письмо къ М. К. Рейхель.

3 августа (1853).

Многое есть вамъ разказать и больше дрянного. Рейхель, какъ ни протезировалъ и не покрывалъ Нидер., но

Нельзя-жъ всегда носить личинъ

И истина должна раскрыться.

¹⁾ Итакъ, мы отправляемся въ Америку, дорогой Рейхель, и хотимъ писать на мысль Доброй Надежды, я же даю вамъ благой совѣтъ: до Америки проведите годъ въ Лондонъ; если приспособитесь къ англійской жизни, отправляйтесь въ Нью-Йоркъ «съ женами и дѣтьми», какъ выражается «Кельнская Газета». Если такъ нельзя, то и не думайте. Я не даю вамъ еще благословенія, самъ же остаюсь въ Европѣ. Я—точно сырный червякъ: чѣмъ сыръ больше гнѣтъ, тѣмъ онъ къ нему больше привязывается. Что же касается адреса Каппа, то прилагаю его.

Слышали исторію о стачкѣ кэбменовъ ^{о)}? Это—одно изъ нелѣпѣйшихъ дѣлъ, какія я только видѣлъ. Вообразите, что третьяго дня, въ 9 ч. утра всѣ кэбмены, недовольные парламентомъ, исчезли: ни одного кэба въ Лондонѣ! Но это еще не все: многіе кэбмены заняли мѣста въ omnibusaxъ и въ нихъ разѣзжали взадъ и впередъ по Лондону. А тутъ еще дождь да все прибываютъ пассажиры съ десяти желѣзнодорожныхъ линій «съ женами и дѣтьми» и сундуками. Правительство не думаетъ еще ссылать извозчиковъ въ Сибирь, тѣмъ болѣе, что и полисмены объявили, что черезъ мѣсяць покинуть добрый городъ Лондонъ, если только ихъ жалованье не будетъ увеличено.

Разскажите это вашему сыну Карлу-Александру.

А когда же книги?

^{о)} Кэбъ—англійскій крытый экипажъ, въ которомъ кучеръ (извозчикъ) сидитъ высоко сзади; кэбмень—обычное названіе лондонскаго извозчика.

Слухи о его сношеніяхъ стали больше и больше распространяться. Наконецъ, Гаугъ былъ принужденъ при мнѣ спросить его. Блѣдный, какъ полотно, онъ отвѣчалъ, что онъ не виноватъ, но что деньги бралъ. При этомъ онъ былъ дерзокъ; я ему замѣтилъ, что все остальное—его дѣло, но что фактъ важный для насъ, это—признаніе, что онъ былъ въ сношеніяхъ. Тогда онъ ушелъ, сказавъ: «я не жду, чтобъ меня выгнали, я самъ иду». Все это подло, и онъ погибъ теперь безвозвратно. Послѣ этого онъ побѣждалъ къ «Тысячау»¹⁾ и наплевалъ на него, а тотъ вылилъ на него не Ess-bouquet²⁾, а нѣчто другое... Этотъ финалъ frise le sublime³⁾. О, Германія! Впрочемъ, жалѣя его, объ этомъ дѣлѣ оставимъ между нами.

Второе письмо отъ Саз.; пишетъ: «рука моя слабѣетъ—я 48 часовъ не ѣлъ; пришли 2.000 фр.» Я ему писалъ, что не вхожу ни въ какія аферы, но что, если крайность, то попрошу васъ дать ему до 200 (до двухсотъ) фр.; стало, если онъ пришлетъ, то дайте ему эти деньги, я пришлю чекъ Шомбургу.

Ждалъ отъ васъ письма, но не получилъ. На-дняхъ получите еще пачку «Юрьева дня».¹ Вы еще не писали, нравится ли вамъ и содержаніе и печать.

Мои бумаги изъ Женевы привезены; буду печатать «Долгъ прежде всего».

Прощайте. Встали ли вы?

Ну, а климатъ здѣсь истинно донимаетъ.

А. Герценъ.

◆◆ 1. Съ открытія Герценомъ типографіи М. К. Рейхель исполняла массу порученій своего друга какъ по доставленію ему всевозможныхъ матеріаловъ и свѣдѣній, которыя иногда доставлялись ей въ особыхъ конвертахъ какихъ-нибудь вымышленныхъ торгово-промышленныхъ фирмъ, такъ и по распространенію изданій Герцена. Безъ этого помощника, безъ этого своего «начальника штаба» ему подчасъ было бы невозможно обойтись. Русское общество многимъ обязано М. К. Рейхель.

¹⁾ Таузуенау; tausend—тысяча.

²⁾ Эссъ-букетъ, модные тогда духи.

³⁾ «Невозможно» хорошъ, граничить съ высшею степенью великолѣпія.

680. Письмо къ М. К. Рейхель.

Среда. 10 августа (1853).

Милая вы, Марья Каспаровна; несмотря на все, у васъ сердце l'emporte sur la raison ¹⁾.

Я Нидерг. считалъ виноватымъ съ проѣзда Рейхеля. Но, давши ему слово не говорить, я его сдержалъ. Какъ вышло, мнѣ дѣла нѣтъ. Если 1.000-ау такой же, что мнѣ отъ того?—я почти не-знакомъ съ нимъ. Какъ же вы можете вѣрить, чтобъ ваши Дубельты были такъ просты и платили бы деньги за ложь. Наконецъ, кто же знаетъ, что онъ писалъ? одни Дубельты.

И если онъ *ихъ* надувалъ, какъ онъ прежде это не сказалъ? И что за «удальство» мараться въ грязи.

Защищался онъ скверно, тутъ я свидѣтель. Послѣ того вздумалъ меня бомбардировать письмами; я не хочу купаться въ этой гадости.

Но, если дѣло дойдетъ до суда, я скажу, что онъ *при мнѣ* признался, что сношенія денежныя были. На какомъ же основаніи вы защищаете его? И прочіе такіе всѣ имѣютъ кто жену, кто дѣтей,—я очень помню, что Куторга ²⁾ такъ защищалъ Каменскаго.

Онъ сдѣлалъ подлый поступокъ, — можетъ, раскаялся. Онъ имѣетъ теперь мѣсто въ 70 фунт. Я его знать не хочу. Въ его бѣдности, въ его эксплоатаціи васъ и меня да и еще двухъ-трехъ (Рейхенбаха, Опенгейма),—во всемъ есть нечистый элементъ, который, если присчитать къ дракамъ дома да къ перепискѣ съ Бенкендорфами, такъ сумма и выйдетъ, что онъ дрянъ.

Дрянъ и господинъ, посылавшій къ вамъ за 200 ³⁾; онъ мнѣ писалъ еще письмо. Но, аминь, больше ему не будетъ ни гроша.

Гартм. ⁴⁾ я уже послалъ. На-дняхъ къ вамъ принесутъ еще. Я, по крайней мѣрѣ, по уши въ работѣ, а людишки на свѣтѣ все такіе негодяи, что упадешь.

Дѣти ѣдутъ на недѣлю съ M-elle Мейзенбургъ на берегъ моря, можетъ, и я съ ними на день.

¹⁾ Держитъ верхъ надъ разсудкомъ.

²⁾ Неизвѣстно, какой изъ братьевъ: Михаилъ или Степанъ Семеновичъ; первый былъ профессоромъ исторіи, второй — зоологіи, оба въ Петербургскомъ университетѣ.

³⁾ Н. И. Сазоновъ.

⁴⁾ Робертъ, книгопродавецъ въ Лейпцигѣ. Рѣчь идетъ о «Крещеной собственности».

681. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

13 août (1853). Samedi.

Vous avez à faire à un homme qui est contrecarré par une fatalité même dans les choses les plus simples. Je ne sais quand nous pourrons venir, Alexandre a une esquinancie, et probablement cela finira par un abcès dans la gorge. Nous n'avons pas été à Spithead. J'aurais envoyé les petites chez vous, mais M-elle Marie est indispensable ici. Je vous écrirai dans deux-trois jours l'ultimatum.

En attendant, je viens de recevoir votre lettre. «Et toi Brutus aussi». Il me semblait que vous me connaissiez mieux que qui ce soit à Londres et vous aussi vous pensez qu'il me faut... quoi donc... le café de Véry, le restaurant de Piccadilly, la Regent Street, la cohue, les disputes... Car au fond je n'ai rien d'autre ici. Vous connaissez maintenant très-bien notre existence, elle est tronquée, wüst wie man sagt, je l'ai dit une fois, ma vie ressemble à ces vieux maisons, grandes délabrées et où il y a un petit coin habitable. Quel pourrait être le charme qui m'attacherait à une vie pareille.

Une chose que j'aime frénétiquement dans ma vie... c'est l'indépendance, mais là, au bord de la mer je pense que vous ne m'auriez pas opprimé. L'autre ce sont les enfants—ils seraient là.

Non, votre raisonnement ne me plaît pas, ce n'est pas à vous de me juger de cette manière.

J'ai eu déjà une vie large, une vie d'entraînement et de jouissance — tempi passati. Une chose qui me reste c'est encore l'énergie de lutter, et je lutterai. La lutte est ma poésie.

...Tout le reste m'est presque indifférent. Et vous pensez qu'être à Londres ou à Broadstairs, d'être près de New-Road ou près de Ramsgate me fait qq. chose.

En parlant une fois avec vous, je vous ai dit que ce n'est qu'avec vous que je parlais non seulement franchement (sur des sujets généraux je parle franchement avec tous les hommes que j'estime) mais des choses les plus intimes. Le plaisir, je pense, couvre avec une telle richesse les petits inconvénients qu'il ne faut pas même en parler.

Vous m'avez promis, il y a longtemps, de me raconter des incidents de votre vie. Je crains toujours de commencer des conversations dans ce genre. C'est comme si on mettait sa main sur le cœur palpitant et tout chaud. Je crains de faire du mal en faisant une question—

par écrit tout cela est plus facile (Voyez la lâcheté). Eh bien par écrit je vous demande et je vous prie de tenir la parole.

Je vous quitte. Les enfants sont dans le square. La fièvre est encore forte chez Alexandre. Lundi ou mardi vous aurez de nos nouvelles.

Tout à vous .

A. Herzen.

Переводъ.

13 августа (1853). Суббота.

Вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, которому судьба противится даже въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Я не знаю, когда мы можемъ приѣхать,—у Александра жаба, и дѣло, вѣроятно, кончится нарывомъ въ горлѣ. Мы и не были въ Spithead. M-elle Marie здѣсь необходима. Дня черезъ два или три я сообщу вамъ ультиматумъ.

Въ ожиданіи я только что получилъ Ваше письмо.¹ «И ты, Брутъ!..» Мнѣ казалось, что вы лучше кого бы то ни было въ Лондонѣ узнали меня, но вы также думаете, что для меня необходимо... что тамъ?... кофейная Вери, ресторанъ въ Пикадилли, Regent-Street ¹), толкотня, диспуты... Ибо, въ сущности, здѣсь ничего больше у меня и нѣтъ. Вы теперь хорошо знаете мой образъ жизни; онъ кургузый, пустынный, какъ говорятъ; я уже сказалъ однажды, что моя жизнь походитъ на старинный домъ, очень большой, но опустошенный и въ которомъ есть маленькій обитаемый уголокъ. Какія же могутъ быть чары, которыя привязывали бы меня къ подобной жизни?

Единственная вещь въ моей жизни, которую я неистово люблю, это — независимость, но тамъ, на берегу моря, я думаю, что вы меня не стѣснили бы. Съ другой стороны, дѣти тоже были бы тамъ.

Нѣтъ, ваше разсужденіе мнѣ не нравится: не вамъ меня судить такимъ образомъ.

Я уже пользовался жизнью широкою, жизнью увлеченія и наслажденія... въ прошломъ. Одно лишь осталось у меня, это—энергія въ борьбѣ, и я буду бороться. Борьба—моя поэзія...

Все остальное для меня почти безразлично. И вы думаете, что быть въ Лондонѣ или въ Broadstairs, жить близко отъ New-Road или около Ramsgate для меня составляетъ какую-либо разницу?

Однажды при разговорѣ я вамъ сообщилъ, что разговариваю съ вами не только откровенно (объ общихъ вопросахъ я откровенно бесѣдую со всѣми, кого уважаю), но и о самыхъ интим-

¹) Очень людная улица въ Лондонѣ.

ныхъ вещахъ. Удовольствіе, думается мнѣ, съ такимъ изобиліемъ покрываетъ маленькія неудобства подобныхъ бесѣдъ, что о нихъ можно и не упоминать.

Вы мнѣ уже давно обѣщали рассказать нѣкоторыя столкновения вашей жизни. Я всегда опасаюсь начинать разговоры такого рода, — точно кладешь свою руку на сердце, еще трепещущее и совѣмъ теплое. Боюсь при этомъ своимъ вопросомъ сдѣлать зло. А въ письмахъ все это легче (какова трусость!). Ну, такъ вотъ— я васъ спрашиваю письменно и прошу сдержать слово.

Прощаюсь съ вами. Дѣти въ скверѣ. У Александра еще сильный жаръ. Въ понедѣльникъ или во вторникъ получите отъ насъ извѣстія.

Весь вашъ

А. Герценъ.

◆◆ 1. Покончивъ на время со всѣми своими уроками, Мейзенбургъ отправилась въ Broadstairs, недалеко отъ Лондона на берегу моря, чтобы отдохнуть и освѣжиться. «Сожалѣла я только о разлукѣ съ моими маленькими пріятельницами Герценъ и о прекращеніи уроковъ старшей изъ нихъ. Но Герценъ подалъ мнѣ надежду, что прилетѣтъ дѣтей съ бонной или привезетъ ихъ самъ... Мои маленькія пріятельницы не пріѣхали. Я очень хотѣла видѣть ихъ у себя и знала, что и дѣтямъ хочется пріѣхать. Наконецъ, я написала Герцену; я спрашивала, почему они не ѣдутъ; и полушутя прибавила, что ему, вѣроятно, помѣшали всякаго рода лондонскія развлеченія. Я заканчивала письмо, говоря, что Бродстерсъ дѣйствительно не далъ бы ему ничего интереснаго, такъ какъ вся прелесть его заключается въ скалахъ и широкихъ волнахъ».

682. Письмо къ Карлу Фогту.

15 août 1853.
London.

Cher Vogt,

Probablement vous êtes maintenant à Neuheims. Vous y faites certainement des expériences de physiologie, d'embryologie car vous avez des filles au logis sans être philologue. Et nous—toujours dans la sombre Albion. Je suis bon conteur et Vous remercie de tout mon cœur pour le portefeuille; aussi pour m'acquitter en vers M-r Rodiger, je lui ai trouvé un protosubjonctif qui en réalité est un homme excellent,

comment le disent ses amis. Je prie M. Malardier de se charger d'un petit paquet avec des imprimés russes.

Caro Vogt, Vous avez aussi applaudi à mon allocution (tout cela m'a réussi d'une manière parfaite), maintenant Vous devez aussi m'aider. Je Vous envoie q—q ¹⁾ exemplaires de l'annonce et d'une adresse à la noblesse. Donnez cela à Berne et à Genève à des librairies radicales s'ils en veulent, ou s'ils en veulent envoyer quelque part ils n'ont qu'à s'adresser à moi. Ne pouvez Vous pas faire imprimer deux trois lignes dans un journal de Berne ou de Genève. La gazette d'Augsbourg et les journaux de Londres en ont parlé. La Nation aussi. Je Vous envoie encore un article traduit du Démocrate Polonais pour Vous et si je trouverai avant le départ de Malardier l'article de Linton sur le mariage de Kudlich, je l'enverrai aussi

Alexandre a une esquinanci,

Haug a l'Australie—

London a Golovine

Le lièvre a le taf,

Et moi j'ai soif.

Il y a un an que j'ai quitté Berne. Certes je n'ai jamais pensé de rester ici un an. Pourtant après une année je répète que London est le seul point habitable de l'Europe. Vogt, allez en Amérique. Car dans deux années l'Europe sera Moldachée et Valavié. On fait une nouvelle édition des «Idées réolut.», augmentées et corrigées. Linton publie idem en Anglais. Je salue toute votre famille et deux trois fois de plus votre père.

Adieu. Tout à vous

A. Herzen.

Переводъ.

15 августа 1853.
Лондонъ.

Дорогой Фогтъ,

Вѣроятно, вы теперь въ Neuhehus. Вы, разумѣется, дѣлаете тамъ опыты по физиологii, эмбриологii, ибо у васъ дѣввы въ жилищѣ, хотя вы и не филологъ ²⁾. А мы все въ темномъ Альбионѣ.

¹⁾ Quelques.

²⁾ Каламбуръ. Слова: «дѣввы въ жилищѣ» (при неправильномъ произношенii слова filles) звучатъ по-французски такъ, какъ philologie—филологiя.

Я—хорошій рассказчикъ ¹⁾, и отъ души благодарю за портфель ²⁾, поэтому, чтобъ разсчитаться съ г. Родригеромъ, я нашель ему протослагательное ³⁾; въ самомъ дѣлѣ, по словамъ друзей, это—отличный человѣкъ. Прошу г. Малярдье ⁴⁾ захватить съ собой небольшой пакетъ съ русскими изданіями.

Дорогой Фогтъ, Вы также рукоплескали моей аллокуціи (это мнѣ удалось въ полномъ совершенствѣ), теперь Вы также должны оказать мнѣ помощь. Я посылаю Вамъ нѣсколько экземпляровъ объявленія ⁵⁾ и обращенія къ дворянству. Отдайте ихъ въ радикальные книжные магазины, если они пожелаютъ, а если они захотятъ разослать что-нибудь, то стоитъ лишь обратиться ко мнѣ. Не можете ли напечатать двѣ-три строчки въ бернскихъ или жевевскихъ газетахъ? «Аугсбургская Газета» и лондонскія уже дали отзвыы, также и «Nation». Посылаю Вамъ еще статейку, переведенную изъ «Польскаго Демократа» для Васъ, и, если до отъѣзда Малярдье, найду еще статью Линтона о свадьбѣ Кудлиха ⁶⁾, то и ее пошлю.

У Александра ангина.

У Гауга же Австралія ⁷⁾.

У Лондона есть Головинъ.

У зайца тафъ.

У меня же жажда.

Вотъ уже годъ, какъ я покинулъ Бернъ. Конечно, никогда не думалъ оставаться здѣсь цѣлый годъ. Однако, и послѣ цѣлаго года я повторяю, что Лондонъ—единственный городъ въ Европѣ, гдѣ можно жить. Фогтъ, поѣзжайте въ Америку, ибо черезъ два года вся Европа будетъ молдавилована и валахилована ⁸⁾.

¹⁾ Описка, если не снова каламбуръ: здѣсь нужно слово *compteur* (счетчикъ), а не *conteur*—рассказчикъ.

²⁾ Вѣроятно, въ смыслѣ денежнаго разсчета.

³⁾ Слогъ «прото» вызванъ, вѣроятно, тѣмъ, что Фогтъ изучалъ протѣйшія животныя (*protozoaires*).

⁴⁾ Бывшій членъ учредительнаго собранія 1848 г.

⁵⁾ О русской типографіи въ Лондонѣ.

⁶⁾ Гансъ, австрійскій политическій дѣятель. Въ бытность депутатомъ внесъ въ рейхстагъ (1848) проектъ объ уничтоженіи крѣпостничества. За участие въ Баденской революціи былъ заочно приговоренъ къ смертн. казни. Эмигрировалъ въ Швейцарію, гдѣ женился на сестрѣ К. Фогта. О его «гражданской» свадьбѣ, надѣлавшей много шума, Герценъ разсказалъ въ «Быломъ и думамъ». Потомъ К. переѣхалъ въ Соединенные Штаты, гдѣ изучилъ медицину и практиковалъ. Въ 1872 году вернулся на родину и получилъ титулъ почетнаго гражданина г. Вѣны.

⁷⁾ Намекъ на поѣздку его въ Австралію.

⁸⁾ Молдавія и Валахія находились тогда подъ протекторатомъ Россіи.

Готовится новое изданіе «Революц. идей» ¹⁾, исправленныхъ и дополненныхъ. Линтонъ печатаетъ то же самое на англійскомъ языкѣ. Кланяюсь всей вашей семьѣ и въ два-три раза больше — вашему отцу.

Прощайте. Весь вашъ

А. Герценъ.

683. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

16 août (1853). Mardi.

La maladie d'Alexandre n'est pas dangereuse, mais cela traîne—probablement dans trois quatre jours l'abcès perçera.

En lisant votre lettre j'ai involontairement dit «Mon Dieu que vous êtes encore jeune d'âme et de sentiment». Tout ce que vous dites, je le sais aussi mais de mémoire — auch ich war in Arkadien geboren. Non, je n'ai plus cette fraîcheur, cette *sonorité*. Vous allez encore en avant, moi je retourne.

Il me reste comme fiche de consolation mon amour pour le travail. Ce n'est que là que je suis jeune, que je me repossède, comme auparavant.

Moléschot est très spécialiste dans le livre du Kreislauf des Lebens. Savez vous qu'il y a une *dixième* édition des «Vestiges of Creation»; connaissez-vous la chose admirable «the earth and man» par Guyot? Et encore die Pflanzenkunde v. Schleiden — je peux vous envoyer tout cela, même une anatomie de Hirtl et Moléschot aussi si la Delid. comp. s'en charge hors de Londres.

Le ciel est gris, le vent assez froid et je me remets à mes occupations. Tata vous écrira elle-même.

Je vous serre amicalement la main.

А. Herzen.

Переводъ.

16 августа (1853). Вторникъ.

Болезнь Александра не опасна, но дѣло затягивается, — нарывъ прорвется, вѣроятно, дня черезъ три или четыре.

Читая ваше письмо, я невольно сказалъ: «Боже, какъ вы еще молоды душою и чувствомъ!». Все, что вы говорите, я также знаю, но лишь по памяти—«такъ же и я въ Аркадіи родился». Нѣтъ, у меня

¹⁾ № 513.

больше нѣтъ этой свѣжести, этой *звучности*. Вы идете еще впередъ, а я уже возвращаюсь назадъ.

Въ утѣшеніе мнѣ остается моя любовь къ труду. Тутъ только я снова молодъ и снова владѣю собою, какъ прежде.

Мошотъ очень спеціаленъ въ своей книгѣ «Kreislaf des Lebens». Знаете ли, что есть уже *десятое* издание «Vestiges of Creation»? Знаете вы дивную вещь—«Земля и человѣкъ» Гюйо ¹⁾? А еще «Жизнь растений» Шлейдена?—Я все это могу вамъ послать, даже анатомію Гиртля и Мошотта, если только комиссіонное бюро принимаетъ посылки внѣ Лондона.

Небо сѣро, вѣтеръ довольно холодный, и я снова сажусь за свои занятія. Гата вамъ напишетъ сама.

Дружески жму вамъ руку,

А. Герценъ.

684. Письмо къ М. К. Рейхель.

17 августа (1853).

Я давно не былъ такъ огорченъ, какъ вчера, и это по милости Рейхеля. Дѣло до такой степени дурно, что я не умѣю еще приискать средства спасти его репутацію или мою. Зачѣмъ онъ писалъ Нидергуб.? Наконецъ, это выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ,—переписываться со шпионами и давать имъ въ руки орудія. Рейхель *клялся* на улицѣ, что Нид. не шпионъ, что *malgré toutes les apparences, il le connaît pour un homme pur; il me conseillait de m'en rapprocher, — j'ai fait pour R. une concession immense, je lui ai dit que je me tairai jusqu'à une nouvelle preuve. R. exigeait une parole d'honneur, il me pria expressément de ne pas même dire à Haug car Haug, disait il, est intolérant et l'autre innocent avec de mauvaises apparences, — c'était faiblesse de ma part sans doute, je me taisais jusqu'à ce que d'autres personnes me dirent, ce qu'il en était (outré Tausenau). Pour ce ménagement, pour cette concession faite a R. il a envoyé une lettre a Nied. qui en a forgé une accusation contre moi et me l'a envoyée par un Wintersberg qui me demande pourquoi je n'ai pas inculpé Nied. il y a trois mois. — Est ce que, chers amis, vous plaisantez avec des choses pareilles? Toute une réputation peut être termie par une chose imprudente. Prendre d'un homme une parole et divulguer ensuite... Eh bien, je suis forcé cas de déclarer que jusqu'a*

¹⁾ Арнольдъ-Генри, извѣстный географъ.

la fin du séjour de Reichel à Londres, il m'a assuré de la manière la plus solennelle que Nied. a peut-être fait des fautes, forgé des correspondances de Havas, poussé par la misère ¹⁾, но что онъ никогда не былъ шпиономъ, и что онъ *ручается* за его чистоту.

Пусть же онъ ему напишетъ теперь безъ *объясненій*, чтобъ Нид. оставилъ меня въ покоѣ.

Чего онъ хочетъ отъ меня? Не я обвинилъ его, не я хочу его судить,—все это дѣлается Нидергуб. изъ денегъ. Вы подумайте, что чистое имя Рейхеля попадетъ въ дурную исторію, и такъ какъ мы знаемъ теперь не гадательно, что Нид прежде былъ шп., то защищавшій его немного выиграетъ.

Меня скоро обвинять, что я его женѣ не далъ умереть съ голоду, когда она родила, и что я имѣлъ столько дружбы къ Рейх., что исполнилъ его горячую просьбу. Вы, кажется, забыли, что я не частный человѣкъ, и забыли, что всякое малѣйшее милосердіе къ шп. можетъ меня марать. Но прошу васъ, присмотрите за письмомъ муженька вашего. Пусть Нидерг. оправдывается передъ нимъ. Я не хочу больше заниматься этимъ дѣломъ, не говоря о томъ, что онъ виноватъ, но еще и потому, что мнѣ *chemin faisant* ²⁾ придется Рейхеля обвинить или во лжи или въ измѣнѣ, ибо честное слово обязываетъ въ обѣ стороны. Я еще никому не говор. объ Рейхелѣ. Но если это продолжится, я не отступлю отъ писаннаго, отъ той страницы. Главное, Рейхель долженъ сказать, что онъ *проситъ* и приказываетъ не упоминать его.

¹⁾ «Что, несмотря на все, что можетъ казаться, онъ его знаетъ за человѣка чистаго; онъ совѣтоваль съ нимъ сблизиться; я сдѣлалъ Рейхелю огромную уступку, сказавъ ему, что буду молчать до тѣхъ поръ, пока не явится новое доказательство. Р. требовалъ съ меня *честнаго слова*, просилъ меня *суубо* не говорить объ этомъ Гаугу, ибо Гаугъ,—говорилъ онъ,—нетерпимый, а тотъ невиненъ, несмотря, что кажется дурнымъ; это было, безъ сомнѣнія, малодушіемъ съ моей стороны, но я молчалъ до тѣхъ поръ, пока другіе не сообщили мнѣ, что изъ этого вышло (кромѣ Таузенау). Изъ-за этого снисхожденія, изъ-за уступки, сдѣланной для Р., онъ послалъ письмо Нид—у, а тотъ изъ него смастерилъ противъ меня обвиненіе и прислалъ его черезъ Винтерсберга, который спрашиваетъ меня, почему я не обвинялъ Нид. три мѣсяца тому назадъ. Дорогіе друзья, какъ вы шутите такими вещами? Всю репутацию можно испортить такимъ неосторожнымъ дѣломъ! Взять съ человѣка слово, а потомъ раскрыть... И вотъ, я принужденъ объявить, что къ концу своего пребыванія въ Лондонѣ, Р. меня увѣрялъ самымъ торжественнымъ образомъ, что Нид., быть можетъ, дѣлалъ ошибки, сочинялъ фантастическія корреспонденціи для Гаваса ³⁾ подъ влияніемъ матеріальной нужды».

²⁾ Попутно.

³⁾ Телеграфное агентство.

На сей разъ довольно. Читайте безгнѣвно.
У Саши esquinancie лучше.
Прощайте.
Книги Тургенева пришли вельми красивы.

685. Письмо къ М. К. Рейхель.

22 августа 1853 г.

Къ чорту инцидентъ Нидергуб! Дайте вашу руку и Vous aussi mari (безъ е) plus que virginal, avec votre bonté, pureté. Ne m'en voulez pas cher Reichel, et oublions cette histoire. Je vous prie seulement en cas de besoin des constater que vous ne m'avez pas dit *positivement*, mais au contrair que vous *pensiez alors* qu'il était innocent. Alors il ma sesa facile de me taire tous bonnement. — Et voila tous ¹⁾.

Итакъ, Мих. Сем. пріѣхаль. Я пишу ему письмо. Отправляйте его въ Лондонъ; нельзя ли при немъ кого-нибудь послать? если нѣтъ изъ друзей, хоть бы нѣмку какую-нибудь? Да Погод. ²⁾ отчего не ѣдетъ? Я бы охотно съ ними поговорилъ и нужно даже.

Бога ради пишите мнѣ всѣ подробности, сплетни, слухи, анекдоты, ваши замѣчанія,—больше, только больше; смерть хочется знать. Но видѣться съ Мих. Сем. надобно; вы обдумайте и тотчасъ отвѣтъ, я буду ждать въ среду отвѣтъ. А у насъ приключилась бѣда: Ботвина украли. Гаугъ шумить, полисмень ищетъ, кухарка плачетъ, Саша въ отчаяніи да и къ тому же Мих. Сем. его не увидить.

Я не знаю, что, но странно: письма, пріѣздъ Мих. Сем., — все это подняло во мнѣ тревогу и будто весело, и нѣтъ, такъ что подчасъ я и готовъ отказаться отъ свиданія.

¹⁾ И Вы также, супругъ, безъ е на концѣ ⁰⁾, болѣе чѣмъ дѣвственный съ вашею добротою и чистотою. Не будьте на меня въ претензіи, и забудемъ эту исторію. Прошу васъ только, — въ случаѣ, если понадобится, — констатировать, что вы не утверждали *положительно*, но, напротивъ, *думали тогда*, что онъ былъ невиненъ. Тогда мнѣ легко будетъ просто замолчать. Вотъ и все.

²⁾ Михаилъ Петровичъ Погодинъ.

⁰⁾ Игра словъ: имя М. К. Рейхель по-французски Marie, а mari (безъ е) значитъ «супругъ, мужъ».

Прощайте. Я и вамъ пришлю на-дняхъ брошюру, только вы будете не первая: вчера ими наградили Ольгу Ник. и Марью Ник. ¹⁾.

Книги отъ Трув. получены.

Если бы Мих. Сем. не могъ ѣхать, то скажите, что мнѣ крайность съ нимъ послать два-три письма; можетъ ли онъ взять? Au reste, надобно видѣть.

Отвѣтъ—cito citissimo! ²⁾

686. The Russian agent Bakunin.

To the Editor of the «Morning Advertiser».

Sir, He must have an extremely debased mind who would insult, as «F. M.» does, a Russian martyr—Bakunin; and he must be but scantily read in modern history who does not know that Bakunin was condemned to death in Saxony and in Austria for the revolution of Dresden and for his participation in the affairs of Prague. If he were serving to-day as a soldier in the Caucasus, that condition would be the continuation of his sufferings; but we consider ourselves better informed than «F. M.» in representing that he languishes in the dungeons of St.-Petersburg.

In 1847, M. Bakunin was expelled from France by M. Guizot for having, on the anniversary of the Polish revolution, called - - - «the assassin and the executioner of Poland». «F. M.» ought to know that Russian agents are not authorised to employ such expressions, and he had only to refer to the reports of the sittings of the French Chamber of Deputies to bend himself before Bakunin, if political courage can inspire him with respect.

The calumny which «F. M.» has raised is by no means new. Ever since there have been revolutionary Russians, there have been people calling them Russian agents, with a view to ruin them in public opinion. This calumny has already made its appearance in a German gazette, which did not hesitate to call Madame George Sand to attest it. Well! Madame George Sand in a letter which has been made public, has given a formal contradiction to this matter, saying that she had proofs to the contrary. On this subject «F. M.» has only to consult the «Reforme» of 1848.

What is «F. M.»?

¹⁾ Великія княгини; по приѣздѣ въ Лондонъ, бар. Брунновымъ имъ была вручена «Крещеная собственность», купленная въ типографіи Герцена.

²⁾ Скорѣе, проворнѣе, какъ только можно!

In the meanwhile, sir, and awaiting the solution of this question, we beg you to insert this declaration.

Ivan Golovin, Naturalised Russian refugee.

A. Herzen, Russian refugee.

In the name of the Central Polish Democratic Committee, adhering completely to all the expressions contained in this declaration, I subscribe myself.

Stanislas Worcell, Member of The Central Polish Democratic Committee, and of the Central European Democratic Committee.

Переводъ.

Русскій агентъ Бакунинъ. ¹

Издателю «The Morning Advertiser».

Милостивый государь, нужно быть человѣкомъ крайне низкой души, чтобы, какъ «F. M.», оскорблять русскаго мученика Бакунина, и нужно быть очень плохо начитаннымъ въ современной исторіи, чтобы не знать, что Бакунинъ былъ присужденъ къ смерти въ Саксоніи и въ Австріи за дрезденскую революцію и за участіе въ дѣлахъ Праги. Если бы онъ и служилъ теперь солдатомъ на Кавказѣ, то это было бы продолженіемъ его страданій. Но мы считаемъ себя гораздо болѣе освѣдомленными, чѣмъ «F. M.», заявляя, что онъ томится въ темницахъ Петербурга.

Въ 1847 г. Бакунинъ былъ изгнанъ изъ Франціи г. Гизо за то, что на годовщинѣ польской революціи онъ обозвалъ - - - - «убійцей и палачомъ Польши». «F. M.» долженъ былъ бы знать, что русскіе агенты не уполномочены на употребленіе такихъ выраженій, и ему стоитъ только ознакомиться съ отчетомъ о засѣданіи французской палаты депутатовъ, чтобы преклонить колѣни передъ Бакунинымъ, если политическое мужество въ состояніи вызвать въ немъ чувства уваженія.

Клевета, брошенная «F. M.», далеко не нова. Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ русскіе революціонеры, существуютъ и такія лица, которыя называютъ ихъ русскими агентами, чтобы погубить ихъ въ общественномъ мнѣніи. Клевета эта успѣла уже появиться въ нѣмецкой газетѣ, не поколебавшейся сослаться на г-жу Жоржъ Сандъ. И что же? Г. Жоржъ Сандъ въ письмѣ, опубликованномъ въ печати, формально отвергла этотъ слухъ и заявила, что у нея какъ разъ есть доказательства противнаго. «F. M.» стоитъ только просмотрѣть «Reforme» за 1848 г., чтобы увидѣть, въ чемъ дѣло.

Кто такой «F. M.»?

Пока, въ ожиданіи разрѣшенія этого вопроса, мы просимъ, васъ, милостивый государь, напечатать это наше заявленіе.

Иванъ Головинъ, натурализованный русскій эмигрантъ.

А. Герценъ, русскій эмигрантъ.

Отъ имени Центрального Польскаго Демократическаго Комитета всецѣло присоединяюсь ко всему, что сказано въ настоящей деклараціи, и собственноручно подписываюсь:

Станиславъ Ворцель, членъ Центрального Польскаго Демократическаго Комитета и Центрального Европейскаго Демократическаго Комитета.²

◆◆ 1. Въ «The Morning Advertiser» отъ 19 августа 1853 г. «Русскій, живущій въ Лондонѣ» (Russian resident im London) упомянулъ о Бакунинѣ, какъ объ одной изъ жертвъ Николая I. «Въ этотъ самый моментъ Николай отмщаетъ Бакунину, котораго держитъ въ темницѣ, согласно обѣщанію, сдѣланному имъ Австріи». Указанный псевдонимъ, кажется, принадлежалъ И. Г. Головину. Въ той же газетѣ 23 августа появилось письмо «F. M.», въ которомъ авторъ заявилъ, что у него есть основанія думать, что Бакунинъ вовсе не находится въ заключеніи, а или служитъ въ арміи на Кавказѣ, или же находится на службѣ у царя въ турецкихъ провинціяхъ. «Онъ—слишкомъ драгоценное орудіе, чтобы держать его въ темницѣ, и царю стоило огромнаго труда спасти его отъ заслуженной смерти, и еще больше хлопотъ понадобилось для того, чтобы высвободить его изъ саксонской, а затѣмъ и изъ чешской крѣпости».

На это сообщеніе и отвѣчало письмо Герцена, Головина и Ворцеля.

2. Въ «The Morning Advertiser» отъ 25 августа появился еще отвѣтъ «Русскаго, живущаго въ Лондонѣ», гдѣ доказывалась правдивость революціонной дѣятельности Бакунина. Въ той же газетѣ 27 августа не раскрывшій своего инициала «F. M.» настаивалъ на агентурѣ Бакунина.

2 сентября тамъ же выступилъ Карлъ Марксъ со статьей «Michel Bakunin», въ которой заявилъ прежде всего, что не считается съ инсинуаціями Герцена и Головина, обвинявшими редактировавшуюся имъ «Новую Рейнскую Газету» въ томъ, что она начала клевету на Бакунина. Затѣмъ, послѣ всего, приведеннаго мною уже выше (см. при № 540), Марксъ сказалъ: «Такъ какъ г. «F. M.» страдаетъ *idée fixe*, состоящей въ томъ, что революціи въ Европѣ очень на руку тайнымъ планамъ Россіи, то уже ради послѣдовательности онъ долженъ обвинять въ агентурной дѣятельности не только Ба-

кунина, но и каждого революціонера. Въ его глазахъ сама революція—русскій агентъ. Почему же не быть имъ и Бакунину?» Г. Рязановъ пришелъ къ справедливому заключенію, что инициалы «Ф. М.» принадлежатъ Френсису-Іосифу Марксу, англійскому «юнkerу», близкому другу Давида Уркхарта, издателя «Morning Advertiser». Еще въ 1872 г. Уркхартъ былъ убѣжденъ въ агентской службѣ Бакунина.

687. Письмо къ М. К. Рейхель

25 августа (1853). Четвергъ.

Письмо ваше получилъ. Какъ Мих. Сем. лучше, такъ пусть и распорядится. По нашимъ нервамъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Мнѣ хотѣлось бы и Пог. видѣть,—не изъ любви къ нему, а чтобъ узнать о многомъ. Вѣдь, онъ знаетъ же, что я—честный человѣкъ и не стану кричать или печатать, что я видѣлъ его. Здѣсь у насъ опять скучное дѣло. Какая-то бестія напечатала въ «Morning Advertiser», что Бакунинъ завѣдомо агентъ русскій. Мы протестовали рѣшительно и грубо. Приложу въ письмѣ отвѣтъ. Не знаемъ, что выйдетъ. Одни говорятъ, что въ Лондонѣ холера, другіе,—что нашего брата хотятъ изъ-за угла гвозднуть.

Ни того, ни другого не боюсь. Вы помните, я въ посвященіи Огареву сказалъ: «я не хочу ни завтра умереть, ни долго жить; пусть конецъ придетъ такъ же бессмысленно и случайно, какъ начало»¹⁾. Теперь еще разъ объ нашихъ. Письмо Гран. грустно; онъ пишетъ: «еслибъ ты могъ видѣть, что мы стали»; а, вѣдь, воля ваша, я не могу вполне понять, какъ же это они ограничиваются однимъ уныніемъ и слезами. Въ славянской натурѣ есть изъяснъ, она не готова, апатична, безпомощна, «аhurie»²⁾. Ну, въ чемъ, напримѣръ, была опасность прислать Пушкина и Лермонт. стихи? Лѣнь. Будто одинъ Гр. зналъ объ отъѣздѣ Мих. Сем., а Кетчеръ, а другіе... Аминь, аминь, глаголю вамъ, если маленькая кучка людей близкихъ намъ не захочетъ, не сумѣетъ устроить постоянныхъ сношеній со мной, она завянетъ и пройдетъ. Вы, бывало, съ Ел. Конс.³⁾ такую дичь изволите пороть, что упадешь. О чемъ рѣчь? Развѣ я предлагаю что-нибудь безумное или что-нибудь больше, какъ разъ пять-шесть въ годъ обмѣняться письмами, рукописями... Да какъ же это? Я на это отвѣтилъ въ моемъ объявленіи о типо-

¹⁾ Такое сочиненіе неизвѣстно.

²⁾ Ошеломлена.

³⁾ Станкевичъ.

графіи. Какъ же дѣлають поляки? они до самаго Кіева выписываютъ, все получаютъ; неужели же у насъ языкъ до Кіева не доведетъ (вы все это прочтите Мих. Сем., но Погод. не слѣдуетъ говорить)? Мало этого, — трудно, много хлопотъ, — на домъ придутъ: нѣтъ, молъ, ли посылочки? оказія, молъ, хороша. Посмотрите, только я одинъ шуму дѣлаю. Ну, а кабы сосѣди-то помогли,—дѣло было бы еще лучше. Сегодня годъ, что я здѣсь, годъ, что я васъ не видѣлъ. И нѣтъ еще въ виду освобожденія отъ Лондона. Впрочемъ, я Лондонъ люблю, а, можетъ, поѣду на мѣсяцъ или на другой въ Единбургъ. Хочу прибавить къ удовольствію быть съ здѣшними пріятелями еще больше удовольствія не видать ихъ. А ргорос, чѣмъ долѣе я здѣсь живу, тѣмъ менѣе я знакомъ съ добрыми людьми, хотя выдаюсь часто. Я послалъ вамъ черезъ Камилля ¹⁾ «Крещ. собств.», во вторникъ вечеромъ; пожалуйста, экзempl. поднесите Погод. и «Юрьевъ день», да напишите, какъ онъ ругаться будетъ.

Вѣстей въ вашемъ письмѣ мало; пишите же все, будто вы мой Дупель ²⁾, донесите на Мих. Сем. все...

Чук-чук, Тетяно,
Чорнобрива, кохана ³⁾.

И, вѣдь, вотъ, поди ты—пишу трепака, а смертельно грустно; я все послѣднее время нервенъ, можетъ, оттого и видѣлъ Энгельсона во снѣ. Вотъ бы проводить Мих. Сем. Этотъ человѣкъ—тоже великій урокъ мнѣ; онъ большой грѣхъ принялъ на душу, порвавъ такую связь (и когда я вспомню, что ее перегрызла женщина безъ зубовъ!). Энгельс. мнѣ былъ бы безконечно полезенъ по типографіи. Даже онъ легко тысячу-другую заработалъ бы здѣсь. Жаль, очень жаль. Но да будетъ воля того фатума, которая даетъ мнѣ хорошее только для того, чтобъ отнять. Прощайте. Пишите опять тотчасъ да побольше, а Мих. Сем., можетъ, и пріѣдетъ. Только, главное, предупредите обстоятельно. А ргорос, что же Мельгуновъ поѣхалъ въ Россію или нѣтъ? И его жаль,—деньги глупо завязли; впрочемъ, ему ихъ, вѣроятно, отдадутъ.

Дѣти здоровы. Ботсвина третьяго дна вечеромъ привелъ полисменъ; вотъ какіе порядки у насъ! Никого не сѣкутъ, а краденое находятъ. Какъ объ этомъ размышляетъ Погодинъ?

Я въ посылочкѣ приложилъ англійскій переводъ моего письма въ редакцію «Польскаго Демократа» ⁴⁾.

¹⁾ ?

²⁾ Л. В. Дубельтъ.

³⁾ Щепкинъ припѣввалъ это въ одной своей роли.

⁴⁾ См. № 659.

688. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

27 Août (1853), vendredi.

Mais tout cela n'est pas vrai et jamais vous n'avez vous-même pensé que moi je suis un être si ingrat de pouvoir boudier mes amis sans rime ni raison.

Ecoutez donc l'histoire. 1° J'ai reçu des lettres de la Russie et entre autre on m'a promis une visite ici à Londres que j'attendais avec un battement de cœur redoublé. Hier j'ai reçu la nouvelle que la visite ne viendrait qu'au mois de Septembre. 2° «Le Morning Advertiser» a publié que Bakounine était un espion russe, l'article était signé «F. M.» Eh bien, il fallait donner une leçon à «F. M.» et il fallait attendre sa réponse. Il y avait 3^{ment} des disputes les plus désagréables du monde.

Belle disposition pour écrire des lettres sereines. Et voilà comment d'un jour à l'autre le temps s'écoulait. «Sich todschiessen». Man tödte sich nicht in Folge einer raisonement die Kugel ist kein syllogismus, une fois dans ma vie, une seule j'ai pensé à me suicider, une année personne ne l'a su j'avais honte d'avouer et de me mettre au niveau d'un gredin qui exploitait le suicide. Je n'ai pas de passion assez forte maintenant pour me tuer—j'ai même un désir ironique et de pure curiosité de voir comment tout ira.

Il y a deux années j'écrivais une dédicace à Ogareff et dans cette déd. je lui disais: «Je n'attends rien pour moi, rien ne m'étonnera, ni me rejouira profondément. J'ai acquis tant de force, d'indifférence de résignation, de scepticisme... de vieillesse enfin que je *survivrai* à tous les coups de la fatalité. Qq. je n'ai ni le désir de vivre longtemps, ni celui de mourir demain. La fin viendra par hasard, sans conscience, ni raison, comme le commencement. *Je ne la provoque, ni la fuis*»...

Ces lignes ont été écrites avec grande sincérité. Méditez les. Vous pourriez me reprocher le fait de ma fatigue si je me plaignais—mais je ne me plains que lorsqu'une voix amie touche les cordes douloureuses—autrement je parle révolution, comité démocratique, Milan, Amérique, Moldavie. Mais il y a des hommes qui me prennent pour l'homme le plus content du monde (Ex. Golovine et Holiscsky), il y en a d'autres qui pensent que ce n'est que l'ambition politique qui me rend parfois pensif (Ex. tous les polonais).

Oui, par moment, un orage dans la poitrine suffoque, oh qu'on voudrait avoir un ami, une main, une larme—on a tant à dire—et je vais alors par les rues, j'aime Londres la nuit, tout seul—je vais et je

vais... un de ces jours j'étais à Waterloobridge, personne, je m'assis là... en adolescent de 40 ans et j'avais le cœur bien gros.

Et puis cela passe. Le vin est pour moi un don du ciel, une demi bouteille de vin me remète.

Je sens tout ce qu'un scélerat doit sentir lorsqu'il a des remords. Et toute ma vie est pure... complètement pure. Le seul crime qui me pèse c'est de n'avoir pas tué. Cette plaie restera ouverte.

Eh bien—c'est assez. On peut lire tout cela dans le premier roman venu. Je n'aime pas à me laisser aller à ces expansions lyriques. Adieu, je vous serre la main. Moleschott est envoyé d'après votre adresse.

A. Her.

Viendrons nous... ne viendrons nous pas? Je ne sais rien, peut être je le voudrais.

J'ai aussi perdu toute espérance d'aller à la mer. J'aimerais bien y être nomément aujourd'hui car avec ce vent terrible la mer doit être très grosse et j'aime beaucoup à contempler les troupeaux de moutons formés par les vagues, lesquels moutons vengent ceux qui sont sur la terre et mangent les loups qui hasarderaient à les attaquer.

Dimanche on m'a volé Bothswin mais la police l'a retrouvé le lendemain soir.

Je crois que nous irons dans un mois pour quelque temps à Edinbourg.

Saluez de ma part Mademoiselle Hermann.

Au revoir malheureusement à Londres.

Al. Herzen.

Tata vous salue. Elle vous écrira la prochaine fois.

Переводъ.¹

27 августа (1853), пятница.

И все это неправда, и никогда вы сами не думали, что я—такая неблагодарная тварь, что способенъ безъ толку, безъ смысла дуться на своихъ друзей.

Слушайте же, какъ было дѣло. 1) Я получилъ изъ Россіи письма и, между прочимъ, мнѣ обѣщано было здѣсь, въ Лондонѣ, одно посѣщеніе, которое я ожидалъ съ учащеннымъ біеніемъ сердца. Вчера я получилъ извѣстіе, что оно состоится лишь въ сентябрѣ. 2) «Morning Advertiser» напечаталъ, что Бакунинъ—русскій шпіонъ; замѣтка была подписана «F. M.» Надо было проучить этого «F. M.» и дожидаться его отвѣта. Были, въ-3), непріятнѣйшіе споры.

Хорошо настроеніе, чтобы писать ясныя, бодрья письма? И такимъ образомъ, со дня на день время проходило. «Самоубійство». Жизни себя лишаютъ не вслѣдствіе какого-либо разсужденія, пуля — не силлогизмъ. Разъ въ моей жизни, лишь одинъ разъ я хотѣлъ пустить себѣ пулю въ лобъ; цѣлый годъ объ этомъ никто не зналъ: мнѣ стыдно было въ томъ признаться и поставить себя на одну доску съ негодяемъ, который эксплуатировалъ тогда тему о самоубійствѣ¹⁾. Теперь у меня нѣтъ страсти достаточно сильной, чтобы убить себя; я даже чувствую желаніе ироническое и чистаго любопытства, самому посмотреть, чтò потомъ будетъ.

Года два тому назадъ я писалъ посвященіе Огареву, и въ этомъ посв. я ему говорилъ: «Я больше ничего не жду для себя, ничто меня не удивить, ничто не порадуешь меня глубоко.

«У меня настолько силы, равнодушія, смиренія, скептицизма и, наконецъ, я настолько уже старъ, что *переживу* всякіе удары судьбы, хотя не чувствую желанія ни прожить долго, ни умереть завтра. Конецъ придетъ также случайно, безъ сознанія, безъ разумной причины, какъ и начало ея. *Я не вызываю его, но и не избѣгаю*»...

Эти строчки были написаны съ большою искренностью. Поразмышляйте надъ ними. Вы могли бы упрекнуть меня въ фактѣ моей усталости, если бы я жаловался, но я жалуясь только тогда, когда дружескій голосъ касается наболѣвшихъ струнъ. Въ другихъ случаяхъ я говорю лишь о революціи, о демократическомъ комитетѣ, о Миланѣ, Америкѣ, Молдавіи. Но есть люди, которые считаютъ меня за чловѣка самаго довольнаго въ свѣтѣ (напр., Головинъ и Голынский²⁾); есть другіе, которые думаютъ, что только политическое честолюбіе заставляетъ меня быть иногда задумчивымъ (напр., всѣ поляки).

Да, иногда вдругъ и гроза забушуетъ въ душѣ и захватить дыханіе... О, какъ хотѣлось бы тогда имѣть друга, руку, слезу, такъ много тогда есть, чтò сказать... И я тогда выхожу на улицу,— я люблю Лондонъ ночью,—и совѣмъ одинокій хожу, хожу... На дняхъ я очутился на Ватерлооскомъ мосту, кругомъ никого; я тамъ присѣлъ... какъ сорокалѣтній юноша, съ переполненнымъ сердцемъ.

А потомъ это проходитъ. Вино для меня — даръ неба, полбутылки вина меня исцѣляетъ.

Я чувствую все, чтò долженъ переживать какой-нибудь негодяй, когда его мучаютъ угрызенія совѣсти. Между тѣмъ вся моя жизнь чиста... вполнѣ чиста. Единственное преступленіе на моей душѣ,

1) Г. Гервегъ.

2) Польскій эмигрантъ.

это—то, что я не убилъ. Эта рана останется открытою. Ну, довольно. Все такое можно прочесть въ первомъ попавшемся романѣ. Я не люблю давать волю этимъ лирическимъ изліяніямъ. Прощайте, жму вамъ руку. Молешотъ уже посланъ по вашему адресу.

А. Гер.

Пріѣдемъ ли мы или не пріѣдемъ? ничего не знаю; быть можетъ, я хотѣлъ бы.

Я также потерялъ всякую надежду отправиться на морской берегъ. Очень хотѣлось бы именно сегодня тамъ быть, потому что при такомъ страшномъ вѣтрѣ море, вѣроятно, очень, бурно, а я очень люблю созерцать «барашки» на гребняхъ волнъ, — «барашки» которые мстятъ за земныхъ барановъ и пожираютъ «волковъ», рискующихъ имѣть съ ними дѣло.

Въ воскресенье у меня украли Ботсвина, но уже въ понедѣльникъ вечеромъ полиція его нашла.

Я думаю, что черезъ мѣсяцъ мы уѣдемъ на нѣкоторое время въ Эдинбургъ.

Поклонитесь отъ меня г-жѣ Германъ ¹⁾. До свиданія... къ несчастью, въ Лондонѣ.

Ал. Герценъ.

Тата вамъ кланяется. Она напишетъ вамъ слѣдующій разъ.

◆◆ 1. Отправивъ обѣщанныя книги, Герценъ молчалъ. Мейзенбургъ шутливо замѣтила, что, вѣроятно, отчаяніе довело его до самоубійства.

689. Письмо къ М. К. Рейхель.

29 августа (1853), понедѣльникъ.
Лондонъ.

Je vous félicite d'être un an plus âgé, c'est bête, mais puis que tous le monde le fait ego non dissentio. Et bien ecoutez encore une fois sur l'affaire de N. Je ne l'ai jamais ni en parole ni par écrit accusé de rien autre que d'avoir été en correspondance avec la p. — pour moi c'est très mal, infiniment mal et s'il me prouvera qu'il n'a

¹⁾ Піанистка.

pas fait d'infâmie, il sera encore très loin de se justifier. La manière de sa défense a été impertinente, non pas envers moi, mais j'étais témoin. J'ai dit à Tausenau et je la repète que devant tout témoin je dirai que lui N. a dit en ma présence *qu'il était dans les rapports avec la p.* Je laisserai aux autres le soin de traduire cela par le mot espion, mais le fait y est.

Sans l'intervention de Reichel et sans la misère de N. la parole que Reichel a pris (et de laquelle il écrit maintenant assez légèrement) sans la femme qui accouchait alors je me serais plus éloigné, mais je n'avais pas la vocation d'être son accusateur; je croyais au fond que c'était plutôt une faiblesse, qu'un crime et qu'il n'était plus en rapport avec la p.

Maintenant d'autres personnes, et il le sait très bien, par Oppenheim, il peut le savoir par Müller et autres, après avoir demandé à Taus. crurent affirmer que ces rapports étaient assez suivis et Taus. prétend avoir vu des reçus de la main de N (or donc on ne donne pas gratis de l'argent). Ma position liée par la parole donnée à Reichel devenait étrange et sans rien dire contre lui, je laissai faire Haug. Haug l'a accusé avec violence—moi j'ai taché de parler avec calme. N. devait se soumettre à cette conséquence de sa conduite. Il a déclaré qu'il ne reconnaît à personne le droit de le juger. C'est ce que nous faisons — je ne veux plus le juger. Au reste je vous déclare que nouvellement encore je disais que je ne crois pas à ce qu'il ait dénoncé quelqu'un, mais je ne peux pas dans ma position (ni d'après ma conscience) justifier un homme qui a été dans des rapports pareils.

Maintenant, cher Reichel, ce que vous vous obstinez de ne pas comprendre, c'est que j'expie votre faute, c'est que c'était votre devoir de ne jamais livrer le secret de notre conversation parce que c'est vous qui m'avez prié de ne pas parler, sous autres données. Ce serait à vous maintenant de me libérer d'une nouvelle attaque. Est ce assez ou non *que je déclare ne pas prétendre qu'il ait fait des dénonces-mais seulement qu'il avait des rapports soutenus et pécuniairs avec la police.* Et c'est ce qu'il veut. Il veut m'inculper qu'après votre départ, j'ai prié qq amis (non politiques) pour lui procurer du travail que je lui ai donné q—q. livres lorsque sa femme venait me les implorer—que je ne me pressais pas de le livrer à une désapprobation très juste. Je vous laisse juger de ce procédé. Pourquoi ne s'adresse-t-il avec ses réclamations à Haug. Tout cela ne serait pas arrivé si vous saviez vous taire, caro maestro, vous êtes comme un vrai musicien trop sonore. Moi je ne parle que ce que je veux. Marie le sait très bien. J'ai pris votre prière trop au sérieux. Mais comme vous êtes dès aujourd'hui plus âgé d'un an—vous me tirerez d'embarras. J'en ai assez mainte-

nant. Von l'affaire «Advertiser» l'autre a répondu et nous le sommons maintenant de se nommer ¹⁾).

¹⁾ Поздравляю васъ: вы стали на годъ старше; это глупо, но такъ какъ всё такъ дѣлають — я не возражаю. Ну, вотъ еще разъ послушайте о дѣлѣ Н. ⁰⁾. Ни устно, ни письменно я не обвинялъ его ни въ чемъ, кромѣ переписки съ п.; я считаю это дурнымъ, безконечно дурнымъ, и даже, если онъ мнѣ докажетъ, что при этомъ онъ не сдѣлалъ ни одной подлости, то будетъ еще очень далеко отъ оправданія. Манера его защищаться была очень дерзка, не по отношенію ко мнѣ, но я былъ свидѣтелемъ. Я сказалъ Таузенау и повторяю, что передъ всякимъ свидѣтелемъ буду заявлять, что онъ, Н., сказалъ въ моемъ присутствіи, *что находится въ сношеніяхъ съ п.* Я предоставляю другимъ перевести это словомъ «шпіонъ», но фактъ имъ установленъ.

Не будь вмѣшательства Рейхеля и бѣдности самого Н., не будь слова, взятаго съ меня Рейхелемъ (и о которомъ онъ теперь пишетъ довольно легкомысленно), не будь жены, которая готовилась тогда родить, — я отдался бы еще больше, но у меня не было стремленія стать его обвинителемъ: я, въ сущности, полагалъ, что поведеніе Н. являлось скорѣе слѣдствіемъ слабохарактерности, а не преступленія, и я не думалъ тогда, что онъ не имѣетъ отношенія къ п.

Теперь другія лица, — и онъ это отлично знаетъ, черезъ Оппенгейма; онъ можетъ также узнать это черезъ Мюллера и другихъ, спросивъ у Тауз., — полагали, что могутъ утверждать, что эти отношенія были довольно послѣдовательны, а Тауз. заявляетъ, что видѣлъ квитанціи въ полученіи денегъ, подписанныя почеркомъ Н. Мое положеніе связаннаго словомъ, которое я далъ Рейхелю, становилось страннымъ, и, не говоря ничего противъ Н., я предоставлялъ Гаугу свободу дѣйствій. Гаугъ обвинилъ его прямо и съ силою, я же старался говорить съ совершеннымъ спокойствіемъ. Н. долженъ былъ подчиниться этому послѣдствію своего поведенія. Онъ объявилъ, что ни за кѣмъ не признаетъ права его судить. Именно это мы и дѣлаемъ — я больше не желаю его судить. Впрочемъ, я вамъ заявляю, что еще недавно говорилъ, что не вѣрю, будто онъ на кого-либо донесъ, но я не могу, по самому моему положенію (да и по совѣсти), оправдать человѣка, который поддерживалъ подобныя сношенія.

Теперь, дорогой Рейхель, мнѣ приходится искупать вашу вину, и вы до сихъ поръ упорно отказываетесь это понять; вы не должны были разглашать тайну нашего разговора, потому что именно вы просили меня ничего не говорить безъ другихъ данныхъ. Поэтому теперь вашимъ долгомъ должно быть избавленіе меня отъ новаго нападенія. Достаточно или нѣтъ. *если я заявлю, что не думалъ утверждать, что онъ на кого-нибудь доносилъ, но утверждаю, что у него были систематическія и денежныя сношенія съ полиціею?* И этого онъ самъ хочетъ. Онъ хочетъ обвинить меня въ томъ, что послѣ вашего отъѣзда я просилъ нѣкоторыхъ друзей (не политическихъ) достать ему работу, что я ему далъ нѣсколько фунтовъ, когда его жена приходила ко мнѣ и умоляла помочь деньгами, — и тогда-то я почему-то не торопился предать его весьма справедливому осужденію.

Предоставляю вамъ судить о такомъ образѣ дѣйствій! Почему онъ не

⁰⁾ Нидергуберъ.

Мих. Сем. жду и буду ждать, *идъ онъ хочетъ*, только прошу подробно написать; я приѣду въ Фолькстонъ или Дувръ, хотя и боюсь эдакъ развѣхаться, что было бы бѣда. Здѣсь есть у меня на примѣтѣ юноша, служащій въ моей типографіи и говорящій плохо по-русски, *но говорящій* ¹⁾; его я могу послать и на встрѣчу и проводить, и самъ могу все сдѣлать. А вы все продолжайте подробности. Если вы такъ видите вопросъ Ангельс., почему вы не поговорите съ нимъ? Сверхъ того, онъ былъ бы очень полезенъ для нашего дѣла. Я васъ уполномочиваю, только не говорите, что я это писалъ.

Сообщите Ог., что я всѣ письма получилъ, что Мар. Льв. въ Калифорніи,—ее видѣли въ С.-Франциско. Да, я, пожалуй, въ слѣдующемъ письмѣ приложу къ нимъ писульку. Прощайте. Мих. Сем. цѣлую. Что онъ говоритъ о Констан. Николаевичѣ? Кто говорилъ рѣчь о славянахъ на обѣдѣ? Знаютъ ли у насъ о моемъ письмѣ къ Мишле, о типографіи?..

690. Who is „F. M.“?

(To the Editor of «the Morning Advertiser»).

Sir, The defenders of Bakunin name themselves; his accuser continues to conceal himself behind initials which possibly may not be his own. We consign to the English public the care of judging of the delicacy of such a course.

To draw up in set terms, against a person detained on a political charge, an accusation as grave as that of being the agent of a despotic Government, without having conclusive proofs to proceed upon, is to place one's self in the position of a public and gratuitous defamer.

We know Bakunin; we are proud of being his friends, and we speak from a knowledge of circumstances; whereas «F. M.» endeavours to excite a feeling against him at the risk of rendering his position

обращается со своими претензіями къ Гаугу? И все это не случилось бы, если бы вы, дорогой маэстро, умѣли молчать: вы, какъ настоящій музыкантъ, слишкомъ звучны. Я же говорю только то, что хочу сказать,—Мари это отлично знаетъ. Я отнесся къ вашей просьбѣ слишкомъ серьезно. Но такъ какъ съ нынѣшняго дня вы стали старше на годъ, то вы выручите меня изъ затрудненій. Будетъ съ меня! — О дѣлѣ «Advertiser» — тотъ отвѣтилъ, и мы требуемъ теперь, чтобы онъ назвалъ себя.

¹⁾ Чернецкій, польскій эмигрантъ, метранпажъ и факторъ типографіи Герцена, потомъ почти до смерти его близкій къ нему лично и къ семьѣ.

worse. He says that the accomplices of Bakunin at Dresden have been put to death; while he, who was taken with arms in his hand, still lives. It is not true that Bakunin was taken with arms in his hand. He was arrested 12 miles from Dresden. The Prussians, who shot the combatans, only ruled at Dresden forthree days. Bakunin did not appear before the Prussian military tribunal, but before the Saxon tribunals, which have ast executed any one of his accomplices.

«But why has not Russia applied the knout to Bakunin?» «F. M.» asks himself who does not know that the Russian nobles are exempted from corporal punishment. And what has been the crime of Bakunin against Russia? His acts in Saxony and Austria are not, and cannot be, incriminated in Russia.

When individuals have the rooted ideas which «F. M.» entertains, it is not uscial to entertain the public with the fancy of suspicions. We invite him to retract his calumny against a man whose devotion to his political convictions has led him into this misfortune, and we remain, Sir, your obedient servants.

Ivan Golovine.

Alexander Herzen.

27-th august 1853.

P. S. Mazzini has requested us to add his signature to our last declaration.

Переводъ.

Кто „F. M.“?

(Издателю «The Morning Advertiser»).

Милостивый Государь, защитники Бакунина называютъ себя; его же обвинитель продолжаетъ скрыватья за инициалами, которые, возможно, и не принадлежать ему. Мы предоставляемъ англійской публикѣ самой судить о щекотливости такого приема.

Предъявить категорически противъ челоувѣка, арестованнаго по политическому дѣлу, такое серьезное обвиненіе, какъ служить агентомъ у деспотическаго правительства, и не имѣть на это рѣшительныхъ доказательствъ, значитъ поставить себя въ положеніе публичнаго и добровольнаго клеветника.

Мы знаемъ Бакунина. Мы гордимся его дружбой и говоримъ то, что знаемъ, въ то время, какъ «F. M.» старается возстановить противъ него; рискуя еще больше ухудшить его положеніе.

Онъ говоритъ, что соучастники Бакунина въ Дрезденѣ были казнены, въ то время, какъ Бакунинъ, взятый съ оружіемъ въ рукахъ, оставленъ въ живыхъ. Неправда, что Бакунинъ былъ взятъ съ оружіемъ. Онъ былъ арестованъ въ 12 миляхъ отъ Дрездена. Пруссаки, разстрѣливавшіе сражавшихся, хозяйничали въ Дрезденѣ всего три дня. Бакунина судилъ не прусскій военный судъ, а саксонскій, никого изъ соучастниковъ его не казнившій.

Но отчего Россія не примѣнила къ Бакунину кнута?—спрашиваетъ «F. M.», который не знаетъ, что русскіе дворяне освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. И въ чемъ состояло преступленіе Бакунина противъ Россіи? Его дѣла въ Саксоніи и Австріи не подлежали уголовной карѣ въ Россіи.

Личности, которыя, какъ «F. M.», охвачены какой-либо мыслью, обыкновенно не дѣлятся съ публикой своими фантастическими подозрѣніями. Мы приглашаемъ «F. M.» взять обратно свою клевету на человѣка, который терпитъ отъ преданности своимъ политическимъ убѣжденіямъ, и остаемся, Милостивый Государь, Вашими покорными слугами.

Иванъ Головинъ.

Александръ Герценъ.

27 августа 1853 г.

Р. S. Маццини просилъ насъ прибавить его подпись къ нашему прежнему заявленію. ¹

◆◆ 1. Полемика продолжалась, но уже безъ участія въ ней Герцена. Въ № «The Morning Advertiser» отъ 31 августа въ защиту Бакунина выступилъ Ар. Руге; 3 сентября помѣщена редакціонная замѣтка о Бакунинѣ и К. Марксѣ; 24 сентября въ передовой статьѣ злостные нападки на русскихъ революціонеровъ вообще и на Бакунина въ особенности, какъ агентовъ русскаго правительства. 26 сентября Alfred Richards выступилъ въ защиту Бакунина, а на слѣдующій день какой то А. В.—противъ; 3 октября ему отвѣчалъ А. Richards, сказавъ нѣсколько словъ о сочиненіи Герцена № 513. 6 октября «F. M.» продолжалъ отстаивать свое утвержденіе. Редакція тогда же заявила, что, склонная вѣрить защитникамъ чести Бакунина, прекращаетъ всякую о ней полемику. Кромѣ того, было нѣсколько замѣтокъ И. Г. Головина.

691. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

30 août (1853). Mardi.

Je ne repondrai pas aujourd'hui à votre lettre, mais il y a deux, trois petites choses que je dois relever. Premièrement je ne fais pas semblant de m'occuper de la Moldavie ou de Louis Napoléon—non, je m'entraîne très facilement et alors un intérêt très véritable (mais non profond, un intérêt sous cutané) s'empare de moi. Cette facilité d'entraînement et une grande mobilité et impressionabilité — c'est ce qui fait ma santé, ma restauration. Or donc ce n'est pas feint. Secondement les moments *activement* tristes comme celui de Wat. bridge sont très loin d'être fuyables, au contraire, j'ai honte qu'ils sont trop rares.

Chose étrange, je suis assez près de votre point de vue et pourtant il y a une différence. Non, l'amour, le bonheur, l'amitié, le dévouement ne sont pas des illusions, mais elles sont passagères et la vie aussi. J'ai été très *heureux*, j'ai eu la sereinité de laquelle vous parlez, je me sentais bien, à la maison dans ce monde, — en voilà assez, il n'y a pas de bien être chronique. Pour l'individu tout est fini. Non pour la race, non pour le milieu, et vous voyez *l'économie* de la nature, moi je reste force active, agissante.

Oui, nous parlerons encore de tout cela. Il faut entrer dans plus de détails. Vous ne connaissez les choses qui m'ont frappé qu'en gros. J'ai été blessé et reblessé dans les endroits les plus tendres, les plus saints—les cicatrices restent. Il y a une certaine pauvreté intérieure, un athéisme par rapport à la vie qu'on ne saurait surmonter.

La visite russe n'est pas encore celle de la dame en question, mais d'un artiste qui veut me voir, demain mercredi je recevrai la nouvelle positive, et s'il ne vient pas avant samedi je viendrai chez vous le jeudi ou le vendredi. Les lettres de la Russie sont bonnes (Je vous avoue que j'ai pleuré à chaudes larmes en les lisant). Je suis *en hausse* là-bas (voilà une preuve que ce qui est à faire se fait).

La polémique sur Bakounine continue, nous avons sommé l'accusateur de se nommer, et nous avons signé nos noms en envoyant nos adresses.

Pourquoi dites-vous que je ne veux pas venir. — Demain les enfants vont à Hampstead voir M-elle Herrmann.

Adieu.

Je vous écrirai concernant le départ.

Adieu.

Je voudrais beaucoup vous lire quelques manuscrits russes, des ébauches de nouvelles etc. qu'on a apporté de Genève. Cela serait un meilleur commentaire que beaucoup de récits.

*Переводъ.*¹

30 августа (1853). Вторникъ.

Я сегодня не буду отвѣчать на ваше письмо, но есть двѣ-три маленькія вещи, на которыя долженъ возразить сейчасъ же. Во-первыхъ, я не ограничиваюсь тѣмъ, что показываю лишь видъ, что занимаюсь Молдавіею или Людовикомъ-Наполеономъ; нѣтъ, я очень легко увлекаюсь, и тогда мною овладѣваетъ интересъ совершенно искренній (но не глубокій, интересъ «подкожный»). Эта способность увлекаться, большая подвижность и впечатлительность, это—то, что дѣлаетъ меня здоровымъ, что возстановляетъ мои силы. Слѣдовательно, это не притворно. Во-вторыхъ, моменты *дѣятельной* грусти, какъ, напримѣръ, на Ватерлооскомъ мосту, далеки отъ того, чтобы я считалъ ихъ *избѣгаемыми*,—наоборотъ, я стыжусь, что они слишкомъ рѣдки.

Странная вещь, я довольно близокъ къ вашей точкѣ зрѣнія, и, однако, есть отличіе. Нѣтъ, любовь, счастье, дружба, самоотверженная преданность—не иллюзіи, но они преходящи, какъ и сама жизнь. Я былъ очень *счастливъ*, я имѣлъ ту ясность, о которой вы говорите, чувствовалъ себя превосходно, какъ дома, на этомъ свѣтѣ,—ну, и достаточно, не можетъ же быть хроническаго благополучія. Для личности все кончается, но не для расы, не для общества, и вы видите, какова *экономія* въ природѣ; я же остаюсь силою дѣятельною и дѣйствующею.

Да обо всемъ этомъ мы еще поговоримъ, необходимо тогда войти въ подробности. Вы знаете о поразившихъ меня ударахъ лишь въ общемъ. Я былъ раненъ и, повторю, раненъ въ самыхъ нѣжныхъ, въ самыхъ святыхъ закоулкахъ души,—рубцы остались, есть нѣкоторая внутренняя скудность, какой-то атеизмъ относительно жизни, который не можешь побороть.

Ожидаемый мною русскій визитъ—еще не той дамы, о которой шла рѣчь¹⁾, а одного артиста, который хочетъ меня видѣть; завтра, въ среду я получу окончательное извѣстіе, и, если окажется, что его до субботы не будетъ, тогда я приѣду къ вамъ въ четвергъ или въ пятницу. Письма изъ Россіи хороши. (Я вамъ признаюсь, что при чтеніи ихъ заливался горячими слезами). Я тамъ

¹⁾ Н. А. Огарева (Тучкова).

въ повышеніи. (Вотъ доказательство, что то, что должно дѣлаться, и дѣлается).

Полемика о Бакунинѣ продолжается; мы потребовали, чтобы обвинитель назвалъ себя, и послали ему свои адреса, подписавъ подъ ними свои фамиліи.

Зачѣмъ вы пишете, будто я не хочу приѣхать? Завтра дѣти отправляются въ Hampstead къ г-жѣ Германъ.

Прощайте.

Я вамъ напишу относительно отъѣзда.

Прощайте.

Я очень хотѣлъ бы прочесть вамъ нѣсколько русскихъ рукописей, наброски повѣстей и пр., которыя привезли изъ Женевы. Это былъ бы лучшій комментарий, чѣмъ многіе устные рассказы.

◆◆ 1. Чтобы лучше познакомить читателя съ міровоззрѣніемъ Мейзенбургъ, приведу полностью ея письмо, по передачѣ его въ ея «Воспоминаніяхъ», на которое Герценъ и отвѣчалъ.

«Стоическое равнодушіе, до котораго вы доведены,—вы, одинъ изъ рѣдкихъ избранныхъ свободы, причиняетъ мнѣ боль. То, что вы говорите,—лишь одна сторона истины, и вы были бы совершенно правы, если бы жизнь дѣйствительно была игрою судьбы и случая, если бы мы рождались для того, чтобы имѣть подобія молодости, любви, красоты, ума, жестокія иллюзіи, послѣ которыхъ мы возвращались бы къ ничтожеству матеріи для того, чтобы изъ нашихъ атомовъ, въ свою очередь, рождались новыя подобія существованій. Вотъ къ чему приходитъ духъ отрицанія, экспериментальная наука, отчаившееся сердце. Передъ такими данными остается только одна альтернатива: самоубійство или пассивная, ироническая и любопытствующая покорность судьбѣ. Если бы жизнь была не что иное, какъ однообразная, непрерывно повторяющаяся игра существованій, слѣдующихъ одно за другимъ и порождающихъ одно другое, я ничего не сказала бы, потому что въ такомъ случаѣ рассказъ о вашемъ душевномъ состояніи былъ бы дѣйствительно только лирическимъ изліяніемъ. Предаваться ему было бы ни къ чему не ведущей слабостью. Но, къ счастью, оно не такъ; вѣчная поэзія жизни, высшій разумъ или, какъ бы вы это ни называли, возмущаются противъ такого сужденія; они выходятъ побѣдителями изъ анализа и изъ унынія. Послѣ такихъ писемъ, какъ ваше письмо, я всегда спрашиваю себя: не менѣе-ли васъ я радикальна, не остается ли во мнѣ что-нибудь изъ стараго догмата? Но, нѣтъ, ничего не щадя, я уничтожила свои иллюзіи, разорвала самыя дорогія связи, принесла въ жертву самыя пріятныя отношенія, устранила все, что

являлось препятствіемъ на моемъ пути къ свободѣ. И, однако, какъ ни горьки были моя борьба и моя печаль, я всегда находила вновь это единство жизни не какъ догматъ, а какъ очевидную истину. Нѣтъ, жизнь не есть простое возобновленіе безъ другой цѣли, кромѣ новизны, которая, наконецъ, перестала бы быть таковою. Очевидно, что индивидуумъ и его интеллектъ, связанные съ человѣческимъ организмомъ, исчезаютъ вмѣстѣ съ нимъ; но общее развитіе человѣческаго духа становится, нѣкоторымъ образомъ, конкретнымъ приобрѣтеніемъ; оно идетъ къ новому идеалу, къ лучшей жизни, пути къ которой были ему подготовлены. Я рада, что живу и увижу его торжество, хотя лично похоронила лучшіе часы моей жизни. Вотъ почему я такъ люблю быть съ дѣтьми: я вижу въ нихъ наслѣдниковъ этого плодотворнаго будущаго, они соберутъ жатву съ тѣхъ сѣмянъ, которымъ я желаю прорасти и взойти. Вотъ почему я была такъ рада сегодня вечеромъ книгѣ Мошешота; онъ также возвѣщаетъ часть новаго евангелія, къ которому готовится человѣчество: это трансформизмъ; я радуюсь безумію реакціи не изъ-за жалкаго удовольствія видѣть ея гнусность, а потому что предвижу прогрессъ человѣчества послѣ этого кризиса, который, какъ намъ кажется, разрушилъ всѣ наши надежды. Вѣрьте, такіе часы, какъ проведенные вами на Waterloo-Bridge, не что иное, какъ побѣда вашего разума и вашего поэтического чувства надъ вашимъ критическимъ умомъ, который хотѣлъ ихъ поработить!»

692. Письмо къ М. К. Рейхель.

Отъ 2 сентября (1853), 3 часа пополудни.

Завтрашній день, въ 9 часовъ утра, вслѣдствіе начальническихъ распоряженій вашего превосходительства, я по чугункѣ отправляюсь въ Фолькстонъ, въ половинѣ второго буду на морѣ и обѣдаю въ Фолькстонѣ съ Мих. Сем. Благодарю и васъ за него.

Получили ли вы посылочку?

Получили польскую цидулку въ прошломъ письмѣ?

Не посылаю Энгел. ¹⁾ экземпляръ (только вы дайте отъ себя).

¹⁾ Вмѣсто того вотъ вамъ обѣ статьи наши о Бакунинѣ ^{o)}. Показывайте ихъ и берегите. А господинъ ^{oo)} проглотилъ всѣ дерзости и не отвѣчаетъ.—А. И. Г.

^{o)} №№ 686 и 690.

^{oo)} «Ф. М.».

Здѣсь мнѣ бы только Мих. Сем. скрыть отъ Головина, а остальное сполагоря.

Смерть хочется его видѣть.

Ну, а Рейхелю поклонъ, дѣтямъ тоже отъ дѣтей же.

693. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

2 septembre (1853). Vendredi.

Enfin j'ai reçu les lettres que j'attendais—de bonnes lettres, même de très bonnes. Oui, au nord on ne m'a pas oublié, on n'a pas cessé de m'aimer. Cela me donne une véritable joie.

Je pars demain pour Folkstone, la visite chez vous sera retardée, car je veux absolument venir avec les enfants. Depuis la réolut. de 48, c'est le second individu que j'aurai l'occasion de voir, venant directement de là. Vous m'avez demandé concernant Malthus. Oui, c'était un économiste conséquent et qui avait assez de logique et de hardiesse pour dire «que les hommes ne sont pas tous invités au banquet de la vie».

De quelle plante parlez vous?—Il y a des Orchidées, des Nymphées...?

Adieu, tout à vous

A. Herzen.

Les enfants vous saluent.

Pardonnez moi cette tache, je n'ai pas le courage de transcrire la lettre.

Переводъ.

2 сентября (1853). Пятница.

Наконецъ, я получилъ письма, которыя ожидалъ — хорошія письма, даже очень хорошія. Да, на сѣверѣ меня не забыли, не перестали меня любить. Это доставляетъ мнѣ истинную радость.

Я отправляюсь завтра въ Фолькстонъ и запоздаю къ вамъ съ визитомъ, потому что хочу приѣхать непременно съ дѣтьми. Со времени революціи 48 это будетъ второй человѣкъ, котораго я буду имѣть случай видѣть приѣхавшимъ оттуда. Вы меня спросили относительно Мальтуса. Да, это былъ экономистъ послѣдовательный и который имѣлъ достаточно логики и смѣлости, чтобы сказать, что «не всѣ люди приглашены на жизненный пирь».

О какомъ растеніи вы говорите?—есть орхидеи, есть нимфейныя.

Прощайте, весь вашъ

А. Герценъ.

Дѣти вамъ кланяются¹⁾.

Простите мнѣ это пятно,—не хватаетъ мужества переписать письмо.

694. Письмо къ М. К. Рейхель.

$\frac{26 \text{ августа}}{6 \text{ сентября}}$ ²⁾ (1853).

London.

Зачѣмъ я сегодня пишу,—не знаю. И ничего не напишу, а такъ, будто легче будетъ. Мих. Сем. проводилъ, и какъ пошелъ одинъ по Лондонбриджъ, такъ стало сиротливо, страшно... И отчего это 26 августа?

Мнѣ кажется, что я въ лицѣ его простился съ Русью. Мы разошлись или развелись обстоятельствами такъ, что другъ друга не достанешь, и голосъ становится непонятенъ. Много пользы сдѣлалъ мнѣ Мих. Сем. Всѣ правды лучше лжей, чего бы ни стоили. Симпатія, можетъ, и будетъ въ будущемъ поколѣніи, а сердечная связь съ настоящимъ. Ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ въ Америку уѣхать? ³⁾

Да, міръ не свободный безпощадно пытается осмѣливающагося стать свободно... Я на пять лѣтъ старше съ 3 сентября ⁴⁾, но все еще бродитъ. Уѣхалъ М. въ 10¹/₂ утра на Булонь. Мы какъ-то ему неладно визировали пассъ,—не случилось ли чего? Дѣтямъ накупилъ игрушекъ.

Adio.

Среда.

Пришлите съ Чернецкимъ ⁵⁾, если есть что. Тата проситъ какую-то игрушку, кухню, что ли?

¹⁾ Дальше чернильное пятно.

²⁾ День именинъ Н. А.—ны.

³⁾ Совѣтъ Щепкина.

⁴⁾ День пріѣзда Щепкина къ Герцену.

⁵⁾ Поѣхалъ проводить Щепкина до Парижа.

695. Письмо къ М. К. Рейхель.

8 сентября 1853.

Посылаю вамъ обратно письмо къ Мих. Сем. и жду съ нетерпѣніемъ вѣсти о его приѣздѣ. Безпокоюсь я *только* потому, что онъ языка не знаетъ. Мнѣ, да и русскому священ., который видѣлъ его пасп., не пришло въ голову, что онъ въ Парижѣ-то не былъ визированъ въ префектурѣ (чего достаточно было бы за глаза). Это я открылъ вчера утромъ. Ну, Мих. не хотѣлъ ждать за этимъ 24 часа, вотъ я и побаиваюсь. Да, если онъ не приѣхалъ, такъ вы просто-напросто отправляйте Энг. въ Булонь. Провожатый его хорошъ, но все же не уладить дѣла.

Почему вы думаете, что вещи, писанныя мною, относятся рѣшительно и исключительно къ нашимъ друзьямъ? Онѣ всего болѣе относятся къ молодымъ людямъ. Взглядъ Мих. Сем., часто исполненный отчаянія, есть взглядъ нашихъ друзей. Они вышли изъ дѣятельности. Я многое принялъ изъ того, что онъ говорилъ, но это болѣзненное «сложь руки» я не могу ни похвалить, ни принять. Они слишкомъ близко видятъ подробности, имъ грубый гнетъ и глупая масса слишкомъ на плечахъ,—надобно же, хоть чтобъ кто-нибудь не покидалъ оружіе, особенно же (какъ самъ М. согласился потомъ), когда огромнѣйшіе элементы будущаго vor Handen ¹⁾).

Ну, а что же вы скажете объ гоголев. генералѣ и о помѣщикѣ-обжорѣ ²⁾? Я ночью одинъ хохоталъ, какъ безумный, до боли въ животѣ. Остальное—не того, но у нашихъ друзей это сдѣлалось религіей. Мих. Сем. не позволяетъ очень критиковать. Вчера ночью прочелъ я комедію «Не въ свои сани» ³⁾—безмѣрно плохо. Мысль порядочная, а живое лицо только и есть, что отецъ. Да и языкъ этотъ à la «Женитьба» надоѣлъ, какъ горькая рѣдька.

Мало, очень мало движенія у насъ, застой. Я многое жду отъ Тург. романа ⁴⁾).

Прощайте. Я пишу къ вамъ опять; это все оттого, что еще горячку порю.

1) Подъ руками.

2) Два разсказа Щепкина, пользовавшіеся большимъ успѣхомъ.

3) А. Н. Островскаго.

4) Вѣроятно, рѣчь о «Рудинѣ» (повѣсть), появившемся въ I и II кн. «Современника» 1856 г.

696. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

8 septembre (1853). Jeudi.
25, Euston Square.

Je commence à mon tour à m'inquiéter de votre silence et je présume que vous êtes mécontente de moi. J'ai été complètement absorbé par la visite d'un des hyperboréens. Jusqu'à présent la multitude des choses que j'ai entendu tourbillone dans ma tête et la fait tourner. J'aurai beaucoup à vous raconter. Hier le monsieur est parti, hier c'était aussi le jour de nom de Tata, jour extrêmement triste pour moi par des souvenirs qui s'y rattachent—et je me sentais encore une fois si seul, si seul.

Quand rentrez-vous? Notre visite dépendra maintenant du temps, mais il est temps pour vous de retourner. N'avez vous pas assez der Einsamkeit et de la mer. Elle est loin d'être belle et bleue comme la Méditerranée, je l'ai vue à Folkestone.

Adieu, je ne vous écris que pour expliquer mon silence et provoquer une réponse. Je vous serre la main.

Les enfants sont bien.

A. H.

Переводъ.

8 сентября (1853). Четвергъ.
25, Euston Square.

Я, въ свою очередь, начинаю беспокоиться вашимъ молчаніемъ и полагаю, что вы мною недовольны. Меня совершенно поглотилъ приѣздъ одного изъ гиперборейцевъ ¹⁾. До сихъ поръ роится въ головѣ то множество вещей, которыя я услышалъ—голова идетъ кругомъ...

Будетъ много, о чемъ вамъ поразсказать. Вчера этотъ господинъ уѣхалъ, вчера также были именины Таты,—день, чрезвычайно для меня тяжелый по воспоминаніямъ, съ нимъ связаннымъ,—и я еще разъ почувствовалъ себя такимъ одинокимъ, такимъ одинокимъ!

Когда вы вернетесь? Наше посѣщеніе будетъ зависѣть теперь лишь отъ погоды, но уже время ¹⁾ вамъ вернуться. Мало вамъ еще

¹⁾ М. С. Щепкинъ.

²⁾ Игра словъ: по-французски «время» и «погода» выражаются однимъ

одиночества и моря? Море здѣсь далеко не такое красивое и синее, какъ Средиземное,—я его видѣлъ въ Фолькстонѣ.

Прощайте. Я вамъ написалъ только для того, чтобы объяснить свое молчаніе и вызвать вашъ отвѣтъ. Жму вамъ руку.

Дѣти благополучны.

А. Г.

697. Письмо къ М. К. Рейхель.

16 сентября (1853), пятница.

Ваше письмо грустно. Знаете ли причину? Вы настолько вжились въ больную, но возбужденную среду нашу, что облако удушающей русской жизни, захваченное съ собой Мих. Сем., задавило въ васъ на мигъ все свѣтлое. Вотъ что было со мной дня четыре еще послѣ его отъѣзда. Самъ Мих. Сем.—лучшее доказательство, что это не въ самомъ дѣлѣ такъ,—нѣтъ, это атмосфера не Россіи, а московскихъ доктринеровъ, нашихъ состарѣвшихъ друзей... Вамъ больно, неловко; ахъ, Марья Каспаровна, неужели вы можете одну минуту подумать, что мнѣ не больно, не неловко? Но мой крестъ, который я несу съ дѣтства, это—безбоязненное принятіе всякой истины. Многого и переносить не осталось послѣ того, что потеряно, но нельзя не сознаться,—наши друзья представляютъ несчастное, застрадавшееся, затомившееся благородное поколѣніе, но не свѣжую силу, не надежду, не дѣтскій звонкій привѣтъ будущему. Я переписываю поэму Ог. ¹⁾ Давно ли вы ее перечитывали? Знаете ли вы, что это гениальное произведеніе? Вотъ наша Русь—родная, юная и сломанная, спустя рукава и подгулявши, но не понурая. Какъ вы думаете, если напечатать эту поэму подъ моимъ именемъ (sous reserve, т. е. включивъ письменную декларацию о причинѣ покражи)? Это головой выше всѣхъ публикацій моихъ.

Кстати, здѣсь всѣ въ восхищеніи отъ предисловія ко 2 изд. «Dévelop. des idées réolut.», я вамъ пришло,—переведите М. С. сальянтное ²⁾).

Чер., разумѣется, все доставилъ, за что получилъ отъ меня, сверхъ высочайшей благодарности, фракъ, жилетъ и невыразимые чернаго колера.

А здѣсь холера. Прощайте.

¹⁾ «Юморъ» Н. П. Огарева.

²⁾ Sale—по-итальянски соль, смыслъ, острота.

Писали ли вы въ Москву, что Мар. Львов. въ Калифорніи?

Не будете ли опять писать? напишите, что я жду и жду ¹⁾. Вы знаете, гдѣ живеть Убри? Пошлите-ка ему по экземпл. моихъ штукъ.

Дѣти опоздали.

А письмо есть.

698. Письмо къ М. К. Рейхель.

20 сентября (1853).

Видите ли вы, что я васъ знаю, моя милая жирондистка?

Да развѣ насъ здѣсь судьба пощадила? А я, помилуйте, битъ, битъ, да жизнь-то осталась, и порывъ, и прежнее. Вѣдь, я говорю *то*, что *они* говорили: развѣ основа всей дружбы нашей не именно то, что теперь отвергаютъ? Отвергаютъ отъ устали, отъ любви.— «И шей горшокъ, да самъ большой»—къ покою. Къ тому у нихъ предразсудокъ насчетъ бѣдности. Бѣдность знаютъ только здѣсь. А вы совершенно со мною согласны, но для поученія меня притворяетесь, но я-то слишкомъ васъ знаю. Дай Богъ, чтобъ двое мужчинъ такихъ нашлись, какъ вы,—и они бы что-нибудь да сдѣлали. Меня занимаетъ мысль: я печатаю теперь «Долгъ прежде всего» и разную дрянъ... Заглавіе: «Прерванные рассказы», это—волюмчикъ политическій. Позвольте всемилосердо вамъ посвятить съ двумя строчками? Или думаете, что это повредитъ вашимъ реляціямъ съ Русью? Прощайте. А въ Америку поѣдемъ.

Посылаю предисловіе ²⁾, оно здѣсь дѣлаеть фуроръ.

699. Письмо къ М. К. Рейхель.

29 сентября (1853), четвергъ.

Я къ вамъ давно не писалъ. Отчего? А Богъ знаетъ отчего. Вы меня спрашивали какъ-то, а я забылъ отвѣчать насчетъ портфеля съ портретами. У меня его нѣтъ и не было, онъ долженъ

¹⁾ Ждалъ Огаревыхъ. 26 августа 1853 г. Н. П. и Н. А. Тучкова (род. въ 1829 г.) были повѣнчаны въ Сергіевскомъ всей артиллеріи соборѣ, въ Спб.

²⁾ Ко второму изданію «Du développement etc.».

быть у васъ. Поищите. Второе—объ мантильѣ¹⁾; оставьте ее пока такъ: всѣ эти вещи хотѣлось бы мнѣ сохранить. Ихъ такъ мало. Ну, а посвященіе вамъ, все-таки, сдѣлано²⁾. Это вы, какъ новость, пишете, что у васъ есть уголокъ въ моемъ сердцѣ,—этакихъ новостей много; знаете ли вы, что меня зовутъ Александромъ, что я прежде жилъ въ Москвѣ... и т. д.? Я золъ и усталъ. Ну, подлинно, какъ Чаадаевъ говорилъ на Басманной, «слава не даромъ достается». Вотъ третья недѣля, какъ Головинъ снова запуталъ меня въ свои журнальныя перебранки. «Morn. Advertiser» печатаетъ всякій день, да уже просто по именамъ называетъ и дѣлаетъ такіе скотскіе вопросы, а Головинъ—скотскіе отвѣты³⁾. Я съ нимъ почти поссорился,—это такъ скучно, такъ скучно, тоже своего рода крестъ. Получилъ отъ Каппа и отъ Голынскаго оттиски изъ Нью-Йорка. Пожалуй, поѣдемте и туда, а покамѣстъ я хочу уѣхать, хоть въ Эдинбургъ или Дублинъ... отъ друзей. Я отдамъся Ник. Павл. и пойду въ Петропавл. крѣпость навѣки, наконецъ, отъ нихъ. Это будетъ самое забавное бѣгство. Но вотъ одного изъ друзей англійское правительство уничтожило: Гаугъ вчера получилъ мѣсто начальника экспедиціи и 2.500 ливровъ. Итакъ, черезъ полтора мѣсяца онъ плыветъ въ Австралію,—его съѣдятъ дикіе.

Что Мих. Сем? Нѣтъ ли чего изъ Россіи? Зовите Ог. Я дочиталъ его поэму,—ну, просто упадешь, такъ хорошо.

Въ Америкѣ въ «Review» нѣмецкомъ переведены Тургенева рассказы⁴⁾. Меня тоже тамъ съ симпатіей читаютъ. Русь занимаетъ всѣхъ, кромѣ нашихъ москвичей. Припадаю съ стопами вашимъ. У Таты на рукахъ чесотка. Откуда? Не могу понять.

30 сентября. Голова какъ-то не человѣчески болитъ.

У Таты русскій учитель нашелся.

700. Письмо къ М. К. Рейхель.

8 октября (1853), суббота.

Что же вы на новой квартирѣ или на старой? Свѣжаго русскаго ожидаю. Къ Мар. Ѳед.⁵⁾ письмецо на оборотѣ; такъ какъ она ѣдетъ съ Мих. Сем., то и я грѣшный приписалъ.

¹⁾ Н. А—ны; та самая, о которой говорится въ V ч. «Былого и думъ».

²⁾ См. № 719.

³⁾ Полемика, о которой сказано при № 690.

⁴⁾ Изъ «Записокъ охотника».

⁵⁾ Коршъ.

Итакъ, война. Здѣсь митинги противъ Ник. Сем. Что-то начинается походить на серьезное дѣло ¹⁾).

Мих. Сем. именно долженъ своимъ знакомымъ раздавать, говоря: «вѣдь, этакая мерзость, жаль, что печатается». А они изъ любопытства и прочтуть.

Волюмчикъ, вамъ посвященн., печатается, но ближе двухъ мѣсяцевъ не будетъ готовъ, прямо вамъ къ новому году. А я нашель, что вы уже en contrevention ²⁾ противъ русскаго правит., и нашель это въ англійскомъ текстѣ; гласить онъ такъ: «Art. 28. A female of the Grew Russ. religion cannot be married to a person of another relig. who is not a Russian subject, without the consent of the Emperog» ³⁾).

Ну, а, вѣдь, я думаю, что васъ, по французской совѣсти, не занимаетъ нисколько то, что англійскій капитанъ Макъ-Клюръ ⁴⁾ объѣхаль у полюса Америку. Понимаете ли, что теперь можно Сѣвернымъ моремъ изъ Атлантическаго океана ѣздить въ Беринговъ проливъ и въ Тихій океанъ? Эта новость, какъ всѣ англійскія, неказиста, а забориста.

За симъ прощайте.

Я пусть и глупъ сегодня.

701. Приписка къ М. К. Рейхель.

8 октября 53.
Лондонъ.

И я жму Вашу руку, молча, но горячо. Поцѣлуйте всѣхъ вашихъ.

¹⁾ 14 июня подписанъ былъ манифестъ о движеніи нашихъ войскъ въ придунайскія княжества противъ Турціи; 20 октября—другой, какъ слѣдствие полученнаго отъ Турціи объявленія войны; онъ заканчивался словами: «Ня, Господи, уповахомъ, да не постыдимся вовѣки».

²⁾ Нарушительница закона.

³⁾ Ст. 28. «Женщина, выросшая въ русской религии, не можетъ выйти замужъ за челоувѣка другой религии, если онъ не русскій подданный, иначе, какъ съ разрѣшеніи императора».

⁴⁾ Робертъ Жанъ ле Мезурье, шотландскій морякъ, открывшій сѣверо-западный путь моремъ вокругъ Сѣверной Америки.

702. Письмо къ Ж. Мишле.

13 octobre 1853.

Londres. 25, Euston Square.

Cher et vénérable ami,

J'ai été très heureux de recevoir votre bonne lettre du 13 septembre, d'autant plus qu'il me semblait que ma dernière lettre, écrite de Lucerne, vous a paru étrange; elle l'était en effet.

Ecrasé par une série de malheurs surhumains, je ne me rendais pas tout à fait compte de ce que je faisais alors. Entouré de cercueils, trahi, calomnié, j'ai suivi mon instinct. J'ai voulu porter devant notre tribunal à nous ma propre douleur. J'ai voulu démasquer toute la lâcheté, toute la perfidie d'un scélérat. J'ai voulu son anéantissement moral.

Je n'ai réussi qu'à demi. Mes amis m'ont noblement soutenu par leur sympathie, mais ils sont trop faibles encore pour défendre les leurs!

La foi dans la possibilité d'une pareille justice a été ma dernière illusion. Plein encore de mon idée fixe, j'ai pris la liberté de vous écrire, l'année passée, ma dernière lettre. J'ai cru voir une certaine indécision dans votre réponse. Mon Dieu, vous en avez tout le droit, vous m'avez si peu connu comme caractère. Pourtant, j'ai cru nécessaire de me taire pour quelque temps; votre dernière lettre rompt mon silence.

Il ne me reste au monde que mes enfants et mon travail. J'ai beaucoup travaillé cette année. J'ai organisé à mes propres frais une imprimerie russe, complète et qui fonctionne très bien. Depuis les matrices et les sept types jusqu'au prote ou compositeur, tout était difficile à avoir. J'ai réuni cette imprimerie avec celle de la centralisation polonaise en signe d'alliance et entente complète entre la Pologne révolutionnaire et nous autres.

J'ai ensuite écrit et publié deux brochures russes; nous imprimons maintenant un volume entier. C'est pour la première fois qu'il y a une imprimerie russe, libre et indépendante. Je vous enverrai quelques échantillons.

On est bien à Londres. J'ai appris à connaître l'Angleterre et, en général, la race anglo-saxonne, la race des faits, de la poésie pratique, de la liberté de jeûne (*sic*). Si j'osais le dire, je crois qu'un séjour d'une année ici aurait de beaucoup modifié votre opinion sur le peuple.

Nous entrons dans une nouvelle phase; les partis pâlisent, s'évanouissent, tout cela devient du passé. Hommes, idées, théories, drapeaux, desiderata, tout est usé et rien n'entrera, dans le *premier acte*, de ce qui agissait dans le *prologue*.

De grâce, veuillez m'excuser devant M. Préault; vous ne connaissez pas notre existence vagabonde, passant d'un pays dans un autre, laissant partout la moitié des livres, effets, etc. Je ferai mon possible pour trouver le dessin de M. Préault en Suisse; quoique je n'aie nullement abandonné l'idée d'ériger un monument; mais, cloué maintenant à l'Angleterre, il en faut différer l'exécution.

Je vous envoie la traduction d'un petit article en réponse aux Polonais, que j'ai fait, et quelques détails sur la pensée de l'imprimerie reproduits d'un journal anglais.

Il y a une seconde édition de ma brochure sur la Russie; je vous l'enverrai aussi; en attendant, recevez mes amitiés très sincères.

A. Herzen.

Переводъ.

13 октября 1853 г.
Лондонъ. 25, Euston Square.

Дорогой и уважаемый другъ.

Большой радостью было для меня получить ваше доброе письмо отъ 13 сентября ¹⁾, тѣмъ болѣе, что мое послѣднее письмо изъ Люцерна должно было показаться вамъ страннымъ; и оно, дѣйствительно, было таково.

Подавленный рядомъ несчастій, превышающихъ человѣческія силы, я не вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлалъ тогда. Окруженный гробами, жертва предательства и клеветы, я слѣдовалъ своему инстинкту. Я хотѣлъ передать на судъ нашей общины мое личное страданіе. Я хотѣлъ разоблачить всю низость, все вѣроломство изверга; я хотѣтъ морально уничтожить его.

Это удалось мнѣ только на половину. Мои друзья благородно поддержали меня своимъ участіемъ, но они еще слишкомъ слабы, чтобы защитить кого-нибудь изъ своей среды!

Вѣра въ возможность такого суда была моей послѣдней иллюзіей. Еще полный моей неотвязной мысли, я рѣшилъ написать вамъ въ прошломъ году свое послѣднее письмо. Въ вашемъ отвѣтѣ мнѣ послышалась нѣкоторая нерѣшительность. И что мудренаго? Вы такъ мало знали меня со стороны характера. Однако, я счелъ нуж-

¹⁾ Не сохранилось.

нымъ замолчать на время: ваше послѣднее письмо расторгаетъ мое молчаніе.

У меня остались на свѣтѣ только мои дѣти и мой трудъ. Я много работалъ этотъ годъ. Я устроилъ на собственный счетъ русскую типографію; она вполнѣ оборудована и работаетъ очень хорошо. Начиная отъ матрицъ и семи шрифтовъ и кончая факторомъ и наборщикомъ, все было трудно достать. Я соединилъ эту типографію съ типографіей польской централизаціи, въ знакъ союза и полнаго единенія революціонной Польши съ нами.

За тѣмъ я написалъ и издалъ двѣ брошюры по-русски ¹⁾, а теперь мы печатаемъ цѣлый томъ. До сихъ поръ еще ни разу не существовало свободной и независимой русской типографіи. Я пришлю вамъ нѣсколько образчиковъ.

Въ Лондонѣ жить хорошо. Я узналъ Англію и вообще англосаксонскую расу, — людей дѣла, практической поэзіи и постной свободы. Осмѣлюсь сказать: я думаю, что годъ, проведенный здѣсь, сильно измѣнилъ бы ваше мнѣніе объ этомъ народѣ.

Мы вступаемъ въ новый фазисъ: партіи блѣднѣютъ и выдыхаются, все это отходить въ прошлое. Люди, идеи, теоріи, знамена, стремленія, — все износилось, и изъ того, что дѣйствовало въ *прологѣ*, въ *первый актъ* не перейдетъ ничего.

Ради Бога, извините меня передъ г. Прео; вы не представляете себѣ нашего бродячаго существованія, какъ мы скитаемся изъ страны въ страну, оставляя всюду половину книгъ, вещей и пр. Я приложу всѣ старанія, чтобы отыскать въ Швейцаріи рисунокъ г. Прео, хотя вовсе не отказался отъ мысли воздвигнуть памятникъ; но, прикованный теперь къ Англіи, принужденъ отсрочить ея осуществленіе.

Посылаю вамъ переводъ небольшой моей статьи въ отвѣтъ полякамъ, ²⁾ и нѣкоторыя подробности о задачахъ типографіи, взятая изъ одной англійской газеты.

Моя брошюра о Россіи ³⁾ вышла вторымъ изданіемъ. Я ее также пришлю вамъ, а пока примите увѣреніе въ моей искренней дружбѣ.

А. Герценъ.

¹⁾ См. №№ 673 и 675.

²⁾ См. № 672.

³⁾ См. № 513.

703. Письмо къ М. К. Рейхель.

17 октября (1853), понедѣльникъ.

Новость, сообщенная вами, очень важна для меня, если только это не выдумка Львицкаго ¹⁾. Пусть хоть кто-нибудь изъ нашихъ будетъ не въ вѣчномъ аду всякаго рода несчастій ²⁾. Васъ я исключая,—ваша жизнь сложилась ясно и благородно.

Можетъ, они прїѣдутъ; мнѣ очень хотѣлось бы, чтобъ вы сблизились *очень*. Тамъ, что ни говори, а у меня, кромѣ Ог. и васъ, дѣятельно близкихъ и *возможныхъ* никого нѣтъ. Какъ же вамъ не быть между собою истинно связанными.

Послѣ отъѣзда Гауга я хочу пересоздать всю жизнь. Во-первыхъ, хочу я испытать и взять къ намъ M-selle Meisenbug. Она необыкновенно умна и очень образована,—мы съ ней говорили. Это—опытъ. Для Таты Марихенъ уже бѣдна, но M—g можетъ заниматься долею и съ Сашей. (Она пребезобразная собой и 36 лѣтъ). Я вамъ не писалъ еще ничего о письмѣ Мих. Сем. Я не думаю, чтобъ вы дѣлили его взглядъ,—это благородная, теплая, но надломленная рабствомъ натура. Для него еще и рѣчь свободная кажется дерзостью. Положимъ, что человѣкъ и ошибается, но гдѣ же преступленіе? Непривычка къ свободной рѣчи увеличиваетъ въ ихъ глазахъ опасность. Жаль, если эти мнѣнія могли имѣть вліяніе на васъ; это—мнѣнія византійскія du découragement, de l'abattement ³⁾.¹ Видите ли вы ясно передъ глазами, что страшное столкновение Руси съ Нѣмчиной неминуемо? Положимъ, что и на этотъ разъ арміи разойдутся,—это, вѣдь, на годъ. Англія готовится, съ ней шутить нельзя. У англичанъ какая-то поэтическая фантазія въ этихъ дѣлахъ, и здѣсь въ правительствѣ поговариваютъ не о спасеніи Турціи, а о новомъ славяно-греческомъ государствѣ, свободномъ, разумѣется, подъ англійскимъ вліяніемъ. Что вы думаете, такого орѣха Ник. Сем. не раскусить. А намъ все сложа руки сидѣть и (я упрекалъ въ глаза Мих. Сем.) защищать Гоголя передъ Дубельтомъ, какъ будто это не значитъ обвинять его передъ нами ⁴⁾.

¹⁾ Сергѣй Львовичъ Львовъ-Львицкій, или, какъ онъ себя переименовалъ, Левицкій, тогда уже фотографъ.

²⁾ Львицкій сообщилъ о женитьбѣ Огарева на Тучковой.

³⁾ Упадокъ силъ тѣлесныхъ и душевныхъ.

⁴⁾ Весною 1853 г. мать умершаго Гоголя просила вел. кн. Константина Николаевича ходатайствовать объ изданіи всѣхъ сочиненій сына. Великій

Еслибъ у меня было теперь два-три сотрудника, я удесятерилъ бы пропаганду: теперь самое время русской рѣчи. Мнѣ ужасно мѣшаетъ Головинъ да и всѣ остальные никуда не годятся. А раскается еще Энгельсонъ въ томъ, что такъ теряетъ время.

Прощайте.

Саз., которому я писалъ, что не хочу съ нимъ имѣть никакихъ сношеній, опять просить денегъ. Каковъ лобъ!

А прогос, а что же Мельгуновъ и наши капиталы?

А что портфель съ портретами?

◆◆ 1. Вернувшись въ Парижъ, Щепкинъ былъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ того новаго Герцена, какимъ сталъ тогда его московскій другъ... На слѣдующій же день и не позднѣе 10 октября онъ написалъ Герцену письмо, очень важное, какъ иллюстрація разницы мировоззрѣній лондонскаго пропагандиста съ московскими друзьями. Привожу его полностью, исправивъ орфографію и пунктуацию:

«Неужели я 65 лѣтъ прожилъ даромъ и, изучая людей, я совершенно ничему не научился? это старое сердце, сочувствовавшее всему прекрасному, неужели совершенно очерствѣло, огрубѣло до такой степени, что никакая добрая мысль не расшевелитъ его? грустно, грустно, грустно. Всѣ брошюрки ваши, исполненные ума, остроты и блестящимъ наборомъ словъ, не произвели во мнѣ ничего, и я въ нихъ ничего не нашелъ другого, какъ только слова и слова. Начиная съ самыхъ названій, упрекъ, что мы не помогли полякамъ возстановить своего королевства, другими словами, что мы не помогли имъ бить себя, ибо безъ этого нельзя было возстановить,—такъ страненъ, что вы сами лучше меня можете разрѣшить его; да и какъ смѣшивать дѣло челоуѣчества и дѣло политики? Да и лучше ли было для народа въ польскомъ королевствѣ?—помни: для народа; ты же самъ говоришь, что они наказаны за то зло, которое терпѣлъ отъ нихъ народъ,—и выходитъ въ результатѣ игра въ слова. «Юрьевъ день» еще страннѣе: ты знаешь Россію, все ея политическое устройство, и вдругъ взываешь къ тому

князь обратился къ шефу жандармовъ, прося его «повергнуть дѣло воззрѣнію Государя Императора на случай, не соизволитъ ли Е. И. В. поручить статсъ-секретарю бар. Корфу пересмотрѣть всѣ сочиненія Гоголя для разрѣшенія напечатать оныя». Друзья хлопотали негласно передъ Дубельтомъ. 2 іюня кн. Орловъ отвѣтилъ вел. князю, что государь «не находитъ нужнымъ дѣлать для цензуры сочиненій Гоголя какихъ-либо исключеній изъ общаго порядка». Сочиненія были направлены въ московскій цензурный комитетъ (моя книга «Николаевскіе жандармы и литература 1826—55 гг.», 220—222).

классу на святое дѣло, который не хочетъ этого и не можетъ, потому что это связано съ его жизненными интересами, и въ жару краснорѣчія говоришь, что это—шагъ къ освобожденію ихъ отъ рабства, то есть ты взываешь къ тѣмъ, которые не хотятъ и не могутъ уничтожить крѣпостного состоянія; а тотъ, кто можетъ и хочетъ этого, по твоимъ фразамъ, долженъ изъ осторожности не соглашаться на это, потому что ты самъ ему указываешь, что это шагъ къ разрушенію всего? Можно ли до такой степени заиграться въ слова, чтобы самому не видать этого? и это, по-твоему, есть выраженіе любви къ Россіи? Величайшій врагъ не написалъ бы этого, и все это пересыпано ѣдкими фразами. Неужели человѣку слово дано только для того, чтобы изрыгать безъ пользы колкости? Нельзя ли употребить его благороднѣе и полезнѣе? А къ тому же ты самъ знаешь по опыту, что рабы еще не хотятъ быть свободными. Съ чего напала на тебя человѣческая гордость дѣлать ихъ свободными противъ ихъ воли, быть, такъ сказать, творцомъ ихъ счастья, другими словами, быть двигателемъ исторіи? Исторіи не подвинешь, она идетъ по своимъ невѣдомымъ человѣку законамъ. Прошедшее передъ тобой; вы можете возмутить не мыслящую массу, можете взволновать, и въ этой мутной водѣ люди съ вопросами могутъ изловить кое-что для себя, а исторія пойдетъ своимъ путемъ и народъ безъ нравственнаго развитія останется всегда народомъ.

«Что же касается до равенства, то на это можетъ тебѣ служить отвѣтомъ вся природа: въ ней нѣтъ ни въ чемъ равенства, а между тѣмъ все въ полной гармоніи. Оставьте міръ расти по своимъ естественнымъ законамъ и помогайте его росту развитіемъ въ человѣкѣ нравственнаго чувства, сѣйте мысль, но не поливайте кровью.

«Представьте, что вопросы ваши есть слѣдствіе заблужденія, и повѣрьте, что у многихъ (я тебя исключаю) человѣчество только предлогъ, и все дѣло въ своихъ убѣжденіяхъ, для которыхъ вы готовы это любимое человѣчество облить кровью и предать огню и мечу; это совершенно новая любовь; но изъ своего «я», изъ своей гордости вы будете упрямитесь, а для поддержанія своихъ нечувствуемыхъ вами ошибокъ, будете возмущать, будете лить кровь любимаго вами человѣчества, а отвѣтомъ вашимъ вопросамъ, все-таки, будетъ прошедшая всемірная исторія. Чѣмъ вы тогда искупите ваши ошибки? Вы скажете, что и прежде люди ошибались; но дурной примѣръ не есть примѣръ. Конечно, изъ ложнаго понятія о чести вамъ трудно отказаться отъ своихъ ошибокъ, но въ этомъ-то и состоитъ достоинство человѣка, чтобы съ благородной

гордостью сознаться въ нихъ. И притомъ неужели всѣ миллионы на всемъ земномъ шарѣ глупы, а только мы, избравшіе сами себя въ руководители цѣлаго міра, только мы—полное совершенство и потому имѣемъ право учить весь міръ? Не слишкомъ ли самолюбиво? Ежели гордость не совсѣмъ овладѣла нами, посмотримъ, нѣтъ ли въ насъ какихъ-либо человѣческихъ недостатковъ, и ежели они точно есть, то начнемъ уроки съ себя; можетъ быть, уроки принесутъ большую пользу, и съ исправленіемъ нашихъ собственныхъ недостатковъ не измѣнится ли и взглядъ нашъ на многія вещи; можетъ быть, исчезнетъ желаніе двигать міръ по своему произволу, а предоставимъ все естественному порядку, а, съ своей стороны, будемъ полезны человѣчеству по нашимъ силамъ,—будемъ сѣять мысль для нравственнаго состоянія человѣка и поддерживать ее примѣромъ. Не хватить силъ для всего человѣчества,—будемъ полезны тѣмъ, насколько насъ хватить, возрастимъ въ нихъ ту же мысль, братскую любовь ко всему человѣчеству; въ дѣйствительной жизни фактъ сильнѣе словъ. Будемъ же дѣлать то, что по силамъ, нежели щеголять фразами только о томъ, что производитъ время; этимъ мы исполнимъ святой и истинный долгъ человѣка и принесемъ гораздо болѣе пользы всему человѣчеству, потому что, вѣрь, еще повторю: примѣръ сильнѣе слова. Конечно, тутъ нѣтъ ни волненія, ни крови, но, по-моему, тутъ-то и кроется чистая братская любовь.

«Не могу высказать тебѣ всего, что у меня на душѣ; ты знаешь,—я не ученый, да, я не ученый, а скажу съ гордостью, что по силамъ я исполнилъ человѣческой долгъ, живя трудомъ; былъ ближнему полезенъ, насколько хватило силъ, и дѣломъ, и словомъ.

«Если не сдѣлалъ больше, то или по неразумѣнію или не могъ больше, а въ сердцѣ моемъ неисчерпаемый источникъ для любви къ человѣку. Вотъ почему я и снисходителенъ къ недостаткамъ человѣка и, если бываю строгъ, то только къ себѣ. Можетъ быть, скажете, что этого недостаточно, но, по крайней мѣрѣ, я не дѣлаю этимъ ближнему для мечтательнаго блага настоящаго зла.

«Право, прочь всѣ вопросы, вырви себя изъ этой волны, хоть года на два за дѣло, уѣзжай въ Америку или какую другую страну; вездѣ можно быть человѣкомъ, не истощаясь въ бесполезныхъ островахъ и щегольскихъ фразахъ. Вспомни, ты отецъ: очищая дѣтямъ будущую дорогу жизни, изъ своихъ жизненныхъ ошибокъ укажи имъ только одно: быть человѣкомъ, да не мечтательными фразами, а дѣломъ, и повѣрь, что остальное пойдетъ своимъ путемъ. Если же и послѣ этого опыта ты останешься съ тѣми же вопросами, тогда иди, куда тебя ведетъ судьба.

«Прощай! Надо, чтобы душа моя сильно страдала, чтобы я рѣшился такъ много наболтать. Что дѣлать, это—порокъ старости. Можетъ быть, тутъ нѣтъ логическаго порядка мыслей, зато нѣтъ строки, которая бы не была облита горькими слезами. Конечно, это тоже слабость; но что же дѣлать, я не могу сухо любить человѣка и, не взирая на разность убѣждений, я не умѣю переставать любить. Отвѣта не нужно. Я знаю, у тебя много логики и потому ты знаешь, что это будетъ неравный бой, и потому это будетъ не честно; въ любви къ человѣку я бы поборолся съ тобой и тогда, Богъ знаетъ, чья бы взяла; безъ отвѣта у меня останется надежда, что ты примиришься самъ съ собой и найдешь въ семьѣ своей хотя часть утраченнаго блага; что дѣлать,—утратили большее, будемъ довольны малымъ.

«Обнимаю тебя и, можетъ быть, въ послѣдній разъ, а ты обними за меня дѣтей своихъ и вмѣстѣ съ ними вспоминай иногда о старикѣ».

Письмо это было послано черезъ М. К. Рейхель, которая отъ себя замѣтила: «Мнѣ больно посылать вамъ это письмо, но вы знаете, что оно писано, любя васъ, да и, наконецъ, что же мнѣ дѣлать, какъ не послать».

Съ дороги въ Россію, 19 октября, Щепкинъ тепло благодарилъ М. К. за вниманіе и гостепріимство и прибавилъ: «Поклонитесь за море и скажите ему: Богъ съ нимъ» (Румянцовскій музей; напечатано Ч. Вѣтринскимъ въ VIII кн. «Минув. Годовъ» 1913 г.).

704. Письмо къ М. К. Рейхель.

22 октября¹⁾ 1853.
3 ноября
Лондонъ.

Беру изъ оставшихся траурныхъ листовъ, чтобъ написать вамъ нѣсколько словъ въ этотъ день...

Я перечиталъ нѣкоторыя письма... Время и эгоизмъ все лѣчатъ. Но жизнь моя глупа, неустроена, а ужъ и не предвидится, чѣмъ поправить, какъ измѣнить.

Я былъ боленъ съ воскресенья, а всего хуже то, что самъ виноватъ: я въ началѣ осени надѣлъ фланель, а недѣлю тому назадъ снялъ ее и простудился; ужъ думалъ, не холера ли; и такая слабость сдѣлалась. Однако, лауданумъ и ипеакауана справили дѣло.

¹⁾ День рожденія Н. А—ны.

А лежа ночью больной, я думалъ: умри я,—вѣдь, опять, кромѣ васъ, никого. Дѣтей къ вамъ, а потомъ ихъ въ Россію,—какъ вы лучше придумаете. Рейхель боялся опеки съ другими; ну, гдѣ же эти другіе? Это была учтивость... *alles ist wahr* ¹⁾, и остается Фогтъ, какъ швейцарецъ и душеприказчикъ, и Рейхель, какъ опекунъ.

Говорилъ я ужъ объ этомъ и съ М. Мейзенбургъ (она переѣзжаетъ въ субботу). Насколько я ее знаю, она очень хороша и мнѣ хотѣлось бы для Таты, чтобы она осталась съ ней, въ случаѣ т. е. кондрашки,—такъ вы и это припомните.

Ждалъ, было, отъ васъ письмо: вы меня такъ избаловали, хотъ брось.

Прощайте. Повѣсти печатаются. Посвященіе: «Маріи Р.»,—вотъ и не компрометирую. Р.—Ртищева, Ротчева, Ротшильдъ. Написалъ я къ имени нѣсколько строкъ ²⁾.

Мих. Сем. опять скажетъ: «слова, слова». Да, слова, но мнѣ хотѣлось сказать вамъ публично эти слова, потому что они у меня глубоко въ сердцѣ... Все слова, и ложь—слово, и правда—слово. «Дѣло въ томъ» (какъ говоритъ самъ Мих. Сем.), что мы стали говорить *на разныхъ нарѣчіяхъ*. Чѣмъ и чѣмъ вы не были для меня,—нынѣ приходится быть переводчикомъ между москвичами и мной.

705. Письмо къ М. К. Рейхель.

Вторникъ, 25 окт. (1853).

А русскаго учителя нашли въ Воборнскомъ переулкѣ; у приходскаго с. Панкрасьевскаго священника въ домѣ каморку нанимаетъ и зовутъ его больше Савичъ, по имени Иванъ, а по бабюшкѣ Ивановъ, и лѣтами онъ не старъ, да и не молодъ, и умомъ не глупъ, да и не Соллогубъ ³⁾. И служилъ онъ въ лейбъ-гвардіи Павловскомъ полку офицеромъ и эмигрировалъ отъ страху. Ну, вотъ вамъ всѣ подробности. Душился онъ прежде пачулями, такъ я его убѣдительно просилъ замѣнить апельсиновымъ сокомъ или донникомъ,—согласился. На-дняхъ переѣзжаетъ Мейзенбургъ. Тату она очень любитъ. Весь вопросъ—имѣетъ ли талантъ и терпѣніе учить. А образованія удивительнаго,—мало мужчинъ такъ образо-

¹⁾ Все истинно.

²⁾ См. № 719.

³⁾ Гр. Владиміръ Александровичъ Соллогубъ.

ванныхъ. Она дочь нѣмецкаго аристократа и братъ ея посолъ. Она давно уже покинула родныхъ, и изъ Берлина была выслана полиціей. По-англійски говоритъ, какъ англичанка, и вообще женщина свободная. Мы съ ней толковали долго, и она переѣзжаетъ *вз видѣ* опыта. А Ог. я все жду, и, въ самомъ дѣлѣ, это, кажется, мое единственное желаніе личное.

Пишете вы въ прошломъ письмѣ о крови... Это все Мих. Сем. вамъ натолковалъ. Вотъ Ник. Сем. теперь польетъ кровь,—за что погибнуть люди? Въ нашей пропагандѣ ничего нѣтъ вреднаго для здоровья,—иной разъ, можетъ, случится бѣда... Ну, а съ Грановскимъ случилась холера. Какъ вы разсудили бы, что лучше: погибнуть отъ холеры или быть послану въ Вятку?

Оставайтесь вы тѣмъ, что вы есть,—vous êtes le seul homme énergique, parmi ces bonnes femmes du sexe masculin ¹⁾). Если интересно, то прочтите приложенное письмо.

¹⁾ Вы единственный энергичный человѣкъ среди этихъ добрыхъ бабъ мужескаго рода.

706. RUSSIAN SERFDOM.

(First Article).

«The emancipation of all the oppressed and suffering is the vocation of the century».—

Gervinus.

The time has come when *Russian Serfdom* should be made, if not an European, at least an English question. London, which has become the permanent oecumenical seat of council for all movements of liberty, emancipation, progression, can scarcely remain indifferent to such a question as that of White Slavery in Russia ¹⁾.

White Slavery in Russia has been too little attacked: perhaps because it has not been defended with the fierce tenacity of Transatlantic slaveholders. For it is to be remarked, that although many of the rich landholders in Russia passionately desire the maintenance of serfdom, no one is found to justify the institution — no one to undertake its defence: not even the Government.

It is nevertheless a question of capital importance. Indeed, the whole *Russian Question*, for the present at least, may be said to be

¹⁾ At the moment when all England was displaying a profound and active sympathy for the slaves in the Southern States of North America, incited thereto by the great work of Mrs. Beecher Stowe, no one seemed to remember that nearer to England, across the Baltic, is an entire population the *legal* property of a batch of seigneurs; a population not of 3.000.000 but of 20 000.000! A friend of mine proposed to publish a pamphlet to remind English charity of this fact. But his pamphlet was never published. I have taken it up and added a few general considerations, which however insufficient in themselves, may, I trust, contribute to throw some light on the melancholy subject.—A. H.

included in that of Serfdom. Russia cannot make a step in advance until she has abolished slavery. The serfdom of the Russian peasant is the servitude of the Russian Empire.

The political and social existence of Western Europe formerly was concentrated in *châteaux* and in cities. It was essentially an aristocratic or municipal existence. The peasant remained outside of the movement. The Revolution took little thought of him. The sale of national property had no effect upon his condition, except to create a limited provincial bourgeoisie. The serf knew well enough that the land did not belong to him: he only looked for a personal and negative emancipation: an emancipation of the labourer. In Russia the reverse is the case.

The original organization of that agricultural and communistic people was essentially democratic. There were no *châteaux*, very few towns, and those few nothing but large villages. No distinction existed between the peasant and the citizen. The rural *commune*, as it still exists, is the exact image of the great *communes* of Novogrod, Pskow, Kioff. Muscovite centralization, indeed, destroyed the autonomy of the towns: but the humble word *commune* preserved its self-government, its trial by jury, its justices of the peace, till after the reign of Ivan the Terrible: that is to say, till the XVII th century.

The soil was not as yet the subject of individual property: each rural commune held its allotment of land. Each of its members had the right to cultivate a portion of that holding, and each appropriated in effect the fruits of his own labour. Such is still the tenure of thirty million of peasants, *de la couronne* as they are called. Land, water, and woods were equally unrestricted by any fental rights: fishing, hunting, and the navigation of rivers, were completely free. Moreover, the members of *any commune* could leave it and be admitted into another, or settle in the towns. The land was the basis of taxation; but the quality was considered; thus it was differently taxed on either side of the Oka and the Volga.

The condition of the peasants of the Crown has little changed. The Government, far from comprehending the wisdom of the old institutions, instituted for the land-tax a uniform capitation tax, in its very essence profoundly unjust. In some localities the peasants inhabited a domain belonging to a private person. The session of the soil was made not to each peasant individually, but to the body (*l'ensemble*) of the cultivators, to the *commune*, on the condition of cultivating it at half profits, or of supporting some other charge or service. The non-proprietary *communes* were besides organized like all the rest, and the peasant abandoned them at his own discretion.

It should not be forgotten that the proprietor of this soil thus

farmed (*loué*) had absolutely nothing in common with the *seigneur* of Western nations. In fact he was nothing but a peasant like the vest, a peasant who had got rich, or who had served the brown.

Russia had never preserved an organized aristocracy: it was much less an institution than a *customary* fact, (*fait coutumier*) vague and undetermined in character. The few Norman families who accompanied Rurick in the 10 th century to Novogrod, were in less than a century after completely absorbed. The Boyards who surrounded the Grand Prince and the appanaged Princes, were almost all soldiers of fortune, who had achieved their titles by personal claims, and did not hand them down to their children.

There was no conquering race, and therefore there could be no real aristocracy. But a purely artificial aristocracy was in course of formation; a mongrel, heterogenous aristocracy, destitute of any legal basis.

The appanaged Princes, mediatized in the XVI th century, and their descendants, formed the first nucleus of this *quasi*-aristocracy; then came the Tartar Mirzas; then adventurers from all the countries of Europe, Poles, Servians, Germans, Swedes, Italians, Greeks. The Boyards and other dignitaries finally surrendered their hereditary titles.

Serfdom was established, step by step, at the commencement of the XVII th century, and attained its development under the «philosophical» reign of Catherine II. This seems inconceivable, and it will take many years to make Europe comprehend the course of Russian serfdom. Its origin and its development form so extravagant and unparalleled a history, that they almost defy belief.

For ourselves, indeed, the monstros and chaotic disorder of the régime to which we are accustomed from our birth, alone explains the phenomenon. In this institution, as in many others in Russia, there is an indefinable, indeterminate vagueness and looseness, an amalgam of customs not written and not practised; and this strange incoherence it is, perhaps, which renders them less intolerable and more intelligible.

How, indeed, is it possible to believe that onehalf of a population of the same race, endowed with rare physical and intellectual faculties, should be reduced to slavery, not by war, not by conquest, not by revolution, but by a series of special *ordonnances*, by immoral concessions, by abominable pretensions?

Yet this is the fact; and a fact accomplished scarcely a century and a-half ago.

On his very countenance the Russian peasant bears the evidence of this strange anomaly of recent growth.

He has nothing (it is the observation of Custine, Haxthausen, Blazius, and all Russian travellers) of a slave in his features, but only an expression of profound dejection. He is, in truth, unheppy, and knows not his own identity in the strange position to which he is reduced. He has been caught unawares in the toils of the bureaucracy; driven by a blind government, at the crack of the knout, into the ambush laid for him by the *seigneurs*.

From time immemorial he has settled without fear on the seigneurial lands; he never drew a contract; nay, his master was as incapable of drawing a contract as himself. Is this day he never draws a contract with his equals. All his agreements are transacted by a shake of the hand and a glass of brandy, and the act is as binding as if it passed under the seal of a notary. Just in this way companies of carriers used to transport merchandise from the frontiers of China to Nijni, without even a way-bill of the goods.

Deprived of means, destitute of organization, the old Muscovite administration scarcely ever reached the peasant; all it looked to was, that the taxes were more or less regularly paid, and its power not disputed. The peasant lived peaceably enough under the shelter of that charter given him by Nature in Russia — protected by the impassable morasses, by the impenetrable and roadless mud. The State cared nothing for the peasant, or the peasant for the State. While he was dragging on this tranquil and reckless existence, an usurping Tzar, Boris Godounoff, and a few petty seigneurs, seduced by the example of the German *chevaliers*, who had introduced a cruel serfdom into their Baltic possessions about the end of the sixteenth century, fastened on the *commune* fetters drawn more tight from day to day. First, the right of passing from one *commune* to another was limited: it could only be exercised on one day in the year, on St. George's day (*Youri*). Some time after, the privilege of that single day was abolished, without, however, as yet putting the personal rights of those cultivators of the land in question. Finally came a grand master, Peter the Great: he rivetted the chain by a clasp formed *à l'Allemande*.

Employés of the State, fresh shaved, bearing the titles of *landrath*, *landfiscal*, and I know not what other Swedish or German designations, scoured the villages, ridiculously costumed, publishing everywhere an edict, written in a balderdash of mangled Russian. These functionaries proceeded to a census; then they gnoe notice «that the dwellers on the seigneurial domains would be *adscribed* to the land and to the *seigneur*, if within a given delay they did not protest». The advent of these strangers in bizarre dresses had perhaps thrown the peasants into a state of vague apprehension: they were quite glad to see them

go away without having done more harm! They had no notion of what was being said and done by those harmless visitors. Not only had the people no notion of what was going on, but the Government itself knew nothing, and to this day is utterly blind to what it has done, and to what it maintains.

Neither Peter the First, nor his successors, nor his predecessors—in short, no one has ever explained what these words mean—«to be adscribed (*fermes*) to the land and to the lord».

«I am quite sure», wrote the Emperor Alexander with his own hand, «that the sale of serfs, *without that of the land*, has been long forbidden by the law».

He then asked the Council of State by virtue of what regulations peasants were sold *individually*? The Council of State, knowing no law which authorized a sale of the kind, referred to the Senate. In vain were the archives of that corps searched for precedents: not a scrap could be found approaching to such an authorization; but ordinances and laws in a contrary sense abounded. In aukase of Peter the First addressed to the Senate, the Tzar is indignant «that men should be sold in Russia like cattle»; and he ordains «the preparation of a law prohibiting such a traffic, and prohibiting in general the sale of men *without the land—if possible*». The Senate did nothing. A century later, it did worse than nothing. Too deeply interested in the maintenance of this trafic of human flesh, it resuscitated a tariff of registration (*tarif de l'enregistrement*), dating so far back as the reign of the Empress Anne. This tariff maintained, among ether things, that the duties were to be paid on the sale of men *on the land (dans la terre)*. The Council of State, after long debates, acknowledged that this tariff was not a legal basis for their sales; drew up a new law, corrected and re-corrected it, and finally sent it up to the Minister of the Interior. *This took place at the time of the Congress of Verona.*

Council of State, Minister, Emperor, not a soul has ever breathed a word of it since.

This precious history is related to no by Nicholas Turgenieff. The author was then Secretary of State, and took part in drawing up the project of law in question. He terminates the recital by an anecdote profoundly sad in its significance. The President of the Council, Count Katshubey, a man of that profoundly cynical humour which experience often brings with the loss of illusions, approaching M. Turgenieff after the sitting, said to him with a smile, half of bitterness, half of raillery:—«Only imagine, the Emperor is persuaded that for the last twenty years men have been no longer sold *in retail*».

This anecdote makes one's blood boil.

The Emperor Nicholas introduced some restrictions to this sale of men. But he, too, unhappily did more harm in trying to do some good. Such is the result of half-measures and of arbitrary acts. The law in forbidding the noble who has no land to buy serfs, implicitly recognises the right of buying serfs in the noble who does possess land. This law was a mistake; it gave a legal basis to the sale of men, and opened the door to the most monstrous abuses, by omitting to regulate in the slightest degree this abominable traffic.

On the pretext of colonizing a piece of land, already covered with a surplus population, one may purchase entire families of servants, of cooks, of painters, of washerwomen, of musicians. The Government, it is true, is too modest to allow the sale of serfs to be publicly announced in the journals; matters are transacted more decently. The public advertisements will not tell you of «*a coachman*», but of the *services of a coachman*. And besides, is not the Russian Government bound with England by a solemn treaty to combat the slave trade? Has not the Tzar, too, declared every negro *free* who touches the soil of his empire? What business have the Russian serfs to be born white like their masters? The existence of this class of serfs is extra-legal, abandoned without regulation to the arbitrary will of the nobles.

The caprice, the interest, of the lord alone dictates his every act; his cruelty is tempered only by the knife or the axe of the peasant, and probably the difficulty of the situation will be thus cut through, for the nobles wait and do nothing, the Government takes measures which it fails to execute. The nobles break their contract with the peasant, or they *allow* him to purchase his redemption by paying the maximum auction price. There remain only two resources for the oppressed—if he wishes to gain his freedom, the scythe and the axe. The blood then spilt will recoil on - - - - - and what torrents must flow! The terrible example left no by Pugatcheff is warning enough.

What always astonishes me is - - - - - of the Tzars. Alexander contemplated, Nicholas was said to be preparing, a measure of emancipation. After forty years what is the result? The absurd ukase of April 2, 1842.

But, it will be asked, what are the means at the disposal of the Government? Its means? Suffice it to say, *it could if it would*. When did the Russian Government grow so scrupulous in the choice of its means? Did it want for means when, in the 18 th century, it introduced Serfdom into Little Russia, and, in the 19 th, organized military colonies? By what means did it cut up Poland into Russian provinces,

and reduce the united Greek to the orthodox Russian church? Was - - - - - of St. Petersburg ever embarrassed? What - - - - and cruelties has it ever flinched from in the accomplishment of its - - - - - designs?

The emancipation of the peasants will happily not necessitate the cruelty, nor the immorality, which was indispensable in the perpetration of those crimes by - - - - - The whole people will be in favour of such a measure. All the civilized nobles, all those in Russia who can be called an «*Opposition*», are bound, at the risk of disavowing their principles, to support the Government in this.

There will remain, then, none but the most retrograde section—the most tenacious of the privileges of the nobility. Well! this party has preached so vehemently the religion of passive obedience, that the Government, for once, may demand a single practical illustration of its favourite doctrine. Besides, what rights do such persons possess? They have robbed the people by the grace of the Tzar, and the *disgrace* of the Tzar will arrest their robberies. There is no reason why the Government should refuse an indemnity to the actual *usufructuaries* of a past iniquity. The Government may propose a series of financial measures; the greater part of the property of the nobles is mortgaged in the banks of the State: overwhelmed with debts they cannot even pay the interest.

Let the State, instead of transforming foundling hospitals into shameful peasant markets ¹⁾, enter into an arrangement with the peasants on lands for sale, and content itself with receiving annuities therefrom.

If it were in want of disposable capital for the purpose, it has but to raise a loan exclusively applicable to that purpose; or rather, it has but to hold aloof to let the nobles create committees in the provinces; to let who will make collections and form associations. Two guarantees only would be required of the Government; first, that the money should not be diverted from its destination; next, that there should be no prosecutions against persons of good will.

Besides, what projects have been invented, published, and submitted to the Government since 1842? It has neither the courage nor the capacity to resolve to take some step. Perhaps it feels that its own hands are not pure, its heart not free from stain. At all events it does nothing.

¹⁾ The mortgage banks have their room for sales by auction of the seigniorial lands in the Orphan and Foundling Hospitals, which are supported by them.—A. H.

But what is the people about? Does not a people which submits to such a tyranny deserve it? Yes, it deserves it, as Ireland deserved the famine, and as Staly deserves the yoke of Austria. I am so accustomed to hear that ferocious cry of *væ victis*, that it no longer excites my surprise. Up, and to arms against all that suffer, unpitied, unredressed! It is, not enough that the landless labourer (*proletaire*) is poor, and starving: let us crown his bitter life with a derision more bitter still. The Russian peasant is a serf: let us reproach him with it; let us say that he has deserved his chain; and then turn away our eye from his hideous sufferings.

Still, before abandoning him for ever, let us thank those forgotten slaves for the wisdom which *we* have gained at the cost of cruel hunger to some—the fierce sweat of many—the brutal degradation of all; let us who are the double blossom of this glorious civilization, be grateful, whose smiling gardens are watered with the blood and tears of the poor.

I am ill at ease when I speak of the «People». It is the word most twisted from its meaning, and least understood in this «democratic» age. The idea attached to the word is, for the most part, vague, rhetorical, superficial. It is one moment raunted to the skies, the next, dragget in the mire. Unhappily, the noble indignation of the heart, no less than the most exalted declamation, fails to express an exact and true notion of what is meant by the «People»—that large foundation of granite, cemented by immemorial traditions—that vast ground floor (*rez-de-chaussée*), upon which is scaffolded the paltry *baraque* of our political institutions.

Is the question, to what does the Russian people look? I answer—the commencement of a social revolution in Europe, and that, unconsciously, by the force of their position, and by instinct. Already, thanks to the socialistic movement, the question of emancipation has made immense progress. Government, nobles, people, no longer believe in the possible emancipation of the commune — that is, of the peasant, *without the land*. And still regarded from the point of view of an absolute and imprescriptible right of possession, there is no visible solution of the problem. An emancipation, based on that which Alexander sanctioned for the serfs of the Baltic provinces, would, we do not hesitate to say, be one of those errors which destroy a nation. The question, now so simple, would be hopelessly entangled.

The result would be a *proletariat* of twenty millions of men, in a country already so ill governed, that the free peasant and the *petite bourgeoisie* find no shelter against the vexations of an arbitrary police—where, in a word, such a thing as personal security does not exist. The lords would coalesce, the Government support the coalition! The com-

munal element, the grand element of Slavonic life, would be utterly destroyed (*frappé au cœur*) — the *commune* would be broken up. We should witness the ruin of the only blessing which the Russian peasant has preserved—the base, the keystone, without which Russia would crumble into decay—without which that monstrous - - - - - , which extends from Torneo to the Amur, would cease to exist.

I know that there are persons so rationally disposed that they would abandon a positive and certain pledge for the germ of a possible expectation. They would rejoice in the formation of a *proletariat*, because they would see in it the source of revolutionary expansion; but is every *prolétaire* necessarily a revolutionist?

(Second Article).

The rustic labourer (*prolétaire*) is not, generally speaking, a revolutionist, like the operatives of great cities. In those dense hives of monopolized industry, in those huge Pandemonia of luxury and starvation, of beggary and debauch, of famished ignorance and blasé corruption, of squalid pauperism and insolent gold, of colossal financiers and blazoned Macaires, of whirling wealth, and maddening waut, and cruel contrasts,—in great cities, no doubt, the working man becomes a revolutionist; not so in the solitude of the fields. It requires long centuries of suffering and a religious struggle to create a war of the peasants, as in the sixteenth century.

Talk of dissolving the Russian *Commune!*

I should like to know whether the few Russians who propose such a measure have ever seriously reflected on the scheme. What would remain, I ask, if we tore ont this vital nerve of our national existence? The Russian people has endured every loss, and has only preserved the *commune*. Is it at a time when it occurs to so many of the thinkers of Western Europe to deplore the excessive subdivision of the soil, that we should, with a blind levity, root up an institution which we have only to conserve passively, for it maintains iteclf spontaneously in the people and by the people, attached to it by interest and tradition, as to the one sole right which rapacity and oppression have not yet wrung from their hands.

The *commune* is, I am aware, accused of being incompatible with individual liberty. Was this liberty wanting before the abolition of the day of Youri (St. George)? Did it not create, beside the permanent village, the moving *commune*, the voluntary association of *Artel* (artisans) and that other purely martial *commune* of the Cossacks? That fixed rural *commune* left to individual liberty and initiative a part

quite large enough, since it never ceased to provide for and to nourish its twin legitimate offspring — one the mounted and moving rampart of the country; the other, hatchet in hand, transporting himself wherever work invited him.

True, the members of the Cossack *communes* were not individually absorbed or effaced by them. Even those who may have read Gogol's novel, *Taras Boulba*, have little idea that a similar story occurred in the time of Alexander I. An aged Cossack, who refused to submit to the ferocious discipline of the military colonies, after receiving himself a few thousand blows with a stick, witnessed in silence the barbarous punishment inflicted on his eldest son, and only opened his lips to inquire how it was that his younger son was spared. When he learned that the latter had purchased impunity by submission, the old father embraced his eldest son, cursed the son who had recoiled before the punishment, covered himself up in his *casaque*, and perished on the spot.

Cossackry (la Cosacquerie) is a palpable proof that the popular life in Russia contained in itself the complement of the peaceable existence of the rural commune. *Cossackry*, in fact, threw open an escape for all reckless and impatient spirits thirsting for adventure, hangry after excitement, panting for dangerous exploits, and a wild independence. It corresponded perfectly with that principle of unrestrained turbulence which we express by the word *oudal*, and which is one of the characteristic features of the Slavonic race.

The Cossacks, indefatigable sentinels at the most exposed frontiers of their country, founded at these perilous outposts military, republican, and democratic communities, which were still in existence at the beginning of the eighteenth century. Theirs is a brilliant history. The *zuaporogues* were the knight-errants of the democratic commonalty. Unyielding, indomitable brigands, rather than subjects of any authority whatsoever, they seemed to inherit those vague presentiments, those prophetic instincts which distinguished the Norman races. Under Ivan IV, a band of Cossacks conquered Siberia. Their chief, Ermack, not content with having penetrated as far as Tobolsk, reared with a dying hand his standart at Irkoutsk. After him, another Cossack pushed on across icy wastes, as if he were drawn by some magnetic influence, to the Pacific Ocean: perhaps by a presentiment of the immense significance of Russia advancing her bounds to the very frontiers of America.

Nothing but the imbecility of the German Government at St. Petersburg could have failed to comprehend such an institution as that of the Cossacks. Peter the Great was the first to oppress them, too happy to be furnished with a pretext by Mazepa. Catharine reduced

millions of them to slavery. Nicholas destroyed their democratic organisation by making nobles of their elected officers, and he tried even to corrupt their popular ballads. Such an institution was, of course, scarcely reconcilable with the military code of Russia. It was thought for wiser to create out of brutal violence those absurd military colonies than to permit such developments to a flourishing and profoundly popular institution.

It is not to be disputed that the communal life of the Russian villages and the republicanism of the Cossack camps would ill satisfy the aspirations of later European theorists. All was embryonic in their constitution. Individual liberty was everywhere sacrificed to a democratic and patriarchal brotherhood. But who pulls down an unfinished house in the idea of rebuilding it on the same plan? It is no merit of ours to have preserved with an immutable quietism that communal institution which the German peoples had long lost amidst the vicissitudes of their history. But it is an advantage not to be thrown away. And we may surely profit by the dearbought experience of our ancestors.

Western Europe sacrificed its communal institutions, and with them the peasants and the artisans, when it entered upon a richer and larger existence by a long and glorious struggle for the emancipation of an aristocratic and middle-class minority. It has had Catholicism, Protestantism, its chivalry full of poetry, its *tiers-état* renowned for pertinacity, its Reformation, and finally its Revolution, which half destroyed the Church and the Throne. Russia alone has remained aloof from the conquests and glories of her neighbours. Her people, utterly incapable of following, still less of attaining the European developments, has languished in misery ever since the era of Kiof. The yoke of the Mongols, Byzantinesque - - - Germanized - - - - lords like slaveholders, such have been her masters. Yet this people, while it has gained nothing, has at least not lost the *commune*, with the equality of all its members in the possession and in the distribution of the soil.

If, indeed, the Russian peasant has been reduced to serfage it has not been without severe struggles. The facile success of the spurions *Dmetri*, the enthusiasm of the people for him, his imitators crushed, but ever reappearing with formidable armies encamped before Moskow, all this story would be inexplicable but for the undercurrent of a strong, wide, deep popular movement. These protracted struggles of an entire people may not disturb the reign of the House - - - - - but the falsified chronicles of the Government could not pass over in silence the wars of the *Brigands*. Stenko Razin, one of their chiefs,

was at the head of 200,000 men. During the reign of the Tzar Alexis more than 12,000 peasants were hanged. A century later the Empress Catherine more than once turned pale at the reports of her generals on the insurrection of Pugatcheff. *Pugatcheff* committed a fatal error, since repeated by Kossuth. After the decisive capture of Kasan he did not march straight on Moscow, where, according to the evidence of Castéva, 200,000 serfs awaited his army with breathless impatience. The common people (*moujik*) were decimated in the name of civilization, and Voltaire congratulated the Semiramis of the North on the victories of Bibikof and Panine.

It was by proclaiming the freedom of the peasants that *Pugatcheff* raised the standard of revolt. He had for device, *Ultor et redivivus*. Taken prisoner and loaded with chains, he replied to the - - - General who struck him with his hand, and to that facile outrage added words of insult:—«*I am but a little crow, and the vulture is still hovering in the air*»¹⁾

After a contest of a hundred and fifty years the people abandoned the struggle. Pugatcheff was the last of its leaders. It has never made its appearance since except in the commotion of Starâfa Roussa in 1831. In that revolt it was horribly sanguinary; but what was to be expected in reprisal for the terrorism which founded and maintained the military colonies? As was the seed so must the harvest be.

Insurrection is at all times difficult among a people scattered over immense plains, inhabiting villages exposed and patched up of mere wooden butts. The only refuge of such a people is in the forests, and Count Woronzoff has shown in the Caucasus how to deal with *that* refuge.

Besides, the irregularities of the administrative Government confuse the popular notions. The peasant serf of a rich proprietor rejoices to find in his powerful master a sort of buckler against the vexations of *employés* and of the police. The condition of the serfs is not one of uniform hardship and degradation, hence the difficulty of any simultaneous insurrectional movement, or of any united organisation; hence the rebellions of the peasants remain isolated, local, and limited to single communes, rarely extending even to two or three.

According to the last census the number of male serfs in Russia was 11,380,000 (the women are not reckoned). Two-thirds of this number belong to lords who possess at least a thousand peasants a-piece, and who generally demand nothing of their serfs but *l'obrok*, a pecuniary rent-service, for which they give them up the land entirely.

¹⁾ The general called Pugatcheff a «brigand» *Vor*, a word which with the addition of the letters *on* signifies «Vulture».—A. H.

These peasants, and all who belong to rich lords, are usually, it may be imagined, far less miserable than those who are dependent upon petty gentry, and subjected to the *Rabot* (*à corvée*, or forced labour). Scarcely ever do the great lords live upon their lands; never more than a few mouths of the fine season, while the petty seigneur lives all the year round upon his estate, and strives to economize the forced expenses of his sojourn in the metropolis. Mean and restless by position he meddles with everything, turns all to profit, exacts all sorts of *renders* beyond the rent actually due, in the shape of eggs, mushrooms, linen, fruit, butter, milk, and poultry. And to solace his *ennui* he amuses himself in poaching on the conjugal manors of his dependents.

These small properties are dispersed at random over the whole extent of Russian territory in Europe. Siberia has the happiness not to know serfdom. Surrounded by vast domains, or by large free *communes*, the poor serfs remain utterly isolated from their neighbours. Not but that the Russian peasants feel intense commiseration for one another, but when has a mere mutual sentiment of pity ever armed the oppressed masses for the vindication of their rights? In 1839 and 1840, we saw, indeed, the beginnings of a coalition among the communes. In the districts of Simbirsk and of Tambow, the massacre of the lords looked like the execution of a plan. But usually matters do not take that course. The peasants of a commune are dumb and patient for years and years: they suffer and endure all miseries without a murmur. Suddenly, without a note of warning, they hurst ont, massacre the lord, butcher his family, burn his house; receive with dogged endurance the punishment of the *Plet*, and are hurried away to perish in the mines of Siberia. They know the result beforehand; but their situation was no longer tolerable. The causes of insurrections are worthy of serious attention. They generally spring from the encroachment of the lord upon the rights of the *commune*. The peasant feels himself victimized, without protection or redress: he is overworked, avertaxed, continually liable to excessive punishment from a hard and cruel taskmaster: but all this seems transitory and remediable. What he never does put up with, never submits to without a bloody protest, is the inter-meddling of the lord in the division of the communal lands, in the rights of pasture, in the affairs of the *commune*; then he feels himself struck in his last refuge, beyond which he sees *nothing*. Then the peasant murders his lord. But why, it may be asked, does not the peasant demand redress sooner? To complain of the violation of a right, one must have legal ground to go upon. Now the *commune* exists *by itself*, because it is ineradicable; because it alone of itself

constitutes the whole moral life of the peasants. The Government found it ready made; the noblesse submitted to it, and became accustomed to its existence.

According to the law, a peasant can address himself only to the Marshal of the *noblesse* of the district. This Marshal, the elected officer of the nobles, is their natural defender, both against the Crown and against the people. The police never receives complaints against the lords, except in extraordinary criminal cases, which do not interest directly the peasant. The serf is allowed to inform against his lord, if the latter belongs to a secret society, or has committed a crime. The law permits three day's work only in the week to be exacted of the serf on the lord's land; and it is to a police *elected by the noblesse* that the duty of maintaining the execution of this legal prescription is confided. From time to time the Government starts up in sudden amazement at abuses, displays astonishing courage, and punishes a lord or two. Then follows a long dreary interval of abuses, unpunished and undressed.

(Third, and last Article).

Just before I left Russia, in 1846, a trial peculiar to those latitudes was creating great excitement in Moscow. A Prince, possessing large domains in the province of Orel, had one of his serfs flogged. The serf died under the punishment. According to custom, a priest and his deacon, attended by the Sacristan, were present at the burial, and drew up the registry certificate of the man's death. The good priest signed; the good deacon signed the said certificate; but lo on perusing their joint declaration, the Sacristan made the remark that this was not a case of natural death, but a murder. The priest stared in amazement at the observation, and endeavoured to convince him of his error, and to persuade him to sign. The Sacristan obstinately persisted in his refusal. As soon as the Prince was informed of this difficulty, presuming that the Sacristan would scarcely let such a good opportunity slip without improving it, he sent the poor wretch a few hundred roubles. Still the Sacristan held out, and calling on the priest and deacon to attest the bribe, he disappeared from thence, to re-appear at Orel, where he penetrated into the presence of his archbishop, and to him related the affair. The archbishop, unprepared for such an emergency, wrote to consult the governor, and the superior priest of the district. Now, the governor of Orel happened to be a near relative of the murderer. It may be imagined he spared no effort to hush up the affair altogether; but the inflexible Sacristan stuck fast to his alle-

gations. The affair got abroad, and placed the police in a position of considerable embarrassment, for the crime was but too evident. The secret police gave information of the whole story to the Emperor. The governor was removed; the inquest resumed on a different footing, proof after proof established the fact that the Prince of Trubeskoï and his wife had been in the habit of practising the most abominable cruelties towards their serfs. Subterranean dungeons were discovered in the seigneurial mansion, in which prisoners languished in chains. Dungeons and irons, it should be understood, are aqually foreign to Russian customs. The Prince was tried, condemned, degraded, deprived of all his titles, and, accompanied by his worthy helpmate, packed off to Siberia. Hor did the Emperor stop there, but ordered all the marshals of the district, since the installation of the Prince in his domains, to be tried for the crime. As might be expected, however, this measure was not carried ont. Ch — , the then Minister of Justice, was among these marshals, and the matter was not pushed any further, ont of deference for one of the most mediocre of administrators.

The relations between the nobles and the peasants are anything but sound. Indeed they are as strained and insecure as reciprocal distrust can make them. The patriarchal relations of which Haxthausen speaks, where then did he find them? The great lords, in the time of Catherine II, treated their peasantry with a sort of aristocratic consideration and tutelary regard; the small proprietors also, because they had not yet cast off the manners of the peasants, among whom they lived in extreme simplicity. But the succeeding generation separated themselves more and more from the peasants, and from their simple manners. Civilization suggested to the nobility new wants, and with these wants new ways and means. The developments of industry and manufactures, the diffusion of the principles of political economy *adapted to local habits*, furnished fresh means of *utilising* the peasants. The seigneur, that «patriarch», that «chief of the clan», that «father of the commune», from an aristocrat became by degrees manufacturer, planter, slaveowner.

Mr. Haxthausen has seen all this, and is as well aware of it as I can be, but in his capacity of an absolutist demagogue he is, donbtless, obliged to pass it over in silence. This author, who has unfortunately marred his interesting work by an indescribably fanatic (frenetic?) passion for royalism ¹⁾, knows too well the organization of the Russian

¹⁾ Which has led him even to celebrate the praises of the lash for the soldiers back. He speaks of the whip with affecting enthusiasm, and attributes to it all the glory of Rome, taking for his authority the evidence of some honourable and royal (*Königlich Preussisch*) Jacobin or other.—A. H.

commune, not to have known that the power of the seigneur is an exerescence upon the commune into which it has entered as an element altogether foreign, parasitical, and destitute of normal basis. He succeeds as little in explaining, by a pretended patriarchalism the seigneurial prerogatives, as in justifying the oppressive despotism of Petersburg by the *sublimity of obedience*, a passion which this enlightened German calls the distinguishing virtue of the Russian people. The real patriarchal chief of the commune is the Staroste, elected by the commune from among its own members. It is he who takes the place of the father of the family; he is the representative, the guardian, the natural protector of the commune. What, then, is the office, the duty of the seigneur, that alien intruder who makes, from time to time, at more or less irregular intervals, irruptions upon his estates, like the Baskah Tartar upon the towns, and levies contributions? The Staroste, on the other hand, is not, and cannot be, a despot; were he so disposed, the force of custom and traditional rights would crush the attempt. The united commune (Mir) would, by its universal will, reduce him at once to the limits of his authority and of his duty. Elected by the free suffrage of all the working members of the commune for a binited term, he knows well enough that he will have to be come a simple *moujik* again if not re-elected. He knows that after having governed the village he will be obliged (as M. Haxthausen so poetically describes) «to come and kneel before the common assembly, lay down before it the staff and insignia of his office, and ask pardon of the commune for any wrongs he may have committed against it».

Surely there is no want of another adoptive father, of a *step-father* who lives away from the commune, and who appears from time to time only to snatch away the lion's share of its produce. Of the seigneur were notling more than the proprietor of the soil he could exact nothing but the rent of his land, but he afflicts the peasant with a capitation tax, he taxes his labour midependently of the land, he ransoms his right of locomotion. Thus, to employ an admirable expession escaped from Mr. Haxthausen, «on the basis of a St. Simonism reversed, he makes the impost more severe in proportion as the subject of the impost has more *talent*».

Beyond the commune there should be nothing but the national unity, the *respublica* (Semskoie delo) or the directing power. The free communes are assembled by districts (*volost*), and, according to Russian law, every commune having its Staroste, this aggregation of communes elects its popular chief, colled *golova*. There is many a *golova* who has thirty thonsand men under his orders. Together with this chief there are two judges, a sort of justices of the peace, elected by

the peasants for the legal administration of communal affairs and of the police. The police is exercised in the villages by centurions, and decurions elected; the distribution of taxes and of offices is administered by the *golova* and the *ancients*. It is a complete socialistic *self-government*, and it worked very harmoniously till we became indoctrinated with the policy of German or Byzantine order.

One minister, M. Kisseleff, was capable of appreciating a part, at least, of the magnificent institutions on which the commune is based. His reform of the administration would have been almost the beginning of a recognition by the Government of St. Pefersburg of Russian common law, if the personnel of the administration were not so profoundly vicious. One of the great misfortunes of our Government is, that it governs *to excess*. It mingles in and with everything and everybody; regulates everything, fidgets about everything: the length of the Jewish Caftan on the Polish frontier: the length of hair worn by the students of our universities; at one moment it is recommending a husband to reprimand his wife, at another it is advising a young man not to lose all his fortune at cards. Our Emperor is not only the head of the Church and of the State—he is also the principal clerk, and the busybody in chief. He marries, he unmarries; he manages all, and - - -
- - *Talis rex*.

M. Kisseleff, while he preserved the grand communal institution contrived to neutralize the purely national and healthy characteristics of his scheme by that excess of administrative intermeddling, that intemperance of regulation, in a country, too, to which all formalism is repugnant, and which, in truth, does not want any artificial supplement to the force of long habits and traditional customs. By way of administrative interference with all the affairs of the peasantry, he introduced a thief into every commune; he opened in every village an Australian mine of spoliation for his bureaucratic *diggers*. The probity of the Minister is not here in question; but was he not old enough to know that the subaltern employés throughout Russia are nothing but patented brigands and veteran robbers?

The solution of continuity between the world of employés, and the people, as between the people and the Government, is evident enough. The Government of Petersburg is a temporary, provisional government; it is a terrorist dictatorship; a - - - - - corried *ad absurdum*. Its people is the *noblesse*, and that only so far as it is the enemy of the people. M. Haxthausen tries to prove the contrary — that the - - - - - power such as it exists now is necessary, national, logical, and popular. This very Catholic censor appeals to the quasi-atheistical philosophy of Hegel in support of - - - - - . We know

that Hegel has turned a good many heads by presenting the simplest theory in the world as most extraordinary — «all that really is reasonable». Nothing can be clearer; and without entering into scholastic distinctions between the *be* and the *seem*, we concede that every phenomenon has its *raison d'être*, and that an absolute absurdity is absolutely impossible. One need not be a great master in metaphysics to be aware that where there is *effect* there must be a *cause*. Geoffroy St. Hilaire discovered and described the very exact laws of teratology; he succeeded admirably in justifying the abnormal development of the fœtus, but the monster remained a monster still. In the normal notion of man monstrosity is included as a disturbing possibility from without, but in no sense is it admitted as a rule. A pure and simple inquiry into such monstrosities would have been strictly proper in Russia, but M. Huxthausen arms himself with the accursed philosophy of Hegel for quite another purpose. He draws the conclusion that the imperial pover in Russia is the best government possible! «Only one thing is wanting», continues our holy doctor, «to this government to be perfect—to be Catholic». Donoso Cortez at Madrid was wont to announce the end of the world if England were not speedily reconciled to Catholicism.

Since the separation of the Russian Government from the Russian people two Russias have been face to face. On the one hand, Russia *Governmental*, rich, armed, not with the bayonet only, but with all the resources of chicane borrowed from the chanceries of the despotic States of Germany. On the other, Russia, poor, agricultural, laborious, communal and democratic; Russia disarmed, conquered (*conquisita*) without having been vanquished. What wonder, then, if the - - - - - have handed over to *their* Russia, to the Russia of courtiers and officers, of French fashions and German manners, that other coarse-bearded, barbarous *moujik* Russia, incapable of appreciating that imported civilization which has descended on it by the grace - - - - - and for which the ignorant peasant openly professes the most unmitigated disgust. And why should he regard *that* Russia?

— How cross you have been these last few days,—said the Count—, one - - - - - in the suite of the Empress Catharine, to one of his parasites.

The individual to whom these words were spoken, half in question, half in reproach, was a poor nobleman, the ignoble butt of the ignobler pleasantries of the *blasé* favourite. The buffoon, a fat, bloated, greedy fellow, used to wait every day eagerly for the moment to devour the Count's dinner. The latter, perceiving the voracity of the wretch, bethought himself of a singularly funny contrivance. He had a horse

collar bought, and fastened round the buffoon's neck, and thus harnessed he was let loose upon the dishes and the wines. He represented very accurately a wild beast gorging himself with food, and leaving plates and bottles empty. The host was infinitely amused at the beast, and his guests too.

— Oh! how much cause have I to be sad!—said the *harnessed* nobleman. — Of all the persons in your suite, I only have the misfortune not to be the object of your bounty.

— How do you mean?

— Have not you given Cossacks to all the rest? I only am excluded from your favours.

The Count burst ont langhing, and, to his guests, said:

— What do you think of this fellow? he is not such a fool as he looks. What, you, too, want Cossacks?

— Why not?» replied the fool, «they cost you nothing?»

— Well, indeed, what *do* they cost me? Well, you shall have some Cossacks.

— Count! you are joking!

— No, on my word.

And Caliban covered with kisses the hand of his worthy protector.

This was just at the time when Little Russia was being reduced to feudal servitude. Catherine II, that «Mother of her country», possessed - - - - untameable, gave away 300.000 male peasants as the price of one of her - - - - -

The Count had but to speak to keep his word, and the nobleman *unharnessed* went away into Little Russia lord and master of a commune of Cossacks.

I cannot resist recounting a second act of this drama.

Last year, passing over the St. Gothard, I perceived a Russian name on a traveller's album. Below that name another traveller had written a biographical notice not without interest. The Russian chamberlain of H. M. I., tc., a proprietor in Little Russia, had during several years martyred his serfs and his servants. Immensely rich, but of insatiable rapacity, he wore them ont by his exactions and his tyranny. In 1850, when he was living on his domains, the serfs driven to desperation resolved to make a signal example of their lord. Breaking one night into his house, armed, and showing him a bunch of rods newly cut, they offered him the choice of death or corporal chastisement. The chamberlain reasonably chose correction. It was duly administered. When the punishment was over the serfs exacted of him a written promise not to divulge the events of that night. He wrote and signed that noble promise, and what is more,—he *kept* it, for fear of worse.

Some mouths after come the recruiting session. The lord selected one of his serfs as the contingent of his commune. This conscript, it appears, had not been one of the least ardent or the least vigorous in administering the nocturnal castigation, and he felt not unnaturally convinced that the lord in naming him for the contingent was satisfying indirectly a vengeance long suppressed. Military conscription, it should be remembered, is regarded with horror by the Russian peasant. The young conscript resolved to take his revenge. Before the assembled military council *de recensement* he declared aloud that he was made a soldier only because he had thrashed his lord the chamberlain. He was thought mad.

«Ah! you think me mad, do you?» he replied; «here is something to convince you».

And he drew from his pocket and read out loud the seignorial document.

The amazement was universal. This revelation was so unexpected, that they forgot to suppress the conscript or the accusing document, which was not even given back to the chamberlain. In the first fit of surprise they drew up a report of the circumstance. The Russian lord had not provided for a case of thrashing a chamberlain.

Great was the embarrassment of the Minister; he referred to the Emperor. - - - - - , who had kept his chamberlain by his side as long as he only thrashed his peasants, was indignant with him as soon as he got thrashed himself. He expelled him from his service and from the empire. The serfs were left unpunished. Ever since our ex-chamberlain has been parading, by order - - - - - his striped back and shoulders through all the capitals of the civilized world, and he inscribes his name on Mont St. Gothard.

And to make his story all the more *piquant*, let me add, that this measled and mangled chamberlain—this cruel and cowardly seigneur, is no other than the noble grandson of the *harnessed* nobleman—of that gluttonous buffoon who was let loose upon a commune of serfs. The *thrashers* were the descendants of those poor Cossacks bent to the yoke, and cast as a prey to a greedy mountebank.

Well! what do you say to this harnessed father, this striped son, and to - - - - - carrying on the propagande *sui generis* by sending this chamberlain on his travels.

I shall conclude my letter by some new details on Russian society.

There is no law of primogeniture in Russia. Peter the First tried to implant it among us, but the manners of the people resisted it, and at his death the decree was revoked. Nicholas has permitted one or

two privileged families of the highest aristocracy to indulge in this caprice; but that is only an anomaly, an absurdity the more.

The rule is for the sons to have an equal share in the distribution of the father's property. For the nobles it constitutes a rapid descent to poverty. A lord who owned two thousand serfs, held a good position. His two sons are left, each with half the fortune of their father, while they, in their turn, leave a moiety of it to their children. At the same time, the price of everything is increased, more rapidly than the income of the estates or the number of the serfs. Civilization introduces into the families of aristocracy luxurions tastes, and wants unknown to our forefathers, so that, with an estate lessened by three-fourths, the grandson has to supply demands twelve times greater than those of his grandfather. We must not forged this important phase in the question—the manners of the nobles. No people in Europe is more unfitted for habits of order and economy than the Russians and Poles. We must see how, in the course of two or three generations, fortunes, whether great or small, are made, and lost, and passed from hand to hand. The Russians are greedy, very greedy of money, but care less than their neighbours for property in land. They love money, for the pleasure of throwing it away. Economy is unknown amongst us. There is no middle class between niggards and spendthrifts.

In general, when the land is once distributed, the sons tread in the steps of their father. If one of them has need of money he mortgages his estate to the bank; the money is soon squandered, the interest eats up the remaining income, the estate, before long, is sold by auction, the surplus, if there is a surplus, is paid to the ex-lord, and, when he has eaten that, his eyes are opened to his ruin.

One man, in order to relieve his embarrassments, gives himself up to play, without restraint; another begins to drink, from very despair, and dies in his debauchery; another, better advised, takes some official employment, and robs unscrupulously. This man prospers, but his son will be ruined. Between the years 1812 and 1840, a small minority strove to constitute themselves exceptions to the general rule. They were, for the most part, men educated out of Russia, great admirers of political economists, like Say and Malthus. They became industrious, and assumed the manners of the *bourgeoisie*; but they were few in number, and had few disciples.

But what said the *commune* in the midst of this eternal come and go of proprietors, this parcelling out of estates, this continual change? The thousand serfs, who obeyed one lord, were each time scattered over three or four *communes*, varying in extent, each having their own individuality, their own organization, and distinct lands. The

lord will have a single management for the whole of his estate. If a distribution takes place, he is compelled to complete the communal lots by means of pecuniary arrangements, and concessions of various kinds. This is practicable, but only up to a certain point. We come to the division of the *commune* itself—sometimes two or three brothers have undivided possession of a village, more or less important. But this division can be effected in spite of them. If the portion of one of them is seized for debts, will the new proprietor submit to the unity of possession, the common management? He will hasten, more frequently, to get rid of it.

The proprietor, who has the largest interest in the commune, taxes and worries the others in all conceivable ways, and while these *portions* of lords are overwhelmed with embarrassments, with complications, with inextricable disorders, the peasants fall into the same ruin.

The parcelling out of *communes*, the increase of estates, enclosed and intermixed in every direction, has *enforced* the attention of the Government, and it has been obliged to take measures for arresting the complete ruin of the serfs. Thus it has formed a *minimum* of serfs, after which no further distribution is allowed. The next step is to fix an indemnity, and to decide on the question of expropriation. Evidently the rights of the nobility do not appear so sacred to the Government, when fairly put to the test? how otherwise could the right become weakened in proportion to the number of the peasants?

In 1845 it was permitted to the nobles of Toula to unite under the presidency of the prefects and the marshals. The question was how to devise measures for the emancipation of the serfs of the province.

Muscow waited for the same powers. From 1842 to 1846 the agitation among the nobility increased, the journals became so bold as to publish articles on emancipation. It would have been well if the Government had given some aid to the nobility in the accomplishment of this object; but the hatred of everything that is called liberty or emancipation is so thoroughly ingrained in this family of incurable autocrats, that Nicholas hastily threw all such projects to the winds, on the first arrival of the news of the 24 th of February.

Such is the latest and present phase of this question of *Serfdom* in Russia. The peasant continues deprived of all protection but that of the customary law (*la loi contumière*): he may be dragged from his family, from his commune, although *that* be recognised by the law; he may be made a servant. The lord has the right to have him flogged, only not to death; he has the right to imprison him in a *maison de police* for disobedience. He may condemn him to military conscription, or pack him off to the mines of Siberia at his own expense. In

the two latter cases, the serf at least becomes *free*. Lastly, it is an established and constant practice to sell serfs, if not separately, at least by family. No land need be given to the peasants except just enough to allow them to vegetate miserably. The lord is under no obligation to his servants beyond supplying them with just enough food and clothing to prevent them perishing of hunger and of cold.

Shall these monstrosities, I ask, continue without an incessant, universal protest? Surely from time to time it is well that a free voice should be lifted up to denounce these degrading institutions, this foul complicity of a Government that talks of its strength, with a *noblesse* that boasts of its enlightenment. The mask must be torn from these slaveholders of the North, who go lounging and lispng over Europe, mingling with your affairs, assuming the rank of civilized beings, — nay, of liberalminded men, who read *Uncle Tom's Cabin* with horror, and shudder when they read of sellers of *black* flesh. Why, these same brilliant spies of the *salons* are the very men who on their return to theirs domains rob, flay, sell the *white* Slave, and are served at table by their living *property*.

December 20, 1852.

Переводъ.

РУССКОЕ КРѢПОСТНИЧЕСТВО.

•

I.

«Призваніе нашего вѣка — освободить
всѣхъ угнетенныхъ и страждущихъ».

Гервинусъ.

Пришло время, когда русское крѣпостное право должно стать если не европейскимъ, то, по крайней мѣрѣ, англійскимъ вопросомъ. Лондонъ, за которымъ весь міръ признавалъ постоянное право на обсужденіе всѣхъ освободительныхъ и прогрессивныхъ движеній, врядь ли можетъ остаться равнодушнымъ къ такому вопросу, какъ вопросъ о бѣломъ рабствѣ въ Россіи ¹⁾.

¹⁾ Въ настоящее время, когда вся Англія, подъ вліяніемъ великаго произведенія Бичеръ-Стоу, выразила глубокое и дѣятельное сочувствіе къ невольникамъ южныхъ штатовъ Сѣверной Америки, никто, повидимому, не вспом-

На бѣлое рабство въ Россіи слишкомъ мало нападали, вѣроятно, потому, что никто не защищалъ его съ тѣмъ бѣшенымъ упорствомъ, которое проявили заатлантическіе рабовладѣльцы. Достойно замѣчанія, что, хотя многіе богатые русскіе помѣщики пламенно жаждутъ сохраненія крѣпостничества, никто не выступаетъ съ оправданіемъ этого установленія, никто не беретъ на себя его защиту,—даже правительство.

И, тѣмъ не менѣе, это—вопросъ первостепенной важности. Дѣйствительно, можно сказать, что весь *русскій вопросъ*, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, заключается въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ. Россія не можетъ сдѣлать ни шага впередъ, пока въ ней не будетъ уничтожено рабство. Крѣпостное состояніе русскаго крестьянина есть рабство всей русской имперіи.

Политическая и соціальная жизнь Западной Европы была раньше сосредоточена въ *замкахъ* и городахъ и, въ сущности, сводилась къ жизни аристократіи и муниципалитетовъ. Крестьянинъ оставался внѣ общественнаго движенія. Революція едва коснулась его. Продажа національныхъ земель ¹⁾ не измѣнила его положенія, если исключить созданіе ограниченной провинціальной буржуазіи. Крѣпостной достаточно хорошо зналъ, что земля не принадлежитъ ему; онъ ждалъ только личнаго или отрицательнаго освобожденія—освобожденія рабочихъ. Въ Россіи—какъ разъ обратное явленіе.

Организація земледѣльческаго и общиннаго населенія была, по самой сущности своей, демократической: въ ней не было ничего, похожего на феодальные замки; русскіе города оставались малочисленными и малонаселенными, большинство ихъ являлось просто большими селами. Не существовало никакого различія между крестьяниномъ и горожаниномъ. Сельская *община*,—въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ,—есть точное изображеніе прежнихъ великихъ *общинъ* Новгорода, Пскова и Кіева. Московская централизація уничтожила, конечно, автономію городовъ, но скромное слово *община* охранило ихъ самоуправленіе, ихъ судебныя установленія, ихъ мировые суды вплоть до воцаренія Ивана Грознаго, т. е. до XVII столѣтія.

ниль, что ближе къ Англіи, по ту сторону Балтійскаго моря есть цѣлое населеніе, составляющее *законную* собственность небольшого числа помѣщиковъ,—и населеніе не въ 3.000.000, а въ 20.000.000! Одинъ изъ моихъ друзей хотѣлъ напечатать брошюру, чтобы обратить на этотъ фактъ вниманіе англійскихъ филантроповъ, но она не была напечатана. Я нѣсколько переработалъ ее и, кромѣ того, прибавилъ общія соображенія, которыя, хотя и недостаточны сами по себѣ, но могутъ, я увѣренъ, пролить нѣкоторый свѣтъ на эту печальную тему.—А. И. Г.

¹⁾ Во время великой французской революціи.

Земля не являлась, какъ теперь, предметомъ частной собственности: лишь сельской общинѣ принадлежала опредѣленная территория. Каждому члену общины предоставлялось право обрабатывать часть этой территории и продукты своего труда считать своею собственностью. Таково еще и сейчасъ положеніе, такъ называемыхъ, *государственныхъ крестьянъ*. Земля, вода и лѣсъ не подлежали ограничительнымъ феодальнымъ правамъ; рыбная же ловля, охота и судоходство оставались совершенно свободны. Кромѣ того, члены *каждой общины* могли оставить ее и перейти въ другую или переселиться въ города. Источникомъ податнаго обложенія служила одна лишь земля, причемъ принималось во вниманіе ея качество; вслѣдствіе этого разнo оцѣнивались земли на разныхъ берегахъ Оки и Волги.

Положеніе государственныхъ крестьянъ нѣсколько измѣнилось. Правительство, совершенно не понимая мудрости старыхъ установленій, назначило, въ видѣ земельного налога, однообразную подушную подать, глубоко несправедливую по самому своему существу. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне населяли земли, принадлежавшія частнымъ лицамъ. Тамъ земля отдавалась не каждому крестьянину отдѣльно, а цѣлой группѣ земледѣльцевъ—*общинѣ* на условіяхъ половничества или разныхъ повинностей и оброковъ. *Общины*, не принадлежавшія помѣщикамъ, были организованы, подобно остальнымъ, и крестьянинъ покидалъ ихъ по своему произволу.

Не надо упускать изъ виду, что тогда частные земельные собственники *нанимали* крестьянъ и не имѣли ничего общаго съ западными *сенсерами*. Самъ землевладѣлецъ вообще былъ не что иное, какъ крестьянинъ, который разбогатѣлъ или нѣкоторое время состоялъ на правительственной службѣ.

Въ Россіи никогда не было организованной аристократіи. Аристократія является въ ней не столько установленіемъ, сколько послѣдствіемъ обычая или «обычнаго права», расплывчатаго и неопредѣленнаго. Нѣсколько норманнскихъ семей, сопровождавшихъ Рюрика въ Новгородъ въ X вѣкѣ, исчезли меньше, чѣмъ въ теченіе одного столѣтія. Въ позднѣйшую эпоху, бояре, окружавшіе великаго князя и удѣльныхъ князей, являлись, большею частью, искателями приключеній, получившими свое званіе по личнымъ заслугамъ, и полученныя ими званія къ ихъ дѣтямъ не переходили.

Въ Россіи не могло и быть родовой аристократіи, потому что не было расы завоевателей,—та же аристократія, которая потомъ создалась искусственно, отличается самою смѣшанною кровью и не опирается на легальныя основанія.

Главное ядро такой *квази*-аристократіи образовали удѣльные

князя, отдѣлившіеся въ XVI столѣтіи, и ихъ потомки; затѣмъ явились на сцену татарскіе мурзы, потомъ—выходцы изъ всѣхъ европейскихъ государствъ: поляки, сербы, нѣмцы, шведы, итальянцы, греки; наконецъ, бояре и разные сановники, которые добились наслѣдственныхъ званій.

Крѣпостное состояніе крестьянъ постепенно, шагъ за шагомъ, установилось лишь къ началу XVII вѣка, завершивъ свое развитіе въ «философическое» царствованіе Екатерины II. Это можетъ показаться непонятнымъ, и пройдетъ еще много лѣтъ, прежде чѣмъ Европа уяснитъ себѣ ходъ развитія русскаго крѣпостного права. Его происхожденіе и ростъ представляютъ собою явленіе столь исключительное и не имѣвшее себѣ подобнаго въ исторіи, что способно отбить всякое къ нему довѣріе.

Только чудовищный и хаотическій безпорядокъ управленія, къ которому мы, русскіе, привыкли съ дѣтства, объясняетъ такое явленіе. Въ крѣпостничествѣ, какъ и въ большинствѣ русскихъ установленій, есть какая-то неопредѣленная расплывчатость и смутность, смѣсь обычаевъ, не узаконенныхъ и часто не соблюдающихся; именно, эта странная безпорядочность дѣлала новыя установленія менѣе нетерпимыми, но и болѣе понятными.

Можно ли повѣрить, что цѣлая половина населенія одной и той же національности, одаренной рѣдкими физическими и умственными способностями, была приведена въ рабское состояніе не войной, не завоевателями, не революціей, а только рядомъ специальныхъ *указовъ*, безнравственныхъ уступокъ и гнусныхъ притязаній?

И все же, это фактъ, и фактъ завершившійся не болѣе полутора столѣтій тому назадъ.

Даже наружный видъ, манера себя держать русскаго крестьянина свидѣтельствуетъ о странной аномалии этого недавняго преобразования.

У русскаго крѣпостного нѣтъ ничего рабскаго въ лицѣ (въ этомъ сходятся наблюденія Кюстина, Гакстаузена, Блазіуса и всѣхъ путешественниковъ по Россіи), а только выраженіе глубокаго унынія. Онъ, дѣйствительно, несчастенъ и точно недоумѣваетъ, какимъ образомъ онъ очутился въ нынѣшнемъ своемъ положеніи. Благодаря своей безопасности, онъ былъ пойманъ въ бюрократическіе силки, а слѣпое правительство загнало его ударами кнута въ сѣти, разставленныя для него помѣщиками.

Съ незапамятныхъ временъ русскій крестьянинъ жилъ безбоязненно на помѣщичьихъ земляхъ и никогда не заключалъ письменныхъ договоровъ съ землевладѣльцемъ, да и самъ землевладѣлецъ былъ неспособенъ къ заключенію письменныхъ контрактовъ.

Донынѣ еще помѣщикъ не заключаетъ письменныхъ условій съ равными себѣ. Его соглашенія заканчиваются битьемъ по рукамъ и стаканомъ водки, и такіе договоры считаются столь же обязательными, какъ если бы они были скрѣплены печатью нотаріуса. Такимъ же образомъ въ Россіи заключаются договоры на перевозку товаровъ отъ границъ Китая до самаго Нижняго-Новгорода—нѣтъ даже писанныхъ накладныхъ на товаръ.

Лишенное средствъ, не имѣя организаціи, старое московское управленіе рѣдко добиралось до крестьянъ; главная его забота сводилась къ тому, чтобы подати платились болѣе или менѣе правильно и не оспаривалась центральная власть. Крестьяне жили довольно мирно, подъ защитой естественной хартіи, дарованной русскою природою, которая защищала ихъ своими непроходимыми болотами и грязью. Ни государство нисколько не заботилось о крестьянахъ, ни крестьяне—о государствѣ. Долго длилось это спокойное и беззаботное существованіе, пока Борисъ Годуновъ не захватилъ царскую власть, и кучка мелкихъ помѣщиковъ не стала прикрѣплять узы русскаго крестьянина къ землѣ и общинѣ. Соблазнительный тому примѣръ давали нѣмецкіе рыцари, которые съ конца XVI вѣка ввели жестокое крѣпостное право въ своихъ балтійскихъ владѣніяхъ. Прежде всего было ограничено право перехода изъ одной общины въ другую. Переходъ разрѣшался только одинъ разъ въ году, въ Юрьевъ день. Вскорѣ и привилегія этого единственнаго дня была уничтожена, но личныя права крестьянъ обрабатывавшихъ землю, остались прежнія. Наконецъ, пришелъ могущественный хозяинъ, самъ Петръ Великій: онъ сразу замкнулъ цѣпь замкомъ, сдѣланнымъ на нѣмецкій ладъ.

Государственные чиновники, чисто выбритые, получивъ званіе ландратовъ, фискаловъ и другія шведскія и нѣмецкія названія, стали въ нелѣпыхъ костюмахъ объѣзжать деревни и всюду читать приказъ, написанный на исковерканномъ русскомъ языкѣ, пересыпанномъ иностранными словами и, въ общемъ, совершенно непонятный населенію. Эти чиновники произвели перепись и объявили, что «жители помѣщичьихъ земель будутъ *приписаны* къ землѣ и къ *помѣщику*, если только въ извѣстный срокъ не заявятъ несогласія на это». Появленіе этихъ чужестранцевъ въ причудливыхъ одеждахъ, вѣроятно, привело крестьянъ въ состояніе неопредѣленнаго страха. Они были очень рады, когда увидѣли, что тѣ уходятъ, не угрожая никакимъ вредомъ! Населеніе совсѣмъ не поняло того, что было прочитано и сдѣлано этими «безвредными посѣтителеми». И не только народъ не понялъ, въ чемъ дѣло, но само правитель-ство не знало ничего, и до сихъ поръ оно совершенно слѣпо по-

отношенію къ тому, что было имъ сдѣлано и что оно теперь охраняеть.

Ни Петръ Великій, ни его преемники, ни предшественники, однимъ словомъ, никто никогда не объяснилъ, что значать эти слова: «быть прикрѣпленнымъ (крѣпкимъ) къ землѣ и къ помѣщику».

«Я совершенно увѣренъ,—писалъ собственноручно императоръ Александръ I,—что продажа крѣпостныхъ *безъ той земли, къ которой они приписаны*, давно запрещена закономъ».

Онъ запросилъ государственный совѣтъ, въ силу какихъ узаконеній крестьяне продавались *по одиночку*? Государственный Совѣтъ, не зная ни одного закона, который могъ бы оправдать такого рода продажу, отнесся къ сенату. Напрасно переворачивались архивы этого учрежденія въ поискахъ за прецедентами: не находилось ни клочка бумаги съ подобнымъ оправданіемъ, а указы и узаконенія обратнаго смысла изобиловали. Въ одномъ указѣ Петра I, обращенномъ къ сенату, царь возмущается, что «люди продаются въ Россіи, какъ скотина», и приказываетъ «составить законъ, воспреещающій такую торговлю и вообще продажу людей *безъ земли, если возможно*». Сенатъ ничего не сдѣлалъ. Спустя столѣтіе, сенатъ сдѣлалъ хуже, чѣмъ ничего: слишкомъ близко заинтересованный въ сохраненіи этой торговли человѣческимъ мясомъ, онъ возстановилъ плату за регистрацію, установленную еще въ царствованіе императрицы Анны. Этотъ тарифъ за регистрацію, между прочимъ, устанавливалъ, что пошлины могутъ быть уплачены продажею людей *на землю*. Государственный совѣтъ, послѣ долгихъ споровъ, призналъ, что пошлина за регистрацію не была законнымъ основаніемъ для продажи людей, и установилъ новый законъ, исправлялъ и переправлялъ его и, наконецъ, послалъ его министру внутреннихъ дѣлъ. *Это происходило во время Веронскаю конгресса.*

Съ тѣхъ поръ ни государственный совѣтъ, ни министры, ни императоръ,—никто не промолвилъ о немъ ни одного слова.

Эта характерная исторія рассказана намъ Николаемъ Тургеневымъ. Авторъ былъ тогда статсъ-секретаремъ и принималъ участіе въ обсужденіи проекта этого узаконенія. Онъ заканчиваетъ рассказъ анекдотомъ, глубоко грустнымъ по своему смыслу. Предсѣдатель совѣта, князь Кочубей,—человѣкъ, обладавшій тѣмъ глубоко-циническимъ юморомъ, который приносится опытомъ вмѣстѣ съ потерей иллюзій,—пройдя послѣ засѣданія къ г. Тургеневу, сказалъ ему съ улыбкой, не то горькой, не то насмѣшливой: «Представьте себѣ, государь думалъ, что въ послѣднія двадцать лѣтъ люди не *перепродавались*».

Отъ этого анекдота кровь бросается въ лицо.

Императоръ Николай ввелъ нѣсколько ограниченій въ торговлю людьми. Но, къ несчастью, стараясь сдѣлать нѣчто доброе, онъ только повредилъ. Таковъ результатъ полумѣръ и произвольныхъ дѣйствій. Законъ, запрещавшій безземельнымъ дворянамъ покупать крестьянъ, тѣмъ самымъ призналъ право купли людей за дворянами, у которыхъ осталась земля. Этотъ законъ былъ недоразумѣніемъ; онъ давалъ законное основаніе отвратительной торговлѣ людьми и открывалъ двери самымъ чудовищнымъ злоупотребленіямъ, нисколько ея не регулируя.

Подъ предлогомъ заселенія участка земли, совершенно достаточно населеннаго, можно было пріобрѣтать покупкой цѣлыя семьи слугъ, поваровъ, живописцевъ, прачекъ, музыкантовъ. Правительство, правда, не разрѣшало публичныхъ объявленій въ газетахъ о продажѣ крѣпостныхъ, но продажи не прекращались, принявъ лишь благопристойныя формы: объявленія гласили не о *кучеръ*, а объ *услугахъ кучера*. Къ тому же развѣ русское правительство было связано съ Англіей торжественнымъ договоромъ противъ торговли рабами? Развѣ самъ царь не объявилъ *свободнымъ* cadaго негра, который коснулся земли его имперіи? Зачѣмъ русскіе крѣпостные родились такими же бѣлыми, какъ ихъ господа? Крѣпостничество и крѣпостные существуютъ въ Россіи на вполнѣ законномъ основаніи, отданные безъ регламентаціи на совершенный произволъ дворянъ.

Лишь капризъ и выгода помѣщика управляютъ его поведеніемъ; его жестокость умѣряется только ножомъ или топоромъ крестьянина, и, выйти изъ создавашагося труднаго положенія поможетъ, вѣроятно, только оружіе, потому что дворяне ждутъ и ничего не дѣлаютъ, а правительство принимаетъ только такія мѣры, которыхъ оно не можетъ привести въ исполненіе. Дворяне нарушаютъ свои договоры съ крестьянами или *позволяютъ* имъ покупать себѣ свободу, но только за огромныя деньги, высшую цѣну. Для угнетеннаго остаются только два выхода, если онъ хочетъ добиться свободы: коса и топоръ. Пролитая кровь нахлынетъ на - - - - - , и какіе еще будутъ потоки! Ужасный примѣръ Пугачева достаточно поучителенъ.

Что всегда меня удивляло, это — - - - - русскихъ царей. Александръ I созерцалъ лишь, а Николай, говорятъ, даже намѣревался объявить ихъ волю. Каковъ же результатъ этихъ благожеланій черезъ сорокъ лѣтъ? Нелѣпый указъ отъ 2 апрѣля 1842 г.

Но, могутъ спросить, какія же средства были въ распоряженіи правительства? Средства? Достаточно отвѣтить, *что будь лишь желаніе, ея можно было бы исполнить*. Съ какихъ это поръ русское правительство стало такимъ разборчивымъ въ средствахъ? Развѣ оно задумывалось надъ средствами, когда въ XVIII вѣкѣ вводило крѣпостное право въ Малороссіи, а въ XIX—устраивало военныя поселенія? При помощи какихъ средствъ сдѣлало оно Польшу русскою провинціею и присоединило уніатовъ-грековъ къ русской православной церкви? Развѣ петербургское - - - - - когда-нибудь затруднялось въ выборѣ средствъ? Сколько совершило оно жестокихъ - - - - -, стремясь къ исполненію своихъ - - - - - цѣлей.

Освобожденіе крестьянъ не будетъ, къ счастью, связано съ жестокостями и безнравственностью, которыя необходимы при совершеніи - - - - - преступленій. Весь народъ, разумѣется, будетъ стоять за такую мѣру. Всѣ цивилизованные, развитые дворяне, все, что можетъ быть въ Россіи причислено къ «оппозиціи», должны будутъ помочь въ этомъ правительству, если только не рѣшатся отречься отъ своихъ убѣжденій.

Такимъ образомъ, никто, кромѣ самой ретроградной части общества, не держится за самую упорную привилегію дворянства. Дворянская партія такъ усиленно проповѣдывала религію пассивной покорности, что правительство въ правѣ требовать отъ нея осязательной иллюстраціи ея излюбленной теоріи (т. е. поддержки правительственныхъ мѣръ къ освобожденію крестьянъ). Кромѣ того, какими правами обладаютъ подобные люди? Они грабили народъ милостью царя, а *не милость* царя лишь пріостановить этотъ грабежъ. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ еще основанія, чтобы правительство отказало въ нѣкоторомъ удовлетвореніи современнымъ пользователям выгодами прошлой вопіющей несправедливости. Правительство могло бы установить рядъ финансовыхъ мѣръ; большая часть дворянскихъ имѣній заложена въ банкахъ государства: переобремененные долгами должники-помѣщики не въ состояніи даже выплачивать проценты.

Пусть государство вмѣсто преобразованія воспитательныхъ домовъ въ позорные рынки для продажи крестьянъ ¹⁾ войдетъ въ соглашеніе съ крестьянами относительно продажи земли и удовлетворится полученіемъ ренты.

¹⁾ Земельные банки въ Россіи имѣютъ особыя камеры въ сиротскихъ и воспитательныхъ домахъ для продажи тѣхъ помѣщичьихъ земель, которыя поддерживались ссудами изъ этихъ банковъ.—А. И. Г.

Если для выполненія этого преобразованія нужны капиталы, пусть правительство сдѣлаетъ заемъ специально для такой цѣли, или еще лучше — пусть разрѣшитъ дворянамъ въ губерніяхъ выбирать спеціальныя комитеты, устраивать собранія и союзы. Только двѣ гарантіи должны быть выговорены у правительства: во-первыхъ, чтобы деньги не отвлекались на другія государственныя нужды, и во-вторыхъ, чтобы не было никакихъ преслѣдованій противъ людей, работающихъ съ благими намѣреніями въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Съ другой стороны, что же дѣлало до сихъ поръ правительство, какіе проекты по крестьянскому вопросу были выработаны и опубликованы имъ съ 1842 года? У него нѣтъ ни мужества, ни умѣнья рѣшиться на какой-нибудь шагъ. Быть можетъ, оно чувствуетъ, что его собственныя руки не совѣмъ чисты, что на сердцѣ его остались пятна. Чтò бы то ни было, правительство, въ концѣ концовъ, ровно ничего не дѣлаетъ.

Но какъ относится къ этому народъ? Если онъ подчиняется такой тираніи, то не заслуживаетъ ли онъ ея? Да, онъ заслуживаетъ ее — въ той же степени, какъ Ирландія заслуживаетъ голода, а Италія — ига Австріи. Я такъ привыкъ слышать свирѣпый крикъ «*vae victis!*»¹⁾, что онъ больше не возбуждаетъ моего удивленія. Встаньте же и возьмитесь за оружіе въ защиту всѣхъ, кто страдаетъ, угнетенъ, кто не отмщенъ! Недостаточно того, что безземельные рабочіе (*пролетаріи*) бѣдны и умираютъ съ голоду: горькую ихъ жизнь мы вѣнчаемъ насмѣшкою, еще болѣе горькою. Пусть русскій крестьянинъ — крѣпостной; неужто мы будемъ упрекать его за это, неужто будемъ говорить, что онъ заслужилъ свои цѣпи, и послѣ этого отведемъ глаза отъ ужасныхъ страданій?

Однако, прежде чѣмъ окончательно предоставить крѣпостныхъ собственной судьбѣ, выразимъ свою признательность этимъ забытымъ рабамъ за то образованіе и знаніе, которыя мы приобрѣли цѣною голодовокъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, тяжкаго трудового пота большинства и скотскаго униженія рѣшительно всѣхъ ихъ; поблагодаримъ ихъ — вѣдь, мы — пышные и плодовые цвѣты той цивилизаціи, которою гордимся, тѣхъ привѣтливыхъ садовъ, которые орошены слезами и кровью бѣдняковъ.

Я чувствую себя неловко, когда говорю о «народѣ». Это — слово, смыслъ котораго всего болѣе запутанъ и меньше всего понятенъ въ нашъ «демократическій» вѣкъ. Представленія, которыя теперь чаще всего связываются съ этимъ словомъ, неопредѣленны, рето-

¹⁾ Горе побѣжденнымъ!

ричны, поверхностны. То народъ превозносятся до небесъ, то топчуть въ грязь. Къ несчастью, ни благородное негодование, ни восторженная декламация не способны выразить вѣрно и точно понятіе, обозначаемое словомъ «народъ», этотъ огромный гранитный фундаментъ, сцементированный вѣковыми традиціями, этотъ громадный *низовъ*, на которомъ надстроена жалкая *клятва*, — казарма нашихъ политическихъ учреждений.

На вопросъ, чего ждетъ русскій народъ, я отвѣчаю: начала социальной революціи въ Европѣ, — ждетъ безсознательно, въ силу самого своего положенія, инстинктомъ. Уже благодаря социалистическому движенію въ Европѣ, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи сдѣлалъ огромный шагъ впередъ. Правительство, дворяне, народъ—никто больше не вѣритъ въ возможность освобожденія общины, т. е. крестьянина, *безъ земли*. И даже съ точки зрѣнія абсолютнаго и неотъемлемаго права собственности не представляется другого разрѣшенія этой задачи. Освобожденіе крѣпостныхъ, проведенное такъ, какъ провелъ его Александръ I въ балтійскихъ провинціяхъ (т. е. безъ земли), является одной изъ тѣхъ ошибокъ, которыя, — мы утверждаемъ это безъ колебаній, — разрушаютъ государство. Вопросъ, нынѣ такой простой, въ будущемъ непременно осложнится.

Что же касается примѣненія такой мѣры ко всей Россіи, то результатомъ ея явился бы двадцати-милліонный *пролетаріатъ* въ странѣ, которая настолько плохо управляется, что не только свободный крестьянинъ, но и представитель мелкой буржуазіи не находитъ въ ней защиты отъ притѣсненій самовластной полиціи, гдѣ, однимъ словомъ, не существуетъ ничего, похожего на личную неприкосновенность. Помѣщики объединились бы, и правительство поддержало бы ихъ союзъ! Общинный элементъ, — великая основа славянской жизни,—получилъ бы ударъ въ самое сердце, совершенно разрушился бы, и уничтожилась бы *община*. Мы были бы свидѣтелями развалинъ единственнаго блага, которое сохранилось у русскаго крестьянина, — основы, краеугольнаго камня, безъ котораго Россія должна прійти въ полный упадокъ, и даже чудовищное - - - - - , простирающееся отъ Торнео до Амура, не могло бы больше существовать.

Я знаю, что есть люди, столь «раціонально» настроенные, что они готовы промѣнять опредѣленный и надежный залогъ на зародышъ. Они радовались бы созданію пролетаріата, такъ какъ видѣли бы въ немъ источникъ революціоннаго развитія; но развѣ каждый пролетарій—непремѣнно и революціонеръ?

II.

Сельскій рабочій (безземельный), вообще говоря, не революціонеръ, подобно рабочимъ большихъ городовъ. Въ густо населенныхъ уляхъ монополизированной промышленности, въ огромныхъ пандемоніумахъ роскоши и бѣдноты, нищеты и разврата, невѣжества и пресыщенія, оголтѣлаго пауперизма и наглаго господства денегъ, крупныхъ финансистовъ и титулованныхъ мошенниковъ и разбойниковъ, головокружительнаго богатства и ужасающей нужды и другихъ жестокихъ контрастовъ,—въ крупныхъ городскихъ центрахъ рабочій челоуѣкъ, безъ сомнѣнія, становится революціонеромъ; но иное происходитъ въ уединеніи полей. Нужны цѣлые вѣка страданій и, кромѣ того, столкновеніе религіозныхъ воззрѣній, чтобы создать крестьянскую войну, какъ въ XVI столѣтіи.

Говорятъ объ уничтоженіи русской *общины!*

Я желалъ бы знать, думали ли серьезно объ этомъ тѣ многіе русскіе, которые предлагаютъ такую мѣру. Что же останется, спрашиваю я, если мы вырвемъ этотъ жизненный нервъ нашей національной жизни? Русскій народъ вынесъ всякія потери, но *общину* сохранилъ. И неужто въ то время, какъ многіе западно-европейскіе мыслители указываютъ на плачевныя послѣдствія дробленія земельной собственности въ Европѣ, мы должны со слѣпымъ легкомысліемъ подорвать вѣковое учрежденіе, которое призваны лишь пассивно охранять, потому что оно самопроизвольно держится въ народѣ и съ помощью народа,—держится, потому что соотвѣтствуетъ его интересамъ и преданіямъ, и это—единственное право, которое еще не вырвано изъ его рукъ хищничествомъ и насилиемъ.

Общину,—я знаю,—обвиняютъ въ несовмѣстимости съ личной свободой. Но развѣ крестьяне нуждались въ этой свободѣ до отмѣны Юрьева дня? Развѣ на ряду съ постоянными поселеніями не развивались подвижныя общины, свободные союзы ремесленныхъ рабочихъ (артели) и, кромѣ того, чисто военныя общины казаковъ? Основная, неподвижная община оставляла достаточно широкій просторъ для личной свободы и личной инициативы, потому что она никогда не переставала заботиться объ интересахъ и питаніи своихъ естественно законныхъ отпрысковъ: одинъ изъ нихъ поднимался на защиту страны и раздвигалъ ея границу, другой съ топоромъ въ рукахъ передвигался туда, куда привлекала его возможность работы.

Въ военныхъ или казачьихъ *общинахъ* личность не подав-

лялась и не растворялась въ массѣ. Всякій, кто читалъ повѣсть Гоголя «Тарась Бульба», могъ получить нѣкоторое представленіе о жизни этихъ общинъ и пойметъ аналогичную исторію, случившуюся въ царствованіе Александра I. Одинъ престарѣлый казакъ, отказавшійся подчиниться звѣрски-жестокой дисциплинѣ «военныхъ поселеній», подвергся наказанію—нѣсколькимъ тысячамъ палочныхъ ударовъ, послѣ этого молча присутствовалъ при варварской казни своего старшаго сына и открылъ уста лишь для того, чтобы спросить, какимъ образомъ его младшій сынъ избѣжалъ той же казни. Когда же онъ узналъ, что послѣдній купилъ себѣ спасеніе цѣною подчиненія, старикъ обнялъ старшаго сына, а младшаго, устранившись отъ казни, проклялъ. Завернувшись затѣмъ въ свой «казакинъ», онъ легъ на землю и тамъ же скончался.

Казачество служитъ нагляднымъ доказательствомъ, что русская народная жизнь содержала въ себѣ необходимое дополненіе мирной жизни массовой сельской общины. Фактически казачество служило отворенной дверью для крестьянъ, не расположенныхъ къ спокойной жизни, искавшихъ новизны, движенія, жаждавшихъ приключеній и опасныхъ подвиговъ, стремившихся къ дикой независимости. Оно вполне соответствовало тому буйному началу, которое выражается русскимъ словомъ *удаль* и составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ славянской расы.

Являясь неутомимою стражею наиболѣе опасныхъ границъ страны, казачество образовало въ этихъ передовыхъ постахъ республиканскія и демократическія общины, сохранившіяся еще къ началу восемнадцатаго столѣтія, и онѣ имѣли блестящую исторію. Такъ, наприимѣръ, запорожцы были странствующими рыцарями демократической массы чернаго народа. Являясь скорѣе не покорными, неукротимыми разбойниками, чѣмъ подданными какой-либо власти, казаки точно унаслѣдовали тѣ неопредѣленные предчувствія, то пророческое чутье, которыми отличались норманны. Въ царствованіе Ивана IV шайка казаковъ завоевала Сибирь. Вождь ихъ, Ермакъ, не довольствуясь тѣмъ, что дошелъ до Тобольска, пустился въ глубину сибирскихъ дебрей и умирающей рукой водрузилъ свое знамя въ завоеванномъ Иркутскѣ. Послѣ него другой казакъ перешелъ черезъ мерзлыя пустыни и льды къ берегу Тихаго океана,—точно его влекло туда магнетическою силою,—можетъ, онъ провидѣлъ все огромное значеніе расширенія предѣловъ Россіи вплоть до границы Америки.

Лишь неразумная ограниченность нѣмецкаго правительства въ Петербургѣ помѣшала ему понять всю важность такого учрежденія, какъ вольное казачество. Прежде всѣхъ началъ его притѣснять

Петръ Великій, обрадовавшись счастливому поводу, который дала ему измѣна Мазепы. Екатерина обратила цѣлые миллионы казаковъ въ крѣпостныхъ крестьянъ, Николай уничтожилъ демократическую организацію казаковъ, давая дворянство казачьимъ офицерамъ, которые до того были выборными. Николай покушался даже на ихъ народныя пѣсни ¹⁾). Разумѣется, такое учрежденіе едва ли могло быть совмѣстимо съ военнымъ укладомъ русскаго правительства, но послѣднее неспособно додуматься ни до чего болѣе разумнаго, какъ до насильственнаго устройства нелѣпыхъ военныхъ поселеній, и, конечно, не могло допустить развитія древняго глубоко-популярнаго учрежденія, какъ казачество.

Не можетъ быть и спора, что общинный укладъ русской деревни и республиканскій строй прежнихъ казачьихъ поселеній способны удовлетворить стремленія современныхъ европейскихъ теоретиковъ. Въ тѣхъ учрежденіяхъ все было въ зародышевомъ состояніи. Личная свобода то и дѣло приносилась въ жертву патриархальному быту и демократическому братству. Но кто же задается мыслью снова строить прежнее, не оконченное зданіе по прежнему плану? За нами нѣтъ заслуги и въ томъ, что мы, при полномъ нашемъ квіетизмѣ, сохранили тотъ общинный строй, который германскіе народы давно уже потеряли, вслѣдствіе превратностей ихъ исторіи. Но въ этомъ сохраненіи нашей старины есть и преимущество. И мы могли бы надежно воспользоваться дорого стоившимъ опытомъ нашихъ предковъ.

Западная Европа пожертвовала своими общинными учрежденіями, а вмѣстѣ съ ними—своими крестьянами и мелкими ремесленниками, когда вступила въ болѣе широкую и богатую жизнь послѣ долгой и славной борьбы за освобожденіе меньшинства своей аристократіи и средняго сословія. Она имѣла католицизмъ, протестантизмъ, рыцарство съ его поэзією, *третье сословіе*, отличившееся своимъ упорствомъ, реформацію и, наконецъ, революцію, которая наполовину разрушила церковь и тронъ. Одна лишь Россія осталась въ сторонѣ отъ этихъ общественныхъ завоеваній и славы своихъ сосѣдей. Народъ ея, оказавшійся неспособнымъ къ подражанію и еще менѣе—къ достиженію европейскаго развитія, влачилъ жалкое существованіе до самаго кievскаго періода. Монгольское иго, византійскіе - - -, германизированные - - - - - , помѣщики, похожіе на рабовладѣльцевъ,—таковы были хозяева русской жизни. И, однако, хотя народъ ничего и не приобрѣлъ, но

¹⁾ Учрежденіе цензуры и запрещеніе печатать на малороссійскомъ языкѣ.—А. И. Г.

онъ, по крайней мѣрѣ сохранилъ общину съ равноправіемъ ея членовъ относительно владѣнія земли и распредѣленія ея.

Къ тому же, конечно, русскій крестьянинъ не подчинился крѣпостному состоянію безъ упорной борьбы. Легкій успѣхъ Дмитрія Самозванца, восторженное отношеніе къ нему народа, появленіе подражателей ему—другихъ самозванцевъ, которые несмотря на пораженія, все снова появлялись съ огромнымъ войскомъ передъ Москвою,—вся эта исторія осталась бы совершенно не понятною, еслибы она не исходила изъ могучаго, широкаго и глубокаго движенія. Этимъ вспышкамъ продолжительнаго противленія народа не удалось подорвать престоль - - - - -, но даже лживыя хроники правительства не могли обойти молчаніемъ эти войны «воровъ». Стенька Разинъ, — одинъ изъ предводителей такихъ «воровъ» — повелъ за собою 200.000 человекъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича было повѣшено болѣе 12.000 крестьянъ. Столѣтіе спустя, императрица Екатерина II не разъ мѣнялась въ лицѣ при докладахъ ея генераловъ о пугачевскомъ бунтѣ. *Пугачевъ* сдѣлалъ роковую ошибку, ту самую, которую затѣмъ повторилъ Кошутъ. Послѣ рѣшительной побѣды при взятіи Казани онъ не направился прямо въ Москву, гдѣ,—по свидѣтельству очевидца Кастевы,—его съ захватывающимъ нетерпѣніемъ ждали 200.000 крѣпостныхъ. Простонародіе (*мужики*) было истреблено во имя цивилизаціи, и Вольтеръ поздравлялъ Сѣверную Семирамиду съ побѣдами Бибикова и Панина.

Знамя возстанія *Пугачевъ* поднялъ во имя освобожденія крестьянъ отъ помѣщиковъ. Девизъ его былъ—*ultor et redivivus*¹⁾. Взятый въ плѣнъ и закованный въ цѣпи, онъ отвѣчалъ - - - - - генералу, который собственноручно билъ его и при этомъ грубо ругался: «Я только вороненокъ, а воронъ еще въ воздухѣ летаетъ»²⁾.

Послѣ полуторовѣковой борьбы русскій народъ покинулъ поле брани. Пугачевъ былъ послѣднимъ народнымъ вождемъ. Съ тѣхъ поръ не было народныхъ возстаній, кромѣ бунта въ Старой Руссѣ въ 1831 году. Бунтъ этотъ отличался страшною жестокостію, но что можно ожидать въ отвѣтъ на ужасающій терроръ, которымъ поддерживались военныя поселенія? Что посѣешь, то и пожнешь.

Возстаніе въ Россіи, вообще, во всѣ времена очень трудно

¹⁾ Мститель, снова ожившій.

²⁾ Генералъ, ругая Пугачева, называлъ его «воромъ», что на прежнемъ русскомъ языкѣ означало разбойникъ. Пугачевъ же, въ отвѣтъ прибавилъ къ слову «воръ» слово «онъ», откуда и вышло его извѣстное образное сравненіе—вороненокъ и воронъ.—А. И. Г.

организовать, вслѣдствіе разбросанности народа по громаднымъ равнинамъ его открытыхъ деревень и жилищъ, сколоченныхъ изъ бревенъ. Единственнымъ убѣжищемъ могли служить лѣса, и графъ Воронцовъ показалъ на Кавказѣ, какъ поступать съ такимъ убѣжищемъ.

Кромѣ того, въ понятія народа вносятъ путаницу самыя злоупотребленія исполнительной власти. Крѣпостной, принадлежащей богатому помѣщику, радъ найти у своего всемогущаго хозяина защиту противъ притѣсненій чиновниковъ и полиціи. Далѣе, положеніе крѣпостныхъ не вездѣ было одинаково тяжело и унизительно, это—добавочная причина, почему такъ трудны объединенныя организаціи и одновременныя возстанія, почему крестьянскіе бунты оставались разрозненными, мѣстными и ограничивались отдѣльными общинами, рѣдко распространяясь на двѣ или три изъ нихъ вмѣстѣ.

По даннымъ послѣдней ревизіи, крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи было 11.380.000 (не считая женщинъ): двѣ трети этого числа принадлежатъ помѣщикамъ, которые владѣютъ не менѣе, чѣмъ по 1.000 человекъ, и отъ нихъ не требуютъ ничего, кромѣ *оброка*, т. е. денежной ренты за землю, которою крестьяне распоряжаются по своему усмотрѣнію.

Такіе крестьяне и всѣ вообще, принадлежащіе богатымъ землевладѣльцамъ, обыкновенно являются,—какъ легко себѣ представить, — менѣе бѣдными и несчастными, чѣмъ зависящіе отъ мелкопомѣстныхъ дворянъ и обязанные непосредственно на нихъ работать (принудительныя работы, вродѣ прежняго европейскаго *corvée*). Кромѣ того, крупные помѣщики рѣдко живутъ въ своихъ имѣніяхъ, кромѣ немногихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, тогда какъ мелкіе помѣщики обитаютъ на своей землѣ круглый годъ и стараются накоплять себѣ добавочныя средства для поѣздокъ и временнаго проживанія въ столицахъ. Скупые и мало обезпеченные, такіе помѣщики вмѣшиваются во всѣ дѣла крестьянъ, стараются изъ всего извлечь для себя добавочный барышъ; такъ, кромѣ обычно установленныхъ работъ и платежей, такіе мелкіе помѣщики берутъ съ крестьянъ и продуктами,—въ видѣ яицъ, грибовъ, полотна, овощей и фруктовъ, масла, молока и домашней птицы. А чтобы разсѣять *скуку* деревенской жизни, они развлекаются еще за счетъ семейныхъ и супружескихъ правъ зависимыхъ отъ нихъ крѣпостныхъ.

Такіе мелко-помѣщичьи центры разсѣяны по всему пространству русской территоріи въ Европѣ. Сибирь, къ счастью, не знаетъ крѣпостничества. Отдѣленные другъ отъ друга имѣніями крупныхъ землевладѣльцевъ или землями свободныхъ общинъ, крѣпостныя общины остаются совершенно разъединенными. Нельзя сказать,

чтобы русскіе крестьяне проявляли особенно сильное сочувствіе къ своимъ собратьямъ, но гдѣ и когда взаимное сочувствіе или состраданіе объединяли угнетенныя массы и вооружали ихъ на отмщеніе за свои права? Правда, въ 1839 и 1840 гг. мы видѣли начало объединенія крѣпостныхъ общинъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Симбирской и Тамбовской губерній,—убійства помѣщиковъ казались осуществленіемъ какого-то плана. Но обычно событія не принимаютъ такого направленія. Цѣлые годы молча терпятъ крѣпостные какой-нибудь общины, совершенно безропотно страдая и перенося всякія бѣдствія. Вдругъ, безъ всякаго предупрежденія, вспыхиваетъ бунтъ,—крестьяне убиваютъ помѣщика, рѣжутъ всю его семью, сжигаютъ его домъ; затѣмъ они съ собачьей покорностью переносятъ наказаніе *плетьми* и ссылаются въ сибирскіе рудники, гдѣ часто погибаютъ. Такой исходъ извѣстенъ имъ заранѣе, тѣмъ не менѣе, они, все-таки, бунтуютъ, когда положеніе становится невыносимымъ. Причины такихъ бунтовъ заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Обыкновенно они вызываются покушеніями помѣщика на права *общины*. Крестьяне чувствуютъ себя жертвою, лишенной всякаго покровительства и защиты. То и дѣло они измучены сверхурочною работою, обременены излишними обложеніями, непрерывно подвержены чрезмѣрнымъ наказаніямъ со стороны грубаго и жестокаго управляющаго, но все это кажется русскому крѣпостному бѣдствіемъ временнымъ и поправимымъ. Но онъ никогда не можетъ примириться и не подчиняется безъ кроваваго протеста вмѣшательству помѣщика въ распределеніе общинныхъ земель, въ права на пастбища и вообще въ дѣла *общины*. Тутъ крѣпостной чувствуетъ себя пораженнымъ въ послѣднемъ своемъ убѣжищѣ, за которымъ ему *ничего* не видно. Вотъ *тогда-то* крестьянинъ убиваетъ помѣщика. Почему же,—можно спросить,—крестьянинъ не домогается сначала удовлетворенія своихъ правъ? Чтобы пожаловаться на нарушеніе права, нужно имѣть законное основаніе. *Община* же въ Россіи существуетъ сама собою¹⁾, потому что ее нельзя искоренить, потому что она одна составляетъ весь нравственный устой крестьянской жизни; само правительство фактически признаетъ это; дворянство подчиняется и привыкло къ ея существованію.

По закону, крестьянинъ самъ можетъ обратиться съ жалобою только къ уѣздному предводителю *дворянства*. Этотъ предводитель, избираемый дворянами, является естественнымъ ихъ защитникомъ, какъ по отношенію къ правительству, такъ и по отношенію къ народу. Полиція не принимаетъ крестьянскихъ жалобъ противъ по-

¹⁾ Т. е. не на основаніи какихъ-либо спеціальныхъ узаконеній.—А. И. Г.

мѣщиковъ, кромѣ чрезвычайныхъ уголовныхъ случаевъ, которые не относятся непосредственно къ интересамъ крестьянъ. Крѣпостному разрѣшается доносить на помѣщика только въ случаѣ принадлежности его къ тайному обществу или уголовнаго преступленія. Законъ дозволяетъ лишь три дня работы на помѣщика въ теченіе недѣли, а наблюдаетъ за исполненіемъ этого особая полиція, *избираемая мѣстными дворянствомъ*. Отъ времени до времени правительство вдругъ, точно съ изумленіемъ, замѣчаетъ злоупотребленія помѣщиковъ, проявляетъ тогда удивительное мужество и наказываетъ одного или двухъ помѣщиковъ. Затѣмъ слѣдуетъ долгій и ужасный промежутокъ прежнихъ, не наказанныхъ и не отщепенныхъ злоупотребленій.

III.

Какъ разъ передъ тѣмъ, когда я въ 1846 г. уѣхалъ изъ Россіи, всю Москву сильно волновало дѣло, характерное для русскаго помѣщичьяго быта. Одинъ князь, владѣтель обширныхъ имѣній въ Орловской губерніи, высѣкъ одного изъ своихъ крѣпостныхъ. Крестьянинъ умеръ подъ розгами. Согласно обычаю, похороны совершали священникъ, діаконъ и причетникъ. Былъ составленъ протоколь о смерти этого человѣка. Добрый священникъ подписалъ его, добрый діаконъ — также, но причетникъ, прочитавъ содержаніе бумаги, замѣтилъ, что тутъ дѣло идетъ не о смерти, а объ убійствѣ человѣка. Священникъ остановился въ изумленіи, пробовалъ разувѣрить причетника и убѣдить его подписать бумагу. Причетникъ рѣшительно отказался. Какъ только узналъ объ этомъ князь, то, подумавъ, что причетникъ хочетъ лишь воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы получить деньги, послалъ бѣдняку нѣсколько сотъ рублей. Однако, причетникъ не сдался и, призвавъ священника и діакона для удостовѣренія, что его хотѣли подкупить, вслѣдъ за тѣмъ исчезъ, отправился въ Орель и доложилъ о случившемся архіерею. Архіерей, совершенно не подготовленный къ такой неожиданности, написалъ губернатору и мѣстному протоіерею. Губернаторъ оказался близкимъ родственникомъ убійцы. Можно себѣ представить, что онъ не пожалѣлъ усилій, чтобы замаять это дѣло, но непреклонный причетникъ упорствовалъ въ своихъ обвиненіяхъ. Дѣло разгласилось и поставило мѣстную полицію въ очень затруднительное положеніе, такъ какъ преступленіе было черезчуръ явнымъ. Тайная полиція довела о немъ до свѣдѣнія государя. Губернаторъ былъ смѣщенъ; слѣдствіе рас-

крыло еще другія дѣянія; доказательство за доказательствомъ было установлено, что князь Трубецкой и его жена постоянно подвергали своихъ крѣпостныхъ отвратительнѣйшимъ истязаніямъ. Въ барской усадьбѣ оказалось подземелье, въ которомъ томились заключенные крѣпостные, закованные въ цѣпяхъ. Необходимо тутъ замѣтить, что подземныя темницы и цѣпи совершенно не въ обычаѣ у русскихъ помѣщиковъ. Князь былъ преданъ суду, осужденъ, лишенъ титула и правъ, и сосланъ въ Сибирь, вмѣстѣ съ достойною его супругою. Но государь и на этомъ не остановился: онъ приказалъ отдать подъ судъ всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства, которые избирались со времени поселенія князя Трубецкого въ своемъ имѣніи. Но, какъ и слѣдовало ожидать, это дѣло не было доведено до конца. Среди этихъ предводителей дворянства находился Ч., — попавшій затѣмъ въ министры юстиціи, — и дѣло было пріостановлено изъ уваженія къ одному изъ ниболѣе посредственныхъ администраторовъ.

Отношенія между дворянами и крѣпостными въ Россіи вообще нехороши. Разумѣется, они отличаются всею напряженностью и неустойчивостью, какія только можетъ создать взаимное недовѣріе. Гакстгаузенъ говоритъ о патріархальномъ характерѣ этихъ отношеній, но гдѣ могъ онъ его наблюдать? Крупные помѣщики екатерининской эпохи еще обращались со своими крестьянами съ аристократическою снисходительностью и покровительствомъ; мелкіе же помѣщики, сами еще не разставшіеся съ уровнемъ развитія и обычаями крестьянъ, жили постоянно вмѣстѣ со своими крѣпостными и держались очень просто. Но уже слѣдующее поколѣніе все больше и больше отдалялось отъ крестьянъ и простого образа жизни. Цивилизація развивала въ дворянствѣ новыя потребности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, новые пути и средства для ихъ удовлетворенія. Развитіе промышленности и мануфактуръ вмѣстѣ съ распространеніемъ началъ политической экономіи и *примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ условіямъ* указывали новыя средства для *использованія* дарового труда крѣпостныхъ. Помѣщикъ—этотъ «патріархъ», этотъ глава «клана», этотъ «отецъ общины»,—изъ аристократа дѣлался постепенно заводчикомъ, плантаторомъ; рабовладѣльцемъ.

Г. Гакстгаузенъ все это видѣлъ и въ этомъ отношеніи освѣдомленъ такъ же хорошо, какъ и я, но, будучи абсолютистомъ-демагогомъ, долженъ былъ обойти все это молчаніемъ. Этотъ писатель, который, къ несчастью, испортилъ свой интересный трудъ неопишуемою, фанатическою страстью къ монархизму ¹⁾, слишкомъ

¹⁾ Эта страсть довела его до торжественнаго восхваленія кнута для

хорошо знаетъ устройство русской общины, чтобы не видѣть, что власть помѣщика является насильемъ надъ общиною и приводитъ къ ней, какъ совершенно чуждый ей элементъ, паразитный и лишенный нормальнаго основанія. Гакстгаузену также плохо удастся оправдать помѣщицки привилегіи мнимымъ патріархальнымъ бытомъ, какъ и объяснить притѣснительный деспотизмъ Петербурга *величіемъ покорности* — страстью, которою этотъ просвѣщенный нѣмецъ называетъ отличительною добродѣтелью русскаго народа. На самомъ дѣлѣ, настоящимъ патріархальнымъ главою общины является ея староста, избираемый общиною изъ собственныхъ ея членовъ. Именно, онъ занимаетъ мѣсто отца всей крестьянской семьи; онъ одинъ является представителемъ, охранителемъ и естественнымъ покровителемъ общины. Что же, въ такомъ случаѣ остается въ вѣдѣніи и на обязанности помѣщика, этого самозванца, который лишь время отъ времени, въ болѣе или менѣе неравномѣрные промежутки наѣзжаетъ въ свои владѣнія и беретъ тамъ оброки и поборы, подобно татарскимъ баскакамъ, внезапно появившимся въ русскихъ городахъ за данью? Съ другой стороны, староста—не деспотъ и не можетъ имъ сдѣлаться: всякое его покушеніе въ такомъ направленіи встрѣтитъ отпоръ въ обычаяхъ и традиціонныхъ правахъ общины. Собраніе общины («міръ») своей объединенной волей тотчасъ вернетъ къ предѣламъ его власти и къ исполненію его обязанностей. Избираемый свободнымъ голосованіемъ всѣхъ работоспособныхъ членовъ общины и на ограниченный срокъ, староста достаточно хорошо знаетъ, что онъ обратится потомъ въ простого *мужика*, если только его не изберутъ вторично. Онъ знаетъ, что по истеченіи срока избранія онъ обязанъ будетъ явиться передъ міромъ и (какъ г. Гакстгаузенъ поэтически описываетъ) «стать на колѣни и сложить свой посохъ и другіе знаки своей бывшей власти и просить у міра прощенія, если кого чѣмъ-нибудь обидѣлъ или кому сдѣлалъ зло».

Понятно, община не нуждается въ другомъ отцѣ или въ *отчимѣ*, который живетъ въ сторонѣ отъ общины и лишь время отъ времени появляется затѣмъ только, чтобы отобрать себѣ львиную долю продуктовъ ея труда. Если бы помѣщикъ былъ только владѣльцемъ земли, то онъ не могъ бы ничего требовать, кромѣ ренты за свою землю, но русскій помѣщикъ еще обременяетъ крестьянъ подушною податью, облагаетъ ихъ трудъ независимо отъ земли и

солдатскихъ спинъ. Онъ говоритъ о нагайкѣ съ какимъ-то повышеннымъ восторгомъ и приписываетъ ей всю славу Рима, ссылаясь на авторитеты нѣкоторыхъ почтенныхъ и царственныхъ (изъ прусскаго королевскаго дома) якобинцевъ и иныхъ.—А. И. Г.

береть выкупъ за право передвиженія. Такимъ образомъ, если здѣсь примѣнить прекрасное выраженіе, какъ-то вырвавшееся у г. Гакстаузена, въ родѣ «сенсимонизма на изнанку»,—помѣщикъ беретъ подать тѣмъ бѣольшую, чѣмъ больше *таланта* у облагаемаго, т. е. больше способности платить.

Не должно бы быть ничего выше общины, чѣмъ единство націи, *respublica* (земское дѣло) или направляющая власть. Свободныя общины группируются въ болѣе крупныя единицы (волости), и, согласно русскому закону, избранные общинами старосты выбираютъ, въ свою очередь, для всей волости начальника, также изъ простого народа, который называется *оловою*. Многіе *оловы* имѣютъ по тридцати тысячъ душъ подъ своимъ управленіемъ. Кромѣ *оловы*, избирается еще двое судей, — нѣчто въ родѣ мирового суда,—для законнаго управленія общинными дѣлами и волостной полиціей. Въ деревняхъ полицейскія обязанности выполняются выборными десятскими и сотскими. Распредѣленіе налоговъ и натуральныхъ повинностей производится *оловою* и *стариками*. Все это вмѣстѣ является *самоуправленіемъ* вполнѣ социалистическаго характера, и оно дѣйствовало прекрасно до тѣхъ поръ, пока Россія не перенимала нѣмецкую полицію и византійскіе порядки.

Одинъ министръ, г. Киселевъ, оказался способнымъ понять, хотя бы отчасти, выгоды прекрасныхъ установленій, на которыхъ зиждется община. Не будь такъ испорчено чиновничество, административная реформа Киселева явилась бы во всякомъ случаѣ началомъ признанія русскаго общиннаго права. Одно изъ главныхъ несчастій петербургскаго правительства заключается въ томъ, что оно стремится *чрезмѣрно* управлять. Оно вмѣшивается во всякое дѣло, старается все привести въ порядокъ и обо всемъ беспокоится: о длинѣ еврейскаго лапсердака на польской границѣ, о длинѣ волосъ русскаго студента; то совѣтуетъ мужу дѣлать выговоры женѣ, то убѣждаетъ молодыхъ людей не проигрывать своего состоянія въ карты. Нашъ императоръ — не только глава государства и церкви: онъ тоже главный столоначальникъ и хлопотунъ-аншефъ. Онъ женить своихъ подданныхъ и разводитъ ихъ; онъ устраиваетъ все и - - - - - *Talis rex* ¹⁾).

Но г. Киселевъ, рядомъ съ желаніемъ поддержать великія общинныя учрежденія, самъ содѣйствовалъ извращенію чисто-національныхъ и здравыхъ основныхъ чертъ своего плана тѣмъ, что стремился ввести въ него чрезмѣрное административное вмѣшательство и регламентацію, совсѣмъ не подходящія къ странѣ, которой

¹⁾ Таковъ король.

формализмъ чуждъ и противенъ и которая на самомъ дѣлѣ не нуждается ни въ какихъ искусственныхъ добавленіяхъ къ мощи вѣковыхъ привычекъ и традиціонныхъ обычаевъ. Вмѣшательство чиновниковъ во всѣ крестьянскія дѣла было равносильно введенію вора въ каждую общину или открытію въ ней австралійскаго золотого рудника для грабительства бюрократическихъ *рудокоповъ*. Честность самого министра здѣсь не заподозрѣвается, но неужто онъ недостаточно пожилъ въ Россіи, чтобы не знать, что мелкіе чиновники по всей Россіи — не что иное, какъ патентованные разбойники и заматерѣлые воры?

Отчужденность чиновнаго міра отъ народа, какъ и народа отъ правительства, достаточно очевидна. Петербургское правительство является лишь временнымъ правительствомъ: это—террорстическое диктаторство, - - - - -, доведенный *ad absurdum* ¹⁾. Его народъ — *дворянство*, но это лишь постольку, поскольку дворянство — врагъ простого народа. Г. Гакстгаузенъ силится доказать противное — что - - - - - власть, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, является необходимою, національною, логичною и народною. Этотъ истый католикъ-цензоръ для поддержки - - - - - апеллируетъ даже къ мнимо атеистической философіи Гегеля. Извѣстно, что Гегель вскружилъ многимъ людямъ голову, облачивъ простѣйшую въ мірѣ теорію въ самую необычную формулу: «все существующее разумно». Ничто не можетъ быть яснѣе, и не входя даже въ различія между словами *быть* и *казаться*, можно согласиться, что всякое явленіе имѣетъ свою *причину* и что абсолютная нелѣпость абсолютно невозможна. Не нужно быть великимъ метафизикомъ, чтобы знать, что тамъ, гдѣ есть какое-либо *дѣйствіе*, есть и *причина* этого дѣйствія. Жофруа Сентъ-Иллеръ открылъ и описалъ истинные и точные законы тератологіи ²⁾; онъ удивительно удачно объяснилъ причины ненормальнаго развитія человѣческаго зародыша, но уроды остались уродами. Въ нормальномъ понятіи уродство людей представляется какъ возможность, обусловленная извѣстными причинами, но было бы бессмысленно признать уродство, какъ правило. Простое изслѣдованіе различныхъ уродствъ было бы совершенно кстати въ Россіи, но г. Гакстгаузенъ вооружился преданною проклятью философіей Гегеля совсѣмъ для иной цѣли. Онъ сдѣлалъ изъ нея выводъ, что - - - - - власть въ Россіи является наилучшимъ для нея правительствомъ! «Лишь одного не хватаетъ», — продол-

1) До нелѣпости.

2) Наука объ уродахъ.

жаеть нашъ духовный врачъ, — «этому правительству для полного совершенства это — стать католическимъ». Доносо - Кортесъ въ Мадридѣ имѣлъ обыкновеніе предсказывать конецъ міра, если Англія не поспѣшитъ помириться съ католицизмомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ русское правительство отдѣлилось отъ русскаго народа, лицомъ къ лицу стали двѣ Россіи. Съ одной стороны *правительственная* Россія, богатая, вооруженная не только штыками, но и всѣми средствами интриги и обмана, которія она заимствовала изъ канцелярій деспотическихъ государствъ Германіи. Съ другой—Россія бѣдная, земледѣльская, трудолюбивая, общинная и демократическая; Россія, безоружная и завоеванная (conquisita), хотя она и не была побѣждена. Что же удивительнаго въ томъ, что - - - - - подчинили *своей* Россіи, — Россіи придворныхъ и чиновниковъ, французскихъ модъ и нѣмецкихъ манеръ, — эту другую, бородатую, неотесанную, варварскую, *мужицкую* Россію, неспособную оцѣнить эту завезенную цивилизацію, которая обрушилась на нее по милости - - - - - и къ которой невѣжественный крестьянинъ открыто выказываетъ самое неподдѣльное отвращеніе? И какъ относиться къ *этой* Россіи?

— Какъ вы были мрачны эти послѣдніе дни, — сказалъ однажды графъ, одинъ изъ - - - - - свиты императрицы Екатерины II, одному изъ своихъ приспѣшниковъ.

Человѣкъ, къ которому были обращены эти слова, частью въ видѣ вопроса, частью въ видѣ укора, былъ бѣдный дворянинъ и служилъ гнусною мишенью для гнусныхъ шутокъ разочарованнаго фаворита. Этотъ шутъ, жирный и жадный, всегда съ страшнымъ нетерпѣніемъ ждалъ момента, когда открывалась возможность нажираться за графскимъ обѣдомъ. Замѣтивъ эту прожорливость, графъ придумалъ очень забавную шутку. Онъ велѣлъ купить лошадиный хомутъ и сталъ надѣвать его шуту на шею, не допуская его въ иномъ видѣ къ кушаньямъ и винамъ.

Дворянинъ бился въ хомутѣ, какъ звѣрь, бросался нарочно на блюда и бутылки и оставлялъ ихъ только тогда, когда они дѣлались пустыми. Это необыкновенно забавляло хозяина и его гостей.

— О, у меня много причинъ, чтобы повѣсить носъ, — отвѣчалъ упряжной дворянинъ.—Изъ всѣхъ лицъ вашей свиты я одинъ лишь, несчастный, не былъ вами награжденъ.

— Какъ такъ? — спросилъ графъ.

— Развѣ вы не подарили казаковъ всей вашей свитѣ? И только я одинъ исключенъ изъ вашихъ щедротъ.

Графъ расхохотался и, обратившись къ гостямъ, сказалъ:

— Каковъ малый? Онъ не такъ глупъ, какъ кажется. Такъ тебѣ захотѣлось казаковъ?

— Почему же нѣтъ? — отвѣчалъ шутъ. — Вѣдь, они вамъ ничего не стоятъ!

— Конечно, что же они мнѣ стоятъ? Хорошо, я дамъ тебѣ казаковъ.

— Графъ, вы шутите!

— Нѣтъ, даю тебѣ слово.

И Калибанъ покрылъ поцѣлуями руку своего достойнаго покровителя.

Это было какъ разъ въ то время, когда въ Малороссіи вводилось крѣпостное право. Екатерина II — эта мать своего отечества, одержимая ненасытною - - - - - — подарила однажды триста тысячъ крестьянъ мужескаго пола въ расплату за одну изъ ея - - - - -.

Графу стоило только сказать нѣсколько словъ, чтобы сдержать свое обѣщаніе, и освобожденный отъ своего хомута дворянинъ отправился въ Малороссію, гдѣ сдѣлался помѣщикомъ и господиномъ надъ цѣлою общиною казаковъ.

Не могу удержаться, чтобы не рассказать еще одно дѣйствіе этой драмы.

Въ прошломъ году, переѣзжая черезъ С.-Готардъ, я замѣтилъ одну русскую фамилію въ книгѣ для записи пріѣзжающихъ путешественниковъ. Къ этой фамиліи другой русскій путешественникъ добавилъ небезынтересную біографическую замѣтку. Русскій камергеръ императорскаго двора, помѣщикъ въ Малороссіи, много лѣтъ мучилъ своихъ крѣпостныхъ и дворовыхъ. Весьма богатый, но и чрезвычайно жадный, онъ возмущилъ крестьянъ своими вымогательствами и самодурствомъ. Въ 1850 г., когда онъ жилъ въ одномъ изъ своихъ помѣстій, приведенные имъ въ отчаяніе крѣпостные рѣшили примѣрно проучить своего господина. Однажды ночью они съ оружіемъ ворвались въ его домъ и, показавъ ему пучокъ свѣженарѣзанныхъ розогъ, предложили ему на выборъ: смерть или тѣлесное наказаніе. Камергеръ благоразумно выбралъ розги и его высѣкли самымъ тщательнымъ образомъ. Послѣ наказанія крѣпостные потребовали съ него письменное обѣщаніе не разглашать событій этой ночи. Онъ написалъ и подписалъ это благородное обѣщаніе, больше того — онъ и *сдержалъ* его изъ опасеній худшихъ послѣдствій.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя настало время рекрутскаго набора. Помѣщикъ назначилъ одного изъ своихъ крѣпостныхъ въ рекруты отъ своего имѣнія. Повидимому, этотъ парень присут-

ствовалъ при Execuціи барина и принималъ въ сѣченіи очень усердное и видное участіе, по крайней мѣрѣ, онъ самъ убѣжденъ въ томъ, что назначеніе его въ рекруты явилось заранѣе обдуманнѣмъ мщеніемъ со стороны высѣченнаго дворянина. Необходимо принять во вниманіе, что русскій крестьянинъ считаетъ рекрутскій наборъ ужаснѣмъ для себя несчастьемъ. Молодой рекрутъ, въ свою очередь, рѣшилъ отмстить барину. Ставъ передъ воинскимъ присутствіемъ, онъ объявилъ во всеуслышаніе, что его отдають въ солдаты лишь потому, что онъ высѣкъ своего барина-камергера. Сперва всѣ подумали, что онъ сошелъ съ ума.

— А! Вы думаете, что я не въ своемъ умѣ?—возразилъ онъ.— У меня есть бумага, которой вы повѣрите.

Онъ вынулъ изъ кармана письменное обѣщаніе камергера и громко его прочиталъ.

Все присутствіе было поражено изумленіемъ. Фактъ оказался столь неожиданнымъ, что забыли даже отобрать документъ и возвратить его камергеру. Тутъ же сгоряча былъ составленъ протоколъ о заявленіи рекрута. Это былъ первый въ Россіи случай, что крѣпостные высѣкли своего помѣщика розгами.

Великое смущеніе испытывалъ министръ, докладывая объ этомъ дѣлѣ государю. - - - - - , который все время стоялъ на сторонѣ своего камергера, пока тотъ сѣкъ своихъ крестьянъ, вознегодовалъ за то, что его высѣкли. Онъ выгналъ его со службы и выслалъ изъ Россіи, крѣпостные же не подверглись никакому наказанію. Съ тѣхъ поръ нашъ эксъ-камергеръ, живя въ Европѣ по приказу - - - - - , ѣздилъ съ ободранною спиною и плечами изъ одной цивилизованной столицы въ другую. Онъ-то и записалъ свою фамилію въ книгѣ для проѣзжающихъ черезъ Сень-Готардъ.

Чтобы исторія получила всю свою *пикантность*, да позволено мнѣ будетъ добавить, что этотъ исполосованный, изсѣченный камергеръ, этотъ жестокой и трусливый помѣщикъ, былъ не кто иной, какъ благородный внукъ того дворянина *въ хомутъ*, того прозорливаго шута, которому подарили казаковъ въ Малороссіи; сѣкли же его потомки несчастныхъ казаковъ, которые были подарены презрѣнному скомороху и стали его добычей.

Хорошо! Что же вы скажете объ этомъ отцѣ, котораго запрягали въ хомутъ, какъ лошадь, объ этомъ высѣченномъ сынѣ и объ - - - - - , который затѣялъ пропаганду *sui generis* ¹⁾, пославъ камергера путешествовать по Европѣ.

Я заключу свое письмо еще нѣкоторыми подробностями о русскомъ общественномъ строѣ.

¹⁾ Своего рода.

Въ Россіи нѣтъ майората. Петръ I пытался ввести его, но онъ оказался настолько несомѣстимымъ съ русскими понятіями и обычаями, что послѣ смерти Петра его указъ былъ формально отмѣненъ. Николай разрѣшилъ одной или двумъ привилегированнымъ фамиліямъ изъ высшей аристократіи установить эту прихоть для ихъ рода, но это было исключеніемъ,—одною лишь - - - - - больше.

Общее же правило состоитъ въ томъ, что сыновья наслѣдуютъ равныя доли отцовскаго имущества. Въ дворянствѣ это ведетъ къ быстрому раздробленію земельной собственности. Помѣщикъ, владѣющій двумя тысячами крестьянъ, занимаетъ очень хорошее положеніе. Оба его сына получаютъ уже лишь по половинѣ отцовскаго имущества и, въ свою очередь, дробятъ эту половину между своими сыновьями. Въ то же время цѣны на все растутъ быстрѣе доходовъ отъ имѣній и числа крѣпостныхъ. Цивилизація развиваетъ у аристократовъ потребности къ роскоши, совершенно не свойственныя ихъ предкамъ, такъ что при доходѣ, уменьшившемся на три четверти, внуку приходится тратить въ двѣнадцать разъ больше, чѣмъ его дѣду. Загѣмъ нельзя упускать изъ вниманія другую важную сторону въ этомъ вопросѣ—нравы русскихъ дворянъ. Нѣтъ народа въ Европѣ, который былъ бы болѣе неспособенъ къ порядку въ жизни и къ экономіи въ деньгахъ, чѣмъ русскіе и поляки. То и дѣло мы видимъ, какъ въ теченіе двухъ или трехъ поколѣній сводятся на-нѣтъ прежнія состоянія, большія или малыя, и переходятъ въ другія руки. Русскіе жадны, очень жадны къ деньгамъ, но о земельной собственности заботятся гораздо меньше, чѣмъ ихъ заграничные сосѣди. Русскіе любятъ деньги изъ-за удовольствія тратить, сорить ими. Бережливость совершенно не свойственна намъ. Въ Россіи нѣтъ промежуточнаго слоя между скрягами и мотами.

Получивъ землю отъ отца, сыновья идутъ по его слѣдамъ. Это общее правило. Если кому-либо изъ нихъ понадобятся деньги, онъ закладываетъ свое имѣніе въ банкѣ; деньги скоро прожигаются, а проценты за ссуду пожираютъ весь остающійся доходъ; имѣніе продается съ аукціона; излишекъ, если окажется, возвращается бывшему помѣщику, а когда онъ и это проѣстъ, то настаетъ уже полное разореніе.

Чтобы выйти изъ денежныхъ затрудненій, нѣкоторые дворяне всецѣло предаются игрѣ въ карты; другіе съ отчаянія запиваютъ и умираютъ отъ распутной жизни; третьи, болѣе благоразумные, поступаютъ на государственную службу и начинаютъ безсовѣстно воровать. Эти процвѣтаютъ, но сыновья ихъ будутъ разорены.

Въ промежуткѣ между 1812 и 1840 г. небольшое число помѣщиковъ старалось быть исключеніемъ изъ общаго правила. Большею частью это были люди, воспитанные внѣ Россіи и поклонники экономистовъ въ родѣ Сэя и Мальтуса. Они стали заниматься промышленностью, переняли нравы и понятія *буржуазіи*, но ихъ было очень мало, и мало оказалось у нихъ послѣдователей.

Какъ же относилась русская община къ этой вѣчной мобилизаціи помѣщиковъ и къ дробленію ихъ имѣній, ко всѣмъ этимъ непрерывнымъ измѣненіямъ? И въ прежнее время тысяча (примѣрно) крестьянъ, принадлежавшихъ одному помѣщику, жила не въ одной общинѣ, а въ трехъ или четырехъ, различныхъ по своей величинѣ, по роду или качеству земли и еще по другимъ особенностямъ. Помѣщикъ являлся лишь общимъ хозяиномъ земель своего имѣнія въ цѣломъ. Когда же наступалъ часъ раздѣла имѣнія, приходилось уравнивать его доли, прибавляя къ нѣкоторымъ или извѣстное количество земли, или опредѣленное денежное вознагражденіе, или устанавливая различныя другія соглашенія. Этотъ уравнительный раздѣлъ вообще возможенъ, но только до нѣкоторой степени. Скоро пришли къ необходимости дѣлить одну и ту же деревню или общину ¹⁾—иногда два или три брата владѣли совмѣстно одною деревнею, болѣе или менѣе значительною, но раздѣлъ могъ быть совершенъ и помимо ихъ воли. Если доля одного изъ братьевъ отбиралась за долги, то не всегда новый собственникъ этой доли былъ расположенъ подчиняться условіямъ общаго владѣнія и общаго хозяйства. Чаше всего онъ старался выдѣлиться возможно скорѣе.

Собственникъ, который больше другихъ заинтересованъ въ общемъ владѣніи, всячески облагаетъ и беспокоитъ другихъ, а въ то время, какъ участки другихъ помѣщиковъ страдаютъ отъ всякаго рода осложненій, затрудненій и неисправимаго безпорядка, ихъ крѣпостные также разоряются.

Дробленіе *общинъ* и увеличеніе числа имѣній съ запутаннымъ распредѣленіемъ земли заставило правительство обратить вниманіе и принять мѣры для предупрежденія полнаго разоренія крѣпостныхъ имѣній. Такъ, напримѣръ, правительство установило минимумъ числа крѣпостныхъ, подлежащаго дробленію при раздѣлѣ имѣнія. Остается сдѣлать слѣдующій шагъ—установить денежное вознагражденіе и рѣшить вопросъ. Очевидно, дворянскія права не кажутся правительству ужъ столь священными,—развѣ въ противномъ случаѣ право помѣщика могло бы терпѣть ущербъ въ зависимости отъ числа его крѣпостныхъ?

¹⁾ Вообще эти понятія различны: въ одной деревнѣ жили иногда два, три и болѣе отдѣльныхъ крестьянскихъ «обществъ», т. е. общинъ.—А. И. Г.

Въ 45-омъ году тульскимъ дворянамъ разрѣшено было объединяться подъ предсѣдательствомъ губернатора и предводителей дворянства. Вопросъ состоялъ въ томъ, какіе придумать мѣры для освобожденія крѣпостныхъ этой губерніи.

Такого же разрѣшенія ждала и Москва. Отъ 1842—1846 г. непрерывно росло волненіе дворянства, а газеты настолько расхрабрились, что стали печатать статьи объ освобожденіи крестьянъ. Было бы хорошо, если бы правительство оказало нѣкоторую помощь дворянамъ для осуществленія освобожденія крестьянъ, но ненависть ко всему, что зовется свободой и освобожденіемъ, столь глубоко укоренилась въ - - - - - , что Николай поспѣшилъ приостановить всѣ подобные проекты, какъ только до него дошло извѣстіе о событіяхъ 24-го декабря ¹⁾).

Такова послѣдняя современная фаза вопроса о *крѣпостничествѣ* въ Россіи. Крестьянинъ продолжаетъ оставаться лишеннымъ всякой защиты, кромѣ обычнаго права: онъ можетъ быть оторванъ отъ своей семьи, отъ своей общины, хотя *онъ* и признаны закономъ; онъ можетъ быть обращенъ въ слугу, лакея. Помѣщикъ имѣетъ право сѣчь его, запрещено лишь убивать; помѣщикъ имѣетъ также право заключить его за непослушаніе въ полицейскую тюрьму. Онъ также имѣетъ право сдавать своего крѣпостного въ рекруты и даже сослать его въ сибирскіе рудники, — это на собственный счетъ. Но въ послѣднихъ двухъ случаяхъ крестьянинъ, по крайней мѣрѣ, освобождается отъ крѣпостной зависимости, становится *вольнымъ*. Наконецъ, — какъ это установилось и постоянно практикуется, — крѣпостные могутъ быть проданы, если не по-одиночкѣ, то отдѣльными семьями. Крестьянинъ имѣетъ право требовать только такое количество земли, которое необходимо для его жалкаго прозябанія. Помѣщикъ не имѣетъ никакихъ обязанностей по отношенію къ своимъ слугамъ ²⁾, кромѣ снабженія ихъ пищею и одеждою въ размѣрѣ достаточномъ, чтобы они не умерли съ голоду и холоду.

Будутъ ли продолжаться, — спрашиваю я, — эти чудовищныя безобразія, не вызывая непрерывнаго и всеобщаго протеста? Разумѣется, хорошо и то, что время отъ времени раздается свободный голосъ, чтобы разоблачить позорныя учрежденія, - - - - - сообщничество правительства, которое постоянно говоритъ о своей силѣ, съ *дворянствомъ*, которое хвалится своимъ просвѣщеніемъ? Необходимо сорвать маску съ этихъ рабовладѣльцевъ сѣвера, которые

¹⁾ 1848 года.

²⁾ Дворовымъ.

небрежно зѣвая и картавя, разѣзжаютъ по Европѣ, вмѣшиваясь въ ваши дѣла, выдавая себя за цивилизованныхъ людей, даже за свободомыслящихъ, которые испытываютъ ужасъ, когда читаютъ «Хижину дяди Тома», и содрогаются при чтеніи о продавцахъ *чернаго* мяса. И что же, эти блестящіе въ *солоняхъ* говоруны — тѣ самые люди, которые, вернувшись въ свои имѣнія, будутъ грабить, сѣчь, продавать *бѣлыхъ* славянъ и которымъ за ихъ столомъ прислуживаетъ ихъ живая, крещеная собственность!

Декабря 20, 1852 г.

707. Письмо къ М. К. Рейхель.

9 ноября (1853). Среда.

Такъ я вотъ что сдѣлаю, чтобъ было по-вашему и по-моему... и вовсе безъ всякихъ гнѣбовъ... Я написалъ, было, нѣсколько строкъ серьезно-грустныхъ, — я ихъ замѣню нѣсколькими легкими строками, въ которыхъ скажу то же, но пришлю вамъ уже напечатанныя ¹⁾. Что напечатано станкомъ, того не скроешь подъ потолкомъ (новая поговорка), такъ ужъ вы критикуйте, какъ хотите, потомъ. А опять-таки странная моя судьба! Литературная оцѣнка моихъ трудовъ идетъ въ такомъ crescendo на Западѣ и такъ мало оцѣнена въ Россіи или, лучше, въ Москвѣ или, лучше, въ нашемъ кругу. Я получилъ вчера отъ Мишле просто панегирикъ, а сегодня отъ главнаго редактора «The Leader» диэирамбъ ²⁾. Три переводчика предложили перевести на нѣмец. второе изд. «Des idées révol.», на англ. переводить самъ Linton. Вы простите, что я расхвастался, да, вѣдь, меня серьезно удивляетъ мнѣніе, выраж. Мих. Сем. и нашими. Вчера приходитъ одинъ полякъ и показываетъ письмо изъ Константинополя: тамъ получены были пачки «Юрьева дня»; вотъ тамошніе рефугіаріи,—взяли да и послали за Дунай, и не радуются.

«Кто виноватъ?»—«Кто правъ?». У васъ картина памятника Прео? Мишле пишетъ, что она ему очень нужна, что онъ хочетъ что-то подобное сдѣлать. Не можете ли послать: rue Madame, 26, Préault. Что это—ужъ и въ Дюссельдорфъ и Гиллеръ?! Да сидите себѣ на мѣстѣ, пока богъ грѣхамъ терпитъ. А Гартманъ ³⁾ что

¹⁾ Посвященіе «Маріи Р...» къ «Прерваннымъ рассказамъ».

²⁾ Послѣ прочтенія имъ для своей газеты № 706.

³⁾ Морицъ.

за Цартфрау ¹⁾ мутить? Коли ѣхать, — сюда или въ Нью-Йоркъ, а не въ Нѣмечину. Жить здѣсь становится особенно пріятно нашему брату. Вчера вечеромъ иду я по Regent-Street, такъ *mir nichts, dir nichts* ²⁾; вдругъ четыре англч., хорошо одѣтые, закричали: «A Russian, a Russian» ³⁾. Я остановился взбѣшенный до тла, сказалъ: «*Yes, I am a Russian*» ⁴⁾ и поднялъ кулакъ; они—хохотать и удрали. Можетъ ли въ мірѣ быть что-либо смѣшнѣе, какъ если меня исколотятъ здѣсь на улицѣ въ пользу турецкой войны. Ужъ не лучше ли пусть побьютъ Головина? Какъ вы думаете?

А вотъ и просьба. M-elle Мейз. у насъ, я ею черезъ край доволенъ, но Марихенъ что-то во мнѣ сомнѣвается, думаетъ, что она не нужна (она, во-первыхъ, для Оли необходима, во-вторыхъ, для хозяйства). Вы черкните ей или, лучше, поговорите съ родительницей ея и скажите, что я ею доволенъ и вамъ такъ описываль.¹

А Рейхелю дружескій поклонъ. Сегодня даютъ на театрѣ «Пожаръ Москвы».

◆◆ 1. Мейзенбургъ была не совсѣмъ довольна необходимостью вернуться изъ мѣсячнаго отдыха въ давящій Лондонъ. «Но мои занятія съ маленькими дочерьми Герцена возобновились, и эти милья дѣти были для меня истиннымъ утѣшеніемъ. Какъ-то вечеромъ я проходила мимо ихъ дома и, такъ какъ не была у нихъ утромъ, то зашла навѣстить. Герценъ сидѣлъ съ ними въ столовой, и я замѣтила, что онъ печаленъ и разстроенъ. Когда я уходила, онъ пошелъ провожать меня и вдругъ залился слезами, говоря, что все у него въ домѣ идетъ плохо, что его терзаетъ мысль о будущности его дѣтей, что его очагъ — одна лишь развалина. И нѣсколько разъ повторилъ онъ: «Я этого не заслужилъ, не заслужилъ!». Меня глубоко потрясло его душевное состояніе. Всегда бываетъ тяжело видѣть чужія слезы, тѣмъ болѣе тягостно было видѣть слезы человѣка, такъ мало склоннаго къ изліяніямъ чувствъ, какъ Герценъ; къ тому же всѣ такъ привыкли видѣть его поглощеннымъ общественными интересами, что никто не предполагалъ въ немъ такой чувствительности по отношенію къ мелочамъ частной жизни. Въ то же время меня трогало его довѣріе ко мнѣ, и когда онъ прибавилъ: «Посовѣтуйте мнѣ что-нибудь!» — я обѣщала ему

¹⁾ Zartfrau — нѣжная женщина. Онъ совѣтоваль Рейхелямъ ѣхать въ Юнгфрау (Jungfrau—дѣвушка).

²⁾ Такъ себѣ.

³⁾ «Русскій! Русскій».

⁴⁾ «Да, я русскій».

подумать обо всемъ этомъ. Возвратясь домой, я долго обдумывала совѣтъ, который могла бы ему дать. Дѣти и ихъ бонна часто просили меня поселиться у нихъ, строили планы и говорили, что намъ всѣмъ такъ хорошо жилось бы вмѣстѣ. Меня же прельщала мысль о жизни съ этими дѣвочками и возможность плодотворнаго педагогическаго труда вмѣсто нуднаго ремесла частныхъ уроковъ. Но я не позволяла себѣ задумываться объ этомъ: я опасалась новой и глубокой привязанности. Покой и печаль моего одиночества казались мнѣ предпочтительными страданіямъ, которыя можетъ дать излишняя привязанность къ людямъ. Я вкусила всю ея горечь, мнѣ была знакома ея опустошительная сила... Теперь я обрѣла, если не счастье, то, по крайней мѣрѣ, спокойствіе ума и сердца. Я испытывала то болѣзненное успокоеніе, которое долженъ чувствовать морякъ, спасшійся отъ бури: его мачта разбита, паруса изорваны, имущество погребло, но самъ онъ вернулся въ гавань. Слѣдовало ли мнѣ еще разъ подвергать себя жестокой судьбѣ, которую уготовляетъ порою жизнь сердца?—мнѣ, которая знала глубину и исключительность своихъ симпатій, знала, что порванная сердечная струна раздираетъ все мое существо и подвергала опасности мою жизнь? Въ данномъ случаѣ не могло быть и рѣчи о положеніи гувернантки: я сама выбирала симпатичную мнѣ семью, вступала въ нее, какъ сестра, идущая къ брату, чтобы воспитывать его сиротъ и замѣнять имъ мать. Вотъ какъ смотрѣла я на этотъ опытъ. Интеллектуальный элементъ, входящій въ мою жизнь въ силу общенія съ Герценомъ, обмѣнъ мыслей, къ которому не примѣшивалось бы ни капли лицемѣрія, столь свойственнаго англійской свѣтской жизни,—все это сильно привлекало меня. Я должна была принять въ соображеніе и свое здоровье, слишкомъ слабое для перенесенія второй зимы, такой же утомительной, какъ и первая. Итакъ, я принялась писать отвѣтъ Герцену; я сказала ему, что меня очень тронуло его огорченіе и что мое желаніе помочь ему превозмогло не мало колебаній; предлагала взять на себя воспитаніе его маленькихъ дочерей; прибавила, что для этого мнѣ, само собою разумѣется, пришлось бы жить у него въ домѣ, но что я смотрю на это, какъ на долгъ дружбы, а, слѣдовательно, съ того дня, какъ я вступлю въ его домъ, между нами прекращаются всякія денежные обязательства. Поэтому мнѣ придется давать нѣсколько постороннихъ уроковъ, что будетъ вполнѣ покрывать мои скромныя потребности и дастъ мнѣ возможность посвятить себя вполнѣ дѣлу, успѣхъ котораго и будетъ мнѣ вознагражденіемъ. Въ заключеніе письма я говорила, что, само собою разумѣется, каждый изъ насъ сохраняетъ за собою право нарушить договоръ, если того пожелаетъ.

Отвѣтъ на мое письмо не замедлилъ. Герценъ писалъ, что сто разъ готовъ былъ предложить мнѣ именно такую комбинацію, но колебался, подобно мнѣ и по аналогичнымъ причинамъ; его удерживала необузданная любовь къ независимости, къ этому послѣднему благу, единственно уцѣлѣвшему послѣ жизненнаго крушенія, и боязнь всякаго общенія съ людьми.—«Я боюсь всѣхъ, даже васъ,—говорилъ онъ въ своемъ письмѣ, а затѣмъ прибавлялъ: — Однимъ словомъ, сдѣлаемъ опытъ! Вы оказываете мнѣ величайшую услугу, спасая моихъ дѣтей; я не обладаю педагогическимъ даромъ, я это знаю и не дѣлаю себѣ иллюзій въ этомъ отношеніи; но я готовъ помогать вамъ, исполнять все, что вы найдете полезнымъ» (Письмо это не найдено—*М. Л.*)

«Преодолевъ свою боязнь, онъ торопился рѣшеніемъ, и, нѣсколько недѣль спустя, я переселилась въ его домъ. Я нашла нужными многія реформы въ воспитаніи дѣтей, домашнихъ порядкахъ и даже знакомствахъ, которыя Герценъ допустилъ умножиться; онъ самъ серьезно страдалъ отъ этого, но у него не хватало энергіи завести другіе порядки. Тогда же замѣтила я у него черту характера, удивительную въ человѣкѣ, обладавшемъ непоколебимою твердостью убѣжденій, непобѣдимой діалектикой, настойчивостью въ трудѣ, свойственною всѣмъ тѣмъ, для кого трудъ служитъ священнымъ выраженіемъ ихъ творчества: въ дѣлахъ житейскихъ этотъ человѣкъ отступалъ передъ всякимъ вмѣшательствомъ. Онъ предпочиталъ терпѣть тысячу неприятностей, лишь бы не принимать энергическаго рѣшенія; такимъ образомъ, часто онъ становился рабомъ обстоятельствъ,—онъ, любившій свою независимость превыше всего. Домъ его былъ центромъ, куда слетались цѣлыя тучи русскихъ и польскихъ эмигрантовъ; они чувствовали себя здѣсь хозяевами и распоряжались. Никогда, ни днемъ, ни вечеромъ нельзя было избѣгать гостей; семейная жизнь, чтеніе или бесѣда съ дѣтьми,—все зависѣло отъ нихъ. Самъ Герценъ страдалъ отъ этого больше всѣхъ, и часто его дурное расположеніе духа превращалось въ прямую досаду. Я не могла, ради дѣтей, ни одобрять, ни терпѣть такого порядка вещей и открыто высказала свое мнѣніе Герцену. По этому поводу мы не мало и очень горячо спорили. Я сказала ему, что пришла воспитывать, по мѣрѣ силъ, его дѣтей, но желаю сохранить этимъ дѣтямъ и отца и вмѣстѣ съ нимъ создать для нихъ отчій домъ, въ которомъ могло бы прорасти доброе сѣмя, дающее впослѣдствіи цвѣтъ и плодъ. Со свойственною ему правдивостью, съ прямою, заставлявшею его сознаваться въ своихъ ошибкахъ, онъ признался, что не положилъ предѣла этимъ злоупотребленіямъ только по слабости, и далъ мнѣ

полномочіе устранить ихъ. Я посовѣтовала назначить два вечера въ недѣлю для пріемовъ и, отдавъ соотвѣтствующій приказъ, не принимать никого ни днемъ, ни въ остальные вечера, чтобы имѣть, наконецъ, покой. Онъ нашель, что достаточно одного вечера, и скоро у насъ водворилось спокойствіе. Такая реформа, какъ и слѣдовало ожидать, создала мнѣ не мало враговъ; многочисленныя знакомые Герцена не были довольны моимъ переселеніемъ въ его домъ и боялись ослабленія своего вліянія» (т. II, 1—6).

708. Письмо къ Ж. Мишле.

9 novembre 1853.

Londres, 25, Euston Square New Road.

Mon vénérable ami,

Je viens de recevoir votre billet; vous me comblez d'amitiés. Je ne sais comment vous remercier. Le petit article: «Alliance» a été une réponse *russe* à une adresse faite par les démocrates polonais. L'initiative leur appartient, le sentiment de gratitude à nous autres.

Disposez de la notice sur Bakounine et sur Pétrachevsky comme vous le désirez. Il n'est pas à Schlussembourg, il est dans les casernes de la forteresse de Saint-Pétersbourg. On dit qu'on ne le maltraite pas et qu'on ne l'a pas torturé.

Où est-ce que cela sera imprimé? Ecrivez-moi, de grâce.

Je publie maintenant la troisième brochure russe: une série de nouvelles. On imprime quelques échantillons dans une traduction allemande. Je pourrais envoyer quelque chose pour un feuilleton français, mais je doute si l'admission en sera possible.

Votre dévoué,

A. Herzen.

J'écrirai aujourd'hui encore par rapport au dessin. Ribeyrolles est à Jersey.

*Переводъ.*¹

9 ноября 1853.

Глубокоуважаемый другъ,

Я только-что получилъ вашу записку; вы осыпаете меня знаками дружбы. Не знаю, какъ васъ благодарить. Небольшая статья «Alliance»¹⁾ была *русскимъ* отвѣтомъ на адресъ, составленный польскими демократами. Починъ исходилъ отъ нихъ, выраженіе благодарности—отъ насъ.

¹⁾ № 673.

Располагайте замѣткой о Бакунинѣ и Петрашевскомъ, какъ желаете. Онъ не въ Шлиссельбургѣ, а въ казематахъ петербургской крѣпости. Говорять, что съ нимъ не обращаются дурно и что его не пытали.

Гдѣ же это будетъ напечатано? Напишите мнѣ, пожалуйста.

Я издаю теперь третью русскую брошюру—собрание рассказовъ ¹⁾. Нѣсколько образчиковъ изъ нея печатаются въ нѣмецкомъ переводѣ. Я могъ бы прислать что-нибудь для фельетона по-французски, но сомнѣваюсь въ возможности его допущенія.

Преданный вамъ

А. Герцена.

Я сегодня опять напишу относительно рисунка. Рибейроль на Джерсеѣ.

◆◆ 1. Передъ этимъ Герценъ получилъ слѣдующее письмо отъ Мишле:

«Не подумайте, чтобы я, даже на мгновение, усомнился относительно тѣхъ интимныхъ и горестныхъ дѣлъ, о которыхъ вы мнѣ писали. Значитъ, я очень дурно выразилъ свои мысли. Напротивъ, мои чувства къ вамъ — безусловное довѣріе и глубокое уваженіе, благоговѣніе; да, именно, благоговѣніе чувствовалъ я къ вамъ, читая вашъ дивный манифестъ о союзѣ Россіи съ Польшею. Такія вещи исторгаютъ слезы нѣжности и восторженнаго удивленія.

Я на-дняхъ напечатаю ваши замѣтки о нашемъ Бакунинѣ, которыя изложу по-своему, а также о Петрашевскомъ.

Если опубликованіе этихъ свѣдѣній нынѣ неудобно, то, пожалуйста, *неотлогательно* извѣстите меня, и я пріостановлю все; если же долго не будете отвѣчать, я приму ваше молчаніе за полномочіе.

Въ Лондонѣ ли Рибейроль? Будетъ ли онъ печатать свой «Бѣлый терроръ 1815 г.»? — Я буду счастливъ объявить объ этомъ, а также выразить все свое уваженіе къ нему.

Обращаю вниманіе вашего дружескаго чувства на дѣло бѣднаго Преа.

Прощайте, дорогой, дражайшій; останусь признательнымъ вамъ до своей кончины и еще дольше, въ послѣдующихъ мірахъ за ваши незабвенныя страницы относительно союза и амнистіи Россіи и Польши. Жму вамъ руку» (Г. Моно ошибочно отнесъ это письмо къ 1852 г.; переводъ сдѣланъ по подлиннику, хранящемуся въ архивѣ семьи Герцена).

¹⁾ «Прерванные рассказы».

709. Письмо къ М. К. Рейхель.

Пятница, 18 ноября (1853).

Жду съ радостью Б. ¹⁾; вѣроятно, онъ уѣхалъ послѣ приѣзда Мих. Сем., стало, была полная возможность съ нимъ прислать Пушкина и пр. Нѣтъ, Марья Каспаровна, это не живые люди, а люди любящіе, хорошіе, но умершіе для всякой дѣятельности. И вотъ всѣ ихъ теоріи: посмотрите, какъ Омеръ-Паша бьетъ дурака генерала Горчакова ²⁾,—не умѣли ничего приготовить. Если бы Англія немного поблагороднѣе была, - - - - - пришлось бы пулю въ лобъ себѣ посадить... Ну чтожъ въ такомъ случаѣ наши дѣлать будутъ?... А поляки знаютъ, что. Что прислать? Да развѣ портфель съ портретами,—это хорошо. Да благомилосердо попросите Рейхеля передать записку Франку и отвѣтъ отобрать.

Если можете, то прочтите статейку въ «La Nation» отъ 15. Это писали поляки, но много переврано ³⁾. А вотъ Форъ ⁴⁾ послалъ одну штучку въ «Прессу» хорошую, да не знаю, напечатають-ли.

710. Письмо къ М. К. Рейхель.

26 ноября (1853), суббота.
25, Euston Sq.

Кутерьму съ именинами надѣлалъ Саша, а вы и повѣрили. Au reste ⁵⁾ я отказываюсь отъ всѣхъ празднованій. Пусть дѣти тѣшатся,—для меня будетъ.

Б. ⁶⁾ бываетъ ежедневно. Его очень сконфузилъ туманъ, какъ говоритъ: «это ничего не видать».

Видѣли ли вы въ «Illustration» за недѣлю было представлено самое то мѣсто на Герскихъ островахъ, гдѣ было несчастье, и почти въ годовщину? Меня поразила эта, случайность.

¹⁾ Бодиско.

²⁾ Кн. Михаилъ Дмитриевичъ, командовавшій тремя корпусами на Дунаѣ и побережьѣ Чернаго моря.

³⁾ «Les révolutionnaires en Russie», «La Nation» 1853 г. 15 и 16 ноября.

⁴⁾ Паскаль-Жозефъ, либеральный адвокатъ, въ революцію 1848 г. подерживалъ Кавеньяка и затѣмъ Наполеона III.

⁵⁾ Впрочемъ.

⁶⁾ Бодиско.

У насъ все тихо. Во вторникъ я говорю на митингѣ,—первый разъ, не знаю удастся-ли.

Кланяюсь много Рейхелю.

А Мельг., говорятъ, на Вятку.

Прощайте.

711. XXIII годовщина польскаго возстанія въ Лондонѣ.

(Рѣчь, произнесенная на сходѣ въ Гановерь-Румѣ 29 ноября 1853 года).¹

Граждане,

Прошу васъ, во-первыхъ, извинить, что у меня въ рукѣ записка,—я не привыкъ говорить публично, а тѣмъ больше, не на родномъ мнѣ языкѣ.

Вы знаете, что я провелъ мою жизнь въ странѣ, гдѣ преносходно учатся *краснорѣчиво молчать* и гдѣ, конечно, нельзя было научиться свободно говорить.

Граждане, пять лѣтъ тому назадъ, нашъ другъ Михайло Бакунинъ, являлся въ ту же годовщину на трибунѣ польскаго собранія въ Парижѣ и предлагалъ союзъ демократической Польши съ русскими революціонерами.

Эта мечта всѣхъ благородныхъ умовъ польской эмиграціи, наша мечта съ самыхъ юныхъ лѣтъ начинается осуществляться.

Польша, какъ я сказалъ въ другомъ мѣстѣ, *прощаетъ насъ*, она разрываетъ круговую поруку, естественно существующую между народомъ и его правительствомъ, она подаетъ намъ руку, потому что она знаетъ, какая глубокая ненависть къ петербургскому управленію наполняетъ насъ; во имя этой ненависти она начинаетъ любить насъ.

Я подошелъ къ польскимъ друзьямъ моимъ, не какъ отдѣльное, разобщенное со своими лицо, отказывающееся отъ своего отечества, просящее забыть свое начало,—напротивъ, я громко говорилъ о моей любви къ Россіи, о моей незыблемой вѣрѣ въ ея будущность. Они меня приняли *случайнымъ* представителемъ будущей Россіи, ненавидящей черныя дѣла своего правительства, жаждущей смыть съ себя пятна мученической крови поляковъ, помогаая имъ въ дѣлѣ освобожденія Польши.

Когда поляки подаютъ намъ свою руку, покрытую рубцами, на примиреніе, можно ли сомнѣваться въ существованіи революціонныхъ началъ въ Россіи?

Полякамъ, этимъ естественнымъ, непримиримымъ врагамъ официальной Россіи, принадлежитъ честь болѣе справедливаго пониманія русскихъ, чѣмъ мы находимъ у другихъ.

Есть люди, которые не могутъ соединить въ головѣ своей слова «Россія» и «революція»: они все еще представляютъ себѣ при словѣ «Россія» - - -, кнутъ, Сибирь, полудикій народъ, стоящій на колѣняхъ - - - - - , и торопятся произвести свой приговоръ. Толкуютъ о братствѣ народовъ, объ ихъ союзѣ и въ то же время осуждаютъ одну изъ самыхъ большихъ странъ въ мірѣ, по одной *надписи на дверяхъ, по вывѣсткѣ*.

Съ тѣхъ поръ, какъ абсолютизмъ пересталъ быть только русскимъ, и распространился по всему европейскому континенту, намъ легче объяснить наше положеніе.

Правительственная форма почти никогда не представляетъ полную формулу жизни народной, особенно во времена общественнаго перелома, какъ наше, въ которое человечество, такъ сказать, мѣняетъ шкуру, когда цѣлый міръ рушится и новый міръ стучится въ двери, когда правительство ежедневно доказываетъ намъ свою неспособность не только дать народамъ свободу, но даже держать ихъ въ рабствѣ.

И это не все. Историческое развитіе Россіи не имѣетъ почти общаго съ западнымъ. Такимъ образомъ, выраженіе ея революціонныхъ стремленій и самыя стремленія не совпадаютъ съ фазами европейской революціи, т. е. въ *прошедшемъ*, но, можетъ быть, они имѣютъ тѣмъ большее сочувствіе къ началамъ *рядущей революціи*.

Россія—страна величайшихъ противорѣчій, самыхъ крайнихъ антиномій.

Коммунизмъ внизу, *деспотизмъ* наверху, между ними колеблющаяся среда дворянства, боящагося снизу *жакерій*, сверху—ссылки въ каторжную работу,—среда, носящая въ груди своей рядомъ съ растлѣніемъ и возмутительнымъ подобострастіемъ жгучія и сосредоточенныя революціонныя страсти. Изъ нея вышли: Пестели, Муравьевы, Петрашевскіе, Бакунины.

У насъ не останавливаются на полдорогѣ, у насъ или остаются неподвижными, или идутъ до конца.

Пестель, какъ мы, требовалъ соціальнаго переворота,—соціальнаго переворота въ 1825 г.

Бакунина не всегда понимали, чуждались его, боясь его радикализма.

Все, что такъ тѣсно сковываетъ западныхъ людей со старымъ міромъ, не существуетъ для насъ. Русскіе круто отрѣшаются отъ всѣхъ связей разомъ, отъ религій, отъ преданій, отъ авторитета;

намъ нечего шадить, нечего беречь, нечего любить, но есть, что ненавидѣть. Россія, въ отношеніи къ старому міру, поставлена такъ же, какъ пролетаріатъ: ей ничего не досталось, кромѣ несчастій, рабства и стыда.

Потому эти двое лишенные наслѣдства и надѣются на общее воскресеніе въ социальномъ переворотѣ. ²

Мы представляемъ крошечное меньшинство въ Россіи, — это правда. И тѣмъ слабѣе мы были, чѣмъ дальше держали себя отъ нашего народа и чѣмъ ближе къ западнымъ политическимъ партіямъ. Для Европы эти партіи имѣли смыслъ перехода, для насъ никакого.

Это приходитъ къ сознанію, и будущность наша приближается.

Обманывать себя нечего. Мы очень слабы. Но неужели вы вѣрите, что - - - - - такъ силенъ, какъ это представляютъ?

Я сомнѣваюсь.

Изъ него сдѣлали какое-то пугало, Синюю-Бороду и до того накричали, наговорили, нашумѣли объ этомъ, что въ самомъ дѣлѣ испугались.

Континентъ до того понизился, что отовсюду видна приближающаяся фигура каменнаго гостя, на гранитномъ утесѣ, грозящая нотами, протоколами, народами, арміями шпіоновъ, дипломатическихъ агентовъ и нѣмецкихъ принцевъ. Ему это мѣсто создала реакція. Но низость, трусость консерваторовъ не составляетъ дѣйствительной силы... Этой предполагаемой мощи нѣтъ въ сущности въ - - - власти. ³

Вотъ вамъ доказательство.

Наконецъ, по счастью - - - - - онъ на минуту повѣрилъ, что и въ самомъ дѣлѣ судьбы Европы и Азіи зависятъ отъ него.

Онъ сошелъ въ арену. Ну что-же послѣ всего шума и всѣхъ ультиматумовъ Меншиковыхъ, Горчаковыхъ, католическихъ Те-Deum'овъ въ Ольмюцѣ и лютеранскихъ парадовъ въ Потсдамѣ, манифестовъ съ текстами священнаго писанія и съ параграфами Кучукъ-Кайнарджискаго мира?..

Все, что - - - сдѣлалъ для православной греческой церкви, состояло въ томъ, что Омеръ-Паша - - - побилъ, а - - - обобралъ подаря Валахскаго. ⁴ Событія могутъ перемѣниться, но лучшая роль въ дѣлѣ принадлежитъ Абдуль-Меджиду.

А, вѣдь, Россія сильна, но - - - - - власть, такъ, какъ она сложилась, не можетъ вызвать этой силы. Она выродилась и негодна больше.

Петербургское - - - - - съ самаго начала своего было какимъ-то *предваряющимъ бонапартизмомъ*,⁵ оно не русское и не славянское, у него нѣтъ корней, это—институтъ временный, это - - - - - , осадное положеніе, возведенное въ основу правитель-ства. Оно соотвѣтствовало потребностямъ извѣстнаго времени; го-сударство ослабѣвало подъ соннымъ владычествомъ царей москов-скихъ, надобно было растолкать, разбудить его, направить по иному пути. - - - - - , можетъ быть, было необходимо во время Петра I, но оно нелѣпо во время Николая. И вотъ еще причина, почему это мрачное, - - - - - поражено такимъ удивительнымъ бесплодіемъ и такой неспособностью.

Императорская власть достигла своей вершины во время низ-верженія Наполеона, въ то время, когда Александръ I дѣлалъ свое вшествіе въ Парижъ, окруженный свитою королей, которыхъ онъ удерживалъ отъ грабежа. Великое призваніе, къ которому его при-вело безуміе наполеоновской эпохи, подавило его. Ему такая роль была не по плечу. Его сутуловатая фигура превосходно выражала, что ноша была слишкомъ тяжела. Потерянный, задумчивый, онъ угасъ одиноко и незамѣтно въ небольшой пристани Чернаго моря.

Лишь только вѣсть о его смерти распространилась, какъ но-вый наслѣдникъ предъявилъ *свои права*. Не Константинъ, не Ни-колай, а *возмущеніе на Исакиевской площади!*⁶

Борьба была неминуема, неминуемо, можетъ, было и пора-женіе, но характеръ побѣды слишкомъ связанъ съ личностью по-бѣдителя, чтобъ не сказать о немъ нѣсколько словъ.

Александръ былъ воспитанъ Екатериной, учился у Лагарпа; онъ былъ свидѣтелемъ великой революціи, дѣйствующимъ лицомъ въ кровавой драмѣ первой имперіи; онъ усвоилъ себѣ до нѣкоторой степени современныя идеи, образованныя манеры и вѣжливость по-рядочнаго человѣка.

Не таковъ былъ человѣкъ, шедшій за Александромъ: его вос-поминанія не шли далѣе конногвардейскихъ казармъ. Онъ получилъ воспитаніе въ кордегардіяхъ и на вахтпарадахъ. Онъ былъ мало-лѣтнимъ, когда его отецъ потерялъ разсудокъ и - - - - - , была поглощена этикетомъ и своими образцовыми скотными дворами. Старшему брату было не до него во время Наполеона; - - - - - могъ только развратить его. Никто не смотрѣлъ на него, какъ на будущаго императора,—на-слѣдникъ престола былъ Константинъ. Не было ни одной состра-дательной души, которая бы обратила на него вниманіе, помѣшала бы его сердцу зачерствѣть въ атмосферѣ конюшенъ и экзерцир-гауза. Онъ взошелъ на престолъ, не зная своего времени. Онъ ре-

волюцію принималъ за нарушение дисциплины,—онъ самъ вписалъ въ свой формуляръ, говоря о 14-мъ декабря, «*находился при защитѣ дворца*».

Съ тѣмъ вмѣстѣ казарменное отвращеніе отъ наукъ, презрѣніе офицера къ фразнику, ненависть майора къ отвѣту и возраженію; - - - - властолюбіе, страсть къ безусловной покорности—и все безъ опредѣленной цѣли, безъ всякой идеи, безъ всякой эксцентричности даже.

Нельзя сказать, чтобъ у него недостало времени,— - - - - царствованіе его продолжается 27-й годъ, и онъ ничего не сдѣлалъ, ничего не создалъ, *кромя самодержавія для самодержавія*.

Типъ его дѣяній—кавказская война, поглотившая цѣлыя арміи и которая черезъ 25 лѣтъ не подвинулась ни на шагъ.

Онъ - - - - , притѣснялъ, угнеталъ всѣми средствами Польшу и не можетъ вывести изъ нея ни одного баталіона солдатъ, боясь ея возстанія.

Онъ преслѣдовалъ въ Россіи книги и школы, профессоровъ и писателей, а въ 1849 году въ трехъ шагахъ отъ Зимняго дворца открыли революціонный клубъ.

Онъ велъ въ 1828 году войну съ Турціей, и сгубилъ сотни тысячъ человѣкъ, убитыхъ тифомъ и горячкой, не получивъ въ замѣну ничего существенно важнаго.

Когда онъ остается побѣдителемъ, вы можете быть увѣрены, что онъ купилъ какого-нибудь Гѣргея, какого-нибудь несчастнаго пашу, какого-нибудь злодѣя, наконецъ.

Дѣйствительно, Николай—очень несчастный человѣкъ,⁷ и онъ это чувствуетъ, отъ этого онъ безпокоенъ, мраченъ. Жизнь, которая еще тридцать лѣтъ тому назадъ кипѣла около Зимняго дворца, оттолкнутая имъ, не возвращается. Ни одной великой способности, ни одного необыкновеннаго ума между его помощниками! Николай управляетъ ординарцами и писцами; это очень легко, но ничего не двигается, но казнокрадство, взятки, подкупы приводятся въ систематическій порядокъ.

Онъ посылаетъ армію; она умираетъ на полдорогѣ отъ голода и холода. Онъ хочетъ освободить крестьянъ, — ему показываютъ окровавленный рядъ - - - - - , убитыхъ помѣщиками. Онъ не хочетъ освобождать крестьянъ,—ему пророчатъ пугачевщину.

Министръ внутреннихъ дѣлъ доноситъ ему, что оберъ-полицмейстеръ воруетъ въ Петербургѣ. «Я это знаю,—отвѣчаетъ Николай,—но я сплю спокойно, пока онъ смотритъ за порядкомъ».

И вы думаете, что такое правительство можетъ быть сильнымъ? Русскій императоръ пробуетъ войну съ Турціей, зная очень

хорошо, что если монархической Европѣ неприятно его видѣть въ Константинополь, то все же ей неприятнѣе видѣть республику, т. е. *республику во самомъ дѣлѣ*, въ Парижѣ. Монархическая Европа во всѣхъ своихъ отгѣнкахъ, отъ дикаго и кровожаднаго короля неаполитанскаго до умѣреннаго и честнаго короля бельговъ или короля сардинскаго, не можетъ начать серьезной войны съ царемъ.⁸ Въ каждомъ изъ нихъ *слишкомъ много Николая* для этого. Никакой Бонапартъ,⁹ никакой наслѣдственный, ни благопріобрѣтенный деспотъ не нанесетъ въ самомъ дѣлѣ удара - - - - -
- - - - - ,—имъ всѣмъ онъ слишкомъ нуженъ.¹⁰

Впрочемъ, работать въ нашу пользу—вовсе не царское дѣло и не дѣло нашихъ враговъ; это дѣло наше, намъ самимъ надобно трудиться, надобно соединить наши силы. «Когда,—писалъ мнѣ нѣсколько дней тому назадъ человекъ глубоко уважаемый мною, Мишле,—*когда поляки соединяются съ русскими, какая же ненависть имѣетъ право продолжаться!*»

Итакъ, да совершится наше соединеніе! Честь Польшѣ, великой въ своемъ неравномъ бою, несокрушаемой въ своей героической преданности, растущей несчастіями, но съ тѣмъ вмѣстѣ честь и русскому революціонному меньшинству!¹¹

Позвольте же мнѣ заключить мою рѣчь русскимъ крикомъ:
*Да здравствуетъ независимая Польша и свободная Россія!*¹²

◆◆ 1. Въ «La Nation» рѣчь передана точно и указано отношеніе къ ней участниковъ митинга. Привожу восклицанія публики, означая ихъ по порядку цифрами:

2. Браво!
3. Да, да!
4. Продолжительное «браво».
5. Продолжительное «браво».
6. Браво!
7. Смѣхъ.
8. Браво!
9. «Такъ говорить по закону нельзя».
10. Да! Да!
11. Оглушительное «браво».
12. Браво!

Кромѣ Герцена, говорилъ С. Ворцель, Линтонъ, Руге, Ронай, Піанчіани, Куперъ, Ледрю-Ролленъ, Дарашъ и Станевичъ.

«The Daily News», давая отчетъ о митингѣ, о выступленіи Герцена сказало: «Предсѣдатель представилъ собранію г. Герцена, русскаго, и замѣтилъ, что, такъ какъ оратору никогда не позво-

ляли говорить публично у себя на родинѣ, то ему придется прочесть свою рѣчь по запискѣ. Затѣмъ г. Герценъ прочелъ свою рѣчь по-французски». Послѣ очень краткаго изложенія самой рѣчи сказано, что она сопровождалась шумными апплодисментами.

Въ № 337 «La Nation» была помѣщена редакціонная статья, сущность которой состояла въ слѣдующемъ:

1500 человекъ собралось въ залѣ Hanover-Rooms, 29 ноября 1853 г., по случаю 23-й годовщины польской революціи. Эмигранты всѣхъ національностей обѣщали не положить оружія до тѣхъ поръ, пока не будетъ основана всеобщая республика. Были разсказаны страданія всѣхъ національностей. Больше всего вызвали энтузіазма рѣчи А. Герцена, Ронай и особенно Ледрю-Ролленъ. Всѣ обязались солидарно защищать принципы демократіи во всѣхъ странахъ. Предсѣдателемъ этого митинга былъ С. Ворцель. Былъ также прочитанъ адресъ центрального польскаго демократическаго комитета.

712. Письмо къ М. К. Рейхель.

3 декабря (1853). Суббота.

Давно я не писалъ вамъ. Что дѣлать?—суета и шумъ; а тутъ и Оля и Тата три дня лежали въ лихорадкѣ,—теперь совсѣмъ почти на ногахъ; это — простуда; я думалъ, не корь ли, однако, нѣтъ.

Митингъ былъ блестящій. Рѣчь моя крѣпко понравилась; она была зла, ядовита и забориста. Сегодня ее публикуетъ «Лидеръ», но, я думаю, вы по-англійски не того, а потому я вырѣжу ее изъ французскаго журнала и пришлю (не всю, а то тамъ есть и объ вашемъ Ник. Сем.). Я хотѣлъ вамъ сегодня послать вырѣзки изъ «Herald» и «Daily News», да скотина горничная ихъ выбросила. Впрочемъ, это только для того, чтобъ вы видѣли въ скобкахъ: (hear, hear) и (Cheers, Cheers!),—значитъ, шумѣли ладно. Въ концѣ я сказалъ: «Позвольте мнѣ повторить мой крикъ по-русски» и громко прокричалъ: «Да здравствуетъ независимая Польша и вольная Русь!» Это съ сотворенія міра въ первый разъ, что русское слово раздалось въ революціонномъ дѣлѣ.

Бод.¹⁾ уѣхалъ. Онъ далеко не такъ черно смотритъ, какъ Мих. Сем., и понялъ хоть эту простую вещь, что для Россіи (изъ

¹⁾ Бодиско.

благопристойности) необходимъ человѣкъ, который бы защищалъ ее. Я первымъ условіемъ митинга поставилъ, чтобъ ни малѣйшей обиды не было русскому народу.

Помните, въ «Горе отъ ума» Репетиловъ говоритъ на вопросъ, что онъ дѣлаетъ въ клубѣ: «Шумимъ, братецъ, шумимъ!»

За симъ и прощайте.

Цѣлую вашихъ. Что же и вашъ Саша съ нами заодно именины справляетъ?

713. Письмо къ М. К. Рейхель.

8 decembre (1853). Jeudi.

Дѣти выздоровѣли; Оленька еще тянется и капризничаетъ за двухъ; Саша сдѣлался музыкантомъ и поетъ басомъ и дискантомъ. Манихенъ тоже хирѣетъ. Гаугъ не въ Австраліи.

Вотъ въ какой проклятой странѣ вы жизнь живете, что хотѣлъ вамъ послать статейку вырѣзанную, да съ другой стороны не хорошо напечатано... и атанде-съ. Митингъ надѣлалъ страшный шумъ,—характеръ его былъ, видите, съ перчикомъ. Еще сегодня «Таймсъ» насъ обругалъ. А милое правительство здѣшнее выдало шесть русскихъ матросовъ, бѣжавшихъ съ корабля. Мы хлопотали, кричали, шумѣли, а они взяли да и выдали. Это преподлый поступокъ.

Получилъ я отъ эксъ-Сазоновой ¹⁾ письмо со вложеніемъ другого къ Полуденской ²⁾. Да для чего же это черезъ меня-то посылать? Не можете ли вы ей какъ сообщить, что, молъ, его дѣло—сторона? адресъ ея: Rue Richter, 45. А коли не можете, я, пожалуй, и самъ напишу. А что же Франкъ?

714. Письмо къ М. К. Рейхель.

10 декабря (1853).

Говорятъ, будто сейчасъ оказія къ вамъ; послать хотѣлось бы и рѣчь и разныя разности, да поздно доставать. Рѣчь напечатана цѣликомъ въ «Nation», а по-англійски будетъ въ «English Republic»;

¹⁾ Законная жена Н. И. Сазонова.

²⁾ Сестра его.

пока посылаю вамъ изъ «Лидера» отрывокъ, знакомый вамъ въ русскомъ оригиналѣ, но чудесно переведенный ¹⁾.

Книга, посвященная вамъ, подходитъ къ концу. Бод. ²⁾ очень понравился «Поврежденный»,—помнится, начало я вамъ читалъ въ Ниццѣ еще до вашей свадьбы. Объ матросахъ мы хлопотали всячески, и лордъ Дудней Стюартъ, и польскіе аристократы, но ничего не могли сдѣлать, кромѣ шума въ журналахъ. Тамъ, что, ни говори, а разумѣется, они были преданы англійскимъ правительствомъ, которое столько же подло, какъ и всѣ остальные, съ той разницей, что его можно ругать такъ, какъ Линтонъ обругалъ на митингѣ.

«Это гнусное правительство . . . ³⁾», сказалъ онъ,—связанное со всѣми ракальями Европы (gascals),—чего отъ него ожидать».

Матросы поступили глупо и, если правда, что ихъ подбили, то за это стоило бы проучить дураковъ, губящихъ людей.

8 часовъ вечера. Суббота.

Вотъ вамъ и рѣчь посполитая ⁴⁾ и прощайте; о полученіи извѣстий просимъ.

715. Письмо къ М. К. Рейхель.

17 (декабря 1853), суббота.

Ну, помилуйте,—снѣгъ валить, холодъ, турка побить, Пальмерстонъ вышелъ въ отставку, въ окно дуетъ, въ дверь дуетъ, Саша поеть дуэтъ, Марихенъ съ Оленькой тоже.

А rgoros, вы меня позорили напрасно. Вольно же было Марихенъ написать, что Оленька очень была больна. У нея была катаральная лихорадка, т. е. жаръ по ночамъ, кашель. Вотъ и все. Разумѣется, ее было очень жаль и похудѣла она и еще капризнѣе стала, но опасности не было ничего. А вотъ Манихенъ ѣздила съ Сашей на балъ и танцевались у Ронге; что скажете на это?.. И Саша пускался въ англезы ⁵⁾ и куранты ⁶⁾, а, быть можетъ, и въ темпегъ ⁷⁾...

¹⁾ Изъ «Прерванныхъ разсказовъ».

²⁾ Бодиско.

³⁾ Слово не разобрано.

⁴⁾ Рѣчь на митингѣ, см. № 711.

⁵⁾ Танецъ, очень живой.

⁶⁾ Старинный танецъ, медленный, степенный.

⁷⁾ Французскій танецъ—tempête.

Ну что же, получили, вѣроятно, и рѣчь и все?..

Могите черкнуть. А ко мнѣ явился какой-то нечестивецъ меня дагеротипить и факсимиле брать,—издаетъ въ Жерсеѣ съ Викт. Гюго и Пьеромъ Леру,—утѣшьтеся,—и еще съ 50-ю болѣе или менѣе «каторжными и бѣглецами», какъ выражается Булгаринъ. Франку книги послалъ.

716. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

24 décembre 1853.

Nous avons parlé il y a quelques jours des cadeaux, moi j'étais pour les choses superflues—vous pour les utiles.

Comment me tirer d'affaire en voulant choisir une bagatelle quelconque pour vous offrir.

C'était difficile—mais le calembourg m'a sauvé-là, comme il me sauve partout.

En vous offrant la chose la plus *inutile*, qui porte le nom de nécessaire,—je pense trancher le nœud.

Переводъ.

24 декабря 1853.

Нѣсколько дней тому назадъ мы разговаривали о подаркахъ; я стоялъ за вещи излишнія, вы—за полезныя.

Какъ теперь мнѣ быть при выборѣ вещицы, которую собираюсь вамъ преподнести?

Вопросъ не легкій, но и въ этомъ случаѣ мнѣ помогъ каламбуръ, который вообще вездѣ меня вывозилъ.

Предлагая вамъ вещицу совершенно *безполезную*, но которая зовется несессеромъ ¹⁾, я думаю этимъ разрубить узелъ.

717. Письмо къ М. К. Рейхель.

27 декабря 1853, вторникъ.

Подъ вліяніемъ всякихъ елокъ и страшныхъ морозовъ въ два градуса я что-то давно не писалъ къ вамъ.

Ну что вашъ Саша? Не люблю я ужасно дѣтскихъ болѣзней,—я сдѣлался страшный трусъ. Вашъ приказъ исполнилъ: Тата и Оля

¹⁾ Игра словъ: по-французски «несессеръ» означаетъ также «необходимое».

получили изъ Парижа уложенныя и упакованныя муфты. Дѣти веселились сильно. M-elle M. ¹⁾ и Маних. ²⁾ устроили все прекрасно. Живемъ мы тихо, а иное и скучновато. Вчера (это ужъ мистичизмъ), т. е. 14 дек., утромъ принесли изъ Ниццы письмо Рокка: посылаетъ цвѣты съ могилы, для того, чтобы ихъ спрятать; я взялъ спрятанный бюваръ, и изъ него выпала записка Коли... Онъ пишетъ, что онъ купался—«Das Meer ist blau und warm» ³⁾, и Шпильманъ приписалъ какую-то шутку. Это было 20 іюня 1851 г... Ахъ, Марія К., какъ страшно старѣть и долго жить... потери, потери!.. а, вѣдь, очень хорошаго-то не будетъ ничего. Саз. ⁴⁾ ѣдетъ сюда.

Изъ Берлина какой-то книгопродавецъ потребовалъ все русское въ нѣсколькихъ экзем., а вчера изъ Парижа—по 6 экз. всего. Видите, кротовья работа идетъ да идетъ.

А когда Рейхель пойдетъ по Ришельевнѣ ⁵⁾, что бы ему спросить у Франка, получилъ-ли онъ посылку, посланную черезъ Нута ⁶⁾. А просилъ я еще васъ насчетъ адресца Прудона или Даримона. Да вотъ еще: когда будете въ Россію писать, напомните о портр., которыхъ я просилъ у Тат. Ал. ⁷⁾, да нельзя ли и ящикъ съ письмами. Вѣдь ѣздятъ же купцы,—я заплачу здѣсь, за деньги все дѣлается. А Пушкина рукописные стихи?..

А Мориць ⁸⁾ по-русски отличился.

У меня требуютъ всенепремѣнно статью объ русскомъ авенирѣ ⁹⁾,—кажется, я по этой части все исписалъ. А прогос, вы говорите русскимъ, что могутъ за книгами адресоваться къ Франку, а здѣсь къ Jeff-Booksailor, Burlington arcad Piccadily.

718. Письмо къ М. К. Рейхель.

30 декабря (1853), пятница.

Послѣднее письмо ваше опоздало днемъ. Вѣроятно, вы получили мое письмо, кажется, отъ 27, въ которомъ я и дѣти описывали елку.

¹⁾ Мейзенбургъ.

²⁾ Фоммъ.

³⁾ Море синее и теплое.

⁴⁾ Н. И. Сазоновъ.

⁵⁾ Улица Ришелье въ Парижѣ.

⁶⁾ Nutt—лондонскій книгопродавецъ.

⁷⁾ Астракова.

⁸⁾ Гартманъ.

⁹⁾ Avenir—будущее.

Глупѣ нельзя было поступить, какъ Мельгуновъ ¹⁾. Теперь я вамъ дамъ нижеслѣдующій для Шомшильда приказъ: 4,350 ф. переслать сюда, черезъ здѣшняго Ротшильда, ко мнѣ и немедля, иначе я могу остаться безъ денегъ; что же касается до 10 т., то попросите Рейхеля сказать Шомб., что я бью челомъ, не возьмется ли онъ посовѣтовать что-нибудь новое; если нѣтъ на сію минуту, пусть оставитъ такъ въ домѣ Рот. (небось, и вексель-то на три мѣсяца, тогда и слѣдуетъ подождать).

Брусилова жаль.

А какъ подлюю Европу Николай Павл. хлещетъ въ усь и въ рыло.

Холодъ и здѣсь неимовѣрный; сегодня таетъ. Боже мой, еслибъ въ Лондонѣ сколько-нибудь климатъ былъ бы лучше, что за житье было бы! Дѣти, впрочемъ, процвѣтаютъ, какъ кринъ сельный,—имъ это сполагоря. Оленька послѣднее время мила до чрезвычайности.

Прощайте.

¹⁾ Онъ уплатилъ долгъ Герцену частью деньгами, частью векселями.

1854

719. Маріи Р...

...Итакъ, Вы думаете, что, все-таки, печатать, несмотря на то, что одна повѣсть едва начата, а другая не кончена... Оно, въ самомъ дѣлѣ, лучше: не напечатанная рукопись мѣшаетъ, это—что-то неудавшееся, слабое письмо, не дошедшее по адресу, звукъ, не дошедшій ни до чьего слуха.

Позвольте же вамъ и посвятить эти поблекшіе листья, захваченные на полдорогѣ суровыми утренниками. Новаго вы въ нихъ не найдете ничего: все вамъ знакомо въ нихъ—и оригиналы блѣдныхъ копій, и молодой смѣхъ былого времени, и грусть настоящаго, и даже то, что пропущено между строкъ.

Примите же ихъ, какъ принимаютъ старыхъ друзей послѣ долгой разлуки: не замѣчая ихъ недостатковъ, не подвергая ихъ слишкомъ строгому суду.

Лондонъ, 31 декабря 1853.

720. ДОЛГЪ ПРЕЖДЕ ВСЕГО.

ПОВѢСТЬ.

«Я считалъ бы себя преступнымъ, еслибъ не исполнилъ и въ сей настоящій годъ *священнаго дома* моего и не принесъ бы Вашему Превосходительству наиусерднѣйшаго поздравленія съ наступающимъ высокочественнымъ праздникомъ».

I.

За воротами.

Сыну Михаила Степановича Столыгина было лѣтъ четырнадцать... Но съ этого начать невозможно; для того, чтобъ принять

участіе въ сынѣ, надобно узнать отца, надобно сколько-нибудь узнать почтенное и доблестное семейство Столыгиныхъ. Мнѣ даже хотѣлось бы основательно познакомить читателей моихъ съ нимъ, но не знаю, какъ лучше приняться.

Мнѣ приходило въ голову начать съ историческихъ преданій ихъ знаменитаго рода. Я хотѣлъ слегка упомянуть, какъ Трифонъ Столыгинъ успѣлъ въ двѣ недѣли три раза присягнуть: разъ Владиславу, разъ Тушинскому вору, разъ не помню кому, и всѣмъ измѣнилъ; я хотѣлъ описать ихъ богатяя достоянія, ихъ села, въ которыхъ церкви были пышно украшены благочестивыми и смиренными приношеніями помѣщиковъ, повидимому, не столь смиренныхъ въ свѣтскихъ отношеніяхъ, что доказывали полуразвалившіяся, кривыя, худо крытыя и подпертыя шестью избы. Но, боясь утомить вниманіе ваше, я скромно рѣшаюсь начать не дальше, какъ за воротами большого московскаго дома Михаила Степановича Столыгина, что на Яузѣ. Ограда около дома каменная, ворота толстаго дерева, съ одной стороны калитка истинная, съ другой—ложная, для симметріи; въ ней вставлена доска, на доскѣ сидитъ обтерханый старикъ, повидимому нищій.

Старикъ этотъ, впрочемъ, не былъ нищій, а дворникъ Михаила Степановича.

Пятьдесятъ второй годъ пошелъ съ тѣхъ поръ, какъ красивый русый юноша, Ефимка, вышелъ въ первый разъ за эти ворота съ метлою въ рукахъ и горькими слезами на глазахъ. Дядя Михаила Степановича, объѣзжая свои помѣстья, привезъ его изъ Симбирска, не потому, что ему особенно нуженъ былъ мальчикъ, а такъ, — ему понравился добрый видъ Ефимки, онъ и рѣшилъ устроить его судьбу. Устроилъ онъ ее прочно, какъ видите. Ефимка мель юношей, мель съ пробивающимся усомъ, мель съ окладистой бородой, мель съ просѣдью, мель совѣмъ сѣдой и теперь мететь съ пожелтѣвшей бородой, съ ногами, которыя подгибаются, съ глазами, которые плохо видятъ. Одно сберегъ онъ отъ юности—названіе Ефимки; впрочемъ страніе этого патріархальнаго названія было то, что онъ дѣйствительно не развился въ Ефимы. По мѣрѣ того, какъ онъ свыкался съ своей одинокой жизнью, по мѣрѣ того, какъ страсть къ двору и къ улицѣ у него дѣлалась сильнѣе и доходила до того, что онъ вставалъ раза два-три ночью и осматривалъ дворъ съ пытливымъ любопытствомъ собаки, несмотря на то, что ворота были заперты и двѣ настоящихъ собаки спущены съ цѣпи,—въ немъ пропадала и живость и развязность, кругъ его понятій становился уже и уже, мысли смутнѣе, тусклѣе. Разъ, лѣтъ за двадцать до нашего разсказа, ему взошла въ голову дурь—же-

ниться на кучеровой дочери; она была и не прочь, но баринъ сказалъ, что это—вздоръ, что онъ съ ума сошелъ, съ какой стати ему жениться?—тѣмъ дѣло и кончилось. Ефимка потосковалъ, никому не говорилъ о томъ ни слова и сталъ попивать. Къ старости онъ сдѣбался кроткимъ, тихимъ звѣремъ, страдавшимъ отъ холода и отъ боли въ поясницѣ, веселившимся отъ сивухи и нюхательнаго табаку, который ему поставлялъ сосѣдній лавочникъ за то, чтобъ онъ мелъ улицу передъ лавочкой. Другихъ сильныхъ страстей у него не было, если мы не примемъ за страсть его безусловную послушливость всѣмъ, кто хотѣлъ приказывать, и безграничный страхъ передъ Михаиломъ Степановичемъ.

Нельзя сказать, чтобы сношенія Ефимки съ Михаиломъ Степановичемъ были особенно часты или важны; они ограничивались строгими выговорами, сопряженными съ сильными угрозами за то, что мостовая портится, за то, что тротуарные столбы гниютъ, за то, что за нихъ зацѣпляются телѣги и сани; Ефимка чувствовалъ свою вину и со вздохомъ поминалъ то блаженное время, когда улицъ не мостили и тротуаровъ не чинили, по очень простой причинѣ,—потому что ихъ не было.

Сношеніе другого рода, болѣе пріятное и торжественное, повторялось всякій годъ одинъ разъ. Въ Свѣтлое Воскресеніе вся дворня приходила христосоваться съ бариномъ; причемъ Михайло Степановичъ, обыкновенно угрюмый и раздраженный, мѣнялъ гнѣвъ на милость и дарилъ своихъ слугъ ласковымъ словомъ—отчасти въ предупрежденіе другихъ подарковъ.

— А помнишь,—говорилъ ежегодно Михайло Степановичъ Ефимкѣ, обтирая губы послѣ христосованья,—помнишь, какъ ты меня возилъ на салазкахъ и дѣлалъ снѣговую гору?

Сердце прыгало отъ радости у старика при этихъ словахъ, и онъ торопился отвѣчать:

— Какъ же, батюшка, кормилецъ ты нашъ, мнѣ-то не помнить; оно, вѣдь, еще при покойномъ дядюшкѣ вашей милости, при Львѣ Степановичѣ, было; помню, вотъ словно вчера.

— Ну, оно вчера не вчера,—прибавлялъ Михайло Степановичъ, улыбаясь,—а небось, пятый десятокъ есть. Смотри же, Ефимка, праздникъ праздникомъ, а улицу мети да пьяныхъ много теперь шляется, такъ ты, какъ смеркнется, ворота и запри. Что, не крадутъ ли булыжникъ?

— Словно глазъ свой берегу, батюшка, и ночью выхожу разъ-другой поглядѣть,—отвѣчалъ дворникъ, и баринъ давалъ знакъ, чтобъ онъ шелъ съ краснымъ яйцомъ, даннымъ ему на обмѣнъ.

Этимъ періодическимъ разговоромъ ограничивались личныя

сношенія двухъ ровесниковъ, жившихъ лѣтъ пятьдесятъ подъ одной крышей. Ефимка бывалъ очень доволенъ аристократическими воспоминаніями и обыкновенно вечеромъ въ первый праздникъ, не совсѣмъ трезвый, рассказывалъ кому-нибудь въ грязной и душной кучерской, какъ было дѣло, прибавляя: «Вѣдь, подумаешь, какая память у Михайла-то Степановича: помнить что! А, вѣдь, это—сушая правда; бывало, меня заложить въ салазки, а я вожу, а онъ-то знай кнутикомъ погоняетъ, ей Богу,—а сколько годовъ подумаешь», и онъ, качая головою, развязывалъ онучи и засыпалъ на печи, подложивши свой армякъ (постели онъ еще не успѣлъ завести въ полвѣка), думая, вѣроятно, о суетѣ жизни человѣческой и о прочности нѣкоторыхъ общественныхъ положеній, напримѣръ, дворниковъ.

Итакъ, Ефимка сидѣлъ у воротъ. Сначала онъ медленно, больше изъ удовольствія, нежели для пользы, подгонялъ грязную воду въ канавѣ метлой, потомъ понюхалъ табуку, посидѣлъ, посмотрѣлъ и задремалъ. Вѣроятно, онъ довольно долго бы проспалъ въ товариществѣ дворной собаки плебейскаго происхожденія, черной съ бѣлыми пятнами, длинною жесткою шерстью и изгрызаннымъ ухомъ, котораго сторонки она приподнимала врозь, чтобъ сгонять мухъ,—если бы ихъ обоихъ не разбудила женщина среднихъ лѣтъ.

Женщина эта, тщательно закутанная, въ шляпкѣ съ опущеннымъ вуалемъ, давно показалась на улицѣ; она медленно шла по противоположному тротуару и съ безпокойнымъ вниманіемъ смотрѣла, что дѣлается на дворѣ Столыгина. На дворѣ все было тихо: казачекъ въ сѣняхъ пощелкивалъ орѣхи, кучеръ возлѣ сарая чистилъ хомуть и курилъ изъ крошечнаго чубука, однако, и этого довольно было, чтобъ отстращать ее; она прошла мимо и черезъ четверть часа явилась на томъ тротуарѣ, на которомъ спалъ Ефимъ. Собака заворчала, было, но вдругъ бросилась со всѣми собачьими изъявленіями радости къ женщинѣ; она испугалась ея ласкъ и отошла, какъ можно скорѣе. Осмотрѣвши еще разъ, что дѣлается на дворѣ, она рѣшилась подойти къ Ефиму и назвать его.

— Ась, — пробормоталъ Ефимъ, — чего вамъ? Онъ не былъ такъ счастливъ, какъ его пріятель съ раздвоеннымъ ухомъ, и не узналъ, кто съ нимъ говоритъ.

— Ефимушка, — продолжала незнакомка, — вызови сюда Кирилловну.

— Настасью Кирилловну? а на что вамъ ее? — спросилъ дворникъ, что-то запинаясь.

— Да ты меня развѣ не узнаешь?

— Ахъ, ты мать пресвятая Богородица! — отвѣчалъ старикъ и вскочилъ съ лавки. — Глаза-то какіе стали, матушка... Экъ я кого

не спозналъ! Простите, матушка, изъ ума выжилъ на старости лѣтъ, такъ ужъ никуда не гоюсь.

— Послушай, Ефимъ, мнѣ некогда, коли можно, вызови Настасью.

— Слушаю, матушка, слушаю; отчего же нельзя, оно все можно; я сейчасъ для тебя-то сбѣгалъ бы, да вотъ, мать ты моя родная,—и старикъ чесалъ пожелтѣлые волосы свои,—да какъ бы то есть Титъ-то Трофимовичъ не свѣдалъ?

Женщина смотрѣла на него съ состраданіемъ и молчала; старикъ продолжалъ:

— Боюсь, охъ, боюсь, матушка, кости старья, лѣта какія, а, вѣдь, у насъ кучеръ Ненпадистъ,—не приведи Господь, какая тяжелая рука,—такъ въ конюшнѣ Богу душу и отдашь, христіанскій долгъ не исполнишь.

Старикъ еще не кончилъ своей рѣчи, какъ изъ воротъ выскочила старушонка худоцавая, подслѣпая, вся въ морщинахъ, съ сѣдыми волосами.

— Ахъ, матушка, не извольте слушать, что вамъ старый сычъ этотъ напѣваетъ, пожалуйста ко мнѣ, я проведу васъ; вѣдь, изъ окна матушка узнала, походку-то вашу узнала, такъ сердцето и забилося. Ахъ, молъ, наша барыня идетъ, шепчу я сама себѣ, да на половину къ Анатолію Михайловичу бѣгу, а тутъ попался казачекъ Ванюшка, прядовитой у насъ такой, шпіонишка мерзкой. Что, спросила я, баринъ-то спитъ?—Спитъ еще, чтобъ ему тутъ, право, не при васъ будь сказано...

Все это она такъ проворно говорила съ пресильной мимикой, что Марья Валеріановна не успѣла раскрыть рта и, наконецъ, ужъ перебила ее вопросомъ:

— Настасьюшка, да здоровъ ли онъ?

— Ничего, матушка, ну только худенькой такой. Какое и житье-то! Вѣдь, аспидъ-то нашъ, на то и взялъ ихъ, чтобъ было надъ кѣмъ зло изливать, человѣконенавистникъ, ржа, которая, на что желѣзо, и то поѣдомъ ѣстъ. У Натоль же Михайловича, изволите знать, какой нравъ,—весь въ маменьку, не то, что наше холопское дѣло: выйдешь за дверь да самого обругаешь вдвое, прости Господи, ну, а они все къ сердцу принимаютъ.—Марья Валеріановна утерла наскоро слезу и шепнула:

— Пойдемъ же, Настасьюшка.

Настасья строго наказала Ефимкѣ, если Титъ подошлетъ казачка спросить, съ кѣмъ она говорила за воротами и съ кѣмъ взошла, сказать, со швеей, молъ, съ Ольгой Петровной, что живетъ у Покровскихъ воротъ. Послѣ этого, она повела Марью Валеріа-

новну черезъ дворъ на заднее крыльцо, потомъ по темной лѣстницѣ, кторую врьдъ ли мели когда-нибудь послѣ отстройки дома. Лѣстница эта шла въ маленькую каморку, отведенную Настасьѣ; эта каморка была цѣль ея желаній, предметъ домогательствъ ея въ продолженіе пятнадцати лѣтъ. Ни у кого въ домѣ не было особой комнаты, кромѣ Тита. Михайло Степановичъ, наконецъ, дозволилъ занять ее, съ условіемъ: не считать ее своею, никогда въ ней не сидѣть, а такъ покамѣстъ положить свои пожитки. Въ этой маленькой комнатѣ стоялъ небольшой деревянный столъ, окрашенный временемъ; на немъ покоился покрытый полотенцемъ самоваръ, въ сосѣдствѣ чайника и двухъ опрокинутыхъ чашекъ. На стѣнѣ висѣли двѣ головки, рисованныя чернымъ карандашемъ; одна изображала поврежденную женщину, которая смотрѣла изъ картины, страшно вытаращивъ глаза; вмѣсто кудрей у нея были черви,—должно думать, что цѣль была представить Медузу; другая представляла какого-то жандарма въ каскѣ, вѣроятно, выходявшаго изъ воды, судя по голому плечу; лицо у него было отвратительно правильно, носъ въ родѣ іонійской колонны, опрокинутой волютами внизъ, голову онъ держалъ крѣпко на сторону; разумѣется, этотъ жандармъ былъ Александръ Македонскій.

Но передъ этими картинами, нарисованными дѣтской рукой, остановилась Марія Валеріановна и не могла болѣе удерживаться. Она закрыла глаза платкомъ, и Настасья плакала отъ всей души, приговаривая:

— Да, это онъ, мой голубчикъ, въ именины подарилъ.

— Ну, какъ кто взойдетъ сюда, Настасьюшка, что тогда дѣлать?

— Не изволите беспокоиться, матушка, фискала-то нашего дома нѣтъ. Вишь, староста пріѣхалъ да обозъ съ дровами, что ли, пришелъ, такъ онъ и пошелъ въ трактиръ принимать; самый вредный человѣкъ и преалчной, никакой совѣсти нѣтъ: чаю пары двѣ выпьетъ съ французской водкой, какъ слѣдуетъ, да потребуетъ бутылку бѣлаго, рыбы, икры; какъ чрево выносить? небось, седьмой десятокъ живетъ! Да, вѣдь, что, матушка, какой неочестливой: и сына-то своего приведетъ—и того угощай. Ну, да онъ угодитъ еще подъ красную шапку, сынъ-то озорникъ. Покуда старой-то песь живъ, такъ все шито и крыто, а какъ Богъ по душу пошлетъ, мы все выведемъ: и какъ синенькая у кучера пропала...

Длинная рѣчь in Titum осталась неоконченною. Молодой человѣкъ лѣтъ тринадцати, стройный, милый и блѣдный отъ внутренняго движенія, бросился, не говоря ни слова, на шею Марьи Валеріановны и спряталъ голову на ея груди; она гладила его волосы, смѣялась, плакала, цѣловала его...

— Ну, привелъ же Богъ, привелъ же Богъ,—говорила она.— Да, дай же посмотрѣть на тебя...

И она всматривалась долго, съ тѣмъ упоеніемъ, преданнымъ, святымъ, съ какимъ можетъ смотрѣть одна любовь матери. Она была счастлива: онъ такъ хорошъ, черты его такъ невинно чисты и открыты,—она молилась ему.

— Дружокъ ты мой, какой ты худенькой,—говорила она ему,— здоровъ ли ты?

— Я здоровъ, маменька, — отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Я только боюсь, что папаша узнаетъ, спроситъ меня...

— И, батюшка,—вмѣшалась няня,—что это ужъ такой умникъ и не умѣете держать отвѣтъ. Правду сказать, это только вашъ папаша воображаетъ, что его въ свѣтѣ никто не проведетъ, а его вся дворня надуваетъ.

Молодой человѣкъ не отвѣчалъ, но сдѣлалъ движеніе, которое дѣлаютъ всѣ нервные люди, когда ножъ скрипитъ по тарелкѣ.

II.

Дядюшка Левъ Степановичъ.

(Кажется, что и хорошо я началъ мой разсказъ, а опять приходится отступить, далеко отступить, иначе не объяснишь сцены, происходившей въ маленькой комнаткѣ Настасьи).

Начнемте тамъ, гдѣ оканчиваются воспоминанія Ефимки: онъ возилъ молодого барина въ салазкахъ при жизни «дяденьки». Дяденька Левъ Степановичъ уже потому заслуживаетъ, чтобы начать съ него, что, несмотря на всю патріархальную дикость свою, онъ—первый *ручной* представитель Столыгиныхъ. Этимъ онъ обязанъ слѣпой любви родителей къ его меньшему брату. Степушку никогда бы не рѣшились они отправить на службу, отдать въ чужія руки; Левушку, напротивъ, родители не жалѣли, и какъ только онъ кончилъ курсъ своего воспитанія, то есть научился читать по-русски и писалъ вопреки всѣмъ правиламъ орфографіи, его отправили въ Петербургъ. Послуживши лѣтъ десять въ гвардіи, онъ перешелъ въ гражданскую службу, былъ совѣтникомъ, былъ въ послѣдствіи президентомъ какой-то коллегіи, и въ большой близости съ кѣмъ-то изъ временщиковъ. Патронъ его, долго умѣвший искусно удержаться въ силѣ въ классическое время паденій и успѣховъ, воцареній и низверженій, послѣ Петра I и Екатерины II, потерялъ, наконецъ, равновѣсіе и исчезъ въ своихъ малороссійскихъ вот-

чинахъ. Помощникъ и ставленникъ его, Левъ Степановичъ, премудро и во-время умѣлъ отдѣлить свою судьбу отъ судьбы патрона, премудро успѣлъ жениться на племянницѣ другого временщика, которую тотъ не зналъ, куда дѣвать, и, наконецъ, что премудрѣе всего вмѣстѣ, Левъ Степановичъ, получивъ аннинскую кавалерію, вышелъ въ отставку и отправился въ Москву для устройства имѣнія, уважаемый всѣми, какъ честный, добрый, солидный и дѣловой человѣкъ.

Не надобно думать, чтобъ въ его удаленіи былъ одинъ расчетъ или дипломатія; причина столько же сильная звала его воротиться къ болѣе родной средѣ. Въ Петербургѣ, несмотря на успѣхи по службѣ, ему все было что-то неловко, точно въ гостяхъ; ему захотѣлось покоя въ почетномъ раздольѣ помѣщичьей жизни, захотѣлось пожить на своей волѣ: родители его давно померли, Степушка былъ отдѣленъ, имѣнье, доставшееся Льву Степановичу, было одно изъ богатѣйшихъ подъ Москвою, верстъ сотню по Можайкѣ отъ города. Какъ же не ѣхать ему было въ свои березовыя и липовыя рощи, въ свой старый отцовскій домъ, гдѣ подобострастная дворня и испуганное село готово было его встрѣтить со страхомъ и трепетомъ, поклониться ему въ землю и подойти къ ручкѣ?

Въ Москвѣ онъ остался недолго, заложилъ на Яузѣ вмѣсто деревяннаго дома каменная палата и уѣхалъ въ Липовку, изрѣдка наѣзжая присмотрѣть за постройкой. За хозяйство Левъ Степановичъ принялся усердно; онъ и на службѣ своего имѣнья не разстроилъ, а, напротивъ, къ родовымъ тысячѣ душамъ прикупилъ тысячи полторы; но теперь, не вдаваясь въ агрономическія разсужденія, онъ разомъ сдѣлался смышленнымъ помѣщикомъ съ той сноровкой, съ которой изъ лейбъ-гвардіи капитановъ сталъ въ годъ времени дѣловымъ совѣтникомъ. Удваивая доходы, онъ улучшилъ состояніе крестьянъ. Онъ и хлѣбомъ поможетъ, и овса на посѣвъ дастъ, и корову или лошадь дастъ въ замѣну падшей, ну, да послѣ держи ухо востро. Вдругъ, никто не думаетъ, не гадаеть,—баринъ со старостой и съ десятскими на дворъ. «Ей ты, Акулька, покажи-ка горшки для молока»; не вымыты — тутъ бабѣ и расправа. «А ты, Нефедъ, покажь-ка соху да и борону, выведи лошадь-то», — словомъ, поучалъ ихъ, какъ неразумныхъ дѣтей, и мужички разсказывали долго послѣ его смерти «о порядкахъ стараго барина», прибавляя: «точно, бывало, спуску не даетъ, ну, а только умница былъ, все зналъ наше крестьянское дѣло досканально и праваго не тронетъ, то есть учитель былъ».

Дворовыхъ онъ держалъ безъ числа и мѣры. У него были

мальчики, единственно употребляемые днемъ на то, чтобъ чистить клѣтки соловьевъ, а ночью ходить по двору, чтобъ собаки не лаяли близь господскаго дома. У него были дѣвочки, которыхъ все назначеніе состояло въ томъ, чтобъ зимой стирать воду съ оконницъ, а лѣтомъ носить уголья и тазики для варенья. Нельзя сказать, чтобъ такое количество прислуги его вводило въ особенно важныя траты; все, начиная съ самыхъ личностей, было домашнее: рожь и гречиха, горохъ и капуста, и не одинъ кормъ... Умретъ корова—выдѣлаютъ кожу, сапожникъ сошьетъ портному сапоги, въ то время, какъ портной ему кроитъ куртку изъ домашняго сукна цвѣта маренго-клеръ и широкія панталоны изъ небѣленаго холста, которымъ были обложены рабочія бабы. Притомъ у Льва Степановича былъ неотъемлемый талантъ воспитывать дворню,—талантъ, совершенно утраченный въ наше время; онъ вселялъ съ юныхъ лѣтъ такой страхъ, что даже его фаворитъ и долею лазутчикъ, камердинеръ Титъ Трофимовъ, гроза всей дворни, не всегда обращавшій вниманіе на приказы барыни, сознавался въ минуту откровенности и сердечныхъ изліяній, что ни разу не входилъ въ спальню барина безъ особаго чувства страха, особенно утромъ, не зная, въ какомъ расположеніи Левъ Степановичъ. Дивится нечему. Выгоды и почетъ барскаго фавора очень не даромъ доставались, Титу особенно, потому что онъ часто попадался на глаза. Левъ Степановичъ былъ человѣкъ характерный, сдерживать себя не считалъ нужнымъ, и когда утромъ онъ выходилъ къ чаю съ красными глазами, сама Марѳа Петровна долго не смѣла начать разговоръ. Въ эти «характерныя» минуты сильно доставалось Титу, — побьетъ его, бывало, да и пошлетъ къ барынѣ: «Поди, говорить, покажи ей свою рожу и скажи, вотъ, молъ, какъ дураковъ учать, людей дѣлаютъ изъ скотовъ». Для Марѳы Петровны, въ ея скучной и однообразной жизни, подобные случаи служили развлеченіемъ, даже она находила своего рода удовольствіе въ униженіи гордаго и высокомѣрнаго Тита.

Дѣйствительно, развлеченій въ ея жизни было мало, особенно свѣтскихъ. Дѣтей имъ Богъ не далъ. Пыталась она и воровать, и заговариваться, и пить всякую дрянь, и къ Троицъ-Сергію ходила пѣшкомъ, и Титову сестру посылала въ Кіево-Печерскую лавру, откуда она ей принесла колечко съ раки Варвары-мученицы, но дѣтей все не было. Нельзя сказать, чтобъ Левъ Степановичъ особенно былъ оттого несчастенъ, однако, онъ сердился за это, какъ за безпорядокъ, и упрекалъ въ минуты досады свою жену довольно оригинальнымъ образомъ, говоря: «У меня жену Богъ даровалъ глупѣе таракана; что такое тараканъ? нечистота!

а дѣтей выводитьъ». При этомъ видно было гордое сознаніе, что онъ, съ своей стороны, себя въ этомъ не винить, да и, въ самомъ дѣлѣ, безъ вопіющей несправедливости мудро было винить Льва Степановича, взявъ во вниманіе, хоть одно разительное сходство съ нимъ поваровыхъ дѣтей. Главное, что сердило Льва Степановича, это отсутствіе цѣли въ хозяйствѣ и устройствѣ имѣнія. «Я,—говорилъ онъ,—денно и ночью хлопочу, и запашку удвоилъ, и порядокъ завелъ, и лѣсъ берегу, и денегъ не трачу; а подумаю, на что,—самъ не знаю; точно управляющій братнина сына, а тотъ возьметъ все да и спасибо не скажетъ,—я его знаю, по матери пошелъ, баба продувная была и въ немъ хамовой крови довольно. Оно, конечно, это мой долгъ, на то я и поставленъ Богомъ въ помѣщики, чтобы хозяйничать, на томъ свѣтѣ съ меня спросится; все же лучше, если бы былъ настоящій наслѣдникъ!»

И Левъ Степановичъ грустно качалъ головою, сидя на жесткихъ креслахъ, обитыхъ черной кожей, приколоченной мѣдными гвоздочками. Марѳа Петровна горько плакивала отъ подобныхъ разговоровъ и за свѣтскія лишенія прибѣгала къ духовнымъ утѣшеніямъ.

Возлѣ самага господскаго дома иждивеніемъ Льва Степановича была воздвигнута каменная церковь о трехъ придѣлахъ. Спальня выходила окнами къ колокольнѣ; при первомъ благовѣстѣ Марѳа Петровна поспѣшно одѣвалась и являлась ранѣ всѣхъ въ храмъ божій. Левъ Степановичъ приходилъ позже и то по большимъ праздникамъ и въ воскресные дни. Марѳа же Петровна являлась при всѣхъ богослуженіяхъ, на похоронахъ, крестинахъ, бракосочетаніяхъ. Левъ Степановичъ становился впереди, подтягивалъ клиросу и бдительнымъ окомъ смотрѣлъ за порядкомъ, самъ дралъ за уши шалившихъ мальчишекъ и черезъ старосту показывалъ, когда надо было креститься и когда класть земные поклоны. Онъ былъ любитель и знатокъ богослуженія; онъ на домъ къ себѣ призывалъ молодого діакона и мѣсяца три всякій день училъ кадить и дѣлать возгласъ, поднимая орарь съ полуоборотомъ на амвонѣ; діаконъ, дѣйствительно, такъ мастерски дѣлалъ возгласъ и полуобороты, что можайскіе купцы пріѣзжали любоваться и находили, что іеродіаконъ Саввина монастыря далеко будетъ пониже липовскаго.

Монастырь этотъ былъ верстъ тридцать отъ усадьбы Льва Степановича. Онъ постоянно посылалъ туда не столько богатыя, сколько постоянныя приношенія: возовъ десять прошлогдняго и нѣсколько сгорѣвшаго сѣна, овесъ, негодный на сѣмена, сырыя и почернѣвшія дрова. Марѳа Петровна, съ своей стороны, дѣлала

приношенія тоже болѣе цѣнныя по усердію, нежели по чему иному; она посылала въ монастырь розовую и мятную воду, муравьиный спиртъ, сушеную малину (иноки, не зная, что съ ней дѣлать, настаивали ее пѣннымъ виномъ), нѣсколько банокъ грибовъ въ укусѣ, искусно уложенныхъ такъ, что съ которой стороны ни посмотришь, все видны одни бѣлые грибы, а какъ ложкой ни возьмешь, все вынешь или березовикъ или масленикъ. Иноки иногда посѣщали благочестивый домъ богоприбѣжнаго помѣщика и всегда находили радушный пріемъ Марѣы Петровны, которая любила ихъ и какъ-то боялась.

Другихъ гостей почти никогда не являлось у Столыгиныхъ. Кромѣ ихъ двоихъ, еще проживалъ у нихъ дядя Марѣы Петровны со своей женой. Ъхавши изъ Петербурга, Левъ Степановичъ пригласилъ къ себѣ дядю своей жены, не главнаго, а такъ, дядю-старика, оконтуженнаго въ голову во время турецкой кампаніи, вслѣдствіе чего онъ потерялъ память, умъ и глаза. Настоящій дядя, не зная, куда его дѣтъ, намекнулъ Льву Степановичу, который, хотя уже тогда и былъ въ отставкѣ, но все же не смѣлъ поперечить особѣ. Слѣпой старикъ былъ женатъ на молдаванкѣ, у которой, въ домѣ лежалъ раненый; она была не первой молодости и, несмотря на большой римскій носъ и на огромные орлиные глаза, отличалась великимъ смиреніемъ духа. Ее Столыгинъ употреблялъ на пріемъ талекъ, холстины, орѣховъ, на чищеніе ягодъ, сушеніе травъ, вареніе грибовъ. Марѣа Петровна, призрѣвая родственниковъ, была увѣрена, что этимъ загладитъ всѣ свои грѣхи, а можетъ, сдѣлаетъ доступною и свою молитву о дарованіи дѣтей. Обращеніе, сложившееся между хозяевами и гостями, было простое, патріархальное. Марѣа Петровна называла старика дядей, но жену его не только не называла теткой, но говорила ей «ты» и въ иныхъ случаяхъ позволяла цѣловать у себя руку. Левъ Степановичъ говорилъ обоимъ «ты» и обращался съ ними такъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ людьми, вполне зависящими отъ насъ: съ холоднымъ презрѣніемъ и съ оскорбительнымъ выказываніемъ своего превосходства. Онъ ихъ трактовалъ, какъ мебель или вещь, не очень нужную, но къ которой онъ привыкъ.

Утро слѣпой обыкновенно проводилъ въ своей комнатѣ во флигелѣ, гдѣ курилъ сушеный вишневый листъ, перемѣшанный съ венгерскими корешками. Въ часъ дѣвка, приставленная за нимъ, надѣвала на него длинный синій сюртукъ, повязывала бѣлый галстукъ и приводила въ столовую. Здѣсь онъ дожидался, сидя въ углу, торжественнаго выхода Льва Степановича. Горе бывало старику, если онъ опоздаетъ,—тутъ доставалось не только ему, но и

Танькѣ, служившей при немъ корнакомъ, и молдаванкѣ. Старику повязывали на шею салфетку и сажали его за столъ, гдѣ онъ смиренно дожидался, пока Левъ Степановичъ ему пришлетъ рюмку настойки, въ которую онъ ему подливалъ воды. За столомъ старикъ не смѣлъ ничего просить да не смѣлъ ни отъ чего и отказаться; даже больше двухъ стакановъ квасу (хозяева пили кисляци, но для дяди съ теткой приносили людского квасу, кислаго, какъ квасцы) ему не позволялось пить. Подадутъ ли дыню, Левъ Степановичъ вырѣжетъ лучшую часть, а корки положитъ ему на тарелку. Марѳа Петровна дѣлала то же съ зрячей молдаванкой, прибавляя, что это сущій вздоръ и почти грѣхъ думать, что Богъ такъ создалъ дыню, что одну закраинку можно употреблять въ снѣдь.

Въ рѣдкія минуты, когда Левъ Степановичъ былъ веселъ, слѣпой старикъ служилъ предметомъ всѣхъ шутокъ и любезностей Льва Степановича. «А, добро пожаловать»,—кричалъ онъ,—«добро пожаловать, отецъ Ксенофонтій! Эй, Васильчъ (такъ называлъ онъ дядю), не видишь, что ли, отецъ Ксенофонтій идетъ тебя благословить».—«Не вижу, государь мой, не вижу»,—отвѣчалъ слѣпой.—«Да вотъ съ правой-то стороны»—и онъ посылалъ Тита благословлять старика, и тотъ ловилъ его руку. Левъ Степановичъ хохоталъ до слезъ, не догадываясь, что самое забавное въ этой комедіи состояло въ томъ, что выжившій изъ ума старикъ съ тою остротой слуха, которая обща всѣмъ слѣпымъ, очень хорошо зналъ, что отецъ Ксенофонтій не входилъ и представлялъ только для удовольствія покровителя, что обмануть. Но верхъ наслажденія для Столыгина состоялъ въ томъ, чтобы накласть на тарелку старику чего-нибудь скоромнаго въ постный день, и когда тотъ съ спокойной совѣстью съѣдалъ, онъ его спрашивалъ: «что это ты на старости лѣтъ въ Молдавіи, что ли, въ турецкую перешелъ? въ какой день убираешь скоромное!». У старика дѣлались спазмы, онъ плакалъ, полоскалъ ротъ, дѣлался больнымъ,—это очень забавляло Столыгина.

Иногда Левъ Степановичъ будилъ въ старикѣ что-то похожее на чувство человѣческаго достоинства, и онъ дрожащимъ голосомъ напоминалъ Льву Степановичу, что ему грѣшно обижать слѣпца и что онъ, все-таки, дворянинъ и премьеръ-майоръ по чину.

— Ваше высокородіе,—отвѣчалъ Столыгинъ, у котораго кровь бросалась въ лицо отъ такой дерзкой оппозиціи,—да ты бы ѣхалъ въ полкъ; ну, я тебѣ пришелся не по нраву, прости великодушно, а ужъ переучиваться мнѣ поздно, мнѣ не подъ лѣта; да и что же, я тебя не на веревочкѣ держу, ступай себѣ въ Молдавію, въ женино имѣнье.

— Левъ Степановичъ,—робко прибавляла Марѳа Петровна,—вѣдь, какъ бы то ни было, онъ мнѣ дядя и вамъ сродственникъ.

— Вотъ? Въ самомъ дѣлѣ?—возражалъ еще болѣе разъяренный Столыгинъ.—Скажите, пожалуйста, новости какія! А знаешь ли ты, что если бы онъ не былъ твой дядя, такъ у меня не только бѣ не сидѣлъ за столомъ, да и подъ столомъ?!—Испуганная майорша дергала мужа за рукавъ, начинала плакать, прося простить неразумнаго слѣпца, не умѣющаго цѣнить благодѣяній. У старика текли по щекамъ тоже слезы, но какъ-то очень жалкія: онъ походилъ на безпомощнаго ребенка, обижаемаго грубой и пьяной толпой.

Послѣ обѣда баринъ ложился отдохнуть. Титъ долженъ былъ стоять у дверей и, когда Левъ Степановичъ ударить въ ладоши, подать ему графинъ кислыхъ щей. Иногда въ это время Титъ бѣгалъ въ дѣвичью и приказывалъ, по именному назначенію, той или другой горничной налить ромашки и подать барину, что «де, на животѣ не хорошо», и горничная съ какимъ-то страхомъ бѣжала къ Агаѳѣ Ивановнѣ. Агафья Ивановна, ворча сквозь зубы, сыпала вонючую траву въ чайничекъ. Марѳа Петровна никогда не навѣщала мужа во время егò гастрическихъ припадковъ; она ограничивала свое участіе развѣдываніемъ, кто именно носилъ ромашку, для того, чтобы при случаѣ припомнить такую услугу и такое предпочтеніе...

Левъ Степановичъ, запивши кислыми щами или ромашкой сонъ, отправлялся побродить по полямъ и работамъ и часовъ въ шесть являлся въ чайную комнату, гдѣ у стѣны уже сидѣлъ на большихъ креслахъ слѣпой майоръ и вязалъ чулокъ,—единственное умственное занятіе, которое осталось у него. Иногда старикъ засыпалъ, Левъ Степановичъ, разумѣется, этого не могъ вынести и тотчасъ кричалъ горничной: «Танька, не зѣвай!», и Танька будила старика, который, проснувшись, увѣрялъ, что онъ и не думалъ спать, что онъ и по ночамъ плохо спитъ отъ поясницы. Послѣ чая Столыгинъ вынималъ довольно не новую колоду картъ и игралъ въ дураки съ женою и молдаванкой. Если онъ бывалъ въ хорошемъ расположеніи, то среди игры рассказывалъ въ тысячный разъ отрывки изъ аристократическихъ воспоминаній своихъ: какъ покойникъ графъ его любилъ, какъ ему довѣрялъ, какъ совѣтовался съ нимъ; но притомъ дружба дружбой, а служба службой. «Бывало, задастъ такую баню, и бумаги всѣ по полу разбрасаетъ, и раскричится. Ну, иной разъ и чувствуешь, что правъ, да и не отвѣчаешь,—надо дать мѣсто гнѣву. Онъ же у насъ терпѣть не могъ, какъ отвѣчаютъ. Тогда было жутко, а теперь съ благодарностью вспоминаю».

Всего же болѣе любилъ онъ останавливаться съ большими подробностями на томъ, какъ графъ его посылалъ однажды съ бумагой къ князю Григорью Григорьевичу... «Утромъ всталъ я часовъ въ пять. Тить тогда мальчишкой былъ, не разѣдался еще, какъ теперъ, что гадко смотрѣть, но только и тогда былъ прелѣнный и преглупый. Вхожу я въ переднюю, насилу его растолкалъ, чтобы скорѣй за парикмахеромъ сбѣгалъ. Парикмахеръ пришелъ, причесалъ меня... Тогда носили вотъ такъ, три пукли одна надъ другой. Я надѣлъ мундиръ и отправляюсь къ князю. Вхожу въ переднюю, говорю офиціанту, что вотъ по такому дѣлу отъ графа къ его свѣтлости присланъ. Офиціантъ посмотрѣлъ на меня, видитъ—съ двумя лакеями пріѣхалъ, и говоритъ: «раненько извоили пожаловать, князь не встаетъ раньше десяти, а въ десять я, молъ, камердинеру доложу». А можно, — говорю я ему, — гдѣ-нибудь обождать? «Какъ не можно, комнатъ у насъ довольно. Вотъ пожалуйста въ залу». Я взошелъ,—люди полы метутъ, да пыль стираютъ; я сѣлъ въ уголокъ и сижу. Часика такъ черезъ два вышелъ секретарь ли, камердинеръ ли и прямо ко мнѣ. «Вы отъ графа?» — Я, батюшка, я. — «Пожалуйте за мною къ его свѣтлости въ гардеробную». Вхожу я, князь извоилтъ въ пудермантелѣ сидѣть, и одинъ парикмахеръ въ шитомъ французскомъ кафтанѣ причесываетъ, а другой держитъ на серебряномъ блюдѣ помаду, пудру и гребенки. Князь, взявши бумагу, такимъ громкимъ ласковымъ голосомъ мнѣ и молвили: «Благодари графа, я сегодня доложу объ этомъ дѣлѣ. Мнѣ графъ говорилъ о тебѣ, что ты дѣловой и усердный чиновникъ, старайся впередъ заслужить такой отзывъ». —Свѣтлѣйшій, молъ, князь, жизнь свою предпочитаю положить за службу.—«Хорошо, хорошо, сказалъ князь и извоилтъ со стола взять табакерку золотую. Государыня тебѣ жалуеътъ въ поощреніе». Какъ это онъ извоилтъ сказать, у меня слезы въ три ручья. Я хотѣлъ, было, руку поцѣловать, но онъ отдернулъ. Я его въ плечо; князь взглянулъ на меня да пальчикомъ парикмахеру показалъ, да оба такъ и вспрыгнули отъ смѣха. Я ничего не понимаю, что за причина. А дѣло-то было просто: цѣлуя свѣтлѣйшаго въ плечо, я весь вымарался въ пудрѣ. Князь потомъ за ея величества столомъ рассказывалъ объ этомъ, ей-Богу». И во всемъ лицѣ Льва Степановича распространялась гордая радость.

Но большей частью вмѣсто аристократическихъ рассказовъ и воспоминаній Левъ Степановичъ, угрюмый и «гнѣвный», какъ выражалась молдаванка, притѣснялъ ее и жену за игрой всевозможными мелочами, бросалъ, сдавая, карты на полъ, дразнилъ молдаванку, съ бѣшенствомъ критиковалъ каждый ходъ и такъ добивалъ ве-

черъ до ужина. Въ десятомъ часу Левъ Степановичъ отправлялся въ спальню, замѣчая: «ну, слава Богу, вотъ день-то и прошелъ», какъ будто онъ ждалъ чего-то или какъ будто ему хотѣлось поскорѣе скоротать свой вѣкъ.

Передъ спальней была образная,—маленькая комната, которой восточный уголъ былъ уставленъ большими и драгоценными иконами въ кіотѣ краснаго дерева. Двѣ лампадки горѣли безпрестанно передъ образами. Левъ Степановичъ всякій вечеръ молился иконамъ, кладя земные поклоны или, по крайней мѣрѣ, касаясь перстомъ до земли. Потомъ онъ отпускалъ Тита. Титъ, пользуясь единственнымъ свободнымъ временемъ, отправлялся на село къ Исаю рыбаку или къ обручнику Никифору, всего же чаще къ старостѣ, который на мірской счетъ покупалъ для дворовыхъ сивуху. Титъ бралъ съ собою кого-нибудь изъ лакеевъ, особенно же Митьку цырюльника, отлично игравшаго на гитарѣ.

Долго жилъ такъ доблестный помѣщикъ Левъ Степановичъ, Богъ знаетъ, для чего устраивая и улучшая свое имѣніе, усугубляя свои доходы и не пользуясь ими. Домъ его съ селами и деревнями составлялъ какой-то особенный міръ, разобщенный со всѣмъ остальнымъ міромъ чертою, проведенной генеральнымъ межеваніемъ. Даже «Московскія Вѣдомости» не получались въ Липовкѣ. Войны раздирали Европу, миры заключались, троны падали,—въ Липовкѣ все шло нынче, какъ вчера: вечеромъ игра въ дурачки, утромъ сельскія работы, та же жирная буженина подавалась за обѣдомъ. Титъ все такъ же стоялъ у дверей съ квасомъ, и никто не только не говорилъ, но и не зналъ и не желалъ знать всемірныхъ событій, наполнявшихъ собою весь свѣтъ.

Но такъ какъ всему временному есть конецъ, то пришелъ конецъ и этому застою и притомъ очень крутой. Однажды послѣ обѣда Левъ Степановичъ, употребивши довольно разсолъника съ потрохами, жирной индѣйки и разныхъ сдобныхъ и слоеныхъ пирожковъ и смочивъ все это кислыми щами, перешелъ въ гостиную закусить обѣдъ арбузомъ и выпить княжевишной наливки. Освѣжившись арбузомъ и разгорячившись наливкой, онъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа пошелъ въ кабинетъ уснуть. Но, какъ нарочно, въ залѣ засталъ Настыку, говорившую въ дверяхъ передней съ извѣстнымъ намъ музыкантомъ и цырюльникомъ Митькой. Левъ Степановичъ былъ чрезвычайно ревнивъ во всемъ, что касалось до горничныхъ. Ему что-то померещилось не совсѣмъ хорошее въ выраженіи Митькина лица. Онъ закричалъ страшнымъ голосомъ и схватилъ въ углу стоящую палку. Митька, горячая голова, какъ всѣ артисты, ударился бѣжать. Столыгинъ—

за нимъ, со всёмъ грузомъ индѣйки, потроховъ, подъ квасомъ и арбузомъ; Митька отъ него, онъ за нимъ; Митька на чердакъ по узенькой лѣстницѣ, Столыгинъ сунулся, было, но увидѣлъ, что судьба его не создала матросомъ. На крикъ барина сбѣжалась вся дворня. Багровый отъ гнѣва, сбиваясь въ словахъ и буквахъ, баринъ велѣлъ поймать Митьку, гдѣ бы онъ ни былъ, и посадить въ колодку, пока онъ рѣшитъ его судьбу; отдавши приказъ, онъ, усталый и запыхавшись, удалился въ кабинетъ.

Случай этотъ распространилъ ужасъ и безпокойство въ домѣ, въ людскихъ, въ кухнѣ, на конюшнѣ и, наконецъ, во всемъ селѣ. Агаѣя Ивановна ходила служить молебень и затеплила свѣчку въ дѣвичьей передѣ иконой всѣхъ скорбящихъ Заступницы. Молдаванка, сбивавшаяся во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ на поврежденную, бормотала сквозь зубы «о царѣ Давидѣ и всей кротости его» и безпрестанно повторяла: «святъ, святъ, святъ», какъ передъ громовымъ ударомъ.

Титу не пришлось долго Митьку искать; онъ сидѣлъ босикомъ въ питейномъ домѣ, уже выпивши на сапоги сивухи, и громко кричалъ:

— Не хочу служить аспиду такому! хочу царю служить! въ солдаты пойду! у меня нѣтъ ни отца, ни матери, за народъ послужу, а ужъ я ему не слуга! и назадъ не пойду! а силой возьметъ, такъ грѣхъ надъ собой совершу, ей Богу, совершу!

— Митрій, Митрій, ты не горлань, — говорилъ ему Титъ, — и такого вздора не ври; барина рука длинная, она тебя вездѣ достанетъ, а ты лучше ступай со мной, а не то, вѣдь, и руки свяжемъ, — на то барскій приказъ.

Краснорѣчіе Тита побѣдило, наконецъ, Митьку, и онъ, протестуя и говоря, что завтра же грѣхъ совершитъ, пошелъ, прибавляя:

— Нѣтъ, Титъ Трофимовичъ, вязать меня не нужно, я не воръ и не собака, чтобы меня на веревкѣ водить, мы дойдемъ и безъ веревки.

На дорогѣ Митька во весь голосъ пѣлъ: «Ай, барыня, барыня!» съ тѣми богатыми вариантами, которыми изобилуютъ всѣ переднія.

Неумытный Титъ, посадивъ своего друга въ колодку, побѣждалъ къ дверямъ съ кислыми щами. Въ пять часовъ Марѳа Петровна присылала узнать, проснулся ли баринъ; Титъ молча помахалъ рукой и приложилъ палецъ къ губамъ. Въ шесть пришла сама Марѳа Петровна къ дверямъ. «Кажется, еще не изволили просыпаться», доложилъ Титъ. Марѳа Петровна тихо отворила дверь и такъ вскрикнула вдругъ, что Титъ опрокинулъ кувшинъ съ кис-

лыми щами. Закричать было немудрено: старый баринъ лежалъ, растянувшись, возлѣ кровати, одинъ глазъ былъ прищуренъ, другою совершенно открытъ съ тупымъ и мутно стекляннымъ выраженіемъ; ротъ былъ перекошенъ, и нѣсколько капель кровавой пѣны текло по губамъ. Съ минуту продолжалась совершенная тишина, но вдругъ, откуда ни возьмись, хлынула въ комнату вся дворня; грозный Титъ не препятствовалъ, а стоялъ, какъ вкопанный. Марѳу Петровну вынесли въ обморкѣ и положили ей подложечку образъ, въ которомъ были мощи св. Антипія; молдаванка вбѣжала въ комнату съ какимъ-то неестественнымъ хныканьемъ и, поскользнувшись въ лужѣ кислыхъ щей, чуть не сломила ногу.

Титъ, какъ болѣе сильный характеръ, первый пришелъ въ себя и снова тѣмъ повелительнымъ голосомъ, которымъ отдавалъ барскіе приказы лѣтъ двадцать, сказалъ: «Ну, что тутъ зѣвать! Сенька, втащи сюда корыто да воды. А ты, Ларивонъ, сбѣгай-ка за батюшкой. Да нѣтъ ли у васъ, Агаѳья Ивановна, мѣднаго пятака? на правой глазъ-то ему надобно положить»...

И все пошло, какъ по маслу.

Освобожденный арестантъ, Митька, безъ малѣйшаго злопаметства, приготовлялся, какъ записной грамотей, ночью читать взапуски псалтирь съ земскимъ и понамаремъ, просилъ только молдаванку дать ему табаку позабирательнѣе на случай, если сонъ клонить будетъ.

Дворня была испугана. Она доставалась человѣку неизвѣстному; къ нраву стараго барина примѣнились, теперь приходилось вновь начинать службу и какъ, и что будетъ, и кто останется въ Липовкѣ, кто поѣдетъ въ Питеръ, на какомъ положеніи,—все это волновало умы и заставляло почти жалѣть покойника.

Черезъ два дня, послѣ необыкновенныхъ напряженій написалъ Титъ будущему обладателю слѣдующее письмо:

«Все Милостивѣйшій Государь,
Государь батюшка и единственный заступникъ
нашъ Михайло Степановичъ.

«По приказанію Ея Превосходительства тетушки вашей, а нашей госпожи Марѳы Петровны. Приемлю смѣлость начертать Вамъ, батюшка Михайла Степановичъ сіи строки, такъ какъ по большому огорченію они сами писать силъ не чувствуютъ Богу же угодно было посѣтить ихъ великимъ несчастіемъ утратою ихъ и нашего отца и благодѣтеля о упокоеніи души коего должны до скончанія дней нашихъ молить Господа и Дядюшки вашего нынѣ въ бозѣ представившагося Его Превосходительства Льва Степано-

веча, изволившагося скончатся въ двадцать третье мѣсяца число, въ 6 часовъ по полудни. Онагоже тѣлу вынось завтрашняго числа.

«Такъ какъ мы по извѣстности ваши, то батюшка и все милостивѣйшій Государь, можете призрѣть насъ яко сиротъ отца лишенныхъ и неоставить милосердіемъ вашимъ недостойныхъ поданныхъ а мы чувствуемъ какъ обязаны усердствіемъ Вашему здоровью до конца нашей жизни, что покойному дядюшки такъ и вамъ все едино, какъ вся дворня такъ и выборный Трофимъ Кузминъ съ міромъ.

«Прибывая Ни жайщии рабъ вашъ Титъ—если изволите помнить что при покойномъ Дядюшкѣ камардинеромъ находился.

Село Липовка. 1794 года Іюня 25 дня».

III.

Нѣжный братецъ покойнаго дядюшки.

Михайло Степановичъ былъ сынъ брата Льва Степановича, Степана Степановича. Въ то время, какъ Левъ Степановичъ посвящалъ дни свои блестящей гражданской дѣятельности, получалъ высокіе знаки милости и цѣловалъ свѣтлѣйшее плечо, карьера его меньшого брата разыгрывалась на иномъ поприщѣ, не столько громкомъ, но болѣе сердечномъ.

Любимецъ родителей, баловень и «нѣженка», какъ выражалась дворня, онъ постоянно оставался въ деревнѣ подъ крыломъ материнскимъ. Въ двѣнадцать лѣтъ старуха-няня мыла его еще всякую субботу въ корытѣ и приносила ему съ села лепешки, чтобы онъ хорошенько позволилъ промылить голову и не кричалъ бы на весь домъ, когда мыльная вода попадала въ глаза. Лѣтъ четырнадцати признаки ранняго совершеннолѣтія начинали ясно оказываться въ отношеніяхъ Степушки къ дѣвичьей. Матушка его, не слышавшая въ немъ души, не токмо не препятствовала развитію его раннихъ способностей, но даже не безъ удовольствія смотрѣла на удалъ сынка и исподволь помогала ему, что при ея средствахъ и гражданскихъ отношеніяхъ къ дѣвичьей не представляло непреборимыхъ трудностей. Нѣжныя чувства, питаемая съ такого нѣжнаго возраста, вскорѣ поглотили всего Степушку; любовь, какъ выражаются поэты, была единственнымъ призваніемъ его, онъ до кончины своей былъ вѣренъ избранному пути буко-лико-эротическаго помѣщика.

Степушка не долго пользовался покровительствомъ родителей.

Ему было семнадцать лѣтъ, когда онъ лишился матери; года черезъ три спустя умеръ его отецъ. Смерть родителей и честное преданіе ихъ тѣла землѣ не доставили Степану Степановичу столько безпокойствъ и сердечныхъ мукъ, какъ прїѣздъ брата; онъ вообще не отличался храбростью, брата же онъ особенно боялся. Не зная, что дѣлать, онъ совѣщался съ своими подданными и не могъ безъ содроганія вздумать, какъ они будутъ дѣлить дворовыхъ, къ числу которыхъ принадлежала и дѣвичья. Онъ взялъ нѣкоторыя мѣры, всѣхъ горничныхъ велѣлъ запереть въ поваровой комнатѣ, оставивши налицо только такихъ, которыя имѣли значительныя недостатки въ лицѣ, сильную шадровитость, косые глаза. Левъ Степановичъ все понялъ, обдѣлил брата, закупивъ его пустыми уступками, предоставилъ ему почти весь прекрасный полъ и, благословляемый имъ, уѣхалъ назадъ.

Проводивши брата, Степанъ Степановичъ принялся, съ своей стороны, за устройство имѣнья. Онъ купилъ двухъ музыкантовъ и приказалъ имъ учить дворовыхъ дѣвокъ пѣть. Хоры составились, хоть куда, учителя играли одинъ на торбанѣ, другой на кларнетѣ. Въ праздничные дни сгоняли послѣ обѣдни крестьянскихъ дѣвокъ и бабъ на лужокъ передъ домомъ, для хороводовъ и пѣсней. Степанъ Степановичъ, откушавши, выходилъ въ сѣни, въ халатѣ на распаху, окруженный горничными; тутъ онъ садился, горничныя готовили чай и обмахивали мухъ павлиновыми перьями. Благодарный помѣщикъ угощалъ гостей цареградскими стручками, пряниками, брагой и грошевыми серьгами, иногда самъ участвовалъ въ хороводахъ, но чаще засыпалъ подъ конецъ; чай имѣлъ на него очень сильное вліяніе, хотя онъ и подливалъ французской водки, чтобы ослабить его дѣйствіе.

Матеріальной частью хозяйства Степанъ Степановичъ, какъ всѣ сентиментальныя натуры, заниматься не любилъ; староста и поваръ управляли вотчиной; до барина доступъ былъ не легокъ; кому и случалось съ нимъ молвить слово, остерегался проболтаться: баринъ все рассказывалъ горничнымъ. Случилось разъ, что крестьянка съ большими черными глазами пожаловалась барину на старосту. Степанъ Степановичъ, не давая себѣ труда разобрать дѣла и вѣчно увлекаемый своимъ нѣжнымъ сердцемъ, велѣлъ старосту на конюшнѣ посѣчь. Староста обмылся пѣнничкомъ и кротко вынесъ наказаніе, не думая оправдываться, несмотря на то, что онъ въ дѣлѣ былъ правъ; тѣмъ не менѣе желаніе мести сильно запало въ его душу. Спустя недѣлю, другую, староста черезъ повара доложилъ барину, что, де, несмотря на барское приказаніе, такая-то баба сильно балуется и находится въ очень близкихъ отношеніяхъ.

съ своимъ мужемъ, возвратившимся съ работы въ городѣ. Поступокъ этотъ, такъ грубо неблагодарный, глубоко огорчилъ Степана Степановича, и онъ велѣлъ бабу назначить безъ очереди въ работу. Похудѣвъ, состарясь черезъ годъ, она на себѣ носила доказательства, что приказъ былъ исполненъ въ точности. Послѣ этого примѣра никто, кромѣ горничныхъ, не смѣлъ дѣлать оппозицію старостѣ и повару.

Веселая сельская жизнь Степана Степановича стала скоро извѣстной въ околоткѣ; явились сосѣди,—одни съ цѣлью его женить на дочери, другіе—обыграть, третьи, болѣе скромные, познакомились потому, что имъ казалось пить чужой пуншъ пріятнѣе своего. Онъ поддавался всему; весьма вѣроятно, что его бы женили и обыграли, но нѣжное сердце его спасло. Посѣщая одного изъ своихъ сосѣдей, онъ увидѣлъ у него горничную, — такъ сердце у него и опустилось... Онъ пріѣхалъ домой разстроенный, влюбленный, да какъ! Ъсть пересталъ, а пить сталъ вдвое больше. Подумалъ онъ, подумалъ, видитъ, что такой страсти переломить невозможно; опостылѣла ему дѣвичья, и, если онъ позволялъ себѣ кой-какія шалости, то больше, чтобы не отставать отъ привычекъ, нежели изъ удовольствія.

Присталъ Степанъ Степановичъ къ сосѣду, чтобы тотъ продалъ Акульку; сосѣдъ поломался, потомъ согласился съ условіемъ, чтобы Столыгинъ купилъ отца и мать,—я, говоритъ, христіанинъ и не хочу разлучать того, что Богъ соединилъ. Степанъ Степановичъ на все согласился и заплатилъ ему три тысячи рублей; по тогдашнимъ цѣнамъ на такую сумму можно было купить пять Акулекъ и столько же Дуняшекъ съ ихъ отцами и матерями.

Сельская Брунегильда поняла, именно по суммѣ, заплаченной за нее, ширь своей власти и въ полгода привела своего господина въ полнѣйшую покорность. Померкло вліяніе повара, слабла сила старосты. Отецъ Акулины Андреевны былъ сдѣланъ дворецкимъ, мать—ключницей, да она и имъ потачки не давала, а держала ихъ въ страхъ и повиновеніи; и всего этого было ей мало, ей хотѣлось открыто и явно быть помѣщицей, она стала питать династическіе интересы. И года черезъ два Степанъ Степановичъ поѣхалъ въ четверомѣстной колымагѣ покойнаго родителя своего въ церковь и обвѣнчался съ Акулиной Андреевной. Бракъ ихъ, не такъ, какъ бракъ Льва Степановича, не остался безплоднымъ. Въ сѣняхъ господскаго дома, когда новобрачные воротились, сперва подошли къ ручкѣ и поздравили новую барыню ея родители, а потомъ кормилица въ золотомъ повойникѣ поднесла десятимѣсячнаго сына: бракъ ихъ былъ благословенъ заблаговременно. Грудной ребенокъ

этотъ—Михайло Степановичъ, котораго Ефимка возилъ на салазкахъ, а онъ его кнутикомъ подгонялъ.

Послѣ свадьбы баринъ сдѣлался призракъ. Акулина Андреевна приняла бразды правленія сильной рукой. Она съ глубокимъ политическимъ тактомъ взяла всѣ мѣры, чтобы упрочить свое самовластіе; но, какъ всегда бываетъ, взявши всѣ мѣры, она, все-таки, упустила изъ виду одну изъ возможныхъ причинъ переворота, и на ней-то все оборвалось. Мало знакомая съ врачебной наукой, она не только не ограничивала, но развивала въ Степанѣ Степановичѣ его страсть къ наливкамъ и сладкимъ водкамъ; она не знала, что человѣческое тѣло только до извѣстной степени противодѣйствуетъ алкоголю. Лѣтъ черезъ семь послѣ бракосочетанія синій Степанъ Степановичъ, отекавшій отъ водяной, полунѣмой отъ паралича, отдалъ Богу душу,—около того времени, когда Левъ Степановичъ отдѣлывалъ свой домъ на Яузѣ.

Получивъ вѣсть о смерти брата, Левъ Степановичъ въ первыя минуты горести попробовалъ опровергнуть бракъ покойника, потомъ законность его сына, но вскорѣ увидѣлъ, что Акулина Андреевна взяла всѣ мѣры еще при жизни мужа и что седьмую часть ей выдѣлить во всякомъ случаѣ придется и сыну имѣніе предоставить да еще заплатить протори. Больно было Льву Степановичу, но онъ покорился несправедливой судьбѣ и, какъ настоящій практической человѣкъ, тотчасъ придумалъ иной образъ дѣйствія. Онъ написалъ къ вдовѣ письмо, полное родственнаго участія, звалъ ее въ Москву для окончанія дѣлъ и для того, чтобы показать ему наслѣдника его брата, а, можетъ, и его собственнаго, печься о которомъ онъ считалъ священной обязанностью, ибо Богомъ и закономъ назначенъ ему въ опекуны. Весьма вѣроятно, что Акулина Андреевна не повезла бы своего сына по письму дяди, но послѣ смерти Степана Степановича люди стали что-то грубо поговаривать, а иногда даже и перечить съ такимъ видомъ, что Акулинѣ Андреевнѣ показалось безопаснѣе переѣхать въ Москву. Левъ Степановичъ плакалъ при свиданіи съ Мишей, благословилъ его образомъ и взялъ на себя всѣ хлопоты по опекѣ и по управленію имѣніемъ.

Акулину Андреевну провести было не легко, но ее устранилъ совершенно неожиданный случай. Своей седьмой частью она прельстила одного поручика изъ ординарцевъ при московскомъ главнокомандующемъ, и сама прельстилась его ростомъ, его дебелой и свирѣпой красотой, совершенно противоположной аркадскому покойнику. Акулина Андреевна не могла удержаться, чтобы не выйти за него замужъ. Роли перемѣнились. Поручикъ съ четвертаго дня

началь ее бить, и ужъ Акулина Андреевна на этотъ разъ стала пить подслащенныя наливки. Левъ Степановичъ сильно покровительствовалъ поручику и выхлопоталъ ему прибыльное мѣсто по комиссаріатской части, гдѣ-то на Черномъ морѣ. Левъ Степановичъ требовалъ, чтобы племянникъ его остался въ Москвѣ для полученія приличнаго его званію воспитанія. Мать не хотѣла оставить его; но поручикъ прикрикнулъ и уговорилъ ее, основываясь на томъ, что мѣсто получилъ по ходатайству Столыгина и что его дружбу надо беречь на черный день.

IV.

Троуродные братья.

Мишѣ было лѣтъ десять. Воспитаніе его не было сложно; простое деревенское воспитаніе того времени, оно ограничивалось съ физической стороны развитіемъ непобѣдимаго пищеваренія, съ нравственной—укорененіемъ вѣрнаго взгляда на отношеніе столбового помѣщика къ дворовымъ и крестьянамъ. Воспитаніе это не столько было отвлеченно и книжно, какъ практично, и потому самому имѣло несомнѣнный успѣхъ. Десятилѣтній мальчикъ былъ окруженъ толпой оборванныхъ, грязныхъ и босыхъ мальчишекъ, которыхъ онъ тѣснилъ, билъ и на которыхъ жаловался матери, бравшей всегда его сторону.

Одинъ болѣе свободный товарищъ его игръ былъ сынъ сельскаго священника, отличавшійся бѣлыми волосами, до того рѣдкими, что не совсѣмъ покрывали кожу на черепѣ, и способностью въ двѣнадцать лѣтъ выпивать чайную чашку сивухи, не пьянѣя. Онъ иногда обижалъ Мишу, не позволялъ ему себя тотчасъ поймать въ горѣлкахъ, обгонялъ его взапуски, самъ ѣлъ найденныя ягоды. Мишу это оскорбляло, и Акулина Андреевна не могла оставаться равнодушной къ такому нарушенію приличій; она обыкновенно подзывала къ себѣ поповича и поучала его слѣдующимъ образомъ: «Ты, толоконной лобъ, ты помни, дуракъ, и чувствуй, съ кѣмъ я тебѣ позволяю играть; ты, вѣдь, воображаешь, что Михайло-то Степановичъ дьячковъ сынъ».

Матушка попадья, бывало, какъ услышитъ подобное слово, тотчасъ, не вступая въ дальнѣйшее разбирательство дѣла, поймаетъ сына за бѣдныя волосенки, какъ-то приправленные на маслѣ, приносимомъ для лампы Тихвинской Божіей Матери,—и довольно удачно представляетъ, будто безпощадно деретъ его за волосы, при-

говаривая: «Ахъ, ты грубіянь эдакой, поганый, вотъ истинно дурья порода! Простите, матушка Акулина Андреевна, изволите сами знать, какой умъ въ нашихъ дѣтяхъ, въ срамѣ и запустѣніи живутъ; а ты благодари, дуракъ, барыню, что изволить обучать», и она наклоняла его масленую голову и сама кланялась. Миша послѣ подтрунивалъ надъ пріятелемъ, но поповичъ, съ досадою улыбаясь, говорилъ: «Вѣдь, все вретъ, мать-то, такъ для барыни въ угоду горячку поретъ, примѣръ дѣлаетъ».

Левъ Степановичъ недолго продержалъ у себя племянника; цѣль его была достигнута: онъ его разлучилъ съ матерью и могъ распоряжаться, какъ хотѣлъ, имѣніемъ. Онъ думалъ отдать Мишу въ пансіонъ; но двоюродная тетка Льва Степановича выпросила его къ себѣ воспитывать съ своимъ сыномъ, который, говорила она, былъ одинъ и скучалъ. Льву Степановичу не очень хотѣлось, но онъ побаивался княгини и согласился. Побоялся онъ ее потому, что она сильно любила болтать и имѣла большія связи въ Петербургѣ; что она могла ему сдѣлать болтовней и связями, не знаю, да и онъ не зналъ, а трусилъ. Княгиня была богата, держала большой домъ и занималась дѣланіемъ визитовъ. При сынѣ находился французъ гувернеръ, рекомендованный самимъ Вольтеромъ Шувалову, Шуваловымъ—княгинѣ Дашковой, Дашковой—нашей княгинѣ. Онъ безусловно управлялъ воспитаніемъ. Гувернеръ не былъ глупый человѣкъ, какъ всѣ французы, и не умный человѣкъ, какъ всѣ французы; онъ имѣлъ всѣ забавные недостатки своей страны: лгалъ, острилъ, былъ дерзокъ и не золь, высокомеренъ и добрый малый. Онъ смотрѣлъ съ улыбкой превосходства на все русское, отроду не слыхалъ, что есть нѣмецкая литература и англійскіе поэты, зато зналъ на память Корнеля и Расина, всѣ литературные анекдоты отъ Буало до энциклопедистовъ, онъ зналъ даже древніе языки и любилъ въ рѣчи поразить цитатою изъ «Георгикъ» или изъ «Фарсалы».

Само собою разумѣется, что нашъ гувернеръ былъ поклонникъ Вовенарга ¹⁾ и Гельвеція ²⁾, упивался Жанъ-Жакомъ, мечталъ о совершенномъ равенствѣ и полномъ братствѣ, что не мѣшало ему ставить передъ своей звучной фамиліей Дрейякъ, смягчающее «де», на которое онъ не имѣлъ права. Онъ съ улыбкой сожалѣнія говорилъ о католицизмѣ и вообще о христіанствѣ и про-

¹⁾ Люкъ де-Клапье, маркизь de Vouvenargues, французскій моралистъ XVIII вѣка, въ родѣ Ларошфуко, но съ меньшимъ пессимизмомъ.

²⁾ Клодь-Адриенъ, философъ-сенсуалистъ XVIII вѣка; главное значеніе его сочиненій въ критикѣ общественнаго строя.

повѣдывалъ какую-то религію собственнаго изобрѣтенія, состоявшую изъ поклоненія закону тяготѣнія. Безъ тяготѣнія, — говорилъ онъ, морща лобъ отъ усилій, — былъ бы хаосъ и атомы разлетѣлись бы; тяготѣніе поддерживаетъ *великій* порядокъ, въ которомъ раскрывается великій художникъ. При развитіи этихъ глубокихъ и ясныхъ истинъ онъ никогда не забывалъ прибавить, что поэтому Платонъ и называлъ бога геометромъ, а Ньютонъ снималъ шляпу, когда произносилъ имя божье. Сверхъ своей религіи тяготѣнія, которою онъ былъ совершенно доволенъ, онъ упорно не хотѣлъ суда на томъ свѣтѣ и язвительно смѣялся надъ людьми, вѣрившими въ адъ, хотя противъ безсмертія души онъ не только ничего не имѣлъ, но говорилъ, что оно крайне нужно для жизни.

Ученье съ де-Дрейякомъ шло весело и легко. Онъ могъ всегда говорить безъ различія времени, предмета, возраста и пола, а потому его ученики отлично выучивались сначала слушать по-французски, а потомъ говорить. Воспитаніе почти въ этомъ и состояло.

Миша сначала погрузился въ домѣ княгини и, утирая слезы, поминалъ о Липовкѣ. Онъ очень хорошо замѣтилъ, что первая роль не ему принадлежитъ, онъ былъ «братецъ», онъ былъ «*cher cousin*», въ то время, какъ князь былъ самимъ собою. Различіе это Миша равно видѣлъ и въ обращеніи княгини, и въ обращеніи гостей, и еще болѣе въ обращеніи дядьки. Старикъ безъ возраженія исполнялъ приказы князя, а Мишѣ часто говорилъ, что ему некогда, что онъ можетъ послать кого-нибудь помоложе. Самолюбивый мальчикъ, глубоко оскорбленный всѣмъ этимъ, дулся, сидѣлъ въ углу, смотрѣлъ исподлобья. Дрейякъ это относилъ къ дикости, другіе вовсе не замѣчали.

Видя безуспѣшность своихъ протестацій, Миша вдругъ сдѣлался шелковый, ласковъ, веселъ, привѣтливъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ любимецъ Дрейяка. Сама княгиня не могла надивиться, какой онъ неглупый мальчикъ, «точно можно сказать, *c'est un miracle ce qu'en a fait* ¹⁾ мой Дрейякъ, онъ совсѣмъ *sauvage* ²⁾ былъ, ну, и теперь эдакой *дурнушка*, а, право, премилый мальчикъ». Въ словѣ *дурнушка* выражалось сознаніе матери, что ея сынъ не такъ уменъ, не такъ даровитъ, и она торопилась утѣшиться его красотой. Молодой князь не любилъ учиться, онъ былъ разсѣянъ и зѣвалъ за уроками; добрый, очень добрый, раскрытый всякому чувству и благородный по натурѣ, онъ былъ вялъ, и умъ его дре-

¹⁾ Просто чудо, что изъ него выработалъ.

²⁾ Дикарь.

маль еще безпробудно, да и не знаю, просыпался ли впоследствии когда-нибудь. Лѣнь и невниманіе князя поощрили Мишу, и Миша бросился на занятія со всѣмъ усердіемъ, которое даетъ зависть и затаенное желаніе превосходства. Дрейкакъ чуть не плакалъ, видя, какъ ловко Миша цитируетъ мѣста изъ «Кандида», изъ «Дѣвы Орлеанской», изъ «Жана Фаталиста»...

Мало-по-малу воспитаніе молодыхъ людей пришло къ концу. Они писали французскія записочки правильнѣе русскихъ. При всей своей лѣни даже князь зналъ довольно хорошо греческую миѳологию и французскую исторію,—больше въ то время не требовалось; тогда у насъ еще не выдумывали своей литературы, о русскихъ журналахъ и не снилось никому, развѣ одному Новикову; русской исторіи тоже еще не было открыто. Знали только, что царствовалъ мудрый правитель Олегъ, о которомъ сама императрица изволила писать пьесу, знали еще, благодаря Вольтеру, нѣкоторыя невѣрныя подробности о царствованіи Петра I. У княгини было-таки небольшое собраніе русскихъ книгъ: сочиненія Сумарокова, «Россиада» Хераскова, «Камень вѣры» Стефана Яворскаго и томовъ сорокъ «Записокъ» Вольнаго Экономическаго общества, но молодые люди никогда не развѣтывали этихъ книгъ.

Княгиня свезла дѣтей въ гвардію, и сама поселилась въ Петербургѣ. Служба тогда была легкая. Изрѣдка приходилось надѣть мундиръ, въ кои вѣки доставалось побывать въ караулѣ,—это даже нравилось, какъ разнообразіе. Остальное время, кромѣ родственныхъ визитовъ, визитовъ къ важнымъ людямъ, обѣдни по воскресеньямъ въ домово́й церкви княгининаго брата и скучнаго обѣда у самой княгини, было въ полномъ распоряженіи молодыхъ людей. Князь радовался мундиру, радовался волѣ, пылко бросался на всѣ наслажденія, на всѣ удовольствія; отроду не останавливавшійся ни на чемъ и отроду ни на чемъ не останавливаемый, онъ часто обжигался, былъ обманутъ, ссорился и при всемъ этомъ былъ славный товарищъ и лихой малый. Столыгинъ былъ скромнѣе; онъ глядѣлъ на своего товарища съ какимъ-то снисхожденіемъ, порицая внутри все, что дѣлалось. Изъ всѣхъ исторій Столыгинъ выходилъ чистымъ, такъ мастерски онъ умѣлъ себя держать. Князь любилъ его, вѣрилъ въ его дружбу, признавалъ его превосходство и съ дѣтскимъ простосердечіемъ прибѣгалъ во всякомъ трудномъ случаѣ къ Мишѣ за совѣтомъ.

Князь былъ хорошъ собою; румяный, нѣжный, отрочески мужественнаго вида, съ легкимъ пухомъ на губахъ, съ чистымъ голубымъ взглядомъ, онъ нравился, особенно сангвиническимъ дѣвицамъ и молодымъ вдовамъ. Столыгинъ, бравшій не столько красотою,

сколько дерзкою рѣчью, любезностью и злословіемъ, не могъ простить своему другу его высокій ростъ, его красивыя черты и старался всякій разъ затмить его остротами и колкостями.

Они занялись исключительно волокитствомъ; отъ боярскихъ палатъ до швей иностраннаго происхожденія и до отечественныхъ охтянокъ, ничего не ускользало отъ нашихъ молодыхъ людей. Къ тому же князь успѣлъ раза два проигратъ въ пухъ, надавать векселей за страстную любовь, побить какихъ-то соперниковъ, упасть изъ саней мертво-пьяный, словомъ, сдѣлать все, что въ тѣ счастливыя времена называлось службой въ гвардіи.

Когда Столыгинъ замѣтилъ, что, несмотря на все его краснорѣчіе, князь рѣшительно беретъ верхъ у женщинъ, онъ сталъ его подбивать ѣхать въ Парижъ. Дѣйствительно, только этого рукоположенія и недоставало нашимъ друзьямъ.

Сначала, какъ водится, княгиня не хотѣла пустить, потомъ сама имъ выпросила отпускъ. Надзоръ за дѣтьми снова былъ порученъ Дрейяку, успѣвшему въ антрактѣ образовать еще двухъ русскихъ помѣщиковъ греческою миѳологіей и французскою исторіей. Тогда еще существовали пространство и даль, не такъ, какъ теперь,—мѣсяца два тащились они до Парижа.

... Улицы кипѣли народомъ, тамъ-сямъ стояли отдѣльныя группы, что-то читая, что-то слушая; крикъ и пѣсни, громкіе разговоры, грозные возгласы и движенія,—все показывало ту лихорадочную возбужденность, ту удвоенную жизнь, то судорожное и страстное настроеніе, въ которомъ былъ Парижъ того времени; казалось, что у камней бился пульсъ, въ воздухѣ была примѣшана электрическая струя, наводившая душу на злобу и безпокойство, на охоту борьбы, потрясеній, страшныхъ вопросовъ и отчаянныхъ разрѣшеній, на все, чѣмъ были полны писатели XVIII вѣка. И все это выговорилось, заявилось, выказалось путникамъ прежде, нежели запыленный и тяжелый дормезъ остановился у отеля въ улицѣ Сентъ-Оноре, и двое крѣпостныхъ слугъ стали отстегивать пряжки у вожжей...

И вотъ, Михайло Степановичъ, напудренный и раздушенный, въ шитомъ кафтанѣ, съ крошечною шпажкой, съ подвязанными икрами, весь въ кружевахъ и цѣпочкахъ, острить въ Версалѣ, какъ острилъ въ Петербургѣ; онъ толкуетъ о «тьерзъ-эта»¹⁾, превозносить Неккера и пугаетъ смѣлостью опасныхъ мнѣній двухъ старыхъ маркизъ, которыя отъ страха хотятъ ѣхать въ Берри, въ свои имѣнія. Его замѣтили. Нѣсколько колкостей, удачно имъ сказанныхъ, повторились.

1) Tiers-état—третье сословіе.

— Знаете, что меня всего болѣе удивляетъ въ этомъ *marquis hyperboréen*¹⁾?—сказалъ разъ, сдавая карты, пожилой аббатъ съ сухимъ и строгимъ лицомъ.— Не столько умъ,—умомъ насъ, слава Богу, не легко удивить,—нѣтъ, меня поражаетъ его способность все понимать и ни въ чемъ не брать участія; для него жизнь, кипящая возлѣ, имѣетъ тотъ же интересъ, какъ сказанія о Сезострисѣ. Это какой-то посторонній всему.

— Скиѣвъ въ Афинахъ,—замѣтилъ какой-то ученый.

— Совсѣмъ нѣтъ,—возразилъ аббатъ;—у скиѣа было бы что-нибудь свое, дикое, а онъ съ виду и съ рѣчи похожъ на меня съ вами. Признаюсь вамъ, я могъ бы ненавидѣть такого человѣка, если-бъ я не жалѣлъ его. Это—болѣзненное произведение образованія, привитаго къ корню, не нуждавшемуся въ немъ. Будьте увѣрены, что у него нѣтъ будущности.

— Помилуйте, изъ него выйдетъ отличный дипломатъ, онъ даже лицомъ похожъ на Кауница²⁾.

— Въ самомъ дѣлѣ похожъ,—подхватила пожилая дама, старавшаяся скрыть свои годы, и гиперборейскій маркизъ былъ забытъ.

Пока Столыгинъ занималъ собою гостинья, князь успѣлъ отбить маленькую актрису у сына какого-то посла, подраться съ нимъ на шпагахъ, обезоружить его, простить и въ тотъ же вечеръ ему спустить пятьсотъ червонцевъ. Но маленькая актриса была очень мила и очень благодарна своему рыцарю.

Путешествіе князя и Столыгина окончилось прежде, нежели они предполагали; виною этого былъ Дрейякъ. Де-Дрейякъ, котораго прислуга въ трактирѣ звала «мсье ле-шевалье», одобрительно и не безъ заднихъ мыслей улыбался «успѣхамъ человѣчества и торжеству разума надъ предрасудками»; но онъ, какъ всѣ благо-разумные люди, больше успѣха любилъ безопасность и больше торжества ума и разума—покой. А тутъ вышелъ вотъ какой случай. Погода разъ была чудесная; Дрейякъ пошелъ гулять утромъ; но только что онъ вышелъ на бульваръ, какъ услышалъ за собой какой-то нестройный гулъ; онъ остановился и, сдѣлавъ изъ руки зонтикъ отъ свѣта, началъ всматриваться; сначала онъ увидѣлъ облако пыли, блескъ пикъ, ружей, наконецъ, вырѣзалась нестройная, пестрая масса людей. Прежде, нежели Дрейякъ что-нибудь понялъ, высокій плечистый мужчина безъ сюртука, съ засученными рукавами, съ тяжелымъ желѣзнымъ ломомъ, повязанный краснымъ платкомъ, поровнявшись съ нимъ, спросилъ его громовымъ голо-

¹⁾ Гиперборейскій маркизъ.

²⁾ Венцеславъ-Антоній, австрійскій дипломатъ XVIII столѣтія.

сомъ: «Ты съ нами?». Дрейякъ, блѣдный и ужъ нѣсколько нездоровый, не могъ сообразить, какое можетъ имѣть послѣдствіе отказъ, и потому медлилъ съ отвѣтомъ; но новый знакомецъ былъ нетерпѣливъ, онъ взялъ нашего шевалье за шиворотъ и, сообщивъ его тѣлу движеніе, весьма непріятное, повторилъ вопросъ. Дрейякъ, вмѣсто отвѣта, уронилъ трость; учтивая дама почтеннаго размѣра, съ сѣдыми космами, торчавшими изъ-подъ чепчика, подняла ее и, показывая болѣе и болѣе густѣвшей массѣ народа, замѣтила:

— Да это акапаристъ ¹⁾, аристократъ! Посмотрите, какой набалдачникъ, золотой и съ рѣзьбою! Что вы толкуете съ нимъ,—на фонарь его!

— На фонарь его!—сказали нѣсколько голосовъ спокойнымъ, подтверждающимъ тономъ, исполненнымъ наивнаго убѣжденія, что дѣйствительно его необходимо повѣсить на фонарь, что это—просто аксіома.

Человѣка три выступили, было, съ очень враждебнымъ намѣреніемъ,—дѣло остановилось за веревкой. Мальчикъ лѣтъ двѣнадцати обѣщался тотчасъ принести. Дрейякъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы сказать:

— Помилуйте, что вы? съ молодыхъ лѣтъ я питался писаніями нашихъ великихъ писателей и примѣрами римской и спартанской республики.

— Хорошо, очень хорошо!—закричали нѣсколько человѣкъ, слышавшихъ только слово «республика».

— Я съ вами,—продолжалъ ободренный ораторъ,—я принадлежу народу, я изъ народа, какъ же мнѣ не быть съ вами?

И остановившаяся кучка двинулась впередъ грозно и мрачно, принимая новыя толпы изъ всѣхъ переулковъ и улицъ и братаясь съ ними. Долго спустя раздавался еще на бульварѣ ревъ, похожій на морскія волны, гонимыя вѣтромъ въ скалистый берегъ,—ревъ, иногда утихавшій и вдругъ раздававшійся торжественно и страшно.

Дрейяку удалось завернуть, подъ самымъ суетнымъ предложомъ, въ переулокъ, вылучивъ счастливую минуту, когда все вниманіе его сосѣдей обратилось на аббата, котораго толкали впередъ три торговки; онъ далъ оттуда стрелка и пришелъ домой полумертвый, съ потухшими глазами и изорваннымъ кафтаномъ. Дома онъ легъ въ постель, велѣлъ налить какой-то тизаны ²⁾ и въ первый разъ признался, что дорого бы далъ, если бы былъ на варвар-

¹⁾ Accapariste (вмѣсто ессарагеур)—приобрѣтатель, похититель общественнаго имущества.

²⁾ Tisane—настойка изъ сухихъ травъ.

скихъ, но покойныхъ берегахъ Невы. Тизана помогла ему, онъ началъ приходить въ себя и собирался, было, прочесть въ Титѣ Ливіи о народномъ возмущеніи противъ Тарквинія Старшаго, какъ вдругъ раздался ружейный залпъ, прогремѣла пушка, еще разъ, и еще,— а тамъ выстрѣлы въ разбивку; временами слышался барабанъ и дальній гулъ; и гулъ, и барабаны, и выстрѣлы; казалось, приближались. По улицѣ бѣжали блузники, работники съ крикомъ: «*a la Bastille, a la Bastille!*». Передъ окнами остановили офицера изъ Royal Allemand ¹⁾, стащили съ лошади и повели. «О, Боже мой, Боже мой, пощади насъ и помилуй!»,—бормоталъ Дрейякъ, измѣняя закону тяготѣнія и забывая, что Платонъ Бога называлъ «великимъ геометромъ». Тутъ онъ вспомнилъ, что прислуга его называетъ шеваље, и это проклятое «де» передъ фамильей. «Всѣ люди,—говорилъ онъ гарсону, который вошелъ, чтобы вынести чайникъ,—равны, всѣ люди братья и могутъ отличать только гражданскими добродѣтелями, любовью къ народу и къ неотъемлемымъ правамъ человѣка».

Михайло Степановичъ ходилъ смотрѣть взятіе Бастиліи; Дрейякъ былъ увѣренъ, не видя его вечеромъ, что онъ убитъ, и уже начиналъ утѣшаться тѣмъ, что нашелъ славную турнюру, какъ извѣститъ объ этомъ княгиню, когда явился Столыгинъ, помирая со смѣху при мысли, какъ его версальскіе пріятели обрадуются новости о взятіи Бастиліи.

Дрейякъ объявилъ, что долше въ Парижѣ не останется и, несмотря на всѣ споры и просьбы, опираясь на полномочіе княгини, отстоялъ свое мнѣніе съ тѣмъ мужествомъ, которое можетъ дать одинъ сильный страхъ; дѣлать было нечего, дѣти воротились. И маленькая французенка очутилась какъ-то въ то же время на Литейной и сильно хлопотала объ отдѣлкѣ своей квартиры и топала ножкой съ досады, что лакей Кузьма ничего не понимаетъ, что она говоритъ.

Разъ вечеромъ князь засталъ Михайла Степановича въ слишкомъ огненномъ разговорѣ съ mademoiselle Nina. Князь былъ не въ духѣ, разсердился и обошелся колко, сухо со Столыгинымъ. Столыгинъ и уступилъ бы, да на бѣду онъ взглянулъ на плутовскіе глазки маленькой французенки,—глазки помирали со смѣху и, щурясь, какъ будто говорили: «какая-жъ ты дрянъ». Взглядъ этотъ подзадорилъ его. Ссора разгорѣлась. Князь, не помня себя, выбросилъ Столыгина за дверь и разругалъ его такъ, что на этотъ разъ маленькая Нина ничего не поняла, а Кузьма все понялъ.

¹⁾ Извѣстный кавалерійскій полкъ королевской гвардіи.

Они дрались. Дуэль кончилась почти ничѣмъ. Столыгинъ ранилъ князя въ щеку. Это подражаніе цезаревымъ солдатамъ въ фарсальской битвѣ врядъ было ли случайно, зато оно и не прошло ему даромъ; раны на щекѣ невозможно было скрыть. Княгиня узнала черезъ людей о дуэли и приказала Столыгину оставить ея домъ.

Такимъ образомъ, лѣтъ двадцати восьми отроду Столыгинъ очутился впервые на собственныхъ ногахъ.

Привычный къ роскоши княгинина дома, онъ такъ испугался своей бѣдности, хотя онъ очень прилично могъ жить своими доходами, что сдѣлался отвратительнѣйшимъ скрягой. Онъ дни и ночи проводилъ въ придумываніи, какъ бы разбогатѣть. Одна надежда у него и была на смерть дяди, но старикъ былъ здоровъ, почеркъ его писемъ былъ оскорбительно твердъ.

Онъ, было, принялся хозяйничать, дядя вручилъ ему бразды правленія послѣ его выѣзда изъ дома княгини, но какъ-то неловко,—и зналъ-то онъ плохо сельское дѣло, и время терялъ на мелочи. Но человѣкъ этотъ, какъ говорятъ, родился въ рубашкѣ. Къ нему повадился ходить какой-то отставной морской офицеръ, основываясь на томъ, что онъ служилъ вмѣстѣ съ его вотчимомъ въ Севастополѣ и зналъ его родительницу. Морякъ имѣлъ процессъ и зналъ, что черезъ связи Столыгина можетъ его выиграть. Столыгинъ обѣщаль ему, чтобъ отдѣлаться отъ него, поговорить съ тѣмъ и съ другимъ, и, разумѣется, не говорилъ ни съ кѣмъ. Но морякъ привыкъ выжидать погоды,—онъ всякій день сталъ ходить къ Столыгину. Ему отказывали,—онъ возвращался; его не пускали,—онъ прогуливался около дома и ловилъ Столыгина на улицѣ. Наконецъ, Михайло Степановичъ, выведенный изъ терпѣнія, исполнилъ его просьбу. Офицеръ былъ безмѣрно счастливъ.

— Чѣмъ вы намѣрены заниматься?—спросилъ его Столыгинъ, перебивая длинное и скучное изъясненіе флотской благодарности.

— Искать частной службы по части управленія имѣніемъ,—отвѣчалъ морякъ.

Михайло Степановичъ посмотрѣлъ на него и почти покраснѣлъ отъ мысли, какъ онъ до сихъ поръ не подумалъ употребить его на дѣло. Дѣйствительно, человѣкъ этотъ былъ для него кладъ.

Морякъ, какъ нарочно, отчасти уцѣлѣлъ для благосостоянія хозяйства Столыгина; онъ леталъ на воздухъ при взрывѣ какого-то судна подъ Чесмой, онъ былъ весь израненъ, поломанъ и помятъ, но, несмотря на пристегнутый рукавъ вмѣсто лѣвой руки, на отсутствіе уха и на подвязанную челюсть, эта хирургическая рѣдкость сохранила неутомимую дѣятельность, непрерывно раз-

литую желчь и сморщившееся отъ худобы и злобы лицо. Онъ былъ исполнительенъ и честенъ, онъ никого бы не обманулъ, тѣмъ болѣе человѣка, которому былъ обязанъ важной услугой; но многимъ именно эта честность и эта исполнительность показались бы хуже всякаго плутовства.

Михайло Степановичъ предложилъ ему ѣхать осмотрѣть его имѣніе. Морякъ радостно согласился, и съ тѣхъ поръ для него не существовало никакого иного закона, кромѣ воли Столыгина. Онъ, какъ наемный разбойникъ, не ставилъ себѣ вопросъ, хорошо ли онъ поступаетъ или плохо, но со спокойной совѣстью и величайшимъ усердіемъ исполнялъ волю другого. Этотъ человѣкъ былъ кладомъ для Михаила Степановича.

V.

Наслѣдникъ

Столыгинъ ждалъ моряка съ часу на часъ со всѣми его проектами и планами, когда вмѣсто его пришло краснорѣчивое письмо Тита. Онъ немедленно поскакалъ въ Москву. Въ Москвѣ его ожидала новая радость, которой онъ не могъ предполагать: Титъ Трофимовъ и староста, пріѣхавшіе поклониться новому барину, извѣстили его о смерти Марѣи Петровны.

— А что, есть завѣщаніе?—спросилъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ Михайлъ Степановичъ.

— Покойная тетушка письмо только изволила вашей милости оставить,—отвѣчалъ Титъ, вынимая бумажникъ.

— Ты бы съ этого и началъ, болванъ,—замѣтилъ Столыгинъ, поспѣшно вырывая изъ рукъ Тита письмо.

Лицо его просвѣтлѣло при чтеніи: онъ видѣлъ ясно, что смерть такимъ сюрпризомъ подкосила стариковъ, что они не успѣли сдѣлать «никакихъ глупыхъ распоряженій».

— Кто при домѣ въ деревнѣ остался? За коимъ чортомъ вы оба пріѣхали?—спросилъ Михайло Степановичъ.

— Агаѣя Петровна, ключница, батюшка, и покойный тетушки дядюшка майоръ съ супругой.

— Они-то первые и растащутъ все. Да гдѣ же бумаги?

— Въ кабинетѣ покойнаго барина; дверь вотчинной печатью запечатана и десятскій приставленъ въ калидорѣ.

— Я завтра собираюсь въ Липовку, будьте готовы.

— Милости просимъ, батюшка,—отвѣчалъ, низко кланяясь,

староста.—Лошади дожидаются: моихъ тройка на *вашемъ* дворѣ, да крестьянскихъ еще двѣ придуть подъ вечеръ въ Рогожскую.

— Хорошо, ступай. А ты, эй! Титъ! Сейчасъ съ Ильей Антипычемъ (такъ назывались остатки морского офицера, задержанные въ Москвѣ вѣстью о кончинѣ Льва Степановича) въ домѣ все по описи прими, слышишь?

— Слушаю, батюшка,—отвѣчалъ Титъ густымъ голосомъ.

На другой день баринъ и первый министръ его отправились въ подмосковную. На границѣ липовской земли ждали Михаила Степановича дворовые люди и депутація отъ крестьянъ съ хлѣбомъ и солью. Староста и Титъ Трофимовъ, ѣхавшіе впереди въ телѣгѣ, остановили дормезъ и доложили Михайлу Степановичу, что этотъ большой камень и эта большая яма означаютъ границу его владѣній. Онъ вышелъ изъ кареты; подданные повалились въ ноги, старикъ, сѣдой, какъ лунь, съ длинной бородой и съ лицомъ буанаротьевскихъ статуй, поднесъ хлѣбъ и соль. Михайло Степановичъ указалъ Титу, чтобы онъ принялъ хлѣбъ и дребезжащимъ голосомъ сказалъ крестьянамъ, что благодарить ихъ за хлѣбъ, за соль, но надѣется, что они усердіе свое докажутъ на дѣлѣ.

— А что, на оброчныхъ есть недоимка?

— Есть невеликое, батюшка, дѣло,—отвѣчалъ староста.

— А ты чего смотрѣлъ? у меня чтобы слово «недоимка» не было извѣстно. Слышишь! Какой оброкъ платятъ, неслыханное дѣло,—дядюшка такъ попустилъ отъ старости. Я, чай, вамъ, православные, передъ сосѣдями совѣстно такъ мало платить?

— Они легко могутъ платить еще по десяти рублей съ тягла—замѣтилъ морякъ.

— Еще бы, подмосковные мужики! Видите, что люди говорятъ?

— Какъ вашей милости взгодно будетъ, какъ изволите, батюшка, установить,—наше крестьянское дѣло сполнять,—сказалъ буанаротьевскій старикъ, и мужики снова поклонились въ землю, благодаря за доброе намѣреніе лишить ихъ стыда такъ мало платить.

— Объ этомъ я поговорю завтра. Собери утромъ на барскій дворъ стариковъ.

— Это что за рожи?—продолжалъ помѣщикъ, обращая привѣтствіе къ дворовымъ.—Откуда это покойникъ набралъ ихъ? одинъ Титъ на человѣка похожъ. Кто это въ засаленомъ нанковомъ сюртукѣ, направо-то?

— Земской Василій Никитинъ,—отвѣчалъ староста—то есть онъ, батюшка, по ревизіи записанъ Львомъ, да покойный дядюшка, взявши во дворъ, изволили Васильемъ назвать.

— Сюда отъ него виномъ пахнетъ. Дорогу къ кабаку вы не будете у меня знать!

Послѣ этой рѣчи онъ быстрыми шагами пошелъ по дорогѣ съ морякомъ, который шелъ возлѣ безъ фуражки. Староста и Титъ плелись, нѣсколько отступя и не глядя другъ на друга, а за ними дворовые, крестьяне, дормезъ и телѣга. Никто почти ничего не говорилъ, на сердцѣ у всѣхъ было тяжело, неловко. Когда они шли по селу, дряхлые старики, старухи выходили изъ избъ и земно кланялись, дѣти съ крикомъ и плачемъ прятались за ворота, молодые бабы съ ужасомъ выглядывали въ окна. Одна собака какаютъ, смѣлая и даже разсерженная процессіей, выбѣжала съ лаемъ на дорогу, но Титъ и староста бросились на нее съ такимъ остервенѣніемъ, что она, поджавши хвостъ, пустилась во весь опоръ и успокоилась, только забившись подъ крышу послѣдняго овина. Такъ достигли господскаго дома. Тутъ дожидались священникъ съ женою и съ сотами отъ пчелокъ своихъ, тощій, плѣшивый діаконъ и причетники съ волосами, которыхъ расчесать не было возможности. Слѣпой майоръ и молдаванка, повязанная бѣлымъ платкомъ и закутанная въ черную шаль покойной благодѣтельница, встрѣтили въ сѣняхъ новаго обладателя Липовки.

Михайло Степановичъ учтиво обошелся со всѣми, но всѣмъ какъ-то стало жаль Льва Степановича больше, нежели прежде. Онъ попросилъ священника отслужить молебень съ водоосвященіемъ и потомъ панихиду о покойникѣ; освѣдомился, говѣютъ-ли крестьяне, и отправился въ запечатанный кабинетъ, сопровождаемый морякомъ. Онъ нашелъ все въ порядкѣ: и деньги и ломбардные билеты. Говорятъ, что онъ нашелъ еще записку, въ которой дядюшка изъявлялъ желаніе отпустить на волю дворовыхъ, но онъ, справедливо замѣтивъ моряку, что, стало-быть, дядя раздумалъ, если самъ не написалъ отпускныхъ, и что въ такомъ случаѣ отпустить ихъ было бы противно желанію покойника, — сжегъ эту записку на свѣчѣ.

На другой день Михайло Степановичъ возвѣстилъ майору и его супругѣ, что, свято исполняя волю покойной тетушки, поручившей ему не оставить ихъ, онъ имъ жалуется двѣ тысячи рублей, при чемъ онъ вручилъ билетъ (по которому проценты были взяты). Потомъ онъ имъ объявилъ, что, сколько ни желалъ бы, но не можетъ, по разнымъ соображеніямъ, оставить за ними комнаты и совѣтуетъ имъ переѣхать въ Москву. «Кириллѣ Васильевичу часто можетъ быть, прибавилъ онъ, нужда въ докторѣ, ему непременно надобно жить въ городѣ». Молдаванка хотѣла, было, просить Михайла Степановича позволить имъ остаться, хотъ въ людской

избѣ, но, встрѣтивъ холодные глаза его съ рыжеватыми рѣсницами, она не смѣла вымолвить ни слова и пошла укладывать свои пожитки.

Осмотрѣвши прочія имѣнія и повелѣвъ непрекословно слушать во всемъ моряка, онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отправился снова за границу. Гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ? Трудно сказать. И что собственно его привязывало къ заграничной жизни?...

Когда онъ воротился въ Москву, морякъ подалъ ему отчеты. Другіе проживаются въ путешествіи, Михайло Степановичъ нашель во всемъ приращеніе, безъ всякаго труда, безъ всякихъ жертвоуваній почти; онъ чрезвычайно мало давалъ моряку. Даже теперь, воротившись изъ путешествія, онъ отдѣлался золотыми нортоновскими часами, которые купилъ по случаю и о которыхъ рассказывалъ моряку, чтобъ поднять ихъ цѣну, что они принадлежали адмиралу Эльфингстону.

Одинъ одиноконекъ жилъ Михайло Степановичъ въ огромномъ и запустѣломъ домѣ на Яузѣ. Что-то страшно угрюмое было въ его существованіи. Онъ ни съ кѣмъ не знался, рѣдко выѣзжалъ, ничего не дѣлалъ, былъ скупъ до отвратительности и скрытно, прозаически, дешево развратенъ. Каждую недѣлю пріѣзжалъ изъ Липовки морякъ, и Столыгинъ оставлялъ его дня на два, подъ предлогомъ разныхъ дѣлъ, а въ сущности изъ потребности живого человѣка. Дворню свою онъ страшно тѣснилъ. У него въ воображеніи все носился домъ княгини, и онъ хотѣлъ достигнуть чего-то подобнаго, не тратя денегъ; задача была невозможная, на всякомъ шагу онъ видѣлъ, что ему не удастся, бѣсился и вымещалъ это на слугахъ. При всей своей скупости онъ серьезно имѣніемъ не занимался, иногда только, безъ всякой нужды, онъ врывался въ управленіе моряка, распространялъ ужасъ и трепеть, брилъ лбы, наказывалъ, бралъ во дворъ, обременялъ совершенно ненужными работами—тамъ дорогу велить проложить, тутъ сарай перенести съ мѣста на мѣсто... Показавши такимъ образомъ свою власть, онъ снова предоставлялъ моряку управленіе крестьянами.

Сверхъ моряка, являлся къ Столыгину раза два въ недѣлю высокій, подслѣпый мѣняла въ безконечномъ сюртукѣ; моргая глазами и пошевеливая плечомъ, онъ называлъ всѣ камни и всѣ вещи наизнанку, что вовсе ему не мѣшало быть тонкимъ знатокомъ. Черезъ него Михайло Степановичъ помѣщалъ свои деньги за баснословные проценты. Мѣняла, не удовлетворяясь куртажемъ за безносыхъ адонисовъ, за новые антики и старыя картины, зани-

мался въ свободное время пріятною должностію сводчика. Михайлѣ Степановичу не хотѣлось выступать ростовщикомъ, да не хотѣлось тоже и капиталъ оставлять на одни несчастные пять процентовъ, которые тогда платилъ ломбардъ, такъ онъ прибѣгалъ къ услугамъ мѣнялы. Несмотря на всѣ предосторожности его, мѣняла, все-таки, надулъ Столыгина. Завелся процессъ. Ни одинъ сенатскій секретарь, ни одинъ герой, посѣдѣвшій въ чернилахъ, вскормленный на справкахъ и сандаракѣ, не догадался бы никогда, чѣмъ окончится этотъ процессъ.

Хожденіе по дѣлу было поручено Столыгинимъ знаменитому тогда въ Москвѣ стряпчему, отставному статскому совѣтнику Валерьяну Андреевичу Трегубскому. У стряпчаго была дочь, скромная, запуганная отцемъ, дикая отъ одиночества и очень не дурная собою. Михайлѣ Степановичу она приглянулась; онъ любилъ эти скромныя волокитства, не вовлекавшія въ большія траты. Молодая дѣвушка, совершенно неопытная и подбиваемая непрерывно кухаркой, шла, сама не зная какъ, прямо на свою гибель. Кухарка статскаго совѣтника, помогавшая Столыгину за бѣленькую бумажку и за золотыя серьги, которыя онъ обѣщаль, но все не приносилъ, вдругъ испугалась могущихъ быть изъ этой связи послѣдствій и разъ вечеромъ, немного напившись, все рассказала отцу, разумѣется, кромѣ собственнаго участія. Старикъ разомъ убѣдился въ справедливости доноса и въ томъ, что предупредить поздно, но поправить самое время.

Сказать по правдѣ, новость эта больше обрадовала его, нежели опечалила; тѣмъ не менѣе онъ съ свирѣпостью напалъ на дочь, разбилъ ее, отгаскалъ, по обычаю праотцевъ, за косу, заперъ въ чуланъ, словомъ, сдѣлалъ все, что требовала оскорбленная любовь родителя. Исполнивъ эту тяжелую, хотя и святую обязанность, онъ снова сдѣлался, чѣмъ былъ,—стряпчимъ, и принялся дѣлать повальный обыскъ въ комнатѣ дочери. Нашелъ онъ и записочки, и вещицы разныя, все пересмотрѣлъ внимательно, все перечиталъ раза два-три. Прочтенное явнымъ образомъ доставляло ему удовольствіе. Онъ взялъ письмо къ себѣ, принялся самъ писать, писалъ долго, подгибая третій палецъ подъ перо и наклоня правый глазъ къ самой бумагѣ. И перемарывалъ онъ, и перечитывалъ, и прибавлялъ, и сокращалъ; наконецъ, удовлетворенный редакціей, онъ раза два до кашля понюхалъ табуку и принялся переписывать набѣло. Переписавши, онъ взялъ свѣчу и отправился къ дочери.

Бѣдная дѣвушка, оскорбленная, униженная, пристыженная, заплаканная сидѣла въ углу. Старикъ на все на это считалъ, какъ нельзя лучше.

— Убила!—говорилъ онъ ей.—Убила старика-отца, сѣдины покрыла позоромъ!

Дѣвушка стояла ни живая, ни мертвая и шептала блѣдными губами:

— Простите, простите.

— Поди сюда,—закричалъ отецъ,—возьми перо, пиши, тутъ—ну же!

— Батюшка!

— Да ты еще не слушаться! опозорила отца да и изъ повиновенія вышла! тебѣ говорятъ, пиши,—и онъ диктовалъ: «дочь статскаго совѣтника Марья Валерьяновна Трегубская».

Дѣвушка писала въ лихорадкѣ, въ безуміи; когда отецъ взялъ у нея перо, руки ея опустились, она упала на колѣни передъ пустымъ стуломъ и прижала къ нему голову. Почтенный старецъ вышелъ, не говоря ни слова. Онъ думалъ, что ему больше придется ломаться. Онъ былъ даже нѣсколько сконфуженъ легкой побѣдой.

На другой день Столыгинъ получилъ отъ статскаго совѣтника длинное письмо. Онъ сообщалъ ему, что вѣсть о томъ, что Михайло Степановичъ, опутавъ коварными обѣщаніями, повергъ его дочь въ гибель несчастія и лишилъ его послѣдней опоры и послѣдняго утѣшенія, поразила его въ самое сердце; что онъ находитъ, наконецъ, положеніе жертвы его соблазна сомнительнымъ, а потому полагаетъ, что онъ, навѣрно, свой поступокъ покроетъ божіимъ благословеніемъ черезъ бракъ, которымъ возвратитъ ей честь, а себѣ—спокойствіе совѣсти, которое превышаетъ всѣхъ благъ земныхъ. Буде же (чего Боже сохрани) Михайлѣ Степановичу это не угодно, то онъ съ прискорбіемъ долженъ будетъ сему дѣлу дать гласность и просить защиты у недремлющаго закона и у высокихъ особъ, Богомъ и монархомъ поставленныхъ невиннымъ въ защиту и сильнымъ въ обузданіе. Въ подкрѣпленіе же просьбы, сверхъ свидѣтельства домашнихъ, онъ съ душевнымъ прискорбіемъ приведетъ разные документы, собственною Михайла Степановича рукою писанные. Въ заключеніе оскорбленный отецъ счелъ нужнымъ присокупить, что преступная дочь его есть съ тѣмъ вмѣстѣ его единственная наслѣдница, какъ дома, что въ Хамовнической части, въ третьемъ кварталѣ, за № 99, такъ и капитала, имѣющаго ей достаться, когда Господу Богу угодно будетъ прекратить грѣшные дни его.

Михайло Степановичъ задохнулся отъ гнѣва и отъ страха; онъ очень хорошо зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; ему представились траты, мировыя сдѣлки, грѣхъ пополамъ. О бракѣ онъ и не

думалъ, онъ считалъ его невозможнымъ. Въ своемъ отвѣтѣ онъ просилъ старика не вѣрить клеветамъ, увѣрялъ, что онъ ихъ разсѣетъ, говорилъ, что это—козни его враговъ, завидующихъ его спокойной и безмятежной жизни, и главное, уговаривалъ его не торопиться въ дѣлѣ, отъ котораго зависить честь его дочери.

Валеріанъ Андреевичъ не даромъ лѣтъ сорокъ былъ стряпчимъ; онъ видѣлъ, что Столыгинъ выигрываетъ время, что, слѣдственно, ему его терять не слѣдуетъ. Между разными дѣлами, ввѣренными его хожденію, былъ у него на рукахъ длинный, запутанный процессъ о горныхъ заводахъ одного графа, находившагося въ большой силѣ. Трегубскій отправился къ нему и вдругъ, докладывая ему о теченіи дѣла, подобралъ нижнюю губу, опустил щеки, сдѣлалъ пресмѣшной видъ и началъ капать слезами. Графъ удивился, встревожился, сталъ спрашивать; старикъ просилъ прощенія, извинялся своимъ нѣжнымъ сердцемъ и безмѣрнымъ горемъ, наконецъ, разсказалъ всю исторію, показалъ письма Столыгина и просьбы дочери. Графъ, забывая вовсе ненужныя въ то время воспоминанія собственныхъ продѣлокъ, принялъ сердечное участіе въ горѣ несчастнаго старца и сказалъ ему, отпуская его: «Будь покоенъ, негодяю этому даромъ это не пройдетъ. Оставь письмо дочери у меня. Да кстати, апелляціонную записку по моему дѣлу окончи поскорѣе». Старикъ успокоился.

Черезъ нѣсколько дней предводитель дворянства пригласилъ къ себѣ Михайла Степановича по «экстренному и конфиденціальному дѣлу». Освѣдомившись о состояніи его здоровья и объ урожаѣ озимыхъ хлѣбовъ, предводитель спросилъ его, какъ онъ намѣренъ окончить неосторожный пассажъ свой съ дѣвицей Трегубской, присовокупляя, что ему велѣно посовѣтовать Михайлѣ Степановичу кончить это дѣло, какъ слѣдуетъ дворянину и христіанину. Столыгинъ пустился въ рядъ объясненій. Предводитель выслушалъ ихъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и замѣтилъ, что все это совершенно справедливо, но что онъ тѣмъ не менѣе увѣренъ, что Михайло Степановичъ оправдаетъ довѣріе высокыхъ особъ и поступитъ, какъ христіанинъ и дворянинъ; что, впрочемъ, онъ его проситъ дать себѣ трудъ прочесть письмо, полученное имъ по поводу этой непріятной исторіи.

Михайло Степановичъ прочелъ письмо и положилъ его на столъ молча и съ измѣнившимся лицомъ.

— Не угодно ли вамъ будетъ теперь,—спросилъ его предводитель,—подписать вотъ эту бумажку?

Столыгинъ взялъ перо.

— Позвольте, позвольте, — съ жаромъ замѣтилъ предводи-

тель, вѣжливо вырывая изъ его руки перо,— это перо не хорошо, вотъ это гораздо лучше.

Столыгинъ взялъ лучшее перо и нѣсколько дрожащей рукой подписалъ. Думать надобно, что первая бумага была очень красно-рѣчива и вполне убѣждала въ необходимости подписать вторую.

Предводитель, прощаясь, сказалъ Столыгину, что онъ искренно и сердечно радъ, что дѣло кончилось келейно и что онъ такъ прекрасно, какъ истинный патріотъ и настоящій христіанинъ, рѣшился поправить поступокъ или, лучше, пассажъ.

Черезъ недѣлю Михайло Степановичъ былъ женатъ. Несмотря на то, что Москва, — классическая страна бракосочетаній, но я увѣренъ, что со времени знаменитаго кутежа, по поводу котораго въ лѣтописяхъ въ первый разъ упоминается имя Москвы, и до нашихъ дней не было человѣка, менѣе расположеннаго и менѣе годнаго къ семейной жизни, какъ Столыгинъ. Благодѣтельное начальство исправило эти недостатки отеческимъ вмѣшательствомъ своимъ.

Трудно себѣ представить хуже, нелѣпѣе и неловче положенія бѣдной новобрачной. Перейдя, по распоряженію высшаго правительства, изъ затворничества, въ которомъ ее держалъ старій писарь, въ чужой домъ, въ которомъ не было въ ней нужды, въ которомъ ничего не перемѣнилось отъ ея появленія, — положеніе ея, собственно, ухудшилось. Столыгинъ ее держалъ не какъ жену, а какъ крѣпостную фаворитку. У ней не было ни одной знакомой, Столыгинъ запретилъ ей принимать какихъ-то родственницъ, раза два являвшихся изъ-за Москвы-рѣки позавидовать ея счастію; она сама не хотѣла дѣлить досуги съ племянницей моряка, которую Столыгинъ хотѣлъ ввести по части супружеской тайной полиціи. Она никуда не выѣзжала, иногда только Михайло Степановичъ предлагалъ женѣ проѣхать въ каретѣ одной, и тутъ кучеру и лакею давалась инструкція, какими улицами ѣхать.

Нѣсколько лѣтъ оставалась она потерянной, оскорбляемой и безгласной. Существо доброе, готовое любить, готовое на всякую преданность, она отдавалась молча своей судьбѣ и, вспоминая страданія, выносимыя отъ отца, она думала, что такъ и надобно, что такое положеніе женщины на свѣтѣ.

Первый утѣшитель, явившійся ей, былъ малютка Анатоль, родившійся черезъ годъ послѣ ея свадьбы; впоследствии онъ же и развилъ, и воспиталъ, и освободилъ ее.

Рожденіе сына на нѣсколько степеней поправило положеніе Марьи Валеріановны. Столыгинъ былъ доволенъ сходствомъ. Онъ до того расхотѣлся въ первыя минуты радости, что съ благосклон-

ной улыбкой спросилъ Тита: «Ты видѣлъ маленькаго?» и когда Титъ отвѣчалъ, что не сподобился еще этого счастья, онъ велѣлъ кормилицѣ показать Анатоля Михайловича Титу. Титъ подошелъ къ ножкѣ новорожденнаго и со слезами умиленія три раза повторилъ: «Настоящій папенька, вылитый папенька, папенькинъ портретъ».

Михайло Степановичъ, очень довольный, тутъ же отдалъ приказъ, чтобы люди вставали, когда проходитъ кормилица съ маленькимъ бариномъ; а кормилицѣ, напротивъ, разрѣшилъ сидѣть даже въ своемъ присутствіи, чего, впрочемъ, она никогда не дѣлала, повинаясь инструкціямъ моряка. Кормилица была изъ Липовки. За двѣ недѣли до родовъ Марьи Валеріановны приказалъ Столыгинъ моряку выслать для выбора двухъ-трехъ здоровыхъ, красивыхъ и недавно родившихъ бабъ съ ихъ дѣтьми. Морякъ выслалъ шесть, и мѣра эта оказалась вовсе неизлишней; отъ сильнаго мороза и слабыхъ тулуповъ двѣ лучшія кормилицы отправленныя на пятый день послѣ родовъ, простудились и такъ основательно, что потомъ сколько ихъ старуха птичница ни окуривала калганомъ и сабуромъ, все-таки, водяная сдѣлалась; у третьей на дорогѣ съ ребенкомъ родимчикъ приключился, вѣроятно, отъ дурного глаза и, несмотря на чистый воздухъ и прочія удобства зимняго пути, въ пошевняхъ, онъ умеръ, не доѣзжая Реполовки, гдѣ обыкновенно липовскіе останавливались. Такъ какъ у матери отъ этого молоко поднялось въ голову, то она и оказалась неспособною кормить грудью. Остались три для выбора, согласно желанію Михайла Степановича. Изъ нихъ онъ самъ съ повивальной бабкой избрали женщину, дѣйствительно замѣчательную. Будучи третій годъ замужемъ, она еще не утратила ни красоты, ни здоровья и была то, что называется кровь съ молокомъ, со сливками даже, можно сказать. На организмъ, который не только безнаказанно, но такъ торжественно вынесъ бѣдность, работу, отца, мать, жнитво, мужа, двухъ снохъ, старосту, свекровь и барщину, можно было слѣпо положиться. Кормилица на барскомъ дворѣ въ два мѣсяца сдѣлалась вдвое толще и румянѣе. Такъ что свекровь, приходившая иногда изъ деревни, не могла безъ ненависти видѣть ее и всякій разъ бормотала, выходя изъ воротъ: «Вишь разъѣлась на барскихъ чаяхъ какая. Дай срокъ, воротисьъ домой, спустимъ жиръ... Погоди». Говорятъ, что простодушная старушка добросовѣстно сдержала обѣщаніе.

Для дворни малютка сдѣлался новымъ источникомъ гоненій и несчастій. Стукъ во время его сна, сквозной вѣтеръ, отворенная дверь, — все это выводило изъ себя Столыгина. Чтò вынесла

бѣдная няня, та самая Настасья, которая послужила невольной причиной смерти Льва Степановича, мудроно себѣ представить. Кормилицѣ дозволялось иногда спать, Настасья должна была день и ночь быть налицо. Она раздѣвалась разъ только въ недѣлю — въ банѣ. Настасья было приказано, чтобы лѣтомъ въ дѣтской не было мухъ; она отвѣчала за крикъ ребенка, за то, что онъ падалъ, начиная ходить, за насморкъ, который дѣлался отъ прорѣзыванія зубовъ... И подите, изслѣдуйте тайны сердца человѣческаго, — Настасья любила до безумія ребенка, существованіемъ котораго отравлялась вся жизнь ея, за котораго она вынесла сколько нравственныхъ страданій, столько и физической боли. Марья Валеріановна, сколько могла, вознаграждала ее и лаской, и подарками, но сама чувствовала, какую бѣдную замѣну она ей даетъ за лишенія всякаго покоя, за вѣчный страхъ, вѣчную брань и вѣчное преслѣдованіе.

Пока ребенокъ былъ звѣрькомъ, баловству со стороны Михаила Степановича не было конца, но когда у Анатоля начала развиваться воля, любовь отца стала превращаться въ гоненіе. Болѣзненный эгоизмъ Столыгина, раздражительная капризность и избалованность его не могли выносить присутствія чего бы то ни было свободнаго; онъ даже собачонку, не знаю, какъ попавшуюся ему, до того испортилъ, что она ходила при немъ, повѣся хвостъ и опустя голову, какъ чумная.

Марья Валеріановна, до тѣхъ поръ кроткая и самоотверженная, явилась женщиной съ характеромъ и съ волей непреклонной. Она не только рѣшилась защитить ребенка отъ очевидной порчи, но, уважая въ себѣ его мать, она сама стала на другую ногу. Эту оппозицію тотчасъ замѣтилъ Михайло Степановичъ и рѣшился сломить ее во что бы то ни стало.

Пяти-шестилѣтній Анатолий былъ свидѣтелемъ грубыхъ, отвратительныхъ сценъ; нервный и нѣжный мальчикъ судорожно хватался за платье матери и не плакалъ, а послѣ ночью стоналъ во снѣ и, проснувшись, дрожа всѣмъ тѣломъ, спрашивалъ няню: «папаша еще тутъ? ушелъ папаша?». Марья Валеріановна чувствовала необходимость положить предѣлъ этому и не знала какъ. Обстоятельства, какъ всегда бываетъ, помогли ей.

Въ гостиной стояла горка, на которой были разставлены всякія ненужности, взятая у мѣнялы, для поощренія его. Анатолий, тысячу разъ игравшій этой дрянью, подошелъ къ горкѣ и взялъ какую-то фарфоровую куклу.

— Не тронь!—закричалъ отецъ.

Анатолий посмотрѣлъ на него съ испугомъ, оставилъ куклу и

черезъ двѣ минуты опять ее взялъ. Михайло Степановичъ подошелъ къ нему, схватилъ за руку и дернулъ его съ такой силой, что онъ грянулся объ полъ и разбилъ себѣ до крови лобъ. Мать и няня бросились къ нему.

— Оставьте его, это вздоръ, капризы! — закричалъ отецъ.

Няня приостановилась въ недоумѣннн, но мать, не обращая никакого вниманія на слова мужа, подняла Анатоля и понесла его, говоря:

— Пойдемъ, дружокъ мой, въ дѣтскую, папаша боленъ.

— Да ты слышала или нѣтъ, что я сказалъ?—спросилъ Михайло Степановичъ.—Оставь его!

— Ни подъ какимъ видомъ,—отвѣчала оскорбленная мать.— Какъ можно оставить ребенка съ человѣкомъ въ припадкѣ безумія?

— Это что значить?! — спросилъ Столыгинъ, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ бѣшенства.

— То,—отвѣчала Марья Валеріановна,—что есть всему мѣра, и если вы сошли съ ума, то мой долгъ положить предѣлъ вашему вредному вліянію на ребенка.

Михайло Степановичъ не далъ ей кончить, онъ ударилъ ее. Анатолю взвизгнулъ и помертвѣлъ.

Марья Валеріановна, пришедши въ спальню, бросилась на колѣни передъ образомъ и долго молилась, обливаясь слезами; потомъ она поднесла Анатоля къ иконѣ и велѣла ему приложиться, одѣла его, накинула на себя шаль и, выславъ Настю и горничную зачѣмъ-то изъ дѣвичьей, вышла съ Анатодемъ за ворота, не замѣченная никѣмъ, кромѣ Ефима. На дворѣ смерклось; Марья Валеріановна почти никогда не выходила вечеромъ на улицу, ей было страшно и жутко; по счастью, извозчикъ, ѣхавшій безъ сѣдока, предложилъ ей свои услуги, она кой-какъ усѣлась на калиберъ, взяла на колѣни Анатоля и отправилась къ отцу въ домъ. Сходя съ дрожекъ, она сунула извозчику въ руки цѣлковый и хотѣла взойти въ ворота, но извозчикъ остановилъ ее,—онъ думалъ, что она ему дала пятакъ, и сказалъ: «Нѣтъ, барыня, постой, какъ можно», и, разглядѣвши, что это не пятакъ, а цѣлковый, продолжалъ тѣмъ же тономъ и нисколько не потерявшись: «какъ можно цѣлковый взять съ двоихъ, синенькую слѣдуетъ получить, матушка». Она бросила ему какую-то монету и взошла въ ту несчастную калитку, изъ-за которой лѣтъ шесть тому назадъ, Богъ знаетъ подъ вліяніемъ какой чары, вышла на первое свиданіе съ человѣкомъ, котораго судьба избрала на то, чтобы мучить ее цѣлую жизнь.

Когда Михайло Степановичъ пришелъ въ себя, онъ понялъ, что переступилъ нѣсколько границу. «Ну, да что же дѣлать, ду-

маль онъ, у меня нравъ такой,—пора, въ самомъ дѣлѣ, привыкнуть; сердить меня, какъ нарочно, et ensuite elle devient impertinente ¹⁾), я не могу своего сына воспитывать по моимъ идеямъ». Утѣшивши себя такими разсужденіями, онъ отправился въ гостиную; однако, на лицѣ его было видно, что, какъ ни убѣдительно они были, но совѣсть не совсѣмъ была покойна. Большая гостиная была пуста и мрачна, освѣщенная двумя сальными свѣчами. Онъ посидѣлъ на диванѣ — пусто, нехорошо.

— Сенька! — закричалъ онъ, и мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, одѣтый казачкомъ, показался въ дверяхъ.—Скажи Настькѣ, чтобы привела Анатолія Михайловича.

Казачокъ вышелъ, но долго не возвращался; слышны были голоса, шопотъ, шаги. Титъ, блѣдный, какъ смерть, стоялъ въ залѣ; Настасья съ заплаканными глазами ему объясняла что-то, Титъ качалъ головой и приговаривалъ: «Господи, Боже мой, прости наши прегрѣшенія». Черезъ нѣсколько минутъ казачокъ взошелъ съ докладомъ:

— Анатолія Михайловича дома нѣтъ, ихъ барыня изволили взять съ собою.

— Что... о... о... о?!

Казачекъ повторилъ.

— Что ты врешь?! пошли Настьку и Тита.

Настька и Титъ зошли.

— Куда барыня пошла?—спросилъ Столыгинъ.

— Не могу доложить, — отвѣчала старуха, дрожа всѣмъ тѣломъ;—меня изволили послать за водой, изволили надѣть желтую шаль,—я думала такъ, отъ холоду...

— Молчи и отвѣчай только на то, что я спрашиваю. Ну, а ты, старый разбойникъ, ты чего смотрѣлъ, Титъ Трофимовичъ, домоправитель?! Кто пошелъ за барыней?

— Виновать, батюшка, Михайло Степановичъ, Богъ попуталъ на старости лѣтъ, я не видалъ.

— Виновать, батюшка! — передразнилъ его Столыгинъ, входившій болѣе и болѣе въ ярость,—позови, старый дуракъ, Кузьку и Оську да дурака Ефимку и кучеровъ.

Люди переглянулись съ ужасомъ другъ на друга, они очень хорошо знали, что значитъ приглашеніе кучеровъ...

На другой день утромъ Титъ, Настасья и двое лакеевъ валялись въ ногахъ у Маріи Валеріановны, утирая слезы и умоляя ее спасти ихъ. Столыгинъ велѣлъ имъ или привести барыню съ сы-

¹⁾ А затѣмъ она становится дерзкою.

номъ или готовиться въ смиренный домъ и потомъ на поселеніе. Сѣдой и толстый Титъ ревѣлъ, какъ ребенокъ, приговаривая:

— Сгубить онъ насъ, матушка, со свѣта божьяго сгонить.

— Марья Валеріановна,—говорила Настасья,—спаси ты насъ, заступница наша, или ужъ оставь меня здѣсь.

— Я домой не пойду,—прибавилъ старикъ,—я съ Каменнаго моста брошусь въ воду,—одинъ конецъ.

Марья Валеріановна долго молчала: тяжело ей было; она еще разъ взглянула на эти растерянные и отчаянные лица, встала и сказала грустнымъ голосомъ;

— Такъ и быть, я спасу васъ. Я не могу допустить, чтобы онъ замучилъ васъ за меня. Я возвращусь теперь, можетъ, на свою собственную гибель, только молитесь же Бога, чтобы не на гибель малютки!

— Мать ты наша родная!—говорилъ Титъ,—иверской божіей матери отслужимъ молебенъ, всей дворней свѣчу десятифунтовую поставимъ.

Марья Валеріановна явилась домой не какъ виновная и бѣглая жена, а съ полнымъ признаніемъ своей правоты и своего призванія быть защитницей сына. Она покойно и твердо объявила Столыгину, что возвратилась только для того, чтобы спасти совершенно невинныхъ людей отъ его бѣшенства, но что она рѣшилась не жертвовать болѣе сыномъ необузданности такого отца.

— Охъ, — говорилъ Михайло Степановичъ, притворившійся больнымъ,—охъ, та сѣге, зачѣмъ это ты употребляешь такія слова? мое ухо не привыкло къ такимъ выраженіямъ. У меня отъ заботъ, отъ болѣзни (онъ жаловался на аневризму, котораго у него, впрочемъ, не было) бываютъ иногда черныя минуты,—надобно кротостью и добрымъ словомъ остановить, а не раздражать, я самъ оплакиваю несчастный случай,—и онъ остановился, какъ бы подавленный сильными чувствами.

Но на Марью Валеріановну его рѣчи болѣе не дѣйствовали. Весь prestige, окружавшій его, исчезъ, она чувствовала себя настолько выше, настолько сильнѣе его, что у ней начала развиваться жалость къ нему.

Послѣ этой исторіи Столыгинъ сталъ себя держать попристойнѣе. Марья Валеріановна съ сыномъ жила большую половину года въ деревнѣ; такъ какъ это значительно уменьшало расходы, то мужъ и не препятствовалъ. Смерть добраго старика, Валеріана Андреевича, случившаяся черезъ нѣсколько лѣтъ, снова запутала и окончательно разстроила жизнь, устроенную Маріей Валеріановной.

Онъ умеръ вскорѣ послѣ московскаго пожара. Старикъ оста-

вался все время войны въ Москвѣ, довольно счастливо скупая, долю у французовъ, долю у казаковъ, разныя серебряныя и золотыя вещицы. По выходѣ непріятеля онъ подавалъ просьбу о денежномъ вспоможеніи для поправленія дома, сожженнаго богопротивнымъ врагомъ во время нашествія галловъ и съ ними дванадцати языкъ. Но, несмотря на то, что его просьба была совершенно несправедлива, онъ получилъ отказъ. Это его сильно огорчило, онъ помячилъ еще годикъ да и умеръ, оставивши Марьѣ Валеріановнѣ домъ, золотыя и серебряныя бездѣлушки и толстую пачку ломбардныхъ билетовъ.

Марья Валеріановна въ это время была въ Петербургѣ, куда Столыгинъ переѣхалъ во время приближенія непріятеля. Домъ ихъ на Яузѣ сгорѣлъ. Морякъ отстраивалъ его медленно, потому что Столыгинъ скупился на деньги. Старикъ передъ смертью звалъ дочь проститься. Она поѣхала, но не застала его. Морякъ, имѣвшій уже свои инструкціи, распорядился въ домѣ ея отца, какъ на кораблѣ, взятомъ въ плѣнъ. Марья Валеріановна молчала, но билеты ломбардные прибрала. Михайло Степановичъ не давалъ почти вовсе денегъ на воспитаніе сына да и, сверхъ того, она хотѣла на всякій случай имѣть капиталъ въ своихъ рукахъ.

Это обстоятельство снова ее посорило съ мужемъ. Переписка ихъ приняла горькій тонъ. Видя непреклонность жены, Столыгину пришла въ голову мысль воспользоваться разлукой ея съ сыномъ, чтобы поставить на своемъ.

Онъ писалъ моряку во всякомъ письмѣ, чтобы все было готово для его приѣзда, что онъ на-дняхъ ѣдетъ, и нарочно оттягивалъ свой отъѣздъ. Возвратившись, наконецъ, въ свой домъ на Яузѣ, онъ прервалъ всѣ сношенія съ Маріей Валеріановной, строго запретилъ людямъ принимать ее или ходить къ ней въ домъ. «Я долженъ былъ принять такія мѣры,—говорилъ онъ,—для сына; я все бы ей простилъ, но она женщина до того *эпированная*¹⁾, что можетъ пошатнуть тѣ фундаменты морали, которые я съ такимъ трудомъ вывожу въ сердцѣ Анатоля».

Разумѣется, ему никто не вѣрилъ, кромѣ моряка, да и тотъ болѣе вѣрилъ изъ дисциплины и подчиненности, нежели изъ убѣжденія, и защищалъ Столыгина только слѣдующимъ выразительнымъ аргументомъ: «Все же, вѣдь, какъ тамъ угодно, а она супруга Михайла Степановича, а Михайло Степановичъ, какъ бы то ни было, все же ея супругъ есть!...»

1) Aigrise—раздраженная, нервная.

Вмѣсто продолженія.

Въ началѣ 1848 года я посылалъ эту часть повѣсти въ Петербургъ. Несмотря на повторенное объявленіе на оберткѣ одного журнала, печатать ее не позволили. Отчего? Не понимаю; судите сами, повѣсть передъ вами.

Тогда именно въ Россіи былъ сильнѣйшій припадокъ цензурной болѣзни. Сверхъ обыкновенной гражданской цензуры, была въ то время учреждена другая военная, составленная изъ генераль-адъютантовъ, генераль-лейтенантовъ, генераль-интендантовъ, инженеровъ, артиллеристовъ, начальниковъ штаба, свиты его величества офицеровъ, плацъ-и бау-адъютантовъ, одного татарскаго князя и двухъ православныхъ монаховъ подъ предсѣдательствомъ морскаго министра. Она разбирала тѣ же книги, но книги авторовъ и цензоровъ вмѣстѣ. ¹

Эта осадная цензура, руководствуясь военнымъ регламентомъ Петра I и греческимъ Номоканономъ, запретила печатать что бы то ни было, писанное мною, хотя бы то было слово о пользѣ тайной полиціи и явнаго самодержавія или душевная переписка съ друзьями о выгодахъ крѣпостнаго состоянія, тѣлесныхъ наказаній и рекрутскихъ наборовъ.

Запрещеніемъ своимъ лейбъ-цензурный аудиторіатъ напомнилъ мнѣ, что русскимъ пора печатать внѣ Россіи, что намъ нечего сказать такого, чтò могла бы пропустить военно-судная цензура.

... Не находя силы продолжать повѣсть, я расскажу вамъ ея планъ.

Мнѣ хотѣлось въ Анатолѣ представить человѣка полнаго силъ, энергіи, способностей, жизнь котораго тягостна, пуста, ложна и безотраднa отъ постояннаго противорѣчія между его стремленіями и его долгомъ. Онъ усиливается и успѣваетъ всякій разъ покорять свою мятежную волю тому, чтò онъ считаетъ обязанностію, и на эту борьбу тратитъ всю свою жизнь. Онъ совершаетъ героическіе акты самоотверженія и преданности, тушитъ страсти, жертвуетъ влеченіями и всѣмъ этимъ достигаетъ того вялаго, безцвѣтнаго состоянія, въ которомъ находится всякая посредственная и бездарная натура. Сила этого человѣка должна была потребиться безъ пользы для другихъ, безъ отрады для него.

Этотъ характеръ и среда, въ которой онъ развивался, наша родная почва или, лучше, наше родное болото, утягивающее, моряющее исподволь, заволакивающее непремѣнно всякую личность, какъ

она тамъ себѣ ни бейся,—вотъ что мнѣ хотѣлось представить въ моей повѣсти.

Съ самой первой юности Анатолий втянутъ въ роковое столкновение съ долгомъ. Передъ нимъ въ страшной нелѣпости является родительская власть. Онъ ненавидитъ Михаила Степановича, но онъ переламываетъ свое естественное отвращеніе и повинуется этому человѣку, потому что онъ—его отецъ.

Гонимый и притѣсняемый, Анатолий нашелъ выходъ, который находятъ всѣ юноши съ теплымъ и чистымъ сердцемъ: онъ встрѣтилъ дѣвушку, которую полюбилъ искренно, откровенно. Для ихъ счастья недоставало одного—воли.

Пришла и она.

Михайло Степановичъ, наконецъ, умеръ, къ неописанной радости дворовыхъ людей. Анатолий, какъ Онѣгинъ:

Яремъ отъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ,
Мужикъ судьбу благословилъ,

а семидесятилѣтній морякъ слегъ въ постель и не вставалъ больше отъ этого «дебоша»; онъ, грустно качая головой, повторялъ: «А все библейское общество, все библейское общество, это изъ Великобританіи идетъ.»

Анатолий, между тѣмъ, начиналъ чувствовать усталость отъ своей любви, ему было тѣсно съ Оленькой, ея вѣчный дѣтскій лепетъ утомлялъ его. Чувство, нашедшее свой предѣлъ, непрочно: безконечная даль такъ же нужна любви и дружбѣ, какъ изящному виду.

Оленька принадлежала къ тѣмъ милымъ, но не глубокимъ и не развивающимся натурамъ, которыя, однажды вспыхнувъ сильнымъ чувствомъ, *готовы*, осѣдаютъ и уже дальше не идутъ.

Когда Анатолий убѣдился, что онъ ее не любитъ, онъ ужаснулся своей сухости, своей неблагодарности; въ несчастіи онъ не находилъ другой отрады, иного утѣшенія, какъ въ ея любви, а теперь свободный, богатый, онъ готовъ ее покинуть. Разумѣется, послѣ этого разсужденія онъ женился.

Близость лицъ — фактъ психологическій; легко любить ни за что и очень трудно любить за что-нибудь. Людскія отношенія, кромѣ дѣловыхъ, основанныя на чемъ-нибудь внѣ вольнаго сочувствія, поверхностны, разрушаются или разрушаютъ. Быть близкимъ только изъ благодарности, изъ состраданія, изъ того, что этотъ человѣкъ мой братъ, что этотъ другой меня вытащилъ изъ воды, а этотъ третій упадетъ самъ безъ меня въ воду,—одинъ изъ тягчайшихъ крестовъ, которые могутъ пасть на плечи.

Анатоль черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака былъ несчастенъ и губилъ своимъ несчастіемъ бѣдную Оленьку.

Мой герой (вы, можетъ, и не подозреваете этого) былъ конноегерскимъ офицеромъ; вскорѣ послѣ его свадьбы, его назначили адъютантомъ корпуснаго начальника, который ему былъ сродни.

Корпусный командиръ былъ не кто иной, какъ нашъ старый знакомый князь, князь, взявшій съ собой изъ Парижа маленькую Нину, въ то время, какъ парижскій народъ бралъ Бастилю. Онъ славно сдѣлалъ свою карьеру и воротился изъ кампаніи въ 1815 году обвѣшанный крестами всѣхъ нѣмецкихъ государей, введенныхъ казачаками во владѣніе, и млечнымъ путемъ русскихъ звѣздъ. Онъ былъ прострѣленъ двумя пулями и весь въ долгахъ. Онъ уже плохо видѣлъ, нетвердо ступалъ, неясно слышалъ; но все еще съ нѣкоторымъ фюп¹⁾ зачесывалъ сѣдые волосы à la Titus, подтягивалъ мундиръ, прыскался духами, красилъ усы, волочился за барышнями и, Богъ знаетъ для чего, кажется, изъ одного приличія, держалъ французскую актрису на содержаніи.

Это лицо меня чрезвычайно занимало; его мнѣ хотѣлось особенно отдѣлать. Князь долженъ былъ принадлежать къ типу людей, который утрачивается, который я еще очень хорошо зналъ и который необходимо сохранить,—къ типу русскаго генерала 1812 г.

Русское общество съ Петра I раза четыре измѣняло нравы. Объ екатерининскихъ старикахъ говорили очень много, но люди александровскаго времени будто забыты,—оттого ли, что они ближе къ намъ, или отъ чего другого, но ихъ мало выводятъ на сцену, несмотря на то, что они совсѣмъ не похожи на современныхъ актеровъ «памятной книжки» и дѣйствующихъ лицъ «адресъ-календаря».

При Екатеринѣ сложилась въ высшемъ петербургскомъ обществѣ не аристократія, а какое-то служилое вельможничество, надменное, гордое и недавно сдѣланное ручнымъ. Съ 1725 и до 1762 г. эти люди участвовали во всѣхъ низверженіяхъ и возведеніяхъ на престоль. Они распоряжались русской короной, упавшей на финскую - - - какъ своимъ добромъ, и очень хорошо знали, что ножки петербургскаго - - - не такъ-то крѣпки и что не только Петропавловская крѣпость и Шлиссельбургъ, но Пелымъ и вообще Сибирь не такъ-то далеки отъ дворца. Крамольная горсть богатыхъ сановниковъ съ участіемъ гвардейскихъ офицеровъ, двухъ-трехъ нѣмецкихъ плутовъ, храня наружный видъ рабскаго подобострастія и преданности, сажала кого хотѣла на - - - мѣсто, давая знать

¹⁾ Лоскъ.

о томъ къ свѣдѣнію другимъ городамъ имперіи; въ сущности, народу было безразлично имя тѣхъ, которые держали кнутъ: спинѣ одинаково было больно.

Ангальтъ-Цербстская принцесса, - - - - - императрицы всероссійской, умѣла съ лукавою хитростію женщины и - - - - - обстричь волосы буйнымъ олигархамъ и усыпить ихъ дикіе порывы важнымъ почетомъ, милостивой улыбкой, крестьянскими *душами*, а иногда своимъ собственнымъ высочайшимъ - - - - - Изъ нихъ образовалось въ половинѣ ея царствованія вельможничество, о которомъ мы говорили. Въ этихъ людяхъ было смѣшано русское патріархальное барство съ версальскимъ царедворствомъ, неприступная «мѡрга» ¹⁾ западныхъ аристократовъ и удалъ казацкихъ атамановъ, хитрость дипломатовъ и звѣрство дикихъ. Люди эти были спесивы по-русски и дерзки по-французски; они обходились учтиво съ одними иностранцами; съ русскими они иногда были ласковы, иногда милостивы, но всѣмъ до полковничьяго чина говорили «ты». Ограниченные и надутые собой, вельможи эти хранили какое-то чувство собственного достоинства, любили матушку-императрицу и святую Русь. Екатерина II щадила ихъ и снисходительно слушала ихъ совѣты, не считая нужнымъ исполнять ихъ.

Тяжелый и важный вѣкъ этихъ старыхъ ворчуновъ, обсыпанныхъ пудрою и нюхательнымъ табакомъ, сенаторовъ и кавалеровъ ордена св. Владиміра первой степени, съ тростью въ рукахъ и гайдуками за каретой, вѣкъ этихъ стариковъ, говорившихъ громко, смѣло и нѣсколько въ носъ, былъ разомъ подрѣзанъ воцареніемъ Павла Петровича.

Онъ въ первые двадцать четыре часа послѣ смерти матери сдѣлалъ изъ роскошнаго, пышнаго, - - - - - мужского - - - - - , называвшагося Зимнимъ дворцомъ — казарму, кордегардію, острогъ, экзерциръ-гаузъ и полицейскій домъ. Павелъ былъ чловѣкъ, одичалый въ Гатчинѣ, едва сохранившій какіе-то смутные рыцарскіе порывы отъ прежняго состоянія; это былъ - - - - - съ сентиментальными выходками, угрюмый и влюбленный, вѣчно раздраженный и вѣчно раздражаемый; онъ, навѣрно, попалъ бы въ - - - - - домъ, если бы не попалъ прежде - - - - -

Перевернулъ онъ старыхъ вельможъ, привыкшихъ при Екатеринѣ къ покою и уваженію. Ему не нужны были ни государственные люди, ни сенаторы, ему нужны были штыкъ-юнкера и капте-нармусы. Не даромъ училъ Павелъ на своей печальной дачѣ лѣтъ двадцать какихъ-то троглодитовъ новому артикулу и метанью эс-

¹⁾ Спесь.

понтономъ; онъ хотѣлъ ввести гатчинское управленіе въ управленіе російской имперіи, онъ хотѣлъ царствовать по темпамъ.

Въ такой простой, въ такой наивной формѣ самовластіе еще ни разу не являлось въ Россіи, какъ при Павлѣ. Это былъ - - - , хаосъ; его *марсоманія*, которую онъ передалъ всѣмъ своимъ дѣтямъ, доходила до смѣшного, до презрительнаго и въ то же время до трагическаго; этотъ - - - - - со слезами на глазахъ билъ рукою тактъ, разгорался въ лицѣ, былъ счастливъ, когда солдаты вѣрно маршировали. Тѣ же пароксизмы бывали потомъ у цесаревича Константина. Свирѣпости Павла не оправдываются даже государственными необходимостями, его деспотизмъ былъ - - - - - горячешный, ненужный; кого пыталъ онъ и ссылалъ толпами съ своимъ генераль-прокуроромъ Оболяниновымъ и за что? Никто не знаетъ. Но вельможъ онъ приструнилъ, струсили они и вспомнили, что они такіе же крѣпостные холопы, какъ ихъ слуги. Съ ужасомъ смотрѣли они, какъ императоръ «шутитъ шутки нехорошія», то того въ Сибирь, то другого въ Сибирь; они втихомолку укладывались и тащились на крестьянскихъ лошадяхъ въ тяжелыхъ колымагахъ въ Москву и въ свои жалованныя покойной императрицей вотчины.

Тамъ ихъ и оставилъ Александръ послѣ кончины Павла; онъ не счелъ нужнымъ вызывать изъ деревень маститыхъ государственныхъ людей, благо они засѣли, облѣнились и задремали, учреждая въ своихъ помѣстьяхъ небольшіе дворики въ родѣ екатерининскихъ. Александръ окружилъ себя новымъ поколѣніемъ.

Поколѣніе, захваченное въ гвардіи павловской сиверкой, было добро и полно силъ. Событія ихъ довоспитали. Шуточное ли дѣло Аустерлицъ, Эйлау, Тильзитъ, борьба 1812 года, Парижъ въ Москвѣ, Москва въ Парижѣ?

Старые гвардейцы возвращались побѣдоносными генералами. Опасности, пораженія, побѣды, соприкосновеніе съ арміей Наполеона и съ чужими краями, — все это образовало ихъ характеръ; смѣлые, добродушные и очень недалгіе, съ религіей дисциплины и застегнутыхъ крючковъ, но и съ религіей чести, они владѣли Россіей до тѣхъ поръ, пока подросло николаевское поколѣніе военныхъ чиновниковъ и статскихъ солдатъ.

Люди эти занимали не только всѣ военныя мѣста, но девять десятыхъ высшихъ гражданскихъ должностей, не имѣя ни малѣйшаго понятія о дѣлахъ и подписывая бумаги, не читая ихъ. Они любили солдатъ и били ихъ палками не на животъ, а на смерть, оттого что имъ ни разу не пришло въ голову, что солдата можно выучить, не бивши его палкой. Они тратили страшныя деньги и, не имѣя

своихъ, тратили казенныя; красть собакъ, книги и казну у насъ никогда не считалось воровствомъ. Но они не были ни доносчиками, ни шпионами и за подчиненныхъ стояли головой.

Одинъ изъ полнѣйшихъ типовъ ихъ былъ графъ Милорадовичъ, храбрый, блестящій, лихой, беззаботный, десять разъ выкупленный Александромъ изъ долговъ, волокита, мотъ, болтунъ, любезнѣйшій въ мірѣ человекъ, идолъ солдатъ, управлявшій нѣсколько лѣтъ Петербургомъ, не зная ни одного закона, и, какъ нарочно, убитый въ первый день царствованія Николая.

Когда раненаго Милорадовича принесли въ конно-гвардейскія казармы и Арендтъ, осмотрѣвъ его раны, приготовлялся вынуть пулю, Милорадовичъ сказалъ ему: «Ну, та foі, рана смертельная, я довольно видѣлъ раненыхъ, такъ ужъ если надо еще пулю вынимать, пошлите за моимъ старымъ лѣкаремъ; мнѣ помочь нельзя, а старика огорчить, что не онъ дѣлалъ операцію». Дѣйствительно, пулю вынулъ старый лѣкарь, заливаясь слезами. Послѣ операціи, адъютантъ спросилъ графа, не желаетъ ли онъ продиктовать какія-нибудь распоряженія. Милорадовичъ тотчасъ потребовалъ нотаріуса; но когда тотъ пришелъ, онъ думалъ, думалъ и сказалъ наконецъ: «Ну, братецъ, это очень мудрено: ну, такъ все какъ по закону слѣдуетъ; развѣ вотъ что—у одного стараго пріятеля моего есть сынъ, славный малый, но такая горячая голова, онъ, я знаю, замѣшанъ въ это дѣло, ну, такъ напишите, что я, умирая, просилъ государя его помиловать—больше, та foі, ничего не знаю».

Потомъ онъ умеръ и хорошо сдѣлалъ.

Прозаическому, осеннему царствованію Николая не нужно было такихъ людей, которые, раненые на смерть, помнятъ о старомъ лѣкарѣ и умирая, не знаютъ, что завѣщать, кромѣ просьбы о сынѣ пріятеля. Эти люди вообще неловки, громко говорятъ, шумятъ, иногда возражаютъ, судятъ вкривь и вкось; они, правда, готовы всегда лить свою кровь на полѣ сраженія и служатъ до конца дней своихъ вѣрой и правдой; но войны внѣшней тогда не предвидѣлось, а для внутренней они неспособны. Говорятъ, что графъ Бенкендорфъ, входя къ государю,—а ходилъ онъ къ нему разъ пять въ день,—всякій разъ блѣднѣлъ,—вотъ какіе люди нужны были новому государю. Ему нужны были агенты, а не помощники, исполнители, а не совѣтники, вѣстовые, а не воины. Онъ никогда не могъ придумать, что сдѣлать изъ умнѣйшаго всѣхъ русскихъ генераловъ, Ермолова, и оставилъ его въ праздности доживать вѣкъ въ Москвѣ.

Надобно было много труда, усилій, времени, чтобъ воспитать современное поколѣніе чиновниковъ по особымъ порученіямъ, корреспондентовъ, генераловъ «отъ чернилъ» и прочихъ жандармовъ.

чиль приказъ выступить со своимъ корпусомъ и итти примкнуться къ войску Дибича. Все засуетилось въ его арміи, князь ожилъ, забылъ свои лѣта, цѣлые дни верхомъ дѣлалъ смотры и ревизіи. Офицеры радовались отличіямъ и быстрому повышенію, солдаты радовались, что не будетъ ученій, непрерывныхъ смотровъ во время похода.

Анатоль, хранившій свято юныя мечты студентскаго періода, хотя и удовлетворялся собственнымъ одобреніемъ за благородное біеніе сердца и искреннимъ желаніемъ освобожденія крестьянъ, тѣмъ не менѣе всѣ благородныя симпатіи его были за Польшу, на которую онъ шелъ врагомъ, палачемъ, - - - - - ¹⁾, что же ему было дѣлать? Подавать въ отставку было поздно, сказаться больнымъ,—выдадутъ за труса. Съ непреодолимымъ отвращеніемъ, почти съ раскаяніемъ явился онъ на полѣ битвы, совался въ огонь безъ всякой нужды, но пули обходили его, а храбрость его была замѣчена; князь привязалъ ему самъ георгіевскій крестъ въ петлицу. Товарищи завидовали ему.

На приступѣ Варшавы графъ Толь подѣхалъ съ княземъ къ первому взятому бастиону, расцѣловалъ майора, поздравилъ его съ крестомъ и потомъ спросилъ его, указывая на толпу плѣнныхъ: «Кто же у васъ будетъ ихъ беречь?» Майоръ, державшій платокъ на ранѣ, молчалъ и съ испуганнымъ недоумѣніемъ смотрѣлъ въ глаза генералу. «На приступѣ,—сказалъ Толь,—каждый человѣкъ нуженъ; если всѣ офицеры наберутъ столько плѣнныхъ, половина солдатъ выбудетъ изъ строя», — онъ сдѣлалъ знакъ рукою и прибавилъ: «Понимаете?» ²⁾). Майоръ понималъ, но не говорилъ ни слова. Толь поморщился и, обернувшись къ Анатолю, сказалъ ему вполголоса: «Господинъ адъютантъ, майоръ, кажется, ослабъ отъ раны; скажите старшему капитану *il faut en finir avec les prisonniers*» ³⁾). Анатоль стоялъ, какъ вкопанный; рука его будто приросла къ шляпѣ. «Ну, чего жъ вы ждете?—скажите, что я велѣлъ ихъ разстрѣлять. Адъютантъ вашъ не очень расторопень»,—замѣтилъ онъ князю, повертывая лошадь и показывая ему зрительной трубой какія-то осадныя работы.

Старшій капитанъ отдалъ нужныя приказанія и сказалъ майору и Анатолю: «А, впрочемъ, я охотнѣе пошелъ бы еще разъ на ба-

¹⁾ Я рассказываю здѣсь планъ моей повѣсти такъ, какъ онъ складывался въ моей головѣ. Разумѣется, мнѣ нельзя бы было говорить о Польшѣ и о возстаніи иначе, какъ намеками.—А. И. Г.

²⁾ Это истинное происшествіе, рассказанное мнѣ самимъ офицеромъ.—А. И. Г.

³⁾ Надо покончить съ плѣнными.

стіонъ,—бить безоружнаго не манерь. Эй,—закричалъ онъ,—Федосѣевъ, выведи людей!» Анатолю хотѣлъ ускокаться, но былъ остановленъ колонной охотниковъ, шедшихъ съ пѣснями и криками «ура!» на приступъ. За нимъ раздались отрывистыя слова команды, и ружейный залпъ грянулъ почти въ то же время. Анатолю обернулся,—человѣкъ двадцать плѣнныхъ лежали въ крови, одни мертвые, другіе въ судорогахъ; столько же живыхъ и легко раненыхъ стояли у стѣны. Одни обезумѣвшіе отъ страха судорожно хохотали, кричали и плакали, два-три человѣка громко читали молитвы по-латыни, третьи блѣдные, стиснувъ зубы, съ гордостью смотрѣли на палачей. Въ ихъ числѣ былъ бѣлокурый юноша; онъ остановилъ взглядъ своихъ большихъ голубыхъ глазъ на Анатолѣ; въ этомъ взглядѣ рядомъ съ укоромъ видно было столько презрѣнія, что Анатолю опустилъ голову. У солдатъ дрожали руки; самъ унтеръ-офицеръ Федосѣевъ, хотя для поддержанія чести и говорилъ: «Экъ живучи эти поляки!», но былъ блѣденъ и не въ своей тарелкѣ.

«Вторая шеренга впередъ! Шай-клацъ!»—командовалъ капитанъ; ружья склонились и брякнули.

У Анатоля потемнѣло въ глазахъ, онъ покачнулся и далъ шпоры лошади, но лошадь вдругъ поднялась на дыбы и брякнулась на земь—осколокъ русской бомбы ранилъ лошадь и раздробилъ Анатолю плечо; новая толпа охотниковъ шла съ пѣснями и гарцованіемъ мимо раненаго. Анатолю лишился сознанія.

Недѣль черезъ шесть Анатолю выздоравливалъ въ лазаретѣ отъ раны, но исторія съ плѣнными не проходила такъ скоро. Все время своей болѣзни онъ бредилъ о какихъ-то голубыхъ глазахъ, которые на него смотрѣли въ то время, какъ капитанъ командовалъ: «Вторая шеренга впередъ!». Больной спрашивалъ, гдѣ этотъ человѣкъ, просилъ его привести—онъ хотѣлъ ему что-то объяснить, и потомъ повторялъ слова Федосѣева: «какъ поляки живучи!»

Князь, жалѣвшій очень своего адъютанта, говорилъ, что онъ, повидимому, контуженъ въ голову и потому заговаривается, впрочемъ, надѣялся, что онъ выздоровѣетъ, и приводилъ въ примѣръ разныхъ раненыхъ въ голову въ 1812 и 13 годахъ.

Анатолю вышелъ въ отставку и поѣхалъ къ водамъ. Слабый отъ раны и убитый духомъ выѣхалъ онъ изъ Варшавы. Голубые глаза поляка преслѣдовали его, ему казалось, что онъ нѣсколько разъ встрѣчалъ молодого страдальца, который, можетъ, избѣгнулъ смерти. Ему казалось, что онъ узнаетъ то же выраженіе укора, безпокойной печали и презрѣнія, смѣшаннаго почти съ сожалѣніемъ. Нѣсколько разъ хотѣлось ему подойти взять за руку незнакомца и рассказать ему, какъ онъ попалъ на поле сраженія. Но польскія

раны были еще слишкомъ свѣжи, время понимать другъ друга и мириться еще не приходило, и онъ останавливался, боясь холоднаго отвѣта.

Въ Познани онъ на станціи вышелъ изъ коляски и велѣлъ ей ѣхать за собой, когда заложать лошадей, а самъ пошелъ пѣшкомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ деревни стояла въ небольшой нишѣ мадонна, передъ ней на колѣняхъ молился молодой полякъ... Опять онъ и, можетъ, въ самомъ дѣлѣ. Несчастный былъ скорѣе похожъ на мертвеца, умершаго послѣ изнурительной болѣзни и котораго забыли схоронить, нежели на живое существо лѣтъ двадцати. Онъ былъ въ военной шинели, рука лежала на перевязкѣ, челюсть и ухо были подвязаны, сухія посинѣвшія губы и бѣлая блѣдность свидѣтельствовали о лихорадкѣ и потери крови. Онъ только что перебрался черезъ границу и былъ еще весь подъ вліяніемъ счастливаго спасенія; Анатолю заговорилъ съ нимъ. Сначала раненый вздрогнулъ, не скрывая, что встрѣча съ русскимъ ему непріятна.

Анатолю не хотѣлъ пропустить этой встрѣчи; онъ взялъ его за руку и просилъ выслушать его. Онъ говорилъ долго и горячо. Удивленный полякъ слушалъ его со вниманіемъ, пристально смотрѣлъ на него и глубоко потрясенный, въ свою очередь, сказалъ ему: «Вы прилетѣли, какъ голубь въ ковчегъ, съ вѣстью о близости берега и именно въ ту минуту, когда я покинулъ родину и начинаю странническую жизнь. Наконецъ-то, начинается казнь нашихъ враговъ: станъ ихъ распадается, и если русскій офицеръ такъ говорить, какъ вы,—еще не все погибло!»

Анатолю былъ счастливъ; они поѣхали вмѣстѣ.

Что униженій, что холоду и оскорбленій долженъ былъ вынести Анатолю въ этомъ путешествіи. Для каждаго польскаго выходца въ то время путешествіе было рядомъ торжествъ, симпатическихъ пріемовъ; на каждаго русскаго народы смотрѣли съ затаенной злобой, какъ на сообщника Николая. Раза два графъ Ксаверій долженъ былъ, избѣгая непріятностей со стороны раздраженной толпы, выдавать Анатоля за поляка. Дѣйствительная нелюбовь къ русскимъ идетъ съ этого времени, мы ею обязаны Николаю.

Въ этой встрѣчѣ Анатоля съ графомъ Ксаверіемъ мнѣ хотѣлось представить нашу русскую натуру, широкую, но распущенную, многостороннюю, но не устоявшуюся въ соприкосновеніи съ натурой польской, опредѣленной, испытанной, односторонней, не идущей впередъ, но твердо стоящей на своей почвѣ.

У Анатоля были прекрасныя стремленія, но они больше опредѣлялись отрицательно и никогда не приходили въ ясность. У по-

ляка во внутренней жизни все было кончено, рѣшено, онъ шель своимъ путемъ, не возвращаясь къ точкѣ отправления, не подвергая всякій шагъ непрерывной критикѣ, не пытая его сомнѣніемъ. Въ его образѣ мыслей была очевидная непослѣдовательность, переломъ, но это не уменьшало его энергической дѣятельности и, главное, не мѣшало ему. Онъ былъ католикъ и революціонеръ, аристократъ и бунтовщикъ, свѣтскій человѣкъ въ нашемъ смыслѣ слова и породистый полякъ. Отважный, твердый фанатикъ чести, надежный заговорщикъ, онъ былъ безхитростенъ и беззаботенъ, какъ дитя, такъ что жизнь его, при всей тягости его положенія, шла легче, стройнѣе, нежели жизнь Анатоля, у котораго не было никакого внѣшняго несчастія.

Графъ Ксаверій долженъ былъ совершенно овладѣть Анатолемъ, познакомить его съ польскими іезуитами. Ихъ строгій чинъ, ихъ наружный покой, подъ которыми казались заморенными всѣ сомнѣнія и страсти, кромѣ вѣры и энергіи въ дѣлѣ прозелитизма, должны были потрясти его. Онъ искалъ куда-нибудь прислониться, онъ стоялъ слишкомъ одинокъ, слишкомъ оставленъ самъ на себя, безъ опредѣленной цѣли, безъ дѣла. Жена его умерла, съ родственниками у него было такъ же мало общаго, какъ съ московской жизнью вообще, никакой сильной связи, общаго интереса или общаго упованія. Опять та же жизнь, которая образовала поколѣніе Онѣгиныхъ, Чацкихъ и насъ всѣхъ...

Серьезность религіозныхъ убѣжденій католика или протестанта часто удивляетъ насъ; она еще больше должна была поразить Анатоля. Когда онъ воспитывался, тогда еще не было ни православныхъ славянофиловъ, ни полицейскаго православія, не было ни *на-кожнано* обращенія уніатовъ, ни мощей Митрофана Воронежскаго, ни путешествій къ святымъ мѣстамъ—чужимъ и своимъ—Муравьева¹⁾, ни духовнаго прозрѣнія Гоголя; Языковъ писалъ еще вакхическія пѣсни, а ирмосовъ и кондаковъ не только не писалъ, но и не читалъ. Церковь, приложивъ - - - - - печать дара духа святаго во время крещенія, оставляла человѣка въ покоѣ и сама почивала въ тишинѣ.

Но если религіознаго воспитанія не было въ ходу, то цивическое становилось со всякимъ днемъ труднѣе; за него ссылали на Кавказъ, брили лобъ. Отсюда то тяжелое состояніе нравственной праздности, которое толкаетъ живого человѣка къ чему-нибудь опредѣленному. Протестантовъ, идущихъ въ католицизмъ, я считаю сумасшедшими... но въ русскихъ я камнемъ не брошу—они могутъ

¹⁾ Андрей Николаевичъ.

съ отчаянія итти въ католицизмъ, пока въ Россіи не начнется новая эпоха.

Легко стало жить Анатолю, когда онъ переступилъ за порогъ монастыря и подпалъ строгому искусу ставленника-послушника. Покойная гавань, призывающая труждающихся, открывалась для него, онъ *слушался*, не разсуждая, и усталый къ вечеру отъ работы, усиленнаго изученія латинскаго языка и разныхъ утреннихъ и вечернихъ службъ, онъ засыпалъ покойно.

Но церковь призываетъ не однихъ труждающихся, но и нищихъ духомъ. Тутъ въ виду католическаго алтаря, хотѣлъ я представить послѣднюю битву его съ *долгомъ*. Пока продолжались искусство, ученіе, работа, все шло хорошо, но съ принятіемъ его въ братство Іисуса старый врагъ, скептицизмъ, снова проснулся; чѣмъ больше онъ смотрѣлъ изъ-за кулисъ на великолѣпную и таинственную обстановку католицизма, тѣмъ меньше онъ находилъ вѣры, и новый рядъ мучительныхъ страданій начался для него. Но тутъ выходъ былъ еще меньше возможенъ, нежели въ польской войнѣ. Развѣ не онъ самъ добровольно надѣлъ на себя эти вериги? Ихъ онъ рѣшился носить до конца жизни.

Мрачный, исхудалый, задавленный горькимъ сознаніемъ страшной ошибки, монахъ-Столыгинъ исполнялъ нѣсколько лѣтъ, какъ автоматъ, свои обязанности, скрывая отъ всѣхъ внутреннюю борьбу и страданія.

Инквизиторскій глазъ настоятеля ихъ разглядѣлъ. Боясь будущаго, онъ выхлопоталъ отъ Рогана почетную миссію для Столыгина въ Монтевидео. И наслѣдникъ Степана Степановича и Михайла Степановича, обладатель помѣстій въ Можайскомъ и Рузскомъ уѣздахъ, отправился на первомъ кораблѣ за океанъ проповѣдывать религію, въ которую не вѣрилъ, и умереть отъ желтой лихорадки...

Таковъ былъ мой планъ.

Ницца, осенью 1851.

◆◆ 1. Герценъ говоритъ о двухъ комитетахъ, учрежденныхъ Николаемъ I надъ обыкновенной цензурой: «Комитетъ 27 февраля 1848 года» и «Комитетъ 2 апрѣля 1848 года». Оба они должны были оберечь Россію отъ вѣяній революціонной Европы. Первый былъ подъ предсѣдательствомъ ген.-адъют. свѣтл. кн. А. С. Меншикова, и состоялъ изъ д. т. сов. Д. П. Бутурлина, бар. М. А. Корфа, ген.-адъютанта гр. Строганова 2-го, ген.-лейтенанта Дубельта и ст.-секретаря П. И. Дега. Этому комитету, между прочимъ, М. Е. Салтыковъ обязанъ своей высылкой въ Вятку. 2 апрѣля этотъ экстренный комитетъ былъ за-

мѣненъ другимъ подъ предсѣдательствомъ сначала Д. П. Бутурлина, а потомъ, за его смертью, ген.-адъютанта Н. Н. Анненкова, изъ членовъ: бар. М. А. Корфа и П. И. Дегая. О личномъ составѣ этихъ комитетовъ въ обществѣ составились невѣрные представленія, потому что оба дѣйствовали секретно и, обнаруживая своего предсѣдателя, который долженъ былъ обращаться съ официальными бумагами къ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, скрывали, однако, своихъ членовъ. Литераторы знали членовъ, но точный ихъ списокъ еще и въ 1853 г. не былъ извѣстенъ. Вотъ почему Герценъ представилъ составъ также невѣрно. Интересующіеся найдутъ подробности въ моей книгѣ «Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія».

721. Мимоѣздомъ.

(Отрывокъ).

..... Ъхавши какъ-то изъ деревни въ Москву, я остановился дня на два въ одномъ губернскомъ городѣ. На другое утро явилась ко мнѣ жена одного крестьянина изъ нашей вотчины, который торговалъ тутъ. Она была въ отчаяніи, мужъ ея сидѣлъ шестой мѣсяцъ въ острогѣ, и до нея дошелъ слухъ, что его скоро накажутъ. Я разспросилъ дѣло; никакой важности въ преступленіи его не было.

Я знавалъ когда-то товарища предсѣдателя, честнѣйшаго чело-вѣка въ мірѣ и большого оригинала; отправляюсь прямо къ нему въ уголовную палату; присутствіе еще не начиналось, мой старичокъ со своимъ добродушнымъ лицомъ и съ синими очками на глазахъ сидѣлъ одинъ одиноконекъ, читая страшной толщины дѣло. Мы съ нимъ не видались года три; онъ обрадовался мнѣ, и я ему обрадовался, не потому, чтобы мы другъ друга особенно любили, а потому, что чело-вѣкъ всегда радуется, когда увидитъ знакомыя черты послѣ долгаго отсутствія. Я сказалъ ему о причинахъ моего появленія. Онъ велѣлъ подать дѣло,—резолуція была подготовлена; я попросилъ его обратить вниманіе на нѣкоторыя «облегчающія обстоятель-ства»; онъ согласился въ возможности уменьшить наказаніе.

Поблагодаривши его, я не могъ удержаться, чтобы не сказать ему, дружески взявши его за руку:

— Владиміръ Яковлевичъ, ну, а еслибъ я не пришелъ да не попросилъ бы васъ перечитать дѣло, мужика-то бы наказали строже, нежели надобно?

— Что дѣлать, батюшка,—отвѣчалъ старикъ, поднимая свои синіе очки на лобъ,—совѣсть у меня чиста; я, не читавши всего дѣла, никогда не подпишу протокола, но, признаюсь, какъ огня, боюсь отыскивать облегчающія причины.

— Ну, васъ нельзя обвинить ни въ снисходительности, ни въ особомъ желаніи облегчить участь подсудимаго.

— Совсѣмъ напротивъ. Я двадцатый годъ служу въ этой палатѣ, а всякій разъ, какъ придется подписывать строгій приговоръ, такъ мурашки по тѣлу пробѣгутъ.

— Такъ отчего же вы не любите облегчающихъ обстоятельствъ?

— Ведутъ далеко, вотъ что; право, вы, нынѣшніе, все только вершки хватаете. Ну, вѣдь, вы, чай, служили тамъ гдѣ-нибудь въ министерствѣ, а дѣла навѣрное въ руки не брали; но вамъ оно—все темная грамота. Не хотите ли позаняться у насъ въ архивѣ? прочтите дѣла хоть за два послѣдніе года,—впередъ пригодится, и судопроизводство узнаете, и людей тоже. Тутъ и поймете, что такое отыскивать оправданія и куда это ведетъ.

— Благодарю за доброе предложеніе; однако, прежде, нежели я переѣду въ вашъ архивъ на нѣсколько мѣсяцевъ,—скорѣе не прочтешъ двухъ полокъ,—объясните теперь еще болѣе непонятное для меня отвращеніе ваше отъ облегчающихъ обстоятельствъ. Хлопотъ, что ли, много, времени недостаетъ рыться въ каждомъ дѣлѣ?

— Господи, прости мои прегрѣшенія, да что я, батюшка, въ вашихъ глазахъ турка или яacobинецъ какой, что изъ лѣни (замѣтьте, яacobинцевъ во всемъ обвиняли прежде, но исключительно Владиміру Яковлевичу принадлежитъ честь обвиненія ихъ въ лѣни) стану усугублять участь несчастнаго?! Говорю вамъ: далеко поведетъ.

— Воля ваша, я готовъ согласиться, что я непростительно тупъ, но не понимаю васъ.

— О... о... охъ, эти мнѣ петербургскіе чиновники: портфельчикъ эдакой сафьянный съ золотымъ замочкомъ подъ мышкой, а плохіе дѣлцы. Да помилуйте, возьмите любое дѣло да начните отыскивать облегчающія обстоятельства... Отъ одного къ другому, отъ другого къ третьему, такъ къ концу-то и выйдетъ, что виноватаго вовсе нѣтъ. Что же за порядки?

— Тѣмъ лучше.

— Такъ это, по-вашему, за все по головкѣ гладить? Это гдѣ-нибудь въ Филадельфіи хорошо, гдѣ люди другъ друга ѣдятъ; какъ же въ благоустроенномъ обществѣ виноватаго не наказать?

— Да какой же онъ виноватый, когда вы сами найдете ему оправданіе?

— Ну, да эдакъ и всякаго оправдаешь, коли дать волю мудрованіямъ. Я развѣ затѣмъ тутъ посаженъ? Я—старого покроя человѣкъ, мое дѣло—буквальное исполненіе; да и такъ нехорошо. Ну, какъ же? видишь, что человѣкъ укралъ; воръ есть, а тутъ пойдетъ: да онъ отъ голоду укралъ, да мать больна, да отецъ умеръ, когда ему было три года, онъ по міру съ тѣхъ поръ ходилъ, привыкъ бродяжничать... и конца нѣтъ. Такъ вора и оставить безъ наказанія? Нѣтъ, батюшка; собственное сознаніе есть, улики есть, — прошу не гнѣваться, XV томъ свода законовъ да статейку. Вотъ оттого эти облегчительныя обстоятельства для меня ножъ вострый, мѣшаютъ ясному пониманію дѣла. Теперь я, знаете, понаторѣлъ и попривыкъ, а бывало сначала, ей Богу, измучишься,—такой скверный нравъ. Ночью придетъ дѣло въ голову, вникнешь, поразсудишь; не виноватъ да и только, точно на смѣхъ уснуть не даетъ. Кажется, изъ чего хлопотать? не то, что родной или другъ, а такъ бродяга, мерзавецъ, бѣглый... Поди ты, а сердце кровью обливается. Оправдай этого, оправдай другого, а тамъ третьяго... На что же это похоже? я себя на службѣ не замаралъ, честное имя хочу до могилы сохранить. Что же начальство скажетъ? все оправдываетъ, словно дуракъ какой-нибудь,—да и самому совѣстно. Я думалъ, думалъ, да и пересталъ искать облегчающихъ причинъ. Наша служба мудреная, не то что въ гражданской палатѣ, — довѣренность засвидѣтельствовалъ, купчую совершилъ, духовную утвердилъ, отпускную скрѣпилъ да и спи спокойно. А тутъ подумаешь, такой-то Еремѣй, вотъ двѣ недѣли тому назадъ, тутъ стоялъ, говорилъ, а идетъ теперь по Владимірской; такая-то Акулина идетъ тоже, да и знаете того... на ногахъ... ну, и сдѣлается жаль. Понимаете теперь?

— Понимаю, понимаю, добрѣйшій и почтеннѣйшій Владиміръ Яковлевичъ. Прощайте, этого разговора я не забуду.

— Пожалуйста, батюшка, по Питеру-то не рассказывай такого вздору,—ну, что скажетъ министръ или особа какая? «Баба, а не товарищъ предсѣдателя».

— О, нѣтъ, нѣтъ, будьте увѣрены,—я вообще *съ особами* ни о чемъ не говорю.

Москва, май, 1846.

722. Поврежденный.

(ПОВѢСТЬ).

I.

...Въ одну очень тяжелую эпоху моей жизни, послѣ бурь и утратъ и передъ еще бѣльшими бурями и утратами, встрѣтилъ я одно странное лицо, котораго слова и сужденія мнѣ сдѣлались больше понятны спустя нѣкоторое время.

Человѣкъ этотъ попался мнѣ на дорогѣ, точно какъ эти мистическія лица чернокнижниковъ, пилигримовъ, пустынниковъ являются въ средневѣковыхъ разсказахъ для того, чтобы приготовить героя къ печальнымъ событіямъ, къ страшнымъ ударамъ, впередъ примиряя съ судьбой, вооружая терпѣніемъ, укрѣпляя думами.

Дѣло было на Корниче ¹⁾.

Я приплылъ на лодкѣ изъ Ниццы въ небольшой городокъ; отсюда я собирался ѣхать сухимъ путемъ, но лошади единственнаго ветурина только что воротились, надобно было имъ дать отдохнуть, по его словамъ, «два маленькихъ часа», что значило, по крайней мѣрѣ, четыре очень большихъ. Мнѣ было некуда торопиться и совершенно все равно, днемъ позже или раньше прїѣду въ Геную. Я заказалъ себѣ завтракъ и пошелъ бродить по берегу.

Какое счастье, что есть на свѣтѣ полоса земли, гдѣ природа такъ удивительно хороша и гдѣ можно еще жить до поры до времени свободному человѣку.

Когда душа носитъ въ себѣ великую печаль, когда человѣкъ не настолько сладилъ съ собою, чтобы примириться съ прошедшимъ, чтобы успокоиться на пониманіи, ему нужна и даль, и горы, и море, и теплый, кроткій воздухъ; нужны для того, чтобы грусть не превращалась въ ожесточеніе, въ отчаяніе, чтобы онъ не зачерствѣлъ. Хорошій край нужнѣе хорошихъ людей. Люди готовы сострадать, но почти никогда не умѣютъ; отъ ихъ состраданія становится хуже, они бередятъ раны, они неловки. Сверхъ того, люди бѣсятъ или разсѣиваютъ; къ чему еще бѣситься, къ чему, съ другой сто-

¹⁾ Береговая полоса отъ Генуи до Ниццы.

роны, бѣжать отъ печали? это такъ же робко и слабо, какъ глупо бѣжать отъ наслажденій, когда они еще веселятъ.

Досадно, что я не пишу стиховъ. Рѣчи объ этомъ краѣ необходимъ ритмъ такъ, какъ онъ необходимъ морю, которое мѣрными стопами вовѣки не скончаемыхъ гекзаметровъ плещетъ въ пышный карнизъ Италіи. Стихами легко рассказывается именно то, чего не уловишь прозой... Едва очерченная и замѣченная форма, чуть слышный звукъ, не совсѣмъ пробужденное чувство—еще не мысль... Въ прозѣ просто совѣстно повторять этотъ лепетъ сердца и шопотъ фантазіи.

День былъ удивительный; жаръ только что начинался; яркое утреннее солнце освѣщало маленькій городокъ, померанцевую рощу и море. Пригорокъ былъ покрытъ лѣсомъ маслинъ. Я легъ подъ старой, тѣнистой оливой, недалеко отъ берега и долго смотрѣлъ, какъ одна волна за другою шла длинной, выгнутой линіей, подымалась, хмурилась, начинала закипать и разливалась, пропадая струями и пѣной, въ то время, какъ слѣдующая съ тѣмъ же важнымъ и стройнымъ видомъ хмурилась и закипала, чтобы разлиться. Намъ такъ чуждо все безкорыстное, такъ дешево все настоящее, что и въ вѣчномъ колыханіи природы человѣкъ невольно ждетъ чего-то—слѣдующей волны, развязки... Вотъ теперь, кажется, что-то да выйдетъ... Кажется, что теперь... А волна опять разлилась и шумитъ, шурстя камнями, которые утягиваетъ съ собою въ глубь, чтобы при первомъ вѣтрѣ выбросить ихъ снова на берегъ.

Волна моей жизни, думалось мнѣ, тоже перегнулась и течетъ вспять, я чувствую, какъ она отступаетъ, касается каменьева, дна и берега, какъ увлекаетъ меня назадъ, не обращая вниманія ни на ушибы, ни на усталъ и нашептывая въ утѣшеніе:

Погоди немного,
Отдохнешь и ты!

...Наша жизнь вовсе не наша, все дѣлается помимо насъ.

Человѣкъ растетъ, растетъ, складывается и прежде, нежели замѣчаетъ, идетъ ужъ подъ гору. Вдругъ какой-нибудь ударъ будитъ его, и онъ съ удивленіемъ видитъ, что жизнь не только сложилась, но и прошла. Онъ тутъ только замѣчаетъ тягость въ членахъ, сѣдые волосы, усталъ въ сердцѣ, вялость въ чувствахъ. Помочь нечѣмъ. Узелъ, которымъ организмъ связанъ и затянута, личность слабѣетъ. Жгучія страсти выдыхаются въ успокоивающія разсужденія, дикіе порывы—въ благоразумныя отмѣтки, сердце холдѣетъ, привыкаетъ ко всему, мало требуетъ, мало даетъ, хими-

ческое сродство, гдѣ можетъ, утягиваетъ составныя части въ минеральный міръ и замѣняетъ ихъ чѣмъ-то мертвымъ, каменнымъ. Безличная мысль и безличная природа одолавають мало-по-малу человѣкомъ и влекутъ его безостановочно на свои вѣчныя, неотвратимыя кладбища логики и стихійнаго бытія...

II.

...Когда я пришелъ въ гостиницу, на дворѣ уже было очень жарко; я сѣлъ на балконѣ. Передъ глазами тянулась длинной ниткой обожженная солнцемъ дорога; она шла у самаго моря, по узенькой нарѣзкѣ, огибавшей гору. Мулы, звоня бубенчиками и украшенные красными кисточками, везли боченки вина, осторожно переступая съ ноги на ногу; медленное шествіе ихъ нарушилось дорожной каретой; почтальонъ хлопалъ бичемъ и кричалъ, мулы жались къ скалистой стѣнѣ, возчики бранились, карета, покрытая густыми слоями пыли, приближалась больше и больше и остановилась подъ балкономъ, на которомъ я сидѣлъ.

Почтальонъ соскочилъ съ лошади и сталъ откладывать; толстый трактирщикъ въ фуражкѣ національной гвардіи отворилъ дверцы и два раза привѣтствовалъ княжескимъ титуломъ сидѣвшихъ въ каретѣ прежде, нежели слуга, спавшій на козлахъ, пришелъ въ себя и, потягиваясь, сошелъ на землю.

Такъ спятъ на козлахъ и такъ аппетитно тянутся только русскіе слуги, подумалъ я и пристально посмотрѣлъ на его лицо; русые усы, сдѣлавшіеся свѣтлобурыми отъ пыли, широкій носъ, бакенбарды, пущенные прямо въ усы на половинѣ лица, и особый національный характеръ всѣхъ его приемовъ убѣдили меня окончательно, что почтенный незнакомецъ былъ родомъ изъ какой-нибудь тамбовской, пензенской или симбирской передней. Какъ ни философствуй и не клевети на себя, но есть что-то шевелящееся въ сердцѣ, когда вдругъ неожиданно встрѣчаешь въ дальней дали своихъ соотечественниковъ. Между тѣмъ, изъ кареты выскочилъ чловѣкъ лѣтъ тридцати, съ сытымъ, здоровымъ и веселымъ видомъ, который даетъ беззаботность, славное пищевареніе и не излишне развитые нервы. Онъ посадилъ на носъ верховые очки, висѣвшіе на шнуркѣ, посмотрѣлъ направо, посмотрѣлъ налево и съ дѣтскимъ простодушіемъ закричалъ спутнику въ каретѣ:

— Чудо какое мѣсто, ей Богу, прелесть, вотъ Италия, такъ Италия! небо-то, небо синее, яхонть! Отсюда начинается Италия!

— Вы это шестой разъ говорите съ Авиньона,—замѣтилъ

его товарищъ усталымъ и нервнымъ голосомъ, медленно выходя изъ кареты.

Это былъ худощавый, высокій человекъ, гораздо постарше перваго; онъ почти весь былъ одного цвѣта, на немъ было свѣтло-зеленое пальто, фуражка изъ небѣленаго батиста, подъ цвѣтъ бѣлокурымъ волосамъ, покрытымъ пылью; слабые глаза его отгѣнялись свѣтлыми рѣсницами и, наконецъ, лицо, завялое и болѣзненное, было больше изжелта-зеленоватое, нежели блѣдное.

Печальная фигура посмотрѣла молча въ ту сторону, въ которую показывалъ его товарищъ, не выражая ни удивленія, ни удовольствія.

— Вѣдь, это все оливы, все оливы!—продолжалъ молодой человекъ.

— Оливовая зелень прескучная и преоднообразная,—возразилъ свѣтлозеленый товарищъ;—наши березовыя рощи красивѣе.

Ба, подумалъ я, да это старые знакомые: это Ноздревъ и Межуевъ, переложенные на новые нравы и ѣдущіе не въ Заманиловку, а въ Санъ-Ремо.

Молодой человекъ покачалъ головой, какъ будто хотѣлъ сказать: «неисправимъ, хоть брось!», и взглянулъ наверхъ. Лицо его показалось мнѣ знакомо, но сколько я ни старался, я не могъ припомнить, гдѣ я его видѣлъ. Русскихъ вообще трудно узнавать въ чужихъ краяхъ: они въ Россіи ходятъ по-нѣмецки, безъ бороды, а въ Европѣ—по-русски, отращивая съ невѣроятной скоростью бороду.

Мнѣ не пришлось долго ломать головы. Молодой человекъ съ тѣмъ добродушіемъ и съ той беззаботной сытостью въ выраженіи, съ которыми радовался оливамъ, бѣжалъ ко мнѣ и кричалъ по-русски:

— Вотъ не думалъ, не гадалъ! Истинно говорятъ: гора съ горой не сходится... Да вы меня, кажется, не узнаете? Старыхъ знакомыхъ забывать стали?

— Теперь-то очень узнаю; вы ужасно переменились: и борода, и растолстѣли, и похорошѣли, такіе стали—кровь съ молокомъ.

— *In corpore sano, mens sana* ¹⁾,—отвѣчалъ онъ, отъ души смѣясь и показывая рядъ зубовъ, которому бы позавидовалъ волкъ.—И вы переменились, постарѣли... А что? жизнь-то кладетъ свои нарѣзки? Впрочемъ, мы четыре года не видались; много воды утекло съ тѣхъ поръ.

— Не мало. Какъ вы сюда попали?

— Ёду съ больнымъ...

¹⁾ Въ здоровомъ тѣлѣ—здоровый духъ.

Это былъ лѣкарь московскаго университета, исправлявшій нѣкогда должность прозектора; лѣтъ пять передъ тѣмъ я занимался анатоміей и тогда познакомился съ нимъ. Онъ былъ добрый, услужливый малый, необыкновенно прилежный, усердно занимавшійся наукою à livre ouvert ¹⁾, т. е. никогда не ломая себѣ головы ни надъ однимъ вопросомъ, который не былъ разрѣшенъ другими, но отлично знавшій всѣ разрѣшенные вопросы.

— А! такъ этотъ зеленый товарищъ—вашъ больной. Куда же вы его дѣли?

— Это такой экземпляръ, что и въ Италиі у васъ не скоро сыщешь. Вотъ чудакъ-то! Машина была хороша, да немного повредилась (при этомъ онъ показалъ пальцемъ на лобъ), я и чиню ее теперь. Онъ шелъ сюда, да чортъ меня дернулъ сказать, что я васъ знаю,—онъ перепугался; ипохондрія, доходящая до маніи; иногда онъ цѣлые дни молчитъ, а иногда говоритъ, говоритъ такія вещи, ну, просто волосъ дыбомъ становится; все отвергаетъ, все,—оно ужъ эдакъ черезъ край; я самъ, знаете, не очень бабьимъ сказкамъ вѣрю, однакожъ, все же есть что-то. Впрочемъ, онъ претихій и предобрый; ему ѣхать за границу вовсе не хотѣлось. Родные угоривали,—знаете, съ рукъ долой, ну, да и языка-то его побаивались,—лакеи, дворники, все на откупѣ у полиціи, поди тамъ оправдывайся. Ему хотѣлось въ деревню, а имѣніе у него съ сестрой недѣленное; та и перепугалась: коммунизмъ, говоритъ, будетъ мужикамъ проповѣдовать, тутъ и собирай недоимку. Наконецъ, онъ согласился ѣхать, только непременно въ южную Италию, Magna Grecia ²⁾! Отправляется въ Калабрію и вашъ покорный слуга съ нимъ въ качествѣ лейбъ-медика. Помилуйте, что за мѣсто? тамъ, кромѣ бандитовъ да поповъ, человѣка не найдешь; я вотъ проѣздомъ въ Марсель купилъ себѣ пистолетъ-револьверъ, знаете, четыре ствола такъ повертываются?

— Знаю. Однакожъ, должность ваша не изъ самыхъ веселыхъ—быть безпрестанно съ сумасшедшимъ.

— Вѣдь, онъ не въ самомъ дѣлѣ на стѣну лѣзетъ или кушается. Онъ меня даже любитъ по-своему, хотя и не дастъ слова сказать, чтобы не возразить. Я, впрочемъ, совершенно доволенъ; получаю тысячу серебромъ въ годъ на всемъ готовомъ, даже сигарокъ не покупаю. Онъ очень деликатень, что до этого касается. Чего-нибудь стоитъ и то, что на свѣтъ посмотришь. Да, послушайте, надобно вамъ показать моего чудака.

¹⁾ Непосредственно, «съ листа».

²⁾ Великая Греція—названіе южной Италиі, прежде бывшее названіемъ всѣхъ находившихся тамъ греческихъ колоній.

— Богъ съ нимъ совсѣмъ. Кстати, вы не только другихъ не знакомьте, но и сами будьте осторожны: со мной вѣрноподданнымъ дозволяется только грубить, а не то васъ, пожалуй, послѣ возвращенія изъ Италіи въ такую Калабрію пошлютъ, гдѣ ни поповъ, ни разбойниковъ нѣтъ. А, можетъ быть, и *peggio* ¹⁾—такое зададутъ *agreggio* ²⁾.

— Ха, ха, ха! Экъ языкъ-то, языкъ, все тотъ же, все съ ядомъ, все бы кусаться, вотъ, небось, этого не забыли—*agreggio*. Не боимся мы: наше дѣло медицинское; ну, позовутъ къ Леонтію Васильевичу ³⁾, что же? Я скажу откровенно: помилуйте, генералъ, на дорогѣ встрѣтилъ человѣка, безъ живота лежитъ, не можетъ дальше ѣхать, ну, я ему лауданума съ мятой далъ, это—обязанность званія, долгъ человѣчества. Онъ, вѣдь, и пойметъ, что это вздоръ, ну да,—умный человѣкъ, надоѣло же все въ Сибирь да въ Сибирь; скажетъ: ну, впередъ будьте осторожны, я говорю для вашего собственнаго блага, это отеческій совѣтъ,—такъ и отпуститъ. Нынче у насъ какъ-то меньше смотрятъ за этимъ, ей-Богу; у Излера ⁴⁾ «Пресса» лежитъ такъ, какъ «Петербургскія Вѣдомости», просто на столѣ лежитъ.

— И притомъ еще отборные номера, не такъ, какъ здѣсь сплошь да рядомъ.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, много, небось, вы здѣсь выиграли февральской революціей?

— У... у... да вы преопасный человѣкъ, вы ужъ разрѣшили эдакъ о мятежахъ и злоумышленникахъ говорить; смотрите, до добра это не доведетъ.

— Я притащу моего паціента,—ну, что вамъ въ самомъ дѣлѣ? черезъ часъ разъѣдетесь; онъ предобрѣйшій человѣкъ и былъ бы преумный.

— Еслибъ не сошелъ съ ума.

— Это несчастіе... Вамъ, ей Богу, все равно, а ему разсѣяніе и нужно и полезно.

— Вы уже меня начинаете употреблять съ фармацевтическими цѣлями,—замѣтилъ я, но лѣкарь уже летѣлъ по коридору.

Я не подчинился бы его желанію и его русской распорядительности чужою волею, но меня, наконецъ, интересовалъ свѣтло-зеленый коммунистъ-помѣщикъ, и я остался его ждать.

¹⁾ Хуже.

²⁾ Музыкальный терминъ—раздробленіе аккордовъ.

³⁾ Дубельтъ.

⁴⁾ Иванъ Ивановичъ, предприимчивый рестораторъ и антрепренеръ въ Спб.

Онъ взмошлъ робко и застѣнчиво, кланялся мнѣ какъ-то больше, нежели нужно, и нервно улыбался. Чрезвычайно подвижные мускулы лица придавали странное и неуловимое колебаніе его чертамъ, которыя непрерывно мѣнялись и переходили изъ грустно печальнаго въ насмѣшливое, а иногда даже въ простоватое выраженіе. Въ его глазахъ, по большей части никуда не смотрѣвшихъ, была замѣтна привычка сосредоточенности и большая внутренняя работа, подтверждавшаяся морщинами на лбу, которыя всѣ были сдвинуты надъ бровями. Не даромъ и не въ одинъ годъ мозгъ выдавилъ черезъ костяную оболочку свою такой лобъ и съ такими морщинами, не даромъ и мускулы лица сдѣлались такими подвижными.

— Евгений Николаевичъ,—говорилъ ему лѣкаръ,—позвольте васъ познакомить. Представьте, какой странный случай! вотъ гдѣ встрѣтился,—старый пріятель, съ которымъ вмѣстѣ кошекъ и собакъ рѣзали.

Евгеній Николаевичъ улыбался и бормоталъ:

— Очень радъ... случай... такъ неожиданно... вы извините.

— А помните,—продолжалъ лѣкаръ,—какъ мы собачонкѣ сторожа Сычева перерѣзали пневмогастрическій нервъ,—закашляла голубушка.

Евгеній Николаевичъ сдѣлалъ гримасу, посмотрѣлъ въ окно и, откашлянувъ раза два, спросилъ меня:

— Вы давно изволили оставить Россію?

— Пятый годъ.

— И ничего, привыкаете къ здѣшней жизни?—спросилъ Евгений Николаевичъ и покраснѣлъ.

— Ничего.

— Да-съ, но очень неприятная, скучная жизнь за границей.

— И въ границахъ,—прибавилъ развязный лѣкаръ.

Вдругъ, чего я никакъ не ожидалъ, мой Евгений Николаевичъ покотился со смѣху и, наконецъ, послѣ долгихъ усилий, успѣлъ настолько успокоиться, чтобы сказать прерывающимся голосомъ:

— Вотъ, Филиппъ Даниловичъ все со мной спорить, ха, ха, ха... Я говорю, что земной шаръ—или неудавшаяся планета или большая; а онъ говоритъ, что это пустяки; какъ же послѣ этого объяснить, что за границей и дома жить скучно, противно?

Онъ опять расхохотался до того, что жилы на лбу налились кровью. Лѣкаръ лукаво подмигнулъ мнѣ съ такимъ видомъ превосходства, что мнѣ стало его ужасно жаль.

— Отчего же не быть больнымъ планетамъ,—спросилъ пресерьезно Евгений Николаевичъ,—если есть больные люди?

— Оттого,—отвѣчалъ лѣкарь за меня,—что планета не чувствуетъ; гдѣ нѣтъ нервовъ, такъ нѣтъ и боли.

— А мы съ вами что? Да для болѣзни нервовъ и не нужно, бываетъ же виноградъ боленъ и картофель? Я того и смотрю, что земной шаръ или лопнетъ, или сорвется съ орбиты и полетитъ. Какъ это будетъ странно: и Калабрія, и Николай Павловичъ съ Зимнимъ дворцомъ, и мы съ вами, Филиппъ Даниловичъ,—все полетитъ и вашего пистолета не нужно будетъ.

Онъ снова расхохотался и въ ту же минуту продолжалъ со-страстной настойчивостью, обращаясь ко мнѣ:

— Такъ жить нельзя; вѣдь, это очевидно надобно, чтобы что-нибудь да сдѣлалось; лучше планетѣ сызнова начать; настоящее развитіе очень неудачно, есть какой-то фаутъ ¹⁾). При составѣ, что-ли, или когда мѣсяцъ отдѣлялся, что-то не сладилось, все идетъ съ тѣхъ поръ не такъ, какъ слѣдуетъ. Сначала болѣзни были острыя: каковъ былъ жаръ внутренній во время геологическихъ переворотовъ! Жизнь взяла верхъ, но болѣзнь оставила слѣды. Равновѣсіе потеряно, планета мечется изъ стороны въ сторону. Сначала ударилась въ количественную нелѣпость; ну, пошли ящерицы съ домъ величины, папоротники такіе, что однимъ листомъ экзерциргаузъ покрыть можно; ну, разумѣется, все это перемерло, какъ же такимъ нелѣпостямъ жить? Теперь въ качественную сторону пошло,—еще хуже: мозгъ, мозгъ, нервы; развивались, развивались до того, что умъ за разумъ зашелъ. Исторія сгубить человѣка; вы, что хотите, говорите, а увидите—сгубить.

Послѣ этой выходки Евгеній Николаевичъ замолчалъ. Подали завтракъ; онъ очень мало ѣлъ, очень мало пилъ и во все время ничего не говорилъ, кромѣ «да» и «нѣтъ». Передъ концомъ завтрака онъ спросилъ бордо, налилъ рюмку, отвѣдалъ и поставилъ ее съ отвращеніемъ.

— Что,—спросилъ лѣкарь,—видно, скверное?

— Скверное,—отвѣчалъ пациентъ, и лѣкарь принялся стыдить трактирщика, бранить слугу, удивляться корыстолюбію людей, ихъ эгоизму, упрекалъ въ томъ, что трактирщики берутъ 35 процентовъ и, все-таки, обманываютъ.

Евгеній Николаевичъ равнодушно замѣтилъ, что онъ не понимаетъ, за что сердится лѣкарь, что онъ, съ своей стороны, не видитъ, отчего трактирщику не брать 65 процентовъ, если онъ можетъ, и что онъ очень умно дѣлаетъ, продавая скверное вино, пока его покупаютъ.

Этимъ нравственнымъ замѣчаніемъ кончился нашъ завтракъ.

¹⁾ Faute—недостатокъ, ошибка.

III.

Поврежденный съ самаго перваго разговора удивилъ меня независимо отвагой больного ума. Онъ былъ явнымъ образомъ «надломленъ» и, хотя лѣкарь увѣрялъ меня, что онъ во всю жизнь не имѣлъ ни большого несчастья, ни большихъ потрясеній, я плохо вѣрилъ въ психологію моего добраго прозектора.

Мы поѣхали вмѣстѣ въ Геную и остановились въ одномъ изъ дворцовъ, разжалованныхъ въ нашъ мѣщанскій вѣкъ въ отели. Евгенийъ Николаевичъ не показывалъ ни особеннаго интереса къ моимъ бесѣдамъ, ни особеннаго отвращенія отъ нихъ. Съ докторомъ онъ безпрестанно спорилъ.

Когда темныя минуты ипохондріи подавляли его, онъ удалялся, запирался въ комнатѣ, рѣдко выходилъ, былъ желто-блѣденъ, дрожалъ, какъ въ ознобѣ, а иногда, казалось, глаза его были заплаканы. Лѣкарь побаивался за его жизнь, бралъ глупыя предосторожности, удалялъ бритвы и пистолеты, мучилъ больного разводящими и ослабляющими нервы лѣкарствами, сажалъ его въ теплую ванну съ ароматической травой. Тотъ слушался съ желчной и озлобленной страдательностью, возражая на все и все исполняя, какъ избалованное дитя.

Въ свѣтлыя минуты онъ былъ тихъ, мало говорилъ, но вдругъ рѣчь его неслась, какъ изъ прорвавшейся плотины, прерываемая спазматическимъ смѣхомъ и нервнымъ сжатіемъ горла, и потомъ, скошенная середь дороги, она останавливалась, оставляя слушающаго въ тоскливомъ раздумьи. Его странныя парадоксальныя выходки казались ему легкими, какъ таблица умноженія. Взглядъ его, дѣйствительно, былъ вѣренъ и послѣдователенъ тѣмъ произвольнымъ началамъ, которыя онъ бралъ за основу.

Онъ много зналъ, но авторитеты на него не имѣли ни малѣйшаго вліянія: это всего болѣе оскорбляло хорошо учившагося лѣкаря, который ссылался, какъ на окончательный судъ, на Кювье или на Гумбольдта.

— Да отчего мнѣ — возражалъ Евгенийъ Николаевичъ — такъ думать, какъ Гумбольдтъ? Онъ умный человекъ, много ѣздилъ, интересно знать, что онъ видѣлъ и что онъ думаетъ, но меня-то это не обязываетъ думать, какъ онъ. Гумбольдтъ носитъ синій фракъ,—что-же, и мнѣ носить синій фракъ? Вотъ, небось, Моисею такъ вы не вѣрите.

— Знаете-ли,—говорилъ глубоко уязвленный докторъ, обра-

щая рѣчь ко мнѣ,—что Евгеній Николаевичъ не видитъ разницы между религіей и наукой? что скажете?

— Разницы нѣтъ—прибавилъ тотъ утвердительно;—развѣ то, что они одно и то же говорятъ на двухъ нарѣчіяхъ.

— Да еще то, что одна основана на чудесахъ, а другая на умѣ, одна требуетъ вѣры, а другая знанія.

— Ну, чудеса-то тамъ и тутъ, все равно, только что религія идетъ отъ нихъ, а наука къ нимъ приходитъ. Религія такъ ужъ откровенно и говоритъ, что умомъ не поймешь, а есть, говоритъ, другой умъ поумнѣе, тотъ, молъ, сказывалъ вотъ такъ и такъ. А наука обманываетъ, воображая, что понимаетъ *какъ...* А, въ сущности, и та и другая доказываютъ одно, что человѣкъъ неспособенъ знать всего, а такъ кое-что таки понимаетъ; въ этомъ сознаться не хочется, ну, по слабости человѣческой, люди и вѣрятъ, одни Моисею, другіе Кювье; какая повѣрка тутъ? Одинъ рассказываетъ, какъ Богъ создавалъ звѣрей и траву, а другой—какъ ихъ создавала жизненная сила. Противоположность не между знаніемъ и откровеніемъ, въ самомъ дѣлѣ, а между сомнѣніемъ и принятіемъ на вѣру.

— Да на что же мнѣ принимать на вѣру какія-нибудь патологическія истины, когда я ихъ умомъ вывожу изъ законовъ организма?

— Конечно, было бы не нужно, да, вѣдь, ни вы и никто другой не знаетъ этихъ законовъ, ну, такъ оно и приходится вѣрить да помнить.

Въ мірѣ не было человѣка, менѣе способнаго ладить съ нашимъ чудакомъ, какъ лѣкарь; онъ вовсе не былъ глупъ, но принадлежалъ къ числу тѣхъ свѣтлыхъ, практическихъ умовъ, умовъ подкожныхъ, такъ сказать, которые дальше разсудочныхъ категорій и общепринятыхъ мнѣній не только не идутъ, но и не могутъ итти. Онъ удивлялся, какъ я могъ иной разъ артистически наслаждаться разговорами Евгенія Николаевича и брать его сторону; я утѣшалъ его, говоря: «свой своему—поневолѣ братъ».

— Однако, нѣкоторые законы организма намъ извѣстны,—возражалъ защитникъ наукъ.

— Какіе же, напримѣръ?

— Мало ли, я не знаю; да чтобы далеко не искать, вотъ вамъ общій законъ: все родившееся должно умереть.

— Зачѣмъ же?—возразилъ Евгеній Николаевичъ—Что за долгъ умирать? Да это и не законъ, это такъ, фактъ, внутренней необходимости никакой нѣтъ въ смерти; неужели вы думаете, что медицина не дойдетъ до того, чтобы продолжать жизнь до безконечности?

При этомъ вопросѣ и я, грѣшный человѣкъ, взглянулъ на него почти такъ же, какъ докторъ.

— Я много встрѣчалъ людей,—замѣтилъ я, въ свою очередь,—вѣрящихъ и невѣрящихъ въ безсмертіе души, но вы первый, который не вѣрите въ смертность тѣла.

— Какъ не вѣрить? я не то говорю; я только не вижу никакой серьезной необходимости въ смерти. Жить значитъ ѣсть окружающее; если пища будетъ поддерживать химическій процессъ, онъ и продолжится. Если пища будетъ мѣшать костямъ каменѣть, хрящу—дѣлаться костью, крови—становиться гуще или жиже, нежели надобно, на что же умирать? Родившееся должно жить; оно умираетъ не потому, что родилось, а потому, что не ту пищу нужно. Слѣдуетъ ли теперь изъ того, что мы плохіе повара, что смерть нельзя удалить на безконечное время? Жизнь лучше не просить, какъ продолжаться.

— Со стороны послушаешь, точно будто и дѣло—сказалъ Филиппъ Даниловичъ.—А вотъ какъ намъ быть съ этимъ, если медицина дойдетъ до того, что людей будутъ лѣчить отъ смерти, а планета, которая, по вашему, сильно хирѣетъ, совсѣмъ зачахнетъ и умретъ? Странное будетъ положеніе: переѣзжать придется на луну или прямо на Венеру.

Вопросъ этотъ нѣсколько смутилъ Евгенія Николаевича; онъ задумался, походилъ по комнатѣ и потомъ съ видомъ человѣка, доискавшагося до важнаго разрѣшенія, отвѣтилъ:

— Tout bien pris ¹⁾, болѣзнь не такъ глубока, я, можетъ, ошибался; во-первыхъ, ужъ то хорошо, что болѣзнь специальная—одинъ только родъ человѣческой ею пораженъ. Да и родъ-то человѣческой не весь боленъ. Это—мѣстная болѣзнь, эндемическая въ одной Европѣ. Такъ, какъ холера идетъ съ береговъ Инда, чума—съ береговъ Нила, желтая лихорадка—съ устьевъ Миссисипи, такъ болѣзнь историческаго развитія идетъ изъ Европы. Какъ только люди коснутся этой проклятой земли, такъ ихъ мозгъ и поражается болѣзнію, съ пелазговъ, съ грековъ начиная и до нашего времени. Англія разнесла заразу по всему земному шару. Чего, Австралія,—совсѣмъ негодный материкъ, и тотъ не оставляютъ въ покоѣ. Въ Африкѣ жить нельзя европейцу, такъ по закраинѣ поселились,—вотъ вамъ за холеру да за чуму; это ужъ не зубъ за зубъ, а челюсть за зубъ.

— Вы такъ разсуждаете,—сказалъ я ему, шутя и взявъ его за обѣ руки,—что я нѣсколько не удивлюсь, если послѣ вашего

¹⁾ Принявъ все во вниманіе.

возвращенія Николай Павловичъ сдѣлаеть васъ министромъ народнаго просвѣщенія.

— Не обвиняйте меня, пожалуйста, не обвиняйте,—возразилъ онъ съ чувствомъ,—и не шутите надъ моими мыслями. Я самъ шутилъ надъ Руссо и знаю, какъ Вольтеръ ему писалъ, что учиться ходить на четверенькахъ поздно. Трудомъ тяжелымъ и мученическимъ дошелъ я до того, что понялъ, откуда все зло, понялъ и самъ оробѣлъ; я никому не говорилъ, молчалъ, но когда страданія и плачь людей становились громче и громче, зло очевиднѣе и очевиднѣе, тогда я пересталъ прятать истину. Мы погибшіе люди, мы жертвы вѣковыхъ отклоненій и платимъ за грѣхи нашихъ праотцевъ, гдѣ насъ лѣчить! Будущія-то поколѣнія, можетъ опомнятся.

— Итакъ, *à la fin des fins* ¹⁾, выздоровленіе человѣка начнется тогда, когда вмѣсто прогресса люди пойдутъ вспять, съ цѣлью зачислиться со временемъ въ оранъ-утанги,—сказалъ лѣкаръ закуривая свѣжую сигару.

— Приблизиться къ животнымъ не мѣшаетъ послѣ неудачныхъ опытовъ сдѣлаться ангелами. Всѣ звѣри разсчитаны по средѣ, въ которой жить должны,—перестановки почти всегда гибельны. Рѣчная вода для насъ пріятнѣе и чище морской, а пустите въ нее какого-нибудь морского моллюска,—онъ умретъ. Человѣкъ вовсе не такъ богато одаренъ природой, какъ воображаетъ; болѣзненное развитіе его нервовъ и мозга увлекаетъ его въ жизнь ему несвойственную, высшую, въ ней онъ гибнетъ, чахнетъ, мучится. Гдѣ люди переломили эту болѣзнь, тамъ они успокоились, тамъ они довольны и были бы счастливы, если бы ихъ оставили въ покоѣ. Посмотрите на эти ряды поколѣній гдѣ-нибудь въ Индіи: природа имъ дала все съ избыткомъ, язва государственной и политической жизни прошла, болѣзненное преобладаніе ума надъ другими отправленіями организма утихло; всемірная исторія ихъ забыла, и они жили такъ, какъ людямъ хорошо живется, такъ, какъ людямъ возможно жить, до проклятой Остъ-Индской компаніи, которая все перепортила.

— Впрочемъ,—замѣтилъ лѣкаръ,—толпа почти такъ и у насъ живетъ.

— Это было бы важнѣйшее доказательство въ мою пользу. То, что вы называете толпой, это-то и есть человѣческій родъ; но толпѣ не даютъ жить такъ, какъ она хочетъ,—вотъ бѣда-то въ чемъ. Просвѣщеніе страшно дорого стоитъ; государство, религія, солдаты морятъ съ голоду нижніе слои; да чтобы окончательно ихъ сгу-

¹⁾ Въ концѣ концовъ.

бить, развѣшиваютъ передъ ихъ глазами свои богатства, они развиваютъ въ нихъ не естественные вкусы, ненужныя потребности и отнимаютъ средства удовлетворенія даже необходимыхъ. Какое печальное, раздирающее душу положеніе! Снизу кишитъ задавленное работой, изнуренное голодомъ населеніе, сверху вянетъ и выбивается изъ силъ другое населеніе, задавленное мыслью, изнуренное стремленіями, на которыя такъ же мало отвѣта, какъ мало хлѣба на голодъ бѣдныхъ. А между этими двумя болѣзнями, двумя страданіями, между лихорадкой отъ другой жизни и чахоткой отъ сумасшедшихъ нервъ, между ними лучшій цвѣтъ цивилизаціи, ея балованныя дѣти, единственные люди, кой-какъ наслаждающіеся, кто же они? Наши помѣщики средней руки и здѣшніе лавочники. Но природа себя въ обиду не даетъ... Она клеймитъ за измѣну не хуже всякаго палача...—продолжалъ онъ, ходя по комнатѣ, и вдругъ остановился передъ зеркаломъ.—Ну, посмотрите на эту рожу—ха, ха, ха, вѣдь это ужасно, сравните любого крестьянина нашего со мной, новая *varietas* ¹⁾, которую Блуменбахъ ²⁾ проглядѣлъ—«кавказско-городская»; къ ней принадлежатъ чиновники и лавочники, ученые, дворяне и всѣ эти альбиносы и кретины, которые населяютъ образованный міръ,—племя слабое, безъ мышцъ, въ ревматизмѣ, и при томъ глупое, злое, мелкое, безобразное, неуклюжее—точь въ точь я, старикъ въ тридцать пять лѣтъ, беспомощный, ненужный, который провель всю жизнь, какъ крессъ-салатъ, выращенный зимой между двухъ войлоковъ,—фу, какая гадость! Нѣтъ, нѣтъ, такъ продолжаться не можетъ, это слишкомъ нелѣпо, слишкомъ гнило! Къ природѣ!.. Къ природѣ на покой! полно строить и перестраивать вавилонскую башню общественнаго устройства; оставить ее—да и кончено, полно домогаться невозможныхъ вещей. Это хорошо влюбленнымъ дѣвочкамъ мечтать о крыльяхъ, *von einer besseren Natur, von einem andern Sonnenlichte* ³⁾. Пора домой на мягкое ложе, приготовленное природой, на свѣжій воздухъ, на дикую волю самоуправства, на могучую свободу безначалія.

— Такъ это уже просто вразсыпную по лѣсамъ? — замѣтилъ Филиппъ Даниловичъ.

— Люди всегда будутъ жить стадами,—отвѣтилъ докторально нашъ чудакъ.

— Евгений Николаевичъ—прибавилъ я—а, вѣдь, какъ люди-то надуютъ философію исторіи и ученіе о совершенствованіи, когда

¹⁾ Разновидность.

²⁾ Иоганнъ-Фридрихъ, герм. натуралистъ, одинъ изъ основателей антропологіи; ему принадлежитъ раздѣленіе людей на 5 расъ по цвѣту кожи.

³⁾ О лучшей природѣ, объ иномъ солнечномъ сіяніи.

они вылѣчатся отъ хронической болѣзни *historia morbus* ¹⁾ и начнутъ жить мирными стадами?

— Да, да!—съ восторгомъ подхватилъ онъ.— Кондорсе-то съ своей книжкой, ха! ха!...

И Евгений Николаевичъ, раскраснѣвшійся въ лицѣ, съ жилами, налившимися кровью на лбу, вдругъ сморщился, сдѣлалъ серьезный видъ и упорно замолчалъ.

IV.

— Вы тамъ что ни толкуйте, Филиппъ Даниловичъ, а въ исторіи вашего больного есть какія-нибудь странныя событія,—сказалъ я разъ доктору, гуляя съ нимъ по мраморной террасѣ у моря.

— Ну, да какъ не быть чего-нибудь. Кто же до тридцати пяти лѣтъ доживалъ безъ какихъ-нибудь непріятностей.

— Какія же, однако, были у него непріятности?

— Я важнаго ничего не знаю. Вы сами видите, какой организмъ: нервы почти наружу, всякая всячина его раздражаетъ, крови нѣтъ, отъ природы слабъ, пищевареніе скверное, матери было за сорокъ лѣтъ, когда онъ родился, да еще по смерти отца, форсепсомъ полуживого достали. А тутъ петербургскій климатъ, богатство, англійская болѣзнь, глупое холенье довоспитали. Съ родными онъ никогда особенно близокъ не бывалъ; оно и не мудрено: онъ давно уже занимается болѣзнію земного шара и излѣченіемъ рода человѣческаго отъ исторіи, а тѣ думаютъ, какъ бы побольше денегъ слупить съ крестьянъ. Разумѣется, хозяйство шло у него черезъ пень-колоду; сестра жила на его счетъ и теперь на его счетъ всю семью содержитъ, да это его и не заботитъ, благо, конца нѣтъ деньгамъ. Сначала, говорятъ, онъ жилъ покойно, занимался науками, не выходилъ почти никогда изъ своей половины, пристрастился къ музыкѣ, читалъ всякую всячину, только на службу никакъ не хотѣлъ. Потомъ говорили, какая-то дѣвчонка обманула его и обобрала. Онъ все становился пасмурнѣе, тяжеле для окружающихъ, ипохондрія развивалась;—они его и спровадили.

— Какая же это дѣвчонка его обманула?

— У васъ такъ ужъ въ головѣ и вертятся Вертеръ и Шарлотта, письма, пистолеты... Мечтатели и вы страшные; успокойтесь, исторія эта очень проста: Шарлотта была сестрина горничная. Онъ презастѣнчивый и отроду не подходилъ близко къ женщинѣ; не

¹⁾ Исторія—болѣзнь.

знаю ужъ, какъ тамъ ихъ Богъ свель, только говорятъ, онъ ее любилъ, воображалъ, что чудо открылъ, кантатрису, а она какъ-то, сговорившись съ любовникомъ, обокрала его,—вотъ вамъ и весь романъ. Я видѣлъ ее передъ отъѣздомъ,—такъ, неважная, а впрочемъ, недурна; еслибъ мы дольше остались въ Петербургѣ, я, такъ и быть, приволокнудся бы за ней.

Больше я не могъ ничего добиться отъ моего патолога; мнѣ было досадно, что онъ, такъ играя, скользитъ по жизни, досадно, а, можетъ, и завидно...

Стройная, высокая генуэзска въ черномъ платьѣ и покрытая бѣлымъ, длиннымъ, прикрѣпленнымъ къ косѣ вуалемъ, шмыгнула мимо насъ, незамѣтно улыбнулась, прищурила глаза и быстро прошла. Ah, che bellezza, che bellezza! ¹⁾—закричалъ лѣкарь. Она обернулась и поблагодарила его тѣмъ граціознымъ, легкимъ, чисто итальянскимъ движеніемъ руки, которымъ онѣ кланяются, и, какъ будто этого было мало, кивнула своей прекрасной головкой. Лѣкарь бросился за ней.

Я оставилъ его и пошелъ въ Stabilimento della Concordia.

Это—самое изящное, самое красивое кафе во всей Европѣ. Тамъ, бродя между фонтанами, цвѣтами, при гремѣющей музыкѣ и ослѣпительномъ освѣщеніи, переходя изъ мраморныхъ залъ въ садъ и изъ сада въ залы, раскрытыя al fresco ²⁾, середь энергическихъ, вороныхъ головъ римскихъ изгнанниковъ, середь безконечныхъ савойскихъ усовъ и генуэзскихъ породистыхъ красавицъ, я продолжалъ думать о поврежденномъ.

Вспоминая его рѣчи и разсказъ лѣкаря, я пошелъ къ одному изъ маленькихъ столиковъ въ саду и спросилъ граниту. Увидя меня, человѣкъ, сидѣвшій за ближнимъ столомъ, поспѣшно всталъ, выпилъ наскоро свою рюмку росоліо ³⁾ и собрался уйти. Это былъ слуга Евгенія Николаевича, который такъ по-русски тянулся на козлахъ.

— Для чего-жъ вы это идете? Я вамъ не мѣшаю, ни вы мнѣ.

— Помилуйте-съ,—отвѣчалъ Спиридонъ, снявши шляпу,—оно нашему брату не приходится, то есть съ господами.

— Вѣдь, вы теперь не въ Петербургѣ и не въ Москвѣ. Пожалуйста, надѣньте вашу шляпу и останьтесь или я уйду.

Онъ остался и надѣлъ шляпу, но садиться не хотѣлъ никакъ.

— Да, вѣдь, вы сидѣли же прежде меня; почему вы знаете, кто были ваши сосѣди? можетъ, князя какіе-нибудь?—спросилъ я.

¹⁾ Ахъ, какая красота, какая красота!

²⁾ Фресковая живопись.

³⁾ Наливка, настоенная на розахъ.

— Это точно-съ. Но, вѣдь, вы русскіе, а тѣ что же? тальянцы-съ.

Voilà mon homme ¹⁾, — подумалъ я, и потребовалъ у камеріера графинчикъ марсалы и двѣ рюмки.

— Что это вашъ Евгений-то Николаевичъ здоровьемъ эдакъ разстроены? жаль его,—такой, кажется, хорошій человѣкъ.

— Это-съ, позвольте вамъ доложить, такихъ господъ на рѣдкость, самый душевный-съ характеръ. Какъ же не жаль-съ, особенно даже жаль; мыслями все разстраиваются... такой нравъ-съ. Все изволятъ къ сердцу брать и никакой отрады не имѣютъ. Бывало, когда имъ на душѣ нехорошо сдѣлается, сядутъ за клавикордъ, — то есть такъ играли, что не уступятъ любому музыканту въ александринскомъ оркестѣ. Господа, прекрасно одѣтые, барыни настоящія останавливались иной разъ на улицѣ. Бывало, въ передней сидишь, сердце радуется, каково нашъ-то отличается. Иногда такъ жалобно играютъ, что даже истома возьметъ, — отмѣнно играли. Ну, впрочемъ, какъ оставили музыку, такъ больше стали сбиваться, по нашему замѣчанію.

— Да развѣ онъ совѣмъ не игралъ дома послѣднее время?

— Больше двухъ годовъ-съ. Разъ Софія Николаевна, сестрица ихъ, бывши въ ихъ комнатѣ, отворили клавикордъ и такъ взяли одну акорду: «Вечеркомъ красна дѣвица». А Евгений Николаевичъ только глухо сказали: «Зачѣмъ это вы, сестрица? Боже мой!» да такъ, какъ пластъ, и упали; потомъ сдѣлались спазмы, слезы и смѣхъ-съ,—съ полчаса продолжалось. Дохтуръ говоритъ: нервы у нихъ такъ разстроены, не могутъ слышать музыки. Такъ съ тѣхъ поръ нашъ домъ и замолкъ-съ. А имъ все хуже: въ лицѣ много перемѣны, старѣютъ... Такъ жаль, что сказать нельзя, больше все молчать, а иногда слово одно скажутъ: «Ты усталъ чай, Спиридонъ, поди-ка да лягъ», такимъ трогательнымъ голосомъ, и взгляды такой добрый у нихъ сдѣлается, и видно самимъ-то имъ плохо, наболѣло на сердцѣ; вотъ-те и богатства и все,—иной разъ, доложить вамъ откровенно, слеза прошибетъ.

— Мнѣ Филиппъ Даниловичъ говорилъ, что у Евгения Николаевича какая-то исторія была съ горничной.

— Дѣло, точно, было-съ. И она, эта самая Ульяна, доводится мнѣ сродни, племянница, сестрина дочь. Наварила каши, чего сама не стоитъ,—а добрѣйшая душа была, ей-Богу-съ. Жаль, что баринъ тогда такъ къ сердцу приняли и огорчились. Просто дуру слѣдовало проучить—и все тутъ; и она благодарить стала бы потомъ, ей всего

¹⁾ Вотъ парень для меня (подходящій).

было лѣтъ восемнадцать,—какой умъ въ эти лѣта, къ тому же баловство-съ.

— Да въ чемъ же дѣло-то?

— Извольте видѣть, Ульяна эта у Софіи Николаевны при комнатѣ находилась, и барыня ее жаловали, умница такая была. Былъ у насъ тоже-съ человѣкъ, Ѳедоръ, человѣкъ пьющій, но, впрочемъ, игралъ на скрипкѣ отменно; только рука ужъ очень дрожала отъ горячихъ напитковъ, а чести былъ примѣрной. Вотъ Ѳедоръ этотъ возьми и обучи пѣсни пѣть Ульяну; голосомъ она брала-съ и на музыку препонятливая. Такъ это шло годъ-другой, и никто подумать не могъ, что за катавасія выйдетъ. Баринъ нашъ слышали нѣсколько разъ, какъ Ульяна поетъ, и говорятъ сестрицѣ: вѣдь, это кладъ, дайте ей, молъ, вольную, а я ее пѣвицей сдѣлаю. Вотъ извольте замѣтить, какая душа: не хотѣли, чтобы, обучившись, крѣпостной осталась. Сестрица имъ въ глаза смотрѣли—«Сейчасъ, молъ, Енюша», и отпускную совершила. Учитель ходилъ изъ нѣмцевъ; иной разъ съ нами вступалъ въ разговоръ, шинель когда подаешь или что, пріостановится, не гордый былъ, простой,—вотъ какъ вы теперь изволите примѣромъ со мной разговаривать. «Ну, говорилъ онъ, а помѣщикъ вашъ въ музыкѣ собаку съѣлъ; мнѣ у него учиться приходится, и голосъ у фрейленъ Юльхенъ очень прекрасенъ; да и глаза-то у нея недурны, философъ-то вашъ знаетъ, гдѣ раки зимуютъ». Ну, такъ, бывало, посмѣемся для балагурства, а то въ самомъ-то дѣлѣ онъ у насъ велъ себя, какъ красная дѣвица, только къ церкви не былъ прибѣженъ и постовъ не соблюдалъ. Однако, мы стали замѣчать ужъ и промежъ себя, что Евгений Николаевичъ очень руководствуется Ульяной. Ужъ и сестрица-то перепужались, что, молъ, много воли заберетъ. Но только она никому вреда никогда не дѣлала и смысла не имѣла о томъ; такъ дѣтской, пустой нравъ, безосновательной, — поетъ себѣ, бывало, день-деньской да конфетъ закупить, а грубаго слова никто не слыхалъ, со всѣми преласковая была. Къ тому случаю у Евгенія Николаевича будь камердинеромъ Архипъ. Съ дѣтства при нихъ состоялъ, только былъ года четыре помоложе, казачкомъ такъ поступилъ съ малолѣтства къ Евгению Николаевичу на половину. И кто его знаетъ, какой человѣкъ: не то что дурной, а безалаберной и нерегулярной. Пить пойдетъ, весь домъ поить до положенія ризъ и съ себя все спуститъ—часы, жилетку, исподнее. Баринъ его жаловали очень, съ дѣтства, на примѣръ, росли вмѣстѣ, и что ему давали, невѣроятно, они же забывчивы. Евгений Николаевичъ ему вѣриди, какъ самому себѣ. Вотъ этотъ самый Архипъ и сбиль съ толку Ульяну. Мудрено ли глупую дѣвку съ ума свести? а ужъ это

до добра въ домѣ никогда не доводитъ; на сторонѣ развѣ мало есть? слава Богу, этого снадобья довольно, Петербургъ не клиномъ сошелся. Сначала все шло благополучно; вдругъ только случись такая бѣда, что у насъ въ домѣ отродясь не бывало: у барина изъ шкатулки пропало двѣ тысячи рублей. Евгений Николаевичъ, изволите видѣть сами, какой человѣкъ,—самый безчетный; они бы, можетъ, и не догадались, но деньги-то слѣдовало сестрицѣ отдать, они ихъ и приготовили съ вечера—утромъ хватъ-похватъ, а денегъ нѣтъ. Поднялся въ домѣ гвалтъ, Архипъ нашъ суетится, ищетъ, платья швыряетъ, волосы на себѣ рветъ—денегъ нѣтъ. Баринъ-то и ничего, словно не его дѣло, но Софія Николаевна расходилась, говоритъ: это дѣло Федьки-музыканта, онъ все пьянъ, откуда деньги беретъ?! Такъ-съ, женское разсужденіе, видите—на вино этакой кушъ укралъ. Взялъ я смѣлость и говорю: «вы меня простите, барыня, а только Федоръ—человѣкъ слабый, точно, но воромъ не будетъ, я его съ малолѣтства знаю». Ты, говоритъ, молчи да за себя отвѣчай, и Федора отправили при запискѣ во вторую адмиралтейскую¹⁾. Жаль мнѣ стало старика, такъ,—мочи нѣтъ; сошелъ я въ людскую да и говорю: «ребята, если воръ дома, слѣдуетъ его сыскать и выдать, а стараго человѣка и невиннаго не приходится отдать на терзаніе, хоша на то и барская воля, но мы, въ очистку себя и его, вора поймать должны». Всѣ наши говорятъ въ одно слово: «какъ не сыскать вора, коли дома». Ну, думаю, постой, не уйдешь ты, голубчикъ, отъ нашего глаза, а самъ пошелъ наверхъ и присматриваюсь часокъ-другой, такъ, какъ будто не мое дѣло. Вижу я-съ эдакъ въ Архипѣ перемѣну. Э, братъ, это не модель... Суетится слишкомъ Архипъ, ищетъ послѣ обѣда за диваномъ,—изволите знать, у насъ что называются турецкимъ диваномъ, подушки по стѣнѣ. «Что, молъ, ты это Архипъ хлопочешь?» «Да что, говоритъ, все эти проклятыя деньги, такая бѣда». «Да какъ же, молъ, деньгамъ попасть за диванъ?» А онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Да вотъ, молъ, подите съ полоумнаго спрашивайте отчетъ, все побросаетъ, а потомъ ищи за нимъ, да еще чего добраго скажутъ, что кто-нибудь укралъ».

Посмотрѣлъ я ему въ глаза, вижу, взглядъ нехорошъ; ну, думаю, была не была—то есть Федора мнѣ было смерть жаль, да и на домъ похула не хороша.—Я таки, не говоря худого слова, хватъ его въ грудь, да и на полъ... Тутъ я его колѣнкой прижалъ да и говорю: «ну, признавайся, мошенникъ,—твое это дѣло, а другихъ не марай и за себя не губи». Онъ такъ оторопѣлъ; что ни

¹⁾ Полицейская часть въ Спб.

слова. На этотъ шумъ выходитъ баринъ. Я ему докладываю: батюшка, молъ, Евгеній Николаевичъ, извольте меня на поселенье послать, какъ угодно, а деньгамъ вашимъ воръ не кто иное, какъ Архипъ.

— Да ты, братецъ, пьянъ, — баринъ-го мнѣ въ отвѣтъ — оставь его! какъ воромъ называть?

— Нѣтъ-съ, — говорю, — воля ваша, а я не пьянъ и до квартального надзирателя его не пушу. Что Федора, невиннаго чело-вѣка, сестрица ваша отправила въ часть, это Богъ разсудитъ. А воръ вашихъ денегъ вотъ.

Баринъ эдакъ пріостановился, подумалъ и такимъ тихимъ и грустнымъ голосомъ сказалъ: «Архипъ, неужели въ самомъ дѣлѣ?» Не выдержалъ Архипъ, въ три ручья залился, рванулся отъ меня и барину въ ноги. «Виновать, говорить, кругомъ виновать и запи-раться не намѣренъ. Запутался я въ одномъ нечистомъ дѣлѣ, мнѣ приходилось въ острогъ итти или выкупиться, ну, лукавый под-толкнулъ меня. Готовъ я всякое наказаніе принять, а деньги ваши, Евгеній Николаевичъ, еще цѣлы». При этомъ онъ, въ азартѣ, рас-плаканный, вытащилъ изъ кармана ассигнаціи, завернутыя въ бу-мажку, и подалъ.

Баринъ все время не говорили ни слова, только взявши деньги, они вздрогнули и вышли вонъ. А Архипъ такъ и взвылъ: «Посажу себѣ пулю въ лобъ, не хочу больше горе мыкать, лучшаго я не достоинъ! Господи, что я надѣлалъ! вѣдь, деньги-то были завернуты въ Ульянино письмо, — сгубилъ я себя и ее».

«Спиридонъ!» позвалъ баринъ изъ кабинета. Я взшелъ. А Архипъ такъ и остался на колѣняхъ, расплаканный, индо самому мнѣ жаль его стало. Баринъ стояли близъ дверей, прислонившись къ стѣнѣ, такой страшной, будто не живой, губы посинѣли; они два раза хотѣли что-то сказать и не могли — голоса не было; потомъ они такъ ручку приложили ко лбу, — плохо-съ имъ было. Собрались съ силами, наконецъ, и говорятъ такимъ глухимъ голо-сомъ: «Спиридонъ, никто въ домѣ не знаетъ, что было. Такъ вотъ поди сюда: вотъ отпускная Архипа и еще отпускная — тутъ они остановились, однако, такъ и не сказали — такъ ты имъ отдай, да устрой, чтобы сейчасъ изъ дому переѣхали, только сейчасъ, не мѣшкая, возьми, сколько надобно, денегъ изъ тѣхъ. Да ты, Спи-ридонъ, сдѣлай это все помягче, понимаешь? Ну, да хорошо, ступай», прибавилъ онъ, видя, что слова-то не выходятъ.

Ну, ужъ какъ бѣдная Ульяна плакала: у меня сердце надорвалось. И взять ничего не хотѣла своего: «У меня ничего, говоритъ, нѣтъ собственнаго. Хоть бы взглянуть еще разъ на него, про-

щенья бы попросить, руку бы поцѣловать. Вѣдь, какъ добръ-то онъ былъ ко мнѣ, какъ ласково смотрѣлъ, — пусть бы, кажется, побилъ меня, все лучше бы было». «Ну, я говорю, послушай Уля, о томъ надобно было думать прежде, а теперь убирай-ка свои пожитки». Пока я съ ней хлопоталъ, привелъ полицейской Ѳедора, и комиссаръ съ нимъ; говоритъ, сколько мы его ни принимались съчь, не признается, видно, деньги не онъ укралъ. Я посмотрѣлъ, Ѳедоръ въ лицѣ не хорошъ. Комиссаръ говоритъ барынѣ: слѣдуетъ допросить другихъ, на кого есть подозрѣніе; она пошла къ братцу, что-то по-французски потолковали, вдругъ она выходитъ въ залъ и говоритъ комиссару: «Представьте, какой случай, братъ мой нашелъ деньги, мнѣ право совѣстно, что васъ даромъ обезпокоили». — «Помилуйте, это наша обязанность», говоритъ комиссаръ, а она ему красненькую да Ѳедора приказала чаемъ напоить.

Я вечеромъ взошелъ съ докладомъ, баринъ сидѣлъ за столомъ, опершись на обѣ руки. Увидѣвши меня, онъ какъ съ испуга вскочилъ, поднялъ руку и сказалъ: «Не нужно». Съ тѣхъ поръ и помину не было объ этой исторіи. Тѣмъ дѣло, почитай, и кончилось. Ну, только Ѳедоръ слегъ въ постель да мѣсяца черезъ два и померъ. Невинную душу загубила Софія Николаевна. Наше крѣпостное дѣло, не приведи Богъ!

— Я не понимаю въ этой исторіи одного, какъ же Ульяна могла такъ сблизиться съ Архипомъ? Изъ вашихъ словъ видно, что она Евгенія Николаевича любила.

— Да еще какъ-съ! Вотъ теперь третій годъ пошелъ, какъ она выбыла изъ дома, — безъ слезъ ни разу не говорила о баринѣ, и Архипъ ей совсѣмъ опостылѣлъ; онъ, впрочемъ, ушелъ въ солдаты охотникомъ, мы объ немъ не слышали послѣ. Все вѣтренность-съ и баловство. По нашему простому разсужденію, извольте видѣть, Ульяна и не подумала, ей и въ голову не приходило, что она барину въ самомъ дѣлѣ что-нибудь значить. Вѣдь, все же онъ былъ баринъ, не могла же она его не бояться, быть его ровней, не могла эдакъ вольной духъ имѣть съ нимъ, какъ съ Архипомъ, они же по характеру всегда серьезны бывали. Извольте сами знать, молодость кипитъ, все бы смѣхи да дурачества. Ну, Архипъ мелкимъ бѣсомъ, бывало, разсыпается, и пляшетъ, и на торбанѣ играетъ, и кроновскимъ пивомъ подчуетъ, и мороженымъ угощаетъ, — всякой подъ Богомъ ходитъ: оно нехорошо потачку давать, но такъ къ слову, по человѣчеству разсудить, такъ оно и понятно. Въ самый день нашего отъѣзда, утромъ изъ рестораціи съ Сучка, гдѣ мы обыкновенно чай пивали, прибѣгаетъ за мной половой, говоритъ, барыня васъ требуетъ какая-то. Что, думаю, за пропасть?

Однако пошелъ. Смотрю, Ульяна сидитъ и опять заливается слезами. «Дяденька, говоритъ, уладьте, какъ хотите, мнѣ бы хотъ взглянуть на Евгенія Николаевича, и что у нихъ за сердце, за жесткое, что гнѣваются такъ долго; меня, говоритъ, въ театръ въ хористки взяли, ему, вѣдь, я обязана, что пѣть обучилъ. Хотъ бы поблагодарить, слово одно сказать,—камень точно на сердцѣ. Да еще Василиса говоритъ, что и болѣзнь ихъ все черезъ меня,—жизнь мнѣ не мила». Не хотѣлось мнѣ долго барина беспокоить, но вижу, она никакого интереса не имѣетъ, а сильно кручинится; думаю, что же, головы не сниметъ. Вхожу въ кабинетъ. Евгений Николаевичъ, какъ обыкновенно, сидятъ въ задумчивости, видъ ничего, добрый. Я эдакъ, немного позамямшись, говорю: да вотъ еще, Евгений Николаевичъ, я осмѣлюсь доложить, такъ ужъ очень меня просила... Вдругъ у нихъ глаза такъ сверкнули, лицо перемѣнилось. Я поскорѣе за чемоданъ. Она потомъ, бѣдняжка, въ людской спряталась, чтобы въ окно взглянуть, когда мы поѣдемъ,—тутъ я Филиппу Даниловичу ее показывалъ...

— Я вамъ очень, очень благодаренъ,—сказалъ я Спиридону—ну, пойдете-ка въ наше *Croce di Malta*, да выпьете послѣднюю рюмку марсалы за здоровье бѣдной Ульяны. Мнѣ ее жаль, несмотря ни на что.

— Точно-съ, не наше дѣло чужіе грѣхи судить, и за ваше, сударь, здоровье, съ тѣмъ вмѣстѣ,—прибавилъ Спиридонъ...

С. Елень, возлѣ Ниццы. Зимой, 1851.

Библиографическій комментарий.

(Сокращенія: Наталія Александровна Захарына, потомъ Герценъ=Н. А—на; «Собраніе сочиненій А. И. Герцена», СПБ., 1906 г.=Спб. изд.; «Сочиненія А. И. Герцена», Женева, 1857—1879 гг.=Жен. изд.; Румянцовскій музей въ Москвѣ = Рум. муз.; архивъ семьи Герцена = АСГ; «Колоколь» = «Кол.»; «Полярная Звѣзда» = «П. З.»).

547. Напечатано въ очень незначительной части и неисправно на стр. 73 «Отрывковъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

548. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

549. То же.

550. То же.

551. То же.

552. То же.

553. То же.

554. То же.

555. То же.

556. То же.

557. То же.

558. То же.

559. То же.

560. То же.

561. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.; приписка къ письму Хоецкаго о его дочери.

562. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

563. То же.

564. То же.

565. То же.

566. То же.

567. То же.

568. То же.

569. То же.

570. То же.

571. То же.

572. То же.

573. То же.

574. То же.

575. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Дата устанавливается, благодаря письму А. А. Герцена къ сестрѣ изъ Генуи 1852 г.: «я думаю часто о нашей славной мамѣ, которая такъ много насъ любила. Мы были передъ отъѣздомъ у нея и простились... Смотри часто на ея портретъ и не забывай ея черты».

576. Напечатано въ № 181 «La Nation» отъ 20 мая 1852 г., въ видѣ извѣстія изъ Ниццы; подлинникъ не найденъ.

577. Напечатано въ незначительной части и неисправно на стр. 76 «Отрывковъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

578. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

579. То же.

580. То же.

581. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Это—то письмо, которое Е. С. Некрасова ошибочно указала въ своемъ предисловіи въ сборникѣ «Памяти В. Г. Бѣлинскаго» датированнымъ 12 іюня.

582. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

583. То же.

584. То же.

585. Напечатано нигдѣ не было. Свѣрено съ печатнымъ листкомъ, на которомъ Герценомъ сдѣлано нѣсколько корректурныхъ поправокъ и хранящимся въ АСГ. Ни даты, ни мѣста не указано, но ясно, что время написанія относится къ іюлю 1852 г. Листокъ былъ разосланъ друзьямъ, но опубликованія не получилъ.

586. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

587. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.; приписано къ письму Хоѣцкаго.

588. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

589. То же.

590. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ черновикомъ, хранящимся въ АСГ.

591. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, хранящейся въ АСГ.

592. Напечатано въ № 209 «Neue Züricher Zeitung» отъ 27 іюля 1852 г.; подлинникъ не найденъ.

593. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

594. То же.

595. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Россійскомъ Историч. музеѣ. Надпись сдѣлана на книгѣ George Sand «Histoire du véritable Gribouille», Paris, 1851.

596. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

597. То же.

598. То же.

599. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копией, хранящейся въ АСГ.; подлинникъ не найденъ.

600. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

601. То же.

602. Напечатано по-французски во II т. «Arnold Ruges, Briefwechsel und Tagebuchblätter», стр. 127; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Публичной библиотекѣ.

603. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

604. Напечатано по-русски В. Каренинымъ въ III кн. «Рус. Мысли» 1910 г., стр. 2—3; свѣрено съ подлинникомъ, полученнымъ отъ В. Каренина (псевд.), которому я обязанъ и полученіемъ письма Мюллера; переводъ заимствованъ у Каренина съ нѣсколькими исправленіями.

605. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

606. То же.

607. То же.

608. То же.

609. То же.

610. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Это предполагавшееся введеніе въ «Былое и думы» было значительно передѣлано и потому должно быть дано отдѣльно, какъ самостоятельное произведеніе.

611. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

612. То же.

613. То же.

614. То же.

615. То же.

616. То же.

617. То же.

618. То же.

619. То же.

619bis. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Дата не поддается точному опредѣленію, но во всякомъ случаѣ написано въ 1852 г., когда Сезарина была отправлена къ Рейхель для помощи около дѣтей.

620. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 80—81; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

621. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

622. Напечатано въ незначительной части и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 81; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

623. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 81—82; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

624. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

625. То же.

626. То же.

627. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 82—83; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

628. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

629. То же.

630. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 84—85; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

631. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 86—87; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

632. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

633. Отлитографировано отдѣльнымъ листкомъ на тонкой синей бумагѣ; подпись «Александръ Герценъ (Искандеръ)». Подлинникъ не найденъ. Потомъ напечатано въ сборникѣ «Десятилѣтіе вольной русской типографіи въ Лондонѣ», Лондонъ, 1863 г., въ V т. Жен. изд. и въ «L'Avenir—Будущее» 1912 г. отъ 9 июня. Полный переводъ появился въ «Demokrata Polski» 1853 г., № отъ 15 мая и сокращенный—въ «La Nation» 1853 г., № 170 отъ 19 июня.

634. Напечатано въ незначительной части и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 78 и 93; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

635. Напечатано въ незначительной части и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 78; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

636. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

637. Напечатана одна фраза въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 93; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

638. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

639. Напечатано въ незначительной части въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 94; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

640. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

641. То же.

642. Напечатано: по-французски въ книгѣ W. Vogt «La vie d'un homme», стр. 80; по-русски—Ч. Вѣтринскимъ въ I кн. «Рус. Мысли» 1907 г. и въ его брошюркѣ «Странички Герцена». Переводъ заимствованъ у него съ нѣсколькими поправками.

643. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 91—93; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

644. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

645. Напечатано въ половину и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 87—88; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

646. Напечатано неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 88—89; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

647. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

648. То же.

649. То же.

650. То же.

651. То же.

652. То же.

653. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 89; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

654. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

655. То же.

656. То же.

657. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 90; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

658. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

659. Напечатано по-польски въ «Demokrata Polski» отъ 25 мая 1853 г. подъ заглавіемъ «Do Redakcyi Demokraty Polskiego» съ подписью «Alesander Hercen». Герценъ не владѣлъ польскимъ языкомъ даже разговорно и изъ.

редакціоннаго примѣчанія ясно, что статья была написана имъ по-французски; потомъ она очень точно переведена поляками, можетъ быть, не безъ отдѣлки мыслей со стороны самого Герцена. Переводъ, сдѣланный Вацлавомъ Сѣрошевскимъ въ VI кн. «Современнаго Мира» 1912 г., очень неточенъ. Подлинникъ не найденъ.

«Польскій Демократъ» былъ органомъ демократической централизаціи, которая представляла нѣчто въ родѣ центрального комитета польскаго демократическаго общества. Въ то время централизація въ Лондонѣ состояла изъ Станислава Ворцеля, А. Жабицкаго и Л. Зенковича.

Переводъ по-англійски появился въ одной изъ лондонскихъ газетъ, названіе которой и дату номера мнѣ не удалось установить, такъ какъ сохранившаяся вырѣзка не содержитъ въ себѣ никакихъ наводящихъ указаній.

660. Напечатано неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 90—91; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

661. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 93; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

662. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 94; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

663. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 95—96; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

664. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

665. То же.

666. То же.

667. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 96—97; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

668. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Въ гл. XXIV своихъ «Воспоминаній» Мейзенбургъ привела лишь пересказъ части письма.

669. Напечатано неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 97—98; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

670. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

671. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

672. Напечатано особымъ листкомъ съ датой 20 іюля 1853 г., вошло въ сборникъ «Десятилѣтіе вольной русской типографіи въ Лондонѣ», Лондонъ, 1863 г., въ V т. Жен. изд. и весьма сокращенно въ V т. Спб. изд.; цитаты—въ «Democrata Polski» 1853 г., 15 октября.

673. Напечатано особымъ листкомъ, между прочимъ, разосланнымъ при № «Democrata Polski» отъ 5 сентября 1853 г., вошло въ сборникъ «Де-

сѣтилѣтїе вольной русской типографїи въ Лондонѣ», Лондонъ, 1863 г. и въ V т. Жен. изд. Переводъ по-польски напечатанъ въ «Democrata Polski» 1853 г. 25 сентября и 14 іюля 1862 г. Переводъ на французскій языкъ сдѣлалъ С. Ворцель и помѣстилъ его въ бельгійской газетѣ «La Nation» 16 сентября 1853 г., подъ заглавіемъ «Amnistie et alliance». То же самое Ворцель напечаталъ, сохранивъ полную подпись «Alexandre Herzen», и отдѣльно въ типографїи польскаго демократическаго общества. Подлинникъ не найденъ; текстъ свѣренъ съ изд. 1853 г. Принадлежность этого сочиненія Герцену отвергается А. М.—скимъ безъ какихъ бы то ни было оснований на стр. 143 «Рус. Вѣстника» 1889 г., кн. IV.

В. Limanowski говоритъ, что это сочиненіе было отвѣтомъ на воззваніе польской «централизаціи», которое она выпустила въ началѣ іюля 1853 г., въ виду начинавшихся осложненій, приведшихъ къ Крымской войнѣ. «Блестяще написанная, какъ всегда и все у этого автора, брошюра произвела въ свое время огромное впечатлѣніе въ Россіи» («Stanislaw Worcell» 318—320).

674. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

674bis. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Дату точнѣе опредѣлить трудно, но въ указанный годъ дочь Наталія проходила періодъ первоначальнаго ученія.

675. Напечатано отдѣльной брошюрой въ Лондонѣ, 1853, 2 изданіе—Лондонъ, 1857, 3-е—Лондонъ, 1858 г.; вошло въ V т. Жен. изд. и неполно и неисправно въ V т. Спб. изд. Подлинникъ не найденъ. Текстъ данъ по изд. 1858 г. Какъ о курьезѣ, надо упомянуть объ изданіи брошюрки *И. Г.* «Село и деревня. Идиллическій отрывокъ (изд. для немногихъ). Казань. Въ типографїи университета. 1875. Дозволено цензурою, Москва. 16 октября 1874 г.» Форматъ брошюрки 5×6 сант., размѣръ 12 страничекъ, изъ которыхъ 5 заняты первыми фразами «Крещеной собственности». Интересующіеся этой шуткой найдутъ о ней свѣдѣнія: на стр. 265 «Россійской бібліографїи» 1881 г., № 12 и стр. 72 «Литературнаго архива» П. Картавова, 1902 г.; прибавлю, что указанія послѣдняго невѣрны.

676. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

677. То же.

678. См. № 513.

679. То же, что и въ № 676.

680. То же.

681. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Содержаніе письма передано не вполнѣ въ гл. XXIV «Воспоминаній» Мейзенбургъ.

682. Напечатано неисправно въ IV кн. «Русскаго Библіофила» 1914 г.; подлинникъ, по словамъ И. А. Шляпкина, хранится въ берлинской королевской бібліотекѣ, въ собраніи автографовъ Варнгагена фонъ-Энзе. Г. Шляпкинъ любезно указалъ мнѣ замѣченный имъ въ печати опечатки, но оставилъ ихъ еще не мало безъ указанія, что совершенно ясно изъ самаго со-

держанія письма; не вполнѣ вѣрны также и напечатанные г. Шляпкинымъ комментаріи.

683. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Содержаніе передано не вполнѣ въ гл. XXIV «Воспоминаній» Мейзенбургъ.

684. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

685. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 98; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

686. Напечатано въ № 19398 «The Morning Advertiser» отъ 24 августа 1853 г.; подлинникъ не найденъ.

687. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 98—99; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

688. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Содержаніе передано не вполнѣ въ гл. XXIV «Воспоминаній» Мейзенбургъ.

689. Напечатаны 3 строки и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 100; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

690. Напечатано въ «The Morning Advertiser» отъ 29 августа 1853 г.; подлинникъ не найденъ.

691. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

692. Напечатано лишь частью и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 100; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

693. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

694. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 100; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

695. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

696. То же.

697. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 100—101; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

698. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

699. Напечатано неполно и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 101; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

700. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

701. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Приписка сдѣлана къ письму дочери Наталіи.

702. Напечатано по-французски Г. Моно въ «La Revue» 1907, X, по-русски г. Гершензономъ въ VII кн. «Былого» 1907. Французскій текстъ свѣренъ съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.; переводъ заимствую съ нѣсколькими исправленіями.

703. Напечатано вполонину и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 101—102; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

704. Напечатано неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 102—103; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

705. Напечатаны нѣсколько строкъ и неисправно въ «Отрывкахъ изъ воспоминаній» М. К. Рейхель, стр. 104 и 106; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

706. Напечатано по-англійски въ №№ 189—191 «The Leader» отъ 5, 12 и 19 ноября; подлинникъ не найденъ; подпись «Alexander Herzen». Несмотря на большое мѣстами сходство этого сочиненія съ № 675, я не счелъ возможнымъ обойти его какъ потому, что оно напечатано не по-русски, такъ и потому, что сходство не простирается до тождества.

707. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

708. Напечатано по-французски Г. Моно въ X кн. «La Revue» 1907, по-русски г. Гершензономъ на стр. 26 «Былого», 1907, кн. VII; заимствую его переводъ съ нѣсколькими поправками; французскій текстъ свѣренъ съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

709. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

710. То же.

711. Напечатано въ сборникѣ «Десятилѣтіе вольной русской типографіи», Лондонъ, 1863 г.; текстъ данъ по сборнику; подлинникъ не найденъ; переводъ въ «Democrata Polski» 1853 г., 15 декабря, «La Nation» 7 декабря, № 341, въ «The English Republic» 1854 г., томъ III и особой англійской брошюрой.

712. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

713. То же.

714. То же.

715. То же.

716. То же.

717. То же.

718. То же.

719. Напечатано въ сборникѣ «Прерванные рассказы» Искандера, Лондонъ, 1854 г. и во 2-мъ изд. 1857 г. (библіографія указана при слѣдующемъ №). Подпись «И». Подлинникъ не найденъ, текстъ данъ по 1854 г. Посвящено, конечно, М. К. Рейхель, о чемъ Герценъ говорилъ нѣсколько разъ раньше.

720. Напечатано въ сборникѣ «Прерванные рассказы», Лондонъ, 1854 г., потомъ во 2-мъ его изданіи, исправленномъ авторомъ, Лондонъ, 1857 г., въ IV т. Жен. изд. и неисправно и безъ «Вмѣсто продолженія» въ I т. Спб. изд. Переводы: выдержки въ № 193 «The Leader» 1853 г., очевидно, сдѣланныя при посредствѣ самого Герцена съ чистыхъ листовъ еще печатавшейся книги; «Prervannya gaskasi» Iscandera—въ какой-то франц. газетѣ 1854 г. (сокращенно); М. Мейзенбургъ «Unterbrochene Erzählungen», Hamburg, 1858 г., гдѣ данъ приведенный мною русскій текстъ; «Ouevres de A. Herzen. Recits et nouvelles», Paris 1870,—сокращенно, а полнѣе русскаго текста дано въ «Die Pflicht vor Allem. Eine Erzählung von Alexander Herzen», Dresden und Leipzig, въ трехъ изданіяхъ—1887, 1889 и 1890 гг. Стр. 455—459 переведены по-французски въ № 1 «La Cloche» 1862 года подъ заглавіемъ «L'aristocratie russe», а все произведеніе переведено въ №№ 34—37, 40, 42—44 «La Cloche».

Въ октябрѣ 1851 г. Герценъ послалъ копію сочиненія по-русски Вильгельму Вольфсону (см. № 547), прося его тогда же перевести и напечатать по-нѣмецки. Вольфонъ зналъ Герцена еще въ Москвѣ въ 1845 году и очень его цѣнилъ. Въ 1851 г. онъ находилъ, что «тонкій наблюдатель русской жизни, мыслитель и поэтъ, Герценъ въ психологическомъ анализѣ превосходитъ даже Гоголя» («A. Herzen», «Russlands Novellendichter», III); это онъ высказалъ въ предисловіи, предпосланномъ сдѣланному имъ тогда переводу на нѣмецкій языкъ «Кто виноватъ?».

Изъ предисловія анонимнаго нѣмецкаго переводчика «Долгъ прежде всего» видно, что переводъ сдѣланъ съ собственноручно исправленной и подписанной авторомъ рукописи, найденной въ архивѣ Вольфсона вмѣстѣ съ сопроводительнымъ письмомъ Герцена, въ которомъ онъ проситъ Вольфсона издать повѣсть въ Германіи. Вольфонъ не могъ исполнить этого по цензурнымъ условіямъ, но и въ изданіи 1887 г., какъ и въ послѣдующихъ, однако, все-таки, пришлось кое-что пропустить.

Такимъ образомъ, все еще остается неизвѣстнымъ полный текстъ повѣсти Герцена. Никакіе поиски не дали мнѣ возможности напасть на слѣды рукописи Герцена и поэтому написанное имъ поневолѣ приходится восстанавливать по нѣмецкому тексту, если желать имѣть текстъ болѣе полный, чѣмъ напечатанный самимъ авторомъ. Почему онъ напечаталъ не все даже изъ того, что отправилъ Вольфсону, сказать трудно; сокращенія показываютъ, что Герценъ многое просто пропустилъ, часть измѣнилъ и сдѣлалъ изложеніе выпуклѣе. Почему Герценъ не кончилъ повѣсти, это ясно—въ 1853 году ему было не до нея. Вся книжка «Прерванные рассказы» состоитъ изъ сочиненій, написанныхъ раньше, не конченныхъ и, дѣйствительно, прерванныхъ. Первая часть повѣсти писалась въ 1847, «Вмѣсто продолженія»—въ 1851 году.

Переводъ Мейзенбургъ, какъ уже сказано, сдѣланъ съ текста, напечатаннаго Герценомъ; это указываетъ на то, что самъ Вольфонъ считалъ тогда копію рукописи утерянной, иначе врядъ ли бы онъ не вернулъ ее Герцену. Умеръ Вольфонъ въ 1865 году.

Русскій текстъ данъ по изданію 1857 года; разница съ нѣмецкимъ изданіемъ указана ниже.

Делаво нашель, что Герцену «нельзя отказать въ замѣчательномъ литературномъ талантѣ; съ глубиной и оригинальностью нѣмецкихъ писателей онъ соединяетъ точность и чувствительность, которыя отличаютъ Гоголя и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ романистовъ новой школы». Но тотъ же критикъ полагаетъ, что въ своихъ послѣднихъ брошюрахъ (№№ 672 и 675) «Герценъ заимствуетъ слишкомъ часто формы, грубость которыхъ напоминаетъ дикій пылъ казака» (H. Delaveau, «Prévannye Razxazy», «L'Athepaem Français», 1854 г., № 11).

Въ нѣмецкихъ изданіяхъ 1887, 1889 и 1890 годовъ:

Стр. 409— Эпиграфъ кончался указаніемъ: «Декабрьское письмо № 41518».

Заглавій главъ нѣтъ нигдѣ.

- » » — 8 св. Въмѣсто «Тушинскому вору»: «Пугачеву».
- » 410—10 сн. Въмѣсто «страннѣ»: «страшнѣ».
- » 411— 4 св. Послѣ «сталъ попивать»: «и замѣтно тупѣлъ».
- » » —11 св. Послѣ «Степановичемъ»: «Дворники новаго, испорченнаго поколѣнія теряютъ, къ сожалѣнію, эту благоговѣйную преданность послѣ двадцатилѣтняго подметанія улицы».
- » » — 4 сн. Нѣтъ: «ночью поглядѣть».
- » 412—15 сн. Послѣ «спаль Ефимъ»: «На этотъ разъ на дворѣ не было никого. Проходя мимо Ефимки, она, не останавливаясь, прошептала что-то, но Ефимка продолжалъ спокойно спать».
- » » — 1 сн. Послѣ «съ лавки»: «и плюнувъ въ сторону».
- » 413—12 св. Въмѣсто «Ненпадистъ»: «Сергѣй».
- » » —17 св. Послѣ «сѣдыми волосами»: «Въ первую минуту старикъ поблѣднѣлъ, но, узнавъ Настасью, успокоился».
- » » —13 сн. Передъ «ничего, матушка»: «Кто, Анатолій-то Михайловичъ? Драгоценный-то нашъ?».
- » » — 7 сн. Послѣ «принимаютъ»: «особенно, когда онъ о васъ съ упреками говорить».
- » 414—15 св. Въмѣсто «должно Медузу»: «Подъ картиной была подпись: Медуза».
- » » —19 св. Въмѣсто «разумѣется Македонскій»: «подпись гла- . сила: «Alexandre, fils du Philippe». Подъ обѣими картинами дѣтской рукой было старательно выписано: «dess. par Anatole Stolygin». Эти картинки были несомнѣнной собственностью Настасьи».
- » » —21 св. } Нѣтъ.
- » » —25 св. }
- » 415— 1 св.—6 св. Нѣтъ.
- » » — 9 св. Въмѣсто «Я только спросить меня?»: «совершенно здоровъ; какъ вы, маменька, какъ вы доѣхали?» И онъ поцѣловаль ея руку.

Мать всматривалась въ него, и видно было, что все горе ея пропадало; что въ эту минуту она была счастлива. Но мальчикъ, несмотря на радостное свиданіе, былъ подавленъ какой-то грустной мыслью, его улыбка была печальной. Этотъ возрастъ еще не умѣетъ скрывать такихъ мыслей; онъ опустилъ глаза и сказалъ:

— А что, если папаша узнаетъ?

— Онъ не узнаетъ, мой милый.

— А если онъ меня спроситъ?»

Стр. 415—16 св. Послѣ «по тарелкѣ»: «Въ эту минуту въ комнату вбѣжала дѣвка и быстро сказала Настасья:

— Онъ проснулся, ходитъ по залѣ. Батюшка, Анатолий Михайловичъ, идите внизъ».

Молодой человекъ покраснѣлъ до ушей. Марія Валеріановна попрощалась съ нимъ, и онъ смущенно вышелъ. Она долго смотрѣла вслѣдъ, качая головой, и утирала слезы.

И, всетаки, чтобы объяснить происшедшее, я долженъ еще разъ вернуться назадъ».

» 415—20 св.—18 сн. Нѣтъ.

» » — 8 сн. Послѣ «по-русски»: «съ удареніемъ на буквѣ о».

» 416—12 сн. Послѣ «состояніе крестьянъ»: «Въ послѣднемъ отношеніи онъ былъ очень патриархаленъ».

» » — 9 сн. Послѣ «съ десятскими»: «(которые сопровождали его обыкновенно, по старому обычаю, съ розгами)».

Стр. 418—12—6 сн. Нѣтъ: «Онъ было понижая мгновенно».

» 419— 9 св. Послѣ «Марья Петровна»: «они рассказывали ей длинныя сказанія о Соловецкомъ и объ уединенномъ Саровскомъ монастырѣ, въ которомъ вечерняя служба идетъ до самаго разсвѣта».

» » —9 св.—13 св. Нѣтъ: «которая любила со своей женой».

» » —21—19 сн. вмѣсто: «Ея Столыгиня вареніе грибовъ»: «Черезъ полгода послѣ переселенія Льва Степановича, пріѣхалъ въ домъ и дядя съ женой».

» 420—10 сн. Послѣ «забавляло Столыгина»: «и все же Левъ Степановичъ очень обидѣлся бы, если бы старикъ ушелъ изъ его дома; онъ никому не позволилъ бы оскорбить его, иногда баловалъ его даже маленькими подарками — старымъ камзолемъ или сношеннымъ галстухомъ; но зато послѣ онъ вознаграждалъ себя непрерывными издѣвательствами». Послѣ этого строки 8—27 св. стр. 356.

» 421— 4 сн. Послѣ «раскритичся»: «Голова у тебя сѣномъ что ли набита? Столько времени у меня служишь и характера моего не знаешь!»

» 423— 3 св. Нѣтъ: «какъ будто свой вѣкъ».

» » —11 сн. Послѣ «кислыми щами»: «(Левъ Степановичъ почти никогда не пилъ вина, только передъ обѣдомъ стаканчикъ наливки и въ рѣдкихъ случаяхъ—чай съ ромомъ)».

» » — 9 сн. Послѣ «освѣжившись арбузомъ»: «который онъ остроумно называлъ «краснымъ сахарцемъ», какъ чай — «китайской водичей»».

- Стр. 426—12 св. Послѣ «25 дня»: «(т.-е. около 9 термидора. Переворотъ въ Липовкѣ совпалъ съ переворотомъ во Франціи).
- » 427— 2 св. Послѣ «умеръ его отецъ»: «Левъ Степановичъ самъ прѣѣхалъ изъ Петербурга на похороны».
 - » 428— 5 св. Нѣтъ: «Послѣ и поварь».
 - » » —16 сн. Послѣ «отцами»: «братьями, сестрами».
 - » » — 9 сн. Послѣ «помѣщицей, она»: «похожая характеромъ больше на Наполеона, чѣмъ на Кромвеля».
 - » » — 1 сн. Нѣтъ: «бракъ заблаговременно».
 - » 430—18 св. Послѣ «несомнѣнный успѣхъ»: «Такое образованіе дѣйствовало на воображеніе десятилѣтняго мальчика гораздо сильнѣе, чѣмъ школьная наука».
 - » 431— 8 св. Послѣ «примѣръ дѣлаеть»: «Все это, разумѣется, должно было содѣйствовать развитію въ Мишѣ не столько благороднаго, сколько дворянскаго характера».
 - » » —12 сн. вмѣсто «Георгикъ или изъ Фарсалы»: «Виргилія или Горація».
 - » 432—12 св. Послѣ «нужно для жизни»: «Злые языки утверждали, что онъ, кромѣ своихъ губернскихъ занятій, исполнялъ многія обязанности покойнаго князя, но я никогда не вѣрилъ этому».
 - » » —13 св. Послѣ «весело и легко»: «онъ заставлялъ учениковъ декламировать, читать вслухъ, но больше всего разговаривалъ съ ними».
 - » » —18 св. Послѣ «въ домѣ княгини»: «онъ былъ похожъ на дикаго звѣрька, запертаго въ клѣтку».
 - » » —10—5 сн. Нѣтъ: «точно можно его красотой».
 - » 433—22 св. Послѣ «въ Петербургѣ»: «Со вздохомъ посылалъ Левъ Степановичъ своему племяннику часть доходовъ съ имѣнія и каждый разъ жаловался княгинѣ, что имущество брата израсходовано, доходы незначительны, а урожая плохи».
 - » » — 5 сн. Послѣ «за совѣтомъ»: «я думаю, что и Миша любилъ князя, но подъ условіемъ, чтобы князь никогда не забывалъ своей зависимости отъ него».
 - » 434— 4 св. Послѣ «они»: «около трехъ лѣтъ».
 - » » —19 св. Нѣтъ: «Тогда еще до Парижа».
 - » » —21 св. Передъ «улицы»: «Въ Парижѣ все поражало нашихъ путешественниковъ».
 - » » — 9 сн. Передъ «И вотъ»: «Первое ихъ вступленіе въ Парижъ и въ Версаль было очень пріятно: этимъ они были обязаны связкѣ рекомендательныхъ писемъ, которыя шевалье де Дрейакъ умѣлъ освѣтити ослѣпительными лучами роскоши и рельефно выставилъ ее, при чемъ не всегда оставался вѣренъ прозаической правдѣ».
 - » 435—13 св. Нѣтъ: «Будьте будущности».
 - » » —17 св. вмѣсто «подхватила годы»: «подхватило нѣсколько голосовъ».
 - » » —19—23 св. Нѣтъ.
 - » 436—16—19 св. Нѣтъ: «Человѣка три чтобы сказать».

Стр. 436—20—24 св. Въмѣсто «съ молодыхъ республика»: «сказалъ Дрейякъ».

» » —25 св. Нѣтъ: «продолжалъ ободренный ораторъ».

» 437— 2 св. Нѣтъ: «и собирался Тарквинія старшаго».

» 438— 6 св. Послѣ «оставить ея домъ»: «Столыгиня хотѣлъ переговорить съ ней, но не былъ принятъ; онъ написалъ ей письмо, но получилъ его обратно нераспечатаннымъ. Нечего было дѣлать,—онъ покинулъ домъ княгини и сейчасъ же послалъ князю трогательное и нѣжное письмо, въ которомъ въ изысканныхъ французскихъ фразахъ просилъ пощады, изображалъ свое горе и прибавлялъ, что послѣ такого прискорбнаго событія онъ и самъ не остался бы въ домѣ княгини, но что его угнетаетъ гнѣвъ женщины, которой онъ обязанъ больше, чѣмъ матери, и т. д. Князь, конечно, на другой же день забылъ объ оскорбленіи, просилъ мать простить Столыгина и взялъ всю вину въ устройствѣ дуэли на себя; однако, княгиня, все-таки, не захотѣла принять Столыгина опять въ домъ».

» » — 7 св. Въмѣсто «лѣтъ двадцати восьми отроду»: «ему было тогда около тридцати лѣтъ».

» » — 9—11 св. Въмѣсто «Привычный къ роскоши скрягой»: «Такъ какъ онъ не располагалъ тогда почти никакими денежными средствами, то написалъ дядѣ и, въ ожиданіи отвѣта, терпѣлъ лишенія, потому что ему было непріятно просить у князя взаймы. Недѣлю онъ терпѣлъ, но потомъ, въ шутливой формѣ, занялъ у князя нѣсколько сотъ рублей. Это очень волновало Столыгина и привело его къ мыслямъ, которыми онъ до сихъ поръ не занимался. Пока онъ жилъ на счетъ княгини, ему хватало денегъ, которыя посылалъ дядя, но теперь все измѣнилось; онъ высчитывалъ и ломалъ себѣ голову. Больше 4000 руб. онъ не могъ получать; въ то время это было, конечно, совершенно недостаточнымъ доходомъ для одного, но Столыгинъ привыкъ къ жизни роскошнаго дома, къ кучѣ прислуги, къ блестящимъ экипажамъ и никогда не думалъ о томъ, чего это стоитъ. Теперь, когда онъ сталъ обдумывать свое положеніе, ему представилось, что онъ несчастный, жалкій нищій: это пугало его, онъ былъ почти уничтоженъ этой мыслью. На этотъ разъ замѣчаніе священника не оправдалось, этотъ разъ онъ, дѣйствительно, былъ потрясенъ, дѣйствительно страдалъ, потому что страдалъ самъ за себя».

» 438—15—29 св. Въмѣсто этого: «Не было никакого выхода, не оставалось ничего другого; глубоко оскорбленный и раздраженный, онъ смирился и рѣшилъ прекратить прежнюю жизнь. Онъ подавилъ въ себѣ желанія, сталъ разсчетливымъ, скупымъ, пожелтѣлъ въ лицѣ, заперся въ своихъ четырехъ стѣнахъ; мысль о будущей бѣдности такъ пугала его, что онъ почти заболѣлъ, хотя еще не было никакой серьезной опасности. Дядя писалъ ему иногда, что онъ долженъ самъ поѣхать или кого-нибудь послать, кто возьметъ бы на себя управление подмосковнымъ имѣніемъ, что ему трудно справиться съ однимъ сво-

имъ. Столыгинъ увидѣлъ; что самъ онъ немного понимаетъ въ хозяйствѣ, и началъ искать управляющаго. Мѣсяца черезъ три онъ получилъ черезъ одного морского офицера письмо отъ Акулины Андреевны. Онъ очень рѣдко переписывался съ нею и не любилъ вопросовъ о матери; иногда онъ писалъ ей нѣсколько строкъ или посылалъ ей маленькіе подарки, — этимъ ограничивались ихъ отношенія. Поэтому онъ очень холодно принялъ моряка. Мать просила его помочь въ дѣлѣ, которое касается подателя письма, и хвалила его услужливость и честность. Михаилъ Степановичъ обѣщаль сдѣлать для него все возможное и не сдѣлалъ ничего, но морякъ, привыкшій ждать попутнаго вѣтра, посѣщаль Михаила Степановича каждый день. Наконецъ, Михаилъ Степановичъ потерялъ терпѣніе и, съ помощью княгини, устроилъ дѣло».

- Стр. 439—17 св. Послѣ «письмо Тита»: «Онъ перечиталъ его, по крайней мѣрѣ, пять разъ; блѣдный, тяжело дыша и чувствуя головокруженіе, вышелъ онъ на улицу, чтобы собраться съ мыслями... 1500 душъ превосходно поставленнаго имѣнія, домъ въ Москвѣ, и вѣроятно, цѣнныя бумаги тоже... И сейчасъ же, рядомъ съ этими радужными надеждами, имъ овладѣли опасенія, нѣтъ ли какихъ-нибудь особенныхъ распоряженій... Можетъ быть, векселя у старика просрочены».
- » 439—15 св. Вмѣсто «вынимаемая бумажничъ»: «Гдѣ оно? — «У меня, батюшка, — отвѣчалъ Титъ, вынимая изъ-за пазухи бумажничъ, который когда-то былъ краснымъ».
- » 440—9 св. Послѣ «въ подмосковную»: «Михаилъ Степановичъ опьянѣлъ отъ восторга при вѣздѣ въ свои владѣнія; мысль, что все это — его собственное, ему принадлежитъ, вызвала въ немъ особенно пріятное, но въ то же время и тревожное чувство».
- » 442— 5 св. Послѣ «въ Петербургъ»: «Пришли другія времена, военная служба стала тяжелѣе. Это не отвѣчало склонностямъ Михаила Степановича, который не привыкъ стѣснять себя какими-нибудь обязанностями; онъ вышелъ въ отставку и».
- » 442— 5 св. Нѣтъ: «а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ».
- » » — 6 св. Нѣтъ: «Гдѣ онъ былъ заграничной жизни»?..
- » » — 9 св. Вмѣсто «Когда»: «Черезъ четыре года».
- » » —10 св. Нѣтъ: «Другіе проживаются въ путешествіи».
- » » —20 св. Вмѣсто «ничего не дѣлалъ развратенъ»: «Въ домѣ онъ не позволялъ ничего поправлять; выцвѣтшіе ковры были мѣстами разорваны, позолота давно уже стала черной, старинная тяжелая и крѣпкая мебель стояла много лѣтъ на одномъ мѣстѣ, какъ пригвожденная, а грустная, плохо одѣтая прислуга, ползая на цыпочкахъ, вытирала съ нея пыль. Богатство, не освободивъ его отъ страха за свое положеніе, развило въ немъ болѣзненную подозрительность и скупость».
- » » —23 св. Послѣ «изъ потребности живого человѣка»: «Онъ рассказывалъ моряку по вечерамъ о своихъ путешествіяхъ, обо всемъ пережитомъ и жаловался на лишенія, которымъ подвергался въ

Москвѣ, и на глупость прислуги. Морякъ никогда не возражалъ и всему удивлялся, а въ особенности, самому Михаилу Степановичу. Столыгинъ нуждался именно въ такомъ товарищѣ.

«Сначала у него была мысль посвятить себя дипломатической дѣятельности; онъ былъ весьма высокаго представленія о своихъ способностяхъ и хотѣлъ сразу занять видный постъ. Но такъ какъ это было противно обычаямъ нашего правительства, по которымъ должность и чинопроизводство зависѣли больше отъ возраста и чина, чѣмъ отъ талантовъ и способностей, какъ хотѣлъ Столыгинъ, то это ему, разумѣется, не удалось, и онъ вернулся изъ Петербурга, считая себя жертвой несправедливости и интригъ. Чѣмъ же занимался онъ въ Москвѣ? На это трудно отвѣтить».

Стр. 442— 7 св. } вмѣсто «Сверхъ моряка на свою гибель»:

» 443—17 св. } «Бѣдная прислуга совершенно потеряла голову и не знала, какимъ образомъ угодить барину. Ни точное исполненіе его приказаній, ни рабская преданность, которую онъ больше всего любилъ, ни сдержанность не могли спасти ихъ отъ его гнѣва, за которымъ всегда слѣдовали жестокія наказанія. Его лакей, молодой и трезвый парень, повѣсилъ, двое другихъ убѣжали. Эти событія не только не разбудили въ немъ совѣсти, но дали поводъ для новыхъ преслѣдованій и новаго гнета. Только одно развлеченіе было у него въ дома: почти каждый день онъ посѣщаль какого-нибудь антиквара, мѣнялъ разныя старыя вещи, оставшіяся отъ дяди, и старался надуть, при чемъ почти всегда его обманывали. Несмотря на свою скупость, онъ часто покупалъ совершенно бесполезныя вещи: какую-нибудь вазу, которую не знаютъ куда дѣвать, или какой-то одинъ канделябръ. Черезъ мѣсяцъ онѣ надоѣдали ему, и онъ опять мѣнялъ ихъ на другія, на китайскую портьеру или персидское ружье; двѣ комнаты были наполнены такими случайно купленными вещами. Черезъ посредство этихъ торговцевъ Михаилъ Степановичъ отдавалъ свои деньги подъ большіе проценты, — ему не хотѣлось выступать ростовщикомъ. Антикварная торговля была, въ большинствѣ случаевъ, весьма выгоднымъ предпріятіемъ, которое давало гораздо больше, чѣмъ прибыль на безносомъ Адонисѣ или на поддѣльныхъ Пюклеровскихъ камняхъ, которыя пролежали пять-шесть лѣтъ, какъ заваль».

Такъ протекала жизнь Столыгина и текла бы такъ еще, можетъ быть, 40 лѣтъ, если бы онъ... не женился. Въ Москвѣ женится каждый, но со времени знаменитой попойки, благодаря которой Москва была впервые названа въ лѣтописи, вплоть до празднованія 600-лѣтія своего существованія, городъ этотъ никогда не видѣлъ человѣка, менѣе приспособленнаго къ семейной жизни, чѣмъ Столыгинъ. Онъ самъ зналъ это, всегда смѣялся надъ узами Гименея и, несмотря на это, женился, какъ въ сказкѣ говорится: «правда, не совсѣмъ по своей волѣ, но вдвойнѣ противъ воли». У Столыгина было дѣло съ однимъ его должникомъ; онъ зналъ, что дѣло его не совсѣмъ чисто,

и потому обратился къ знаменитому тогда въ Москвѣ стряпчему, статскому совѣтнику Валеріану Андреевичу. Судьбѣ было угодно, чтобы у этого стараго стряпчаго была молодая и красивая дочь. Михаилъ Степановичъ увидѣлъ ее и рѣшилъ, что долженъ добиться ея любви во что бы то ни стало; черезъ жену Тита онъ подкупилъ кухарку и началъ вести осаду по Вобановской системѣ—издалека и подходилъ все ближе. Простая наивная дѣвушка, воспитанная подъ тяжкимъ гнетомъ старика-отца, никогда не видѣла близко порядочнаго человѣка и, не обладая сопротивленіемъ Саратоссы, отдалась. Они все больше сближались, и, наконецъ, Михаилъ Степановичъ не могъ уже безъ сердцебіенія видѣть жену живущаго съ нимъ по сосѣдству булочника».

Стр. 443— 2 сн. } Вмѣсто «Старикъ на все легкой побѣдой»:
 » 444—17 св. } «Старикъ поставилъ свѣчу и сказалъ хриплымъ, суровымъ голосомъ: «Чего ты прячешься въ углу? Безстыдная! Когда ты на rendez-vous бѣжала, такъ не было страшно, а отъ отца прячешься?! Поди сюда! Возьми перо и подпишись—и дѣло будетъ сдѣлано». Онъ продиктовалъ: «Дочь статскаго совѣтника Марія Валерьяновна Трегубская».

Дѣвушка писала въ лихорадкѣ, въ безуміи, дрожа отъ страха и не зная, что она дѣлаетъ. Отецъ перечиталъ подпись и хотѣлъ итти, но Марія Валерьяновна бросилась къ его ногамъ и, рыдая, повторяла: «Батюшка, простите меня, простите!» — «Теперь ты хныкаешь, безстыдная!» воскликнулъ почтенный старикъ. Тебѣ скучно сидѣть здѣсь взаперти, не позвать ли твоего возлюбленнаго? Такъ опозорить мою сѣдину!»—и, оттолкнувъ ее, онъ вышелъ вонъ».

» — 3 сн. } Вмѣсто этого: Въ «первую минуту Михаилъ Степановичъ,
 » 445— 5 св. } разгнѣвавшись, написалъ Трегубскому грубое письмо, какъ, молъ, ему, Столыгину, посмѣли предложить жениться на дочери писаря. Но послѣ (мы, вѣдь, уже знаемъ, что онъ умѣлъ укрощать себя, когда сила была не на его сторонѣ) онъ передумалъ, разорвалъ написанное и написалъ письмо въ болѣе умѣренномъ тонѣ: онъ, молъ, удивляется, какъ можетъ Валеріанъ Андреевичъ прійти къ такимъ мыслямъ, просить не торопиться съ дѣломъ и увѣряетъ его, что все это — клевета, которую онъ постарается открыть, все это мечь враговъ, которые изъ зависти къ его спокойной и одинокой жизни распространяютъ всякія сплетни».

» 445—19 св. Вмѣсто «и сказалъ ему, отпуская его»:
 — «Какой это Столыгинъ? тотъ самый, который воспитывался у княгини N?

— «Тотъ самый».

— «Я вспоминаю его; этому уже много лѣтъ; онъ никогда не пользовался хорошей репутаціей, была у него дуэль съ сыномъ княгини, а въ Парижѣ онъ водилъ знакомство съ якобинцами».

» 445— 5 сн. Вмѣсто «и съ измѣнившимся лицомъ»: «блѣдный, какъ стѣна».

Стр. 446— 3 св. Нѣтъ: «Столыгинъ подписалъ».

- » 446— 5 св. Послѣ «подписать вторую»: «потому что Михаилъ Степановичъ молча взялъ перо и подписалъ».
- » » —10 св.—17 св. Нѣтъ: «Несмотря на то, вмѣшательствомъ свримъ».
- » » —18 св. Вмѣсто «Трудно себѣ новобрачной»: «Марія Валерьяновна не имѣла никакого понятія о томъ, какимъ образомъ она стала женой Столыгина; она думала, что онъ просилъ ея руки чтобы спасти ее отъ преслѣдованій отца. Оскорбительная правда не могла, конечно, оставаться долго скрытой отъ бѣдной женщины. Она и безъ того кротко подчинялась всѣмъ требованіямъ своего мужа, но, когда узнала о хитрой продѣлкѣ отца, ей стало казаться точно она украдала свое мѣсто и унизила этимъ Столыгина. Чтобы вознаградить его за все это, она совершенно вся отдалась его власти стала его рабой. Это развивало еще сильнѣе деспотическую развязность Столыгина, и, не думая о томъ, чего стоила эта жертва доброй, преданной и любвеобильной женщины, онъ не только пользовался ея преданностью, но становился все требовательнѣе».
- » » —23 св. Вмѣсто «Столыгинъ ее фаворитку»: «Михаилъ Степановичъ требовалъ, чтобы она занималась хозяйствомъ, осыпалъ ее упреками за то, что она не научилась въ домѣ отца быть хозяйственной и расчетливой, самъ мѣшался во всѣ мелочи и приказывалъ слушаться себя одного. Онъ совсѣмъ не давалъ ей денегъ сердился изъ-за каждаго истраченного ею рубля и требовалъ, чтобы она красиво одѣвалась; онъ полагалъ, что это зависитъ отъ умѣнья вкуса и пониманія, а не отъ денегъ».
- » 446—13—2 сн. Вмѣсто «Она никуда доволенъ сходствомъ» «У него самого было мало знакомыхъ; двухъ-трехъ онъ представилъ женѣ, а остальные только по наслышкѣ знали, что онъ женатъ. Иногда онъ предлагалъ женѣ проѣхать въ каретѣ, думая, что эти поѣздки совершенно достаточны для увеселенія молодой женщины. Впрочемъ, она мало заботилась о развлеченіяхъ, которыхъ никогда не знала, но не могла равнодушно переносить непрерывное недовольство мужа. Разсуждая по-женски, она считала его безмѣрно несчастнымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ только безмѣрно капризенъ; онъ оскорблялъ каждый фибръ ея женской души своею раздражительностью и избалованностью, а она обвиняла себя въ томъ, что не умѣетъ сдѣлать его счастливымъ. Марія Валерьяновна была весь день на вершинѣ счастья, когда Михаилъ Степановичъ привѣтливо обращался къ ней, разговаривалъ съ ней по-человѣчески дарилъ какой-нибудь пустякъ, который получилъ въ обмѣнъ на не нужную ему вещь. Но такихъ дней было немного. Не слѣдуетъ однако, думать, что Столыгинъ преслѣдовалъ свою жену изъ злобы изъ чувства мести или при воспоминаніи о бесѣдѣ съ предводителемъ дворянства. Нѣтъ сначала онъ, дѣйствительно, злился на нее, но потомъ осталась только постоянная ненависть къ ея отцу. Причиной

его поведения было только разнуданное самодурство, отсутствіе всѣхъ чувствъ, кромѣ ревниваго самолюбія. Онъ хотѣлъ незаслуженно и насильно срывать даже тѣ цвѣты жизни, которые достаются только въ качествѣ награды или какъ слѣдствіе дѣйствительныхъ чувствъ; онъ требовалъ вниманія, преданности, не жертвуя не единственнымъ капризомъ, не вознаграждая никакимъ чувствомъ; своей холодной неприступностью, своей отталкивающей безпощадностью онъ убивалъ всякое нѣжное чувство и жаловался, что нигдѣ не находитъ его. Безмѣрность его эгоизма не обнаруживалась, можетъ быть, нигдѣ съ такой силой, какъ въ этихъ жалобахъ, въ справедливости которыхъ онъ самъ былъ до нѣкоторой степени убѣжденъ. Когда у него не было никакого предлога, чтобы жаловаться на окружающихъ, тогда онъ жаловался на расширение сердца, котораго у него вовсе не было. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ у нашихъ супруговъ родился сынъ; ребенокъ былъ поразительно похожъ на отца. Это сходство привело въ восторгъ Столыгина».

- Стр. 447—10 сн. Въмѣсто «Кормилица румянѣе. Такъ»: «Кромѣ того, Михаилъ Степановичъ приказалъ давать ей каждый день селедку и бутылку пива. При помощи такихъ средствъ, свободная отъ работы и защищаемая отъ «барскаго гнѣва» и «барской любви» Маріей Валерьяновной, она стала такой толстой и румяной».
- » » — 3 сн. Передъ «Для дворни»: «Марія Валерьяновна отъ всего сердца радовалась любви мужа къ ребенку. Его капризная недовѣрчивость и заботливость не знали границъ, любовь эта сдѣлалась болѣзнью, горячкой. Иногда онъ былъ даже нѣженъ съ ребенкомъ, — столько противорѣчій умѣщается въ человѣческомъ сердцѣ; но и эта любовь не могла его исправить, — дурныя стороны его характера пустили слишкомъ глубокіе корни».
- » 448— 2 св. Послѣ «себѣ представить»: «Только такое желѣзное здоровье и такой неизмѣнно-безобидный характеръ, который не зналъ выраженій собственной воли и довольствовался болтовней и ворчаньемъ, могъ вынести первыя десять лѣтъ жизни Анатоля. Михаилъ Степановичъ часто ночью приходилъ въ дѣтскую».
- » » —15 св. Послѣ «и вѣчное преслѣдованіе»: «Не то, чтобы въ сердцѣ Столыгина не было никакого сочувствія, но онъ никогда не давалъ себѣ труда подумать, что няня не можетъ ничего ни отвратить, ни устранить; онъ находилъ болѣе удобнымъ давать волю своему гнѣву, — это было въ его власти».
- » 448—17 св. Послѣ «не было конца»: «но долго такъ не могло продолжаться. Михаилъ Степановичъ, по своему характеру, не могъ вынести, чтобы у какого-нибудь живого существа была собственная воля; чѣмъ больше Анатоль развивался, тѣмъ больше «мѣшалъ» ему, какъ выражался отецъ, и любовь его превращалась въ суровое преслѣдованіе, которое онъ называлъ воспитаніемъ. Онъ, правда, все еще баловалъ его, но вдругъ за какой-нибудь невинный проступокъ, въ которомъ вскрывался его дѣтскій характеръ, его сила воли,

Столыгинъ съ бѣшенствомъ нападалъ на него. Непривыкшій къ послушанію, ребенокъ сдѣлался капризнымъ и этимъ еще сильнѣе раздражалъ Михаила Степановича, который хотѣлъ заглушить въ немъ каждое свободное движеніе. Онъ хваталъ его за волосы, кричалъ на него дикимъ голосомъ, ставилъ въ наказаніе на колѣни и т. д., такъ что у нервнаго ребенка часто дѣлались спазмы и обмороки».

- Стр. 448—17 св.—23 св. Нѣтъ «но когда у какъ чумная».
- » » — 9 св.— 7 св. Нѣтъ: «Марія Валеріановна помогли ей».
- » » — 6 св. Передъ «Въ гостиной»: «Какъ то послѣ обѣда Марія Валеріановна, грустная и усталая, сидѣла въ гостиной; Анатолий игралъ вблизи; Настасья стояла у двери, а Михаилъ Степановичъ, мрачный и раздраженный, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. «Ты нездорова?» спросилъ онъ иронически жену. «Совершенно здорова», отвѣчала она коротко. «Слава Богу, ты такъ выглядишь, точно больна или несчастье какое-нибудь съ тобой случилось. Это было сигналомъ къ ссорѣ. Марія Валеріановна не отвѣчала. «Вы, кажется, не расположены къ бесѣдѣ», замѣтилъ Михаилъ Степановичъ съ глубокимъ поклономъ,—извините!» и началъ опять ходить взадъ и впередъ».
- » 449— 3 св. Вмѣсто «разбилъ себѣ до крови лобъ»: «изъ носа у него полилась кровь».
- » » —14 св. Передъ «Это что»: «Михаилъ Степановичъ ни отъ кого еще никогда не слышалъ ничего подобнаго. Глаза его сверкнули».
- » 450—10 св. Послѣ «показался въ дверяхъ»: — «Почему ты, дурень, не чистишь свѣчей?» Казачекъ принесъ ножницы для свѣчей, срѣзал нагаръ и хотѣлъ итти.—«Постой, куда ты несешься? Поправь свѣтильню, дурень, она совсѣмъ скривилась». Онъ исполнилъ приказаніе».
- » » — 9 св. Вмѣсто «входившій въ ярость»: «Будьте добры, Титъ Трофимовичъ, спросите у Ефимки». Титъ побѣждалъ къ Ефимкѣ и вернулся съ отвѣтомъ, что барыня вышла изъ дома одна, безъ сопровожденія и пошла направо. Бѣшенство Столыгина достигло высшаго предѣла.
- » » — 7 св. Послѣ «и кучеровъ»: «Нѣтъ, довольно,—прибавилъ онъ слабымъ, прерывистымъ голосомъ,—будетъ, я больше не желаю такого хозяйства».
- » — 4 св. Вмѣсто «На другой день утромъ»: «Въ тотъ же вечеръ».
- » 451— 8 св. Передъ «Марія Валеріановна»: «Анатолий обрадовался сначала, увидѣвъ знакомыя лица, но потомъ, смущенный ихъ плачемъ, началъ самъ плакать и просить».
- » » —11 св. Послѣ «я спасу васъ»: «но Богъ свидѣтель, что дѣлаю это ради васъ».
- » » —18 св. Вмѣсто «Марія Валеріановна явилась домой»: «Внизу ждала карета. Марія Валеріановна плакала всю дорогу, но къ Михаилу Степановичу она явилась».
- » » —13 св. Послѣ «несчастный случай»: «но какъ пришло тебѣ въ го-

лову бросить больного мужа, отнять у меня сына? Ахъ, страшно подумать объ этомъ—и еще вечеромъ, я такъ безпокоился, вы могли простудиться... васъ могли раздавить. Если бы вы только знали, сколько тяжелаго у меня на сердцѣ, вы многое простили бы мнѣ. Поди ко мнѣ, Анатоль, тебя хотѣли отнять у меня . . . ».

Стр. 451—11 сн. } Вмѣсто «Но не Марью. московскаго
» » — 1 сн. } пожара»: «Послѣ этой исторіи Столыгинъ сдерживался и велъ себя пристойнѣе, но не забылъ нанесеннаго ему оскорбленія и смѣлаго поступка жены. Онъ сталъ еще капризнѣе, еще вздорнѣе; правда, онъ не хваталъ больше Анатоля за волосы, но въ минуты гнѣва осыпалъ его руганью и систематически отравлялъ каждое дыханіе ребенка. Этому тяжелому и невеселому сожителю супруговъ далъ нѣсколько иное направленіе. Наполеонъ.

Въ 1812 году Столыгинъ отправилъ жену въ имѣніе, а самъ поѣхалъ въ Петербургъ. Всѣ тогда были заняты войной; это тяжелое время было, вмѣстѣ съ тѣмъ, полнымъ побѣдъ и великаго значенія. Россія, разбуженная громомъ орудій и московскимъ пожаромъ, проснулась; люди, всю свою жизнь проведеніе въ лѣности и бездѣліи, отпустили теперь усы и пошли въ ополченіе, отставные просили себѣ мѣста въ рядахъ войска, слуги опоясывались старыми кинжалами, загорѣлая рука мужика бросала плугъ, чистила суконкой какой-нибудь старый мушкетъ и доставала патронъ для врага. На Столыгина все это производило такое же впечатлѣніе, какъ взятіе Бастиліи. Онъ такъ былъ занятъ только собой и своими дѣлами, что не думалъ о службѣ; кромѣ того, расширеніе сердца не позволяло ему подвергаться лишеніямъ и тягостямъ бивуачной жизни. Онъ купилъ въ Петербургѣ на публичныхъ торгахъ домъ на Литейной за полцѣны и назначилъ его для зимней жизни жены съ Анатолемъ, самъ же уѣхалъ въ Москву возстановить сгорѣвшій домъ.

Прошло два года, а поправка дома все еще не была кончена; Михаилъ Степановичъ писалъ женѣ каждый мѣсяцъ, высказывалъ желаніе видѣть ее въ Москвѣ, прибавлялъ ласковыя слова для Анатоля и въ каждомъ письмѣ надѣялся, что работы скоро окончатся. Между тѣмъ нѣкая француженка давно уже занимала комнаты Маріи Валеріановны; Михаилъ Степановичъ самъ писалъ женѣ, что она служить при немъ чтицей.

«Глаза мои слабѣютъ, я почти не могу читать, и въ одиночествѣ мною овладѣваютъ всегда печальныя мысли и заботы о васъ. Надо чѣмъ-нибудь развлекаться. Вотъ я и нашель сироту-француженку, она прекрасно читаетъ вслухъ. Это прямо счастье; я даю ей скромное содержаніе и мѣстечко въ домѣ, она безъ всякихъ притязаній и, нисколько не тяготясь, читаетъ мнѣ, бѣдному старику, вслухъ».

Черезъ годъ безпритязательное дитя, повидимому, прочитало все, потому что простилось съ Михаиломъ Степановичемъ, бросивъ ему въ лицо томъ мемуаровъ герцога Сенъ-Симона, что наложило на Михаила Степановича, правда, только наружный, но довольно продолжительный отпечатокъ. Столыгинъ все время писалъ о своемъ приѣздѣ въ Петербургъ, а на самомъ дѣлѣ онъ былъ очень доволенъ, что отдѣлался отъ жены, и только иногда

его тянуло къ Анатолю. Онъ еще долго не собрался бы въ путешествіе, если бы его не ускорила смерть добраго Валеріана Андреевича».

Стр. 452—11 св. } Вмѣсто этого: «Михаиль Степановичъ считалъ, что
» » — 8 св. } билеты эти по полному праву принадлежать ему.
Драгоцѣнныя вещи онъ уже въ день похоронъ старика велѣлъ принести къ себѣ и написалъ женѣ:

«Разныя вещицы en orfèvrerie, оставленныя твоимъ отцомъ, я до твоего прїѣзда поставилъ у себя; онѣ служатъ мнѣ развлеченіемъ и увеселеніемъ во время нашей разлуки».

Марія Валеріановна молчала о драгоцѣнныхъ вещахъ, но требовала, чтобы ломбардные билеты были посланы ей. Въ послѣднее время Столыгинъ посылалъ ей въ Петербургъ такъ мало денегъ, что о воспитаніи Анатоля нечего было и думать, и Марія Валеріановна рѣшила употребить на это оставленное ея отцомъ наслѣдство. Это обстоятельство совершенно поссорило ее съ мужемъ.

Столыгинъ сказался больнымъ, но, несмотря на расширеніе сердца, при которомъ путешествіе, вообще, не полезно, поѣхалъ въ Петербургъ. Прїѣхавъ туда, онъ сталъ толковать женѣ, какъ безнравственно и грѣшно дѣлать имущество между мужемъ и женой, что онъ, все равно, ничего не возьметъ съ собою въ гробъ и все оставитъ Анатолю, и что онъ только для того хотѣлъ бы имѣть деньги у себя, чтобы изъ нихъ не было сдѣлано дурного употребленія. Но, несмотря на такую краснорѣчивость, Марія Валеріановна требовала деньги.

Тогда онъ нанесъ бѣдной женщинѣ тяжелый ударъ: онъ объявилъ ей, что она должна приготовиться къ переѣзду въ Москву, куда онъ ѣдетъ съ Анатодемъ уже на слѣдующій день, что въ его домѣ пока для нея нѣтъ мѣста и что нѣсколько дней она можетъ прожить въ старомъ домѣ отца.

Въ Москвѣ онъ рассказывалъ, что спасъ Анатоля отъ этой несчастной женщины, «характеръ которой такъ раздражителенъ, что она почти что извела ребенка».

Стр. 452. Прибавлено къ концу главы:

«Приблизительно черезъ три недѣли прїѣхала въ Москву и Марія Валеріановна и остановилась въ своемъ домѣ въ Хамовникахъ».

Когда Титъ доложилъ вечеромъ Михаилу Степановичу о прибытіи барыни, онъ приказалъ на слѣдующее утро пойти къ ней, освѣдомиться объ ея здоровьѣ и о томъ, какъ прошло путешествіе и доложить ей, что его здоровье совершенно расшатано безчисленными болѣзнями, огорченіями и заботами. «Ее окружаютъ мерзавцы; скажи Ефимкѣ, чтобы онъ никого не пропускалъ ко мнѣ! Слышишь?»—прибавилъ разстроенный старикъ такимъ голосомъ, что Титъ кашлянулъ и переступилъ съ одной ноги на другую, прежде чѣмъ отвѣтилъ своимъ низкимъ басомъ: «Слушаю!»

На другой день Анатолю оказался запертымъ. Жена писала Михаилу Степановичу, что если онъ не хочетъ пускать, то пусть отправитъ къ ней сына. Онъ нашелъ ея просьбу справедливой, но отвѣчалъ, что Анатолю немного простуженъ.

Анатолю со слезами просилъ отпустить его къ матери; Михаилъ Сте-

пановичъ хвалиль его за это, обѣщаль отпустить, но попозже, потому что она—слабая, нервная женщина и должна отдохнуть отъ дороги: «надо ее пощадить».

Такъ прошло около пяти дней. Марія Валеріановна не могла больше этого вынести и увидѣлась съ сыномъ, какъ мы уже знаемъ, въ комнаткѣ у Настасьи.

Стр. 453. Заглавіе: «Письмо автора къ Вильгельму Вольфсону, какъ продолженіе повѣсти». Послѣ этого идетъ:

«Исполняя Ваше желаніе, посылаю Вамъ первую часть своей повѣсти «Долгъ прежде всего»; я не могу ее кончить,—нѣтъ ни того настроенія, ни того юмора, какой былъ въ началѣ. Событія рѣзко отдѣлили 1847 годъ отъ 1851, и мнѣ кажется невозможнымъ связать, несмотря на промежуточные паузы, разорванную нить разсказа».

» » —16 сн. Передъ «Не находя»: «Я постарался оправдать довѣріе цензуры и послалъ печатать извѣстныя Вамъ брошюры».

» » —15 сн. Послѣ «ея планъ»: «Я намѣренъ былъ такъ изуродовать, сократить и запутать этотъ планъ, какъ этого требовали каудинскія ущелья прежней русской цензуры, но теперь, когда я пишу Вамъ, само собой ясно, что я отбросилъ китайскіе башмаки и отечественныя колodки».

» » — 5 сн. } Вмѣсто «Сила этого человѣка При-
» 454—12 св. } шла и она»: «—однимъ словомъ, онъ, ради долга, вступаетъ въ борьбу съ самимъ собой! Въ этомъ отрывкѣ мы видимъ Анатоля въ столкновеніи, которое должно было нравственно погубить его: ему открывается вся нелѣпость родительской власти и сыновняго *дома*. Его чистая, юношеская натура гнушается стараго эгоиста, возмущается отношеніемъ къ матери, но чувство долга напоминаетъ ему о томъ, что это безнравственное существо—его отецъ, что онъ долженъ любить его и уважать. И онъ старается заглушить искренній голосъ сердца, притупить негодованіе и юное чувство справедливости и заставляетъ себя слушаться отца и оправдывать его».

Двѣнадцатилѣтнему, блѣдному, озабоченному, грустному и слишкомъ развитому для своего возраста мальчику судьба посылаетъ бѣдную дѣвушку,—наивную, чистую и романтическую, какъ всѣ дѣвушки въ 16 лѣтъ. Она послѣднее время жила у его матери. На похоронахъ ея онъ ближе познакомился съ этой дѣвушкой и полюбилъ ее. Она одна искренно оплакивала Марію Валеріановну. Для Анатоля вмѣстѣ съ матерью было погребено все, что онъ любилъ и цѣнилъ.

Старикъ Столыгинъ узналъ о любви сына, и на юношу обрушился новый рядъ преслѣдованій. Какъ всѣ люди, состарѣвшіеся въ развратѣ, онъ не понималъ невинной юношеской любви сына и старался, самъ не понимая зачѣмъ, втянуть его чувство въ грязь грубыми и оскорбительными выраженіями. Происходили ужасныя сцены. Анатодемъ овладѣли мысли о самоубійствѣ. Лишь одно утѣшеніе было у него: онъ бѣжалъ, какъ только могъ, изъ отцовскаго плѣна, гдѣ все дышало тяжелымъ рабствомъ и носило печать старческихъ капризовъ, къ Оленькѣ. Она раздѣляла его печаль, пла-

кала съ нимъ, осушала ему слезы и привязывала его къ себѣ все больше и больше.

Такъ прошли долгіе четыре года».

Стр. 454—21 сн. Послѣ «изъ Великобританіи идетъ»: «Около года Анатоль тратилъ всѣ свои силы на то, чтобы уничтожить все, чтѣ отецъ и морякъ вводили съ 1796 года. Онъ очень измѣнился за этотъ годъ, его богато одаренная натура свободно развилась, но онъ не сталъ веселѣе, наоборотъ, иногда онъ казался болѣе грустнымъ, чѣмъ былъ раньше».

» » —16—9 сн. вмѣсто этого: «Анатоль попробовалъ поднять Оленьку на свою высоту; малая, но не широко охватывающая душа ея не могла итти съ нимъ рядомъ. Она слушала его охотно, даже жадно, но оставляла его на полпути. Анатоль мучился и ловилъ себя съ ужасомъ на радости, которую ощущалъ, когда ему удавалось, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, уйти отъ Оленьки раньше,—отъ той самой Оленьки, къ которой онъ тайкомъ спѣшилъ, полный восторга.

Бѣдная дѣвушка тоже замѣтила эту переменъ; невыразимый страхъ овладѣлъ ею, ея сердце замирало, она искала вины и не находила, и слезы ея лились на канву, гдѣ для Анатоля вышивался скачущій бедуинъ въ бѣломъ бурнусѣ, съ невѣроятно большими стремянами. Эти чувства долго кипѣли въ сердцахъ молодыхъ людей, если бы не вмѣшалась тетка Оленьки. Съ свойственной старымъ вдовамъ жестокостью она сказала однажды ей, что Анатоль высокомеренъ, что онъ хочетъ отъ нея отдѣлаться, что ему просто стыдно жениться на ней.

Ударъ тетки попалъ въ цѣль. Оленька, какъ ребенокъ, всегда радовалась своему будущему богатству, но никогда не думала о различіи ихъ общественныхъ положеній. Теперь, впервые въ своей жизни униженная и глубоко оскорбленная, она въ тотъ же вечеръ написала Анатолю письмо. Она открыто и великодушно отказывалась отъ его руки, просила, чтобы онъ ее забылъ и только иногда вспоминалъ, говорила, что она будетъ счастлива воспоминаніями и будетъ молиться за него... Однимъ словомъ, она писала со всей логикой юности,—логикой, которая кажется намъ неестественной, натянутой, на самомъ же дѣлѣ столь свойственна юности.

Оленька передала письмо теткѣ и заперлась въ комнатѣ. На душѣ у нея было очень тяжело. Она, не раздѣваясь, бросилась на постель и утѣшалась только мыслью о томъ, что не переживетъ эту ночь. Она такъ была увѣрена въ смерти, что вечеромъ выпустила въ окно щегленка и взяла съ собой въ кровать силуэтъ Анатоля и всѣ его подарки, чтобы имѣть ихъ при себѣ вплоть до самой смерти.

Заснула Оленька въ слезахъ и въ ознобѣ, а когда открыла свои распухшіе и воспаленные глаза, Анатоль стоялъ на колѣняхъ передъ ея кроватью. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ прежде, такъ нѣжно и любовно, что она забыла свою близкую смерть, свое горе и съ улыбкой протянула ему покраснѣвшую отъ горчичника руку.

Анатоль былъ въ отчаяніи отъ ея письма, онъ ужасался своему поведенію по отношенію къ ней. Когда я былъ несчастенъ, думалъ онъ, когда меня преслѣдовали, я находилъ утѣшеніе только съ этимъ милымъ ребен-

комъ, я не щадилъ ея сердца и угнеталъ его своими несчастьями; тогда меня удовлетворяло ея духовное развитіе, а теперь я ставлю свою любовь въ зависимость отъ экзамена, я предъявляю нелѣпныя права.

Черезъ двѣ недѣли они были женаты.

Черезъ два года они были несчастны».

Стр. 455—1 св.—10 св. вмѣсто «Анатоль черезъ обвѣшанный»: «Бракъ, конечно, не могъ скрыть отъ Анатоля то, что онъ уже раньше зналъ, но чувствовалъ онъ себя все же свободнѣе: чего требовалъ долгъ, то было исполнено. Но онъ видѣлъ совершенно ясно, что удаляется быстрыми шагами отъ Оленьки въ противоположномъ направленіи. Упрекая себя въ неисполненіи желаній, онъ заставлялъ себя оказывать ей какъ можно больше любви и этимъ окончательно убивалъ еще бывшія въ его сердцѣ нѣжныя чувства къ ней. Онъ былъ добръ и внимателенъ къ Оленькѣ, охотно исполнялъ ея желанія, былъ ласковъ и даже веселъ, но чего-то недоставало; иногда онъ становился очень грустенъ, у него срывались тяжелыя слова, которыя выражали борьбу, усталость, ошибку его жизни, такъ что Оленька слушала его со страхомъ, съ замираніемъ сердца. Если бы онъ былъ менѣе внимателенъ, думала она, если бы онъ когда-нибудь возражалъ ей, если бы если бы онъ держалъ себя иначе, ей было бы гораздо легче.

Вмѣсто того, чтобы приложить всѣ силы къ развитію мысли и чувства, чтобы постараться догнать Анатоля, понять его печаль, всѣ ея мысли испуганно сосредоточивались на воспоминаніяхъ объ исчезнувшемъ счастьѣ, на жалобахъ на свою жизнь, на свою судьбу.

Анатоль, съ своей стороны, видѣлъ, что, несмотря на всѣ свои старанія, онъ не можетъ сдѣлать счастливой жену, а это мучило его и не давало покоя совѣсти. Онъ дѣлался еще предупредительнѣе, утѣшалъ ее и уставалъ, потому что ея грустное настроеніе приняло хроническій характеръ. Какъ ни старался онъ прійти къ какому-нибудь соглашенію, но на другой день Оленька начинала свои прежнія жалобы.

Все еще могло поправиться, и жизнь могла бы принять здоровый характеръ, если бы Оленька вышла изъ своей лирической неподвижности на реальную почву дѣйствительности. Любовь, о которой мечталъ Анатоль и которой жаждала Оленька, была невозможна для нихъ, но они могли бы обойтись и безъ нея. Въ брачной жизни любовь, вообще, не такъ важна, какъ мнѣніе о ней, и, можетъ быть, еще важнѣе этого—тождество мнѣній о любви и о бракѣ у мужа и жены. Несчастье нашей молодой четы состояло, главнымъ образомъ, въ трудности освободиться отъ углубленія въ ихъ собственныя личныя желанія, а углубленіе это вело ихъ въ разныя стороны.

Жизнь, которую они вели въ Москвѣ, представляла имъ мало поводовъ для отъѣздовъ изъ отечества. Русская жизнь, вообще, походитъ на тихое, стоячее болото, поверхность котораго заплѣсневлa; жизнь эта лишена всякихъ интересовъ, кромѣ ненасытнаго честолюбія. Только оно и можетъ отвлечь отъ карточной игры, водки и сна, да развѣ еще разразится надъ головой русскаго какое-нибудь несчастье. Но у Анатоля все шло спокойно.

Года черезъ полтора онъ увидѣлъ, если не выхоть изъ своего положенія, то все же его измѣненіе.

Я забылъ сказать, что отецъ записалъ его, по окончаніи университета, въ военную службу. Нельзя утверждать, чтобы Анатолий обнаружилъ какую-нибудь склонность къ солдатской жизни, но Михаилъ Степановичъ принадлежалъ еще къ тому поколѣнію, которое было убѣждено, что молодой человѣкъ, не прошедшій черезъ казармы и конюшни, едва-ли на что-нибудь способенъ. Чтобы дать Анатолию подходящее мѣсто, онъ обратился къ князю, вмѣстѣ съ которымъ, какъ вы помните, воспитывался. Князь былъ командиромъ кавалерійской дивизіи, которая стояла подъ Москвой, и посѣщалъ иногда Столыгина. Его жизнь шла совѣмъ не такъ, какъ жизнь его двоюроднаго брата. Въ юности—ловкій наѣздникъ и храбрый офицеръ, онъ выдвинулся въ 1812 году со своимъ полкомъ, былъ обвѣшанъ».

Стр. 457—2 св. Послѣ «по темпамъ»: «Это было не такъ легко, какъ въ три темпа взять ружье и въ два—зарядить его. Эту трудность онъ счелъ оппозиціей и приходилъ все въ болъшую ярость».

» » —7—10 св. Вмѣсто «этотъ Константинъ»: «Упоенный самовластьемъ, Павелъ не зналъ никакихъ границъ и никакой мѣры. Тиранія Ивана Грознаго и Петра I можетъ быть оправдана соціально-политическими цѣлями, но».

» » —19 св. Послѣ «екатеринскихъ»: «какъ и нѣмецкіе князья XVIII вѣка имѣли свои «Drianongs» и «Fersals».

» 458—2 св.—4 св. Вмѣсто «Но они не Милорадовичъ»: «Полицейская дѣятельность была имъ противна, доносить о каждомъ пустякѣ они считали ниже своего достоинства; слѣдую внушенію своего добраго генія, они часто облегчали судьбу подсудимыхъ, которыхъ, несмотря на это, осыпали бранью, съ которыми были грубы и читали имъ мораль. Каждый изъ нихъ былъ готовъ брать штурмомъ Варшаву, но ни одинъ не былъ способенъ къ казни Польши, къ ежедневной, мелочной, инквизиторской безпощадной пыткѣ цѣлаго народа, къ войнѣ съ дѣтьми и женщинами.

Къ этимъ людямъ, въ извѣстномъ смыслѣ, принадлежитъ Паскевичъ; я говорю — въ извѣстномъ смыслѣ, потому что вплоть до турецкаго похода 1828 года онъ былъ совершенно неизвѣстенъ. Паскевичъ былъ одинъ изъ тѣхъ дюжинныхъ полководцевъ 1812 г., которыхъ не Александръ, а Николай вывелъ въ свѣтъ. Тѣмъ не менѣе мы видимъ въ Паскевичѣ не дикаго исполнителя царской воли; онъ, насколько это въ его власти, смягчаетъ безсердечную, ненасытную месть Николая.

Горе полякамъ, если Николай переживетъ Паскевича и поставитъ на его мѣсто кого-нибудь изъ своихъ петербуржцевъ.

Что-то таинственное и роковое лежитъ въ судьбѣ главнаго представителя того типа, о которомъ я говорю,—въ судьбѣ графа Милорадовича».

» 458—10 св. } Нѣтъ.

» » —25 св. }

» » — 3 св. } Вмѣсто этого: «Николай—это вылѣчившійся отъ бе-

» 459— 8 св. } зумія, но еще не вошедшій въ разумъ Павелъ, Павелъ безъ его хорошихъ припадковъ, безъ бѣшенныхъ выходовъ».

Стр. 459—17 св. Послѣ «Богу, здоровъ»: «Живой связью между Павломъ и Николаемъ былъ худой, желтый, высохшій призракъ, существо съ ядомъ и желчью въ сосудахъ, неутомимое, во все вмѣшивающееся, всегда злое, существо, которое заставило русскій народъ проклинать Александра, лучшаго монарха послѣ Петра, существо, которое обрисовано Пушкинымъ въ стихѣ: «слуга вѣнчаннаго солдата». Николай ненавидѣлъ это существо, потому что видѣлъ въ немъ нѣчто въ родѣ своего соперника: два Аракчеева было слишкомъ много для Россіи!»

Стр. 459—24 св. Послѣ «превозмогаетъ»: «Нѣсколько забытыхъ стариковъ всплыло въ государственномъ совѣтѣ; чтобы не остаться въ тѣни, они стараются быть тоже безсердечными и боятся показать, что у нихъ есть сердце. Нѣкоторымъ изъ нихъ это удалось.

Мы знаемъ теперь, какой типъ хотѣлъ я представить въ своемъ князѣ-кавалеристѣ.

Князь взялъ корнета Анатоля къ себѣ въ адъютанты; эта, въ мирное время почти не существующая, служба оставляла Анатолю довольно поводовъ, чтобы страдать отъ тѣхъ печальныхъ отношеній съ женой, о которыхъ мы говорили».

» » —25 св. } Нѣтъ: «Для этихъ людей выполнѣ раз-
» » — 7 св. } сѣяло его».

«Только Анатолий сталъ еще печальнѣе. Товарищи смѣялись надъ нимъ и цитировали стихи Давыдова».

» » — 3— 1 св. Нѣтъ.

» 460— 6 св. Послѣ «смотровъ во время похода»:

«Даже князь, который обращалъ мало вниманія на окружающихъ; но особенно любилъ Анатоля, замѣтилъ, что адъютантъ его разстроены, и, недовольный этимъ, сказалъ, что «военная служба состоитъ не только въ томъ, чтобы ходить по Москвѣ въ формѣ и въ аксельбантахъ, но что онъ долженъ былъ бы раньше подумать о дурныхъ сторонахъ военной службы и что теперь онъ, во-первыхъ, не можетъ получить отставку, а во-вторыхъ—взять ее теперь значитъ навсегда опозорить свое имя». И, мѣняя свой тонъ, онъ прибавилъ, хлопая его по плечу: «Все это, другъ мой, очень хорошо—любить жену, но все-таки, Боже мой! Женщинъ вездѣ много, вы—молодой человекъ, я, право, не сомнѣваюсь въ вашей храбрости».

«Вы въ этомъ убѣдитесь, князь» — отвѣтилъ Анатолий, покраснѣвъ и съ большимъ воодушевленіемъ, чѣмъ допускала дисциплина.

«A la bonne heure», — отвѣчалъ старикъ. «Итакъ, мой милый, за работу, а всѣ сентиментальности—въ сторону!»

Съ отчаяннымъ рвеніемъ взялся Анатолий за исполненіе служебнаго долга; его сердце было полно горя, онъ старался оглушить себя непрерывной дѣятельностью, но это не удавалось ему.

Съ самаго дѣтства въ Анатоля развивалось непреодолимое отвращеніе ко всякому насилію. Обращеніе отца и моряка съ прислугой и съ мужиками оставило на немъ неизгладимое впечатлѣніе. Со слезами на глазахъ и съ бьющимся сердцемъ смотрѣлъ онъ на оборванныхъ, голодныхъ, состарившихся въ безнадежности слугъ, когда отецъ въ припадкѣ своей необуздан-

ной раздражительности осыпалъ ихъ бранью, а иногда и ударами палки. Съ болью видѣлъ онъ, какъ несчастные мужики жаловались и молили о пощадѣ, какъ грубо обращался съ ними Столыгинъ, и посылалъ ихъ къ моряку, который и былъ причиной жалобъ.

Такъ какъ Анатолий не приходилъ ни съ кѣмъ въ соприкосновеніе и былъ отъ всего міра отрѣзанъ стѣной столыгинскаго дома, то живыя мысли могли образоваться въ немъ только подъ вліяніемъ книгъ изъ маленькой библіотеки, составленной по указаніямъ Дрейяка. Къ несчастью, онъ отыскалъ Руссо и Фольнея, которые утвердили въ немъ его ненависть къ насилію. 14-е декабря совершенно открыло ему глаза.

Анатолий былъ тогда студентомъ Московскаго университета. Въ то счастливое время ни профессора, ни студенты не носили формы, и послѣдніе не обязаны были коротко обстригать волосы. Попечитель, добродушный старикъ, не умѣвшій правильно ни читать, ни писать, не имѣлъ никакого представленія о задачахъ университета. Профессорами были или грубые семинаристы, которые произносили французское l, какъ греческое λ, и уже въ семь часовъ утра пили водку, или набожные нѣмцы, которые ввели и принесли съ собой такія воззрѣнія на науку, какъ и на насущный хлѣбъ. Никто не заботился о томъ, что преподавали эти нѣмцы и не-нѣмцы; никто, кромѣ медиковъ, не слушалъ серьезно никакихъ лекцій, но почти всѣ вышли въ люди и вступили въ жизнь съ чистыми сердцами. Смѣлый Полежаевъ читалъ въ аудиторіи стихи, въ которыхъ онъ бичевалъ царскую власть; «Думы» Рылѣева, «Полярная Звѣзда» и тетрадь запрещенныхъ стихотвореній Пушкина ходили по рукамъ, и кто, пожимая руку другу, не шепталъ ему знаменитые стихи Пушкина къ Чаадаеву?

Я мыслить имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?

.....
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена.

Ужасы 14-го декабря не могли сразу убить всѣ эти молодыя силы, всѣ эти молодые побѣги. Нужно было воспитать цѣлое поколѣніе шпіоновъ и клеветниковъ, нужно было совершенно развратить чиновниковъ и поставить на крѣпкое основаніе корпусъ жандармовъ, чтобы достигнуть той степени совершенства и виртуозности, на которой стоитъ сейчасъ русское правительство.

Да, жерновъ николаевской мельницы растеръ, удушилъ и раскрошилъ всѣхъ, кто еще хранилъ вѣру въ будущность Россіи; онъ раскрошилъ всю Польшу и до сихъ поръ еще крошитъ ее.

Стр. 460—6—3 сн. Нѣтъ.

» » — 9 сн. Послѣ: «какія то осадныя работы»:

— «Слушаю - съ!» отвѣчалъ старшій капитанъ по-малорусски, когда Анатолий беззвучнымъ голосомъ передалъ ему приказаніе графа.

— Ей Богу, я охотнѣе штурмовалъ бы еще разъ крѣпость, чѣмъ уби-

ь беззащитныхъ людей, какъ барановъ... они, вѣдь, всетаки, — подобіе сіе.

Раненый маіоръ, который все еще стоялъ, какъ оцѣпенѣлый, выжи-тъ кровь изъ носового платка:

— Жаль, что проклятый полякъ такъ неловко ткнулъ штыкомъ, а концѣ концовъ мы, вѣдь, всетаки, не виноваты.

— Да, этого требуетъ долгъ,—замѣтилъ, качая головой, капитанъ и ричаль: «Федосѣевъ!»

— Здѣсь, ваше высокородіе! — отвѣтилъ низкимъ басомъ старый ун-ъ-офицеръ съ торчащими, какъ щетина, усами.

— Поставь плѣнныхъ къ стѣнѣ».

Стр. 460— 3— 2 сн. Нѣтъ.

» » — 8 сн. } Нѣтъ.

» 461— 2 св. }

» » — 8 сн. } Вмѣсто «и поѣхалъ къ водамъ

» 462— 3 сн. } твердо стоящей на своей почвѣ»:

«но не вернулся въ Москву, а ждалъ жену въ Варшавѣ, чтобы потомъ gravиться за границу. Онъ уѣхалъ въ чужіе края, не могъ безъ содро-ія думать о своемъ возвращеніи въ Москву, ненавидѣлъ Россію. Ничто мрѣ не могло больше питать и укрѣплять эту ненависть, чѣмъ событія Польшѣ.

Жена нашла въ немъ большую перемѣну. Отсутствие гармоніи въ се-іной жизни не занимало его исключительно; онъ возмужалъ, сталъ серьез-; скрытое негодованіе кипѣло въ немъ, и новыя страсти волновали его лу.

На предпоследней русской почтовой станціи Столыгинъ, въ ожиданіи ладей, пошелъ бродить по бѣдной еврейской отвратительно-грязной де-нѣ. Мальчишки въ лохмотьяхъ приставали къ нему, прося милостыню; ипой еврей игралъ на арфѣ; женщины съ растрепанными волосами ссори-ь передъ шинкомъ. Столыгинъ почувствовалъ такое отвращеніе при видѣ й последней русско-еврейской картины, что свернулъ въ маленькую цу, гдѣ не было домовъ, и пошелъ по большой дорогѣ.

На дорогѣ не было никого; только какой-то путешественникъ въ ра-ванномъ плащѣ, надвинувъ шапку на лобъ, медленно шагаль, потомъ, изнеможеніи, сѣлъ на бревно и оперся головой на руки. Анатолий взгля-ть на него, проходя мимо, и ужаснулся: онъ увидѣлъ лицо мертвеца, щеки ли, носъ вытянулся, лихорадочно горѣвшіе глаза были обведены синими гами, губы блѣдныя, и, что самое ужасное, человѣкъ этотъ былъ, пови-ому, еще совѣмъ молодъ.

— Вы больны?—спросилъ его Столыгинъ по-польски.

Молодой человѣкъ поднялъ голову и отскочилъ назадъ, точно при ѣ хищнаго звѣря, но, быстро придя въ себя, оглянулся и, увидѣвъ, что изи нѣтъ никого, кромѣ Столыгина, схватился за пистолеть въ карманѣ и отвѣтилъ, испытующе глядя на Анатоля:

— Да, я боленъ.

— Я могу, можетъ быть, помочь вамъ?—спросилъ Анатолий.

— Вы — русскій офицеръ, — возразилъ полякъ, и его голубые глаза напомнили Анатолю о тѣхъ незабвенныхъ глазахъ, которые бросали на него передъ смертью полные упрека и презрѣнія взгляды.

— Я въ отставкѣ, — поспѣшилъ отвѣтить Анатолю и покраснѣлъ. — У меня только форма прежняя.

Полякъ усмѣхнулся, отнялъ руку отъ пистолета и сказалъ:

— Вы очень обяжете меня, если дадите мнѣ рублей десять.

Анатолю протянулъ ему золотой. Полякъ грустно посмотрѣлъ на деньги; его худая, но красивая рука привыкла разбрасывать ихъ, а не принимать милостыню.

— Дай Богъ, — сказалъ онъ, — чтобы вамъ не пришлось никогда почувствовать ту благодарность, съ которой я принимаю ваши деньги... Будьте добры, прибавилъ онъ, размѣняйте мнѣ этотъ золотой, мнѣ будетъ трудно съ нимъ.

Анатолю размѣнялъ и сказалъ, пожимая незнакомцу руку: счастливый путь!

— Да будетъ воля Господня, — проговорилъ полякъ.

На другой день они встрѣтились по ту сторону границы. При вѣздѣ въ маленькую деревню стояла у колодца, въ каменной нишѣ, плохо сдѣланная статуэтка Богоматери въ золоченой коронѣ, съ Христомъ на рукахъ. Передъ ней горячо молился какой-то мужчина. Столыгинъ узналъ его и бросился къ нему, какъ къ старому знакомому.

Русскій, переступивъ границу своего отечества, чувствуетъ себя другимъ человѣкомъ; онъ становится моложе, лучше и бодрѣе, какъ будто сбросилъ съ плечъ десять лѣтъ своей жизни. Невозможно описать то чувство радости, съ которымъ мы, благодаря Романовымъ, покидаемъ отечество. Мы вознаграждаемъ себя за дрожь, за страхъ и притворство цѣлой жизни, мы дѣлаемся болтливыми, подвижными; оставивъ за шлагбаумомъ послѣдній зеленый мундиръ и послѣдняго казака, мы чувствуемъ себя свободными, какъ птицы въ воздухѣ.

Полякъ только-что перешагнулъ границу, онъ былъ возбужденъ и въ повышенномъ настроеніи.

— Безъ вашихъ денегъ, — сказалъ онъ, — я сидѣлъ бы теперь въ Брестъ-Литовскомъ замкѣ или долженъ былъ бы убить казацкаго унтеръ-офицера, который оказался достаточно разумнымъ и предпочелъ три серебряныхъ рубля одной свинцовой пулѣ.

— Куда вы теперь направляетесь? — спросилъ Анатолю.

— Я хочу пробраться въ Берлинъ, тамъ у меня много знакомыхъ, но сначала отдохну гдѣ-нибудь, у меня нѣтъ ни силъ, ни средствъ, и я совершенно изнемогаю отъ полученной раны въ груди и отъ бродяжничества по лѣсамъ. Я остановлюсь въ Познани, пока не получу отвѣта...

— Послушайте, — прервалъ его Анатолю, — у насъ довольно мѣста, и ѣдемъ мы прямо въ Берлинъ; я буду очень радъ, если вы примите мое предложеніе, а вы спокойно достигнете своей цѣли.

— Что вы! — возразилъ полякъ. — Объ этомъ могутъ узнать.

— Кто узнаетъ?

— Кто? У вашего государя довольно шпионов! Если вы вернетесь назад...

— Я никогда не вернусь, — быстро отвѣтил Анатоль, и самъ удивился. Онъ до сихъ поръ еще не думалъ объ этомъ, но теперь, когда говорилъ это, ему показалось такимъ простымъ и яснымъ, что онъ не вернется, что онъ повторилъ еще разъ: никогда!

Полякъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Или,—прибавилъ шутя Анатоль— вмѣстѣ съ вами, но такой случай представится, вѣроятно, не скоро.

— Да,—сказалъ полякъ и грустно покачалъ головой,—я долго не увижу лѣсовъ своей Литвы...

Столыгинъ не тосковалъ ни по лѣсамъ, ни по полямъ Звенигородскаго уѣзда; ему даже стыдно стало.

— Въ такомъ случаѣ я принимаю ваше предложеніе, но, вѣдь, вы должны знать, кому вы выказываете столько дружбы; мое имя —графъ Ксаверій.

— Не въ вашемъ ли имѣніи стоялъ нашъ полкъ передъ штурмомъ Варшавы? Большое имѣніе.

— Это наше родовое помѣстье. Послѣ ссылки отца и приговора его къ каторжнымъ работамъ, оно, при вступленіи Николая, принадлежало моему брату, который погибъ теперь въ Остроленкѣ, я эмигрирую, и имѣніе теперь безъ хозяевъ. Николай, конечно, подаритъ его какому-нибудь изъ своихъ лакеевъ или его женѣ, какъ Софіевку.

.....Анатоль съ благоговѣніемъ слушалъ мартирологъ графа Ксаверія. Графъ, понимая, что происходитъ въ душѣ Анатоля, продолжалъ дальше:

— Польша—мученица, которая распинается за свои и наши прежние грѣхи, она—Авель среди народовъ. Тяжелъ жребій ея сыновей... Старикъ отецъ въ рудникахъ, сынъ бродитъ нищимъ по чужой землѣ и между ними—едва остывшій трупъ застрѣленнаго русской пулей брата. Но, будьте увѣрены, возстаніе Польши ближе, чѣмъ думаютъ.

Удивительные люди, удивительная страна! подумалъ Столыгинъ. Да, «еще Польша не погибла!»

Въ графѣ Ксаверіи я хотѣлъ представить одинъ изъ этихъ поэтическихъ образовъ нашего времени, образъ польскаго выходца.

Въ вашей скучной Европѣ тридцатыхъ годовъ, педантично-мѣщанской въ Германіи и экономно-мѣщанской во Франціи, поляки, эти мученики за свой героическій патриотизмъ, являются, какъ оправданіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ упрекъ и примиреніе. Побѣжденные и подавленные въ неравной борьбѣ, они прошли по Европѣ величественно, какъ побѣдители. Униженіе не сломило ихъ. Наоборотъ, высоко поднявъ голову, они смотрѣли съ большей гордостью, чѣмъ раньше; они несли съ собой свое отечество, они взяли свои души, бросивъ свои богатяя помѣстья царю на грабежъ. Ихъ надежда на будущее была непоколебима; какъ фанатики, энтузіасты, они не поддались силѣ отчаянія, они вѣрили въ возвратъ польской свободы и охотнѣе предавались ультрамонтанству, мессіанизму, панславизму, бонапартизму, чѣмъ отчаянію.

Народы, стыдясь своего рабства, съ любовью и уваженіемъ смотрѣли на проходящихъ странниковъ, правительства, стиснувъ зубы, склонялись передъ ними и приказывали войскамъ давать мѣсто могучимъ борцамъ и почетную свиту. Всюду, гдѣ поднималось знамя независимости, было ли это въ Колумбіи или Испаніи, въ Италіи или на Кавказѣ, — всюду являлся голубоглазый полякъ, сражался въ первыхъ рядахъ и падалъ первымъ, завѣщая своимъ братьямъ и потомкамъ освобожденіе Польши.

Какъ бы реакція и правительственная печать ни преслѣдовала поляковъ и ни ругала ихъ, ореолъ поэзіи, который окружаетъ ихъ благородное чело, не потускнѣетъ отъ этого, и, блестящій и незапятнанный, онъ будетъ служить предметомъ удивленія для потомства въ теченіе многихъ столѣтій. При словѣ «полякъ» вздрагиваетъ каждое молодое сердце и начинаетъ сильнѣе биться при воспоминаніи объ этихъ крестоносцахъ свободы и патриотизма, этихъ лишенныхъ убѣжища скитальцахъ, которые потеряли все, кромѣ вѣры и смѣлости, этихъ борцовъ, для которыхъ слово «Польша» значитъ то же, что слово «свобода», и каждая борьба за послѣднюю принимается ими, какъ борьба за Польшу!

Столыгинъ былъ не менѣе образованъ, чѣмъ графъ Ксаверій, его образованіе было даже разностороннѣе, шире, но скоро онъ подпалъ подъ сильное вліяніе графа, который былъ человѣкомъ твердаго характера, тогда какъ Анатолю не хватало силы сопротивленія и настойчивости. Ксаверій жилъ въ согласіи со своей внутренней жизнью, онъ твердо ступалъ по той дорогѣ, которую выбралъ, не возвращаясь постоянно къ исходной точкѣ и не подвергая ее непрерывной критикѣ.

463—8 св. Послѣ «породистый полякъ»:

«Несмотря на блестящее образованіе, онъ не могъ скрыть непреклонной, горячей натуры литовскаго магната; необузданная гордость предковъ плохо прикрывалась смиренной религіозностью и спокойной преданностью волѣ божьей. Онъ былъ фаталистъ и ревностный католикъ. Преслѣдуемая суровыми врагами, вѣра его отцовъ, которые едва осмѣливались вполголоса молиться за свой народъ и скрывали слезы, свободно царила въ сердцѣ графа и окутывала своей священной и грустной библейской поэзіей всѣ его мысли и мечты».

463—13 св. } Вмѣсто «Графъ Ксаверій долженъ былъ
» —16 св. } воспитывался, тогда»:

«У Анатоля не было ни твердой вѣры, ни участія въ какомъ-нибудь общемъ дѣлѣ. Въ Россіи нѣтъ никакого религіознаго воспитанія; за отклоненіе отъ исповѣди ссылаютъ въ Сибирь; скептицизмъ и рабство суть моральныя скалы, между которыми мы развиваемся и бьемся. Теперь введено искусственное, насильное и обязательное преподаваніе закона божія. Но въ то время, когда Анатолю воспитывался въ домѣ своего отца, стараго вольтерьянца, въ Россіи».

463—10 св. } Вмѣсто «Церковь, приложивъ мой
464—10 св. } планъ»:

«Анатолю жадно искалъ какой-нибудь опоры, чтобы выбраться изъ этого

хаотическаго безпорядка, въ который онъ былъ втянутъ своимъ скептицизмомъ; онъ искалъ дѣла, работы, цѣли.

Графъ Ксаверій часто рассказывалъ ему объ одномъ замѣчательномъ человѣкѣ, который считался среди эмигрантовъ почти святымъ. Они искали у него совѣта и утѣшенія. Это былъ престарѣлый монахъ, жившій въ одномъ бельгійскомъ монастырѣ. Когда-то онъ тоже игралъ нѣкоторую роль въ политическомъ мѣрѣ, проливалъ свою кровь вмѣстѣ съ Костюшко, но потомъ онъ обратился къ иному оружію, посвятилъ себя Богу, сталъ монахомъ и занимался теперь, кромѣ молитвъ, собираніемъ лѣтописей.—«Онъ такой человѣкъ», говорилъ Ксаверій, «что разбудить васъ къ новой жизни и дѣятельности. Посѣтите его, если побѣдете въ Парижѣ. Я напишу ему о васъ». Анатолю согласился.

Онъ согласился не потому, что ждалъ отъ монаха чего-нибудь необычнаго, но свободный и готовый ко всему; онъ хотѣлъ узнать этого человѣка, о которомъ Ксаверій такъ много рассказывалъ. Ему даже хотѣлось вступить въ споръ съ фанатикомъ-аскетомъ, съ католическимъ ученымъ, который, конечно, не отличается терпимостью.

Вмѣсто угрюмаго монаха и гордаго теолога въ рефекторіумъ, гдѣ ждалъ Анатолю, вошелъ болѣзненный, худой старикъ съ рѣдкими волосами и нѣжнымъ восковымъ лицомъ. Онъ быстро подошелъ къ Анатолю, схватилъ его за обѣ руки, горячо пожалъ ихъ и сказалъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Я долженъ теперь повторить слова святаго Симеона: нынѣ отпускаеши... Я видѣлъ *русскаго* эмигранта!.. Отъ всей души привѣтствую васъ въ нашемъ кружкѣ. Вы приносите къ намъ радостную вѣсть изъ враждебнаго лагеря, какъ голубь, который прилетѣлъ къ Ною съ масличной вѣткой. Боже мой,—продолжалъ онъ, когда они оба сѣли,—какъ правда всегда побѣждаетъ! Они проклинаютъ побѣду такъ, какъ проклинаютъ поражение: они чувствуютъ, что она ими не заслужена. Имъ воздастся за это. Очень, очень важно, что молодое русское поколѣніе отпадаетъ отъ государя и будетъ отпадать, и такъ должно. Царская власть даруетъ слишкомъ мало любви и теплоты, чтобы надолго привязать къ себѣ народъ, который изъ-за самолюбія отвернулся отъ единственно-вѣрнаго, неразрывнаго братства. Царь—не пастырь, отдающій себя своему стаду, а надменный Люциферъ, который, какъ противоположность Богу, почитается главой церкви. Около его эгоизма и порочнаго ничтожества, въ которое втягиваются души, находящіяся подъ его вліяніемъ, нѣтъ ни свѣта, ни состраданія.

Затѣмъ старикъ освѣдомился о судьбѣ изгнанниковъ, о состояніи Варшавы послѣ штурма. Съ грустью слушалъ онъ объ ужасахъ деспотизма, одержавшаго побѣду, но не сказалъ Анатолю ничего оскорбительнаго, наоборотъ, онъ изумилъ его своимъ тактомъ. Когда разговоръ кончился, старикъ сердечно обнялъ Анатоля и сказалъ со слезами на глазахъ:

— Я ждалъ васъ; уже давно тайлъ я въ душѣ вѣру въ то, что увижу начало возрожденія Россіи. Только внутренній голосъ толкаетъ человѣка на истинный путь, установленный Богомъ со времени сотворенія міра и переданный намъ по наслѣдству. Нѣтъ двухъ дорогъ къ цѣли, который же вѣр-

ный? Путь Распятого, путь мученичества, апостольства, Польши или путь Кайяфы, Иуды, палачей, царя? Можетъ ли еще быть сомнѣніе? Благо вамъ, котораго Господь выбралъ среди первыхъ! Но вы и не послѣдній, это говоритъ мнѣ мое сердце!

Разговоръ со старцемъ какъ-то успокоилъ душу Анатоля. Какъ спокойно и ясно, даже въ своей грусти о родинѣ, шель этотъ человѣкъ навстрѣчу своему концу! Анатолю вспоминалъ мягкое выраженіе его лица, слезы, катившіяся по его щекамъ, горячую вѣру, сверкавшую въ его глазахъ, которые скоро должны будутъ сомкнуться.

Анатолю прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Брюсселѣ.

Онъ довольно часто посѣщалъ монаха въ монастырѣ. Всегда мягкій, спокойный и готовый къ бесѣдѣ, онъ поражалъ Анатоля своими историческими познаніями. Они часто касались религиозныхъ вопросовъ, хотя монахъ никогда самъ не поднималъ ихъ. Его долгая жизнь и огромный опытъ обогатили его такимъ огромнымъ запасомъ фактовъ и наблюденій надъ людьми, что недостатка въ матеріалѣ для бесѣды никогда не было.

Онъ терпѣливо и внимательно выслушивалъ возраженія, обдумывалъ ихъ и старался опровергать совершенно особеннымъ образомъ.

Когда Анатолю говорилъ о своемъ скептицизмѣ и о религиозныхъ сомнѣніяхъ, старецъ не старался убѣждать его, а только говорилъ, что это—великое несчастье. Вѣра, по его словамъ,—высокій даръ, которому нельзя научиться такъ же, какъ нельзя научиться поэзіи; человѣческая душа можетъ достигнуть ея только скромностью и опытомъ, который убѣждаетъ въ ничтожествѣ всего остального. «Наука», говорилъ онъ, «тоже не можетъ объяснить вамъ вашего происхожденія; изъ какой точки вы ни выйдете, Богъ поднимаетъ ее на высоту событія, не подлежащаго вашему суду; передъ лицомъ логики и науки стоитъ матеріальный и духовный міръ; передъ обоими человѣкъ долженъ склоняться, но одинъ давитъ, а другой освобождаетъ. Въ одномъ человѣкъ мучается, въ другомъ онъ заново обрѣтаетъ себя».

Для Анатоля эта система была нова; онъ видѣлъ ясно, что не признавать науку можно совершенно такъ же, какъ и религію, и что борьба идетъ, въ сущности, не между познаніемъ и откровеніемъ, а между сомнѣніемъ и вѣрой. Его характеру и развитію болѣе соотвѣтствовалъ скептицизмъ, но пустота, которую онъ ощущалъ и отъ которой не могъ отдѣлаться, давила его все сильнѣе. Скептицизмъ въ наукѣ привелъ его страннымъ образомъ къ мистицизму, онъ началъ изучать схоластиковъ. Монахъ самъ выбиралъ для него книги.

Посреди этихъ занятій неожиданное событіе потрясло Анатоля.

Онъ долженъ былъ впервые стать отцомъ. Его жена, здоровье которой было разстроено непрерывной грустью и потомъ тревогами военного времени, поправилась за время путешествія. Все шло хорошо, и у нихъ родилась дочь. Анатолю очень радовался, его жизнь получала продолженіе, дѣлалась необходимой, имѣла опредѣленную цѣль. Но радость его скоро омрачилась. Черезъ недѣлю родильница внезапно заболѣла, ея состояніе все ухудшалось, и черезъ три дня она умерла отъ горячки. Въ страшныхъ мученіяхъ она скончалась на рукахъ Анатоля.

Смерть жены тяжело отозвалась на немъ; хотя онъ не далъ ей полнаго счастья, но сильно привязался къ той, съ которой было связано все его прошлое. Она слишкомъ глубоко вплелась въ ткань его жизни. Когда Анатолю, убитый горемъ, безъ слезъ, безъ яснаго сознанія, машинально, не зная зачѣмъ, отошелъ отъ умершей и открылъ дверь спальни, онъ замѣтилъ въ сосѣдней комнатѣ монаха, который читалъ молитвенникъ. Увидѣвъ Анатоля, онъ всталъ, горячо прижалъ его къ груди и сказалъ: «Я пришелъ, чтобы плакать съ тобой и съ тобой молиться». Анатолю, рыдая, положилъ голову на грудь старика.

Это было на утренней зарѣ. Старикъ молился цѣлую ночь. Получивъ извѣстіе объ опасномъ положеніи жены Анатоля, онъ покинулъ монастырь, чтобы утѣшить своего молодого друга.

Жизнь Анатоля стала еще печальнѣе, еще серьезнѣе. Его окружающими были новорожденный ребенокъ въ колыбели и дышавшій на ладанъ старикъ, — и все. Четвертаго не было: Ксаверій давно уже уѣхалъ въ Парижъ.

Старикъ высказалъ желаніе крестить дочь Анатоля; она была крещена по католическому обряду и названа Вероникой.

Мѣсяца черезъ три Анатолю тоже перешелъ въ католическую вѣру. Монахъ былъ на вершинѣ счастья. Но Анатолю не остановился на этомъ, онъ попросилъ зачислить его въ братство Христа. Монахъ поздравилъ его съ этимъ рѣшеніемъ, но посоветовалъ не дѣйствовать поспѣшно, а подождать и испытать себя. Онъ познакомилъ Анатоля съ настоятелемъ іезуитскаго монастыря, молодымъ монахомъ, холоднымъ фанатикомъ въ родѣ Сень-Жюста; онъ былъ такого же мнѣнія.

Настоятель сказалъ Анатолю, что онъ принимаетъ его обѣтъ подъ условіемъ, чтобы обѣтъ этотъ не связывалъ его навсегда, и что окончательно онъ приметъ его только черезъ полгода. «Вернитесь въ міръ», говорилъ онъ, «испытайте на себѣ еще разъ жизнь большихъ городовъ и мірскіе интересы, и если опять почувствуете влеченіе къ нимъ, если вамъ тяжело будетъ отъ нихъ отказываться, то лучше не вступайте въ первые ряды церкви, — наша служба тяжела, она требуетъ полной преданности; кто идетъ съ нами, долженъ отказаться отъ всего, даже отъ собственной воли». Анатолю возражалъ, но настоятель былъ неумолимъ.

Полгода Анатолю скитался по свѣту и почувствовалъ еще большее отвращеніе къ нему. Это было въ то время, когда Людовикъ-Филиппъ и его сограждане торжествовали побѣду надъ *вредными страстями*, когда въ Ліонѣ, въ Клауטרѣ, въ Сень-Мери лилась кровь, и Бюго вооружался для похода въ Транснонинскую улицу, чтобы узнать о беременности берійской герцогини.

Анатолю еще рѣшительнѣе вернулся къ настоятелю и былъ принятъ.

Новые братья сейчасъ же отыскали банкира, который взялъ на себя продажу столыгинскаго имѣнія, и получилъ отъ Столыгина вексель. Большую часть имѣнія онъ подарилъ братству, а остальное завѣщалъ своей дочери.

Съ ревностью новообращеннаго и съ полной преданностью челоуѣка, который долго стремился къ опредѣленной цѣли и къ внѣшнему поощренію,

выносили Анатолю первые мѣсяцы тяжелаго испытанія; они показались ему даже легкими.

Физическая обязательная, періодическая работа представляетъ для больной души почти такое же разсѣяніе и лѣченіе, какъ тѣлесныя страданія. Всѣ католическіе журналы въ Бельгіи и во Франціи были полны сообщеніями объ обращеніи «русскаго дворянина», о его испытаніи и принятіи въ орденъ подъ именемъ брата Вячеслава. Святой отецъ послалъ ему благословеніе, а Ротганъ—письмо.

Когда Анатолю успокоился, когда жизнь его не давала ему ничего новаго, и братья привыкли къ нему, относясь, какъ къ равному, онъ почувствовалъ въ глубинѣ души еще большую пустоту, чѣмъ прежде. Новая вѣра покинула его, прежній хорошо знакомый ему скептицизмъ вернулся; онъ искалъ спасенія въ молитвѣ, въ исполненіи церковныхъ повинностей,—но напрасно; молитвы застывали на устахъ, обряды казались бессмысленными механическими повтореніями, которыя только тѣснили и разумъ, и сердце.

Этотъ новый, такъ много обѣщавшій міръ,—суровый, гармоническій въ своемъ единствѣ и въ своей іерархіи, ниспосылающій міръ въ душу, который такъ властно призывалъ къ себѣ Анатоля, показался ему теперь, когда онъ стоялъ за кулисами, совсѣмъ инымъ. Онъ нашелъ тотъ же прежній міръ со всѣми его страстями, только въ иномъ образѣ, менѣе открытый, задернутый покрываломъ преданности и суровости.

Онъ погибалъ, но ни одно слово не срывалось съ его устъ. Онъ самъ себя ненавидѣлъ за свои колебанія и хотѣлъ покорить и волю, и разумъ; онъ готовъ былъ лучше вынести все, что угодно, чѣмъ измѣнить недавно произнесенному обѣту. Онъ сталъ молчаливымъ, мрачнымъ, похудѣлъ, избѣгалъ людей, но строго исполнялъ всѣ обязанности своего положенія.

Испытующее око настоятеля скоро замѣтило странную робость и сосредоточенность Вячеслава. Онъ понялъ его внутреннюю борьбу и окружилъ его шпіонами. Но поведеніе, слова и вся внѣшность Вячеслава были выше упрековъ: онъ былъ безконечно послушенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, во всемъ его существѣ для истинно-вѣрующаго было что-то опасное, что-то внушающее страхъ. Это казалось настоятелю столь важнымъ, что онъ представилъ его, въ качествѣ доказательства, Ротгану.

Черезъ мѣсяць настоятель приказалъ позвать Вячеслава къ себѣ и, подавая ему письмо, сказалъ торжественнымъ и радостнымъ тономъ:

«Ваша жизнь и ваше усердіе нашли себѣ признаніе у нашего отца; я отъ всего сердца радуюсь, что его выборъ палъ на васъ».

Вячеславъ развернулъ письмо, въ которомъ генераль ордена назначалъ его миссіонеромъ въ Монтевидео.

— Я готовъ,—покорно отвѣчалъ Вячеславъ.

— Я былъ увѣренъ въ этомъ,—сказалъ настоятель, опустивъ глаза.

Съ первымъ же пароходомъ потомокъ Степана Степановича и Михаила Степановича, помѣщикъ Звенигородскаго и Московскаго уѣздовъ и владѣтель дома на Яузѣ отправился въ Монтевидео проповѣдывать религію, въ которую самъ не вѣрилъ.

Въ качествѣ исключительной, безпримѣрной милости орденъ разрѣшилъ ему взять съ собою дочь, при чемъ Вячеславъ удовлетворился третьей частью назначеннаго ему жалованья.

Съ тѣхъ поръ ничего больше не слышно было о Столыгинѣ, а въ монастырѣ говорили, что онъ свято исполняетъ свой долгъ.

Вотъ и все, милый Вольфсонъ, что осталось у меня въ памяти о планѣ повѣсти, занимавшей меня почти два года.

Позже, можетъ быть, при иныхъ обстоятельствахъ, я попробую, если не вполнѣ, то хоть частью ее обработать, но не теперь.

Отрывокъ, который я Вамъ посылаю, имѣетъ для меня особенную цѣнность.

Осенью 1847 года я читалъ его въ Парижѣ нашему славному другу, Бѣлинскому. Онъ былъ боленъ; чахотка, изнурявшая его грудь, уже положила тогда печать близкой смерти на его лицо. Это было передъ его и моимъ отъѣздомъ: онъ собирался въ Петербургъ, а я — въ Римъ. Какъ-то вечеромъ я прочиталъ Бѣлинскому, который лежалъ на кушеткѣ, начало этой повѣсти. По другую сторону стола въ большомъ креслѣ сидѣлъ высокій молодой человѣкъ, наклонившись, съ грустнымъ лицомъ, на которомъ было выраженіе необыкновенной силы и смѣлости ума; онъ вертѣлъ папирску и улыбался, — это былъ Бакунинъ. Нашъ больной былъ возбужденъ, говорилъ энергично, съ увлеченіемъ, какъ рѣдко говорилъ въ послѣднее время.

Всего хорошаго. Жму вашу руку.

Александръ Герценъ.

Ницца, 13 октября 1851.

Вариантъ по изданію 1854 г.

459—16 сн. Въмѣсто всего конца, начиная со словъ «Какъ писалъ Анатоль»:

«...Новое, страшное столкновеніе съ долгомъ ожидало Анатоля во время Польской войны. Разумѣется, всѣ его симпатіи были за героическихъ поляковъ, но какъ-же было итти въ отставку во время войны? Послѣ всѣхъ ужасовъ усмиренія Варшавы Анатоль воротился въ Москву, но русская жизнь опостылѣла ему. Безъ цѣли, безъ плана отправился и онъ, какъ всѣ мы, бродить по Европѣ.

Когда Европу досмотришь, въ ней дѣлается невыносимо скучно безъ особаго занятія. Анатоль начиналъ чувствовать страшную пустоту, какъ вдругъ неожиданная встрѣча оживила его. Молодой польскій выходецъ, израненный при взятіи Варшавы, лѣчился на тѣхъ же водахъ, на которыхъ жилъ здоровый Анатоль. Сначала полякъ будировалъ русскаго офицера, потомъ они сблизились, потомъ сдѣлались неразрывны.

Въ этой встрѣчѣ мнѣ хотѣлось представить нашу русскую натуру, широкую, но распущенную, многостороннюю, но неустоявшуюся въ соприкосновеніи съ натурой польской, опредѣленной, испытанной, односторонней, не

идущей впередъ, но твердо стоящей на своей почвѣ. У Анатоля были прекрасныя стремленія, но они больше опредѣлялись отрицательно и никогда не приходили въ ясность. У поляка во внутренней жизни все было кончено, рѣшено, онъ шелъ своимъ путемъ, не возвращаясь къ точкѣ отправленія, не подвергая всякій шагъ безпрерывной критикѣ, не пытая его сомнѣніемъ. Въ его образѣ мыслей была очевидная непослѣдовательность, переломъ, но это не уменьшало его энергической дѣятельности, и главное—не мѣшало ему. Онъ былъ католикъ и революціонеръ, аристократъ и бунтовщикъ. Отважный, твердый, фанатикъ чести, надежный заговорщикъ, онъ былъ безхитростенъ и беззаботенъ, какъ дитя; такъ что жизнь его, при всей тяжести его положенія, шла легче, стройнѣе, нежели жизнь Анатоля, у котораго не было никакого внѣшняго несчастья.

Полякъ совершенно овладѣлъ Анатодемъ. Черезъ годъ онъ сдѣлался католикомъ, черезъ два—іезуитомъ. Жена его умерла.

Со дня официальнаго принятія въ братство Иисуса, старый скептицизмъ проснулся въ душѣ Анатоля. Мрачный, исхудалый, задавленный горькимъ сознаниемъ страшной ошибки, монахъ Столыгинъ исполнялъ, какъ автоматъ, свои обязанности, скрывая отъ всѣхъ внутреннюю борьбу и страданія.

Инквизиторскій глазъ настоятеля ихъ разглядѣлъ. Боясь будущаго, онъ выхлопоталъ отъ Ротгана почетную миссію для Столыгина въ Монте-видео. И наслѣдникъ Степана Степановича и Михаила Степановича, обладатель помѣстій въ Можайскомъ и Рузскомъ уѣздахъ, отправился на первомъ кораблѣ за океанъ, проповѣдывать религію, въ которую не вѣрилъ, и вѣроятно, умереть отъ желтой лихорадки. Вотъ и все.

Ницца, осенью 1851».

721. Напечатано въ книгѣ «Прерванные рассказы», изд. 1-е—1854 г., изд. 2-е—1857 г.; въ нѣмецкомъ изданіи «Unterbrochene Erzählungen», Aus dem Russischen übersetzt von M. v. Meysenbug, Hamburg, 1858, въ III т. Жен. и въ I т. Спб. изд. Подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по 2-му изданію.

722. Напечатано въ книгѣ «Прерванные рассказы», Лондонъ, 1854 г., во 2-мъ изданіи 1857 г., въ нѣмецкомъ переводѣ, во французскомъ переводѣ: «Oeuvres de A. Herzen. Recits et nouvelles», Paris, 1869, въ IV т. Жен. и неисправно и съ купюрами въ I т. Спб. изд. Подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по изд. 1857 г.

Опечатки и дополненія.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
12	14 сн.	Bonüils № 576 долженъ быть передъ № 578 » » »	Bonfils № 573. № 577.
55	2 сн.	Моте	Мотэ
—	1 сн.	Адельгейда	Адельгейда Меассалеръ
60	16 св.	Козенцо	Козенцъ
61	2 св.	(10	(до 10
91	9 сн.	Іюль	Начало іюля
115	2 сн.	Герценъ	Гаугъ
125	18 св.	Очевидно,	(вычеркнуть)
—	19 св.	Прудону	Прудону не
—	20—21 св.	такъ столицѣ.	и по дорогѣ въ Лондонъ онъ заѣзжалъ туда тай- комъ.
126	1 сн.	?	Героиня «Графа Нулина».
140	2 сн.	Биксъ	Бигсъ
142	17 сн.	Биксъ	Бигсъ
143	5 сн.	Леве	Леве ¹⁾ ,
			¹⁾ Вильгельмъ Леве фонъ- Кальбе, членъ франкфурт- скаго парламента 1848 г., эмигрантъ, въ Лондонѣ пользовался замѣтнымъ положеніемъ, которымъ обязанъ своему большому уму и безупречной поли- тической репутаци.
145	2 св.	(Октябрь № 603 долженъ быть передъ № 609 » » »	(26 октября № 607. № 608.

154	11 св.	(Октябрь	(31 октября
159	Между 3 и 2 стр. снизу вставить: Приѣзжайте же къ намъ... Мы ждемъ васъ съ распростертыми объятіями и съ откры- тымъ сердцемъ.		
198	2 сн.	Побрейса	«cheer, cheer French gentel- mens»—Да здравствуетъ
207	13 сн.	Stasnfiled	Stansfield
—	12 сн.	Askarst	Ashurst
—	2 сн.	Ж.-Г.	Ж.-Т.
221	8 св.	Брюнингъ.	Брюнингъ ¹⁾ .
			¹⁾ Урожденная Ливенъ; вый- дя замужъ, выѣхала изъ Лифляндіи въ Германію, гдѣ примкнула къ демо- кратическому движенію; заподозрѣнная тамъ въ содѣйствіи побѣгу Кин- келя, должна была эми- грировать въ Англію.
246	16 св.	іюня	іюля
287	4 сн.	Лено	Зено
293	17 сн.	(Рейхенбаха	(Рейхенбаха ⁵⁾ .
			⁵⁾ Графъ Оскаръ, нѣмецкій аристократъ, эмигриро- валъ въ 1848 г., выдавался умомъ и образованностью
297	6 сн.	Neuhesus	Neuhems
305	8 сн.	Michel	Michael
306	3 сн.	Такое сочиненіе не- извѣстно	См. ч. V «Былого и думъ», «Западные арабески», те- традь первая.
308	2 св.	27	26
309	11 сн.	27	26
314	12 св.	С.-Франциско	С.-Франциско ²⁾
			²⁾ М. Л. Огарева умерла 9 апрѣля 1853 г. въ Па- рижѣ.
330	20 сн.	Люцерна	Люцерна ²⁾ ²⁾ № 590.
331	3 сн.	673	672
—	2 сн.	672	673
350	7 св.	Castéva	Castéra
374	20 св.	Кастевы	Кастера
393	12 св.	Рибейроль	Рибероль
405	2 сн.	Гартманъ.	Гартманъ или Рейхель.

№ 618 bis. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(1852)

Узнала ли ты Сезарину ¹⁾, когда она къ тебѣ пришла? выросла ли она еще? Она можетъ Марихенъ носить на рукахъ вмѣстѣ съ Оленькой.

Къ № 643.

М. Мейзенбургъ описываетъ одну изъ бесѣдъ Герцена съ Маццини и Саффи: «Въ этотъ вечеръ я мало говорила съ Маццини, но слушала съ живѣйшимъ интересомъ его споръ съ Герценомъ и Саффи, въ которомъ онъ рѣзко нападалъ на скептицизмъ, довольствующійся отрицаніемъ. Герценъ, со всею силой своей діалектики, приводилъ ему примѣры безчисленныхъ поражений революціонеровъ и ту неспособность, которую только-что такъ явно обнаружила демократическая партія. Саффи находилъ, что все это вѣрно. Маццини очевидно, былъ очень чувствителенъ къ тому, что этотъ молодой чел. вѣкъ, его коллега, по римскому триумvirату, его вчерашній ученикъ, его другъ, осмѣливался выступать противъ него и становиться на сторону Герцена; послѣдній же утверждалъ, что въ настоящее время ничего нельзя дѣлать, кромѣ протеста противъ существующаго положенія вещей и стараго міра въ его устарѣлыхъ политическихъ, религіозныхъ и соціальныхъ формахъ. Маццини, напротивъ, былъ убѣжденъ, что чистое отрицаніе есть принципъ деморализующій, и нѣсколько разъ повторилъ, что не сталъ бы дорожить Италіей, если бы она искала только своего величія и матеріальнаго благосостоянія. Борьбу стоило вести, какъ ему казалось, только въ томъ случаѣ, если Италия выполняла бы великую цивилизаторскую миссію и въ то же время становилась и сама благороднѣе, нравственнѣе, болѣе проникнутою чувствомъ долга («Новый Журналъ Литературы, Искусства и Науки», 1905 г., X, 150—151).

№ 674 bis. Письмо къ М. К. Рейхель.

(1853).

Тата очень хорошо прочитала сразу ваше письмо, это—большой успѣхъ. Письмо она начерно написала сама.

¹⁾ Дѣвушка, жившая въ домѣ Герценовъ еще въ Ниццѣ.

Исключенія, сдѣланныя при печатаніи до революціи.

(Напечатано съ одной стороны, чтобы желающіе могли вырѣзать и вклеить на соотвѣтствующія страницы).

188	1 сн.	великихъ
189	6 св.	Николая
—	7 св.	дьявольскаго
192	8 св.	Николая
198	11 сн.	Николай Павловичъ
249	10 сн.	царь
—	6 сн.	ко мнѣ
—	4 сн.	самодержавія
—	3 сн.	царской
250	3 св.	царь
—	12 сн.	Николаемъ Павловичемъ
251	2 сн.	царей
252	6 св.	Зимняго дворца
—	7 св.	царская
253	11 сн.	Царь
—	10 сн.	его
254	2 св.	царь
—	9 св.	царь
—	10 св.	его
—	13 св.	царской
—	21 св.	Николай Павловичъ и его дѣти
255	7 сн.	ложь
—	6 сн.	Лицемѣрную ложь
—	5 сн.	грубую
256	3 св.	палачей

256	6 сн.	царь
257	2 св.	царя
—	6 св.	царскаго
—	19 сн.	царскаго
—	18 сн.	его
258	12 св.	царскимъ
—	14 сн.	дома Романовыхъ
260	17 св.	христіанъ
264	15 сн.	престолу
265	17 св.	шли Николаю
—	22 св.	русскаго императора
271	11 сн.	бьетъ камнемъ по лбу
272	14 сн.	<i>самодержавіе</i>
273	1 св.	бълаго царя
274	3 св.	Петра III и Павла I
278	12 сн.	любовника
—	8 сн.	ночи
279	13 сн.	царей
—	—	императоровъ
281	10 сн.	императорство
—	9 сн.	императоръ Николай
282	14 св.	императоры
—	20 св.	наложниковъ
283	14—15 св.	нимфоманіей, запятнанная
—	16 св.	любовникамъ
284	19 св.	премудрому царю, который
303	21 св.	Nicholas
304	16 сн.	Николая
344	13 сн.	the ruling house of Romanoff,
—	10 сн.	the absolute, radical incapacity
345	2 св.	the Government
—	—	crimes
—	4 св.	terrorist
—	7 св.	the Government.
347	5 св.	Panautacracy,
349	14 сн.	Tzars,
—	—	Emperors,
—	3. сн.	of Romanoff

350	13 св.	ignoble
355	23 сн.	mars all.
—	6 сн.	Caesarism
—	3 сн.	imperial
—	1 сн.	the schismatic Emperor.
356	15 сн.	Emperors
—	12 сн.	of the Throne
—	8 сн.	those maie concubines
357	20 сн.	by lusts
—	19 сн.	Babylonian orgies.
358	22 св.	The Emperor
—	26 св.	of his master
—	7 сн.	the Emperor Nicolas
367	7 сн.	царствующій домъ Романовыхъ
—	5 сн.	полная бездарность
368	9 св.	правительство
—	11 св.	преступлений.
—	11—12 св.	террористическихъ
—	15 св.	правительствомъ его
370	7 сн.	самодержавіе
373	5 сн.	цари
—	—	императоры
374	11 св.	Романовыхъ
—	16 сн.	подлomu
380	8 сн.	все разстраиваетъ
381	14 св.	цезаризмъ
—	17 св.	императорская
—	20 св.	императора-схизматика
—	4 сн.	императорская
382	13 св.	императоры
—	17 св.	престола
—	21 св.	наложниковъ
383	13 св.	похотливостью,
—	15 св.	вавилонскихъ оргій
384	22 сн.	Императоръ
—	17 сн.	своего державнаго хозяина
—	5 сн.	императоръ Николаѣ I,
385	6 св.	нелѣпостью

387	11 св.	въ этой семьѣ неисправимыхъ самодерж- цевъ
—	4 сн.	постыдное
394	9 св.	Ник. Павл.
396	6 св.	царя
—	7 св.	передъ Далай Ламой въ ботфортахъ
397	14 св.	императоръ Николай
—	17 сн.	его
—	15 сн.	у него умъ зашелъ за разумъ, и
—	7 сн.	онъ
—	6 сн.	его
—	—	онъ
—	3 сн.	императорская
398	1 св.	императорство
—	4 св.	диктатура
—	8 св.	Императорство
—	10 св.	удушающее царствованіе
—	9—8 сн.	былъ убитъ. Его мать, добрая и пустая нѣмка
—	6 сн.	Константинъ
399	6 св.	безумное
—	9 св.	печальное
—	14 св.	мучиль
—	7 сн.	его предшественниковъ
400	9—10 св.	своему петербургскому товарищу
455	8 сн.	грязь
—	7 сн.	трона
—	1 сн.	царское
456	4 св.	произведенная Орловыми въ чинъ
—	6 св.	куртизанки
—	8 св.	<i>тѣломъ.</i>
—	14 сн.	сладострастнаго
—	14—13 сн.	серая
—	10 сн.	бенгальскій тигръ
457	4 св.	бредъ
—	7 св.	коронованный Квазимодо
—	11—12 св.	безсмысленный
459	9—17 св.	У отца была бѣлая горячка самовластья,

delirium tyranorum, у сына она перешла въ хроническую fièvre lente. Павелъ душилъ изъ всѣхъ силъ Россію и въ четыре года свернулъ шею—не Россіи, а себѣ. Николай затягиваетъ узелъ исподволь, неторопясь: сегодня нѣсколько русскихъ въ рудники, завтра нѣсколько поляковъ, сегодня нѣтъ заграничныхъ пассовъ, завтра закрыты двѣ-три школы... Двадцать седьмой годъ трудится его величество, воздуху намъ недостаетъ, дышать трудно, а онъ все затягиваетъ и до сихъ поръ, слава Богу, здоровъ.

460 11 св. слугой деспотизма
 461 10 сн. кисточкой

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича.

Петроградъ, Вас. остр., 5 лин., собств. д. 28.